

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

1(47)'2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(47)'2014

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2014

УДК 09.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуаньчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – Вып. 1 (47). – 293 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта №14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(47)'2014

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yan Ke, Ph.D., Prof. (Guanchzhou, China)

Ekaterinburg 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

ДИСКУССИИ

Руссо М. М. Москва, Россия	Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира»	12
--------------------------------------	--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н. Москва, Россия	Политика и лингвистика: «В слове русском Бог»	25
Балашова Л. В. Саратов, Россия	Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в.	40
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Интерпретативные потенции текста политического выступления	51
Ильясова С. В. Ростов-на-Дону, Россия	Игровые способы и приемы выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ	60
Карасик В. И. Волгоград, Россия	Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира	65
Колмогорова А. В. Красноярск, Россия	Конкуренция и конфликт сложных концептов <i>гордость</i> и <i>стыд</i> как когнитивный базис стратегии дискредитации в современной политической коммуникации	76
Морозова О. Н. Скворцова А. В. Пушкин, Россия	Специфика объективации категории оценочности в современном английском политическом интернет-дискурсе (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании)	84
Мустайоки А. Хельсинки, Финляндия Стексова Т. И. Новосибирск, Россия	Образ модернизации в языковом сознании носителей русского языка (по данным СМИ)	89
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Диффузия языка и культуры как когнитивный механизм постижения чужого мира	98
Скиперских А. В. Елец, Россия	Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России	108
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Поступок Эдварда Сноудена и его метафорические последствия в американской графике	114

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Амиров В. М. Екатеринбург, Россия	Новые тенденции в освещении актов терроризма российскими печатными СМИ	128
Антонова Т. Г. Томск, Россия	Метафорическая интерпретация участников социального конфликта в медиадискурсе	131

Баскаева Е. В. Беслан, Россия	Некоторые особенности политического дискурса Джохара Дудаева136
Галепа М. А. Новочеркасск, Россия	Парламентская журналистика: идеологизированный дискурс в композиционной схеме контекста140
Дарвиш Рихаб эль-Хусейни Ибрагим Ваиль Фахим Каир, Египет	Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе144
Зверев А. И. Москва, Россия	Сопоставительное исследование метафорического употребления лексем «скоморох» и «шут» в современном российском политическом дискурсе149
Керимов Р. Д. Федянина Л. И. Кемерово, Россия	Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ157
Князев К. Е. Иваново, Россия	Советские идеологемы во внутригородском языковом пространстве (на примере урбонимов г. Иваново)171
Копцева В. А. Павлодар, Казахстан	Политический меморандум как речевой жанр175
Павлова Т. Н. Одесса, Украина	Роль спичрайтера в формировании языковой личности политического лидера181
Семкин М. А. Рязань, Россия	Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.)186
Столяров А. А. Москва, Россия	Зарубежные пиар-стратегии в предвыборной практике российской оппозиции191
Трифонов Р. А. Харьков, Украина	Вербальные элементы политического дискурса как объекты метаязыковой рефлексии в современной украинской публицистике200
Шалацкий Д. Л. Киев, Украина	Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе205
Шимкевич Н. В. Екатеринбург, Россия	Внутренняя политика государства как фактор формирования эргонимии211

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Буряковская В. А. Волгоград, Россия	Противостоит ли этническая культура массовой?217
Горчева М. Кырджали, Болгария	У Одесской лестницы: русский канон в цитатной стратегии популярной болгарской литературы221
Едалина А. А. Новороссийск, Россия Екатеринбург, Россия	Лексика со значением расточительности в русском языке: к проблеме национального характера229

Камышева О. С. Шадринск, Россия	Социум и музыкант: границы соприкосновения в русской и американской метафорических картинах мира XX века236
Пелех П. Сосновец, Польша	Интерпретация современной действительности в польском фильме и российском ремейке240
Черняк В. Д. Санкт-Петербург, Россия	
Пронин П. А. Саратов, Россия	Поле фразеологизмов «Семья» в современном политическом дискурсе244
Сурикова О. Д. Екатеринбург, Россия	Слова <i>безбожник</i> и <i>беззаветный</i> в диахронии русского дискурса249

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Злоказов К. В. Екатеринбург, Россия	Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки264
Хижняк С. П. Саратов, Россия	Роль политики и идеологии в истории формирования русской юридической терминологии272

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Юзефович Н. Г. Хабаровск, Россия	Идеологизированный субстрат номинаций <i>счастье</i> и <i>тоска</i> в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик278
Фицпатрик Ш. Чикаго, США <i>Пер. с англ. Н. Г. Юзефович</i>	<i>Счастье</i> и <i>тоска</i> : исторический очерк о выражении эмоций в предвоенной России (фрагменты)283
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»288	

CONTENTS

Editorial principles of the journal "Political Linguistics"	10
--	----

DISCUSSIONS

Russo M. M. Moscow, Russia	Neohumboldtism in linguistics and the framework of "Linguistic model of the world"	12
--------------------------------------	---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N. Moscow, Russia	Politics & linguistics: «The word of Russian is with God»	25
Balashova L. V. Saratov, Russia	Implementation of the concepts "Friend or foe" in Russian political discourse in the beginning of XXI century	40
Vasiliev A. D. Krasnoyarsk, Russia	The interpretative potential of the text of political speech	51
Ilyasova S. V. Rostov-on-Don, Russia	Playful ways and means of the social evaluation expression in the language of the modern mass media	60
Karasik V. I. Volgograd, Russia	Axiogenic situation as an evaluative world mapping unit	65
Kolmogorova A. V. Krasnoyarsk, Russia	Concurrence and conflict of compound concepts <i>Pride</i> and <i>Shame</i> as a cognitive basis for discredit strategy in political communication	76
Morozova O. N. Skvortsova A. V. Pushkin, Russia	Specific features of objectivation of the category of estimation in modern English political discourse in Internet (based on personal sites of members of the British Parliament)	84
Mustajoki A. Helsinki, Finland Steksova T. I. Novosibirsk, Russia	The image of modernization in linguistic consciousness of Russians (on the basis of mass media)	89
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Diffusion of language and culture as a cognitive mechanism of comprehension of the other's world	98
Skiperskikh A. V. Elets, Russia	Surface of protest: political letter in modern Russia	108
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Edward Snowden & his decision in metaphors of American political cartoon	114

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Amirov V. M. Ekaterinburg, Russia	New tendencies in the coverage of terrorism acts in Russian print media	128
Antonova T. G. Tomsk, Russia	Social conflict participants metaphorical interpretation in media discourse	131

Baskaeva E. V. Beslan, Russia	Some characteristics of the political discourse of Dzhokhar Dudayev	136
Galepa M. A. Novocherkassk, Russia	Parliamentary journalism: the ideologized discourse in the composite scheme of the context	140
Darweesh Rehab Elhossieny Ibrahim Wael Fahim Cairo, Egypt	Precedent names with sphere-source «Politics» in Russian and Egyptian press	144
Zverev A. I. Moscow, Russia	Comparative analysis of metaphorical use of the lexemes “Skomorokh” and “Jester” in modern Russian political discourse	149
Kerimov R. D. Fedyanina L. I. Kemerovo, Russia	Metaphorical actualization of the frame “Economy” in the German socio-political communication	157
Knyazev K. E. Ivanovo, Russia	Soviet ideologems in the urban linguistic space (on the example of urbonyms of Ivanovo)	171
Koptseva V. A. Pavlodar, Kazakhstan	Political memorandum as a speech genre	175
Pavlova T. N. Odessa, Ukraine	Speechwriter’s role in formation of a political leader linguistic personality	181
Semkin M. A. Ryazan, Russia	Confrontational electoral rhetoric: communicative strategies and speech tactics (on the Material of the Third US Presidential Debate 2012)	186
Stolyarov A. A. Moscow, Russia	Western PR-strategies in PR-practice of Russian opposition	191
Tryfonov R. A. Kharkiv, Ukraine	Verbal elements of political discourse as objects of metalingual reflection in contemporary Ukrainian publicistics	200
Shalatskiy D. L. Kiev, Ukraine	Direct and indirect tactics of the reproach speech strategy in political discourse	205
Shimkevich N. V. Ekaterinburg, Russia	Domestic policy of a country as a factor of creation of ergonomics	211

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Buryakovskaya V. A. Volgograd, Russia	Is authentic folk culture opposed to mass culture?	217
Gorcheva M. Kardzhali, Bulgaria	At Odessa stairs: Russian canon in citation strategy in popular Bulgarian literature	221
Edalina A. A. Novorossiysk, Russia Ekaterinburg, Russia	Words with the meaning of wastefulness in the Russian language: to the problem of national character	229

Kamysheva O. S. Shadrinsk, Russia	Society and a musician: contact sides in the Russian and American metaphorical world pictures of the XX th century.....	236
Pielech P. Sosnowiec, Poland	Interpretation of contemporary reality in the Polish film and Russian remake	240
Chernyak V. D. St. Petersburg, Russia		
Pronin P. A. Saratov, Russia	The field of phraseological units «Family» in the modern political discourse	244
Surikova O. D. Ekaterinburg, Russia	The words “безбожник” and “беззаветный” in the diachrony of the Russian discourse	249

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Zlokazov K. V. Ekaterinburg, Russia	Perception of extremist text by subjects with different levels of destructive attitude	264
Khizhnyak S. P. Saratov, Russia	The role of politics and ideology in the history of Russian legal terminology.....	272

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Yuzefovich N. G. Khabarovsk, Russia	Sheila Fitzpatrick on the ideological substratum of such names of emotions as <i>happiness</i> and <i>toska</i> in pre-war Russia.....	278
Fitzpatrick S. Chicago, USA	<i>Happiness and toska:</i> an essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia	283
	<i>Translated from English by N. G. Yuzefovich</i>	

Manuscripts requirements	288
--------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим

взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неформальные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования»

мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

ДИСКУССИИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

М. М. Руссо М. М. Russo
Москва, Россия Moscow, Russia

НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

И РАМКИ «ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА»

Аннотация. Рассматривается понятие «языковая картина мира», делается попытка определения границ его применимости. Приводятся примеры использования семантических переходов в качестве инструмента при описании языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира; лексическая типология; гипотеза лингвистической относительности; семантические переходы.

Сведения об авторе: Руссо Максим Михайлович, Институт языкознания РАН.

Место работы: редактор отдела науки интернет-портала «Polit.ru».

Контактная информация: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, к. 50.
e-mail: maks.rousseau@gmail.com.

NEOHUMBOLDTISM

IN LINGUISTICS AND THE FRAMEWORK OF “LINGUISTIC MODEL OF THE WORLD”

Abstract. The paper deals with the term “linguistic model of the world”. We try to define limits of the applicability of this term. Also we show how semantic shifts can be used to describe “linguistic model of the world”.

Key words: linguistic model of the world; lexical typology; linguistic relativity; semantic shifts.

About the author: Russo Maksim Mikhailovich, the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Place of employment: Editor of the Department of Science of the web-site «Polit.ru».

1. ПУТИ «НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

1.1. Языковая картина мира под прицелом критики. В современной лингвистической литературе не сложилось определенного консенсуса относительно термина «языковая картина мира» (далее — ЯКМ). Более того, часто употребление этого выражения вызывает резкую критику. Упомянем лишь самые заметные из появившихся в последние годы острокритических публикаций.

Статью, посвященную работам А. Вежбицкой, опубликовал швейцарский лингвист, профессор Лозаннского университета Патрик Серио [Sériot 2005]. Он обращает внимание на представляющееся ему странным сочетание универсализма (концепция «естественного семантического метаязыка») и гумбольдтианства (идея понимания культуры через посредство ключевых слов) у А. Вежбицкой. П. Серио связывает «неогумбольдтианские» концепции с отжившими идеями эпохи немецкого романтизма и «консервативным мышлением, преобладающим в советской и постсоветской России». А. Вежбицкая ответила на критику П. Серио, утверждая, что она считает неогумбольдтианскую парадигму вполне плодотворной в современной лингвистике [Вежбицкая 2008]. Эта полемика обсуждалась также в следующей публикации: [Аникин, Чудинов 2011].

Резкой критике концепция ЯКМ подверглась в статье А. В. Павловой и М. В. Без-

родного, вышедшей в 2010 г. в журнале «Toronto Slavic Quarterly» [Pavlova, Bezrodnyj 2010]. Позднее появился вариант этой статьи на русском языке [Павлова, Безродный 2010a], а ее доработанный вариант был опубликован в отечественном журнале «Политическая лингвистика» [Павлова, Безродный 2011]. За публикацией последовала полемика с А. Д. Шмелёвым [Шмелев 2010; Павлова, Безродный 2010б; Шмелев 2011].

А. В. Павлова и М. В. Безродный связывают изучение ЯКМ с апологией русского языка и идеями, для обозначения которых вводят термин «лингвонарциссизм». Авторы прослеживают историю русского лингвонарциссизма от XVIII в. (дух которого хорошо отражает знаменитая цитата: «...великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» — из М. В. Ломоносова), отмечают лингвонарциссизм как одну из черт советской идеологии, справедливо связывают лингвонарциссизм с любительскими этимологическими штудиями под девизом «все языки произошли из русского» (от этрусков — хитрошек В. К. Тредьяковского до «Новой хронологии» А. Т. Фоменко). А далее совершается неожиданный переход: идея «уподобления языка народу» позволяет авторам приравнять к лингвонарциссическим сначала

воззрения создателей гипотезы лингвистической относительности и автора понятия «языковая картина мира» Лео Вайсгербера, а потом идеи работ А. Вежбицкой и круга российских авторов, пишущих о ЯКМ.

Ряд упреков, которые А. В. Павлова и М. В. Безродный предъявляют авторам «неогумбольдтианских» работ, действительно справедлив: например, «материалом для анализа служат не однородные и представительные по объему речевые массивы, а единичные и предвзято отобранные примеры из разных по типу дискурса и времени возникновения источников», многие из цитируемых ими работ российских авторов и в самом деле наполнены малообоснованными рассуждениями о русском национальном характере. Однако в итоге делается вывод о полной ненаучности понятия ЯКМ и любых исследований в русле «неогумбольдтианства». Статья А. В. Павловой и М. В. Безродного была бы очень полезной, ее можно назвать даже необходимой ввиду потока работ, злоупотребляющих терминами «ментальность», «концепт», «языковая картина мира», который захлестнул сейчас российскую науку. Но, увы, признавать какую-либо научную ценность хоть за какими-нибудь работами о ЯКМ А. В. Павлова и М. В. Безродный не намерены. К тому же сама критическая статья написана не в научном, а в лучшем случае публицистическом или даже «фельетонном» стиле, не подразумевающим возможности серьезной дискуссии.

Надо действительно признать, что порой рассуждения о связи языка с мышлением и национальной психологией, проникающие в прессу, выглядят натянутыми. Особенно часто авторы неоправданно устанавливают прямую связь между этимологической внутренней формой слов (как правило, не осознающейся говорящими) и особенностями национального менталитета. Можно привести пример из статьи в авторитетном научно-популярном журнале [Вешняковская 2012]: «Слова „жена“ и „женщина“ восходят к общеевропейскому корню *gēn* со значением „род“, „порождать“. Английское же *woman* происходит из стянутых в одно древнегерманских слов *wif* — женщина и *man* — человек (изначально это слово относилось к обоим полам), то есть буквально *woman* — это „человек женского рода“, а „женщина“ — „родительница“. Неудивительно, что в русскоязычном сознании женщина — это „прежде всего мать“, а в англоязычном — партнерша, *significant other* („значимый другой“), и мать Иисуса Христа мы называем Богородицей, а Запад — Девой Марией. Неудивительно также, что и законодательные нормы,

защищавшие имущественные права „женщины-человека“, появились уже в англосаксонский период (V—XI века)».

При этом совершенно игнорируются не соответствующие общей концепции факты: употребления слова *deva* (греч. *παρθένος*) по отношению к Богородице в православии (например, в «Богородице Дево, радуйся») и слова *mater* в католичестве (например, в сиквенции «*Stabat Mater dolorosa*» и антифоне «*Alma Redemptoris Mater*»), да и тот факт, что с имущественными правами английских женщин даже в Викторианскую эпоху дело обстоит не столь уж радужно (так называемые «*Married Women's Property Acts*», защищающие имущество замужней женщины от мужа и его кредиторов, в США и Великобритании начали приниматься лишь с 1840-х гг. [Braukman et al. 2000; Brinjikji]).

Подобных рассуждений в современной российской прессе довольно много. Но приравнивать к ним любые работы лингвистов, посвященные ЯКМ, это всё равно что сравнивать многочисленные ныне псевдонаучные публикации с заголовками вроде «Арийские корни Руси», «Славянские веды», «Древняя ведическая Русь основа сущего» с работами санскритологов и специалистов по сравнительно-историческому языкознанию индоевропейской семьи языков.

Более конструктивные критики «неогумбольдтианства» не отрицают в целом наличия специфических ЯКМ в различных языках. Если судить по очерку, данному В. М. Алпатовым, для Японии идеи «лингвонарциссизма» еще более характерны, чем для России. Они нашли свое воплощение в особом направлении общественной мысли — *nihonjinron* ‘учение о японцах’, в котором «откровенное мифотворчество соседствует с интересными фактами, а иногда и с разумными наблюдениями» [Алпатов 2008: 30]. Особо в *nihonjinron* подчеркивается идея уникальности японского языка. Давая взвешенную и в большинстве случаев скептическую оценку работам, принадлежащим к *nihonjinron* [Там же: 43—55], и отмечая ряд ошибок в интерпретации фактов японского языка А. Вежбицкой [Там же: 58], В. М. Алпатов не отрицает саму идею различия ЯКМ в разных языках и в особом разделе книги приводит ряд примеров, относящихся к использованию ономастической лексики, шкалы цветообозначений, лексики животного мира, сравнительной дифференцированности разных лексических систем [Там же: 63—78], противопоставления «свой» — «чужой» [Там же: 79—88]. В качестве важного, но часто встречающегося методологического недостатка работ по ЯКМ В. М. Алпатов справедливо называет

то, что отбор языкового материала может подчиняться заранее известным результатам и подгоняться под них [Там же: 61].

А. Я. Шайкевич в статье, посвященной термину ЯКМ [Шайкевич 2005], отмечает ряд уязвимых мест в рассуждениях о ЯКМ. Во-первых, отсутствие четкой границы между языковой и энциклопедической информацией не позволяет точно установить, какая именно часть знаний о мире входит в коммуникативную компетенцию и, следовательно, может быть отнесена к ЯКМ [Шайкевич 2005: 9—10]. Во-вторых, при исследовании ЯКМ часто не отделяются факты современного языка от реликтов прошлых эпох [Там же: 16], не используются статистические методы [Там же: 18]. В качестве примера наиболее строгой научности в исследованиях ЯКМ А. Я. Шайкевич приводит книгу Е. В. Урысон [Урысон 2003], одновременно замечая, что даже после этой книги он не видит необходимости в нечетком и «эссеистическом» термине ЯКМ, так как в его роли вполне может выступить более определенный термин «семантическая система» [Там же: 9]. О соотношении понятий «языковая картина мира» и «семантическая система» мы поговорим ниже.

1.2. ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Удивляет встречающееся в критических статьях утверждение П. Серию, А. В. Павловой и М. В. Безродного, что «неогумбольдтианские идеи» утратили популярность в западной лингвистике и продолжают поддерживаться лишь в отсталой России да в далекой Австралии (А. Вежбицкой с узким кругом сторонников). Поскольку А. Д. Шмелев, возражая против этого утверждения, упомянул лишь одну книгу Дж. Лаккоффа [Lakoff 1987], стоит кратко рассказать хотя бы о самых известных зарубежных ученых, работы которых с полным основанием можно отнести к «нео-Whorfian paradigm». Лера Бородицки, доцент (assistant professor) департамента психологии Стэнфордского университета, сочетающая в своих исследованиях лингвистические методы с экспериментально-психологическими, изучает в частности использование пространственных метафор в представлениях времени в различных культурах [Boroditsky 2000, 2001, 2002, 2003, 2010; Dils, Boroditsky 2010; Fuhrman, Boroditsky 2010; Phillips, Boroditsky 2003]. К неоурорфианской парадигме можно отнести израильского ученого Гая Дейчера, работающего сейчас в Британии в Манчестерском университете. Недавно он выпустил научно-популярную книгу с характерным названием «Through the Language Glass:

Why the World Looks Different in Other Languages» [Deutscher 2010], в которой обсуждается широкий круг вопросов: метафорическая сочетаемость абстрактных слов, различия в лексическом членении семантических полей в разных языках, — а основное внимание уделено цветообозначениям в языках мира. Американский лингвист и психолог Джон Люси, профессор Чикагского университета, исследовал взаимосвязь языка и мышления, в частности цветовой памяти, и проблемы именной категоризации в юкатекском языке [Lucy 1988, 1992a, 1992b, 1994, 1996; Lucy, Shweder 1979, 1988]. В частности, он показал связь между грамматической категорией числа и системой счетных классификаторов в юкатекском и тем, что носители юкатекского языка классифицируют предметы прежде всего по материалу, тогда как носители английского — по форме [Lucy 1992b]. Стивен Левинсон, работающий в Институте психолингвистики Общества Макса Планка (Неймеген, Нидерланды), описывал современные перспективы гипотезы лингвистической относительности [Gumperz, Levinson 1991], а также исследовал выражение пространственных значений в различных культурах [Levinson 1996, 2000, 2003]. Укажем также лишь на самые значительные (на наш субъективный взгляд) издания и статьи, выполненные в русле проблематики «гипотезы лингвистической относительности», связи языка, культуры и мышления, вышедшие в последние два десятилетия в авторитетных зарубежных издательствах [Rethinking linguistic relativity 1996; Relative points of view: linguistic representation of culture 2001; Language in mind 2003; Evidence for linguistic relativity 2000; O'Neill 2008]. В целом для западных «неоурорфианцев» характерно использование для исследований не только семантического анализа, но и методов экспериментальной психолингвистики. Особое место занимают экспериментальные исследования восприятия цвета, пространства, времени, движения и эмоций испытуемыми-билингвами [Andrews 1994; Athanasopoulos 2009; Boroditsky et al. 2010; Boroditsky et al. 2002; Pavlenko 1999]. Подчеркнем, что в этом кратком экскурсе мы намеренно не упоминали работ тех авторов, которых можно отнести к школе Вежбицкой.

1.3. НАПРАВЛЕНИЯ «НЕОГУМБОЛЬДИАНСКИХ» ИССЛЕДОВАНИЙ.

1.3.1. Основные направления. В целом современные работы, так или иначе использующие понятие ЯКМ, можно отнести к двум основным направлениям, которые условно можно назвать «психолингвистическим» и «лексикологическим». К психолингвистиче-

скому направлению, помимо упомянутых в предыдущем разделе Л. Бородицки, Дж. Люси, С. Левинсона и других, относится также целый ряд российских ученых (Ю. А. Сорокин, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, Н. В. Уфимцева, А. И. Новиков и др.). Их работы выполнены с помощью специальных методов, используемых в психолингвистике, для которых особо важен эксперимент с носителем языка, а не анализ текстов. В дальнейшем мы не будем рассматривать эти работы, так как определение ЯКМ в них должно быть свое, специфически психолингвистическое.

Для лексикологического направления ЯКМ — это результат, к которому стремится описание конкретного языка методами системной лексикографии [Апресян 1995: 348—351]. Вот как это сформулировал Ю. Д. Апресян: «Сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира — наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре» [Апресян 1995: 351].

В дальнейшем, рассуждая о ЯКМ, мы будем говорить именно о лексикологическом ее понимании.

1.3.2. Смежные области. К каждому из основных направлений примыкают смежные дисциплины. К психолингвистическому направлению примыкает когнитивная лингвистика, представленная в России работами З. Д. Поповой, И. А. Стерина, В. В. Красных и других. Понятие картины мира в когнитивной лингвистике относится к ментальному образу в сознании человека и не равно ЯКМ [Попова, Стерин 2007: 52].

К лексикологическому направлению близка этнолингвистика. Сейчас различные авторы по-разному понимают предмет этнолингвистики. В исследовании А. С. Гердт [Гердт 2001] она смыкается с социолингвистикой, а то время как у Н. И. Толстого [Толстой 1995: 39—40] этнолингвистика включает в себя изучение не только языка, но и фольклора, обряда, материальной культуры традиционного общества. Компонент «-лингвистика» в этом термине оправдывается преимущественно лингвистическими методами изучения. Лексикологическому направлению в изучении ЯКМ наиболее близка этнолингвистика в узком понимании: «...направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народ-

ного творчества, их взаимосвязи и разных видов корреспонденции [Толстой 1995: 27; цит. по: Березович 2007].

Несколько более далеко отстоят исследования по культурной антропологии, или этнографии, посвященные используемым в различных культурах классификациям. Из таких работ наиболее известны посвященные народным классификациям животных и растений [Berlin 1992; Brown 1984]. Лингвистические методы играют в таких исследованиях важную, но не основную роль.

2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

2.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.

Для наглядности перечислим несколько языковых фактов, которые обычно относят к области ЯКМ:

1) в различных языках названия различных анатомических органов получают второе значение 'центр локализации эмоций' (рус. *сердце*, удм. *кõт* букв. 'живот', таит. *ā'au* букв. 'кишечник, внутренности', индонез. *hati* букв. 'печень' и пр.);

2) слово *насекомое* в русском языке вне специальной биологической литературы обозначает целый ряд существ, которых зоология не относит к классу насекомых: пауков, многоножек, клещей...;

3) в различных языках различные лингвинимы приобретают значения 'непонятный' (рус. *китайская грамота*, англ. *to be Greek to smb.*, исп. *me suena a griego, me suena a chino*, нем. *das kommt mir spanisch vor*, итал. *parlo italiano o turco ottomano?*, франц. *parler javanais*);

4) русскому слову *жеребёнок* в бурятском языке соответствуют несколько: *унаган* 'жеребенок до года', *дааган* 'жеребенок от года до двух лет', *гунаг* 'жеребенок по третьему году', *шүдэлэн* 'кобыла до трех лет';

5) слова *радость* и *горе* в русском языке в ряде словосочетаний предстают как жидкости (*хлебнуть, испить горя, глубокое горе; радость разливается в человеке, бурлит, играет, переполняет человека, переплёскивается через край*) [Успенский 1979];

6) смена дня и ночи описывается словами *солнце всходит, идет по небу и заходит*;

7) ряд слов русского языка, обозначающих способности и качества человека (*ум, разум, воображение, совесть, память, душа*), ведут себя подобно названиям анатомических органов [Урысон 1995; Урысон 2003].

Определением ЯКМ, объединяющим все эти разнородные примеры, будет следующее: языковая картина мира — специфическая для данного языка структура лексико-

семантических полей и значений слов. Если строго ограничить объем понятия «языковая картина мира», следует при ее исследовании использовать в первую очередь факты из следующих областей:

- Структура лексических систем (лексико-семантических полей).
- Полисемия и коннотации.
- Метафорическая сочетаемость [Лакофф, Джонсон 2004; Успенский 1979].
- Мотивации при словообразовании («внутренняя форма») [Толстая 2002].
- Категоризация объектов, нашедшая прямое отражение в языке в виде систем именных согласовательных классов и именных классификаторов (нумеративов) [Lakoff 1987; Noun classes and categorization 1986; Gender in grammar and cognition 1999; Коваль 2008а, 2008б].

Также могут использоваться и другие языковые данные, например, семантика собственных имен [Березович 2007: 51—82]. Однако прочие данные нужно привлекать с большой осторожностью. Это, например, относится к фразеологии, которая порой воспринимается как явное отражение психологии народа, поскольку прямое сопоставление фразеологического материала с национальным менталитетом почти неизбежно приводит к противоречиям: «...к паремиям, будто бы свидетельствующим о лени какого-либо народа, всегда можно найти „контрпаремии“ о его трудолюбии» [Там же: 13].

Важным условием является то, что факты, которые, по мнению исследователя, отражают языковую картину мира, должны рассматриваться не изолированно, а в качестве компонентов системы. О скрывающейся за языковыми фактами картине нам куда больше расскажет не одно слово, а лексико-семантическое поле, не изолированный семантический переход, а «изосемантический ряд» (по терминологии С. А. Майзеля [Майзель 1983])^[1].

Если, например, у русского слова *корысть* отмечается семантическая эволюция ‘выгода’ → ‘выгода, получение которой морально осуждаемо’ (ср. укр. *користь* или пол. *korzysć* без отрицательных коннотаций), то аналогичная многозначность у синонимичных слов (*барыш*, *нажива*), слов того же семантического поля (*сделка*) и такая же семантическая эволюция у заимствований, проникающих в русский язык (*гешефт* из нем. *Geschäft*, *афера* из франц. *affaire*), близкие семантические переходы (‘продавать’ → ‘предавать’) — всё это уже может свидетельствовать о связи в русской ЯКМ идей коммерческой деятельности с низкой

моральной оценкой [Зализняк 2012]. Связи, заметим, не уникальной, ср. семантический переход ‘продавать’ → ‘обманывать’ в старофранцузском *barater* ‘совершать обмен товаров’, ‘обманывать’ [Dictionnaire historique de la langue française, I: 325], фула *njulora* ‘обманывать’, ‘торговать’ [Зубко 1980: 284] (косвенной иллюстрацией того же перехода служат порт. *tratante* ‘купец’, ‘плут’, порт. *logro* ‘прибыль’, ‘обман’). При этом данные языковые факты не должны становиться основой для утверждений, что подобные воззрения — характерная черта менталитета русских, французов или представителей фульбе и других народов, использующих фула. Подобные выводы надо предоставить делать психологам и социологам.

Сами авторы работ, выполненных в антропологической, или, если угодно, «неогумбольдтианской» парадигме лингвистики, отнюдь не разделяют приписываемую им критиками идею о прямой зависимости мышления от структуры языка и очевидной связи языка с психологией говорящего на нем народа: «Языковая картина мира — это не что иное как семантическая система некоторого языка, рассматриваемая в типологической перспективе. Это не более чем удобный метаязыковой конструкт, позволяющий описать некоторые типы расхождений в устройстве семантических систем разных языков, а также ряд феноменов в области языковой эволюции, языковых контактов и межкультурной коммуникации. Устройство человеческого мышления концептуальный аппарат языковой картины мира ... описывать не предназначен» [Зализняк 2012]; «Язык не есть учебник по национальной психологии. Языковые феномены могут объясняться культурными, социальными, политическими обстоятельствами, но не стоит ждать от языковой системы эксплицитного и систематического „изложения“ жизненного кредо носителей языка» [Березович 2007].

А. В. Павлова и М. В. Безродный пишут: «Мы же считаем национальный характер и ментальность фантомами» [Павлова, Безродный 2010б]. С этой оценкой, независимо от того, насколько она справедлива вообще, лингвист должен согласиться и строго отличать свои исследования коннотаций или типологии лексических систем от изучения этнической психологии, оставив последнюю специалистам других наук.

Важнейшая часть ЯКМ — структура лексико-семантических полей, то, как язык членит область смысла на значения отдельных слов. Хрестоматийный пример межъязыковых различий в подобном членении относится к обозначениям частей тела (см. табл. 1).

Таблица 1 [Кортъевскаја-Тамм 2008: 14]

английский	итальянский	румынский	эстонский	японский	русский
<i>hand</i>	<i>mano</i>	<i>mînă</i>	<i>käsi</i>	<i>te</i>	<i>рука</i>
<i>arm</i>	<i>braccio</i>	<i>braț</i>	<i>käsi(vars)</i>	<i>ude</i>	
<i>foot</i>	<i>piede</i>	<i>picior</i>	<i>jalg</i>	<i>ashi</i>	<i>нога</i>
<i>leg</i>	<i>gamba</i>				
<i>finger</i>	<i>dito</i>	<i>deget</i>	<i>sõrm</i>	<i>yubi</i>	<i>палец</i>
<i>toe</i>			<i>varvas</i>		

Таблица 2

Научное название	Русский	Английский	Испанский	Турецкий
<i>Mustela nivalis</i>	<i>ласка</i>	<i>weasel</i>	<i>comadreja</i>	<i>gelincik</i>
<i>Mustela erminea</i> в зимнем меху	<i>горноста́й</i>	<i>ermine</i>	<i>armiño</i>	<i>kakim</i>
<i>Mustela erminea</i> в летнем меху		<i>stoat</i>		
<i>Martes foina</i>	<i>куница</i>	<i>marten</i>	<i>garduña</i>	<i>sansar</i>
<i>Martes martes</i>			<i>marta</i>	<i>zerdeva</i>
<i>Mustela lutreola</i>	<i>норка</i>	<i>mink</i>	<i>visón</i>	<i>vizon</i>
<i>Mustela eversmanni</i>	<i>хорёк</i>	<i>polecat</i>	<i>turón</i>	<i>kokarca</i>
<i>Mustela putorius</i>			<i>turón / hurón</i>	
<i>Mustela putorius furo</i>	<i>хорёк (фуро, феретка)</i>	<i>ferret</i>	<i>hurón</i>	<i>feret</i>

Очень часто более дробное деление предметной области свидетельствует о большей ее освоенности в данной культуре. Например, в японском языке слабо разработана животноводческая лексика: английский *cattle, cow, bull, ox, bull* соответствует одно японское *ushi*, а слова *sheep, ram, ewe, wether, shearling* — одно японское *hitsuji*, зато у японцев куда более богата лексика, относящаяся к рыболовству, видам рыб и морепродуктов: двум английским словам *shrimp* и *prawn* соответствуют несколько различных японских обозначений креветок [Алпатов 2008: 68—69].

Хрестоматийным примером детальной разработанности терминологической системы стало восходящее к Ф. Боасу утверждение о большом количестве названий видов снега у эскимосов. К сожалению, у этого утверждения оказалась сложная судьба, во многом скомпрометировавшая идею лексической типологии. Оно восходит к статье Ф. Боаса 1911 г., в которой он приводит четыре термина для снега, демонстрирующих разные корни. Данный пассаж был процитирован отцом гипотезы лингвистической относительности Б. Уорфом, а затем и многими другими авторами, в том числе и в научно-популярной литературе, где в итоге число эскимосских названий снега выросло до двухсот. В 1980-х гг. Л. Мартин и Дж. Пуллом выступили разоблачителями этого устоявшегося мнения («The Great Eskimo Vocabulary Hoax» — название нескольких публикаций Пуллома). В результате стало распространяться противоположное утверждение: будто бы в эскимосских языках терминов для снега не больше, чем в английском. Однако если обратиться к имеющимся слова-

рам, выяснится, что всё-таки эскимосским языкам свойственна богатая терминология для обозначения видов снега и особенно видов льда. В диалектах насчитывается, например, от 8 до 12 терминов для различных видов снега на поверхности земли, от 60 до 100 с лишним терминов для разных форм и видов льда. Подробное изложение истории вопроса с эскимосскими названиями снега и богатый лексический материал приведены в статье И. И. Крупника [Крупник 2010].

Классическими объектами лексической типологии, помимо названий частей тела, стали цветообозначения, названия степеней родства; также существуют подробные работы о глаголах плавания [Глаголы движения в воде 2007], глаголах позиции [Newman 2002], терминах восприятия [Evans, Wilkins 2000; Viberg 1984, 2001], терминах размера ('широкий', 'длинный' и пр.) [Lang 2001] и др. Даже в области конкретной лексики — названий предметов быта, типов ландшафта, видов растений и животных — отличия языков в членении семантического поля лексемами легко обнаруживаются. Рассмотрим таблицу, содержащую названия нескольких видов млекопитающих семейства куньих в четырех языках (табл. 2).

Мы видим, что, например, турецкий и испанский языки различают два вида куниц, а в русском и английском это два вида относятся к одному наивно-языковому виду (о понятии наивно-языкового вида (*folk species*) и соотношении наивно-языковых видов животных и растений с видами, выделяемыми биологической наукой, см.: [Куприянов 2005; Berlin 1992]). При этом в английском языке две сезонные формы горноста́я выступают как два разных наивно-языковых

вида. Естественно, научная терминология для каждого из этих языков позволяет различить все перечисленные виды при помощи составных названий: *Mustela putorius* — рус. *лесной хорёк*, англ. *European polecat*, *Mustela eversmanni* — рус. *степной хорёк*, англ. *steppe polecat*, *Martes foina* — рус. *каменная куница*, англ. *beech marten*, *Martes martes* — рус. *лесная куница*, англ. *pine marten* и т. д.

Еще один пример различных членений языками предметной области — разговорные названия трех родственных ягод (табл. 3).

Опять-таки при необходимости, в научных или близких к научным текстам, языки легко различают виды при помощи описательных названий: рум. *căpșunul de grădină* — *Fragaria ananassa*, польск. *poziomka wysoka* — *Fragaria moschata* — или сложных слов: швед. *skogsmultron* 'Fragaria vesca', *parks-multron* 'Fragaria moschata'.

Носителям языка порою кажется очевидным, что виды животных или растений, называемые в их языке разными словами, различны. Одновременно они не замечают, что сами во многих случаях объединяют в одном названии (и в одном таксоне «наивной классификации») разные виды. Русские *лягушка* и *жаба* объединяются в рум. *broască*, мокшан. *ватракиш*, кит. *měng*, тигринья *ᵏᵂᵉᵗᶜᵒ*, русские *крыса* и *мышь* — в новогреч. *πρωτίκι*, лаос. *nū¹*, мехри^[3] *ᶯārᵏáyub*, бирм. *чвэ'*, араб. *faʔr-*, тигринья *ᶯančəwa*, кхмер. *kondol*. А носителям ряда других языков покажется странным, что в русском и турецком один термин (рус. *масло*, тур. *yağ*) объединяет как растительный, так и молочный продукт (ср. англ. *oil* и *butter*, исп. *aceite* и *mantequilla*, франц. *huile* и *beurre*, венг. *olaj* и *vaj*). Еще раз подчеркнем, что различие в структуре лексических систем не является прямым свидетельством различий в психологии народов, менталитетах, культурах и подобном. Даже более дробное деление не обязательно свидетельствует о большей освоенности объекта. Показательно, что русский язык лексически отличает неограниченный и ограниченный алмаз (*алмаз* vs. *бриллиант*), тогда как нидерландский язык в обоих случаях использует слово *diamant*, хотя одним из крупнейших центров обработки и продажи бриллиантов является город Антверпен, находящийся во фламандской части Бельгии⁴.

Вернемся теперь к замечанию А. Я. Шайкевича о том, что вместо выражения «языковая картина мира» можно использовать термин «семантическая структура». Это замечание справедливо: в предложенном здесь понимании языковой картины мира как структуры лексико-семантических полей и значений слов термин «семантическая структура» хорошо описывает объект исследования. Однако мы всё-таки предпочли бы сохранить термин «ЯКМ» как более общий, объединяющий не только типологическое изучение лексико-семантических полей, но и прочие компоненты: типы мотиваций, структуры полисемии отдельных слов, метафорическую сочетаемость, грамматическую категоризацию.

2.2. ОТ ЧЕГО НЕОБХОДИМО ОТДЕЛЯТЬ ЯКМ.

Языковую картину мира необходимо отделять от некоторых близких понятий. Как уже говорилось, когнитивная лингвистика активно оперирует понятием «картина мира» (см. раздел 1.3.2). Однако когнитивная картина мира относится к сфере сознания, а не языка, к «ментальному лексикону», а не к лексической семантике. К сожалению, в ряде появляющихся в последние годы работ игнорируется разница между значениями слов и структурой лексико-семантических полей с одной стороны и концептами как единицами «ментального лексикона» с другой [Кузлякин 2005]. При этом семантический анализ неоправданно обозначается модным термином «концептуальный». Подробнее о необходимости разграничения этих понятий, а также о соотношении терминов «концепт», «концептосфера», «когнитивная картина мира» с объектами лингвистики см.: [Попова, Стерин 2007: 17—104].

В исследовании О. А. Корнилова [Корнилов 2011] говорится о необходимости отделять ЯКМ от еще одного объекта — научной картины мира, выраженной средствами конкретного языка («национальная научная картина мира» в терминах О. А. Корнилова). Специфика национальных терминосистем, различные мотивации, ставшие основой терминов, используемые метафоры безусловно могут быть лингвоспецифичны [Корнилов 2011: 43—67], но не обязательно входят в сферу знаний среднего носителя языка и, следовательно, далеко не всегда попадают в ЯКМ данного языка, остаются за рамками подъязыка определенной науки.

Таблица 3

Научное название	Русский	Украинский	Румынский	Шведский	Польский
<i>Fragaria ananassa</i>	<i>клубника</i>	<i>полуниця</i>	<i>căpșun</i>	<i>jordgubbe</i>	<i>truskawka</i>
<i>Fragaria vesca</i>	<i>земляника</i>	<i>суниця</i>	<i>frag^[2]</i>	<i>smultron</i>	<i>poziomka</i>
<i>Fragaria moschata</i>	<i>земляника</i>	<i>полуниця</i>	<i>căpșun</i>	<i>smultron</i>	<i>poziomka</i>

Таблица 4

Научное название	Русский	Русский спец.	Украинский	Украинский спец.
<i>Fragaria ananassa</i>	клубника	земляника садовая	полуниця	суниця садова
<i>Fragraria vesca</i>	земляника	земляника лесная	суниця	суниця лісова
<i>Fragraria moschata</i>	земляника	клубника	полуниця	полуниця

2.3. О неоднородности ЯКМ. Вернемся к списку языковых фактов, которые мы приводили в качестве примеров элементов ЯКМ. Легко увидеть, что эти факты различаются по степени осознания говорящими. Семантику слова *насекомое* можно отнести к «обыденному знанию», противопоставленному научным воззрениям, а вот то, что *ум, память и совесть* ведут себя в ряде контекстов подобно названиям анатомических органов, говорящие на русском языке не осознают [Урысон 2003: 50]. Таким образом, этот фрагмент языковой картины мира противопоставлен не только научной картине мира, но и обыденным, бытовым представлениям, которые обычно фиксирует языковая семантика [Там же: 56].

Другой вид неоднородности в ЯКМ связан с подвижностью границ между научным знанием и знаниями, зафиксированным в языке. В язык регулярно проникает научная терминология, потому что носители языка сталкиваются с текстами разных стилей — от разговорного до публицистического и научного. В результате некоторые представления, зафиксированные в языке, могут осознаваться говорящими как не соответствующие реальности, хотя выражения, в которых эксплицированы эти ложные представления, по-прежнему будут использоваться. Мы продолжаем говорить *взошло солнце*, хотя в результате всеобщего школьного образования вряд ли найдется взрослый носитель русского языка, не знающий, что на самом деле Земля вращается вокруг Солнца. Однако при проникновении научных терминов в обыденный язык они порой приобретают не свойственную им прежде семантику, превращаясь в элементы «наивной» картины мира. При помощи поисковых систем в Интернете не сложно найти примеры такого рода:

...в Лесото распространяется вирус туберкулеза, особо стойкий к антибиотикам...

...Я не знаю, как долго сохраняет жизнеспособность бактерия кори... —

в то время как с точки зрения биолога словосочетания *бактерия кори* или *вирус туберкулеза* абсурдны.

Однако было бы упрощением противопоставлять лишь две возможных ситуации употребления: обыденный язык, отражающий «наивную» картину мира, и научную терминологию. На самом деле между этими двумя полюсами существует ряд промежу-

точных состояний. Проиллюстрируем это, вернувшись к примеру с названиями ягодных культур рода *Fragaria*. Если помимо обыденной речи мы рассмотрим еще и специализированную литературу, но не учебники и монографии ученых-ботаников, а, например, книги, посвященные садоводству, то обнаружим, что система терминов там может отличаться как от «обывательской», так и от научной (см. табл. 4).

В строгой научной терминологии родовое название у всех видов должно быть единым, и если используются не латинская, а русская номенклатура, *Fragraria moschata* именуется *земляникой мускусной*.

Исходя из собственного опыта наблюдений над употреблением зоологической и ботанической лексики, мы можем сделать вывод, что существует иерархия типов текстов от максимально «наивно-биологических» до полностью научных. В области биологии эта иерархия выглядит так:

- Разговорная речь.
- Пресса, художественная литература.
- Литература по аквариумистике, охоте, садоводству, комнатному цветоводству.
- Школьные учебники и научно-популярная литература.
- Учебники для студентов биологических специальностей вузов и научные издания.

Говоря о соотношении научной и «наивной» терминологии в текстах, надо отметить, что необходимо развитие еще одного направления исследований ЯКМ, которые должны отвечать на вопрос о том, какие знания входят в коммуникативную компетенцию и являются частью ЯКМ, а какие принадлежат к специализированным картинам мира. Как, например, отмечает В. М. Алпатов, в японской языковой культуре крайне малое значение имеют названия звезд, созвездий и планет [Алпатов 2008: 65], из которых в обыденную ЯКМ входит только Луна. В то же время у тюркских или полинезийских народов существует развитая народная астрономическая терминология. Подобные исследования должны использовать методы социолингвистики: анкетирование, массовый опрос информантов.

2.4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ И ЯКМ. Многие черты ЯКМ (в предложенном здесь понимании) можно выявить при изучении семантических переходов в языках мира.

Такой подход удобен тем, что позволяет обнаружить и сопоставить различия в ЯКМ конкретных языков. Для иллюстрации разберем несколько конкретных примеров.

2.4.1. Понимание. При работе над «Каталогом семантических переходов в языках мира» на данный момент выявлены три основные метафорические модели понимания: 'хватать', 'рассекать' и 'находиться в смежном пространстве'. Наблюдаются также переходы от единиц *слышать* и *видеть*, которые не являются метафорическими. Видимо, основные модели не всегда являются метафорическими. Значение 'понимать' возникает соответственно у глаголов с семантикой 'хватать, брать рукой', 'видеть' и 'слышать' (в дальнейшем приводятся примеры из «Каталога семантических переходов» и следующей работы: [Vanhove 2008]).

Первую модель демонстрируют глаголы, сочетающие значения 'брать, хватать' и 'понимать': эрз. *каподемс*, мокшан. *фатямс*, зулу *bamba*, итал. *afferare*, англ. *grasp, catch*, итал. *prendere*, франц. *saisir*, др.-греч. *καταλαμβάνω* и *ἐφάπτω*, караим. *кап*, тибет. *adzin-pa*, япон. *tsukamu* (掴む), ивр. *tafas*, согд. *γρβ-*, тигринья *ħazä*, суахили *shika*, — а также случаи, когда семантический переход происходит при словообразовании (нем. *greifen* 'хватать, брать' и *begreifen* 'понимать') или эволюции слова (лат. *comprehendere* 'обхватывать, обнимать; поймать' и франц. *comprendre* 'понимать').

Примерами второй модели (семантическому переходу 'видеть' → 'понимать' близок другой семантический переход: 'видеть' → 'знать') могут служить аккад. *amāru*, англ. *see*, агул. *agWas*, итал. *vedere*, др.-греч. *ὄραω*, суахили *kuona*, волоф *gis*, сар (нило-сахарская семья, Чад, по данным на 1993 г. — 183 тыс. носителей) *ǧǧ*, ср. также паленкоро (креольский язык на основе испанского. Около 500 говорящих в Паленке-де-Сан-Басилио, департамент Боливар, Колумбия) *bé!* 'смотри!', 'пойми!' (из исп. *ver* 'смотреть').

Третья модель, в соответствии с которой глагол 'понимать' связывается со 'слышать', характерна для франц. *entendre*, нганасан. *дильсумиси*, коряк. *валомык*, эвенск. *долдъ-*, якут. *isit-*, юкагир. *мөри-*, амхар. *sämma*, тибет. *khums-pa*, ительмен. *элфсэс*, юлу (нило-сахарская семья, ЦАР, ДР Конго, Южный Судан, около 7 тыс. носителей) *lǎagē*, сар *ōb*, волоф *dégg*, гбайя-бодое (один из языков/диалектов гбайя, на которых говорит более 900 тыс. человек в ЦАР и Камеруне) *zéi*, касем (нигеро-конголезская семья, Буркина-Фасо, Гана, около 250 тыс. носителей) *ni*, мвотлап (океанийские языки. Примерно 2100 носителей, на острове Мота-Лавав ост-

ровой группы Банкс (архипелаг Новые Гебриды)) *uol̥teg*, маконде (нигеро-конголезская семья, языки банту, 1 млн 340 тыс. носителей, Танзания и Северный Мозамбик) *kwígwa*, суахили *kusikia*, вили (нигеро-конголезская семья, языки банту, 11 тыс. носителей в Республике Конго и Габоне) *kúkúù*, нелемуа (океанийские языки, один из языков/диалектов Новой Каледонии, по данным на 1996 г. — 960 носителей) *tâlâ*, азиат. эскимос. *niiquq*, паленкоро *kucha* (< исп. *escuchar* 'слушать'; ср. также авест. *uš-* 'слух', 'понимание, разум').

Мы можем видеть, что для русского языка характерны первые две модели. По модели, связанной с хватанием рукой, образован основной русский глагол для понимания: ср. значения 'взять, ухватить, захватить, поймать' для глагола *понимать* в словаре В. И. Даля [Даль 1994, 3: 743], ср. также др.-рус. *поимти* 'взять, поймать, схватить' и 'понять, постигнуть' [Срезневский, 2: 1340—1342]. Данная модель прослеживается также в др.-рус. *уловити* 'словить, поймать' [Срезневский, 3: 1197] и рус. *уловить* 'понять', рус. *схватывать* 'понимать'. Модель, связанная со зрением, обнаруживается в примерах типа *Теперь-то я вижу, что он прав*.

Интересно отметить, как под влиянием контактов с якутами, юкагирами и коряками в русских старожильческих говорах Восточной Сибири также возникла третья модель понимания, которую демонстрируют нам примеры *это якут, он по-русски не слышит; он не говорит по-коряцки, а слышит* в нижне-индигирских говорах [Аникин 2000: 497]. Впрочем, маргинальные примеры третьей модели можно найти и в недиалектной русской речи, например, связанные с употреблением глагола *чуять* 'ощущать', 'слышать' в значении 'понимать' (чаще всего в вопросительных высказываниях вроде *Чуешь, чем это может кончиться?*).

М. Ванхов, исследовав глаголы со значениями чувственного восприятия, схватывания и ментальных процессов в представительной подборке языков [Vanhove 2008], пришла к выводу, что, если в языке слово со значением 'брать рукой, схватывать' начинает обозначать также какой-либо ментальный процесс (понимание, знание и пр.), то в этом же языке аналогичное семантическое развитие испытывают слова со значениями слухового и зрительного восприятия. При этом обратное неверно [Vanhove 2008: 368].

2.4.2. Температурные метафоры для дружеского/враждебного отношения. Для описания отношения между людьми в самых различных языках широко используются семантические переходы 'горячий, теплый' →

→ 'дружественный' (рус. *тёплый*, якут. *сылаастык*, эрз. *лембе*, монг. *халуун, дулаан*, амхар. *yägalä*, япон. *atsui*^[5]) и 'холодный' → 'враждебный' (монг. *хүйтэн*, рус. *холодный*, тур. *soğuk*, исп. *frío*). Эти переходы могут показаться универсальными, однако обнаруживается и семантический переход 'холодный' → 'дружественный'. Его реализацией служит слово *baridi* языка суахили: ср. *ona baridi* 'мерзнуть', *baridi kali (nyingi)* 'сильный холод, мороз', *nchi ya baridi* 'страна с холодным климатом' и *taneno ya baridi* 'дружелюбная речь, дружеские слова'.

2.4.3. Боль. Семантические переходы в лексическом поле боли специально исследовались в данных работах: [Бонч-Осмоловская и др. 2008, 2009]. Продемонстрируем основные переходы, позволяющие языкам выражать значения 'боль', 'болеть'.

А. 'Воздействие инструментом' → 'боль':

– А1 — резание: фр. *trancher* 'резать', *tranchées* 'колики, резь', рус. *резь*, нем. *schneidende Schmerzen* 'режущие боли', суахили *changa* 'нарезать, разрезать (на куски); разрубать; колоть, раскалывать', 'испытывать боль (главным образом в суставах)', *wanga* 'резать, вырезать или выдалбливать (например, дерево, чтобы достать мед)', 'болеть; повреждать, ранить, причинять боль' (*kichwa kinaniwanga* 'у меня болит голова'), *katakata* 'разрезать на мелкие кусочки', 'ощущать острую боль' (*tumbo langu linakatakata* 'у меня рези в животе'), *mkeketo* 'отрезание, разрезание (чего-либо твердого тупым ножом)', 'боль в животе, рези' (язык суахили наглядно демонстрирует изосемантический ряд для перехода 'резать' → 'болеть'), япон. *kiri* 'резать' (*Me ga kiri-kiri suru* 'У меня резь в глазах').

– А2 — сверление: исп. *taladrar* 'сверлить, пронзать', 'сверлить (о боли)', нем. *bohren*.

– А3 — укол: рус. *колоть* (например, *в боку*), исп. *pinchar* 'колоть' (иглой и т. п.; *me pincha el costado* 'у меня колет в боку'), *punzar* 'колоть' (иглой и т. п.), 'колоть, усиливаться временами' (*me punza el costado, tengo punzadas en el costado*), рум. *a împunge*, *a înțepa* (для второго румынского глагола значение 'колоть (о боли)' отмечено как разговорное), *a înjunghia (mă înjunghie în piept, într-o coastă* 'у меня колет в груди, в боку'), санскрит *todā* 'укол', 'острая боль' (первое значение санскритского слова 'погонщик (пользующийся стрелами)') [Кочергина 1996: 248]), тагал. *sundót* 'укол', *sumundót* 'колоть, покалывать (болевое ощущение)', англ. *my face stings* — букв. 'мое лицо жалит'.

Б. 'Разрушение' → 'боль': рус. *суставы ломают*, арм. *kotrakvel* 'ломаться', 'чувствовать боль в суставах'.

В. 'Горький' → 'болеть': суахили *uchungu* 'горечь, горький вкус', 'боль' (*uchungu wa kuuma* 'боль от укуса'; *uchungu wa uzazi (kuzaa)* 'родовые схватки').

Г. 'Есть' → 'боль': амхар. *bälla* 'есть, кушать', 'ныть, болеть (о части тела)' (*ḳwəslu bällaw* 'его рана ныла (букв. *ела его*)'), яравара^[6] *kaba* 'есть, жевать', 'вызывать зуд' (*Aba me e kababa e amake* 'Мы будем есть рыбу' и *Kaisa owa kabake* 'Гриб вызвал у меня зуд').

Д. 'Гореть' → 'боль': груз. *tvalebi meçvis* (букв. 'мои глаза горят'), эрз. *желудкаты толсе пале* (букв. 'мой живот в огне горит').

Е. 'Звук' → 'боль': рус. *мои ноги гудят, спина ноет*.

Как показано в специальном исследовании [Бонч-Осмоловская и др. 2008: 545—547], использование различных метафор для боли позволяет выражать такие ее параметры, как направленность, интенсивность, локализацию и распределение во времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Хорошим примером системности в исследовании семантической стороны языка могут послужить лучшие из работ в области славянской этнолингвистики, авторы которых исследуют лексические системы (лексико-семантические поля, деривационные гнезда) [Березович 2007; Толстая 2008], а также работы специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, которые, занимаясь праязыковой семантикой, ставят своей целью реконструировать не значения отдельных слов, а лексико-семантическую систему, т. е. решают задачи лексической типологии в диахронии [Толстой 1969; Дыбо 1996].

[2]. В румынских диалектах также *potniță*.

[3]. Семитский язык южноаравийской группы. Около 135800 говорящих в Йемене, Омане и Кувейте (2000).

[4]. Ситуация со словами *алмаз* и *бриллиант* в русском языке объясняется возникновением семантической дифференциации между синонимами, заимствованными разными путями. Заметим, что ранее в русском языке отмечалось и слово *диамант* (зафиксировано, например, у Далея, Ушакова), которое не выдержало конкуренции и было вытеснено из литературного языка.

[5]. Это японское слово в значениях 'теплый, жаркий' и 'добрый, сердечный, гостеприимный' записывается разными иероглифами (暑い и 厚い), однако произносится одинаково и, предположительно, в обоих значениях имеет одну этимологию.

[6]. Один из диалектов языка мади (или же самостоятельный язык) араванской семьи языков. Насчитывает 155 говорящих (по данным на 2000 г.), живущих в округе Лабреа бразильского штата Амазонас.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

авест. — авестийский
 агул. — агульский
 азиат. эскимос. — язык азиатских эскимосов
 амхар. — амхарский
 англ. — английский
 араб. — арабский
 арм. — армянский
 аккад. — аккадский
 бирм. — бирманский
 венг. — венгерский
 греч. — греческий
 груз. — грузинский
 др.-греч. — древнегреческий
 др.-рус. — древнерусский
 индонез. — индонезийский
 ивр. — иврит
 исп. — испанский
 итал. — итальянский
 ительмен. — ительменский
 караим. — караимский
 кит. — китайский
 коряк. — корякский
 кхмер. — кхмерский
 лат. — латинский
 лаос. — лаосский
 мокшан. — мокшанский
 монг. — монгольский
 нганасан. — нганасанский
 нем. — немецкий
 новогреч. — новогреческий
 пол. — польский
 порт. — португальский
 рум. — румынский
 рус. — русский
 согд. — согдийский
 тагал. — тагалога, тагальский
 таит. — таитянский
 тибет. — тибетский
 тур. — турецкий
 удм. — удмуртский
 укр. — украинский
 франц. — французский
 швед. — шведский
 эвенск. — эвенский
 эрз. — эрзянский
 эскимос. — эскимосский
 юкагир. — юкагирский
 якут. — якутский
 япон. — японский

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Япония. Язык и культура. — М., 2008.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск, 2000.
3. Аникин Е. Е., Чудинов А. П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианст-

во) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 1 (35). С. 11—14.

4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание и системная лексикография. — М., 1995.

5. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. — М., 2007.

6. Бонч-Осмоловская А. А., Мерданова С. Р., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. «Частные типологии» в лексике: лексическое поле боли // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / А. В. Архипов и др. (ред.). — М., 2008. С. 539—551.

7. Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт «боль» в типологическом освещении / В. М. Брицын и др. (ред.). — Киев, 2009. С. 8—27.

8. Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серियो утверждает, что нет) // Динамические модели. Слово, предложение, текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. — М., 2008. С. 177—189.

9. Вежняковская Е. В плену грамматики и словаря // Наука и жизнь. 2012. № 2. С. 50—55.

10. Гердт А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. — СПб., 2001.

11. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). — М., 2007.

12. Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии : материалы конф. — М., 2007. С. 157—161.

13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. изд. — М., 1994.

14. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). — М., 1996.

15. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира») // Russian Linguistics. 2013. Vol. 37, Iss. 1 (Apr). P. 5—20.

16. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии. Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.

17. Зубко Г. В. Фула-русско-французский словарь / под ред. Нялибули Бурейма и Диенга Мамаду. — М., 1980.

18. Коваль А. И. Классификационная семантика и деривация имени в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование / Виноградов В. А. (ред.). — М., 2008а. С. 311—494.

19. Коваль А. И. Форма носа и языковая категоризация (из лингвоэтнокультурных заметок) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / А. В. Архипов и др. (ред.). — М., 2008б. С. 710—716.

20. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М., 2011.

21. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — М., 1996.
22. Крупник И. И. Сколько слов для льда у эскимосов // *Studia Anthropologica* : сб. ст. в честь проф. М. А. Членова. — М. ; Иерусалим, 2010. С. 411—445.
23. Кузлякин С. В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях // *Русистика и современность. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация.* — СПб., 2005. С. 136—141.
24. Курьянов А. В. Предыстория биологической систематики. — СПб., 2005.
25. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
26. Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. — М., 1983.
27. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Toronto Slavic Quarterly. 2010a.* № 31. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/bezrodny31.shtml>.
28. Павлова А. В., Безродный М. В. Ложный вызов // *Toronto Slavic Quarterly. 2010b.* № 31. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_bezrodny_i.pdf.
29. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Политическая лингвистика.* 2011. Вып. 4 (38). С. 11—20.
30. Попова З. Д., Стерин И. А. Когнитивная лингвистика. — М., 2007.
31. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. Репр. изд. — М., 1989.
32. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении.* 2002. № 1 (3). С. 112—127.
33. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М., 2008.
34. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. — М., 1969.
35. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995.
36. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. — М., 2003.
37. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // *Вопросы языкознания.* 1995. № 3.
38. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // *Семиотика и информатика.* — М., 1979. Вып. 11. С. 142—148.
39. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // *Московский лингвистический журнал.* 2005. № 8/2.
40. Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарцисизма»? // *Политическая лингвистика.* 2011. Вып. 4 (38). С. 21—33.
41. Шмелев А. Д. Допустимо ли изучать русский язык? // *Toronto Slavic Quarterly.* 2010. № 31. 2010. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_shmelev.pdf.
42. Andrews D. The Russian color categories sinij and goluboj: An experimental analysis of their interpretation in the standard and emigré languages // *Journal of Slavic Linguistics.* 1994. № 2. P. 9—28.
43. Athanasopoulos P. Cognitive representation of colour in bilinguals: The case of Greek blues // *Bilingualism: Language and Cognition.* 2009. № 12 (1). P. 83—95.
44. Berlin B. Ethnobiological classification: principles of categorization of plants and animals in traditional societies. — Princeton, NJ, 1992.
45. Boroditsky L. Does language shape thought? English and Mandarin speakers' conceptions of time // *Cognitive Psychology.* 2001. № 43 (1). P. 1—22.
46. Boroditsky L. Linguistic relativity // *Encyclopedia of cognitive sciences.* — London, 2003. P. 917—921.
47. Boroditsky L. Metaphoric Structuring: Understanding time through spatial metaphors // *Cognition.* 2000. № 75 (1). P. 1—28.
48. Boroditsky L., Fuhrman, O., McCormick K. Do English and Mandarin speakers think differently about time? // *Cognition.* 2010. Vol. 118, 1. P. 123—129.
49. Boroditsky L., Ham W., Michael Ramscar M. What is universal in event perception? Comparing English & Indonesian speakers // *Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Conference of the Cognitive Science Society.* — Mahwah, NJ. 2002.
50. Braukman S. L., Ross M. A. Married Women's Property and Male Coercion: United States Courts and the Privy Examination, 1864—1887 // *Journ. of Women's History.* 2000. Vol. 12, 2. P. 57—80.
51. Brinjikji H. Property Rights of Women in Nineteenth-Century England. URL: <http://www.umd.umich.edu/casl/hum/eng/classes/434/geweb/PROPERTY.htm>.
52. Brown C. H. Language and Living Things. — Rutgers, 1984.
53. Deutscher G. Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. — New York, 2010.
54. *Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction de Alain Rey.* — Paris, 2000.
55. Dils A. T., Boroditsky L. Processing unrelated language can change what you see // *Psychonomic Bulletin & Review.* 2010, 17 (6). P. 882—888.
56. Evans N., Wilkins D. P. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages // *Language.* 2000. № 76 (3). P. 546—592.
57. Evidence for linguistic relativity / Niemeier S., Dirven R. (eds). — Amsterdam, Philadelphia, 2000.
58. Fuhrman O., Boroditsky L. Cross-Cultural Differences in Mental Representations of Time: Evidence from an Implicit Non-Linguistic Task // *Cognitive Science.* 2010. № 34, 8. P. 1430—1451.
59. *Gender in grammar and cognition / Unterbeck B., Rissanen M. (eds.).* — Berlin, 1999.
60. Gumperz J., Levinson S. Rethinking Linguistic Relativity // *Current Anthropology.* 1991. № 32 (5). P. 613—623.
61. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching lexical typology // *From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations (Studies in Language Companion Series) / Vanhove M. (ed.).* — Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 3—54.

62. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous things: What categories reveal about the mind. — Chicago, 1987.
63. *Lang E.* Spatial dimension terms // Language Typology and Language Universals / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). — Berlin, 2001. Vol. 1—2. P. 1251—1275.
64. *Language in mind.* Advances in the study of language and cognition / Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.). — Cambridge, 2003.
65. *Levinson S. C.* Language and Space // Annual review of Anthropology. 1996. № 25. P. 353—382.
66. *Levinson S. C.* Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity. — Cambridge, 2003.
67. *Levinson S. C.* Yeli Dnye and the Theory of Basic Color Terms // Journ. of Linguistic Anthropology. 2000. № 10 (1). P. 3—55.
68. *Lucy J. A.* Grammatical Categories and Cognition: A Case Study of the Linguistic Relativity Hypothesis. — Cambridge, 1992a.
69. *Lucy J. A.* Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis. — Cambridge, 1992b.
70. *Lucy J. A.* Linguistic Relativity // Annual Review of Anthropology. 1997. № 26. P. 291—312.
71. *Lucy J. A.* The role of semantic value in lexical comparison: Motion and position roots in Yucatec Maya // Linguistics. 1994. № 32 (4/5). P. 623—656.
72. *Lucy J. A.* The scope of linguistic relativity: An analysis and review of empirical research // Rethinking linguistic relativity / J. Gumperz, S. Levinson (eds.). — Cambridge, 1996. P. 37—69.
73. *Lucy J. A., Shweder R.* The effects of incidental conversation on memory for focal colors // American Anthropologist. 1988. № 90 (4). P. 923—931.
74. *Lucy J. A., Shweder R.* Whorf and his critics: Linguistic and nonlinguistic influences on color memory // American Anthropologist. 1979. № 81 (3). P. 581—615. Repr. in: Language, Culture, and Cognition / R. W. Casson (ed.). — New York, 1981. P. 133—163.
75. *Newman J.* The Linguistics of Sitting, Standing and Lying. — Amsterdam, Philadelphia, 2002.
76. *Noun classes and categorization* / Craig C. (ed.). — Amsterdam, 1986.
77. *O'Neill S.* Cultural contact and linguistic relativity among the Indians of Northwestern California. — Oklahoma City, 2008.
78. *Pavlenko A.* New approaches to concepts in bilingual memory // Bilingualism: Language and Cognition. 1999. № 2 (3). P. 209—230.
79. *Pavlova A., Bezrodnyj M.* How to Catch a Unicorn? The Image of the Russian Language from Lomonosov to Wierzbicka // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 32. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_pavlova_bezrodnyj_how_to_catch_a_unicorn.pdf.
80. *Phillips W., Boroditsky L.* Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts // Proceedings of the Twenty-fifth Annual Meeting of the Cognitive Science Society. — Boston, 2003.
81. *Relative points of view: linguistic representation of culture* / Stroinska M. (ed.). — New York, 2001.
82. *Rethinking linguistic relativity* / Gumperz J., Levinson S. (eds.). — Cambridge, 1996.
83. *Sériot P.* Oxyrane ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. № 57.
84. *Vanhove M.* Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions: A crosslinguistic perspective // The verbs of perception: a typological study / Å. Viberg // Linguistics. 1984. № 21. P. 123—162.
85. *Viberg Å.* Verbs of perception // Language Typology and Language Universals / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Vol. 1—2. — Berlin, 2001. P. 1294—1309.
86. *Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. Vol. 50, Iss. 3 (May). P. 633—669.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-635

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.33
В. Н. Базылев V. N. Bazylev
Москва, Россия Moscow, Russia

Код ВАК 10.02.01; 10.02.29

ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИКА: «В СЛОВЕ РУССКОМ БОГ»

Аннотация. Излагаются результаты исследований этногенетического нарратива, проводимых в рамках проекта «Сублогический анализ языка» и положенных в основу нового филологического направления — криптофилологии.

Ключевые слова: криптофилология; этногенетический нарратив; феноменология; эйдетика; герменевтика.

Сведения об авторе: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва).

Контактная информация: 117485, г. Москва, ул. Ак. Волгина, 6, к. 235.
e-mail: vladimir@4unet.ru.

POLITICS & LINGUISTICS:

«THE WORD OF RUSSIAN IS WITH GOD»

Abstract. The article presents the results of research of ethnogenetic narrative conducted within the project “Sublogical analysis of the language,” and laid the basis for a new direction of philology — kryptophilology.

Key words: kryptophilology; ethnogenetic narrative; phenomenology; eidetic; hermeneutics.

About the author: Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics & Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

ПОСТМОДЕРНИСТ. *А разве ваше патриотическое чувство не согревается тем, что Россия — это не молодая нация, не какой-нибудь подросток среди взрослых, а совершеннейший ровесник всем остальным историческим нациям и культурам? Это же прямо-таки прорывная идея в создании русского национально-патриотического мифа.*

[Соколов 2003: 107]

Настоящая статья завершает своеобразный триптих, первые две части которого были опубликованы в журнале «Политическая лингвистика» за 2009 и 2010 гг. Они явились определенным промежуточным итогом одного из направлений исследований группы «Сублогический анализ языка» [Базылев 2013: 121—125]. В статьях была обоснована новая предметная область современной отечественной филологии [Базылев 2009; Базылев 2010б]. Первоначально она была названа «криптолингвистикой» [Базылев 2010в]. Однако по прошествии времени выяснилось, что предложенный термин оказался не вполне удачным и нуждается в корректировке [Полиниченко 2010: 196]. За термином, в свою очередь, «тянутся» все остальные фрагменты, образующие то, что считается новым исследовательским направлением, — цели, объекты и предметы исследования, его методы и основная проблематика. Задача данной статьи — дать ответ на вопрос, чем должно заниматься новое исследовательское направление в отечественной филологии, установить его границы. Как и во всякой появляющейся на-

учной области, здесь еще много вопросов, которые ждут ответа, но при этом могут быть намечены основные направления исследований.

Начнем с методологических оснований. Сегодня междисциплинарный подход неклассической научной рациональности сменился постнеклассическим этапом. В этой парадигме сформирован триангуляционный метод. Суть его в том, что одна и та же проблема изучается с помощью различных теорий и методик и все результаты считаются относительно истинными. Они дополняют друг друга, признаются не противоречащими друг другу и не совмещаются друг с другом. Эклектика в данном подходе уже не изгоняется из научных работ, как раньше. Предполагается, что исследователь знакомится с результатами анализа различных подходов, изучает их и получает возможность для построения новых гипотез. Эти результаты существуют как дополнительные друг другу [Фурасов 1997; Базылев 2012б]. В нашем случае мы имеем дело с содружеством (триангуляцией) подхода филологического, лингвистического и исторического. Цель в дан-

ном случае, как и в целом в историко-филологических исследованиях, — это воссоздание/реконструкция фрагмента духовной культуры народа через языковой и стилистический анализ письменных/устных текстов за счет создания «служебного» комментария. Это, в свою очередь, служит самопознанию культуры [Ассман 2004; Базылев 2007].

Что касается термина, которым можно было бы поименовать новую область исследований, то за последние годы какие-то варианты были «возрождены», какие-то заимствованы из европейской лингвистики второй половины XX в., а какие-то предложены вновь: архаизирующая филология (В. Базылев; В. Живов; И. Сандомирская), фолк-лингвистика (Д. Полинченко), наивная лингвистика и любительская лингвистика (А. Зализняк; Н. Голев), профаническая лингвистика (П. Клубков), личная теория языка (В. Кашкин), непрофессиональная лингвистика, фантастическая лингвистика (М. Дебринн) и псевдолингвистика (Вяч. Вс. Иванов), лингвофрическое описание языка и криптолингвистика (В. Базылев), тайноведение (А. Югов), националистическая лингвистика (У. Эко), патриотическое языкознание (К. Богданов), этническая (этнокультурная) имагология (А. Мыльников) и некоторые другие (недавно в Интернете мы наткнулись на термин «бытовая криптолингвистика» [Russky_Udod 2006]). К сожалению, используемые термины не отвечают основным критериям, которым должны соответствовать: системности, дефинитности, моносемантической, дезэкспрессивности и стилистической нейтральности [Никитина 2010]. Они или характеризуются асистемностью (*любительская лингвистика*), или являются межотраслевыми омонимами (*этническая имагология*); кроме того, они экспрессивно окрашены и соответственно стилистически не нейтральны (*профаническая лингвистика, непрофессиональная лингвистика, националистическая лингвистика*). Эти замечания справедливы и в отношении предложенного нами ранее термина «криптолингвистика», уже используемого в криптологии и криптографии, т. е. являющегося межотраслевым. В связи с этим мы хотели бы предложить — в качестве материала для дискуссии — термин «криптофилология». Термин с позиций современного отечественного терминоведения системен в отношении историко-филологического направления (т. е. принадлежит специальной области знания), заведомо не носит межотраслевого характера (на сегодняшний день мы не смогли найти примеры его использования), контекстуально устой-

чив, конвенционален, имеет номинативную форму (т. е. является именем существительным), не экспрессивен и стилистически нейтрален, дефинитивен [Гринев-Гриневич 2008: 95]. Предлагается следующая дефиниция термина: криптофилология — направление исследований, занимающееся сборанием, описанием, анализом и интерпретацией этногенетических нарративов, созданных в рамках духовно-практического знания. Духовно-практическое знание понимается в данном случае по И. Т. Касавину, как «возникающее из непознавательного контекста знание об общении, бытовое, культурно-регулятивное и художественное» [Касавин 1998: 47].

Предпосылки криптофилологии, вызвавшие появление этого нового исследовательского направления, сложились в конце XX в. К ним можно отнести следующее: возврат к пониманию языка как способа формирования национального самосознания [Развитие этнического самосознания... 1982; У истоков... 1987; Развитие этнического самосознания... 1989; Зверева 1996; Зачевский 2002]; рост интереса в общественном (массовом) сознании к вопросам этнической самоидентификации, а также к вопросам собственной этнической истории, реконструкции происхождения и места в мире (среди иных народов) [Никитина 1989; Обыденное... 2012; Полинченко 2013]; накопление текстологических данных об этногенетических нарративах в таких областях, как история, этнография и художественная литература [Мыльников 1996; Барг 1987; Козлов 1996; Козлов 2001]; разработка методики исследования этногенетических нарративов, возникновение необходимости в разработке собственно филологического подхода и критике этногенетических нарративов [Зализняк 2010]. Основная задача, которая стоит перед этим новым направлением отечественных исследований, — текстологическая интерпретация этногенетических нарративов с позиций междисциплинарного подхода: собственно филологического и лингвистического, а также психолингвистического и социолингвистического, с позиций политической лингвистики и когнитивной лингвистики. Основная цель — это модель функционирования этногенетических нарративов, содержанием которых является венауное знание о национальном (этническом) самознании и само-осознании; моделирование процесса политизации этногенетических нарративов с такими переменными, как языковая политика и языковая ситуация. Предметом исследования могут считаться антиномия нарратива, его структурная закры-

тость, непроницаемость и семантическая открытость при том, что нарратив направляет развертывание значений, наращивание новых витков смысла через определенное соотношение структурных и смысловых компонентов; единство противоположностей, доводящее до соотношения взаимоисключаемых элементов (структур, значений); семантическая изотопия нарратива, т. е. правила, обеспечивающие «вызовы», «картины», «сцены», «виды» и иные синестемические феномены, в структуре которых наблюдается прегнантность (связность) интенциональных предметов. Методологические основания исследования образуют феноменология и герменевтика. Методами исследования могут считаться интенциональный анализ (из феноменологии) и деконструкция (из герменевтики) [Базылев 2012в]. Их использование возможно и целесообразно, так как в криптофилологических текстах содержится мимесис как воспроизведение не столько действительности, сколько универсальных отношений порядка в мире.

Как считает К. Э. Штайн, точкой отсчета в исследовании является язык, а именно его реальные и потенциальные возможности, связанные с реализацией языка по принципу «чего он хочет» [Штайн 2001: 7]. Это, в свою очередь, связано с языковой относительностью — не только тем, что слово оформляет мысль, но и тем, что оно побуждает сознание двигаться в том или ином направлении в процессе нарративизации, активизирует творческое воображение адресата, побуждая к сотворчеству, что предопределяет корреляцию значений языковых единиц с интенциональными явлениями, а также с такими феноменами сознания, как артефакты, картины, виды, сцены в неязыковых слоях, иначе — эйдетикой. Использование феноменологического метода позволяет увидеть расслоение в системе языка текста (фонетическое, лексическое, морфемное, морфологическое, синтаксическое) и зафиксировать те эйдетические структуры, которые лежат в основе упорядочения смысла криптофилологического текста.

Обсуждению отдельных фрагментов нового исследовательского направления, которое предлагается именовать криптофилологией, уже посвящен ряд, пока не многочисленный, публикаций. В частях нашего «триптиха», в нашей книге «Криптолингвистика» и некоторых статьях речь шла последовательно о филологическом и лингвистическом фрагментах [Базылев 2012а] предлагаемой научной области. В настоящей части представляется логичным затронуть исторический фрагмент, а именно функционирование

этногенетических нарративов, содержанием которых является вненаучное знание о национальном (этническом) само-со-знании и само-осо-знании в истории с учетом двух переменных — языковой ситуации и языковой политики. Прежде чем приступить к обсуждению материала, остановимся на двух немаловажных, с нашей точки зрения, аспектах создания и функционирования этногенетических стереотипов в лингвокультуре.

Во-первых, нам представляется некорректным рассматривать данную проблему с позиций «высокой» науки, которая настаивает на том (например, в лице А. А. Зализняка), что создание криптофилологических текстов — это удел непрофессионалов, любителей и дилетантов [Якубовский 1997: 219]. Или же с позиций «угрозы», которую несет обществу антиобъективизм криптофилологических текстов [Алпатов 2012: 7]. Подобный подход отражает, по словам В. Е. Чернявской, «нетолерантность в научном дискурсе» [Чернявская 2012: 62]. Противостояние научного и ненаучного знания о языке имеет в России глубокие корни: еще в 1847 г. в Полтаве вышла в свет книга П. Лукашевича «Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов», а в 1897 г. в Москве — книга Д. П. Мартынова с «говорящим» заголовком «Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания». В первой четверти XX в. в оппозиции к «высокой научной лингвистической мысли» оказались в одном ряду, например, Н. Марр (со своей троичной семантикой) и А. Белый (с интересом к глоссоплатии), П. Флоренский и Д. Хармс (с пародией на академическую филологию) [Ямпольский 1998]. Скорее всего, мы подошли в начале XXI в. к обоснованному скептицизму, о котором Г. П. Бейкер и П. М. С. Хакер напишут следующее: «Как скептицизм относительно правила, так и точки зрения сообщества утверждают, что есть нечто ошибочное в понятиях. Но если скептицизм относительно правила, не украшенный скептическим решением, не проблематичен, но абсурден, то есть более прямой ответ, а именно — поставить под сомнение то, как анализируются правила языка, которые существенны для этой абсурдности. Скептицизм в отношении правила не пилит сук, на котором сидит каждый, применяя наши обычные понятия; скорее, он пилит сук, на котором сидят философы и теоретические лингвисты, когда они анализируют понимание языка с точки зрения имплицитного знания сложной системы семантических правил. Теории значения — это мертвые ветви на Древе познания» [Бейкер 2008: 8]. К созданию крип-

тофилологических текстов причастны в первую очередь личности, в той или иной мере профессионально связанные с языком [Что думают... 2004; Градовский 2009] — писатели, историки, гуманитарии: «бесчисленное число писателей XX века, от Мережковского и Белого до Моравиа и Бютора, так или иначе оказываются в „неомифологических“ шеренгах» [Ерофеев 2006: 525]. Примером могут служить наши современники М. Задорнов и Б. Акунин, В. Мединский, В. Новиков и В. Колесов, А. Югов и S. Jovanović [Акунин 2013; Jovanović 2012; Мединский 2010; Новиков 2001; Колесов 1999; Югов 1972]. И это оправдано, по словам В. Новикова, тем, что «двадцатый век ознаменовался колоссальным преувеличением реальной роли языка. Щедрую дань лингвистическому фетишизму отдали и художники, и журналисты, и политики. Любой малоначитанный полуинтеллигент может сейчас тебе вдохновенно процитировать, что слово — это Бог, что солнце останавливали словом да еще, дескать, словом разрушали города. Но солнце пока вроде на месте, а города и до и после Гумилева разрушали и разрушают экстралингвистическими средствами. Давайте без гипербол порассуждаем. Любить язык для человека так же естественно, как любить самого себя, свою мать и свою родину. Но, когда эти природные чувства выходят за нормальные пределы, они оборачиваются соответственно эгоизмом, инцестом и национализмом. А экзатически-языческое идолопоклонство перед языком ведет к словесному бессилию, тавтологичности, когда что-то наговорено, но в итоге ничего не сказано. Любопытно, что тавтологическая речь на холостом ходу наиболее свойственна представителям таких отдаленных друг от друга сфер, как политика и поэзия» [Новиков 2001: 186]. Ему вторит филолог В. В. Колесов: «Напомним, как тяжело и трудно развивалась в России русская концепция языка и слова... „Национальное“ всегда было чуждо схоластике... Сегодня же „национальное“ оказывается впряженным в политическую телегу современной науки... Насильственное смещение и вытеснение национального аспекта в лингвистическом исследовании — наибольший вред, нанесенный языкознанию в России...» [Колесов 1997: 297]. Приведем в качестве примера также поэтический текст: «Историки, не надо „липы“. // Отечества мне сладок дым. // Древнее пирамид Египта // Славянский город Аркаим... // В их заповедном междуречье // Шестнадцать тысяч лет назад // Рождался вместе с русской речью // Земного шара стольный град... // Прости, Кирилл, прости, Мефодий, // Но наша пись-

менность древней... // И знайте, люди-человеки, // Что с легкой нашенской руки // Пошли и майя, и ацтеки, // По сути — наши мужики... // Хоть так, хоть эдак повернуть. // Что нет и не было Америк, // А был и есть — славянский путь. // Что всех земных цивилизаций // Одна, славянская, древней. // Я не к тому, чтобы зазнаться. // А я к тому, что нам видней» [Корнилов 2000]. Если мы заглянем в прошлое, то среди личностей, создававших криптофилологические тексты, обнаружим имена А. Шишкова и В. Тредиаковского, М. Ломоносова и М. Попова [Живов 1996; Сандомирская 2001]. Мы не случайно вспомнили именно о Михайле Ивановиче Попове (1742—1790) — поэте и драматурге, авторе волшебного-исторического романа «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770—1771). Он был одним из создателей фантастической русской мифологии, широко использованной в литературе второй половины XVIII — начала XIX в.

Во-вторых, заявленная нами в дефиниции вненаучность криптофилологических текстов не должна восприниматься как повод для их ненаучного восприятия, анализа и интерпретации, для того, что В. Ерофеев определил как «китч-анализ китч-текста» [Ерофеев 2006: 523]. Как считает Я. Ассман, в этом случае важно понять, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [Ассман 2004: 81]. Это связано, с одной стороны, с социальными рамками памяти, с другой же — с национальным логосом [Хальбвакс 2007; Добродомов 2002; Гачев 2003]. Это своеобразная историософия, т. е. история, происходящая там и тогда, где и когда, по словам К. М. Кантора, «стремление индивида к свободному самосуществлению влияет на формирование социальной необходимости» [Кантор 1992: 3]. Дело, по всей видимости, в том, что общество извлекает из обращения к прошлому сегодняшнее представление о себе, а также точки опоры для своих надежд и целей. Нарративное обращение к прошлому призвано пролить оттуда свет на настоящее и будущее. Такое обращение к прошлому обычно исполняет сразу две, на первый взгляд противоположные функции. Одну функцию Я. Ассман предлагает назвать обосновывающей: она показывает явление настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, данными от Бога, необходимыми и неизменными. Другую функцию — контрпрезентной: она связана с ощущением недостатков настоящего и закликает в воспоминании прошлое, которое обычно приобретает черты героической эпохи. Эти рассказы бросают на настоящее совсем другой

свет: он выявляет недостающее, исчезнувшее, утраченное, вытесненное и показывает пропасть между «некогда» и «сейчас». Здесь настоящее не столько обосновывается, сколько, наоборот, сотрясается в своих основах, или, по крайней мере, релятивируется в сравнении с прошлым, обладавшим большим величием и красотой [Ассман 2004: 84—85].

Из новейших публикаций обратимся за примером к книге А. А. Арцруни «И был один язык», вышедшей в 2012 г. Автор задается вопросом: гегемонию какого «единого языка» прекратил Бог, рассердившийся на строительство Вавилонского столпа? Ответ — армянского: *Армения — колыбель рождения и место послепотопного возрождения рода людского... Шумерское имя Вавилона — Кадингирр — достаточно легко выводится из армянских корней — КА+дун+hepp = есть + дом + отца, или попросту — Дом Бога* [Арцруни 2010: 7—8]. По мнению автора, тот факт, что армянский язык родственен всем весте и никому в отдельности (напомним, в индоевропейской генеалогической классификации языков армянский язык составляет особую группу. — В. Б.), является абсолютной характеристикой предка, прародителя [Там же: 17]. Автор, например, подбирает аргументы в обоснование армянского истока великого переселения народов и происхождения кельтов и скандинавов: *Троя ассоциируется с асгардом — городом богов, главный из которых носит имя Ас... А теперь привлечем армянскую лингвистику. Бог по-армянски — Аствац, где Ас — звезда + твац — данный* [Там же: 244]. При этом автор делает акцент на сопоставлении армянского языка и языка русского как основном доказательном приеме: *Знак одобрения мимически может быть выражен одобрительной улыбкой фонетически близкой к звуковым формам — ха, хи, хе (вспомним — хиханьки да хаханьки), что явно близко к армянской форме согласия ha. А армянское айо есть прямой прародитель телефонного алло со смыслом 'да'. Еще более богатую жатву приносит анализ русского языка на наличие армянского отрицания че. Здесь мы находим весьма обширный ряд: черный, вечер, чреда, чума, мачеха, чертеж, цифра, чеснок...* [Там же: 27—28]. А. А. Арцруни, обращаясь к роли армянского языка как «прародителя» плодотворства, метрологии и антропометрии, математики и металлургии, переходит к истокам воинского искусства, вводя в книгу главу под названием «Получи, лингвист, гранату»: *Как мы видели на примере кумулятивной гранаты, ее основной, боевой эффект со-*

стоит вовсе не в осколочном действии, а в действии взрывном, огневом. Нам видится здесь армянский корень — hур — огонь, взрыв. Здесь весьма интересно армянское название ружья, винтовки — hрацан и орудия — hранат (т. е., по сути, наша искомая граната). Очень интересны в этом ряду русские слова — гроза, гром, грохот и армянские слова hратакел — издавать, hрашк — чудо. Особого внимания в этом ряду заслуживает русское слово — гротеск. На наш взгляд, перед нами абсолютно армянское слово, состоящее из двух корней знакомого нам hро и теск — вид (АРМ.), т. е. гротеск — высвеченный, преувеличенный вид [Там же: 155]. Подобное криптофилологическое изыскание имеет определенную практически-духовную и политическую цель: *...разрешить недоумение в связи с возможной идентификацией с нынешним пониманием слова „русский“ как национальной принадлежности к славянским племенам... Нам представляется эта задача вполне разрешимой опять-таки с привлечением армянской лексики. В данном случае корень рус, рос есть ничто иное, как трансформация армянского джрос, джрус — прибрежный, приводный, приморский и является общей характеристикой причерноморских народов. Подобное прочтение дает основание для разделения понятий русский и славянский и исключения в слове „русский“ этнического, славянской принадлежности и придания слову „русский“ его исконного географического (приморского), а не этнического значения* [Там же: 196].

Но что же представляют собой те функции, которые выделяет Я. Ассман — «обосновывающая» и «контрпрезентная», — с точки зрения предлагаемого нами многомерного анализа — триангуляционного подхода, в котором учитываются как минимум две переменные — языковая ситуация и языковая политика? С нашей точки зрения, следует говорить о детерминирующих функциях порождения этногенетических нарративов при возникновении той или иной степени «свободы слова» в лингвокультуре, т. е. степени возможности создания нарратива с точки зрения наличия исходного (автохтонного или заимствованного) текстового материала (наличия его в семиосфере — по Ю. Лотману), а также наличия соответствующих техник (бриколажа — по К. Леви-Строссу) и степени разрешенности данных нарративов в лингвокультуре как овнешнителей лингвокультурной реакции на языковую политику и языковую ситуацию. Ведь именно в российской истории, по словам Н. Г. Брагиной, «относительно одних и тех же

символов периоды социальной памяти чередуются с периодами социальной амнезии, часто создаваемой искусственно» [Брагина 2007: 232].

Обратимся к конкретному материалу. А. Д. Васильев так характеризовал языковую ситуацию 90-х гг. XX в., теперь уже ставших историей: 1) укрепление и совершенствование официозного российского постновояза; 2) американизация; 3) вульгаризация [Васильев 2008: 6]. Социолингвистический взгляд был лишь подтверждением того, о чем чуть раньше начали говорить сами лингвисты. Ю. Н. Караулов, будучи еще директором Института русского языка им. В. В. Виноградова АН СССР, в 1999 г. выпустил книгу по изучению русской языковой личности, но не просто русской, а великорусской. Третий параграф главы V его книги «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть» так и будет назван: «О национальной памяти великороссов». Со ссылкой на французских семиологов (на Пьера Нора, в том числе) Ю. Н. Караулов напишет: «Национально-культурная память представляет собой основную составляющую в содержании национального самосознания. Это кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: что мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже — зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире» [Караулов 1999: 145—146]. Дело в том, что именно французские семиологии во второй половине XX в. начали говорить о ситуации быстрого исчезновения национальной (для них — французской, для нас — русской) памяти [Les lieux de mémoire... 1986: 19]. Неверным на этом фоне кажется утверждение, что в криптофилологических текстах мы сталкиваемся со спонтанными представлениями о языке и речевой деятельности, сложившимися в обыденном сознании человека. Как раз наоборот: следует говорить, что это результат рефлексии, оформленный в нарративе как духовно-практическое знание, за которое автор несет ответственность перед обществом [Автономова 2004; Шайкенова 2009]. Вот лишь один пример из многих — из книги В. Рака «История забытых цивилизаций. Фантазии на тему родной речи»: *Приступив к ознакомлению с предлагаемой работой, читатель обязательно начнет задаваться вопросом, откуда автор может*

знать, что слова образовались именно так, а не иначе. Поясняю — меня посетила идея. <...> Эта идея не отпускала меня лет двадцать. В продолжение этого времени идея стала преобразовываться в моем сознании в понимание существа дела. Потом она стала превращаться в определенные знания и начала обрастать подробностями. <...> Укоренилось мнение, что славяне получили письменность всего тысячу лет назад. В связи с этим возникают два главных вопроса. Первый вопрос касается славянина Александра Македонского: он что, был неграмотным, хотя его обучал сам Аристотель? Македония всегда была и остается славянским государством. Александр Македонский унаследовал царство от своего отца Филиппа Македонского. Именно из Македонии Александр во главе лиги эллинских государств двинул свои войска завоевывать мир. Где же проходила грань обретения грамотности славянами? Разве для Македонии тоже надо было создавать азбуку для того, чтобы А. Македонского мог воспитывать грек Аристотель? Нужно заметить, что Аристотель был выпитан в Македонию из Афин, а следовательно, он не был земляком македонского царя. На каком же языке он обучал будущего властителя мира? Вопросы не риторические, поскольку в те времена ни слова „греция“, ни самого государства Греция еще не существовало. Были города и союзы эллинского мира. В современном государстве Македонии Александра почитают национальным героем, так же как русские почитают Александра Невского. Видимо, много горя доставил своим врагам этот „Ярь Македонь“, коль остался в памяти народов словом „Армагеддон“. Не только на Руси были в те времена „Ярь-Турь Всеволоту“, но и в Англии были свои короли „Яр-тхры“. Только много позже, когда звезда Александра погасла, английский „Яр-тур“ стал королем по имени Артур.

Открываем этимологический словарь русского языка Фасмера и на 51 странице в разделе сокращений смотрим главу „Языки и диалекты“. В ней на 52 странице читаем принятые сокращения: Макед. — древнемакедонский, Макед.-болг. — македонско-болгарский (славянский язык). Теперь нам понятно, что македоно-болгарский язык — это мостик, соединяющий эллинов и славян.

Второй вопрос — об алфавитах немцев, англичан и других народов Европы. Для них ведь тоже никто не создавал азбуки: они сами приспособили латиницу к своей национальной речи. Только в отличие от славян, европейские народы не имели бере-

стяжных грамот, написанных теми самыми буквами, которыми писали древние финикийцы, этруски и вся Эллада.

<...> Весь мир знает слова „мотор“, „экскаватор“, „сепаратор“, „сенатор“, а ведь эти слова созданы на основе понятий германского божественного „молота тора“. В русской речи с древних времен сохранилось слово „полтора“. Это слово имеет совершенно определенное значение — „один с половиной“, но если в него внимательно вслушаться, то его значение выглядит довольно странно. С одной стороны, оно обозначает половину чего-либо, но, с другой стороны, оно содержит понятие „половина тора“ и номинал один с половиной. <...> Но все эти слова объединены смысловым понятием бурятского слова „балта — молот“ и русского слова „болтать“, в смысле раскачиваемого языка колокола, который изначально был „балта“, а позднее — „болта“ и „балда“. В этих словах мы видим, как постепенно в речи звук „я“ заменился на более поздний звук „о“. Слово „паль-тор“ мы можем узнать в современных фамилиях „Балтерманц и Балдерис“. Справедливости ради нужно добавить, что слово „полтора“ есть в лексиконе не только у русских. Когда-то в седой старине у поляков была денежная единица, называвшаяся „полторака“ [Рак 2010: 14].

Наверное, не должно быть ничего удивительного именно в такой реакции на языковую политику государства и на сложившуюся в итоге языковую ситуацию. Именно так происходит, т. е. таковы функции переменных, потому что, по мнению В. М. Алпатова, мы «постоянно сталкиваемся с непоследовательностью языковой политики». Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин назовут это «двумя традициями в области языковой политики» [Вахтин, Головкин 2004]. Д. Б. Гудков и Е. Ю. Скороходова будут говорить о «размытости и эклектичности национального лингвокультурного мифа примордиализма о русском языке» [Гудков, Скороходова 2010: 193, 200]. В любом случае эта «непоследовательность языковой политики», или «две традиции в области языковой политики», или «размытость и эклектизм» — своеобразный лейтмотив в истории государства. Именно в 1980—1990-х гг., когда усилилось и вылилось наружу разочарование прежней идеологией, образовавшийся вакуум сразу же заполнился разными национальными идеями, нередко с националистическими оттенками. Среди этих идей в качестве приоритетной сформировалась идея идентичности [Язык в контексте... 1994; Языковые проблемы... 1994; Решение... 2003; Решение... 2010]. А ведь

самоидентификация в лингвистическом смысле — это вербальное действие, в котором говорящий прямо или косвенно причисляет себя к какой-либо национальной группе/категории людей. Вербальное действие самоидентификации отражает идентичность и ценности говорящего субъекта как носителя определенной культуры. Идентичность является центром «я»-концепции, определяющей речевые стратегии и тактики языковой личности [Гришаева 2007; Лаппо 2010]. В. М. Алпатов так напишет о сложившейся ситуации: «С 1987 г. началось открытое ее обсуждение. Одна из наиболее активных дискуссий развернулась в 1988—1989 гг. на страницах журнала „Дружба народов“. Ее участниками стали представители разных национальностей. При различии точек зрения все сходились в одном: русификация в СССР зашла слишком далеко, главная проблема — расширение функций языков народов СССР, отличных от русского. Противоположная точка зрения, согласно которой внимание в основном надо обращать на развитие русского языка, отвергалась изначально, а малейший намек на нее, усматривавшийся в изданиях вроде журнала „Молодая гвардия“, с возмущением отвергался всеми. Безусловно, точка зрения авторов „Дружбы народов“ отражала преобладающие общественные настроения тех лет, ставшие реакцией на многолетнюю государственную политику двуязычия, а иногда и ассимиляции. Здесь пока сходились национальная интеллигенция всех республик и деятели формировавшегося радикал-демократического движения России. Несмотря на это, в 1990—1991 гг. власть по-прежнему не имела четкой языковой политики, пассивно реагируя на акции „национал-сепаратистов“. Так называемая демократическая оппозиция в Москве и русскоязычных регионах не обращала внимания на языковые проблемы, характерно их малое упоминание в публицистике тех лет. В республиках же ситуация менялась, где быстрее, где медленнее. Но события августа и декабря 1991 г. поставили национально-языковые проблемы совсем по-иному: решающую роль сыграли два фактора — субъективный и объективный. Субъективный фактор проявился в столкновении разнонаправленных интересов национальных элит, часто далеких от реальности, и сопротивляющегося новой „коренизации“, чаще пассивно, русского населения. Центр при этом снова не имел четкой политики. Впервые со времен Наркомнаца было организовано специальное Министерство по делам национальностей, но министры там быстро менялись, а до

сколько-нибудь серьезной постановки вопроса по языковой политике руки не дошли. Что же касается объективного фактора, то быстро произошли изменения в пользу большего удовлетворения потребности идентичности. Ряд языков получил шанс подняться с уровня бытового общения на уровень регионального языка» [Алпатов 2000: 135—137, 144—145, 164—165; Максудов 2010]. Ответная реакция «снизу», подхваченная и активно тиражируемая СМИ, не заставила себя ждать: *Так что я могу с полным основанием утверждать, что за много тысяч лет до Кирилла и Мефодия наши предки писали так, как мы пишем с вами. Так что существование русского языка (его можно называть как угодно: древнейший русский, палеорусский, общеславянский, индоевропейский) в самые древние времена — конкретно: не менее двухсот тысяч лет назад — составило сущность моего открытия* [Чудинов 2008: 20]. Так, вместо «неопределенной языковой ситуации» совершается концепционный прорыв: общество становится осведомленным о своих первоосновах, получает конкретную панораму мира; растерянность и неосведомленность сменяются конкретной этноязыковой картиной мира:

Расцвет Трои начался с заселения холма Гиссарлык пеласгами-русичами с целью создания базы для своего продвижения в Средиземноморье на рубеже 2-го тысячелетия до н.э. [Демин 1998: 84].

Что же представляет собой этот загадочный „афар“, из которого был слеплен Адам? Известно, что на иврит оказали сильнейшее влияние ханаанский, арамейский, финикийский и греческий языки, которые, в свою очередь, тоже не являются первоязыками. В основе всей древней системы передачи и получения информации ДОС их пор лежит могучий Русский язык. Случилось так, что в западной языковой ветви у некоторых старых Русских слов была потеряна первая буква „В“. Поэтому Славянин Венея (потомок венецов) стал греческим Энеем, Арийские Веды превратились в скандинавские Эдды, а обычный Ветер стал Этером или Эфиром. Наверное, первое разумное существо на планете было создано из какой-то неведомой нам материи — лучезарного эфира, например, но, отнюдь, не их праха [Климович 2008: 8—9].

Не следует, однако, считать, что подобная ситуация сложилась только и исключительно к 80-м гг. XX в. И Н. С. Хрущев, и Л. И. Брежнев, исходившие из тезиса о стирании всяческих различий между советскими людьми на пути к коммунизму, были после-

довательнейшими русификатором из высших советских руководителей. В противовес этому набирал силу ряд языков, наделенных определенными правами (особенно это относилось к языкам союзных республик). С 1950-х гг. в сознании советского человека формировался «комплекс неполноценности» по отношению к Западу, усилившийся в 1970—1980-х гг. Этот комплекс делал более престижными, чем русский, западные языки, в первую очередь английский [Вайль, Генис 1998: 56—58]. То есть языковые противоречия в СССР 60—70-х гг. далеко не всегда можно было охарактеризовать схемой: русский язык — все остальные. Противоречие государственной политики, как считает В. М. Алпатов, было обусловлено стремлением устранить все языки, кроме русского, в сочетании с целью превратить СССР в пятнадцатязычное государство. Непоследовательность здесь была в том, что концепция «второго родного языка» представляла собой не более как компромисс между необходимостью всестороннего удовлетворения потребности взаимопонимания и частичным учетом потребности идентичности, что вызывало ответную реакцию, так как потребность в идентичности удовлетворялась не полностью [Алпатов 2000: 93—97; 103—104].

Здесь нельзя не вспомнить о работах того периода, принадлежащих Алексею Югову (1902—1979), советскому писателю, литературоведу и переводчику [Югов 1972]. В качестве показательного примера обратимся к статье «Родина Ахиллеса», которая была написана в начале 60-х и впервые опубликована в 1962 г. («хрущевская оттепель»), затем без каких-либо изменений вошла в сборник 1972 г. («эпоха брежневского застоя»). Вот завершающий фрагмент статьи: — Ну, хорошо, будем считать доказанным, что Ахиллес — князь Древней Руси, — что же нам-то в этом?! — буквально так сказал мне еще тогда, на докладе, один из приглашенных гостей, типичный представитель „желудочно-полового космополитизма“, по выражению Салтыкова-Щедрина. Ответ па подобный вопрос был дан более ста лет назад Виссарионом Белинским: „Ахилл выше всех других героев целую голову... Ахиллес представляет совокупность субстанциональных сил народа... Это герой поэмы по праву: великая геройская душа его обитает в прекрасном, богоподобном теле; мужество слилось с красотой в лице его; в движениях его величавость, грация и пластическая живописность; в речах его благородство и энергия. Не диво, что боги и сама судьба

помогают ему; не диво, что одно появление его, безоружного, на валу и троекратный крик обратили в бегство войско троян. Он есть центр всей поэмы: его гнев на Агамемнона и примирение с ним дали ей завязку, начало, середину и конец. Гневный, он сидит в бездействии в своей палатке, играя на златострунной лире, не участвуя в боях; но он ни на минуту не перестает быть героем поэмы, в ней все от него исходит и все к нему возвращается. Но это потому, что он присутствует в поэме не от себя, а от лица народа, как его представитель". О, если бы и Виссариону Григорьевичу дано было знать: представителем какого народа является Ахиллес! И что „Илиада“ без Ахиллеса?! „Илиада“ — это ахиллиада! Так неужели нам и ныне безразлично то обстоятельство, что величайший представитель мировой поэзии на протяжении тысячелетий, „божественный Омир“ русского, тавроскифского князя избрал главенствующим героем древнегреческой поэмы? Но ведь и о народах речь! Мы знаем теперь, что воззрения Ломоносова, его гневный отпор ругателям русского народа, таким, как „господин Миллер“, подтверждены были историко-археологическими исследованиями не только в прошлом веке, но еще более — в наше, советское время. Многие из высших представителей отечественной науки, слависты и эллинисты, принимают ныне сторону академика Васильевского в вопросе о соотношении античного (древнегреческого и римского) мира с древнерусским, ему современным. Назовем хотя бы следующие имена: Греков, Рыбаков, Тихомиров, Третьяков, Удальцов, Пассек. Историко-материальный анализ событий Гомеровской Греции, а в частности, событий Троянской войны дает нам право утверждать, что мы, русские, являемся не только „первонаследниками Эллады“, через посредство Византии, но и гораздо ранее возникновения самой Византии, мы, русские, а с нами вместе и славянство, были соучастниками, создателями великой Средиземноморской античной культуры. В свете историко-археологических и лингвистических исследований перед нами явственно предстает единство и взаимодействие на протяжении тысячелетий Средиземноморского и Черноморского древнего мира [Югов 1972: 201—202].

Высказывание подобных мыслей — это следствие хрущевской «оттепели», которая имела двойственные последствия для языковой политики. Относительная либерализация разных сторон жизни поначалу смяг-

чила процесс русификации, начавшийся еще в 30-х гг. XX в., в результате чего языки союзных республик оказались на всей территории страны в привилегированном положении [Базинов, Исаев 1973: 221; Исаев 1982]. Однако все следствия общего «потепления», как считают Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин, были нейтрализованы активным утверждением марксистской традиции, которую Хрущев пытался «очистить» и «развить», при том что пропагандистское прикрытие этой политики оставалось. В 1958—1959-х гг. было вновь объявлено полное равенство всех языков в области образования [Вахтин, Головкин 2004: 183—184]. Такая непоследовательность была наследием всей «сталинской национальной политики», при которой на рубеже 20—30-х гг. борьба с «великодержавным шовинизмом» сначала сменялась борьбой с «буржуазным национализмом» [Ашнин, Алпатов 1994], а затем в общегосударственной политике интернационализм все более сменялся национализмом. Постепенно восстанавливались дореволюционные традиции, и закономерно происходила смена языковой политики во второй половине 1930-х гг. А в 1945 г. выходит работа акад. В. В. Виноградова «Великий русский язык», в которой пересказываются идеи славянофилов и панславистов. При этом заканчивается книга цитатой не из Ленина или Сталина, а из И. С. Аксакова. Как видим, у словосочетания «русский язык» появлялись ценностные коннотации внутри сменяющих друг друга в истории России идеологических систем: он интерпретировался как «великий и могучий язык», «язык революционных идей», «язык, на котором говорит значительная часть населения земного шара», т. е. всегда были попытки согласовать интерпретации русского языка с той языковой политикой, которую проводило государство [Брагина 2007: 345—353].

Так как в нашей статье идет речь об историческом аспекте функционирования криптофилологического нарратива, то логично будет обратиться к иному источнику — акад. Н. С. Державину и его книге «Происхождение русского народа», изданной в 1944 г. Вначале — небольшая цитата: ...*Есть все основания рассматривать нашего диллювиального человека и его культуру на территории, начиная на западе от Моравии и кончая на востоке средним Приднепровьем и далее — поречьем р. Десны и р. Доном, как древнейшего предка позднейшего славянского населения той же территории, культурно смыкавшейся со Средиземноморьем и составлявшей северо-восточную часть средиземноморской культурной об-*

ласты. Это заключение подтверждается материалами археологических раскопок, доказывающими непрерывность населения на данной территории, начиная с эпохи верхнего палеолита и вплоть до эпохи железа, когда на исторической сцене, по данным письменных источников, здесь впервые выступают славяне. <...> Более поздний период в истории населения нашего юго-запада представляет собой так называемая „Трипольская культура“, приблизительно датируемая тремя тысячелетиями до нашей эры. Эта культура замечательна не только своими памятниками, характеризующими сравнительно высокий уровень развития местного населения. Она замечательна также тем, что общностью типа своих вещевых памятников и вскрываемого на их основе социального строя теснейшим образом связывает наш Дунайско-Днестро-Бугско-Днепровский район не только с территорией нынешней Румынии и Венгрии, но и далее — с Балканским полуостровом, с Фессалией и древнейшими культурными центрами Средиземноморья — с Микенами и Критом, а на востоке — с Малой Азией. Это дает основание нашим археологам характеризовать „Трипольскую культуру“ как домикенскую. Киевский археолог В. В. Хвойка, которому принадлежит заслуга открытия в конце XIX в. на Поднепровье памятников „Триполья“, тогда же пришел к заключению, что носителем этой культуры был оседлый земледельческий народ и что именно в нем можно видеть только наших предков праславян (или протославян), предшествовавших и переживших в нашей местности все известные доселе передвижения и нашествия других иноземных племен, потомки которых удержали в своем владении край предков до настоящего времени. В своих археологических работах В. В. Хвойка вообще неизменно подчеркивал, что народ — носитель и строитель „Трипольской культуры“, занимавший громадное пространство и оставивший на всем его протяжении бесчисленные памятники своего постоянного пребывания от неолитических времен до IV века н.э. и далее, очевидно, не мог исчезнуть бесследно или быть заменен каким-либо другим и что, следовательно, в течение своей долгой исторической жизни он был постоянным насельником данной территории. <...> Начиная приблизительно с VIII в. до н.э. и вплоть до II в. н.э., на территории современного украинского народа СССР живет группа племен, известная у древних авторов под общим названием скифы и именующая самих себя

сколотами. В этом последнем племенном термине Н. Я. Марр, как известно, видел протослову термина скловен, рассматривая его основу „сколо-“ как стяженную форму основы „сколо“. Скифская проблема — это огромная проблема в смысле своего материала. Но она огромна и в смысле своего значения для разрешения вопроса о происхождении русских славян. Без учета кимерско-скифского материала нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что камеры и скифы продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках настолько значительным культурным вкладом, что Н. Я. Марр имел все основания утверждать, что „славянский, понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее — кимерский“. <...> Мысль о том, что западные, оседлые, земледельческие скифы были славянами, в свое время усердно, на основании веских доводов поддерживалась одним из лучших знатоков скифских древностей, русским историком акад. А. С. Лаппо-Данилевским (1887 г.). <...> В халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX—VII вв. до н.э., т. е. к тому же времени, о котором идет у нас сейчас речь, когда мы говорим о скифах, имеется, до показанию Н. Я. Марра, между прочим, слово *ri* — камень, которое в усеченной форме *ri-* присутствует у халдов же в составе слова *kar-ri*, чаще *kar-i* — камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении значит крепость, замок. Такого же происхождения и русское кремль. Вторая составная часть племенного наименования сармат — сармар отложилась в черемисском мар в значении человек, муж и т. п. По мнению некоторых исследователей, название народа меря есть славянское изменение слова мари [Державин 1944: 10—16].

Как видим, теоретической основой концепции Н. С. Державина было «новое учение о языке» Н. Я. Марра, зародившееся в конце XIX в. и окончательно оформившееся в 20-х гг. XX в. Мы вновь получаем пример непоследовательности языковой политики. Предложенная Н. Я. Марром теория первоначально соответствовала идеологии интернационализма с ее прогнозом будущего «слияния наций». Чуть позже советская славистика была обвинена в «реакционном панславизме», а национальные историки (украинские, белорусские) получили ярлык «буржуазных националистов». Но потребность государства в продолжении разработки славянской тематики привела к восстановлению славистических научно-исследо-

вательских структур. И это было вопросом в первую очередь политическим: речь должна была идти об этногенезе «великого русского народа». Это было своего рода возвращение к дореволюционной историографической традиции, которая говорила об удревнении, а тем самым об утверждении исторических корней и единства собственно русского народа, и в целом соответствовала общей идеологической концепции возрождения российской национальной идеологии. Наряду с этим приветствовались идеи панславизма, или идеология славянского единства. Современный исследователь А. М. Дубровский называет Н. С. Державина «старым панславистом», поскольку идеи общеславянских единства тот проводил еще в дореволюционных своих публикациях [Дубровский 2000: 20]. Но нужно отметить, что идеи панславизма в 1930-х гг. становятся и государственной идеологией в связи с необходимостью (а таковая была прямо определена на XVII съезде ВКП(б)) противостояния нацистской идеологии пангерманизма. Историки и языковеды были нацелены партией на показ высокого уровня социально-культурного развития славянских племен и народов в древнейший период истории. Именно поэтому предками «русского народа» Н. С. Державин-историк (вслед за Н. Я. Марром-языковедом) называл киммерийцев, скифов, сарматов, находившихся на яфетической стадии развития. Особое место отводилось в этногенезе славян трипольской культуре III тыс. до н. э., которую связывали с протославянами: начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века в юго-западной части территории Советского Союза жил один и тот же в основном ядре народ. Это мнение стало догматическим и до сих пор составляет ядро неоязыческой лингвоисторической концепции [Кавыкин 2006].

Как видим, языковая политика, проводимая в стране, и до начала XX в. не была вполне последовательной, она менялась со временем. Несмотря на это, она оставалась точкой отсчета при проведении языковой политики после революции 1917 г.: в 20-х гг. и в первой половине 30-х гг. от нее пытались отталкиваться, позже ее пытались до какой-то степени возродить. Поясним, о чем идет речь: общая политика царского правительства, ее содержание состояло в поддержке и развитии господствующей роли государственного языка. То, что этим языком оказался русский, сложилось исторически. В XIX в. жесткая ассимиляторская политика совмещалась с наличием довольно большого числа носителей языков меньшинств и для многих — с развитым национальным

самосознанием. Неудовлетворенность потребности идентичности была проблемой. Распространение принципа равноправия народов на языковую сферу находило поддержку не только среди национальных движений, но и среди русской оппозиции разного толка — от либералов до революционеров. Взгляды оппозиционеров различались степенью радикальности, но было у них и нечто общее. Все они, как пишет В. М. Алпатов, «были против ассимиляции и привилегий для русского языка» [Алпатов 2000: 29—30]. Совсем не удивительно, что именно эта непоследовательность обусловила тенденции российского «патриотического языкознания», возникшего на фоне европейского языкознания XVII—XVIII вв., которые отразились в удревнении русской истории, чему сопутствовало и удревнение русского языка, возводимого к праистокам европейской цивилизации. Напомним, что создание словаря «первообразных» слов планировал еще М. В. Ломоносов. В 1742 г. в Академию наук был представлен «Лексикон» Кирияка Кондратовича и «Реэстр российских слов» А. И. Богданова. В 1759 г. А. П. Сумароков публикует статью «О коренных словах русского языка». Об архаизирующих тенденциях как реакции на языковую политику государства можно судить по анонимному «Начертанию о российских сочинениях и русском языке» 1783 г., по речам Ипполита Богдановича и, конечно же, по трудам А. С. Шишкова. Все работы патриотически настроенных филологов XVIII—XIX вв. были обусловлены также тем, что основными языками, определяющими сферу культурной коммуникации в российском обществе, вплоть до середины XIX в. служили французский и немецкий [Базылев 2012а; Богданов 2006; Живов 1996; Сандомирская 2001].

Не следует полагать, что мы — это лингвокультурный уникум в своих поисках. Наоборот, это общее следствие поиска национальной идентичности, и начался он не в XX в. и не в России. Вряд ли стоит говорить о подражании, бездумном заимствовании, прямом влиянии вплоть до идеологической интервенции. Скорее следует усматривать типологические параллели. Это еще одно перспективное направление исследований, которое было продолжено у нас — вслед за европейскими лингвистами — работами Вяч. Вс. Иванова и В. Г. Красильниковой [Иванов 1994: 1068; Красильникова 2011]. Европейские лингвисты также интересовались феноменом, который именуется нами криптофилологией. Произошло это в 80—90-х гг. XX в. и связано с именами У. Эко и Л. Полякова. У. Эко, например, счи-

тает, что источником подобных, как он их именует, «националистических теорий», стал труд Джованни Анниа 1498 г., в котором повествуется, как в Этрурии еще до греков поселились Ной и его потомки. Мысль о том, что тосканский язык произошел от этрусского и тем самым от арамейского, на котором говорил Ной, развивал во Флоренции Джован Баттиста Джелли в XVI в. Данная мысль воодушевила Гийома Постеля, который признавал происхождение кельтов от потомков Ноя. А Горопий ван Бекан поддерживал в том же XVI в. идею о первоизданном языке, в котором существует мотивированная связь между словами и предметами, и находил эту связь яснее всего выраженной в голландском языке, точнее, в антверпенском диалекте. Именно тогда этимологический метод Бекана вызвал к жизни термин «беканизм», или «горопизм», обозначающий явление, которое в современной России на материале русского языка так плодотворно исследуется Д. Ю. Полиниченко. Впрочем, одно дело доказывать, что какой-то конкретный национальный язык благороден, поскольку происходит от первоначального языка, будь то язык Адама или Ноя, и совсем другое — утверждать на тех же самых основаниях, будто это и есть единственный и совершенный язык. До такой крайности, по мнению У. Эко, в западноевропейской истории впервые дошли ирландские грамматисты. А до XIX в. дожила так называемая фламандская теория, описанная Л. Поляковым, в которой утверждается, что «фламандский язык — единственный, на котором говорило человечество в своей колыбели и что один только он и может называться языком, а все остальные, мертвые и живые, не более чем диалекты или жаргоны, более или менее закамouflированные» [Poliakov 1990: 9]. Рядом с голландско-фламандской теорией существуют шведская, основанная на том, что якобы именно в Швеции поселился Иафет со всеми своими потомками и из этой колыбели народов и языков произошли все остальные: «...у Олафа Рудбекия в его труде под названием „Atlantica“ говорится, что греческие буквы произошли от рун и что рун — перевернутые финикийские буквы, из которых Кадм устроил алфавит, подобный еврейскому, означающий те же самые буквы; греки же их наконец выправили и вычертили по линейке и циркулю; а поскольку изобретатель рун среди готов звался Меркуроман, то, значит, Меркурий, что изобрел буквы у египтян, был готом» [Эко 2007: 104]. Многократно повторяющиеся догадки о праве первородства немецкого языка тревожат германский мир с XIV в. По мнению М. Фауста,

«они появляются постоянно именно потому, что германский протестантский мир рвется защищать немецкий как язык, на который Лютер перевел Библию. Кроме того, такого рода притязания должны рассматриваться в контексте политической раздробленности, последовавшей за Тридцатилетней войной. Поскольку немецкий язык оказался одним из самых важных факторов объединения нации, его значимость следовало подчеркивать, а сам язык — освобождать от иностранных влияний» [Faust 1981: 366]. Естественно, у британцев защита кельтского языка, в противовес германской традиции, приобретет совсем иные коннотации. Так, Роулэнд Джонс станет утверждать, что первоначальным языком был кельтский и что «никакой другой язык, кроме английского, не может так же приблизиться к первому универсальному языку, к его природной точности и соответствию между словами и предметами, в той самой форме и манере, в какой мы его представили, как универсальный язык. Английский язык есть мать всех европейских диалектов, включая греческий; старший брат восточных языков и, в нынешней своей форме, живой язык обитателей Атлантики и аборигенов Италии, Галлии и Британии, давший римлянам все те их слова, которые не заимствованы из греческого, и их грамматические имена, а также и многие основные имена многих частей земного шара» [Droixhe 1978: 47]. Можно согласиться с У. Эко относительно общности данных примеров в том, что «националистические гипотезы характерны для XVII и XVIII вв., когда окончательно формируются крупные европейские государства и встает вопрос о главенствующей роли на континенте. Эти громкие притязания на первоизданность рождаются уже не из стремления к религиозному согласию, но из гораздо более конкретных государственных соображений, в чем их авторы более или менее отдадут себе отчет» [Эко 2007: 107—108].

Таким образом, всегда и везде происходит то, что Дж. Фишман назовет «трагедией утраты языка и комедией зацикливания на бесполезных языках, <...> когда народы, которым угрожает утрата своего исторического языка и традиционной связанной с ним этнокультуры, испытывают на себе мучительный опыт пребывания между жизнью и смертью. Им угрожает утрата сложившихся представления о нравственности, добродетельной жизни, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле» [Фишман 2005: 120]. Поскольку в повседневной практике культура скорее иррацио-

нальна, нежели рациональна (как об этом пишут В. Н. Телия и В. В. Красных), то именно на этом фоне происходит формирование и функционирование этногенетических нарративов, содержанием которых является вненаучное знание о национальном (этническом) само-со-знании и само-осо-знании [Базылев 2012г; Бахтикиреева 2012; Красных 2012]. Начинаются парабиблейские и археографические изыскания, ищутся и находятся этноязыковые ключи, творятся лингвокультурные герои, формируется вера и скепсис в отношении лингвовременного и лингвопространственного измерения нарратива, идут процессы его прагматизации и политизации. Нужно согласиться с С. Ю. Даниловым [Данилов 2003: 507—508] — теоретические обоснования и здравый смысл идут здесь рука об руку: «Разве что-то в языке появляется ниоткуда? Разве что-то в языке исчезает в никуда? Разве когнитивные структуры подчинены той или иной политической власти, чтобы измениться в одночасье <...>? Ответы очевидны, но важно не только сказать „нет“, но и обозначить пути в изучении проблемы, <...> проанализировать то запустение, которое, по образному выражению А. Потебни, воцаряется на месте вытесняемых форм сознания и „занимает это место до тех пор, пока вытесняющий язык не станет своим“» [Данилов 2003: 507—508].

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Журнал «Славянское обозрение» — форма самоутверждения «русской теории»? // Русская теория 1920—30 годы : материалы 10-х Лотмановских чтений. — Москва : РГГУ, 2004. С. 81—103.
2. Акунин Б. История Российского государства. — М. : АСТ, 2013.
3. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2000.
4. Алпатов В. М. Народная лингвистика в Японии и России // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык : тез. докл. междунар. науч. конф. — СПб. : Ин-т лингвист. исследований РАН, 2012. С. 7—10.
5. Арцруни А. А. И был един язык. Армянский язык на скрижалях истории. — М. : Менеджер, 2010.
6. Ассман Я. Культурная память. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
7. Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. — М. : Наследие, 1994.
8. Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация. — М. : Наука, 1973.
9. Базылев В. Н. Три источника и три составные части комментария // Текст и комментарий — 5 : сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Базылева, Ю. А. Сорокина. — М. : МАКС Пресс, 2007. С. 6—24.
10. Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «Великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 9—38.
11. Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «В начале было „Слово...“» // Политика и лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 9—25.
12. Базылев В. Н. Криптолингвистика. — М. : Изд-во СГУ, 2010а.
13. Базылев В. Н. Архаизирующий филолог XIX—XXI веков // Современное русское языкознание и лингводидактика : сб. науч. трудов, посвящ. 90-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского / под ред. В. В. Никульцева. — М. : Изд-во МГОУ, 2012. С. 436—443.
14. Базылев В. Н. Новый образ знания о языке как единство явных и неявных компонентов // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. — Саратов : Наука, 2012а. С. 84—88.
15. Базылев В. Н. Герменевтика и культурный статус художественного произведения: как воспринимать сегодня «Энциклопедию русской души» В. Ерофеева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орёл : Орловский ГИИиК, 2012б. Вып. 10. С. 6—21.
16. Базылев В. Н. Этногенетические легенды как фактор самоидентификации этноса // Жизнь языка в культуре и социуме — 3 : материалы Междунар. науч. конф. — М. : РУДН, 2012в. С. 387—388.
17. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. — М. : Наука, 1987.
18. Бахтикиреева У. М., Маркова Е. А. К вопросу о кризисе идентичности. Жизнь языка в культуре и социуме — 3 : материалы Междунар. науч. конф. — М. : РУДН, 2012. С. 391—392.
19. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правда и язык. — М. : Канон, 2008.
20. Богданов К. А. О крокодилах в России. — М. : Новое литературное обозрение, 2006.
21. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. — М. : Языки славянских культур, 2007.
22. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
23. Васильев А. Д. Российская языковая политика 1991—2005 гг. — Красноярск, 2008.
24. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. — СПб. : Гуманитарная академия, 2004.
25. Гачев Г. Ментальности народов мира. — М. : Эксмо, 2003.
26. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. — М. : URSS, 2009.
27. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологической лингвистики. — М. : Академия, 2008.
28. Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. — Воронеж : Воронеж. ГУ, 2007.
29. Гудков Д. Б., Скороходова Е. Ю. О русском языке и не только о нем. — М. : Гнозис, 2010.

30. Данилов С. Ю. Очаги напряжения и конкуренция идеологем // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — Екатеринбург : Урал. ГУ, 2003. С. 507—525.
31. Демин В. М. От ариев к русичам. — М. : Русская правда, 1998.
32. Державин Н. С. Происхождение русского народа. — М. : Советская наука, 1944.
33. Добродомов И. Г. Еще раз об исторической памяти в языке // *Вопросы языкознания*. 2002. № 2. С. 103—109.
34. Дубровский А. М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930—1940-х годах // *Проблемы славяноведения* : сб. науч. ст. — Брянск : Брян. ГУ, 2000. Вып. 1. С. 20—32.
35. Ерофеев В. В. Лабиринт. — М. : Зебра Е, 2006.
36. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
37. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. — М. : Русский Мир, 2010.
38. Зачевский Е. А. Язык как способ национального самосознания // *Вопросы филологии*. 2002. № 8. С. 52—58.
39. Зверева И. Г. Реальность и исторический нарратив // *Одиссей*. 1996. № 1. С. 11—24.
40. Исаев М. И. Социо-лингвистические проблемы языков народов СССР. — М. : Высшая школа, 1982.
41. Кавыкин О. И. Конструирование этнической идентичности в среде русских неоязычников : дис. ... канд. ист. наук. — М., 2006.
42. Кантор К. М. История против прогресса. — М. : Наука, 1992.
43. Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. — СПб. : РХГИ, 1998.
44. Климович К. К. Во власти символов. — М. : Русская правда, 2008.
45. Козлов В. П. Тайны фальсификации. — М. : Аспект Пресс, 1996.
46. Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. — М. : РОССПЭН, 2001.
47. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб. : Златоуст, 1999.
48. Корнилов Л. Аркаим. URL: http://litzona.net/show_3246.php.
49. Красильникова В. Г. Псевдолингвистика // *Сублогический анализ языка* : юбилейный сб. науч. тр. — М. : Изд-во СГУ, 2011. С. 295—300.
50. Красных В. В. Место и роль культуры и лингвокультуры в культурной идентификации и самоидентификации // *Жизнь языка в культуре и социуме* — 3 : материалы Междунар. науч. конф. — М. : РУДН, 2012. С. 10—14.
51. Лаппо М. А. Семантика самоидентификации в когнитивно-дискурсивном аспекте // *Сибирский филологический журн.* 2010. № 4. С. 200—207.
52. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. — М. : ИГПИ, 2010.
53. Мединский В. Р. О том, кто и когда сочинял мифы о России. — М. : Олма Медиа Групп, 2010.
54. Мельников А. С. Картина славянского мира: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. — СПб. : Петербургское востоковедение, 1996.
55. Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // *Язык и личность* : сб. науч. ст. / отв. ред. акад. Д. Н. Шмелев. — М. : Наука, 1989. С. 34—40.
56. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. — М. : URSS, 2010.
57. Новиков В. И. Роман с языком. Три эссе. — М. : Аграф, 2001.
58. *Обыденное* метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово: Кемеров. ГУ, 2012.
59. Полинченко Д. Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики // *Политическая лингвистика*. 2010. № 4 (34). С. 196—202.
60. Полинченко Д. Ю., Бурханова М. С. Любительские лингвистические концепции в современной России (на примере творчества М. Н. Задорнова) // *ВВ. Филологические исследования*. 2013. № 2. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_693.html.
61. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья : сб. науч. ст. / под ред. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Наука, 1982.
62. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма : сб. науч. ст. / под ред. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Наука, 1989.
63. Рак В. А. История забытых цивилизаций. Фантазии на тему родной речи. — Иркутск : Фонд духовного наследия Сибири, 2010.
64. Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М. : Златоуст, 2003.
65. Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М. : Азбуковник, 2010.
66. Сандомирская И. Книга о Родине // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband*. 2001. № 50.
67. Соколов М. Ю. Чуден Рейн при тихой погоде. Новые разыскания: поэтические воззрения славян на историю. — М. : Русская панорама, 2003.
68. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
69. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. — М. : Наука, 1991.
70. У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. — М. : Наука, 1987.
71. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 116—124.
72. Фурасов В. Д. Моделирование плохоформализуемых процессов. — М. : Academia, 1997.
73. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М. : Новое издательство, 2007.

74. Чернявская В. Е. Идеология и нетолерантность в научном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котуровой. — Пермь : Перм. ГНИУ, 2012. Вып. 16. С. 62—70.
75. *Что думают* ученые о «Велесовой книге» / сост. А. А. Алексеев. — СПб. : Наука, 2004.
76. Чудинов В. А. Двести тысяч лет до нашей эры // Российская газета. 2008. № 130 (4687). 19 июня. С. 20—21.
77. Шайкенова Л. М. Рефлексивная лингвистика. — Алматы : Казак Университеті, 2009.
78. Штайн К. Э. «Глубокие истины» на службе филологии // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века : сб. ст. науч.-метод. семинара «ТЕХТУС». 2001. Вып. 6. С. 9—25.
79. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. — СПб. : Александрия, 2007.
80. Югов А. К. Родина Ахиллеса // Думы о русском слове / А. К. Югов. — М. : Советский писатель, 1972. С. 183—202.
81. *Язык* в контексте общественного развития : сб. ст. / под ред. В. М. Солнцева. — М. : ИЯ РАН, 1994.
82. *Языковые* проблемы Российской Федерации и законы о языках : сб. ст. / под ред. Т. Б. Крючковой. — М. : ИЯ РАН, 1994.
83. Якубовский А. А. Эра непрофессионалов // Театр времен Ельцина и Жириновского / А. А. Якубовский. — М. : РГГУ, 1997. С. 219—226.
84. Ямпольский М. Беспмятство как исток. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
85. Droixhe D. La linguistique et l'appel de l'histoire (1600—1800). — Genève : Droz, 1978.
86. Faust M. Schottelius' Concept of Word Formation // Logos semanticos. 1981. № 3. С. 359—370.
87. Fischer M. S. Komparatistische Imagologie: Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotypischer Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1979. № 1.
88. Ivanov V. V. Pseudolinguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics. — Oxford : Pergamon Pr. Ltd., 1994.
89. Jovanović S. M. Retrolingvistika. — Helsinki : Krug, 2012.
90. *Les lieux de mémoire* / sous la direction de Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1986.
91. Poliakov L. Rêves d'origine et folie de grandeurs // Le genre humaine. 1990. № 3. P. 9—23.
92. *Rusky_Udod*. Бытовая криптолингвистика (введение в тему). 2006. 4 дек. URL: <http://www.obogev.net/udod99/24.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Л. В. Балашова L. V. Balashova
Саратов, Россия Saratov, Russia

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
НАЧАЛА XXI В.**

**IMPLEMENTATION OF THE CONCEPTS
“FRIEND OR FOE” IN RUSSIAN
POLITICAL DISCOURSE
IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY**

Аннотация. Анализируется концептуальная структура оппозиции «свой — чужой» в программных документах и массмедиа коммунистической и либеральной оппозиции в современной России; выявляется общее и различное в языковой репрезентации антонимических концептов.

Abstract. The author analyzes the conceptual structure of the opposition «friend or foe» in the policy documents and mass media of the Communist and Liberal opposition in contemporary Russia; identifies also the common and the different in language representation of antonymous concepts.

Ключевые слова: политический дискурс; концепт; русский язык.

Key words: political discourse; a concept; the Russian language.

Сведения об авторе: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Balashova Lubov Victorovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Place of employment: Saratov State University n. a. N. G. Chernyshevsky.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, 11 корп., к. 207.
e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Как справедливо замечают Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2008: 16—17], «политическая лингвистика ... все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира». Вместе с тем актуальным остается высказывание Е. И. Шейгал [Шейгал 2004: 31] о том, что современный политический дискурс представляет собой «непрекращающийся диалог — поединок между „партией власти“ и „оппозицией“, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление». Большую роль в этом процессе играют базовые для данного вида коммуникации концепты, в частности универсальная оппозиция «свой — чужой» (ср.: [Бойко 2005; Выходцева 2006; Красильникова 2005; Нехорошева 2012; Петрова 2006; Пудова 2009; Санцевич 2003; Сахно 1991]).

В основе любой культуры лежит разделение мира на пространство «наше» / «свое» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [Лотман 1996: 175], причем подобное противопоставление пронизывает «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [Степанов 1997: 472]. Особую роль данный феномен играет в самоидентификации различных политических сил в современной России (ср.: [Бутова, Кучинская 2006; Бушев 2009; Синельнико-

ва 2010]), в частности оппозиционных (коммунистических и либеральных) партий, сформировавшихся в конце XX — начале XXI в. (КПРФ — правопреемница КПСС; «Союз правых сил» — с 1999 по 2008 г.; «Яблоко» — с 1995 г.; «Гражданская сила» — с 2007 г.; «Свободная Россия» — с 2003 по 2008 г.; «Гражданская платформа» — с 2012 г.).

Базовые информационно и структурно значимые признаки концептов «свой — чужой» достаточно полно очерчены в программных документах указанных партий, поскольку каждое политическое движение для самоидентификации стремится четко определить своих сторонников и противников, а также те социальные группы, защита интересов которых является его первостепенной задачей.

Как показал анализ электронных вариантов программ оппозиционных партий [<http://www.kprf.ru>; <http://www.pioss.net/blog/party/868.html>; <http://www.yabloko.ru>; <http://www.gr-sila.ru>; http://www.vk.com/topic-24423390_24381865; http://www.old.civilplatform.ru/page/programma_partii/], ядерные признаки «своих» и «чужих» являются общими для коммунистов и либералов, хотя концептуальное наполнение этих компонентов может быть различным.

Так, концепт «свой» включает следующие признаки:

- приверженность определенной идеоло-

гии (у КПРФ — идея социализма и коммунизма: «возрождение социализма в России», «устранение эксплуатации человека человеком», «социальное равенство и справедливость»; у либералов — демократическим идеалам: «соблюдение основных демократических прав и свобод», «ограничение влияния государственной власти в сфере самоуправления, экономики и др.», «гарантия свободного существования партий и их работы»);

- ориентацию на определенную социальную группу современного российского общества (коммунисты опираются на рабочий класс, трудящихся, тех, кто «собственным трудом создает материальные и духовные ценности, оказывают населению жизненно значимые услуги»; либералы — на «российскую интеллигенцию и нарождающийся средний класс», на «бизнес-сообщество», на тех, «кто готов брать на себя ответственность за свои поступки, «на людей, их интеллект, свободу и частную инициативу»).

Основополагающим признаком **концепта «чужой»** для оппозиционных партий, согласно их программам, становится не идеологический, а узкопартийный признак — принадлежность к властным структурам и правящей партии («Единая Россия»). Остальные концептуальные признаки являются производными от базового, причем они во многом едины для коммунистов и либералов:

- деструктивность деятельности власти: «...политика нынешней власти ведет страну к новому экономическому, политическому и социальному кризису» («Союз правых сил»); «...это путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации» (КПРФ); «...логическим следствием такой политики становится деградация систем образования и здравоохранения — ключевых индустрий в современном обществе, изоляционизм, нарастание межнациональных и общественных противоречий» («Гражданская платформа»);

- недееспособность, т. е. неспособность и нежелание решить насущные проблемы страны: «власть скрывает свое нежелание поставить государство на службу конкретному человеку, проводить жизненно важные реформы, модернизировать экономику и политическую систему» («Гражданская платформа»);

- узкая социальная база, в интересах которой действует власть: обслуживание «интересов и воли крупной буржуазии, ее верхушки в лице олигархии», «преуспевающего меньшинства» (КПРФ); обслуживание «интересов узкой группы лиц» («Яблоко»), «обеспечение собственных интересов» («Гражданская платформа»), что ведет к

резкому обнищанию населения России и увеличению пропасти между богатыми и бедными.

Единственным концептуальным компонентом **чужого**, по которому оппозиционные партии придерживаются диаметрально противоположных взглядов, становится территориально-государственный признак — отношение к другим странам, прежде всего к так называемой западной цивилизации. Коммунисты резко противопоставляют себя США и их западноевропейским союзникам, включая последних в состав «чужих» (как «вдохновителей антисоветских сил в нашей стране») и видя в них прямую угрозу успешному развитию России. Для либералов, напротив, западные государства — своеобразный пример, на который необходимо ориентироваться («открыты миру и стремятся интегрироваться в глобальное социальное пространство» — «Гражданская платформа»), потенциальные «свои» (в зависимости от конкретных задач) для демократического блока партий и России в целом.

С точки зрения языковых средств, с помощью которых оппозиционные партии в программных документах выражают концепты **«свой — чужой»**, то это в основном терминологическая и экспрессивно нейтральная лексика. Вместе с тем уже здесь можно выделить, с одной стороны, употребление языковых, часто стертых метафор из общеязыковых концептуальных моделей, а с другой — достаточно активное (особенно в документах КПРФ) использование экспрессивных метафор из блока публицистических клише.

В частности, это концептуальная модель развития как пути (прогресс — движение вперед; деятельность правящей партии **чужих** — движение назад или в пропасть); концептуальная модель иерархической организации социума как противопоставление «верха» и «низа» или как социальной организации рабовладельческого/феодалного типа (ср.: **путь социального регресса; увеличение пропасти между богатыми и бедными; КПРФ борется против закабаления России**).

Анализ оппозиционных партийных масс-медиа за 2006—2013 гг. (газет «Правда», «Новая газета», «Правое дело», «Новые Известия», «Независимая газета», «Новейшие времена», публикаций на официальных сайтах партий КПРФ, «Гражданская сила», «Свободная Россия», «СПС», «Яблоко») [Правда; Новая газета; Союз правых сил; Новые известия; Независимая газета; Новейшие времена; Яблоко; Газета.ru; Гражданская платформа] показывает, что реализация исследуемых концептов во многом

опирается на базовые признаки программных документов партий, хотя здесь есть и определенная специфика.

Так, ядро концепта «свой» в современной оппозиционной прессе, как и в языке или политическом дискурсе в целом, как и в программных документах, составляют безобразные лексические единицы, семантика которых включает значение 'разделяющий взгляды, сторонник, член партии':

- репрезентант концепта — местоимение *свой* и члены этого гнезда, обычно в сочетании с гиперонимом *партия* или гипонимами-конкретизаторами (ср.: *Делать! Свою партию делать, чтобы было за кого голосовать; Конечно, все мы хотим успеха своей партии на предстоящих выборах*);

- местоименные (анафорические) варианты лексемы-репрезентанта — *мы, наши* и т. п., которые за счет грамматической категории числа актуализируют признаки 'многочисленность' и 'единство' (*Наша партия выступает с резкой критикой такой политики; Мы не боимся угроз; Мы хотим действовать. Потому что мы партия активных и ответственных людей; Мы — патриоты, но мы не готовы целыми днями смотреть телеканал „Звезда“, мы готовы работать во имя того, чтобы с Россией считались; мы настоящий признанный авторитет в международной политике, потому, что наши решения взвешены и продуманны; мы не агрессивны, но можем за себя постоять*);

- терминологические обозначения политических сил: *коммунисты, демократы, КПРФ, Яблоко, СПС, оппозиция* (обычно с конкретизирующим определением), *коммунистическая партия* и др. (*Не следует забывать, что Союз Правых Сил — один из наследников демократического движения конца 80-х — 90-х годов XX века; И только коммунисты противостоят этой антинародной власти; Эта критика интересна и заслуживает анализа лишь тем, что из нее лучше становится понятно, что есть наша оппозиция, хотя это и так секрета не представляет*). В редких случаях (преимущественно в СМИ партии «Гражданская платформа») в этой функции могут использоваться перифразы, указывающие на лидера партии: *партия Михаила Прохорова*;

- общеязыковые лексемы (в том числе стертые языковые метафоры), содержащие в своем значении компонент 'разделяющий взгляды, входящий в какую-либо организацию' — *сторонник, член, союзник, активист* — с местоименным или терминологическим конкретизатором (*Задача усложняется тем, что за последние годы многие*

наши искренние сторонники в нас разочаровались; В тех списках, которые мы сегодня будем рассматривать, на выборах в марте, есть не только члены СПС, есть люди, еще недавно состоявшие в других демократических партиях и сейчас являющиеся нашими партнерами и союзниками; Каждый коммунист, каждый сторонник партии призван стать агитатором, действующим в массах, распространителем партийной печати).

Околоядерную информационную зону концепта *свой* в оппозиционных массмедиа также составляет безобразная лексика, содержащая в семантической структуре компонент 'принадлежность к определенному классу и социальной группе общества', причем здесь уже обнаруживаются как общее, так и различное в коммунистической и либеральной прессе.

Независимо от политических пристрастий оппозиционные массмедиа используют члены парадигмы, характеризующие население по территориально-государственному признаку: *гражданин, россиянин, соотечественник*, — тем самым декларируя свою ориентацию на всех граждан России (*Перед нами поставлена задача добиться истинной свободы слова, свободы выбора и свободы действий граждан России; Но мы можем сделать жизнь своих сограждан немного легче*). Интересно, что в либеральной прессе этот признак регулярно сужается до жителя провинции/региона, поскольку данным партиям необходимо, с одной стороны, противопоставить себя властному «центру», а с другой — отмежеваться от критики коммунистов, обвиняющих либералов в элитарности, «столичной» ограниченности (*Всероссийская политическая партия „Свободная Россия“ является одной из немногих федеральных партий немосковского происхождения; Мы считаем себя особенной партией, вышедшей из регионов, созданной не по указке Кремля или губернатора*). Интересными представляются номинации, используемые «Гражданской платформой», — *настоящий россиянин, современные люди*, — в которых фактически население России делится на «правильных», «элитарных» (они-то и составляют потенциальных «своих») и «неправильных», «отсталых», которые, впрочем, обычно прямо не называются.

При обращении к гражданам других государств в реализации концепта *свой* обнаруживается достаточно четкая специфика. Для КПРФ «своими» являются жители бывшего СССР и стран соцлагеря, а также современных прокоммунистических режимов

(Из этих двух миллионов около 350 тысяч — выходцы из республик бывшего СССР, примерно 250 тысяч из бывших соцстран Восточной Европы; Это враждебный вызов русскому народу, народам коммунистических стран — Кубы, Китая, Вьетнама, КНДР, а также стран социалистической ориентации). В либеральных масмедиа этот компонент концепта почти не реализуется, по-видимому, из тактических соображений: «Единая Россия» и КПРФ часто обвиняют либералов в «преклонении» перед Западом, поэтому либеральная пресса предпочитает прямо называть единомышленников и союзников исключительно в пределах РФ.

Общее и различное обнаруживается при реализации околядерного социального компонента. Независимо от приверженности коммунистическим или либеральным взглядам, в число «своих» включаются представители народных масс, для чего, наряду с обобщенными номинациями (*народ, трудящиеся*), употребляется достаточно большое число конкретизаторов, характеризующих практически все основные возрастные, профессиональные, социальные группы современной России (за исключением «олигархов» и «бюрократической верхушки»): *ветераны, пенсионеры, молодежь, студенты, учителя, врачи* и др. (даже «Гражданская платформа», лидером которой является М. Прохоров, один из самых богатых людей в РФ, использует нейтральную номинацию *бизнес-сообщество*). Тем самым оппозиционные партии стремятся одновременно предельно расширить блок «своих» и назвать все социальные слои, которые традиционно активно участвуют в голосовании.

К специфическим способам реализации этой части околядерной зоны концепта *свой* можно отнести регулярное использование коммунистической прессой традиционной с советских времен социальной лексики: *пролетариат, рабочий класс*, — а также типичных для советской пропаганды перифраз: *человек труда, рабочий люд, простые люди* (ср.: *российский рабочий люд, способный подняться на борьбу против „новых русских“; в интересах трудящихся масс; рабочее движение в регионе*). В либеральной прессе таким специфическим репрезентантом становится социальный термин *средний класс* или его терминологические и контекстуальные синонимы, например: *бизнес-сообщество* (ср.: *Опирается „Свободная Россия“ на поддержку малого и среднего бизнеса, а не олигархического капитала; Партия обещает выразить интересы среднего класса — представи-*

телей малого и среднего бизнеса, российских производителей, интеллигенции и молодежи; ...стимулировать оказание социальных услуг негосударственными организациями и бизнес-сообществом).

Таким образом, при реализации ядерной и околядерной информационной зоны концепта *свой* коммунистическая и либеральная пресса используют преимущественно безобразную, часто терминологическую лексику, причем ее состав является общим для оппозиционных масмедиа в целом.

Несколько иное положение наблюдается на периферии концепта *свой*. Средства его реализации в современной прессе отмечены не только большим разнообразием, но ярко выраженной оценочностью. Именно этот компонент концепта позволяет партиям экспрессивно характеризовать цели и задачи, своих сторонников и единомышленников, причем коммунисты и либералы используют специфические модели.

Так, в коммунистических СМИ экспрессивные переносы наиболее регулярно описывают бедственное положение трудящихся (как социальной базы и основного электората КПРФ).

Для актуализации таких когнитивных компонентов концепта *свой*, как 'низкий уровень доходов' в сочетании с признаком 'эксплуатируемость', журналисты-коммунисты часто проводят аналогию между современной Россией и феодально-рабовладельческим обществом, фашистской Германией, а также сравнивают российские реалии с расовой дискриминацией в США прошлых веков (*Нечто подобное мы уже давно видим практически во всех больших городах, когда малоимущие попросту выселяются в гетто на окраины; Это заставляет людей работать на рабских условиях, потому что других условий „свободный“ рынок рабочему не дает; Поэтому, аналогия с рабским трудом имеет основания; Нельзя примирить рабов с хозяевами; Собравшиеся держали в руках плакаты: „Руководство „Антолина“ к ответу!“, „Верните людям работу!“, „Требуем соблюдения трудовых прав!“, „Министерство труда или министерство рабского труда?“, Четвертая каста — гастарбайтеры, то есть рабы, в основном из Средней Азии*).

Не менее регулярно с этой целью используется социально-имущественная метафорическая модель, в которой народные массы ассоциируются с жертвами грабежа и разбоя: *<Власть позволяет> горстке продох купаться в роскоши за счет ограбленного и униженного народа; Опасаясь недовольства жителей, чиновники действуют подобно грабителям, заматающим сле-*

ды преступления; Как будут отвечать фармацевтические и аптечные компании за грабеж больных людей?

В коммунистической прессе фиксируется еще одна метафорическая модель — зооморфная, в рамках которой народным массам отведена роль бессловесного скота, который доят или готовят на убой. Показательно, что этот образ используется только при указании на отношение к народу со стороны политических соперников — партии власти или либеральной оппозиции — и дается преимущественно в кавычках: *Рабочие на заводе бесправны, исключены из решения вопросов, касающихся условий их работы и оплаты, и держатся за рабочую скотину, быдло; Люди ищут убежище в подвалах и в подземных городах. Так им власть капитала обеспечивает скотскую жизнь; „Офисный планктон“ и „быдло“ — таков лексикон современных госчиновников; „Демократическая элита“ позволяла себе называть народ **быдлом**; А дети простых людей <учатся> — в заведениях, которые одна недалекая и хамоватая певица назвала „**быдлярскими** школами“; Подразумевается, что общество у нас поделено на касты. Их три: элита, средний класс и бомжи (**быдло**).*

Легко заметить, что современные коммунистические массмедиа используют традиционные модели и конкретные образы, фиксируемые еще в большевистской риторике конца XIX — начала XX в., а также в советской пропагандистской литературе. Это же свойство проявляется в метафорике, употребляемой для актуализации такого концептуального признака **своего**, как 'предреволюционные настроения', 'готовность к решительным действиям'. Самыми частотными становятся военная и деструктивная метафорические модели (*И этими сражениями будут не уличные стычки, противостояние камней слезоточивому газу, и не всеобщие стачки мирного характера, и не стихийные выступления разъяренного народа, способные в два-три дня **разнести в щепы** репрессивные структуры правящих олигархий; Не иллюзорное, парламентское большинство, а реально **борющееся** сознательное, активное, пусть пока меньшинство способно выполнить роль **авангарда** движения; Мы были убеждены, что для **генерального сражения** сумеем **развернуть все свои** организационно-политические возможности и **ресурсы**).*

Либеральные массмедиа при реализации концепта **свой** реже используют экспрессивно-образные средства, но если такие

встречаются, то они обычно относятся не к тем концептуальным моделям, что в коммунистических СМИ.

Так, в рамках социально-иерархической метафорической модели «своим» отводится роль не угнетенных классов, а, напротив, привилегированных слоев, и этот образ относится не ко всем народным массам, а к интеллигенции и среднему классу (*Интеллигенция — это **элита** России; Под интеллигенцией я понимаю **элиту** страны, творческих и активных людей: и художественно-творческую интеллигенцию, и врачей, и преподавателей вузов, и учителей, и ученых, и, кстати говоря, управленцев — „белых воротничков“; Вы **элита**, вы интеллектуалы*). За счет этого метафорического образа актуализируется признак 'интеллектуальное/моральное превосходство', а не 'униженное положение', как в коммунистической прессе.

В то же время в последние годы наблюдается своеобразная терминологизация лексемы **элита**, которая все чаще характеризует социально-экономические и политические силы, наделенные реальной властью в обществе в целом и в отдельных регионах. В связи с этим оценка данной группы может меняться в зависимости от того, чьи интересы (с точки зрения оппозиционной партии) выражает эта группа, но концептуальные признаки 'сила' и 'власть' она не утрачивает, в отличие от «интеллектуальной элиты», в концептуальной структуре которой данные компоненты попросту отсутствуют (ср.: *Я уже писал о расколе **элит** как одном из главных итогов года; Эксперты отмечают недовольство местных **элит** „варягом“, что повышает шансы прохождения партии; ...отток представителей региональных и местных **элит** из практически всех системных партий*).

Показательно, что при характеристике политических методов борьбы «своих» либеральная пресса использует не столько военную и деструктивную модели, сколько модель пути (последовательного продвижения вперед) и флористическую модель развития (*Но нашей особенностью всегда было то, что мы указывали конкретные и реальные, при этом часто **небыстрые** и **нелегкие** пути решения этих социальных проблем, **сторонясь** митинговых лозунгов; ...вы узнаете, как сравнительно новая всероссийская партия, **выросшая** из региональной, собирается действовать дальше*).

Тем самым в концепте **свой** актуализируется не признак 'активность, решительность', а признаки 'стабильность' и 'последовательность'. Для характеристики предвы-

борной кампании может использоваться и более «агрессивная» модель, но это модель спортивного, а не военного противостояния (ср.: *Наша партия сможет переиграть многие федеральные партии с солидной историей*). Однако в последние годы (особенно после митингов 2012 г.) милитаристская метафора и в либеральной прессе используется достаточно регулярно — ср. лозунг С. Митрохина на выборах мера Москвы в 2013 г.: **ОТСТОИМ МОСКВУ, ОТСТОИМ И РОССИЮ!**

Таким образом, именно с помощью концептуальных метафор оппозиционные массмедиа актуализируют принципиально значимые концептуальные признаки, приписываемые каждой из партий своим сторонникам.

Аналогичную картину можно наблюдать и в отношении концепта «чужой», однако в его реализации есть и ряд специфических особенностей.

Так, в статистическом плане из 266 языковых реализаций концепта **чужой** в оппозиционных массмедиа в коммунистической прессе данный концепт представлен 176 реализациями, в то время как в либеральной — лишь 90. Тем самым можно сделать предположение о его большей релевантности для коммунистов, нежели чем для либералов, поскольку основной стратегией привлечения на свою сторону новых сторонников и избирателей КПРФ избирает «очернение» оппонентов, тогда как либеральная оппозиция в большей степени ориентирована не на «черный пиар», а на анализ общей обстановки в стране, разъяснение собственной идеологии и политических установок (впрочем, с 2011 г. многие либеральные массмедиа в этом отношении занимают более категоричную позицию, так же как и КПРФ).

Ядро концепта **чужой** представлено в оппозиционной прессе с помощью нескольких семантических парадигм, как общих для всех типов партийных СМИ и языка в целом, так и специфичных для политического типа издания.

Репрезентант концепта — местоимение *чужой*, а также члены его словообразовательного гнезда и близкие по семантике местоимения (например, *другой*) — в оппозиционной прессе представлены единичными примерами; немного активнее СМИ используют адъектив *чуждый* (ср.: *„Свободная Россия“, в отличие от других правых партий, заявляет о поддержке идей президента России; А просто работать в правительстве для реализации чуждых идей — нет; Причиной тому (об отказе М. Прохорова участвовать в выборах мэра Москвы) в партии называют нежелание играть по чужим пра-*

вилам. У других политических игроков решение „Гражданской платформы“ вызвало недоумение). Возможно, это связано со стремлением конкретизировать «чуждые» силы, указать на их отличительные (негативные) признаки.

Местоименные (анафорические) варианты лексемы-репрезентанта (обычно в форме множественного числа: *они, их, те*), актуализирующие пространственно-идеологический признак 'отчужденности, удаленности' политических противников, используются достаточно активно (ср.: *Ведь большинство депутатов-единороссов отчитываются исключительно о социальной работе в округе, а о том, как и за какие законы они голосовали, парламентарии предпочитают не распространяться; Просто помнить — это наша страна, а не абстрактных „их“, тех, которые „наверху“*).

Не менее регулярно при репрезентации концепта **чужой** употребляются терминологические обозначения политических сил («*Единая Россия*», *единороссы*, *парламентское большинство*); их контекстные синонимы — гипероним *власть*, высшие должности в чиновничьей иерархии (*губернатор, мэр*) и антропонимы (прежде всего — *Путин*, реже — другие его сторонники). Данная парадигма насчитывает более 40 лексических единиц, чем подчеркивается, что главным оппонентом оппозиция считает власть (*Фракция решила не принимать участия в этой „фиктивной процедуре“, чтобы „не помогать партии власти делать хорошую мину при тоталитарной игре“; Никто из сторонников Путина никуда не выйдет — они будут сидеть тихо, как мыши, и ждать приказаний от нового начальства; Губернатор Валентина Матвиенко призвала „сохранить преемственность власти“ и „выбрать команду“ — что с учетом главного лозунга протезируемой ею партии „„Единая Россия“ — единая команда“ было очевидной агитацией, которая в субботу запрещена; К этому толкают наши Власти; Никак не может губернатор представить себе, что горожане способны бесплатно выйти на улицы и кричать „Матвиенко, уходи!“*).

Регулярным репрезентантом концепта **чужой** является зоосимвол партии «Единая Россия» — медведь (*медведи*), который в оппозиционных массмедиа воспринимается не терминологически, а экспрессивно (в рамках зооморфной метафорической модели), например: *По себе, быть может, судит, да по своим верноподданным „медведям“; Ее кандидатура уже одобрена политсоветом псковской „Единой России“ и фракцией*

„медведей“ в псковском областном Собрании депутатов, а также губернатором области Михаилом Кузнецовым; А многие из тех, кто мог бы „вынести“ депутатов-медведей из городского парламента, остались дома и проголосовали ногами; ...создать высшую партийную школу, в которой „медведи“ могли бы повисить кругозор.

Значительно реже в оппозиционной прессе для реализации концепта **чужой** используются терминологические обозначения противников из оппозиционных партий (для коммунистов — «Яблоко», «СПС» «Гражданская платформа» и др., персоналии — Явлинский, Чубайс, Немцов, М. Прохоров и др.; для демократов — КПРФ, коммунисты, персоналии — Зюганов).

Кроме того, специфика концептуального наполнения **чужого** в партийных СМИ проявляется в том, каким образом происходит дифференциация оппонентов.

Так, в коммунистической прессе фиксируется специфический репрезентант — **демократы**, причем в сочетании с экспрессивно-оценочными эпитетами, нейтрализующими его языковую семантику 'приверженность демократическим идеалам', что регулярно подчеркивается также с помощью прагматической рамки — кавычек: *Его острые, полемические выступления в защиту социалистических завоеваний сразу сделали его опасным противником для рвавшихся к власти **вороватых „демократов“**; Напрасно **московские „демократы“** и их заокеанские хозяева пытаются убедить общественность в том, что современный мир является полем безраздельного господства Америки и пресловутых западных „ценностей“.*

В демократической прессе, напротив, дифференциация **своего/чужого** проводится также внутри демократического блока. В этом случае репрезентантами «чужих» становятся также «Яблоко», «СПС», персоналии — Явлинский, Чубайс, Немцов (в зависимости от партийной принадлежности журналиста). Это, например, ярко отражено в печатном органе «Свободной России» в период создания партии, когда для привлечения сторонников необходимо было противопоставить себя другим партиям правого фланга, что достигалось за счет терминологических в политическом дискурсе номинаций, а также обобщенных наименований, включающих в семантику компоненты 'оппонент', 'возможный противник' (*„Свободная Россия“, в отличие от **других правых партий**, заявляет о поддержке идей президента России; **Идеологические конкурен-***

ты — это все-таки именно „Яблоко“ и СПС; Причинами поражения СПС и „Яблока“, по оценкам ряда экспертов, стали отсутствие понятной идеологии, политическое банкротство лидеров и их неспособность к объединению). Показательно, что семантика репрезентантов (например, конкуренты) может прямо указывать не только на неоднородность правого фланга и несогласованность действий его участников, но и на причину этого — борьбу за электорат.

Интересно, что массмедиа «Гражданской платформы» занимают более гибкую позицию: *„Гражданская Платформа“, которая официально вступила на политическую арену менее года назад, показала, что пользуется большой поддержкой избирателей. Несмотря на, местами, многочисленные нарушения, давление со стороны местных властей и **оппонентов** — кандидаты от „Гражданской Платформы“ заняли лидирующие места и обогнали многих **своих конкурентов**; В ряде регионов партия будет готова развести кандидатов по округам с **близкими** по взглядам партиями, если у таковых окажутся более сильные кандидаты; Партия ведет **диалог** с правыми политическими силами о создании **единого списка одномандатников** на предстоящих выборах в Мосгордуму... Это „Демвыбор“, это „Правое дело“, это „Солидарность“, это /РПР-/ПАРНАС, это „Яблоко“ и разные другие **мелкие партии**, которые просят в переговорный процесс.*

Еще более специфической представляется в оппозиционной прессе околородная зона концепта **чужой**. Более того, именно на этом уровне ярко проявляются различия в концептуальном наполнении исследуемого феномена коммунистами и либералами.

В коммунистической прессе концепт **чужой** интегрально представляет власть, правый политический фланг как внутри России, так и за рубежом. Отражением такого концептуального представления является употребление одних и тех же репрезентантов при характеристике каждой из этих политических сил. Сам принцип отбора лексических средств позволяет выявить основные характеризующие признаки исследуемого концепта с позиции КПРФ.

Во-первых, для коммунистов наиболее значимым концептуальным признаком **чужого** является социально-имущественный: 'материальное благополучие', 'принадлежность к миру крупного бизнеса', — причем репрезентанты, хотя и являются преимущественно терминами (*буржуазия, капиталист, олигарх, буржуа* — и сниженный синоним *буржуй*), включают данные компонен-

ты в ядерную зону своей семантической структуры. В тексте данные лексемы наделяются максимальной негативной экспрессией, подобно периферии концепта (*Такая политика по отношению к экономическим эмигрантам устраивает господствующий класс буржуазии; И те, и другие содержатся буржуазией, как заграничной, так отечественной; Буржуи больше всего боятся, что рабочие могут добиться выполнения своих требований; Так что, несмотря на развал Советского Союза, капиталисты во всем мире не могут спать спокойно; Олигархи мобилизуют на службу своему делу все возможности репрессивной машины, всю свою жестокость и всю свою демагогию; такое усиление было лишь на пользу правящим олигархическим группировкам; Нахождение олигархов у власти в итоге обернулось для страны колоссальными экономическими потерями*).

Во-вторых, в околоядерную зону **чужого** в коммунистической прессе включаются экспрессивные лексемы с ядерными семантическими компонентами 'привилегированное положение', 'использование наемной рабочей силы', 'присвоение результатов чужого труда' — *эксплуатация, господин, хозяин: Только коммунисты ратуют за интересы трудящихся, за подъем их борьбы против эксплуататоров, за социальное равенство; Сначала они из русских делают бедных, а затем защищая бедных, получают их голоса, чтобы самим жить отнюдь не бедно и защищать интересы уже зажавшихся господ; Поэтому хозяева предпринимают решительные действия для подавления протестов рабочих*.

В-третьих, в околоядерную зону включаются лексемы, актуализирующие социально-экономический признак 'западная цивилизация' — *капиталистические страны, империализм, США: Правящие группировки в капиталистических странах и поддерживающие их партии, чувствуя настроения масс, вынуждены лавировать, подстраиваться; Синтез наших стремлений к победе выглядит так: разрушение империализма посредством разрушения его главного оплота — имперского господства Соединенных Штатов Америки*.

В-четвертых, среди идеологических характеристик **чужого** («Единая Россия», правые партии и их идеологи) наиболее значимыми являются такие концептуальные признаки, как 'отказ от марксистско-ленинской идеологии', 'критика социалистического прошлого', для реализации которых используются лексемы с экспрессивно значимым префиксом *анти-* (*антисоветский, антисо-*

циалистический и т. п.), а также слова *противники, ненавистники*, причем обычно в сочетании с оценочными эпитетами: *Тогда никто, кроме кучки остервенелых зоологических антисоветчиков типа Сванидзе, темы ленинского Мавзолея не касался; Чтобы читатели не подумали, что мы голословны и сгущаем краски, мы приводим текст этой листовки в приложении № 1, которая составлялась, очевидно, страстными противниками социализма и советской власти; Пора сказать правду о ненавистниках Владимира Ильича, которые страшатся его великих идей и сегодня, 82 года спустя после смерти вождя Великого Октября, основателя Советского государства*.

Таким образом, околоядерная зона концепта **чужой** в коммунистической прессе имеет ярко выраженную идеологически-пропагандистскую направленность (агитация против власти и демократической оппозиции) и эмоционально-экспрессивную насыщенность.

В отличие от коммунистической прессы, в либеральных массмедиа околоядерная зона концепта **чужой** почти не представлена. По-видимому, для этих изданий более характерна прямая номинация противников. Исключение составляет массмедиа «Свободной России», которая, стремясь противопоставить себя другим партиям правого фланга, использует два основных эпитета, актуализирующих «временной» признак: проявлением оппозиции **чужой** — *свой* является противопоставление *старый — молодой, старый — новый* (К сожалению, „старые“ демократы — СПС и „Яблоко“ — доверия больше не вызывают).

Периферия концепта **чужой** в оппозиционной прессе представлена разнообразными по семантике и по числу репрезентантами, реализующими несколько концептуальных метафорических моделей, специфичных для правых и левых.

В массмедиа КПРФ наиболее востребованными становятся зооморфная, криминальная и социально-иерархическая концептуальные метафоры.

В первом случае (зооморфная метафора) «чужие» исключаются из рядов людей и предстают в образах хищников, трупоедов, грызунов-вредителей или наедающей бока скотины: *В нынешнем обществе всегда найдутся особи с шакальими повадками: если за спиной реальная сила государства, они будут выслуживаться с наслаждением; Именно в хрущевские времена повылезали из своих кухонных нор наглые диссиденты; Сегодня вместо этого — разоренная промышленность, нищенская зарплата большинства тружеников, жирующие олигархи;*

Являясь выкорышками буржуазных тоталитарных режимов, <либералы> хотят направить людской гнев против тех, кто многие десятилетия был подлинным защитником народных интересов; К этому толкают наши власти и ожиревшее стадо хозяев, любящее топтаться по граблям и провоцирующее своими действиями ... адекватные действия активной части народа; Сейчас мощнейший производственный комплекс, созданный трудом и вдохновением народа, захвачен ненасытными олигархами.

Во втором случае (криминальная метафора) «чужие» предстают в образах воров, грабителей и убийц: *А кто посчитает убытки, которые несет страна от деятельности доморощенных олигархов, утопающих в роскоши, не желающих делиться награбленным?!; ...горстка грабителей, пройдох обманом присвоила чудовищные богатства, купается в роскоши за счет ограбленного и униженного народа; Выделены ресурсы — и вот уже бегут наперегонки в новую „единую“ мэры и губернаторы, разного масштаба грабители-нужники и неисчислимый чиновный люд; ...лозунг, который ежедневно поднимает на демонстрациях молодежь нашей страны: „Ни земли, ни воды убийцам народов!“*

В третьем случае (социально-иерархическая модель) за основу берется структура рабовладельческого общества или царской России. «Чужие» (власть и капитал) выступают в роли рабовладельцев, царей по отношению к «своим» (трудящимся). В то же время отношения внутри блока «чужих» строятся по образцу отношений барина-помещика (президент, Путин, власть, капитал, западные буржуазные режимы) и его крепостной дворни («Единая Россия» и все оппозиционеры, кроме коммунистов, чиновники), например: *Он задает Путину и его придворной челяди, от „единороссов“ до политического шута Жириновского, прямой вопрос: „Господа, что вы сделали за годы своего сидения во власти?“; В нашем случае лакеи капитала решили совместно выступить против расизма и ксенофобии; И только коммунисты противостоят этой политической и идеологической обслуге буржуазного класса.*

Таким образом, коммунисты с помощью экспрессивной периферии формируют в сознании своих единомышленников и избирателей прежде всего личностный (а не идеологический или социально-политический) образ **чужого** — абсолютно безнравственного человека. Однако характерным концептуальным признаком становится не только

‘цинизм’, ‘безнравственность’, ‘отсутствие чувства собственного достоинства’, но и ‘малочисленность’. Не случайно в коммунистической прессе используются по отношению к оппонентам и власти экспрессивные метафоры типа **кучка антисоветчиков, горстка империалистических наймитов, горстка нуворишей**.

В массмедиа правой оппозиции с помощью метафор экспрессивно-оценочной характеристике подвергаются две группы «чужих» — властные структуры и «Единая Россия», а также конкурирующие демократические партии, причем в целом система используемых концептуальных моделей не столь агрессивна, как в коммунистических изданиях.

Самой востребованной оказывается присущая и КПРФ социально-иерархическая модель, в рамках которой правящие круги (**чужой**) предстают в образах верховных правителей феодально-абсолютистской монархии, за счет чего актуализируется концептуальный признак ‘тоталитаризм’ (*Но ни один из давно и прочно дискредитировавших себя „царьков“ не снят с должности; Идея превращения „Владимира Владимировича Красно Солнышко“ (Путина) в царя, впрочем, не нова; Мы не хотим превращаться в оффшорную аристократию; А у нас сводится все к одному всегда: есть царь, и есть весь остальной народ; Крупный акционер — царь и бог, он решает все*), а отношения представителей власти между собой ассоциируются с отношениями в родовой общине или барской усадьбе (*Совет Федерации может пополниться еще одним представителем „питерской диаспоры“; Дикий капитализм породил племя региональных феодалов и барчуков; Такую экономику в принципе невозможно построить силами феодальных крепостных и тоталитарных рабов, в которых некоторые политические силы и властные кланы настойчиво хотят превратить граждан России*).

С помощью метафор правые СМИ также подчеркивают деструктивный и агрессивный характер деятельности власти («чужих») по отношению к «своим», но, во-первых, в роли «своих» обычно выступает не только вся страна, но и либеральная оппозиция (причем второй вариант более регулярен), а во-вторых, для этих целей чаще всего используется не зооморфная модель, а метафора пути: «чужие» мешают, препятствуют поступательному движению «своих» (ср.: *Партии кремлевского толка стараются как можно скорее довести Россию до ручки, до бездны; И поэтому в нашей победе объек-*

тивно заинтересованы абсолютно все, в том числе и те, кто голосует против нас, в том числе власть, которая **ставила и будет ставить препоны на нашем пути**). Показательно, что эта же модель может применяться по отношению к «чужим» — левой оппозиции (**А коммунисты только и делали, что совали палки в колеса**). Не менее активно используется характеристика политики власти как топтания на месте или движения в «никуда»: **С точки зрения развития страны это стратегический тупик; Государство делает шаги, заводящие его в тупик; Ситуация должна их ставить в тупик, потому что для них это тупик явный; <Проблемы> будут решаться? Или опять будет топтание на месте?; К „факторам торможения“ процесса модернизации сегодня, на мой взгляд, относятся: 1) распоряжающийся национальными ресурсами правящий консолидированный класс коммерческой бюрократии...**

В отличие от коммунистической прессы, либералы для актуализации признака 'недееспособность' активно пользуются биоморфной метафорической моделью, в которой «чужая» власть предстает в образе больного, немощного человека, часто страдающего психическим заболеванием: **Время от времени она возникает в воспаленных от любви к вождю (Путину) мозгах некоторых представителей общественности и отдельных политиков; Бессилие власти — насилие в обществе!; Наука и высокотехнологичная экономика не могут развиваться в удушливой политической атмосфере; <запретительная мера власти> отражает только слабость и маразм тех, кто боится.**

Метафорический способ репрезентации **чужого** в массмедиа правой оппозиции имеет еще одну особенность. Если коммунисты регулярно используют хотя и хлесткие, но грубовато-сниженные средства из арсенала газетных штампов советской пропаганды, то либералы чаще прибегают к индивидуально-авторским развернутым метафорам, ориентированным на прецедентные тексты интеллигентной аудитории. В частности, характеристика «чужих» (власти, конкурирующих партий левого и правого толка) может строиться на обыгрывании европейских средневековых сказок, легенд об Артуре и рыцарях Круглого стола, философски-сатирических сказок Е. Шварца (впрочем, и то и другое хорошо известно широким слоям россиян благодаря культовым отечественным и голливудским фильмам).

При формировании таких метафорических блоков может использоваться несколь-

ко типов образов, но все они, как правило, включены в единую систему и не противоречат друг другу, например: **Но сперва надо самим сделать работу Ланцелота, не надеясь на его возвращение — избавить город от бургомистров и генрихов.** В данном случае демократические силы предстают в образе узнаваемого по культовому телефильму «Убить дракона» рыцаря Круглого стола Ланцелота, тогда как современная власть «чужих» — в маске жестокого и коварного средневекового бургомистра (из этой же телесказки), а также английского монарха Генриха (это и деспотичный герой шекспировских хроник, и исторический английский король Генрих VIII — жестокий, расчетливый, вероломный тиран, заботившийся о собственной выгоде и готовый ради нее на любые жертвы).

В либеральной печати представлена и тонкая ирония (обычно по отношению к «чужим» из правого блока), например: **Посмотришь на много из „коллег“ (представители СПС и «Яблоко» в интерпретации «Свободной России») — вылитый Охотник из пьесы Е. Шварца „Обыкновенное чудо“, персонаж, который давно перестал охотиться и целиком отдался борьбе за признание себя самым метким стрелком.** Однако именно по отношению к «своим чужим» либералы допускают и более грубые стилистические приемы, актуализируя те же компоненты, что отмечались в околоядерной зоне концепта — 'псевдодемократизм', 'эгоизм', 'бездеятельность' и 'нежизнеспособность', ср.: **К сожалению, „старые“ демократы — СПС и „Яблоко“ — доверия больше не вызывают. Для меня это такие достойные музейные экспонаты. Достойные — подчеркиваю, — но музейные; Борьба за выяснение, кто демократ в большей степени и у кого демократия длиннее, в итоге превратила их в аморфные структуры** (намек на грубоватые мужские «соревнования» по длине пениса).

Итак, как показывает анализ, периферия является самой индивидуальной и разнообразной зоной концепта **чужой** в современной оппозиционной прессе. Она представлена разнообразными концептуальными признаками в зависимости от направления оппозиции. Так, **чужие** в восприятии коммунистов не только отвергают идеалы социализма и коммунизма, но сами не обладают никакими ценностями или принципами. Ради собственной выгоды они способны на предательство, воровство или пренебрежение человеческими ценностями. Либералы в большей степени ориентированы на негативную, но достаточно объективную харак-

теристику социальных и идеологических признаков **чужого**, причем как власти, так и своих конкурентов по правому блоку.

Кроме того, можно отметить бóльшую ориентацию на газетные штампы советского периода у коммунистов. Либералы также не избежали этого, но в их СМИ фиксируются и индивидуально-авторские развернутые метафоры, и ирония.

В целом оппозиционные массмедиа содержат четкую позицию, в соответствии с которой партии определяют своих идеологических противников и конкурентов на выборах — **чужих**. Центральное положение в данном концепте принадлежит власти и «Единой России». Для коммунистов это также крупный капитал и правые партии, для демократов — конкурирующие либеральные и демократические партии.

Как и при реализации концепта **свой**, концепт **чужой** в современной оппозиционной прессе неоднороден по своей структуре. Так, в структуре исследуемого концепта находят отражение признаки как общие, так и специфичные для каждого направления оппозиции. В целом **чужой** характеризуется большим разнообразием, дробностью и специфичностью в системе представленных признаков, во многом специфичных для конкретного направления оппозиции. Общим же является то, что оппозиция использует концепт **чужой** для прояснения собственной позиции, выражения отношения к социальной, политической обстановке в современной России, а также для оценочной характеристики своих оппонентов.

ИСТОЧНИКИ

1. *Газета.ru*. URL: <http://www.gazeta.ru>.
2. *Гражданская платформа*. URL: <http://civilplatform.ru>.
3. *Независимая газета*. URL: <http://www.ng.ru>.
4. *Новая газета*. URL: <http://www.novayagazeta.ru>.
5. *Новейшие времена*. URL: <http://www.newst.ru>.
6. *Новые известия*. URL: <http://www.newizv.ru>.
7. *Правда*. URL: <http://www.gazeta-pravda.ru>.
8. *Союз правых сил*. URL: <http://www.sps.ru>.
9. *Яблоко*. URL: <http://www.yabloko.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

10. *Балашова Л. В.* История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2011.
11. *Бойко М. А.* Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирова-

ния коллективной идентичности СМИ // Политическая лингвистика. 2005. № 17. С. 163—178.

12. *Будаев Э. В., Чудинова А. П.* Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.

13. *Бутакова Л. О., Кучинская Е. В.* Смысловое поле «свой — чужой» как компонент современного русского языкового сознания // Новое в когнитивной лингвистике. Сер.: Концептуальные исследования. — Кемерово: КемГУ, 2006. Вып. 8. С. 321—332.

14. *Бушев А. Б.* Политический дискурс в материалах периодической печати фактографических и художественных жанров // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 72—82.

15. *Выходцева И. С.* Концепт *свой — чужой* в советской словесной культуре: 20—30-е гг. : дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2006.

16. *Красильникова Н. А.* Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории *свой — чужие* в экологическом дискурсе США, России и Англии / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

17. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М. : Языки русской культуры, 1996.

18. *Нехорошева А. М.* Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой — чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 140—145.

19. *Петрова М. Л.* Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX—XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

20. *Пудова Е. А.* Концепт «Чужие» как базовый концепт политического дискурса «Объединение Германии» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 96. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhie-kak-bazo-vyu-kontsept-politicheskogo-diskursa-obedinenie-germanii#ixzz2lMcM56Dc>.

21. *Санцевич Н. А.* Различие метафорических моделей и оппозиция «свой — чужой» в немецкой периодической печати как один из параметров вариативности языковой картины мира // Политическая лингвистика. 2003. № 11. С. 171—192.

22. *Сахно С. Л.* Свое и чужое в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М. : Наука, 1991. С. 95—101.

23. *Синельникова Л. Н.* Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34—39.

24. *Степанов Ю. С.* Словарь русской культуры. — М. : Языки русской культуры, 1997.

25. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.161.1'272+811.161.'42
ББК Ш141.12-006.21+Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. Д. Васильев А. D. Vasiliev
Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

**ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ
ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЫСТУПЛЕНИЯ**

**THE INTERPRETATIVE POTENTIAL
OF THE TEXT
OF POLITICAL SPEECH**

Аннотация. Статья посвящена возможностям интерпретации политического текста. Фактическим материалом послужило выступление В. В. Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г.

Abstract. The article is devoted to the possibilities of interpretations of a political text. The factual material of the article is V. V. Putin's speech in the «Valdai» club 19.09.13.

Ключевые слова: идентичность; национальный; идея; идеология.

Key words: identity; national; idea; ideology.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasileva@kspu.ru.

Полковник Аурелиано Буэндия представлял себе этих одетых в черное законников — как они выходят из президентского дворца, ... чтобы обсудить, что хотел в действительности сказать президент, когда сказал «да», или что он хотел сказать, когда сказал «нет», и даже погадать о том, что думал президент, когда сказал совершенно противоположное тому, что думал...

Г. Г. Маркес

В последнее время, судя по текстам средств массовой информации, в центре общественного внимания вновь, как это случилось уже неоднократно, оказалась проблематика, связанная с возможностью и даже необходимостью национальной идеи в России, а также ряд сопряженных вопросов. Они обсуждаются на разных уровнях социальной структуры. Вероятно, импульсами к дискуссиям подобного рода оказываются высказывания самых высоких российских государственных руководителей.

Специалистам хорошо известна значимость лингвистического анализа текста, причем далеко не только по отношению к художественному произведению, обладающему определенными особенностями употребления языковых средств (см. об этом, например: [Шанский 1984: 5; Бахтин 1986: 306; Лотман 1996: 222] и др.). Одной из важнейших при этом выступает проблема адекватного понимания адресатом высказываний адресанта — безразлично, устных или письменных. А для этого, конечно же, необходимо, чтобы аудиторией точно воспринималось значение буквально **каждого** обращенного к ней слова.

Однако далеко не всегда подобное имеет место в реальных коммуникативных ак-

тах, в том числе и тогда, когда общение происходит на одном и том же языке. Это отмечал еще А. А. Потебня: «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперципировать содержание его мысли... Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях <...>, но легко может быть осознано при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове» [Потебня 1976а: 139—140], т. е. **формально** аутентичность звукобуквенного комплекса для обоих коммуникантов вовсе не является залогом абсолютно одинакового восприятия адресатом семантики слова, употребляемого адресантом. Оказывается, что, как ни парадоксально это звучит, «всякое, даже самое полное понимание есть в то же время непонимание. Человек не может выйти из круга своей личной мысли» [Потебня 1976б: 256].

В определенном смысле развитием этих идей можно считать перечень параметров, предлагаемых для оценки эффективности семиотических систем: «Для того, чтобы

достаточно сложное высказывание было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т. е. фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки — дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией» и т. д. [Лотман 1996: 13].

Вышесказанное, с учетом неизбежной социальной стратификации и вытекающей из нее дифференциации словоупотребления, вполне можно отнести и к языку политической коммуникации. Нередки примеры различных пониманий представителями разных слоев одних и тех же слов; ср.: «...общественный дискурс оперирует понятиями типа *толерантности*, истинность которых полагается очевидной... Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорят народ и его элита?.. Прежде чем проводить Дни, Марши, Митинги *толерантности* и говорить об этом, до масс нужно донести, о чем им говорят и чем их хотят благодетельствовать» [Суспицина 2007: 73]. Вот еще разумный вопрос, который можно считать риторическим: «Является ли сложившимся социальным субъектом нация „Россияне“, или она пока еще также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле у — нет, топия — места), как в свое время „Советский народ“?» [Арапова 2007: 9] (подробнее об интенсивном внедрении в речекommunikативный оборот, а следовательно и в сознание носителей языка слова *россиянин* и соответствующем вытеснении им слова *русский* см.: [Васильев 2013: 359—446]).

В данной статье в качестве исходного эмпирического материала привлекается прежде всего текст выступления В. В. Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Заседанием международного дискуссионного клуба «Валдай»]. Следует оговориться, что, как известно, лингвистическим анализом публичных речевых (официальных или полуофициальных) актов российских президентов уже занимаются другие специалисты. Однако для нас эти акты интересны в том отношении, что содержат в своем составе некоторые лексемы, чрезвычайно популярные в современном российском официозном дискурсе. Конечно, трудно сказать со всей определенностью, кто именно является инициатором их вхождения в ши-

рокий речевой оборот: сами ли высокие руководители (и, весьма вероятно, не без участия своих спичрайтеров, т. е. штатных речеписцев), или разного рода политтехнологи и аналитики, или собственно деятели средств массовой информации и т. п. Но, наверное, это не принципиально важно: значимы сами факты частотности подобного публичного словоупотребления. Кроме того, можно предположить, что случаи использования таких лексем речедеятелями, занимающими высшие государственные посты, оказываются до некоторой степени эталонными для прочих носителей языка, особенно тех, которые принадлежат либо стремятся принадлежать к доминирующей страте социума и с этой целью имитируют вербальное поведение его реальных верхов — дабы оказаться с ними в одном семантико-стилистическом регистре.

Уже во вступительном слове С. Миронюк (представившийся как «модератор и соорганизатор Валдайского клуба») заявляет о состоявшемся 10 лет назад собрании этого сообщества, включавшего в себя «экспертов, политологов, журналистов», с целью «поговорить, **как это ни странно**, о **новой российской идентичности**». Оказывается, что и в рамках последнего по счету, юбилейного заседания участники «очень горячо обсуждали российскую *идентичность*, глобальные вызовы и проблему идентичности через призму этих глобальных вызовов». Однако сразу же возникает вопрос: а что именно, собственно, подразумевается под *идентичностью*? Если обратиться к данным словарей разных жанров, то обнаружим следующее: «*идентичный* [ср.-лат. *identicus*] — тождественный, одинаковый» [СИС 1979: 187]; «*идентичность* книжн. Свойство по значению прил. *идентичный*. Идентичность мнений», «*идентичный* книжн. Полностью совпадающий или точно соответствующий чему-л.; тождественный. Идентичный текст. Идентичный перевод» [МАС₂ 1981: 630]; «*идентичность* (от позднелат. *identicus* — тождественный, одинаковый) — тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь» [СЭС 1983: 475]; ср.: «*идентификационный* Δ Идентификационный номер налогоплательщика. Фин. **уникальный** код, присваиваемый являющемуся налогоплательщиком физическому или юридическому лицу для учета налогообложения» [ТССРЯ 2001: 293] (обратим внимание на компонент дефиниции *уникальный* — без какого-либо указания на известные по ранее изданным словарям «тождественность» или «совпадение»); ср. также: «*идентификация* книжн. Действие по знач. глаг. *идентифицировать*... — книжн. установить (устанавливать) полное совпаде-

ние, соответствие одного предмета, явления и т. д. другому» [МАС₂ 1981: 630] — и «*идентификация* — 1) признание тождественности, отождествление объектов, опознание, ... 3) в психологии и социологии процесс эмоционального и иного самоотождествления личности с др. человеком, группой, образцом» [СЭС 1983: 475].

Однако в другом языке тот же латинский корень дал несколько иные всходы: «*identify* — 1) устанавливать тождество; 2) опознавать, устанавливать личность; 3) отождествляться, солидаризироваться»; «*identity* — 1) тождественность, идентичность; 2) подлинность; 3) личность, индивидуальность» [Мюллер 1956: 303]; также: «*identify* — 1) say, show, prove, who or what a person or thing is; 2) *identify with* — *treat (something) as identical (with another)*; *identity* — 1) state of being identical; exact likeness; 2) who a person is; what something is» [Hornby 1984: 306]. Очевидно, что в цитированном выше высказывании С. Миронюка значение слова *идентичность* весьма близко к некоторым из последних приведенных лексикографических дефиниций — впрочем, вовсе не характерных для его традиционной семантизации в словарях русского языка. Заметим попутно, что и словосочетание *глобальные вызовы* явно имеет американско-английское происхождение (ср. *global challenges*).

Конечно, трудно предположить, что С. Миронюк «модерировал» выступление В. Путина (скорее уж, наоборот), однако слово *идентичность* неоднократно прозвучало и в речи президента, в которой оно оказывается одним из ключевых.

Вероятно, ключевые слова (или, по крайней мере, весьма близкие к этому статусу) в данном речевом акте В. Путина (если расположить их по степени убывания частотности) следующие: *национальный* и однокоренные — 27 употреблений; *идентичность* — 11 употреблений; *идеология* и производные — 10 употреблений; наконец, *идея* — 4 употребления. Каждое из них заслуживает особого рассмотрения, поскольку выступает в ранге ключевого. Следует иметь в виду, что «как субъективный лингвистический фактор текстобразования ключевые слова являются опорными „вехами“ в порождении и восприятии текста. Их выбор определяется авторской интенцией, творческим замыслом автора и связанной с этим коммуникативной стратегией текстового развертывания. Обычно ключевые единицы актуализируются автором, т. е. либо повторяются, либо отражают стратегию контраста или обманутого ожидания; иногда наблюдается совмещение разных типов выдвигания» [Болотнова 2006: 418].

Начнем с наиболее частотного из ключевых здесь слов — *национальный*. Оно употреблено в выступлении В. Путина в следующих сочетаниях: *наша национальная идентичность*; *наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения*; *вопрос обретения и укрепления национальной идентичности... носит для России фундаментальный характер*; *Россия испытывает не только объективное давление на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности*; *новая национальная идеология* (после 1991 г.); *отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности* (после 1991 г.); *новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам*; *стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера*; *идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху*; *синтез лучшего национального опыта и идеи*; *дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма <...в самом чистом значении этого слова>*; *слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России*; *отрицаются (во многих евроатлантических странах) нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная и даже половая*; *попытки ... размыть институт международного права и национально-го суверенитета*; *в советское время... почти каждый маленький народ имел свое печатное издание, ... поддерживалась национальная литература*; *<наше государственное устройство> всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий*; *как политически, идейно, концептуально будет оформлена идеология национально-го развития — предмет для широких дискуссий*; *Солженицын говорил о сбережении народа после тяжелейшего XX века как о главной национальной цели*; *мы только немного отступили от опасной черты утраты национального потенциала*; *упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед*.

Кроме того, по одному разу употреблены также и однокоренные слова: *нация* (в ре-

зультате <национальных катастроф XX века> получили разрушительный удар по культурному и духовному коду **нации**); **многонациональный** (Россия формировалась именно как **многонациональное** и **многоконфессиональное** государство); **многонациональность** (ставя под вопрос нашу **многонациональность**, ... мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода); **общенациональный** (много зависит от учительского, преподавательского сообщества, которое было и остается важнейшим хранителем **общенациональных** ценностей, идей и установок^[1]); **национально** (только из эффективных механизмов самоуправления может вырасти настоящее гражданское общество^[2] и **национально ориентированная элита**^[3]). Напомним, что одной из важнейших новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов **нация**, **национальный** и родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций во многом предпрещается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем *нац-* в русском языке. Попытка заключить названные термины в хотя бы более или менее жесткие рамки дефиниций имеют давнюю историю (подробнее см.: [Васильев 2013: 326—330 и др.]).

В советской лексикографии сложилась определенная традиция толкования многозначных слов с этим корнем: на протяжении десятилетий компоненты их семантической структуры выстраиваются, по существу, в одной и той же иерархической последовательности, без сколько-нибудь радикальных различий в дефинициях.

В обобщенном виде устоявшаяся схема выглядит таким образом. На первое место в статье слова *нация* выносится значение, согласно которому данное понятие подразумевает исторически сложившуюся общность людей, характеризующую общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры (иначе говоря, чисто этническое понятие). На втором же месте находится значение «государство» (причем иногда — с пометой *перен.* или с пояснением: «в некоторых случаях»).

Вполне закономерно, что расположение частей словарных статей, посвященных производному от *нация* прилагательному **национальный**, в этих лексикографических изданиях во многом подобно иерархии значений производящего слова. Однако семан-

тика его деривата со значением «государственный» отнесена даже уже не ко второй, а к третьей по рангу позиции, что объясняется, вероятно, соответствующей степенью социальной востребованности каждого из значений. То же можно наблюдать и в словаре сочетаемости [Сл. сочетаемости 1983: 309]. Ср.: «**национальный** — относящийся к нации (статья, посвященная этому слову, в данном словаре отсутствует. — А. В.); связанный с отношениями между нациями. „Национальный экстремизм — это пережиток прошлого“ (1990), „Там <в Узбекистане> они ощущают свое единство, соборность. И чем острее конфликты с местным населением (?), тем ярче проявляется национальное самосознание русских“ (1993 г.). „Именно движимые национализмом политики принимают закон об ограничении иммиграции и защите национальной самобытности от посягательств извне и изнутри“ (1996 г.)» [ТССРЯ 2001: 499] (здесь отмечено также повышение употребительности слова **национальный** в указанном значении).

Однако в сегодняшнем российском публичном дискурсе (по-видимому, под воздействием американско-английских *a nation* и *national* соответственно) всё более уверенно укрепляется тенденция к контекстуально не дифференцированному использованию существительного *нация* и прилагательного **национальный**. Проявляется нарастающая семантическая диффузность. При этом заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов («государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих (причем настолько, что в относительно недалеком будущем это вполне сможет послужить основанием для перераспределения в лексикографии позиций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов).

В данном случае небезынтересно и весьма симптоматично, что во многих речекommunikативных ситуациях осмысление (конечно, когда оно действительно имеется) говорящими и пишущими значений слов *нация* и **национальный** либо малорезультативно, либо свидетельствует об углубляющемся (и одновременно — углубляемом) забвении их принадлежности к кругу собственно этнических понятий и укрепляющемся восприятии как понятий сугубо этатических, очень слабо ассоциируемых с категориями этничности, а следовательно, и определенной ментальности.

О сегодняшней семантике (как можно заметить, довольно диффузной) и официальной прагматике существительного *идентич-*

ность выше уже было кратко сказано. В. Путин употребляет его в следующих сочетаниях и микроконтекстах: *наша национальная идентичность*; *вопрос обретения и укрепления национальной идентичности* ... *носит для России фундаментальный характер*; *Россия испытывает ... объективное давление глобализации на свою национальную идентичность*; *отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности*; *идентичность, национальная идея*; *наша идентичность*; *дискуссия об идентичности*, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников; *вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности*; *отрицаются <в евроатлантических странах> нравственные начала и любая традиционная идентичность*: национальная, культурная, религиозная или даже половая; христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии — неотъемлемая часть *идентичности* и исторического наследия России; *идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтническим составом населения, безусловно, невозможна. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей <...> — необходимое условие сохранения единства страны.*

Вряд ли можно считать все эти формулировки абсолютно прозрачными в смысловом отношении. Адекватному их пониманию препятствует не только семантическая нечеткость слова *идентичность*: ведь, скажем, *российская идентичность* — это одно, а вот *традиционная идентичность*, с учетом последующей дешифровки, — это, по всей вероятности, нечто совсем другое. Тем более что, если принимать во внимание несомненную фантомность *россиян* (подробнее см.: [Васильев 2013: 404—415]), говорить о *российской идентичности* явно преждевременно. Понятно, что в этих обстоятельствах упоминание о столь же прозрачной *гражданской идентичности* выступает чем-то вроде риторического «спасательного круга», впрочем, малоспособного в конечном счете прояснить окончательно содержание высказываний, в состав которых включено слово *идентичность*.

Впрочем, следует сказать и о том, что в первой части выступления В. Путина присутствует сочетание *национальное самоопределение (наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения)*, а буквально в последней фразе — *национальная самобытность (упрочив свою национальную са-*

мобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед). Эти высказывания вроде бы позволяют более или менее точно установить, что именно подразумевается под словом *идентичность*, однако и в таком случае сохраняется некая нечеткость восприятия. А она, как уже было сказано, обусловливается по крайней мере возможностью двоякой интерпретации семантики прилагательного *национальный*, поскольку адресантом может иметься в виду значение, ориентированное или традиционно-этнически (впрочем, кажется, к числу таких примеров в данном тексте можно отнести сравнительно немногочисленные, вроде *национальный характер, национальная литература*; может быть, также *национальная специфика территории*), или модернизированно-этнически — как во всех остальных случаях.

Особо стоит упомянуть о характере употребления слов *идея* и *идеология* в цитируемом тексте.

Не вдаваясь здесь в историю слова *идея* в русском языке, заметим, что и послесоветские годы (директивно и радикально «безыдейные» по сравнению с советской эпохой) оказались всё же, как ни парадоксально, довольно благодарным периодом для декларирования намерений новейшего идеетворчества. Это происходило, несмотря на фактическое табу, наложенное тогдашними ультрадемократами и квазилибералами (такую публику и ее взгляды называли «демшизой»); ср.: «...вот весьма характерное суждение по этому поводу, высказанное в 1992 г. тогдашним народным депутатом Верховного Совета России В. Л. Шейнисом: „Может ли в современной России существовать общенациональная идея? Я думаю, что не может. Общенациональная идея — это ... атрибут тоталитарного общества, как один из важных инструментов...“» [Шестаков 2005: 7]. Впрочем, затем торжество «демшизы», кажется, миновало, и под вывеской «национальной идеи» стали изобретать разного рода спекулятивные построения в изобилии почти неприличном (подробнее см.: [Васильев 2013: 148—151]). Есть некоторые основания полагать, что и вплоть до сего дня скольконибудь вразумительное для широких масс содержательное наполнение словосочетания «национальная идея» отсутствует.

В выступлении В. Путина существительное *идея* употребляется следующим образом: *отсутствие национальной идеи <после 1991 г., ... основанной на национальной идентичности>, было выгодно той квази-*

колониальной части элиты, которая предпочитала воровать и вывозить капиталы; новая национальная *идея* не рождается и не развивается по рыночным правилам; идентичность, национальная *идея* не могут быть навязаны сверху; необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и *идеи*.

Казалось бы, с падением Советского Союза и стержневой для него коммунистической идеологии само существительное *идеология* должно было оказаться на периферии русской лексики и с течением времени уйти в пассивный запас. Тем более что, собственно, именно в таком направлении ориентировала сознание носителей русского языка поныне действующая Конституция РФ, ч. 2 ст. 13 которой декларирует: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». С большим размахом развернулись (конечно же, согласно верховным директивам) общественно-политические процессы промывания мозгов, которые могут быть обозначены как «деидеологизация — устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (**обычно коммунистической**)» [ТССРЯ 2001: 202].

Любопытно, однако, что почти одновременно с вымученным принятием основного закона государства частотность использования существительного *идеология* в дискурсе российских СМИ вновь становится довольно высокой. Но при этом — возможно, не только в силу известной инерции, но и речевых изысков официоза и не без иноязычного влияния — на месте доктринально ориентированных и ориентировавших атрибутивных лексем (вроде *идеология марксистская, коммунистическая, прогрессивная, буржуазная* и т. д. [Сл. сочетаемости 1983: 197]) оказываются номинации гораздо менее масштабных и стабильных, исторически сиюминутных и эфемерных разработок («проектов», по большей же части — откровенных прожектов), зачастую освященные именами высоких руководителей либо названиями их должностей. Привычными в официальном коммуникативном потоке становятся такие сочетания, как «*идеология реструктуризации угольной отрасли*», «*идеология антикризисной программы правительства*», «*идеология северного завоза*», «*идеология краевого бюджета*», «*идеология развития*», «*идеология президента*», «*гайдаровская идеология*», «*идеология губернатора*», «*идеология ротации кадров*», «*идеология развития туризма*» и мн. др. (см.: [Васильев 2013: 146—147]). Известны и случаи официозного использования существитель-

ного *идеология*, по-своему в высшей степени замечательные. Ср.: «Закладываются основы *идеологии* нашего общества... Главным является не победа мировой революции, не всемирное братство трудящихся. Об этом сказал президент: „Главным является семья“» (Ю. Москвич, представитель президента в Красноярском крае) [ИКС. ВГТРК. 09. 04.1996] — трудно сказать, присутствовала ли в этой фразе ирония (по всей вероятности, не замеченная адресантом, так как неизвестна точная хронологическая приуроченность появления у существительного *семья* (*Семья*) <публ. и неодобр> значения «ближайшее окружение Б. Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления»; для справки в процитированной словарной статье сообщается: «На Сицилии „семьей“ называют мафию» [ТССРЯ 2001: 715]).

Затем, по мере того, как вышеупомянутая «демшиза» всё более утрачивала властные рычаги, даже верховное руководство стало проникаться в общем-то здоровой мыслью о том, что стране (по крайней мере, такой, как Россия) некая «национальная идея» всё-таки необходима — а следовательно, необходимо и наличие соответствующей идеологии. Ведь справедливо, что «явно парадоксальна ситуация, когда государство не может прямо назвать, определить систему ценностей, являющихся для него базовыми, основополагающими из-за нечетко прописанных в тексте Конституции РФ моментов, связанных с терминами государственная и господствующая идеология» [Арапова 2007: 9].

Следует отметить: это уже далеко не первый для современной России пример попыток конструирования новейшей идеологии; относительно недавно о своих успехах в этой области вещала и правящая партия (она же — «партия реальных дел»; впрочем, известны и ее вариативные номинации): *это идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления без застоев и революций* (из выступления Б. Грызлова от 21 ноября 2009 г.; кажется, в этой формулировке кроется некоторая внутренняя противоречивость).

Однако теперь всё более уверенно с высоких трибун говорится уже не о партийной, но именно **национальной** идеологии. Можно было бы сказать, что в данном случае происходит нечто вроде игры в слова: прилагательное *государственный* (*государственная идеология*) заменено на сделанное семантически равноценным *национальный* (*национальная идеология*) — ср. англ.

national 'государственный', — а посему, ко всеобщему глубокому удовлетворению, и буква конституции не нарушена, и господствующая идеология фактически устанавливается. Может быть, впрочем, последнее само по себе не так уж и плохо: в самом деле, без какой бы то ни было фундаментальной идеологии существование полноценного суверенного государства весьма сомнительно. Правда, пока еще не вполне понятна суть этой идеологии.

В выступлении В. Путина встречаем следующие контексты употребления слова *идеология* и его производных: *мы ушли от советской идеологии; после 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе; прежняя, официозная (видимо, советская. — А. В.) идеология оставяла тяжелую оскомину; чтобы вопрос идеологии развития обязательно обсуждался среди людей разных взглядов; как политически, идейно, концептуально будет оформлена идеология национального развития — предмет для широких дискуссий...* убежден, что в сердце нашей философии должно быть развитие человека, развитие моральное, интеллектуальное и физическое; идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии; настоящее гражданское общество и настоящая национально ориентированная элита, включая, разумеется, и оппозицию с собственной идеологией; стремление к независимости, духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету; нельзя больше заниматься самообманом, вычеркивая неприглядные или идеологически неудобные страницы, разрывая связь поколений. Можно заметить, что, судя по приведенным цитатам, в настоящий момент какой-либо национальной идеологии в России официально все-таки пока еще не существует: лишь предполагается, что она непременно должна возникнуть, причем в результате широких обсуждений и дискуссий, что само по себе уже является довольно дискуссионным, ведь обычно участники, а тем более ведущие («модераторы») подобных кампаний заранее известны; голоса же остальной массы соотечественников, как правило, если каким-то чудом и становятся слышны, то во внимание вряд ли принимаются, да и окончательные формулировки и решения принимаются совсем на другом уровне. Не вполне понятны и вероятные сроки реального достижения искомого результата. В самом деле, если процесс конструирования национальной идеологии

находится в таком же исходном состоянии, что и лет двадцать тому назад, то следует ли ожидать его успешного финала в ближайшей перспективе?

Наконец, небезынтересно, для какой именно этнической либо, как с большей вероятностью можно предположить, социальной, т. е. этнически негомогенной общности создается идеология (ср. постоянные, чуть ли не назойливые напоминания о якобы «многонациональном» составе населения РФ, совершенно справедливые, с сугубо научной точки зрения, разве что для СССР, где русские представляли менее половины обитателей. Напомним, между прочим, что из русских преимущественно состоял тот социум, который обозначали официальным мифогеном *советский народ*; ср.: «русские, нация, основное население РСФСР. ...После Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований Р. консолидировались в социалистическую нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую историческую общность — советский народ» [СЭС 1983: 1144]; в то же время это издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» грузин, казахов, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие метаморфозы не произошли. Кстати, судя по многим современным примерам, постулатам пресловутой толерантности склонны поучать почему-то только русских, за счет исконной терпимости которых как раз и сложилась Россия и сформировалась российская государственность, но не представителей других национальностей).

Итак, в анализируемом тексте встречаем следующие именованья (этно)социумов: *с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности ... сталкиваются практически все страны, все народы: и русский, и европейские народы, и китайцы, и американцы...; насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и традициях...; <Россия> государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой; гражданам России должны ощутить себя ответственными хозяевами своей страны...; для россиян, для России вопросы „Кто мы?“, „Кем мы хотим быть?“ звучат в нашем обществе всё громче.*

Пожалуй, вряд ли можно уверенно говорить о полной семантической конгруэнтности номинаций *россияне — русский народ — граждане страны — граждане России*. Первая из них — широко тиражируемая по край-

ней мере с 1994 г. попытка нивелирования по этакическому признаку (насколько известно, применяемая прежде всего и главным образом по отношению к этносу *русский народ*; вследствие упорных пропагандистских усилий многие из его представителей, кажется, всерьез причисляют себя к мифической общности *россиян*, в конечном счете столь же фантастичной, как и былой *советский народ* — см.: [Васильев 2013: 404—405]). Вторая обозначает хотя и большую, притом государствообразующую, но всё же лишь часть населения РФ. Вполне адекватными применительно к предмету высказывания можно считать лишь номинации *граждане страны и граждане России*.

Как справедливо замечено, «слово государево и есть его подлинное Дело» [Лисицына 2002: 24]. Действительно, высказывания высокого государственного руководителя традиционно призваны стимулировать подвластный ему социум для решения тех или иных конкретных задач, в свою очередь направленных на достижение какой-либо особо значимой цели. Иначе говоря, эти высказывания способны буквально воплощаться, материализоваться, свершаться в инспирируемых таким образом поступках членов социума.

Вероятно, поэтому слова, используемые в таких речекommunikативных актах (к тому же широко транслируемых средствами массовой информации), должны быть семантически прозрачными для множества подданных носителей языка. Однако, как уже неоднократно отмечалось исследователями, современный российский официоз, пожалуй, уже далеко превзошел своего предшественника — тематически ориентированный фрагмент русского лексикона советской эпохи (упорно именуемый некоторыми авторами «советским новоязом») — по степени семантической диффузности многих отдельных лексем — вплоть до полной элиминации их понятийного наполнения. Эти процессы усугубляются непомерным использованием заимствований из других языков, в первую очередь английского, включая и семантические кальки. В результате насыщенные подобными речевыми феноменами выступления топ-менеджеров вряд ли способны мобилизовать кого-либо на что-либо (за исключением, может быть, таких слоев российских трудящихся, как чиновничество и депутатский корпус, которые должным образом понаторели в официозной словесной эквилибристике — «партийном речекряке» [Оруэлл 1989: 53] — для улавливания руководящих векторов и хотя бы внешнего корректирования в соответствии с ними своей подвижнической деятельности). Следовательно, упо-

мянутые речекommunikативные акты заведомо оказываются малоэффективными (со всем другой вопрос, замышлял ли их адресант как реально резонансные или же планировал произвести определенный регламентом словесный поток, слабо связанный с существующим положением дел).

Впрочем, менее всего автору настоящей статьи хотелось бы опускаться до позиций непродуктивного критиканства, тем более что основные, безусловно справедливые положения выступления В. Путина не могут не вызывать симпатий у любого сколько-нибудь здравомыслящего гражданина России. По-видимому, многое в интерпретации данного текста зависит не только от анализа семантики ключевых слов (хотя надеемся, что и представленные здесь изыскания тоже небесполезны). Вероятно, следует учитывать и ряд следующих сопряженных обстоятельств. Во-первых, как можно предположить, интенции президента в значительной части оформлялись усилиями его спичрайтеров (попросту говоря, речеписцев), речевой узус которых нивелирован под некий общий знаменатель, т. е. послесоветский российский официоз, во многом, однако, сохраняющий родовые черты официоза советского, что допустимо считать лингвистически и социокультурно совершенно закономерным. Во-вторых, необходимо принять во внимание состав аудитории, к которой президент непосредственно адресовался на Валдае: это преимущественно действующие либо отставные западные политические деятели, а также более 200 так называемых экспертов (по словам С. Миронюка, «интеллектуалов, политических, общественных и духовных лидеров из более чем 30 стран мира»), т. е. тех персонажей, которые, в силу рода своих занятий, давно и прочно овладели риторикой, воспроизводимой в выступлении президента (а потому по инерции и традиции считаются в нашем отечестве чрезвычайно компетентными чуть ли не во всех областях деятельности). Собственно, во многом это международное речевое нивелирование является чем-то вроде общего знаменателя, или индикатора, характеризующего вербальные коммуникативные акты представителей самых разных государств и образующего некое подобие интернационального политического сленга.

P. S. В телепередаче «Euronews» (12.01.2014) активно обсуждался вопрос о так называемом «еврожаргоне», принятом в качестве официального средства публичного общения должностными лицами различных международных европейских организаций. Из выступлений участников следует, что

«еврожаргон» основывается прежде всего на элементах и конструкциях английского языка, причем нарочито и чрезвычайно упрощенного, не способного передавать более или менее тонкие коннотативные оттенки вербальных обозначений и к тому же нивелированно-го, т. е. насыщенного устойчивыми словосочетаниями-штампами и гиперонимизирующими словами, применяемыми по отношению к стандартным, или, точнее, к стандартизируемым ситуациям. Так, по суждению Дорис Пак, «за что бы вы ни брались — медицина, образование и т. п., всё равно в любом случае употребляете слово „миссия“... Изменения в Европе сопряжены с изменениями в языке». По мнению Диего Марани, еврочиновникам следовало бы выучить минимум по два языка; кроме того, «когда ваши мысли ясны, ясной будет и ваша речь». Деннис Эббот полагает, что в 2010 г. в ЕС наметился отход от гегемонии английского и, несмотря на распространение «еврожаргона», всегда есть возможность выразить свои мысли ясно. Любопытно, между прочим, что участники передачи были единодушны в оценке критериев речевой коммуникации с избирателями, общаясь с которыми, оказывается, следует говорить «просто и внятно и называть вещи своими именами».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Далее буквально: «...это сообщество говорит на одном языке — языке науки, знания, воспитания. И это на огромной территории — от Калининграда до Владивостока (уж не русский ли это язык? — А. В.). И уже тем самым это сообщество, имея в виду учительское, преподавательское сообщество в целом, в широком смысле слова, **скрепляет** страну» — вспомним суждение В. Путина в его послании Федеральному собранию от 12 декабря 2012 г. о дефиците «духовных скреп» в российском обществе, т. е. «милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи» (впрочем, при существующем социально-имущественном расслоении всё это весьма проблематично).

[2]. До сих пор неизвестны более или менее внятные дефиниции пропагандистского штампа *гражданское общество*, что (впрочем, как и в других случаях) совершенно не мешает его широкому тиражированию. Ср., например, одно из лексикографических толкований: «*гражданское общество* Δ состоящее из свободных и равноправных граждан, отношения между которыми в сфере экономики, культуры развиваются независимо от государственной власти» [ТССРЯ 2001: 186] (здесь оно отмечено как устойчивое сочетание) — хотя чрезвычайно затруднительно представить себе его реальное существование,

пусть и в более или менее обозримой перспективе, где-либо, в частности и в особенности в России.

[3]. О современной семантике и прагматике слова *элита* подробнее см.: [Васильев 2013: 447—459].

ИСТОЧНИКИ

1. *Заседание* международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : сайт. 2013. 19 сент. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>.

ЛИТЕРАТУРА

2. *Арапова М. А.* Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007. С. 8—9.

3. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986. С. 297—325.

4. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста. — Томск, 2006.

5. *Васильев А. Д.* Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб. : Златоуст, 2013.

6. *Лисицына Т. А.* Язык реформ и реформа языка: приоритеты интеллектуального развития // Язык образования и образование языка. — Великий Новгород, 2002. С. 21—27.

7. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. — М., 1996.

8. *Мюллер В. К.* (сост.). Англо-русский словарь. — М., 1956.

9. *Оруэлл Дж.* 1984 // «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. — М., 1989. С. 22—220.

10. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М., 1976а. С. 35—220.

11. *Потебня А. А.* Язык и народность // Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М., 1976б. С. 253—285.

12. *Словарь иностранных слов = СИС.* — М., 1979.

13. *Словарь русского языка = МАС₂* : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. — М. : Русский язык, 1981.

14. *Словарь сочетаемости* слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. — М., 1983.

15. *Советский энциклопедический словарь = СЭС.* 2-е изд. — М., 1983.

16. *Суспицына И. Н.* Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. — Екатеринбург, 2007. — С. 71—73.

17. *Толковый словарь* современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия = ТССРЯ / под ред. Г. Н. Складневской. — М., 2001.

18. *Шанский Н. М.* Лингвистический анализ художественного текста. 2-е изд. — Л., 1984.

19. *Шестаков С. А.* Российский консерватизм: история и современность. — Тюмень, 2005.

20. *Hornby A. C.* Oxford Student's Dictionary of Current English. — М., 1984.

С. В. Ильясова S. V. Ilyasova
Ростов-на-Дону, Россия Rostov-on-Don, Russia

**ИГРОВЫЕ СПОСОБЫ
И ПРИЕМЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ СМИ**

**PLAYFUL WAYS
AND MEANS OF THE SOCIAL EVALUATION
EXPRESSION IN THE LANGUAGE
OF THE MODERN RUSSIAN MASS MEDIA**

Аннотация. Представлена палитра способов выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ — от буквы до приема языковой игры. Игровые возможности букв показаны на примере буквы «ё», вернувшейся в язык СМИ в новой функции. Традиционным способом выражения эмоциональной, оценочной окраски в русском языке является суффиксация, представленная суффиксами «-ец» и «-инг». Роль префиксации как способа выражения оценки демонстрируют инновации с префиксами «не-», «недо-». Логичным продолжением исследования игровых возможностей префиксации как способа словообразования служит переход к префиксации как приему языковой игры — заместительной префиксации.

Abstract. The article presents an assortment of the means of the social expression in the language of the modern Russian Mass media starting with a letter and concluding with a means of the language play. The playful potential of letters is demonstrated with an example of the letter «ё» which is back to the Mass media language in its new function. In the Russian language one of the traditional ways to express emotional evaluation is suffixation represented by suffixes «-ец» and «-инг». The role of prefixation as a means of evaluation expression is demonstrated with innovations with prefixes «не-», «недо-». A study of the substitutional prefixation which appears a language play means seems to be a reasonable continuation of the investigation of the playful potential of prefixation as a method of word-formation.

Ключевые слова: язык СМИ; языковая игра; оценочность; буква; суффикс; префикс; заместительная префиксация.

Key words: Mass media language; language play; evaluative meaning; letter; suffix; prefix; substitutional prefixation.

Сведения об авторе: Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ilyasova Svetlana Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language for Foreign Students, Institution of Philology, Journalism and Intercultural Communication.

Место работы: Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Place of employment: Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Контактная информация: 344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28-4«А», к. 103.
e-mail: Ilyasova_rnd@mail.ru.

По наблюдениям исследователей языка современных СМИ, изменения в реализации оценочности в языке газеты носят «глубокий и системный характер» [Дускаева 2003: 667]. С этим мнением трудно не согласиться, так как для выражения оценочности привлекаются все, подчас самые неожиданные языковые средства. Одним из ярких средств выражения социальной оценочности в языке современных СМИ является языковая игра, разнообразие способов и приемов которой неоднократно становилось предметом наших исследований [Ильясова 2002; Ильясова 2009]. Тем не менее арсенал игровых средств продолжает пополняться, что позволяет говорить об актуальности заявленной в заголовке темы исследования.

1. Буква Ё в оценочно-игровой функции. Как известно, исчезновение этой буквы со страниц печати, из официальных документов породило массу проблем. Сторонники

так называемой ёфикации считают, что защита данного символа равноценна защите прав человека, это политический вопрос, что должно быть принято постановление правительства о введении буквы «Ё» в обязательное применение на письме и в печати в системе образования, науки, культуры, в документах Администрации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, министерств и ведомств, в издании печатной продукции, рекламы и т. п. на всей территории Российской Федерации...» [Чумаков 2007: 358].

Не став пока полноправным членом печатного текста в своем прямом назначении, буква ё начала использоваться как средство создания оценочности, выраженной в игровой форме: *Кто будет ездить на Ё-мобиле? — Ёлигархи* (КП. 13.11.2010, раздел «Анекдоты в номер»); *Он сказал поЁхали* (Известия. 04.04.2011); *Любовь г-на Прохорова к инновациям заставляяет предполо-*

жить, что какая-нибудь „ё-мобиля“ у него все-таки есть (АиФ. 2012. №6); „Ё-партия“ лидирует в опросе (Известия. 05.04.2012); Биатлон на букву Ё (АиФ. 2013. № 7); Ё-лужковский проект Прохорова (АиФ. 2013. № 7).

Заметим, что инновация *ё-мобиль* — российский автомобиль, в конструкции которого предполагается использование электронной трансмиссии, — так же как и название завода «Ё-Авто», а также модификаций *ё-мобиля* — *ё-кроссовера*, *ё-фургона* и др. (см. материал «Википедии»), первоначально не имели каких-либо коннотаций, в отличие от «ё-инноваций» в языке СМИ. Так, новообразование *ё-мобиль* в сочетании с инновацией *ёлигархи* явно приобретает оценочное значение. Очень свежо выглядит трансформация прецедентного феномена путем замены нейтрального *поехали* на оценочное *поЁхали*.

Как видим, буква *ё* приобретает некое символическое значение, прочно ассоциируется с именем М. Прохорова, о чем более наглядно свидетельствуют следующие примеры: *Ё-партия* — это условное название партии М. Прохорова; биатлон на букву Ё — это биатлон, точнее, Союз биатлонистов России, возглавляемый М. Прохоровым, где победы стали редкостью; *Ё-лужковский проект* — это помощь Лужкову на выборах в Мосгордуму.

Таким образом, не подлежит сомнению, что буква *ё* выступает как средство оценки всех начинаний М. Прохорова.

О том, что буква *ё* может выступать в роли стилистического маркера, свидетельствуют и такие примеры: *Американский посол в России повинился перед уральцами за „Ёбург“* (КП. 06.08.2012); *На раёне* (Известия. 23.10.2013). Коммуникативные намерения говорящих, приведшие к созданию стилистически маркированных единиц, прямо противоположны. В первом случае это так называемая *непреднамеренная аномалия*, так как адресант нарушил коммуникативную норму ненамеренно, ср.: „Я буду в Ёбурге на „Иннопром“, — написал Макфол по-русски, неожиданно употребив такое жаргонное именование уральского мегаполиса. Во втором примере нарушение орфографической нормы преднамеренно, оно поддерживается нарушением синтаксической нормы — *в районе*. Всё вместе порождает отрицательную коннотацию.

2. Суффиксы, специализирующиеся в выражении оценки. Рассмотрим два суффикса, один из которых традиционно используется для выражения оценки: «Суффикс *-ец*. Существительные с суф. *-ец* <...> мотивируют

существительными муж. р. I скл. и имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение, причем с более сильной, чем в предыдущем типе, экспрессией близости, сочувствия или издевки: *братец, морозец, хлебец, капиталец...*» [РГ-80: § 414].

Полагаем, что в языке современных СМИ новые слова на *-ец* образуются, во-первых, от более широкого круга основ, во-вторых, в них преобладает уничижительное значение, ср.: *Песнец какой-то* (Версия. 2009. № 8); *ВитаминЕц* (АиФ. 2011. № 3). Заметим, что в последнем примере носителем субъективно-оценочного значения выступает графическое выделение — неожиданное ударение придает слову и неожиданную коннотацию.

Инновации на *-ец*, как правило, выступают в составе модели «полный +...» как эвфемистическая замена нецензурного выражения. Вместе с тем, несмотря на прозрачную аллюзию, трансформации этой модели в языке СМИ выглядят органично, так как отвечают задаче поиска новых экспрессивных и оценочных средств, ср.: *Полный бензец* (Версия. 2003. № 38); *Полный хрустец* (КП. 03.12.2003); *Полный Джигурдец* (КП. 02.2011).

Инновации на *-ец* активно используются для оценки экономических процессов: *... Такая финансовая стабилизация называется простым русским словом „стабилизец“* (Российская газета. 03.06.2005). Охарактеризовав слово *стабилизец* как апокалиптическое, В. Н. Шапошников отметил, что эмоциональный эффект порождается за счет использования «форманта, явно приписанного к определенной речевой и культурной сфере, в совершенно иной сфере» [Шапошников 2006: 102].

Полагаем, что говорить следует не столько о форманте, сколько о конкретном образце, на который ориентируются при создании инновации, тем более что в рассмотренном примере для явного указания на него используется перифраз (*простым русским словом*). Действительно, *стабилизец*, в отличие от *стабилизация*, производит впечатление узнаваемого «простого русского слова».

В двух следующих примерах показан процесс порождения инновации: *Полный криздец* (заголовок). А. Улюкаев, первый зампред Центробанка: *Я называю эту ситуацию нормальностью. Это новая нормальность в том смысле, что кризис очень надолго*. Комментарий АИФ: *Не вешайте нос, банкир Улюкаев! Рано или поздно кризис кончится и настанет — полный криздец!* (АиФ. 2011. № 51).

Полный рецессец (заголовок). М. Рохмистров, депутат Госдумы: *Минфину следует озадачиться тем, как сверстать бюджет на следующий год. В экономике очень большие проблемы, и называть их мягко рецессией уже некорректно.* Комментарий АИФ: *Плох тот Минфин, который за мягкой рецессией вовремя не разглядит полный ... рецессец!* (АиФ. 2013. № 29).

Таким образом, инновации очень эффективно завершают поднятую для обсуждения экономическую проблему, дают оценку ее состоянию. Кроме того, они зачастую «высвечивают невольный комизм, возникающий от несоответствия неподготовленной, спонтанной речевой формы и требований публичной официальной речи» [Русская речь в средствах массовой информации 2011: 14—15].

Суффикс *-инг*. Полагаем, что в судьбе этого суффикса правомерно видеть подтверждение высказанной Е. А. Земской мысли: «...изменение словарного состава языка, пополнение его новыми словами (русскими и заимствованными) приводит к активизации отдельных элементов слова, приобретающих на наших глазах статус аффикса [Земская 1992: 125].

Имеющиеся в нашей картотеке примеры позволяют говорить о том, что *-инг* приобрел статус аффикса, специализирующегося на создании игровых инноваций, ср.: *Чтоб „путинг“ рос и „вертикаль“ стояла* (КП. 19.12.2003); *Сбренддинг крепчает* (Известия. 06.10.2006). Ранее, говоря об этих инновациях, мы отметили связь инновации *путинг* со словом-образцом *рейтинг* и отсутствие таковой у инновации *сбренддинг*, мотивированной просторечным глаголом *сбрендить* [Ильясова 2009: 144]. Тем самым мы хотели подчеркнуть, что у инноваций на *-инг* связь с заимствованиями из английского языка может как сохраняться, так и утрачиваться. О справедливости второго наблюдения свидетельствует ряд инноваций на *-инг*, например: *Вслед за пехтингом — малкинг* (Вечерний Ростов. 02.04.2013). Инновация *пехтинг* появилась в связи с расследованием незаконной деятельности бывшего депутата Госдумы и одного из руководителей «Единой России» В. Пехтина и сразу же приобрела более широкое значение — «поиск компромата на представителей власти». Инновация *малкинг* связана с именем бывшего члена Совета Федерации В. Малкина. Таким образом, инновации на *-инг* могут образовываться от имен собственных.

О свободном сочетании суффикса *-инг* со словами разной стилистической окраски свидетельствует такой пример: *Втюхине*

(Версия. 2013. № 39). Мотивирующий глагол *втюхать*, насколько нам известно, отсутствует в толковых словарях русского языка [см. Сводный словарь 1991], зато есть в словаре арготической лексики. Одним из значений глагола *втюхать* является «обмануть при торговой сделке: дорого продать некачественную вещь» [Грачев 2003: 163]. Именно оно представлено в инновации.

Не менее интересно выглядит инновация, мотивированная историзмом *опричнина*: А Коновалов, министр юстиции: *Есть риск создания (речь об „антиотмывочных“ полномочиях ростфинмотиторинга — Ред.) чего-то похожего на опричнину с особыми полномочиями, статусом, режимом неприкосновенности.* Комментарий АИФ: *Давно пора наряду с пришедшими с запада инструментами — лизингом, банкингом и т. п. — внести и наш, исконно русский опричь-мониторинг. Или попросту опричинг* (АиФ. 2013. № 10). Как видим, в одном ряду оказываются заимствованные слова на *-инг*, инновация синкретичного характера — *опричь-мониторинг* — и, наконец, инновация, созданная на русской почве.

Инновации на *-инг* представлены и в речевом жанре анекдота. Учитывая, что современные анекдоты по большей части создаются «на злобу дня» и в качестве таковых помещаются в колонку «Анекдоты в номер», рассмотрим их как иллюстрации обозначенной ранее стилиобразующей черты современных СМИ — социальной оценочности: *Анкета. Графа „Хобби“: „Виндсерфинг, бэнд-джемпинг, скай-дэйвинг, поматросинг-бросинг“; Вчера ходила по магазинам. — Шопинг. — Зыринг* (КП. 26.09.2009); *Керлинг — это не наше. Жаль, в Ванкувере не было медалей по бухалингу и похмелингу* (КП. 11—18.03.2010). Подтверждается отмеченная тенденция к игре с разностилевыми инновациями: нейтральными, заимствованными из английского языка и эмоционально-оценочными, мотивированными сниженной лексикой, ср.: *поматросить и бросить* — «прост. Шутл. Быстро расстаться с любимой девушкой» [Мокиенко 2007: 129]; *зырить* — «смотреть» [Грачев 2003: 357]; *бухать* — «употреблять спиртные напитки» [Там же: 115].

3. ПРЕФИКСАЦИЯ, ЗАМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ КАК СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОЦЕНКИ

3.1. Префикс *-не*: *Закононепослушные* (АиФ. 2011. № 40); *Глубоконеуважаемые* (Версия. 2012. № 23); *Боенекомплект* (Версия. 2012. № 25); *Нечесть мундира* (Версия. 2012. № 46).

Прибавление префикса *-не* может не только менять значение слова на противоположное, но и рождать новый смысл, ср.:

С. Неверов, депутат Госдумы: *Мы видим, как ринулись на выборы (мэра Москвы — ред.) разного рода проходимцы из-под домашнего ареста и со скамей подсудимых.* Комментарий АИФ: *Удальцов и Навальный, на которых намек, вряд ли пройдут в московские мэры. Так что правильнее было бы назвать их непроходимцами* (АиФ. 2013. № 26). Прибавление префикса *-не* не изменяет коннотацию слова *проходимец* — разг. презр. Мошенник, негодяй [Ожегов 1973: 577] — на противоположную, а освежает внутреннюю форму слова, что подчеркивается и использованием корневого повтора: *пройдут — непроходимцы*.

3.2. Другие префиксы.

Близким к значению приставки *-не* выступает в ряде примеров значение приставки *-недо*: *Недопамятники* (заголовок). *Московские власти не видят в столице ничего исторически значимого* (Известия. 16.08.2010); *Недограждане* (КП. 01.11.2013 — о фактах надругательства над памятниками). В соответствии со словообразовательным значением приставки *недо-*, инновации должны обозначать лицо, не в полной мере являющееся тем, что названо мотивирующим словом, но на самом деле они обозначают нечто противоположное тому, что названо мотивирующим словом.

Значение противоположности может передаваться, как известно, и приставкой *ре-*, напр.: *Репатриотизм* (Версия. 2013. № 37).

Прибавление префикса *у-* к медицинскому термину придает ему ярко выраженную социальную оценочность: *Уродовспоможение* (Версия. 2009. № 16). В другом примере с помощью префикса *обес-* оценочная квалификация изменяется с результативной — *без смысла* — на целевую — *сделать бессмысленным*: *Обесмыслица народа* (АиФ. 2010. № 52).

Интерес представляет трансформация прецедентного феномена *любовь до гроба* (*до гробовой доски*) в *Любовь до угроба* (Версия. 2011. № 13), т. е. в любовь, которая может довести до убийства соперника (соперницы).

3.3. Заменительная префиксация. В заменительной префиксации — разновидности словообразовательной игры — могут участвовать разные префиксы. Участие в ней префикса *не-* приводит к появлению окказионального антонима, ср.: *Неслужной список* (Версия. 2012. № 42). Трансформация устойчивого выражения *послужной список* (устар. — документ с анкетными данными и со сведениями о прохождении службы [Ожегов 1973: 522]) в *неслужной список* находит объяснение в заголовочном комплексе:

Срочную службу прошли не более 10 % государственных руководителей.

Необходимость решения проблем пенсионной системы вызвала к жизни следующий заголовок: *Пенсионные некопления* (Версия. 2012. № 4).

Окказиональные антонимы могут создаваться и с участием других приставок, ср.: *Разборная страны по теннису* (Известия. 02.02.2010); *Отступательные вооружения* (Версия. 2011. № 32); *Расселенный пункт* (Версия. 2009. № 37); *Союз разрушимый* (Версия. 2011. № 22); *Бывших чиновников трудоустроили* (Известия. 22.07.2010).

Выделим пример заменительной префиксации, в котором представлены как узальный, так и окказиональный антонимы: *Какой ужас! Это уже не одежда, а раздежда* (7 Дней. 2013. № 5).

В заменительной префиксации, как и в префиксации, заметна роль префикса *недо-*, например: *Недогорельцы* (КП. 21.09.2010). Но если в рассмотренных ранее примерах *недо-* обозначал не неполноту того, что названо мотивирующим словом, а его отсутствие, то здесь он выступает в своем основном словообразовательном значении, хотя и окказионально интерпретированном, ср.: *недогорельцы* — это жители погорелых областей, которые не довольны тем, что их дома спасли во время пожара, потому что находятся они в заброшенных деревнях, где нет ни магазинов, ни медпунктов.

Интерес представляют примеры трансформации компонента путем заменительной деривации в устойчивом словосочетании: *Отключительный случай* (Известия. 25.08.2001); *Переписные истины* (Версия. 2012. № 19). Посмотрим, как взаимодействуют экспрессивные и оценочные компоненты в новой единице. Так, под интригующим заголовком *Отключительный случай* (Известия. 25.08.2001) раскрывается загадка «жизни после смерти» экс-командира спецбатальона Сулима Ямадаева. Эту историю вполне можно оценить как *исключительный случай*, т. е. необыкновенный, небывалый.

Замена компонента в устойчивом словосочетании *прописные истины* находит объяснение в заголовочном комплексе: *Переписные истины* (заголовок). *До 30 процентов научных работ — плагиат и фальшивка* (Версия. 2012. № 19). Полагаем, что коннотации трансформированного и исходного словосочетания принципиально отличаются: *прописные истины* — это нечто шаблонное, лишённое оригинальности. Следовательно, можно говорить о некоем пренебрежении в оценке *прописных истин*. *Переписные истины* — это социально опасное явление,

это покушение на мораль и нравственность, это нарушение одной из основных заповедей — *не укради*, — это, в конце концов, подрыв авторитета российской науки за рубежом. В соответствии со всем сказанным, выражение *переписные истины* имеет ярко выраженную социально-оценочную направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского арго. — М. : Рипол Классик, 2003.

2. *Дускаева Л. Р.* Языково-стилистические изменения в современных СМИ // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 664—675.

3. *Ильясова С. В.* Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002.

4. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М. : Флинта, 2009.

5. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. — М. : Олма Медиа Групп, 2007.

6. *РГ-80 = Русская грамматика*. Т. 1. — М. : Наука, 1980.

7. *Русская речь* в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.

8. *Сводный словарь* современной русской лексики : в 2 т. — М. : Русский язык, 1991.

9. *Сковородников А. П.* Контаминация словообразовательная // *Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник*. — М. : Флинта : Наука, 2003.

10. *Чумаков В. Т.* Узаконить букву Ёё на письме и в печати — неотложная задача сохранения русского языка // *Русский язык: исторические судьбы и современность : 3-й Междунар. конгр. исследователей русского языка : труды и материалы*. — М. : Макс Пресс, 2007. С. 357—358.

11. *Шапошников В. Н.* Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении. — М. : КомКнига, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

В. И. Карасик В. I. Karasik
Волгоград, Россия Volgograd, Russia**АКСИОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ
КАК ЕДИНИЦА
ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Аннотация. Рассматривается аксиогенная ситуация как референтная основа ценностной картины мира. Доказывается, что такая ситуация характеризуется признаками важности для коммуникантов, ценностной мотивированности и возможности символического переосмысления. Для осмысления таких ситуаций выработаны специфические жанры речи, к числу которых относятся легенды, притчи, пословицы, анекдоты и казуальные нарративы.

Ключевые слова: ценности; лингвокультурология; картина мира; концепт, аксиогенная ситуация.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, к. 4-33.
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

**AXIOGENIC SITUATION
AS AN EVALUATIVE
WORLD MAPPING UNIT**

Abstract. The article deals with evaluative linguistic mapping of the world. A new notion — axiogenic situation — is introduced to denote a basic referential unit of such mapping. I argue that such a situation is characterized by communicative relevance, evaluative potential and symbolic reconsideration. Axiogenic situations generate specific genres of speech including legends, parables, proverbs, jokes and axiogenic casual narratives.

Key words: values; Linguocultural Studies; mapping of the world; concept; axiogenic situation.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Place of employment: Volgograd State Social Pedagogical University.

Лингвокультурное моделирование реальности предполагает, что исходным моментом для построения модели того или иного фрагмента языковой картины мира является специфический референт, допускающий ценностно маркированное осмысление. Например, человек, совершающий выдающийся поступок, либо стихийное бедствие, несущее гибель многим, либо нелепое событие, о котором все вспоминают с улыбкой, и т. д. Такие референтные ситуации предлагается обозначить как аксиогенные (ценностнопорождающие). Их список весьма широк, но поддается исчислению. Аксиогенные ситуации осмысливаются в виде концептов — квантов переживаемого знания — и объективируются в семантике слов и фразеологизмов, в высказываниях, определенных сюжетах и жанрах речи [Бабаева 2003; Вежбицкая 1999; Воркачев 2007; Дементьев 2013; Карасик 2004; Колесов 2004; Красавский 2008; Ларина 2009; Пименова 2004; Степанов 1997; Стернин 2001; Шмелев 2002]. Эти ситуации могут быть представлены динамически, в виде событий, и статически, как стабильные ценностно маркированные положения дел. В качестве подобных событий фигурируют удивительные, героические, жестокие, смешные, глупые и другие происшествия, оставшиеся в памяти людей. Повторяясь, они становятся прецедентными явлениями [Красных 2002; Слышкин 2004].

Особенно значимыми являются поступки, т. е. действия, предполагающие выбор и свидетельствующие о приоритетах действующего лица.

Аксиогенные события вербализуются в специально созданных для этого жанрах речи — легендах, притчах, пословицах, анекдотах и описаниях случаев из жизни (фактических и фикциональных).

Проиллюстрируем сказанное.

В греческой легенде о нимфе Харикло и ослеплении ее сына Тиресия говорится, что после низвержения древних титанов приманила к себе богиня Афина юную бессмертную титаниду Харикло, и нимфа стала подружкой богини. У нимфы был сын, смертный юноша Тиресий, и однажды, бродя по горе Пелион, он услышал радостный смех, каким смеются только боги. Подойдя поближе, юноша увидел зеркальное озеро, в котором купались богиня Афина и его мать, нимфа Харикло. Богиня почувствовала, что на нее смотрят, и тут же предстала перед Тиресием, который не отвел глаза, а с восхищением смотрел на богиню. Афина в гневе вырвала глаза дерзкому юноше. Бросилась Харикло на помощь сыну, но было поздно. Узнала Афина, что это сын ее подруги и в ярости разорвала дружеский союз, но пообещала бывшей подруге исполнить ее последнюю просьбу. Та просила вернуть зрение сыну. Ответила

богиня, что тот, кого ослепили боги, ослеп навсегда, но в милость бывшей подруге будет наделян Тиресий способностью читать тайные знаки живой жизни, понимать голоса птиц и зверей, видеть грядущее и познавать даже мысли богов, и срок его жизни удлинится втрое, но если он откроет людям мысли богов, то тотчас утратит свой дар прозрения. За этот дар потребовала Афина от Харикло отдать половину бессмертия, и нимфа согласилась. И превратила богиня нимфу в кентавра, ее человеческое тело осталось бессмертным, а конское было смертным. И наступил час, когда она умерла [Мифы Древней Греции 1994: 113—116].

Сюжетная линия этой легенды проста: смертный юноша посмел взглянуть на богиню и был за это наказан. Его мать просила Афины вернуть зрение сыну, но это было невозможно сделать, и богиня в качестве милости дала ослепленному дар прорицателя, потребовав за это половину бессмертия от его матери. Вспомним, что Афина была богиней мудрости, и в этой легенде прослеживается особое понимание мудрости древними греками: способность предвидеть будущее и читать мысли. Этот сюжет иллюстрирует аксиогенное событие «Божья кара». Подобные события исключительно важны для объяснения миропорядка и поэтому составляют основу различных мифов. Из этой легенды вытекают следующие нормы поведения: 1) смертному нельзя приближаться к богам, 2) смертному следует преклоняться перед богами, 3) нельзя изменить решение богов, 4) за милость богов смертным следует расплачиваться. Эти нормы определяют статусные отношения между людьми и богами. Мы видим, что божья кара очень жестока. Подобные отношения переносятся и на людей, занимающих разные позиции на социальной лестнице. Очень важна и норма, определяющая отношение к судьбе: с неизбежностью следует смириться, даже боги не могут отменить свое решение. Заслуживает внимания и то, что в древнегреческой ценностной картине мира божественный дар уравновешивается платой за него.

В мифологических сюжетах разных народов фигурирует аксиогенное событие «Братоубийство».

В Библии говорится о том, что у Адама, первого человека, было два сына, Каин и Авель. Старший был земледельцем, а младший пастухом. Когда братья принесли жертву Богу, жертва младшего брата была благосклонно принята, а жертва старшего — нет. Огорчившись, Каин убил своего брата, а когда Создатель спросил его:

«Где Авель, брат твой?», ответил: «Не знаю; разве я сторож брату моему?». За это преступление Господь проклял Каина и заставил его быть изгнанником и скитальцем на земле, но при этом дал Каину знамение, чтобы того не могли убить (Бытие, 4: 1—15).

Из этого сюжета вытекают следующие нормы поведения: 1) нельзя убивать близких, 2) нельзя испытывать зависть к близким, 3) нельзя впадать в неконтролируемый гнев, 4) нельзя пытаться обмануть Бога. Эти нормы в видоизмененном и расширенном виде вошли в библейские 10 заповедей. Обратим внимание на то, что проклятие не завершилось уничтожением Каина.

В легенде об основании Рима говорится следующее.

Царская дочь Рея Сильвия была весталкой. Однажды ей приснилось, что ей явился бог войны Марс и вступил с ней в союз. Вскоре она родила двух близнецов — Ромула и Рема. Рея Сильвия была казнена, а младенцев посадили в корзину и пустили плыть по Тибру. Когда вода стала сбывать, корзина оказалась на суше, и волчица, пришедшая с гор утолить жажду, услышала жалобные крики брошенных детей и принялась их кормить. Пастух, увидев это чудо, взял себе Ромула и Рема и воспитал их. Став юношами, братья решили основать город на том месте, где были найдены. Основав его, они стали спорить о первенстве и о том, кому из них назвать своим именем город. Произошла схватка, в результате которой Рем был убит. Ромул дал городу законы и затем исчез [Мифы Древнего Рима 1995: 469—470].

В чудесной предыстории основания Рима фигурируют сюжеты, объясняющие божественное происхождение города. Обратим внимание на то, что в легенде Ромул не несет наказания за убийство своего брата. Кровь Рема является своеобразным жертвоприношением новому городу. Известно, что при постройке зданий в разных культурах было принято приносить кровавые жертвы богам. Тем не менее можно вывести норму поведения, вытекающую из ссоры братьев: не следует доводить спор до убийства. В легенде названа причина спора: право первенства и вытекающее отсюда право на наименование города.

Египетская легенда, в основе которой лежит сюжет братоубийства, детально разработана.

В египетской мифологии у бога земли Геба и богини небесной тверди Нут родились дети Осирис, Исида, Сет и Нефтида. Когда верховный бог солнца Ра состарил-

ся, Осирис взошел на трон, установил справедливые законы для людей, и благодаря ему установился длительный мир. Затем он отправился в путешествие, оставив на троне свою супругу Исиду. Его брат Сет был завистлив и решил хитростью одолеть Осириса. Для этого был изготовлен богато украшенный сундук по мерке царя. Во время пира было объявлено, что сундук будет подарен тому, кому этот сундук будет впору. Таким оказался Осирис. Как только он лег в сундук, сообщники Сета захлопнули крышку, заколотили и запаяли ее и бросили этот сундук в воды Нила. Исида отправилась искать своего мужа, а Сет взошел на трон. Во время странствий у Исиды родился сын Гор. Волны вынесли гроб с Осирисом в Сирию, вокруг этого сундука выросло священное дерево, и ствол этого дерева был поставлен во дворце сирийского царя как священная колонна. Исида нашла эту колонну и уговарила царя отдать ей гроб с телом Осириса. Но когда она приплыла на корабле в Египет, Сет нашел этот сундук и приказал разрубить тело Осириса на 14 частей, которые были брошены в Нил на съедение крокодилам, однако рептилии не тронули их. Тем временем вырос сын Осириса Гор, он пошел войной на Сета и Сет был разрублен на части Гором также, как он сам разрубил Осириса. Впоследствии Осирис стал правителем царства мертвых [Египетская мифология 2002: 55—62].

В основе сюжета лежит противоборство родных братьев — Осириса и Сета, при этом заранее известно, что первый был добрым, а второй — злым. Сету удалось с помощью хитрости заманить брата в ловушку и убить его. Опасаясь чудесного воскрешения Осириса, Сет приказал расчленить тело брата. Сказание завершается отмщением — сын Осириса побеждает своего дядю и вершит над его телом такую же казнь, как и та, которой был подвергнут его отец. Приведенный миф интересен также описанием поведения Исиды, преданной супруги Осириса. Из этого сюжета можно вывести следующие нормы поведения: 1) нельзя убивать близких, 2) не следует завидовать близким, 3) не следует поддаваться на хитрость, 4) следует мстить за нанесенную обиду, 5) следует придерживаться паритетного возмездия.

Мы видим, что аксиогенное событие «Братоубийство» по-разному уточняется в различных культурах. Показано, что причиной преступления обычно являются зависть и гнев.

Обратимся к притчам. Эти аллегорические истории повествуют о событиях, иллю-

стрирующих те или иные ценности и нормы поведения и мировосприятия. Применительно к притчам мы сталкиваемся не столько с событиями, сколько с ситуациями, требующими ценностного осмысления.

Заслуживает внимания притча, в которой повествуется об аксиогенной ситуации «Сравнение».

Однажды царь Акбар начертил прямую линию и спросил своих министров:

— Как сделать эту линию короче, не прикасаясь к ней?

Бирбал считался самым мудрым человеком в государстве. Он подошел, и начертил рядом с этой линией другую, но более длинную, тем самым умалив достоинство первой.

Мудрый царедворец нашел оптимальное решение для поставленной задачи. Из этого события вытекают следующие нормы поведения: 1) следует знать, что у любой задачи есть решение, 2) следует использовать сравнение для определения явления.

Следующая притча может послужить иллюстрацией для аксиогенного события «Усвоение урока».

У одного мастера дзэн был внук, любивший послушать своего дедушку. И вот однажды он разбил хрустальную вазу, которой дед очень дорожил. Не дожидаясь, пока это обнаружат, мальчик сам подошел к деду и спросил: „Помнишь, ты говорил, что всему на свете есть срок?“ „Да, верно“, — согласился мастер. „Так вот, срок жизни твоей любимой хрустальной вазы уже истек“.

Мы видим, что мальчик научился оперировать философскими суждениями. И хотя мастеру было жаль, что ваза разбита, думается, что он выслушал слова своего внука с мудрой улыбкой понимания. Эта притча содержит следующие ориентиры поведения: 1) следует находить подходящие слова для сообщения, 2) следует знать, что всему на свете есть срок.

Мы часто не видим положительных сторон жизни, обращая внимание лишь на отрицательные:

Пришло время Мастеру проверять своих учеников. Он позвал троих, взял белый лист бумаги, капнул на него чернила и спросил:

— Что вы видите?

Первый ответил: „Черное пятно“. Второй: „Кляксу“. Третий: „Чернила“. Монах заплакал и ушел в свою келью. Позже ученики спросили:

— Почему Вы плакали?

Монах сказал:

— Никто из вас не увидел белого листа.

В приведенной притче иллюстрируется аксиогенная ситуация «Умение видеть суть». Ученики мастера не обратили внимания на главное. Отсюда вытекают следующие мировоззренческие установки: 1) следует видеть в жизни как плохое, так и хорошее, 2) следует в первую очередь замечать хорошее.

Заслуживает внимания притча, выражающая мировоззренческую установку — видеть положительное в отрицательном:

Когда спросили райскую птицу, откуда ее блестящее оперение, она ответила: „Множество отравленных стрел скользило по мне, и сильнейший яд дал лучшую окраску“. Так будем благодарить стрелков!

Эта философская позиция является примером позитивного отношения к жизни, свойственного настоящим мудрецам.

Наглядный пример гораздо убедительнее долгих рассуждений:

Один Правитель после Государственного Совета взял глиняную вазу и разбил на глазах у всех. Когда его спросили о значении сделанного, он сказал: „Напоминаю о непоправимости“.

Поступок правителя может показаться театральным жестом, но с учетом того, что на заседании совета принимаются серьезные решения, касающиеся будущего страны, акцентирование ответственности за принятые решения выглядит вполне убедительно и иллюстрирует следующие нормы поведения: 1) следует использовать наглядные примеры в ситуациях, не терпящих отлагательства, 2) следует помнить о непоправимости событий.

К притчам часто прибегают для убеждения в важнейших мировоззренческих истинах. К числу таких истин в религиозном дискурсе относится идея о милости Творца:

Один человек умер. И тогда он увиделся с Богом. Бог сказал ему:

— Хочешь, я покажу карту твоей жизни?

— Конечно, хочу, — сказал человек.

Тогда Господь достал карту и стал показывать ее человеку. На карте были две пары следов. Человек спросил:

— А чьи это следы?

— Мои — ответил Бог — я всю твою жизнь шел с тобой рядом.

Но вдруг человек обратил внимание, что в самые трудные и в самые тяжелые времена своей жизни на карте были только одни следы.

— Господи, но почему же ты покидал меня в самые тяжкие моменты моей жизни? Почему, когда у меня было все хорошо — ты шел рядом, а когда вся моя жизнь рушилась — твоих следов на карте нету?

— Потому что в эти моменты я нес тебя на руках.

Тезис о том, что Бог благ и милостив, является краеугольным камнем веры. Приведенная притча иллюстрирует аксиогенное событие «Понимание Божественной милости». Из этого текста вытекают следующие нормы поведения: 1) следует знать, что Создатель всегда рядом, 2) следует знать, что Бог любит человека, 3) следует знать, что Бог придет на помощь.

Очень важным является аксиогенное событие «Понимание своей ответственности»:

Бог слепил человека из глины, и остался у него неиспользованный кусок.

— Что еще слепить тебе? — спросил Бог.

— Слепи мне счастье, — попросил человек.

Ничего не ответил Бог, и только положил человеку в ладонь оставшийся кусочек глины.

Эта притча в образной форме иллюстрирует известное суждение о том, что человек — сам кузнец своего счастья.

Наиболее важные наблюдения касаются провербиальных событий, т. е. событий, образующих паремиологический фонд языка и культуры. В разных языках мира одно и то же аксиогенное событие обозначается с помощью разных образов. Так, идея о том, что при поединке двух сильных противников добыча может достаться слабому наблюдателю, выражается следующим образом: *Два ястреба дерутся — воробью корм достанется* (адыгейск.); *Собаки подрались — нищий обрадовался* (грузинск.); *Два сокола поссорятся — вороне корм перепадет* (узбекск.); *Когда дерутся моллюск с бекасом, выигрывает рыбак* (японск.). Римляне выражали эту идею коротко: *Tertius gaudens — Третий радующийся* (латинск.).

Акцентируется аксиогенная идея извлечения пользы для слабого противника из противоборства сильных. Эта мысль отражена в одной из древних китайских стратем — боевых правил ведения войны с более сильным противником: *«Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров»* [Сидорков 1997]. Использование разногласий или борьбы между противниками для собственной выгоды отмечено в качестве важного правила выживания.

Провербиальное аксиогенное событие может быть развернуто в описание определенного случая. Например: *Из круглых камней стена непрочная* (китайск.). Смысл этой пословицы состоит в том, что нельзя угождать всем: круглый — не имеющий углов, т. е. не имеющий недоброжелателей. Если

развернуть пословицу в повествование, то можно прийти к такой притче:

Для строительства стены взяли круглые камни, они не могли зацепиться друг за друга, стена оказалась непрочной и рассыпалась.

Уточним: смысл приведенной пословицы сводится к совету выбирать себе друзей, которые могут сказать тебе и неприятные вещи, потому что те, кто хочет всем угодить, вряд ли будут надежны.

В некоторых пословицах в спрессованном виде прослеживается история народа: *Вымершие халдейцы веют соломой ассирийцев гнилыми вилами арамейцев* (ассирийск). Упоминаются жители Древнего Ближнего Востока — халдеи, ассирийцы и арамейцы, которые когда-то воевали друг с другом, при этом халдеи и арамейцы ассимилировались и исчезли как этносы, а ассирийцы остались, хотя и не получили своего национально-государственного суверенитета. В пословице выражена идея торжества над исчезновением. Было время, когда Ассирия была могучей державой, затем государство прекратило существование, но народ остался. В качестве прототипного события, лежащего в основе аксиогенной ситуации, взято сельскохозяйственное производство: веять значит очищать обмолоченное зерно от мякоти и сора, подбрасывая его в направлении против ветра. В приведенной пословице значимы атрибуты «*вымершие халдейцы*» и «*гнилые вилы арамейцев*», т. е. проводится антитеза «жизнь — смерть». Вместе с тем обратим внимание на то, что сами ассирийцы свою соломой не обрабатывают, а горделиво подчеркивают свой статус хозяев, на которых работают другие. Они не просто сохранились, но и остались в своей душе представителями великого царства. На мой взгляд, в данном случае аксиогенным событием является сохранение народа вопреки обстоятельствам.

Все пословицы можно разделить на два класса: предписания о том, что надо вести (или не вести) себя определенным образом или принять нечто к сведению. К первому типу паремиологических единиц относится, например, следующее речение: *Никакой лимон сладким не сделаешь* (бенгальск.).

Известно, что лимон является прототипным представителем кислых фруктов, и невозможно вывести сладкие лимоны. Отсюда вытекает более общий вывод о том, что не следует вкладывать силы в заведомо невыполнимое дело. Демонстрация отрицательного опыта (в том числе и воображаемого) — сильное аргументативное средство. Словосочетание «сладкий лимон» в данном

случае представляет собой оксюморон с символическим смыслом невозможного положения дел.

Ко второму типу пословиц относится следующее речение: *Привязанный буйвол ненавидит пасущегося* (вьетнамск.).

Речь идет о зависти несвободных к свободным. Обратим внимание на то, что в данном речении нет призыва к борьбе за свободу. Аксиогенный смысл состоит в совете принять к сведению, что имеет место определенное положение дел. С иных позиций эту пословицу можно проинтерпретировать и как отношение к неравенству. С позиции наблюдателя (именно такая позиция выражена в паремии) выражено мнение, что неравенство существует, и было бы наивным предполагать, что те, кто оказался в худшем положении, будут хорошо относиться к тем, кому повезло.

Аксиогенные события широко представлены в смеховом жанре городского фольклора — анекдоте. Отметим, что вовсе не все анекдоты отражают событие, достаточно часто в них представлена некая ситуация в статье, например, смешные определения, сравнения, загадки и др. Тем не менее прототипный анекдот представляет собой нарратив, в котором отражено некоторое событие:

Едет по лесу Илья Муромец и видит: сидит на высоком дереве Соловей Разбойник и рубит сук, на котором сидит. Говорит ему Илья Муромец: „Упадешь!“. А Соловей Разбойник отвечает: „Ступай себе мимо!“. Проехал немного Илья Муромец и слышит сзади треск, хруст и ругань. Оглядывается, а там Соловей Разбойник еле поднялся с земли и кричит: „Ах ты, колдун проклятый!“.

В этом тексте показана комичная ситуация неумения видеть очевидные последствия своих действий. Отсюда следует, что нельзя вести себя глупо. Обратим внимание на аллюзии в приведенном анекдоте: его участниками являются известные персонажи русского фольклора Илья Муромец и Соловей-разбойник, а ключевым образом выступает действие — рубить сук, на котором сидишь (этот фразеологизм означает приносить себе вред глупыми поступками). По мнению Г. Г. Слышкина, в смеховой картине мира выделяются четыре системообразующих концепта: «нелепое» (это вызывает приятное чувство собственного превосходства), «страшное» (перемещение страшного в комический контекст позволяет избавиться от страха), «запретное» (это дает возможность освободиться от социальных табу) и «претенциозное» (карнавальное переворачивание высокого и низкого с целью компенсации не-

возможного в культуре официальной) [Слышкин 2004: 206—212]. В приведенном анекдоте реализуется концепт «нелепое».

Заслуживают внимания литературные анекдоты, размещенные в Интернете, в которых осмысливаются аксиогенные ситуации. Весьма часто в качестве ключевого образа в этих текстах обыгрывается абсурдное положение дел. Например: *Чтобы наглядно доказать, что его предмет в будущем пригодится, учитель геометрии порезал колбасу транспортиром.*

Транспортир, плоский инструмент для измерения углов, обычно изготавливаемый из металла или пластмассы, не должен использоваться в качестве режущего орудия. Своим поступком учитель доказывает обратное: его предмет не может пригодиться учащимся. Отсюда вытекает, что не следует приводить аргументы, которые противоречат здравому смыслу. Аналогичным образом высмеивается и другая ситуация несоответствия цели и средства: *Если вы заблудились в лесу, а компаса под рукой нет, дождитесь осени — птицы полетят на юг!*

Этот текст представляет собой пародию на жанр полезных советов, публикуемых в прессе. Обычно такие советы носят утилитарно-практический характер — как удалить накипь, избавиться от неприятного запаха в шкафу и т. д. Известно, что осенью перелетные птицы летят на юг. Но нелепо ждать осени, оказавшись в лесу без компаса, чтобы определить расположение сторон света. Аксиогенная норма, вытекающая из этого текста, сводится к требованию вести себя в соответствии со здравым смыслом.

К числу абсурдных ситуаций относится совмещение несовместимых событий: *На свадьбе волейболистки подружки невесты два часа не давали букету упасть.*

Традиционным ритуалом на свадьбе является преподнесение невесте букета цветов. В приведенном анекдоте происходит отождествление букета с волейбольным мячом, а свадьба превращается в спортивное событие. Отсюда вытекает норма: не совмещать несовместимое.

Неспособность переключиться в новую ситуацию из привычной также часто является предметом осмеяния: *Концерт чечеточников свел с ума трех человек из зала, которые знали азбуку Морзе.*

Чечетка (степ) — это быстрый танец, отличительной особенностью которого является ударная работа ног. Азбука Морзе представляет собой знаковую систему, в которой буквы обозначаются в виде комбинаций длинных и коротких сигналов. Попытка услышать в танце чечеточников текст морзянок

является абсурдной, и в этом состоит смеховой эффект приведенной фразы. Мы понимаем, что не следует принимать частичное внешнее сходство разных явлений за совпадение по сути.

Комический эффект многих анекдотов состоит в комбинации несопоставимых ситуаций: *Опытный продавец арбузов одним щелчком по голове может определить, готов его сын к экзамену или нет.*

Знатоки могут щелчком определять степень спелости арбуза. Голова студента сравнивается в данном тексте с этим плодом, и это вызывает улыбку. Аналогичным образом в анекдотах комбинируются явления, относящиеся к разным эпохам: *Ученые-археологи нашли шлем Александра Македонского, а через десять метров нашли его мотоцикл.*

Во времена великого завоевателя древности Александра Македонского воины носили металлические шлемы на голове для защиты от ударов. Царский шлем был обычно богато украшен. В наши дни защитные пластиковые шлемы носят мотоциклисты. Известно, что этот вид транспорта весьма опасен. Приведенный анекдот представляет собой иллюстрацию черного юмора: речь идет о несчастном случае. Первая часть фразы воспринимается как достоверная информация, а вторая часть карнавально переворачивает содержание предшествующего текста. Отсюда можно вывести совет критично воспринимать новости. Разумеется, такая интерпретация не является единственно возможной.

Важной отличительной особенностью литературных анекдотов являются аллюзии: *Младший брат Юлия Цезаря мог одновременно делать три действия: завидовать, плакать и донашивать вещи.*

Перед нами карнавальное переворачивание известного факта — способности римского политика и полководца одновременно делать несколько дел. В данном случае не существенно, был ли у Юлия Цезаря младший брат. То, о чем говорится, нельзя назвать действиями. Мы понимаем, что были основания завидовать Цезарю. Приведенная шуточная фраза рекомендует всем знать свое место, по возможности не завидовать тем, кто старше, опытнее, талантливее, и не плакать.

В анекдотах данного типа пародируются и определенные речевые жанры: *Из-за преступной халатности работников Эрмитажа картина Казимира Малевича „Черный квадрат“ два месяца провисела вверх ногами.*

Известно, что у квадрата нет верха и низа. В приведенной шутке, пародирующей фразу из приказа или распоряжения, гово-

рится о знаменитой картине русского авангардиста «Черный супрематический квадрат», и соль анекдота состоит в том, что работников музея обвиняют в халатности, а затем сообщают, что ошибка спустя два месяца была исправлена, хотя никакой ошибки здесь быть не могло. В этом анекдоте можно увидеть совет вникать в содержание того, о чем сообщается.

Весьма часто в анекдотах критически оценивается наша действительность: *Мистическая сенсация: чиновник, не бравший взятки, ушел на пенсию по воде.*

Известно, что Иисус Христос обладал чудесной способностью ходить по воде. Честный чиновник в приведенном тексте сравнивается с Сыном Божьим, и мы понимаем, что взяточничество воспринимается как естественное поведение в кругу этих людей, и этому не следует удивляться. В анекдотах сатирически изображена современная власть: *Маньяк опрыскал деньги ядом и пожертвовал их детскому дому. Погибло двадцать депутатов, два мэра и один министр.*

Деньги, пожертвованные детскому дому, оказываются разворованными, и к преступлению причастны различные должностные лица. Из этого анекдота вытекает установка: не следует жалеть представителей власти, попавших в беду, поскольку они заслужили ее.

Анекдоты не претендуют на сообщение объективных фактов и закономерностей, но подмечают особенности человеческой природы: *Ученые предполагают, что основная причина роста детской жестокости — пазлы на 2000 деталей.*

Пазлы — это складные картинки, игрыголоволомки, в которых из множества фрагментов различной формы нужно составить целое изображение. Понятно, что собрать такую картину из огромного числа частей невозможно, это приводит играющего в ярость. Разумеется, причина детской жестокости состоит вовсе не в том, что нельзя выполнить условие игры. Вместе с тем приведенный текст может быть проинтерпретирован как шуточный совет: не превращать развлечение в мучение.

В анекдотах находят отражение реалии нашего времени: *Террористы захватили винный магазин и уже третий день не могут сформулировать свои требования.*

Террористы, захватывающие заложников и проливающие кровь людей, стали частью нашей обиходной жизни. Обычно они выдвигают те или иные требования к властям. Цитируемый текст представляет собой образец абсурдного юмора, цель которого — посмеяться над ужасной ситуацией и тем самым преодолеть страх перед ней. Мы ви-

дим, что террористы — обычные люди, у них те же слабости, что и у всех. Из этого анекдота вытекает новая аксиогенная норма: не следует впадать в ступор, столкнувшись с террористами.

Распространенные суеверия часто обыгрываются в анекдотах: *Кактус, который семь лет простоял возле монитора компьютера, умеет переустанавливать Windows.*

Некоторое время тому назад циркулировало мнение о том, что кактус, поставленный рядом с системным блоком и монитором компьютера, уменьшает радиацию этого электронного прибора и тем самым оказывается полезным для здоровья тех, кто много времени проводит за компьютером. Это мнение ничем не было обосновано, как и использование определенных защитных экранов на мониторы, якобы способствующих устранению вреда от мерцания. Идея необоснованности таких представлений доведена в анекдоте до абсурда: переустановить систему «Windows» может, как правило, только специально подготовленный человек. Отсюда вытекает совет: следует критически воспринимать суждения о пользе и вреде технических устройств (и не только их).

Заслуживают внимания анекдоты, являющиеся новой оболочкой для известных суждений: *Школьная повариха тетя Зина устроилась работать барменом, но какой бы коктейль она ни готовила — все равно получается борщ.*

В этом примере в новом виде выражена старая истина о том, что невозможно изменить суть человека. Эта мысль представлена в различных пословицах. Интересны контрастные образы: коктейль и борщ. Заметим, что не все аксиогенные нормы, выраженные в пословицах или притчах, получают экспликацию в анекдотах. Вероятно, для определенных лингвокультур и исторических эпох на первый план выдвигаются те ценности, которые оказываются наиболее значимыми для носителей культуры. В некоторой степени здесь уместна параллель с концептуализацией мира: более подробно и плотно обозначаются те фрагменты реальности, которые более важны для говорящих. Соответственно можно говорить о различной аксиологической плотности ситуаций и реалий.

Подчеркну, что анекдот не претендует на выражение объективной истины, но может рассматриваться как знак интереса общества к тому или иному явлению: *Русская речь без мата превращается в доклад.*

В этом шуточном речении есть рациональное зерно. Об этом факте нашего бытия писал М. А. Кронгауз, замечая, что отсутст-

вие мата в речи мужчин на сокращенной дистанции общения сегодня воспринимается с подозрением [Кронгауз 2009]. Это объясняется тем, что вульгаризмы выступают как сигналы интимизации и доверительности, а их отсутствие — как желание говорящего вести общение на официальном уровне. Приходится констатировать, что всё чаще гендерная специфика использования вульгаризмов на сокращенной дистанции общения нивелируется применительно к различным группам населения.

Таким образом, аксиогенные ситуации получают множественное и вариативное осмысление в жанре анекдота.

Казуальные (*casus* — случай) аксиогенные события составляют основу тех ситуаций, которые, накапливаясь в коллективной памяти, образуют фактуру для оценочных суждений.

Запоминаются аксиогенные события «Неадекватная стимулу реакция»:

Мэтью Арнольд (Matthew Arnold), английский поэт и литературный критик, был известен своей бескомпромиссной строгостью. Он был также чиновником отдела образования. Однажды одна шестилетняя девочка попросила его почитать ей книгу. Он ответил ей, что очень удивлен и огорчен ее просьбой, и потребовал от нее, чтобы она немедленно научилась читать, иначе он посадит ее родителей в тюрьму. Через несколько недель ребенок уже читал.

Если бы взрослый человек просто выполнил просьбу ребенка или даже пожурил девочку за то, что она не умеет читать, этот факт не стал бы аксиогенным. Угрозы оказываются действенным способом добиться быстрого успеха. Аналогичный смысл имеет и сюжет о расстреле безбилетных пассажиров в Германии. Страх перед наказанием становится одним из базовых мотивов поведения законопослушных граждан. Подчеркну: реальность или фикциональность такого события оказывается нерелевантной для того, чтобы оно было осмыслено как аксиогенное.

Очень значимо аксиогенное событие «Предательство своих». Этот сюжет хорошо разработан в мифологии и литературе и частотен в повседневном поведении. Например:

Когда известного отечественного ученого-генетика Николая Ивановича Вавилова судили, его коллеги по очереди вставали и критиковали его. После каждого выступления академик говорил „спасибо“ выступившему. Но в одном случае он сказал: „Вас я не благодарю, Вы не мой ученик“ (этот случай был мне рассказан моим научным

руководителем при написании кандидатской диссертации профессором Георгием Сергеевичем Клычковым).

Рассматриваемое событие является сложным по своей структуре и распадается на две части: «доверие — предательство» и «узнавание о предательстве — реакция на предательство». В приведенном примере проиллюстрирована вторая часть данного положения дел. Ожидаемыми являются возмущение и скорбь со стороны пострадавшего, но вместо этого он благодарит своих обвинителей, а случай демонстративного нежелания благодарить лишь усиливает идею сожаления о том, что помощь была оказана недостойным людям. Благодарность превращается в обвинение, и этот переход приобретает аксиогенный смысл.

Мена местами придуманного и реального положения дел — традиционный прием сюжетопостроения. Все знают, что существует логика реального и придуманного миров, которые не пересекаются. Но в ряде случаев происходит трансформация этих миров, и такие случаи заслуживают внимания. Например:

Известный английский актер и драматург Ноэль Кауэрд (Noel Coward) любил розыгрыши. Однажды он отправил одинаковые анонимные письма 20 самым известным лондонцам с текстом: „Всё обнаружено. Спасайтесь, пока можете“. К утру все 20 покинули город.

В аксиогенном событии «Переворачивание реальности» то, что рассматривалось как невероятное, становится действительностью. Комический эффект этого события состоит в том, что у известных лондонцев были причины спастись (имплицитно то, что у них были проблемы с законом).

Заслуживает внимания анекдотичный случай, приведенный в «Грешных записках» Льва Дурова:

Турист из Германии приехал в Тверскую область, чтобы поохотиться на медведя. Это — очень дорогая поездка. Зверя никак не могли найти, но вспомнили, что в областном цирке есть медведь, у которого обнаружили катаракту и которого собираются усыпить. Удалось договориться с работниками цирка, медведя привезли в лес, в назначенный вечер егеря сняли с него намордник и выпустили его в определенном месте. Недалеко была тропинка, и на ней оказалась дачница на велосипеде. Увидев зверя, она бросила велосипед и сумку и со всех ног пустилась бежать, а медведь спокойно поднял велосипед, сел и поехал. Охотник после этого два месяца пролежал в больнице с инфарктом.

Приведенный пример относится к аксиогенному событию «Курьезное происшествие», которые весьма вариативны. Заметим, что в этой странной охоте развиваются сценарии, каждый из которых вовсе не комичен: обреченный цирковой зверь, испуганная насмерть дачница, получивший инфаркт турист, — но основной сюжет события представляет собой накладку двух несовместимых фреймов: охота на дикое опасное животное и веселое цирковое выступление этого животного. Ситуация становится комической, а медведь на велосипеде в лесу превращается в символ абсурда.

Аксиогенные события активно используются в средствах массовой информации.

Несколько лет тому назад в китайской прессе сообщалось о том, что был совершен дерзкий налет на банк, завязалась перестрелка, в ходе которой полицейский получил серьезное ранение. Об этом узнала мать налетчика и каким-то образом догадалась, кто ранил полицейского. Она сумела убедить сына пойти в полицию и сдаться. После того, как этот человек сдался, он обратился к властям с просьбой встретиться с раненым офицером, чтобы попросить у него прощения, и эта просьба была удовлетворена. Раненый офицер скончался, а налетчик по приговору суда был осужден и получил длительный срок тюремного заключения.

Данный текст является пересказом, иллюстрирующим аксиогенное событие «Покаяние». Суть этого события состоит в том, что некто, совершив серьезный проступок или преступление, осознает свою вину, признается в том, что совершил, осуждает себя, просит прощения и несет наказание. Подобные события несут высокий эмоциональный заряд, вызывают катарсис и поэтому активно используются в религиозном и художественном дискурсе. В приведенном виде фабула дана как информационное газетное сообщение в пересказе, но она может быть развернута в рассказ или другой жанр художественной литературы. Из данного текста вытекают следующие нормы поведения: 1) нельзя совершать преступления; 2) нельзя причинять вред здоровью кого-либо; 3) следует восстанавливать справедливость; 4) следует чистосердечно раскаиваться в совершенном преступлении; 5) следует исполнять родительскую просьбу. В современной российской прессе подобное сообщение выглядело бы неестественно: доминирующая тональность наших массмедиа является ироничной и не допускает патетики.

Аксиогенные события весьма вариативны по тематике. Важной разновидностью таких событий является «Ловкий выход из

затруднения». Приведу пример из мемуаров актера Анатолия Равикovichа «Негероический герой»:

Как-то я присутствовал на вечере Акимова, где он рассказывал о своих впечатлениях от поездки в Америку. Впрямую он не хвалил Америку, но получалось, что у них все не так уж плохо.

— А каково там положение актеров?— строго спросила дама из кабинета марксизма-ленинизма.

Николай Павлович на секунду задумался, потом сказал:

— В Америке положение плохого артиста очень плохое.

Режиссер одного из столичных театров рассказывает о своей поездке в США. В то время имело место идеологическое противостояние СССР и США, и поэтому в публичных выступлениях следовало критиковать порядки, которые царят в цитадели империализма. Собравшиеся поняли, что деятель искусства не осуждает страну, в которой он побывал, хотя прямых похвал произнесено и не было. На таких выступлениях обычно присутствовали представители партийных органов, осуществлявшие контроль над поведением творческой интеллигенции. Значимым является наречие «строго» в вопросе дамы из кабинета марксизма-ленинизма. Предполагалось, что режиссер поймет обращенный к нему призыв акцентировать обличение пороков буржуазного общества. Прозвучавший ответ свидетельствует об умении режиссера с честью выйти из затруднительного положения: он подтверждает то, что актерам в Америке плохо, но уточняет — плохим актерам. Из этого ответа вытекают важные следствия: хорошим актерам там совсем не плохо, а плохим актерам в нашей стране живется лучше, чем их американским коллегам. Такая саркастическая оценка, выраженная в остроумной форме, иллюстрирует следующие нормы поведения: 1) следует находить выход из затруднительного положения, 2) следует говорить правду так, чтобы не навредить себе.

Заслуживает внимания сложное аксиогенное событие «Прощение», о котором рассказал Михаил Козаков в своей «Актерской книге».

Сергей Иванович Кавтарадзе прожил долгую и богатую событиями жизнь. В молодости он был профессиональным революционером и познакомился с молодым Сталиным, тогда носившим кличку Коба. После революции он примкнул к одной из платформ, линия которой шла вразрез с генеральной линией партии, и был посажен в тюрьму, где провел более 10 лет. Перед

войной его выпустили на свободу, и он работал в московском издательстве, в котором был опубликован новый перевод поэмы Шота Руставели „Витязь в тигровой шкуре“. Говорили, что Сталин, в юности писавший стихи, правил этот перевод. Однажды вечером за С. И. Кавтарадзе приехала большая черная машина, он приготовился к худшему, но его привезли в Кремль. Сталин приказал накрыть стол и после нескольких рюмок спросил: „Сережа, ты не хочешь пригласить меня к себе в дом?“. Вопрос был задан неспроста. По грузинскому обычаю, окончательное прощение за нанесенную обиду обиженная сторона должна подтвердить, пригласив обидчика к себе в дом. И когда хлеб будет преломлен и бывшие враги выпьют друг с другом в доме обиженного, произойдет полное отпущение грехов. Обиженным был Кавтарадзе, и исполнить старый обычай надлежало ему.

— Ну, так как, Сережа? — повторил Сталин.

— Что ты, Иосиф, конечно, конечно, — растерялся Кавтарадзе. — Но ведь я живу в коммуналке и как смогу принять там дорогого гостя? Да и чем я сейчас тебя приму?..

— Так ты не зовешь меня, Сережа, — с грустью отметил Сталин. — Ну, как знаешь...

— Нет, ты меня неправильно понял, Иосиф! Я счастлив тебя позвать, счастлив! Но ты же понимаешь, я живу в коммуналке...

Увидев в глазах Сталина искорки, не предвещавшие, как он знал, ничего хорошего, Сергей Иванович все-таки решился:

— Я прошу тебя быть моим гостем, когда ты захочешь!

— Сейчас, — сказал Сталин.

И они приехали в коммунальную квартиру к С. И. Кавтарадзе, выпили, поцеловались, преломили хлеб и вспоминали о молодости. На следующий день С. И. Кавтарадзе был назначен заместителем министра иностранных дел.

После войны Сталин, гуляя с Сергеем Ивановичем по саду и подрезая ножницами куст, вдруг резко повернулся и зло бросил:

— А все-таки ты желал моего падения, когда примкнул к враждебной мне платформе!

На этот раз Кавтарадзе все-таки не посадили, а отправили в почетную — и не худшую из почетных — ссылку, послом в Румынию.

В этом тексте речь идет о событии, имеющем сакральный символический смысл — о примирении старых друзей, а знаком этого

примирения является прощение. Вспомним, что Сталин в то время, о котором идет речь, был абсолютным властителем страны, по его приказу в пыль могли превратиться люди и целые народы. Зачем понадобилось вождю проходить через ритуал прощения? Для чего нужно было поступать в соответствии со старинным грузинским обычаем тому, кто сказал однажды: «Я человек русской культуры»? Примем этот нарратив в качестве исторического факта, допуская, что рассказчик внес некоторые фабульные уточнения в сюжет (запись беседы Сталина и Кавтарадзе не запротоколирована, какие именно слова были сказаны, мы не знаем). Возможно, вождю захотелось вновь, как когда-то в молодости, испытать чувство дружеской поддержки. В целом этот нарратив развивается зигзагообразно: совместная революционная деятельность (возможно, с участием в вооруженных налетах), безжалостный приговор за непокаянность (хотя и не расстрел), внезапное приглашение для того, чтобы получить прощение, последующее высокое назначение и столь же внезапное понижение (в виде почетной ссылки). Не исключено, что причиной, побудившей Сталина вспомнить о старом друге, было бессмертное произведение Руставели. В поэме говорится о дружбе как высшем проявлении человеческих качеств. В окружении вождя друзей не было, известно, что он постоянно ждал покушения на свою жизнь. В приведенном аксиогенном событии выражены следующие нормы поведения: 1) следует помнить о друге, 2) следует попросить прощения у друга, если обидел его, 3) следует помогать другу, 4) следует соблюдать родные обычаи. Отметим, что безмерная жестокость и патологическая подозрительность парадоксально уживались в душе диктатора с высокими идеалами чести и верности. Психологически точно показано развитие сюжета: Сталин сам поставил вопрос о том, чтобы его пригласили в дом. Если бы Кавтарадзе первым сказал об этом или же без колебаний позвал Кобу к себе, тот бы, возможно, усомнился в искренности старого друга. В нужный момент прозвучала фраза: «Я прошу тебя быть моим гостем, когда ты захочешь!» Прощение было получено. Вместе с тем мы видим, что Сталин постоянно носил в сердце обиду на тех, кто когда-то не поддержал его.

Подведем основные итоги.

В качестве единицы референциальной базы ценностной картины мира представляется возможным ввести понятие «аксиогенная ситуация» — положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысле-

ние. Разновидность такой ситуации — аксиогенное событие — имеет бинарную структуру, в нем выделяются инициальная и финальная стадии, причем финальная стадия должна быть в определенной степени непредсказуемой. Существуют выработанные коммуникативной практикой специальные жанры для интерпретации аксиогенных ситуаций — легенды, притчи, пословицы, анекдоты, казуальные нарративы. Содержание аксиогенных ситуаций может быть выражено в виде аксиогенных норм — исследовательских конструктов, в которых сформулированы те или иные прескрипции поведения в форме запретов или рекомендаций. Перспективным направлением для осмысления аксиогенной ситуации как одного из понятий лингвокультурологии является выявление национальной, социально-групповой и исторической специфики аксиологической плотности в различных фрагментах ценностной картины мира того или иного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. — Волгоград : Перемена, 2003.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Воркачев С. Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования : моногр. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. С. 8—93.
4. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лек-

- сике и прагматике. — М. : Глобал Ком, 2013.
5. Египетская мифология : энцикл. — М. : Эксмо, 2002.
 6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
 7. Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2004.
 8. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. — М. : Гнозис, 2008.
 9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М. : Гнозис, 2002.
 10. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд. — М. : Знак, 2009.
 11. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М. : Языки славянских культур, 2009.
 12. Мифы Древней Греции. — Саратов : Надежда, 1994.
 13. Мифы Древнего Рима. — Саратов : Надежда, 1995.
 14. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. — Кемерово : Графика, 2004.
 15. Сидорков С. В. Функционально-семантические аспекты языковой стратегичности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 1997.
 16. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : моногр. — Волгоград : Перемена, 2004.
 17. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
 18. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 58—65.
 19. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

А. В. Колмогорова
Красноярск, Россия

A. V. Kolmogorova
Krasnoyarsk, Russia

**КОНКУРЕНЦИЯ И КОНФЛИКТ СЛОЖНЫХ
КОНЦЕПТОВ ГОРДОСТЬ И СТЫД
КАК КОГНИТИВНЫЙ БАЗИС
СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**CONCURRENCE AND CONFLICT
OF COMPOUND CONCEPTS
PRIDE AND SHAME
AS A COGNITIVE BASIS
FOR DISCREDIT STRATEGY
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Аннотация. Разрабатывается проблематика когнитивного обоснования коммуникативных феноменов, в частности выявления когнитивного базиса стратегии дискредитации в политической коммуникации. Социальные чувства стыда и гордости моделируются как соответствующие сложные сопряженные концепты. Их внутренняя структура и концептуальное содержание представляются в виде сопряженных фреймов. На иллюстративном материале современной российской прессы и политических интернет-порталов показывается, как конкуренция фреймов «Гордость» и «Стыд» в контексте массмедиального политического дискурса приводит к реализации стратегии дискредитации при помощи «мягких» коммуникативных тактик, а конфликт между слотами фреймов, приводящий к экспансии фрейма «Стыд», — к реализации «жестких» коммуникативных тактик.

Abstract. The article explores the problem of cognitive explanation of communicative phenomena especially the cognitive basis of discredit strategy in political media communication. We model the social feelings of pride and shame as compound interconnected concepts structured as frames. Our data collected from modern Russian journals and Internet sites shows that “weak” discrediting tactics are based on the concurrence of frames “Pride” and “Shame” while the “strong” tactics of discredit strategy are fed by their conflict leading to the expansion of “Shame”.

Ключевые слова: концепт; социальное чувство; стыд; гордость; когнитивное моделирование; фрейм; коммуникативная стратегия дискредитации; политическая коммуникация.

Key words: concept; social feeling; shame, pride; cognitive modeling; frame; discredit communicative strategy; political communication.

Сведения об авторе: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Kolmogorova Anastassia Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Сибирский федеральный университет (г. Красноярск).

Place of employment: Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, к. 234.
e-mail: nastiakol@mail.ru.

ВВЕДЕНИЕ. Данная публикация посвящена проблеме экспликации глубинных причин, когнитивных механизмов коммуникативных феноменов, наблюдаемых в современной политической коммуникации, в частности в средствах массовой информации.

ния и эффективности воздействия подобных стратегий. Предмет данной публикации имеет более узкий характер — показать, как конкуренция и конфликт двух сложных социальных концептов — **гордость** и **стыд** — могут стать основой реализации иллюкативно значимых речевых действий в рамках стратегий дискредитации.

Объектом исследования являются речевые средства реализации дискредитирующей стратегии в современной политической коммуникации, осуществляемой в российских средствах массовой информации. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что именно в языке политики наиболее очевидны изменения идеологии и менталитета, во многом определяющие особенности лингвокультуры [Юзефович 2013: 33].

Материалом исследования послужил авторский исследовательский корпус, сформированный при помощи данных Национального корпуса русского языка [НКРЯ], информационных ресурсов Рунета общим объемом 1000 дискурсивных фрагментов, реализующих коммуникативную стратегию дискредитации.

Предметом исследования является когнитивный базис, лежащий в основе появле-

Методы исследования: когнитивное моделирование, концептуальный анализ, ком-

муникативный анализ, элементы сравнительно-сопоставительного анализа.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЙ СТАТУС ГОРДОСТИ И СТЫДА. Феномены стыда и гордости долгое время находились на периферии предметного поля гуманитарных наук в связи с диффузностью и многоаспектностью природы данных явлений. Обсуждаемые феномены классифицируют как эмоцию [Mascolo, Fischer 1995; Tracy, Robins 2004], чувство [Sedgwick and Frank 1995; Misheva 2006], как вариант поведения [Мухина, Хвостов 2011].

Если принять точку зрения ряда зарубежных психологов о том, что обсуждаемые феномены — это, в силу их сложности и поликомпонентности, все-таки чувства, то при попытке их охарактеризовать возникает следующая дилемма. Несмотря на дискуссионность многих вопросов, связанных с обсуждаемыми феноменами, большинство исследователей согласны с тем, что чувства стыда и гордости являются объективацией самооценки и рефлексии индивида, возникающих в ответ на отношение к нему социума: чувство стыда актуализируется в том случае, когда статусу индивида в первичной и основной социальной общности угрожает нечто, и, наоборот, чувство гордости — когда статус индивида в группе повышается [Misheva 2006].

Опираясь на определение концепта А. А. Залевской, считающей, что концепт есть «спонтанно функционирующее в речемыслительной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская 2005: 243], мы рассматриваем *гордость* и *стыд* в качестве сложных концептов, поскольку данные феномены несомненно имеют сильные аффективные составляющие и способны вызывать ощутимые соматические реакции (нарушения дыхания, покраснение кожи, потливость и др.), когнитивно релевантны, поскольку служат организации успешного взаимодействия внутри социального коллектива, наконец, имеют устойчивый диапазон вербальных средств объективации.

Кроме того, при анализе концептов *гордость* и *стыд* в их языковых/речевых объективациях интуитивно ощущается взаимосвязь данных концептуальных образований. Поскольку рассматриваемые концепты противоположны не по валоративному статусу, как это характерно для концептов и антиконцептов [Ларина 2011] (концепт репрезентирует ценность, антиконцепт — ее отсутствие или антиценность), а по аксиологической маркированности содержания признака «мо-

тив социального чувства» в каждом из концептов (то, что одобряется социумом, вызывает гордость; то, что порицается социумом, вызывает стыд), считаем возможным классифицировать их с точки зрения концептуальной систематики [Костюшкина 2009] как сопряженные концепты, образующие концептуальный континуум власти социума, отношений социальной зависимости.

Еще одной важной теоретической presupпозицией для дальнейшего коммуникативного анализа политического массмедийного дискурса является использование нами фреймовой модели для описания концептов социальных чувств. В лингвистической литературе вопрос о соотношении фрейма и концепта достаточно активно обсуждается [Бабушкин 1996; Болдырев 2004; Тарасова 2004]. Опираясь на мнение Н. Н. Болдырева [Болдырев 2004], мы рассматриваем концепт и фрейм в контексте родо-видовых отношений, считая фрейм одним из возможных способов организации внутренней структуры концепта. Представляется, что гносеологически фрейм выступает в роли наиболее адекватной структурой для моделирования рассматриваемых концептов в силу социальной природы концептуализируемых чувств.

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТОВ ГОРДОСТЬ И СТЫД. Опираясь на работы в области психологии эмоций и социальной психологии, посвященные изучению социального смысла обсуждаемых эмоций, мы выявили обязательные компоненты (слоты) фреймов *гордость* и *стыд*. Поскольку данные концепты являются сопряженными, слоты соответствующих фреймов устроены аналогично.

Обязательными слотами фреймов *гордость* и *стыд* являются:

- субъект социального чувства;
- причина социального чувства; параметры причины социального чувства:
 - 1) соответствие норме,
 - 2) соответствие реальности,
 - 3) фактическое наличие;
- мотив социального чувства — наблюдатель.

Необязательными слотами являются:

- вербальные проявления социального чувства;
- невербальные проявления социального чувства.

Поскольку материалом для исследования послужили дискурсивные объективации обсуждаемых концептов, то во всех примерах реализации фреймов *гордость* и *стыд*, естественно, присутствует вербальный компонент.

Причина социального чувства может быть разной — действие, предмет облада-

ния, личные качества и т. д. При этом причины гордости или стыда могут варьироваться в зависимости от гендерных характеристик, возраста и других социальных факторов, кроме того, они могут меняться в соответствии с эпохой. Иначе говоря, причины социального чувства варьируются в зависимости от социальных, в том числе имплицитных, норм и стереотипов. Однако неизменной остается связь причины социального чувства с его мотивом — укреплением или, наоборот, разрушением статуса в социальной группе. Эксплицировать данную связь можно с помощью методики элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой:

Я (субъект социального чувства) испытываю это чувство, если X (причина социального чувства).

Мотивы социального чувства:

- ГОРДОСТЬ** *помогает* мне оставаться частью социальной группы и улучшить мой статус в ней.
- СТЫД** *угрожает* моему вхождению в социальную группу и ухудшает мой статус в ней.

В данной формулировке в качестве X (причины социального чувства) может выступать денотат, включенный в один из трех кластеров концептуальных сфер: 1 кластер — «то, что я сделал» (поступок, жест, высказывание, артефакт и т. д.), 2 кластер — «то, чем я обладаю» (родственные связи, деньги, власть, атрибуты власти, атрибуты социального влияния, внешние признаки), 3 кластер — «то, чем я являюсь, что я есть» (личные качества и характеристики), 4 кластер — «социальная общность, частью которой я являюсь, а) сделала нечто, б) обладает чем-то, в) является чем-то/кем-то».

Таким образом, в зависимости от типа причины гордости или стыда (X) мы можем выделить по четыре модуляции каждого из концептов, образующие соответствующие субфреймы:

ГОРДОСТЬ	1. Фактитивн(ая/ый)	СТЫД
	2. Посессивн(ая/ый)	
	3. Экзистенциальн(ая/ый)	
	4. Инклюзивн(ая/ый)	

В данной публикации мы рассмотрим первые два субфрейма.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБФРЕЙМОВ ФАКТИТИВНОЙ ГОРДОСТИ И СТЫДА. Во всех субфреймах концепта *гордость* содержательное наполнение слота «мотив социального чувства» остается неизменным: «его причина помогает мне оставаться частью моей социальной

группы и улучшить мой статус в ней». Субфрейм фактитивной гордости имеет контаминированную природу (контаминируется с фреймом *действие*) и может представлять следующую конфигурацию:

субъект	соци-	→	субъект действия
ального чувства			
причина	соци-	→	действие или его
ального чувства			результат
наблюдатель		→	эксперт, оцени-
			вающий соответ-
			ствие норме само-
			го действия или
			его результата

Фактитивная гордость характеризуется тем, что субъект гордости совпадает с субъектом действия, а причина гордости — с действием или его результатом. Наблюдатель данного социального чувства может быть как собеседником, так и экспертом результата действия или самого действия.

Типичными вербальными маркерами актуализации фрейма *гордость* могут выступать два типа языковых/речевых единиц:

1) единицы, **категоризирующие** ситуацию как ситуацию гордости (*горд, гордится, испытывать гордость* + синтаксический коннектор + глагол действия): **Горжусь тем, что несколько лет отдал службе в войсках, связанных с эксплуатацией лучшего в мире зенитного ракетного комплекса** [Соловьёва А., Андреев С., Щерба В. Известные жители Мурманской области делаются подробностями своей армейской службы // Комсомольская правда. 2011.02.22] (здесь и далее, если специально не оговаривается иное, материалы СМИ цитируются по Национальному корпусу русского языка [НКРЯ]);

2) единицы, **идентифицирующие** ситуацию как ситуацию гордости (например, императивы глаголов зрительного восприятия: *смотри, посмотри*). Последний тип языковых/речевых маркеров выделен нами на основе анализа видеокорпуса, фиксирующего особенности общения матери с ребенком в русской лингвокультуре. Так, например, в речи матери, формирующей у ребенка типичное представление о ситуации фактитивной гордости, наблюдаем:

Мать: *Лера, пойдем кап-кап рисовать красочками. Давай солнышко. Вот солнышко (показывает, как рисовать), лучики. (Лера произносит вопросительную реплику.) Рисуй здесь вот. Ой, какая красота! Красочки не забывай брать. Посмотрите, как красиво! Да, Лера? (Лера реагирует вербально.) Папа, иди, посмотри, как красиво! (Лера) Смотри, папа идет посмотреть. Дима-аа!*

Дима, ну иди, скажи, как красиво у нас получается.

Апелляция к третьему лицу, привлечение его внимания, прежде всего зрительного, реализуется репликами *посмотри! посмотрите!*, которые служат актуализаторами фрейма **гордость**.

В массмедийном дискурсе находим: *Можешь сказать, что это был самый тяжелый сезон в карьере? — Ну да. Один из самых тяжелых... Посмотри, как мы далеко в плей-офф прошли. Раньше я никогда не играл во втором раунде Кубка Стэнли* [Лысенков П. Лучший снайпер НХЛ Александр Овечкин: А на «Евровидении» я заснул... // Советский спорт. 2009.05.23].

Поясним нашу позицию в связи с подобным выбором лингвистических маркеров гордости. При анализе концептов социальных эмоций, например концепта **гордость**, в русском языковом сознании следует принимать во внимание тот факт, что вербальной объективации могут подлежать две группы признаков концепта: категориальные, фиксирующие результат процесса категоризации осмысленного переживания социальной эмоции и отнесения его к уже существующей «ячейке опыта», и интерпретирующие, позволяющие узнать, диагностировать некую ситуацию, состояние как «ситуацию переживания гордости» (концептуализировать ее), поскольку вне социально формируемых правил интерпретации последняя как «объективная» реальность не существует. Первый тип репрезентантов концепта социальной эмоции выявляется достаточно традиционно, путем применения интегрированных в алгоритм концептуального анализа приемов компонентного анализа значения лексемы, второй же тип вербальных репрезентантов может быть выявлен путем привлечения эмпирического материала особого рода — видеокорпуса общения матери с ребенком, фиксирующего процесс направленного формирования у ребенка паттернов социально релевантного в данном сообществе поведения — узнавания и переживания ситуаций гордости.

Теперь обратимся к случаям актуализации субфрейма фактитивной гордости в рамках коммуникативных стратегий дискредитации в политическом массмедийном дискурсе. В одном из электронных изданий находим статью под следующим заголовком: *Саакашвили горд тем, что покалечил себя* [Саакашвили горд тем, что покалечил себя].

В статье рассказывается о том, как президент Грузии отреагировал на вопросы журналистов о его травме, полученной на отдыхе в Турции во время катания на вело-

сипеде. По словам журналиста, лидер страны достаточно долго и подробно объяснял, как он получил травму, как себя чувствует, и в заключение напомнил, что на велосипеде катался президент США Джордж Буш, а генсек НАТО Расмуссен сломал ногу, катаясь на велосипеде.

В данном случае мы наблюдаем реализацию тактики дискредитирующего намека в рамках стратегии дискредитации. Действие «покалечить себя» диссонирует, с точки зрения наблюдателя-эксперта (в данной роли выступает журналист), с типичными мужскими действиями — причинами гордости (частично деактуализирован параметр «соответствие норме»), а следовательно, не соответствует социально фундированному мотиву данного чувства (это помогает мне оставаться частью группы и улучшить мой статус в ней), но при этом и не входит группу действий, являющихся типичными причинами сопряженного социального чувства — стыда. Поскольку концепты **гордость** и **стыд** являются сопряженными, их внутренние структуры, организованные в виде фреймов, также сопряжены. Если статус компонента одного такого фрейма ставится под сомнение, одновременно происходит актуализация симметричного компонента сопряженного фрейма. Таким образом, основой коммуникативного эффекта **тактики дискредитирующего намека** (подобная тактика была выделена, например, в данной работе: [Култышева 2013]) в рамках исследования дискурса предвыборных теледебатов) в анализируемом случае является одновременная конкурирующая актуализация слота «мотив социального чувства» сразу в двух сопряженных фреймах — **гордость** и **стыд**. Иначе говоря, читатель волен сам выбирать в отношении грузинского лидера между двумя конкурирующими содержаниями слота «мотив социального чувства»: «это действие помогает ему оставаться частью социальной группы и улучшить свой статус в ней» или «это действие угрожает его вхождению в социальную группу и ухудшает его статус в ней». Таким образом, автор статьи решает коммуникативную задачу дискредитации политического персонажа, намекая на то, что покалечить себя для мужчины — это, возможно, причина для стыда, а не для гордости.

Рассмотрим пример с использованием языковых/речевых маркеров, идентифицирующих ситуацию гордости, например императива глаголов зрительного восприятия. В анализируемой статье обсуждаются трудности несения службы пограничниками на границе Грузии с Россией. Акцент сделан на том, что, хотя военные чиновники рапортуют

о достойных условиях жизни военнослужащих, в реальности всё совершенно иначе: *Были бы собаки — другое дело. Но пограничные собаки не выдерживают такую жизнь — разбивают лапы в кровь о камни и отказываются работать. — Только российский пограничник выносливее пограничной собаки, — улыбается полковник Володя. — А если серьезно, **посмотри, как живем.** И полковник откинул полог своей палатки — **колченогий стол, табуретка и армейская кровать.** ...Посмотреть, как живут пограничники в самом молодом и самом многочисленном Итум-Калинском отряде (более двух тысяч штыков), прилетел из Москвы самый главный начальник — директор ФПС Константин Тоцкий. Передвигался генерал на „вертушках“ [Граница Грузии и России: Бой в мертвом ущелье // Комсомольская правда. 2001.07.24].*

В данном случае мы наблюдаем реализацию коммуникативной цели дискредитации посредством использования **тактики непрямого обвинения**. В контексте ситуации актуализируется фрейм **гордость**, диагностическим маркером которого выступает привлечение говорящим — потенциальным субъектом гордости наблюдателя-эксперта при помощи глагола зрительного восприятия в повелительном наклонении, который фокусирует внимание на процессе действия: *посмотри, как живем*. Однако глагол, заполняющий слот «причина социального чувства», напрямую не указывает на соответствие или несоответствие причины гордости имплицитным социальным нормам для данного действия. Дальнейший контекст по некоторым «референциальным меткам» (колченогий стол, табуретка и армейская кровать как предметы, свидетельствующие о качестве процесса *жить*) дает реципиентам текста понять, что, по мнению наблюдателя-эксперта (в роли которого выступает журналист), действие это не только не соответствует норме для данной социальной группы и в данное время, но и противоречит ей (опровергается параметр «соответствие норме» слота «причина социального чувства»). Данная тактика призвана не прямо, а косвенно классифицировать причину социального чувства как не соответствующую социальным нормам. Это приводит к перемещению содержания слота «причина социального чувства» из фрейма **гордость** в сопряженный фрейм и дальнейшей актуализации слота «мотив социального чувства» не во фрейме **гордость**, а во фрейме **стыд**, поскольку засвидетельствованный «экспертом» уровень процесса *жить*, являющийся результатом действий военных чиновников,

ухудшает статус последних в социуме. Создается эффект обманутого ожидания: несмотря на вербальные маркеры фрейма **гордость**, актуализируется фрейм **стыд**, что служит когнитивным базисом для реализации «жесткой» **тактики обвинения**.

Рассмотрим еще один пример из статьи, описывающей мнение оппозиционеров о нынешнем лидере страны: *Немцов не верит в „неведение“ Путина о втором процессе Ходорковского и об информационной войне с Лукашенко, а также обвиняет премьера в „невежестве“. „Человек гордится тем, что не знал, кто такой Юрий Шевчук, — комментирует Немцов. — Это то же самое, если бы премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон не знал, кто такие Битлз и Роллинг Стоунс. Шевчука в нашей стране знает примерно столько же людей, сколько и Путина“ [Ветрова О. Российская оппозиция считает интервью Путина «саморазоблачительным» // Новый регион 2. 2010.08.30].*

В данном контексте содержание слота «причина социального чувства» в речи В. Путина оценивается Б. Немцовым как противоречащее социальным нормам (опровергается параметр «соответствие нормам») и «переносится» в аналогичный слот сопряженного фрейма **стыд**. В результате происходит экспансия фрейма **стыд**, и формируется своего рода гибридный фрейм: актуализированный первоначально В. Путиным фрейм **гордость** остается активным, но в комментариях оппозиционера содержательное наполнение слота «причина социального чувства» переносится из фрейма **гордость** во фрейм **стыд**, что приводит к актуализации слота «мотив социального чувства» во фрейме **стыд**: «это угрожает вхождению лидера в группу и ухудшает его статус в ней». В итоге формируется пропозиция следующего характера: лидер нации гордится тем, чего надо стыдиться, а то, что, как он считает, повышает его статус в социальной группе, в социуме, на самом деле ухудшает его. В результате конфликта и взаимопроникновения сопряженных фреймов реализуется жесткая дискредитирующая коммуникативная **тактика сарказма**.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБФРЕЙМОВ ПОСЕССИВНОЙ ГОРДОСТИ И СТЫДА. Субфрейм посессивной гордости имеет контаминированную природу (контаминируется с фреймом **обладание**):

субъект	социального	→	обладатель
чувства			
причина	социального	→	объект обладания
чувства			
наблюдатель		→	свидетель обладания

Языковым/речевым маркером, категоризирующим ситуацию как ситуацию гордости, является конструкция «*горд, гордиться, испытывать гордость* + синтаксический коннектор + предикативная конструкция обладания (*есть/имею*, притяжательные прилагательные), вводящая объект/субъект — причину гордости», например: *Помощник президента Приднестровья Елена Бомешко добавила, что „республика гордится, что у нее есть такие преданные своему делу люди“* [Волковская А. В Приднестровье состоялась церемония награждения победителей государственного конкурса «Человек года» // Новый регион 2. 2010.02.12].

Языковыми/речевыми маркерами, идентифицирующими ситуацию гордости и выявленными нами в корпусе общения матерей с детьми, а затем апробированными на другом языковом материале, являются вопросительные конструкции «*а у кого (еще есть) такие..., а чьи это такие* + номинация объекта/субъекта — причины социального чувства»: — *Вручение медалей — приятный момент? Или чувство досады перевешивало? — Скорее приятный. У кого еще есть бронзовая медаль чемпионата Европы? В мире таких людей немного, а в нашей стране вообще ни у кого нет!* [Пряхин С., Сокол О. Доедем до ЮАР? // Советский спорт. 2008.06.28].

Рассмотрим примеры актуализации фрейма *гордость* в массмедийном политическом дискурсе в рамках стратегии дискредитации.

На новостном портале «*Ruskline.ru*» опубликована статья под заголовком «*Виталий Милонов: „Ювента“ — это фабрика смерти и рассадник гомосексуализма*». Данная публикация представляет собой достаточно пристрастное изложение дискуссии между депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга В. Милоновым и уполномоченной по правам ребенка в Санкт-Петербурге С. Агапитовой. Последняя является инициатором создания и куратором государственного консультативно-диагностического центра репродуктивного здоровья для детей «Ювента». Депутат обвиняет центр и его руководство в моральном разложении подрастающего поколения, а С. Агапитова считает, что центр поддерживает здоровье молодежи:

На предложение В. Милонова закрыть „фабрику смерти“ Агапитова заявила, что уничтожение „Ювенты“ стало бы для города „огромной ошибкой“. „Это приведет к криминальным родам, девочки пойдут к знахаркам. Город должен гордиться тем, что у него есть такой центр, как

„Ювента“. Специалисты ведут там еще и большую просветительскую работу среди подростков“, — считает омбудсмен.

„Я думаю, что Агапитова защищает „Ювенту“ от недостатка знаний, поскольку она вряд ли сталкивалась с этой проблемой с духовно-нравственной точки зрения. Если смотреть на этот вопрос с точки зрения материалистической, в духе бесовском, то конечно, все правильно, давайте будем раздавать презервативы, делать подросткам аборт. Но Светлана Георгиевна должна бы вспомнить, что во время ее молодости существовала не только система профилактики, но и система запретов, и не было никакой необходимости раздавать эти „средства защиты“ школьникам и детям. Система разумных нравственных запретов просто делала такие действия бессмысленными“, — сказал в интервью „Русской народной линии“ депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, председатель комитета по законодательству петербургского ЗакСа Виталий Милонов, комментируя позицию детского омбудсмена [Виталий Милонов...].

В данном контексте стратегия дискредитации точки зрения и самой деятельности куратора центра осуществляется депутатом с помощью жестких **тактик обвинения и разоблачения**. Данные коммуникативные действия производятся путем последовательного отрицания наполнения слота «причина социального чувства» по параметру «соответствие реальности» во фрейме *гордость*, переформулированием данного содержания и его перемещением в позицию аналогичного слота фрейма *стыд*. То, что Агапитова репрезентирует как просветительскую деятельность среди молодежи, В. Милонов переформулирует как развращение и, следовательно, перемещает данное содержание в слот «причина социального чувства» фрейма *стыд*, что, в свою очередь, приводит к замене мотива социального чувства гордости (объект обладания помогает его обладателю (властям Санкт-Петербурга) оставаться частью социальной группы и улучшить свой статус в ней) мотивом социального чувства стыда (объект обладания угрожает вхождению его обладателя в социальную группу и ухудшает его статус в ней).

Нижеследующий фрагмент касается скандала, сопровождавшего выборы губернатора Красноярского края А. Хлопонина в 2002 г. 22 сентября 2002 г. он победил во втором туре губернаторских выборов, обойдя своего соперника всего на несколько процентов. Неделю спустя краевой избирком

признал выборы недействительными из-за нарушений в ходе предвыборной кампании, допущенных штабом Хлопонина. 3 октября Хлопонин был назначен и. о. губернатора Красноярского края указом президента РФ, а днем позже Центризбирком признал его победителем выборов, отменив решение краевой избирательной комиссии. 11 октября выборы были признаны состоявшимися, а Александру Хлопонину было вручено удостоверение губернатора Красноярского края:

Кассационная жалоба на решение Центризбиркома уже подготовлена и будет направлена в Верховный суд. С одной стороны, крайизбирком выполнил волю вышестоящей инстанции, с другой — остался при своем мнении и намерен его отстаивать. А Александр Хлопонин считает, что от скандала только выиграл: „Меня назначил президент и выбрал народ. У кого еще есть такая поддержка?“ НА НАШЕМ САЙТЕ WWW. TRUD. RU МЫ ПРОВЕЛИ ОПРОС: Как вы считаете, нужно выбирать или назначать глав администраций субъектов РФ? [Анатольева Л. Скандал делу не помеха // Труд-7. 2002.10.11].

В данном контексте свидетелем обладания (журналистом) под сомнение ставится параметр слота «причина социального чувства» «фактическое наличие у субъекта гордости объекта обладания» (поддержки населения, столь акцентированной политическим фигурантом) и, как следствие, — валидность причины гордости и мотива гордости. Происходит деактуализация всего фрейма *гордость*. А поскольку фреймы *гордость* и *стыд* являются сопряженными, то деактуализация одного фрейма в условиях конкуренции приводит к актуализации другого. Образующуюся пропозицию можно эксплицитировать так: «у политического субъекта, вероятно, нет того объекта обладания, о котором он говорит, следовательно, у него нет причин для гордости, могущих улучшить его статус в группе, а возможно, есть причины, способные ухудшить его». На данной когнитивной основе реализуются одновременно две мягкие дискредитирующие тактики: *тактика дискредитирующего сомнения* и *тактика подозрения*.

Выводы. Поскольку концепты *гордость* и *стыд* сопряжены, их фреймы постоянно находятся во взаимодействии двух типов: конкуренции и конфликта.

В случае **конкуренции** (рис. 1) контекстом актуализируются либо слоты обоих фреймов одновременно, поскольку сомнению подвергается параметр «соответствие социальным, моральным, этическим нормам» слота «причина социального чувства»,

либо фрейм *гордость* деактуализируется по причине отрицания слота «причина социального чувства» по параметру «фактическое наличие», а фрейм *стыд* в таком случае актуализируется «автоматически». Если фреймы взаимодействуют по конкурентному типу, то в коммуникативном аспекте наблюдаются «мягкие тактики» в рамках стратегии дискредитации: тактика дискредитирующего намека, тактика дискредитирующего сомнения и тактика подозрения.

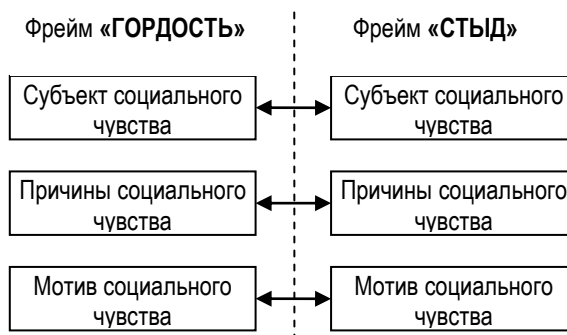

Рис. 1. Взаимодействие фреймов *стыд* и *гордость* по конкурентному типу

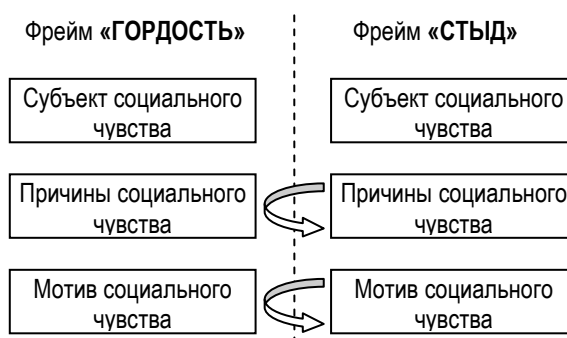

Рис. 2. Взаимодействие фреймов *стыд* и *гордость* по конфликтно-экспансивному типу

В случае **конфликта** (рис. 2) содержание слота «причина социального чувства» первоначально актуализируемого фрейма *гордость* опровергается по параметрам «соответствие норме» и/или «соответствие реальности» и переносится в слот «причина социального чувства» фрейма *стыд*, что влечет за собой аналогичное перемещение содержания слота «мотив социального чувства» фрейма *гордость* в сопряженный фрейм. Иными словами, при конфликтном взаимодействии фреймов происходит определенного рода экспансия фрейма *стыд*. Если фреймы взаимодействуют по конфликтному типу, то в коммуникативном аспекте наблюдаются «жесткие» тактики в рамках стратегии дискредитации: тактика прямого или непрямого обвинения, тактика обличения.

ИСТОЧНИКИ

1. *Виталий Милонов*: «Ювента» — это фабрика смерти и рассадник гомосексуализма // *Русская народная линия* : информационно-аналитическая служба. 2012. 11 мая. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/05/11/vitalij_milonov_yuventa_eto_fabrika_smer_ti_i_rassadnik_gomoseksualizma.

2. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

3. *Саакашвили горд тем*, что покалечил себя // Медиарупор : сайт. 2013. 17 апр. URL: <http://mediarupor.ru/blog/43870189953/Saakashvili-gord-tem,-chto-pokalechil-sebu>.

ЛИТЕРАТУРА

4. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.

5. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18—36.

6. *Вежищца А.* Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М. : Лабиринт, 2007. С. 68—80.

7. *Залевская А. А.* Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. — М. : Гнозис, 2005. С. 234—244.

8. *Костюшкина Г. М.* Концептуальная систематика языка, речи и речевой деятельности как объект лингвистики // Вестник ИГЛУ. 2009. № 1. С. 6—13.

9. *Култышева И. В.* Использование коммуникационных стратегий во время теледебатов избирательной кампании в Государственную думу 2011

года // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 106—113.

10. *Ларина М. Б.* Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово : КемГУ, 2011.

11. *Мухина В., Хвостов А.* Отчуждение от себя: тщеславие и гордость, порождающие зависть и ненависть к ближнему // Проблемы развития и бытия личности. 2011. № 2. С. 26—67.

12. *Тарасова И. А.* Фреймовый анализ в исследовании идиостилей // Филологические науки. 2004. № 4. С. 42—49.

13. *Юзефович Н. Г.* Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности) : моногр. — Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013.

14. *Mascolo M. F., Fischer K. W.* Developmental transformations in appraisals for pride, shame, and guilt // Self-Conscious Emotions: The Psychology of Shame, Guilt, Embarrassment, and Pride / Tangney J. P., Fischer K. W., editors. — New York : Guilford, 1995. P. 64—113.

15. *Misheva V.* Shame and guilt: the social feelings in a sociological perspective // Interaction on the Edge — proceedings from the 5th GRASP conference. — Brussels, 2006. P. 128—142.

16. *Sedgwick E., Frank A.* Shame And Its Sisters. A Sylvan Tomkins Reader. — Durham : Duke Univ. Pr., 1995.

17. *Tracy J. L., Robins R. W.* Show your pride: evidence for a discrete emotion expression // Psychological Science. 2004. № 15 (3). P. 194—197.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде

О. Н. Морозова O. N. Morozova
А. В. Скворцова A. V. Skvortsova
Пушкин, Россия Pushkin, Russia

**СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ
КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ
(на материале персональных сайтов
членов парламента Великобритании)**

Аннотация. Рассматриваются специфические принципы формирования категории оценочности в современной английской политической интернет-рекламе и способы ее актуализации.

Ключевые слова: политическая интернет-реклама; политический персональный сайт, категория оценочности.

Сведения об авторе: Морозова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Контактная информация: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
e-mail: mail.olfrost@gmail.com.

Сведения об авторе: Скворцова Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Контактная информация: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
e-mail: annysunnybird@gmail.com.

**SPECIFIC FEATURES OF OBJECTIVATION
OF THE CATEGORY OF ESTIMATION
IN MODERN ENGLISH
POLITICAL DISCOURSE IN INTERNET
(based on personal sites of members
of the British Parliament)**

Abstract. This article discusses specific principles of the formation of the category estimation and basic ways of its actualization in modern British political online advertising.

Key words: political Internet/On-line advertising; political personal site; category of estimation.

About the author: Morozova Olga Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin".

About the author: Skvortsova Anna Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Translation Studies.

Place of employment: Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Pushkin Leningrad State University".

Антропоцентрическая парадигма, характерная для современных лингвистических исследований, направленная на описание механизмов управления поведением человека, воздействия на него, а также определение социальной детерминанты языковой социализации, всё более способствует возрастанию интереса к изучению способов актуализации категории оценочности в различных типах дискурса. Оценка, являющаяся универсальной категорией, может быть представлена как сложный познавательный процесс на основе взаимодействия двух типов знаний — о внешнем предмете и потребностях субъекта. Н. Д. Арутюнова в своей работе «Язык и мир человека» подчеркивает, что роль оценки «в мире жизни чрезвычайно велика. Оценка определяет принятие решений и выбор жизненных путей» [Арутюнова 1999].

Самоопределение человека в процессе социализации, определение своего места

в человеческом сообществе, будь то иерархические структуры или отношения на паритетных началах, отождествление себя с той или иной группой, связанная с этим самооценка — всё это оказывает качественное влияние на процесс коммуникации. От того, как себя определяет человек, во многом зависит концептуализация воспринимаемой им информации, так как человеку свойственно определять положение вещей относительно себя. В то же время способы концептуализации, предлагаемые тем или иным языком, в определенной степени обуславливают возможность самоопределения. Таким образом, изучение способов актуализации категории оценочности представляется важным для выявления бессознательных моделей мировосприятия в процессе социализации.

Субъективное чувственное восприятие окружающей действительности структурируется универсальным знанием о мире. Человек так или иначе оценивает реальность

в процессе синтеза результатов познавательных и оценочных действий, осуществляемых им при категоризации мира. При оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей, которая может быть основана на различных принципах, таких как хороший — плохой, лучше — хуже, дальше — ближе, выше — ниже, свой — чужой и т. д. Создаваемые при этом классы и категории не отвечают требованиям однородности и объединяют объекты не по их физическим свойствам, а по их воздействию на человека, по степени их соответствия его собственной шкале ценностей и существующим стандартам. Поэтому, как утверждает Н. Д. Арутюнова, оценочная категоризация в большей степени имеет интерпретирующий, антропоцентрический характер [Арутюнова 1999].

По степени интенсивности воздействия политическая коммуникация представляет собой сильную прагматическую разновидность, так как именно в этом типе дискурса преобладают достаточные сильные формы воздействия. Кроме того, она характеризуется наличием очевидной субъективной оценочности, преимущественно эксплицитного характера, обилием как рассудочных, так и эмоциональных средств воздействия.

Субъективная направленность в данном типе дискурса обусловлена субъективно-модальным характером политической коммуникации в целом. Концепт политика подчиняет себе содержательно-фактуальную информацию, которая, будучи выбранной и освещенной через призму субъективных ценностных представлений, приобретает субъективно-модальный характер [Шестакова 1985: 27]. Особенностью политического дискурса является тесная связь субъективной направленности с коммуникативной целью. Выражение определенных ценностных установок в этом случае предназначено для воздействия на адресата, т. е. рассматривается не только как передача определенной информации, но и «как руководство к действию». «Будучи прямо связаны с ... субъектом и отражая его вкусы и интересы, они (оценочные слова) в то же время регулярно употребляются в высказываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию» [Новое в зарубежной лингвистике 1985: 13—14]. Языковая актуализация таких ценностных установок направлена на создание определенной совокупности оценок и представлений, которая объединяет какую-либо группу (в том числе большинство людей). Формируя духовный климат, влияя на политическую атмосферу в обществе, эти оценки «неизбеж-

но обладают политическим смыслом и значением для власть предержащих» [Соловьев 2006: 409].

Готовность извлечь из информации определенный смысл и вынести те или иные суждения и оценки зависит как от социальной установки, так и от формы, от организации материала, от выбора отдельных слов: «Эти слова как бы заранее задают направленность нашему вниманию и подразумевают конкретные эмоционально-оценочные выводы и заключения, которые в законченном виде могут даже не формулироваться <...>. Но слово может и дезориентировать, а то и просто скрыть реальную сущность явлений жизни и причинные связи между ними» [Покровская 2006]. Когда это делается сознательно, то можно говорить о манипулятивном воздействии на сознание людей.

Одним из новых и быстро развивающихся направлений в изучении проблем политической коммуникации в настоящее время является рассмотрение этого феномена в новой коммуникативной среде (Интернет), технические возможности которой дают большие перспективы для организации и использования этого вида коммуникации. В современном обществе Интернет является собой интегрированное информационное пространство, в котором представлены все социальные сферы деятельности. «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение „сетевой“ логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью», что приводит к формированию « сетевого » / «информационного общества» [Кастельс 2000].

Компьютерно опосредованная коммуникация, существующая в открытой электронной социальной среде, обладает большим набором вербальных, визуальных и аудиальных средств передачи сообщения (тексты, графики, видеофайлы оцифрованной речи и изображения), инициирующих формирование интернет-сообществ и особую форму самопрезентации, что, в свою очередь, позволяет воздействовать на интернет-аудиторию через индивидуальную или коллективную смысловую и оценочную информацию. Современный политический Интернет «реализуется через взаимодействие нескольких целей: информационной (информирование аудитории о событиях внутренней и международной жизни); аналитической (анализ и комментирование излагаемого политического события или общественного явления); регулятивной (изменение восприятия реципиентом того или иного со-

бытия); оценочной (оценка излагаемой информации); прогнозирующей (реакция на полученную информацию)» [Варламова 2006: 12].

Представленность информационных ресурсов в интернет-пространстве в настоящее время достаточно широка и продолжает увеличиваться. Это сайты органов власти и ее представителей; сайты политических партий и политических направлений; персональные сайты политических деятелей различного уровня, информационно-аналитические политические сайты; блоги государственных и политических деятелей; политическая реклама, новостные ленты и СМИ; сайты предвыборных кампаний и др. Материалом для данного исследования послужили персональные сайты действующих членов парламента Великобритании.

На современном этапе развития политический Интернет в Британии накопил достаточно большой опыт различного рода приемов и методов взаимодействия коммуникантов посредством интернет-технологий. Для разработки, усовершенствования и повышения эффективности этого воздействия постоянно проводятся компетентные исследования, связанные с изучением общественной аудитории, которая в первую очередь определяет и диктует выбор упомянутых приемов и методов.

Персональный политический сайт в интернет-пространстве Великобритании выполняет функцию политической рекламы и является формой политической публичной коммуникации. Его основными характерологическими признаками являются четкое тематическое структурирование, особое лексико-семантическое и стилистическое оформление и **обязательная положительная субъективная оценочность** в рамках актуализации коммуникативно-прагматической установки.

Проанализированные британские сайты показывают, что основная цель создающих их политиков — сформировать свой положительный имидж за счет качественной и максимально детальной самопрезентации, причем не только в роли политика: предоставляется информация личного характера и широко используются возможности онлайн-общения с пользователями, что придает определенную пластичность создаваемому идентификационному образу. В связи с этим специфическим принципом формирования категории оценочности в рамках английского персонального политического сайта как разновидности политической рекламы является создание лексико-семантического поля «свой», свойственного политическому дискурсу

в целом, в отличие от концепта, представляющего дихотомию «свой — чужой».

Такая специфика персональных политических сайтов определяет и главную стратегию, а именно создание положительного имиджа политического деятеля, которая направлена на привлечение голосов электората. Проведенный лингвистический анализ показал, что существует большое количество приемов и способов для реализации этой функции. «Самость» презентации выражается в первую очередь использованием в большом количестве местоимения «I/my/me», а также в специфике его предикативной связи с местоимением «you/youг», актуализирующим адресата сообщения. Эта связь выражается предлогом *for* и такими наиболее частотными глаголами, как *serve, work, contact, support, help, sustain, fight, protect* и др. Рассмотрим, например, два традиционных для подобных сайтов приветственных обращения:

1. *I would like to thank residents of the Tunbridge Wells constituency for electing **me** as **your** Member of Parliament — I am very grateful to have the opportunity to serve **you** again.*

On this website **you** can find details of some of the campaigns *I* am involved in locally, **my** parliamentary work and some of the things that *I* do in **my** role as a Minister in the Coalition Government.

*I am here to work for **you**. I will always do **my** best to stand up for everyone in our community — regardless of politics. So if **you** have a problem *I can help* with, or there is an issue *I* should take up, or **you** would like to talk about any aspect of **my** work as **your** MP, please don't hesitate to get in touch.*

Rt Hon Greg Clark MP

[Greg Clark]

2. *I would like to thank all the residents of the constituency who voted to re-elect **me** as their Member of Parliament. I am very grateful to have the opportunity to serve **you** again.*

On this website **you** will find details of many of the issues and campaigns *I* am involved in locally, and the best way of **contacting me**.

*I am here to serve all of **you** no matter how **you** voted, so please do get in touch with **me** if **you** think *I can help*.*

Email Ed: vaizeye@parliament.uk

[Ed Vaizey]

Идеологическое содержание данных сообщений четко показано в характере предикативной связи между используемыми в тексте личными местоимениями, которая актуализируется посредством предлога «for» и притяжательного местоимения «yours», а именно: *I for you* либо *I am yours*. Это, во-первых, подтверждает направленность пред-

ставляемой информации на самопрезентацию, т. е. от субъекта (речь идет о субъекте) к объекту и, во-вторых, подчеркивает предлагаемый адресантом характер их взаимодействия. Кроме того, такое распределение социальных ролей указывает на стремление владельца сайта к положительной самопрезентации, которая выражается также в благодарственном тоне повествования и в наполнении сообщения лексикой с позитивной семантикой, например: *would like to thank; very grateful; do my best; please don't hesitate to get in touch; please do get in touch with me; can help; should take up* и т. п.

Актуализация лексико-семантического поля «свой» также широко представлена на сайтах в подзаголовках и слоганах, например:

Working hard for you in Worsley and Eccles South

Your Member of Parliament for North East Hampshire

Member of Parliament for Ilford South

The Best Choice for Camborne, Redruth and Hayle

Working for **You** — Always Putting Portsmouth First

Your local family man, working hard for **you**

Your Strong Voice for Rochdale —

и т. д.

Важной особенностью слоганов является также их содержательный аспект, четко указывающий на стремление политика подчеркнуть свою ответственность за исполнение возложенной на себя деятельности, работы **для** каждого конкретного человека своего избирательного округа.

Положительная самопрезентация очевидна и в выборе эпитетов с положительной семантикой для характеристики представляемого на сайте кандидата. Проведенный статистический анализ подобных единиц показал, что наиболее частотными являются следующие: *local, hardworking, honest, independent, successful, friendly, welcoming, caring, fearless* (слова расположены по мере убывания частотности). Обладая эмотивно-оценочными коннотациями, эти слова актуализируют категорию оценочности за счет стилистической маркированности.

Демографические характеристики в структуре имиджа политика, направленные на выполнение презентативной функции и включающие в себя такие аспекты, как личные, социальные и психологические, также в большей степени служат реализации основной функции политической интернет-рекламы — созданию положительного имиджа политического деятеля. Большое значение для создания презентативной на-

правленности сайта имеет раздел «Биография», который представлен на всех без исключения персональных сайтах. В нем большое внимание уделяется подбору фактуальной информации, в основном посвященной политической деятельности и карьере депутата. Однако даже небольшие вкрапления сведений о личной жизни играют большую роль в формировании положительной самопрезентации. В основном подобная информация демонстрирует принадлежность депутата к определенному избирательному округу. Тем самым подчеркивается единение и сопричастность со своими избирателями, актуализируется доминанта «свой». Например: *I was born in a council house in Kendray, a district of Barnsley, on the 9th April 1955. Apart from my time at university I have always lived in Barnsley* [Eric Illsley Man Of The Web].

Важным является и упоминание фактов о семейной жизни политика, личных интересах, например: *John is 48 and is married with two daughters aged twelve and nine. His interests include tennis, charity fundraising, walking and history* [PoliticsHome].

Немногочисленные и небольшие по объему, такие фрагменты имеют сильный воздействующий потенциал и направлены на раскрытие чисто человеческих качеств, очень привлекательных для «простых» избирателей, далеких от политики, для которых понятие «хороший человек», «**свой** парень» ближе понятия «хороший политик».

Такая самопрезентация ведет к актуализации символических характеристик политика, которые с точки зрения восприятия адресата соответствуют определенным мифологическим или стереотипным образам, а также универсальным архетипам, характерным для определенного социума. «Имидж — весьма упрощенный, но в то же время устойчивый психический образ, основанный на обобщении личного опыта, предвзятых представлений, стремлении быстро понять смысл и сущность явления. Он определенным образом влияет на эмоции, поведение и отношения личности или группы, а, следовательно, на их предпочтения и выбор. Одна из важных его характеристик — это стереотипность» [Кривоносов 2010: 309].

Одна из основных функций языка — когнитивная, направленная на аккумуляцию знаний, т. е. использование особой концептуальной «памяти» адресата для реализации коммуникативно-прагматической установки в процессе общения. Историческое развитие культурной и общественной жизни народа формирует определенные лингвокультурные концепты, которые закрепляются в памяти носителей этой культуры и в даль-

нейшем выступают как важное средство формирования национальной картины мира. Обращение к глубинной концептуальной памяти адресата в политической рекламе — необходимое условие повышения эффективности воздействия этого вида коммуникации: «Объект рекламной деятельности — массовое сознание, внедрение в которое и становится целью рекламной кампании. Реклама превращается в сумму общих знаний, выполняющих не только практические функции (помощь при выборе), но **ценностные** (создание системы предпочтений, использование предлагаемого структурирования действительности) и мифологические (объяснение действительности, фонд общих знаний о мире)» [Богомолова 2001].

Представляющие собой форму политической рекламы, английские политические сайты нацелены на создание положительного имиджа политика за счет качественной и максимально детальной самопрезентации не только как политика, с предоставлением информации личного характера и широким использованием возможностей онлайн-общения с пользователями, что придает определенную пластичность создаваемому идентификационному образу. Персональная страница организована так, чтобы максимально отобразить сильные стороны английского политического деятеля, который изображается современным, образованным, энергичным, открытым, коммуникабельным, разбирающимся в новых технологиях, простым, заботливым, дружелюбным и т. п. Таким образом объективизируется принцип формирования категории оценки, в связи с чем наиболее частотной является группа номинаций, которую можно определить как развернутые номинации с доминантой «свой».

ИСТОЧНИКИ

1. *Greg Clark*. URL: <http://www.gregclark.org/>.
2. *Ed Vaizey*. URL: <http://www.vaizey.com/text.aspx?id=1>.
3. *Eric Illsley* Man Of The Web. URL: http://www.ericillsley.co.uk/index.php?id=10&no_cache=1.

4. *PoliticsHome*. URL: <http://www.epolix.com/mpwebsites/mpwebsitepage/mpsite/john-baron/mppage/biography-67/>.

ЛИТЕРАТУРА

5. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. URL: http://gendocs.ru/v23187/арутюнова_н.д._язык_и_мир_человека (дата обращения: 12.01.2014).
6. *Богомолова О.* Политическая реклама и ценностная картина мира // Лаборатория рекламы, маркетинга и Public Relations : альманах. 2001. № 4. URL: <http://www.advlab.ru/articles/article141.htm>. (дата обращения: 12.01.2014).
7. *Варламова Е. В.* Особенности германского леворадикального интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/02.php (дата обращения: 10.10.2013).
9. *Кривоносов А. Д.* Основы теории связей с общественностью : учеб. для студентов вузов. — СПб.: Питер, 2010.
10. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985.
11. *Покровская Е. В.* Культура речи. Язык прессы. Прагматика современного газетного текста // *Russkaia rech'*. 2006. № 003. С. 81—87. URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/9675419> (дата обращения: 28.09.2012).
12. *Соловьев А. И.* Политология: политическая теория, политические технологии : учеб. для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2006.
13. *Шестакова И. Г.* О композиционной организации текста научно-технической рекламы // *Лингвистические средства текстообразования*. — Барнаул: АТУ, 1985. С. 64—74.
14. *Морозова О. Н.* Особенности лингвистического контента современных британских политических персональных сайтов // *Политическая лингвистика*. 2011. № 2 (36). С. 146—151.
15. *Морозова О. Н.* Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // *Политическая лингвистика*. 2011. № 1 (35). С. 165—161.
16. *Иванова С. В.* Реальный мир виртуальной политической рекламы // *Политическая лингвистика*. 2012. № 1 (41).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.161.1'23
ББК Ш141.12-003

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

А. Мустайоки
Хельсинки, Финляндия
Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

A. Mustajoki
Helsinki, Finland
T. I. Steksova
Novosibirsk, Russia

**ОБРАЗ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
(по данным СМИ)**

**THE IMAGE OF MODERNIZATION
IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF RUSSIANS
(on the basis of mass media)**

Аннотация. Выявляется образ модернизации в языковом сознании россиян. Для этого проводится анализ синтагматики данного слова в современных российских СМИ. Выявлены основные оценочные представления, по которым характеризуется модернизация.

Abstract. The article is devoted to the image of modernization in linguistic consciousness of Russians. To do this, the authors analyze the compatibility of a given word in the modern press and discover the major evaluation of the view, which is characterized by modernization.

Ключевые слова: синтагматика; функционирование; когнитивно-семантический анализ; дискурс.

Key words: syntagmatics; functioning; cognitive; semantic analysis; discourse.

Сведения об авторе: Мустайоки Арто, доктор философии, профессор русского языка и литературы.

About the author: Mustajoki Arto, Doctor of Philosophy, Professor of Russian language and literature.

Место работы: Хельсинкский университет, Отделение современных языков.

Place of employment: Helsinki University, Department of Modern Languages.

Контактная информация: Department of Modern Languages, P. O.Box 24, FI-00014 University of Helsinki, Finland.

e-mail: arto.mustajoki@helsinki.fi.

Сведения об авторе: Стексова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии.

About the author: Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

Контактная информация: Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

e-mail: steksova@inbox.ru.

Слово модернизация впервые зафиксировано в русском языке в 1908 г. [Национальный корпус русского языка]. В советское время оно употреблялось в основном в контекстах, где речь шла об улучшении или изменении каких-либо конкретных средств производства: модернизация оборудования, станков, машин. Как показано на диаграмме 1, в 1990-х гг. и начале нового тысячелетия частотность употребления слова постепенно росла. Чаще всего по-прежнему модернизация направлена на какие-либо конкретные объекты, а не на общество в целом, например: модернизация автомобильного производства, лабораторий, дорог, нефтеперерабатывающего завода, стратегических ядерных сил. Когда говорится о модернизации на государственном уровне, ссылаются, как правило, на другие страны, особенно на Китай. Есть, однако, и пример, в котором обсуждается будущее России в контексте процессов модернизации. В интервью, взя-

том Татьяной Коростиковой в 1999 г., Владимир Рыжков не только употребляет это слово, но и критически рассматривает три реализации данного концепта: *В общественном мнении, политических структурах России сейчас господствуют три направления модернизации страны — коммунистическое, либерально-анархическое и корпоративное. Все эти направления сделают Россию неконкурентоспособной в XXI веке* (Аргументы и факты 04.05.1999).

На диаграмме 1 сопоставлена частотность употребления двух слов: *инновация* и конкурирующего с ним в контекстах, в которых рассматриваются процессы и возможности обновления страны, слова *модернизация*. Легко заметить, что рост употребительности слова *инновация* происходит параллельно со словом *модернизация*.

Если рассмотреть частотность использования данных слов по кварталам за последние четыре года, то пик употребления

Исследование выполнено при финансовой поддержке Академии Финляндии в рамках проекта Finnish Centre of Excellence in Russian Studies "Choices of Russian Modernisation".

© Мустайоки А., Стексова Т. И., 2014

слова *модернизация* приходится на последний квартал 2010 г. При этом важно отметить, что впоследствии данное слово не исчезло из прессы и встречается намного чаще, чем слово *инновация*. Примечательно,

что, например, в Финляндии слово *innovaatio* употребляется в десять раз чаще, чем *modernisaatio*. В целом слово *модернизация* занимает центральное место именно в российском политическом дискурсе.

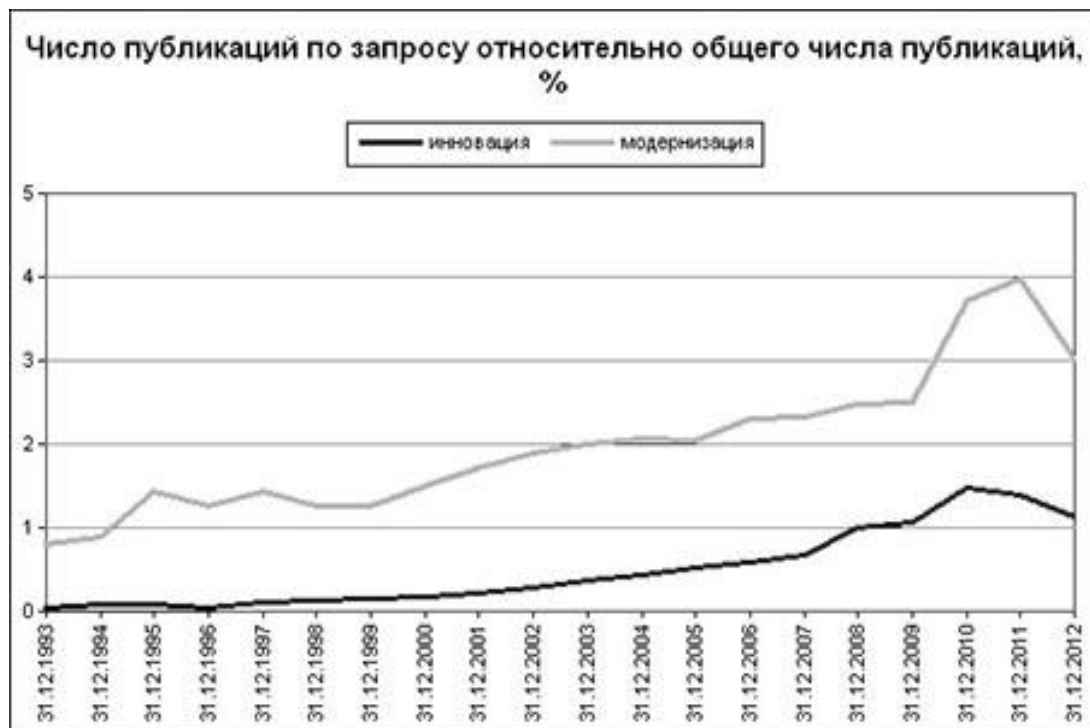

Диаграмма 1. Употребление слов *модернизация* и *инновация* в центральной прессе (согласно базе данных «Интегрум», 1993—2012 гг.).

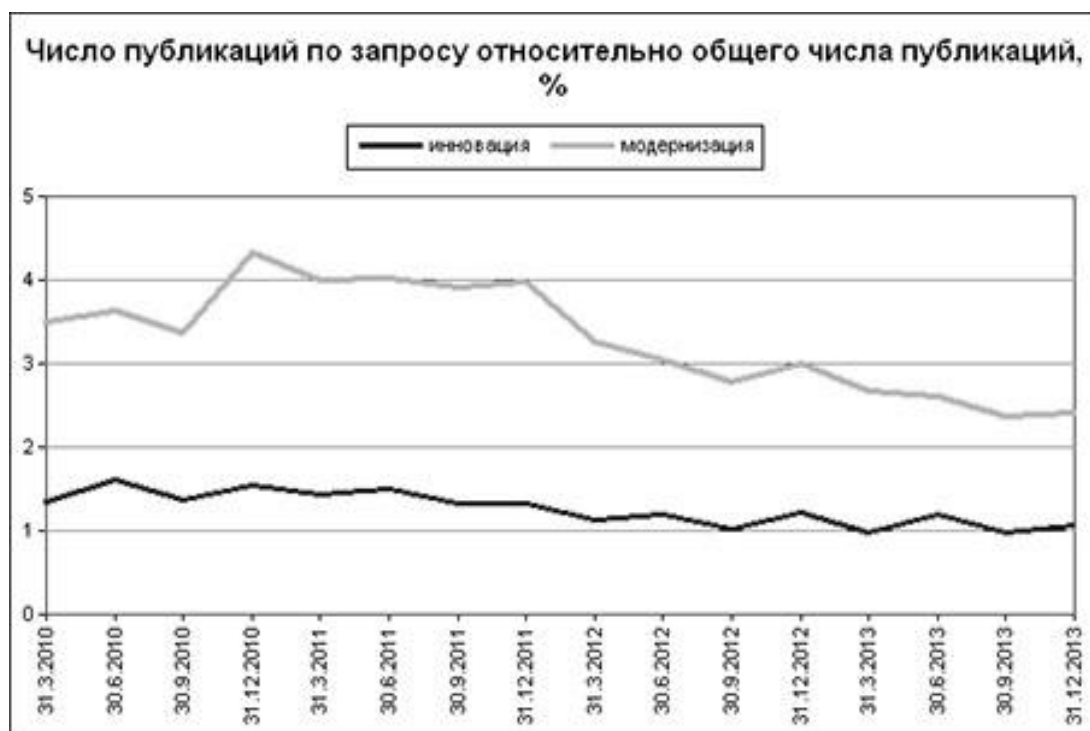

Диаграмма 2. Употребление слов *модернизация* и *инновация* в центральной прессе (согласно базе данных «Интегрум», 2010—2013 гг.).

Модернизация входит в число научных терминов, содержание которых не получает единого толкования у исследователей. Финским центром российских исследований «Выборы модернизации в России» (*The Finnish Centre of Excellence in Russian Studies — Choices of Russian Modernisation*) изучаются следующие ее аспекты: диверсификация экономики, авторитарное рыночное общество, социальные гарантии, внешняя политика, культурные и философские интерпретации российской модернизации [The Finnish Centre...]. К изучению модернизации можно подойти с разных точек зрения: можно исследовать, что **делают** для того, чтобы общество модернизировалось, какие процессы, как намеренные, так и ненамеренные, **проходят** в обществе, что люди **пишут** и что **думают** о модернизации. Последний ракурс рассмотрения весьма важен, поскольку модернизация вряд ли возможна без участия народа. Мнения людей можно изучать с помощью разного рода опросов и тестов [см., напр.: Ким и др. 2013]. Другой способ получения данных относительно представлений и мнений людей о модернизации — это изучение того, как они о ней пишут. В данной статье анализируется то, как изображается этот процесс в российской прессе последних лет.

Нас интересует то, как русские воспринимают модернизацию. Как известно, лексическое значение слов на протяжении длительного времени остается неизменным, в то время как личностные смыслы, т. е. значения «для меня», имеют тенденцию к большей динамике в зависимости от экстралингвистических факторов. Тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит, отмечается почти всеми лингвистами. Справедливым является утверждение А. Вежбицкой о том, что связь, которая «относится к материальной культуре и к общественным ритуалам и установлениям, относится также к ценностям, идеалам и установкам людей и к тому, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире» [Вежбицкая 2001:15]. Именно под влиянием экстралингвистических факторов в языковом сознании носителей русского языка происходит формирование личностных смыслов, в результате чего лексические значения подвергаются трансформации, либо расширяясь, либо сужаясь в своем объеме.

Согласно мнению психолингвистов, знание и представление не всегда совпадают по объему: «Представление — субъективное отражение связей и отношений действительности, и это субъективное отношение эмоционально» [Шахнарович, Юрьева 1990: 23; ср. также: Красных 2003: 52—59]. Языко-

вую, или наивную картину мира интерпретируют как отражение обиходных представлений о мире многие лингвисты, в частности Ю. Д. Апресян [Апресян 1995], Е. С. Яковлева [Яковлева 1994], Е. В. Урысон [Урысон 2003]. Для того чтобы выяснить, каково представление о модернизации у носителей русского языка, необходимо провести когнитивно-семантическое исследование. Когнитивно-семантические исследования «обращены одновременно к знаниям о мире и к языку как форме манифестации ментальных структур» [Орлова 2008: 6]. Одна из процедур подобного анализа — описание синтагматики. Подобного рода исследования уже предпринимались в лингвистике (см.: [Стексова 2006; Орлова 2008; Шмелева 2012] и др.). Анализ сочетаемости позволяет выявить, как представляют носители языка модернизацию.

Языковой материал для исследования был собран при помощи базы данных «Интегрум» и включает российские газеты и журналы центральной прессы. Данный раздел «Интегрума» весьма богат и поэтому идеально подходит для исследования языка российской прессы [ср.: Mustajoki 2006; Коптев, Мустайоки 2008]. Напомним, что медиатексты, с одной стороны, активно формируют и изменяют контекст, внутри которого существуют, а с другой — сами являются продуктами этого контекста [Литовская и др. 2008: 8]. Здесь хотелось бы подчеркнуть принцип, которым мы руководствовались: для нас все медиатексты одинаково ценны независимо от того, кто их написал и отражают ли они мнение журналиста или мнение какого-либо человека, не являющегося представителем прессы. Такой «демократический» подход обоснован тем фактом, что медиатексты в совокупности формируют у реципиента общую картину действительности, демонстрируют ландшафт мнений в обществе.

Мы проанализировали российские медиатексты из базы данных «Интегрум» за последние четыре года (с начала 2010 до конца 2013 г.). В общей сложности это выпуск 1837 русских газет и журналов. Следует учитывать, что показатели частотности, приводимые ниже при анализе, относятся только к этому периоду. Хотя мы сообщаем точные цифры, они, естественно, дают только приблизительное представление об употребительности словосочетаний: несмотря на то что объем базы «Интегрум» весьма представительен, она не содержит всю российскую прессу. Впрочем, числовые данные позволяют получить общее представление о популярности разных выражений (одно де-

ло, если они встречаются раза два, другое — если их десятки или сотни).

Можно выделить два типа характеризующих представлений о понятии *модернизация*: предметные и оценочные. Предметные представления фокусируют внимание на том, *что* модернизируется, а оценочные, — *как*. Что касается предметных представлений, по-прежнему продолжают писать о модернизации других стран; чаще всего предметом комментирования является, как и раньше, Китай. Когда речь идет о России, кроме дискурса об общей модернизации (*всесторонняя, политическая, экономическая, индустриальная, социально-экономическая*), частотно название конкретных объектов модернизации: *модернизация предприятий, системы образования, армии*.

Перейдем к рассмотрению оценочных представлений.

1. ВРЕМЕННОЙ ОРИЕНТИР

Время можно считать объективной характеристикой модернизации. Однако более тщательное ознакомление с конкретным языковым материалом показывает, что, выбирая временную характеристику, автор текста одновременно определяет и свое отношение к ней. Модернизацию видят как процесс, который имеет начало, какую-либо длительность, может быть доведен до конца или быть прерван. Самыми распространенными временными характеристиками модернизации в медиатекстах являются *дальнейшая* (встречается 2444 раза), *постоянная* (675) и *непрерывная* (144). Все эти прилагательные подчеркивают длительность процесса модернизации. Рассмотрим некоторые примеры: *Безусловно, продолжится дальнейшая модернизация промышленности, будет пущен в строй новый металлургический комплекс и другие предприятия* (Известия. 31.03.2011); *Сохранять лидирующие позиции в своей области и даже опережать время, создавая задел на будущее, помогает предприятию сотрудничество с наукой и постоянная модернизация производства* (Комсомольская правда. 19.03.2011); *Происходит колоссальное обновление <метрополитена> — закупается новое оборудование, идет постоянная модернизация, создаются новые подразделения, появляются новые рабочие места* (Московский комсомолец. 26.09.2013); *А непрерывная модернизация и техпервооружение заводов компании „Гомсельмаш“ позволяют достигать высоких показателей надежности техники, одновременно снижая ее себестоимость* (Российская газета. 19.06.2012).

Обсуждение протекания модернизации сопровождается ностальгическими комментариями по поводу модернизации в советское время: *Советское время для России это непрерывная модернизация, это прогрессивное развитие во всем* (Советская Россия. 25.08.2011).

Процесс модернизации — постоянный и непрерывный. Из-за этого весьма частотны контексты с глаголом *продолжаться*: *Модернизация Шехариса идет с 2006 года, и сейчас продолжается ее третий этап* (Коммерсантъ. 11.11.2013).

Путь к модернизации имеет начало и конец. О модернизационном процессе газеты часто пишут в будущем времени или как о необходимости: *По словам Рошаля, очень хотелось бы, чтобы начатая модернизация <здравоохранения> не останавливалась и не была лишь предвыборным шагом* (Независимая газета. 12.09.2012); *Однако завершение модернизации местных заводов и строительство ВХК должны минимизировать возможные риски, уверен эксперт* (Коммерсантъ. 08.08.2013); *К 2014 году будет завершена модернизация компьютерных классов* (Московская правда. 06.03.2012).

2. СКОРОСТЬ, ТЕМП

Любой процесс имеет определенную скорость протекания. Основные характеристики скорости находятся на шкале «быстро — медленно». Для модернизации прототипичный темп — высокая скорость: нет времени для долгого ожидания. Так, *Создано общероссийское движение за ускоренную модернизацию страны*, провозглашает «Российская газета» в сентябре 2010 г. Действительно, стране и ее отдельным отраслям нужна, согласно газетным текстам, не просто модернизация, а ускоренная модернизация. Таких примеров очень много (1086). Другие характеристики модернизации: *быстрая* (237), *интенсивная* (88) или *динамичная* (32). Приведем примеры: *Ускоренная модернизация необходима хотя бы потому, что в ближайшие годы мы обречены войти в эпоху низких цен на нефть и газ* (Аргументы и факты. 01.09.2010); *<...> может тряхнуть нас еще сильнее, если не провести в стране ускоренной модернизации экономики* (Комсомольская правда. 08.04.2010); *Требуется ускоренная модернизация всех отраслей общественной жизни, исключительно эффективно должна вестись борьба с коррупцией* (Парламентская газета. 25.03.2011); *Момент для интенсивной модернизации железных дорог выбран долгожданный* (Российская газета. 02.08.2013).

О необходимости именно ускоренного темпа модернизации свидетельствует то, что в нашем материале больше 292 случаев сочетания слова *модернизация* с глагольной формой *ускорить* и только три — с глаголом *замедлить*. При этом все три примера выражают беспокойство из-за замедления темпа: *Очевидно, что необходимо ускорить модернизацию аэропортовой инфраструктуры, снять запрет на прием современных экономических лайнеров* (Комсомольская правда. 28.07.2011); *Это уникальный шанс для того, чтобы ускорить модернизацию наших экономик, наших институтов* (Известия. 29.09.2010); *Такой исход способен замедлить модернизацию политической системы и экономики и чреват обострением политических конфликтов на почве внесистемного сопротивления среднего класса* (Мир России. 28.03.2012).

3. ГЛУБИНА ОХВАТА, МАСШТАБ

Глубину охвата и масштаб модернизации характеризуют, в частности, прилагательными *радикальная* (328), *тотальная* (277), *принципиальная* (40) и *стратегическая* (33): *Россия ставит задачу радикальной модернизации, создания конкурентоспособного общества и интеграции в глобальный мир, но остается страной с советским национальным устройством и невнятной национальной политикой* (Ведомости. 22.02.2011); *В частности, нужно по-другому выстраивать само общество, укреплять политическую систему, расширять базу демократических институтов, проводить тотальную модернизацию — и политическую, и экономическую* (Вечерняя Москва. 16.12.2011); *Нужна принципиальная модернизация экономики, ее инновационная перестройка* (Парламентская газета. 28.10.2011).

В приведенных выше примерах речь идет о модернизации всей страны. Иногда эти же прилагательные встречаются также в контекстах, в которых обсуждается модернизация каких-либо конкретных объектов. В таких случаях частотно прилагательное *существенный* (483). Примечательно, что *частичная модернизация*, как правило, характеризует только отдельные отрасли, другими словами, модернизация России должна быть полной. Приведем примеры: *Бывший пионерский лагерь, а ныне детский центр „Орленок“ ждет радикальная модернизация* (Известия. 03.02.2012); *Готовность корабля — 70 %, но он требует существенной модернизации, потому что устарел за эти годы* (Комсомольская правда. 09.07.2010); *На сегодняшний день приняты*

на баланс и обслуживаются все объекты округа, более чем на половине из них произведена полная замена или частичная модернизация существующего оборудования (Вечерняя Москва. 27.06.2011); *Компании удалось за год решить эту проблему путем частичной модернизации парка и использования дизтоплива с содержанием серы не выше 0,05 %* (Коммерсантъ. 19.09.2012); *Это обеспечивает им приток валютных инвестиций для обновления и частичной модернизации шахтного фонда, а также оснащения его высокопроизводительной техникой ведущих зарубежных фирм* (Известия. 29.11.2010).

Если модернизация тотальная или полная, это обуславливает актуальность и такой категории, как «цена».

4. ЦЕНА МОДЕРНИЗАЦИИ

Процесс модернизации оказывается весьма затратным, он требует постоянных финансовых вложений. Кроме конкретных сумм, чаще всего подчеркивается широкий круг финансовых потребностей. Приведем примеры: *Естественно, никто не отрицает необходимости модернизации текущего производства, нашей промышленности, она на некоторых участках сильно устарела, но для этого, конечно, нужны большие деньги* (Российская газета. 11.03.2011); *Уже сегодня государство выделяет немалые деньги на модернизацию и реконструкцию аэропортов* (Российская газета. 06.04.2010); *Модернизация российской инфраструктуры потребует на порядок больше средств, чем те, что были затрачены на прежние мегапроекты* (Итоги. 14.10.2013); *Другое дело, что инфраструктура электросетевых компаний сильно изношена и для ее модернизации требуются большие средства* (Независимая газета. 08.03.2013); *<...> дальнейшая модернизация нефтепереработки требует колоссальных затрат* (Российская газета. 12.07.2012).

Вложение денег в модернизацию вызывает удивление: обычно о ней много говорят, но редко принимают конкретные меры. *РЖД — одна из немногих компаний в России, которая не только заявляет о модернизации, но и инвестирует в нее большие средства* (Российская газета. 05.09.2011).

Как противоположный пример можно отметить следующий отрывок, который свидетельствует о том, что модернизация возможна и без больших ресурсов: *На открытии операционного зала особо подчеркивалось, что вся дальнейшая модернизация налоговой службы не потребует особых*

затрат и полностью укладывается в бюджет ФНС (Российская газета. 18.03.2013).

5. СВОЙ/ЧУЖОЙ

Как известно, разделение мира по категориям «свой» и «чужой» — одна из основополагающих черт в мышлении человека. По данным языкового материала, модернизация весьма «чувствительна» к оппозиции «свой/чужой». Чужим может быть западная модернизация или вообще модернизация других стран (Китай, Япония). Любопытно, что о них часто говорят о прошедшем времени. Они служат плохими или хорошими примерами для российской модернизации.

В прессе широко обсуждается идея авторитарной модернизации (257). Чаще всего предметом дискуссии является модернизация не в России, а в других странах, особенно в Казахстане и Сингапуре: *Трудно сказать, является ли модель авторитарной модернизации более оптимальным маршрутом развития для Казахстана, чем следование принципам либерализации политической жизни* (Независимая газета. 28.02.2011); *Впрочем, профессор отчасти согласился, что авторитарная модернизация — сверху вниз — хороша, но только на ранних стадиях модернизации экономики, когда инновации в основном поступают из-за рубежа* (Российская газета. 26.05.2010); *На примере многих стран ясно: авторитарная модернизация или нет, азиатская или европейская, но суд должен работать* (Огонёк. 25.10.2010).

При рассмотрении российской модернизации дихотомия «свой/чужой» представляется иначе. «Свой» — принадлежащий народу и предназначенный для народа (маркируется местоимением «наш»), а «чужой» относится к «их» модернизации. Однако само местоимение *наш* не означает, что автор текста или высказанного мнения включает себя в круг «наших», данное выражение просто заменяет словосочетание *модернизация России: Наша модернизация, как известно, веками носит преимущественно догоняющий характер — со времен Петра I* (Независимая газета — НГ Ex Libris. 26.05.2011); *Наша модернизация часто идентична слову „разрушение“* (Коммерсантъ. 30.03.2011).

В проанализированном материале очень мало прямых упоминаний о рассмотрении российской модернизации через дихотомию «свой/чужой», зато много ссылок на политизированность данного процесса. Это подчеркивается двумя популярными выражениями — *политика модернизации* (881) и *модернизация сверху* (208). Последнее особенно частотно

в контекстах, в которых обсуждается (и осуждается) авторитарный характер модернизации: *...нынешняя российская политика модернизации проводится суеуго сверху — при одновременном расширении регламентации текущей деятельности чиновников на всех уровнях* (Ведомости. 26.05.2011); *Благодаря этому политика модернизации, которая сейчас набирает силу, имеет прочную политическую базу и поддержку большинства общества* (Российская газета. 13.12.2010); *Сейчас реализуется и будет реализовываться „модернизация сверху“, но этот сценарий не имеет перспектив* (Московские новости. 29.09.2011); *России следует прийти к компромиссу между двумя методами модернизации: сверху вниз (Петр Великий — Сколково) и снизу вверх (хаотичная итальянская модель с разделением политики и экономики)* (Независимая газета. 27.09.2010); *Авторитарная модернизация — „модернизация сверху“ — обеспечила России восстановительный рост после кризиса 1998 г. и исчерпала себя в 2003 г., считает научный руководитель ВШЭ Евгений Ясин. В дальнейшем „силовой подход“ к модернизации приведет лишь к затуханию темпов роста до 1—2 %, прогнозирует он: „модернизация сверху“ приводит к искажению рынка и конкуренции — государство поддерживает компании, на которые опирается* (Ведомости. 04.04.2012).

6. СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Контексты этой группы также связаны с которой не стала своей, воспринимается как насильственная. В проанализированном материале есть примеры восприятия модернизации и как *ненасильственной* (42), и как *насильственной* (39): *А есть ли в истории пример успешной ненасильственной модернизации?* (Комсомольская правда. 20.04.2010); *Но наши вожди все время говорят о ненасильственной модернизации. Правда, серьезных результатов ожидают лет через 10-15* (Новая газета 18.01.2010); *Таким образом мы вроде бы оказываемся в ситуации выбора между насильственной модернизацией и застоём* (Новая газета. 18.01.2010); *Остается открытым вопрос, возможна ли насильственная модернизация* (Новая газета. 21.06.2013).

Иногда подчеркивается, что модернизация не может быть осуществлена только *собственными силами*, а требуется помощь также со стороны других: *Провести модернизацию полностью собственными силами у России вряд ли получится* (Известия. 15.11.2011); *России такой альянс крайне необходим, так как последние десятилетия*

показывают невозможность **модернизации** страны **собственными силами**, тем более в условиях постоянно растущих трат на оборону и безопасность (Огонёк. 19.11.2012).

7. РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

Результативность модернизации — один из ключевых элементов всего процесса, в связи с чем интересно проследить, как этот вопрос комментируется в медиатекстах. В целом доминируют весьма пессимистические и скептические мнения по поводу успешности российской модернизации. Однако категорических отказов, как правило, нет, авторы текстов оставляют вопрос об успешном осуществлении модернизации открытым, упоминая условия, при которых она все-таки возможна: **Не будет никакой модернизации, если у нас не будет соответствующего человеческого капитала** (Независимая газета. 27.04.2012); **Никакой модернизации, никакого процветания не будет, если не будут задействованы граждане** (Новая газета. 23.06.2010); **Никакой модернизации при таком культе прошлого не будет** (Известия. 09.04.2010).

Косвенным образом результативность модернизации актуализируется употреблением прилагательных, намекающих на полноту ее осуществления. Многие подобные контексты включают слова *реальная* (868), *настоящая* (345), *подлинная* (247), *действительная* (97). Суть комментариев чаще всего сводится к одному из двух взглядов: 1) настоящая (реальная и т. д.) модернизация очень далеко или 2) ее не будет (она невозможна), если не будет сделано что-либо. Приведем примеры: **Патриарх начал свое выступление с тезиса о том, что реальная модернизация страны невозможна без опоры на отечественную науку, без производства интеллектуального продукта** (Российская газета. 05.03.2010); **Для реальной модернизации нужно резко повысить уровень образования** (Новая газета. 18.02.2013); **Надо думать, прежде всего то, что никакой настоящей модернизации России до 2025 года ждать не приходится** (Известия. 30.09.2010); **Я считаю, что без создания в России современной европейской демократии настоящая модернизация общества невозможна** (Московский комсомолец. 29.02.2012); **Результат — разговоры о подлинной модернизации общества до сих пор так и остаются разговорами** (Независимая газета. 18.04.2011); **Все в один голос говорят, что нужна действительная модернизация, должны измениться и общество, и человек, но никто не видит для этого реальных перспектив**

при нынешней системе власти (Независимая газета. 12.07.2010).

Скептицизм по отношению к модернизации выражается многими способами. Один из них — называть ее *мифом* (таких контекстов в собранном материале всего 142): **Невозможна модернизация в стране, элита которой утратила инстинкт самосохранения, утратила здравый смысл, живет мифами** (Независимая газета. 21.09.2010); **Модернизация России сегодня пока в большей степени миф, чем экономика** (Коммерсантъ. 22.12.2010).

Если о (не)успешности модернизации говорится предметно, в тексте регулярно даются рекомендации по поводу средств для осуществления планов. Обычно такие советы очень категоричны: «если делается не так, модернизация не осуществима». Как можно предположить, у каждого автора есть свой рецепт: **Владислав Иноземцев утверждает, что для успешной модернизации России нужна власть технократов** (Аргументы и факты. 17.02.2010); **Модернизация будет успешна, если мы изменим ситуацию, когда молодые, эффективные, талантливые и энергичные будут связывать свое будущее с Россией и перестанут искать счастье у дальних берегов** (Известия (Россия). 27.07.2010. № 136 (28151)); **Это был не популизм, а понимание того, что социально-политическая стабильность, так же как и макроэкономическая, является необходимым условием для успешной модернизации** (Комсомольская правда. 22.01.2010); **Тогда он объяснил, что для успешной модернизации необходимо по-новому воспитывать и образовывать молодежь — она должна уметь творчески мыслить и находить нестандартные решения** (Коммерсантъ. 23.04.2010. № 72); **Главный посыл доклада, представленного „Деловой Россией“: модернизация получится только в том случае, если она будет выгодна бизнесу** (Российская газета. 15.09.2010. № 207 (5286)).

В том же духе пишут авторы текстов, которые отмечают вещи, тормозящие модернизацию или препятствующие ей. Упоминаются следующие факторы: *люди недалекие, жадные и ленивые, не желающие заниматься регулированием; ментальные барьеры, неподготовленное общественное сознание; Россия не отвечает критериям демократической страны, в ней не соблюдаются права человека; дефицит кадров; низкое качество образования; династичность; неудовлетворительное состояние российских городов; большая доля сырья в ВВП и экспорте; коррупция и бюрократизм; использование рабского труда.*

8. ЦЕЛЬ

Собранный материал дает любопытный ответ на вопрос о цели модернизации. Очень мало примеров, в которых используется выражение *с целью*, целевой предлог *для* или союз *чтобы*. В тех контекстах, в которых эти выражения встречаются, рассматриваются, как правило, отдельные вопросы общества, а не страна в целом: *В перспективе планируется модернизация вертолета, чтобы уменьшить вес „железной птицы“* (Вечерняя Москва. 02.08.2012); *Мэр Москвы Сергей Собянин обратил особое внимание на необходимость серьезной модернизации сферы здравоохранения столицы с целью превращения ее в одну из ведущих отраслей не только на уровне города, но и на федеральном и международном уровнях* (Вечерняя Москва. 17.11.2010).

Создается впечатление, что для говорящих цель либо очевидна, либо модернизация совершается ради самой модернизации, т. е. данный процесс и является целью деятельности. Здесь мнение политиков, власти сильно отличается от общего мнения, отраженного в медиатекстах. Согласно президенту Д. А. Медведеву, модернизация лишь средство достижения определенной высшей цели и осуществляется в пользу адресатов: *Все, что я сейчас говорил, модернизация — это, конечно, не самоцель* (Дмитрий Медведев. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2010); *Ведь модернизация осуществляется прежде всего для них* (Дмитрий Медведев. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2010); *Модернизация создает умную экономику, но модернизация требует и умной политики, обеспечивающей условия для всестороннего обновления жизни общества* (Дмитрий Медведев. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2010).

Д. А. Медведев считает, что модернизация будет иметь и определенные эффекты. Другими словами, она не самоцель, а средство достижения положительных последствий: *Модернизация только тогда даст ожидаемый эффект, когда в обществе будут действовать справедливые законы, функционировать независимые и уважаемые суды и органы правопорядка, которые пользуются настоящим доверием граждан* (Дмитрий Медведев. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2010).

Таким образом, власть хотела бы представить модернизацию как необходимое

средство достижения высшей цели в пользу народа, которое может быть результативным при определенных условиях, но не всегда достаточным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе нашего анализа можно сделать некоторые выводы. Первое наше наблюдение касается общей употребительности слова *модернизация* по сравнению с употреблением единицы *инновация*. Хотя слово *инновация* вошло в российскую политическую риторику и частотность употребления слова *модернизация* за последние два года немного спала, *модернизация* осталась в России — в отличие от западных стран — ключевым словом в дискурсе об обновлении общества.

Рассматривая разные словосочетания, в которых слово *модернизация* употребляется в медиатекстах, мы обнаружили проявления значительного скептицизма по поводу модернизации. Он высказывается по-разному. Если считается, что модернизация осуществима, приводятся однозначные условия, без которых модернизация не может состояться. Частотны контексты, в которых перечисляются обстоятельства, которые или тормозят ее, или препятствуют ей. Движение к модернизации осуществляется с разной скоростью, но динамичный характер обязателен. Если нет высокой скорости, то нет и модернизации; в результате одним из ключевых понятий является ускоренная модернизация. Этот процесс имеет разную степень: всеобщая модернизация страны должна быть полной, реальной, существенной или настоящей, а модернизация отдельных отраслей или объектов может быть и частичной. Путь к модернизации затрудняет и ее высокая стоимость. О модернизации говорится без указания на ее завершенность. Результативность отмечается редко. Модернизация осмысливается говорящими как цель, которую нужно достичь, а вот цель самой модернизации очевидно не формулируется. В медиатекстах перечисляются десятки условий для успешности модернизации. Такой подход, безусловно, вызывает надежду: утверждается возможность модернизации в России, если только будет сделано что-либо. Трудность состоит в том, что у каждого россиянина, имеющего свое мнение по данному вопросу, есть своя рецептура. Из-за этого получается, что для модернизации «снизу вверх» мало возможностей. Возникает потребность в авторитарной модернизации «сверху вниз». Можно найти положительные примеры реализации такого подхода в других странах, в частности Казахстане и Сингапуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. — М., 1995.
2. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001.
3. *Ким Л. Г., Мустайоки А., Пиетилляйнен Ю.* Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. 2013. № 3(46). С. 47—58.
4. *Интегрум* : информационное агентство. URL: <http://www.integrum.ru>.
5. *Копотев М. В., Мустайоки А.* Современная корпусная лингвистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. — 2008. С. 7—24. (*Slavica Helsingiensia*, 34).
6. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М., 2003.
7. *Литовская М., Розенхольм А., Савкина И., Трубина Е.* «В поисках хорошей жизни»: постсоветские идентичности в современных российских массмедиа // Образ достойной жизни в современных российских СМИ. — Екатеринбург, 2008. С. 5—24.
8. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorgora.ru>.
9. *Орлова Н. В.* Высказывания с предикатами «комментировать» и «интерпретировать»: когнитивно-семантический анализ // Комментарий и интерпретация текста. — Новосибирск, 2008. С. 6—14.
10. *Стексова Т. И.* «Политик» в представлении россиян // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — Екатеринбург, 2006. Вып. 4. С. 90—102. (Труды / Урал. психолингвистическое о-во ; Урал. гос. пед. ун-т).
11. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. — М., 2003.
12. *Шахнарович А. М., Юрьева Н. М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. — М., 1990.
13. *Шмелева Е. Я.* Делаем шопинг: о сочетаемости и семантике новых заимствований // Вопросы культуры речи. — М., 2012.
14. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. — М., 1994.
15. *Mustajoki A.* The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian // Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Г. Никипорец-Такигава. — М., 2006. P. 50—76.
16. *The Finnish Centre of Excellence in Russian Studies — Choices of Russian Modernisation.* URL: <http://www.helsinki.fi/aleksanteri/crm/>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

Н. Б. Руженцева N. B. Ruzhentseva
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ДИФфуЗИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ
ПОСТИЖЕНИЯ ЧУЖОГО МИРА**

**DIFFUSION OF LANGUAGE AND CULTURE
AS A COGNITIVE MECHANISM
OF COMPREHENSION
OF THE OTHER'S WORLD**

Аннотация. Рассматривается диффузия иноязычной и исконной лексики в русских текстах, созданных в условиях первичного освоения чужого языка и культуры, на материале трех произведений, написанных за последние 20 лет людьми, сменившими страну жительства. Устанавливается зависимость первичного усвоения чужих лингвокультурных реалий от иерархии человеческих потребностей и категорий, составляющих картину мира.

Abstract. Diffusion of foreign and native lexis in the Russian texts, written in the condition of the first stage in mastering a foreign language and culture, is studied on the basis of the three works written in the last 20 years by the people who moved to the other country. It is proved that the first assimilation of the foreign lingo-cultural realia depends on the hierarchy of the human needs and categories constituting world map.

Ключевые слова: эмигрантская проза; межкультурная коммуникация; аккультурация; когнитивный механизм; лингвокультурологическая диффузия; заимствованная лексика; потребности; пирамида Маслоу.

Key words: emigrant prose; intercultural communication; assimilation of culture; cognitive mechanism; lingo-cultural diffusion; borrowed lexis; needs; Maslow's hierarchy of needs.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

Люди, приехавшие в чужую страну, овладевают ее языком, приобретают новые навыки общения и приспосабливаются к чужой культуре и лингвокультуре, формируя новую языковую и культурную компетентность. В связи с этим А. П. Садохин пишет: «В условиях межкультурной коммуникации языковая компетентность означает правильный выбор языковых средств, адекватных ситуации общения, верную референцию; соотношение ментальных схем с практической действительностью; способность повторить однажды полученный опыт в аналогичных коммуникативных ситуациях» [Садохин 2005: 250].

Формирование новой языковой компетентности, в свою очередь, является частью процесса аккультурации. «Аккультурация — это процесс влияния одной культуры на другую. В ходе аккультурации представители одной культуры, вступившие в коммуникацию, изменяют собственные культурные ценности, нормы, картину мира под влиянием другой культуры» [Стадников 2007: 34]. Из четырех основных стратегий аккультурации (ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции) нам хотелось бы остано-

виться на последней, так как ее исследование позволяет выявить некоторые закономерности когнитивных процессов, сопутствующих постижению человеком чужого языка и чужой культуры.

Интеграция, т. е. идентификация и со своим, и с чужим языком и культурой, начинается с процесса диффузии — «культурного контакта, в результате которого происходят сознательные и несознательные заимствования, обмен различными элементами культуры (знаниями, способами деятельности, ценностями и др.)» [Амбарова 2007: 54]. Со своей стороны мы считаем, что культурный контакт возможен лишь при актуализации целого ряда когнитивных элементов. В межкультурном ключе «к группе когнитивных элементов относят культурно-специфические знания, которые служат основой для адекватного толкования коммуникативного поведения представителей иной культуры. Такие знания способствуют предотвращению непонимания, служат основанием для изменения собственного коммуникативного поведения в интерактивном процессе» [Садохин 2005: 248]. Однако к группе когнитив-

ных элементов при межкультурном взаимодействии можно, с нашей точки зрения, отнести не только знания, но и когнитивные механизмы. В данной публикации мы предприняли попытку проследить действие диффузии как одного из когнитивных механизмов, «работающих» при перемещении личности из одной языковой и культурной среды в другую.

Диффузия элементов чужого языка и чужой культуры в сознание иноязычного и инокультурного реципиента рассмотрена нами на материале трех литературных произведений: «Сладкая соль Босфора» Э. Сафарли, «Это я — Эдичка» Э. Лимонова и «Во вратах твоих» Д. Рубиной. Отбор материала обусловлен следующими критериями. Во-первых, это **самые ранние** произведения, написанные на русском языке профессиональными литераторами или журналистами, которые оказались в чужой языковой и культурной среде. Азербайджанец Э. Сафарли, имеющий смешанные азербайджанско-русско-турецкие корни, переезжает жить в Стамбул, Эдуард Лимонов эмигрирует в США, а Дина Рубина — в Израиль. Во-вторых, это книги, **сходные по своему тематическому содержанию**, — своеобразные «Я-истории», повествующие о том, как взрослый человек осваивается в новой языковой и социокультурной среде. Их можно рассматривать и как художественно-биографическую репрезентацию процессов аккультурации, и как своеобразное свидетельство пластичности речемышления. На наш взгляд, выбранные произведения являются хорошим материалом для того, чтобы проследить механизм диффузии в рамках усвоения чужого лексикона (чужой лексический тезаурус), освоения чужого лексикона («встраивание» последнего в русскую речь), усвоения чужих (малознакомых, не актуализированных ранее) культурологических реалий и обобщить некоторые когнитивные процессы, сопутствующие попаданию современного человека в «плавильный котел культур».

Взаимодействие и взаимовлияние языков и культур изучается и в диахроническом, и в синхроническом аспектах. По У. Вайнрайху, любой современный язык — это «сплав» языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных языков и диалектов [Вайнрайх 2000: 264]. Исследование процессов «плавления» языковых элементов, чье протекание в конечном счете привело к современному состоянию любой мировой язык, предполагает прежде всего изучение истории языка, диахронических изменений в его лексическом, фонетическом, грамматико-синтаксическом

строе. В свою очередь, исследование когнитивных (речемыслительных) процессов возможно как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Именно эта мысль определила **третий, временной критерий** отбора произведений — они относятся примерно к одному периоду: «Это я — Эдичка» (1989), «Во вратах твоих» (первая публикация — 1993), «Сладкая соль Босфора» (2006). Попытаемся на данном материале обобщить наши наблюдения в области заимствования лексических единиц и некоторых культурологических понятий с учетом того, что заимствование одновременно представляет собой «определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей, практических, теоретических, культурных знаний и опыта, освоенных, осмысленных и прямо или косвенно вербализованных носителями языка в качестве языковой картины мира» [Ефименко 2008: 27].

Самым ранним из выбранных нами произведений является роман Э. Лимонова «Это я — Эдичка» (1989). Сам автор характеризует своего героя так: «Оторванный от корней, обыкновенно вынужденный преодолевать незнакомые аборигенам трудности, находящийся постоянно в стрессовой ситуации, эмигрант — идеальный герой книги» (авторское предисловие к романам Э. Лимонова «Иностранец в смутное время» и «Это я — Эдичка» [Лимонов 1992]). Социокультурная адаптация эмигранта Э. Лимонова к жизни в США шла в условиях высокой степени интенсивности контактов. Последнее означает, что «постоянные, частые взаимодействия приводят к быстрому усвоению инородных элементов. Это характерно для национальных окраин, крупных торговых центров» [Амбарова 2007: 58]. Попытаемся охарактеризовать лингвокультурологический аспект приспособления героя Э. Лимонова (почти идентичного автору) к новой социокультурной ситуации. Как показал текст романа, мышление личности в данном случае ориентировано на первичное усвоение целого комплекса чужих понятий и соответствующих номинаций (иллюстрации даны в оригинале с небольшими сокращениями отдельных высказываний). Приведем сначала дифференцированный список слов и выражений, множественно соотносимых с той или иной понятийной сферой, а затем список отдельных единиц.

1. Понятия из сферы коммуникации, в том числе именованная лиц, обращения и этикетные выражения:

- *Я глядел Бобу в глаза и говорил „ЕС, СЭР“ через каждые пару минут.*
- *О*КЭЙ! — хорошо, пусть будет независимость.*

- Он сказал: „Да, БЭБИ, да, успокойся“.
- Я сказал ему: „ДАРЛИНГ!“
- ГУД БАЙ, БЭБИ!
- ХЭВ Э НАЙС ДЭЙ!
- Ее РУММЕЙТ спала где-то в глубине.
- Проходят, озираясь, настоящие американцы — КАУНТРИМЭНЫ И КАУНТРИЛЕДИ.

2. Ругательства: ФАКЕН МАЗЕР, ФАКЕН ШИТ, КРЕЙЗИ, РАШЕН КРЕЙЗИ.

3. Онимы (наименования улиц, учреждений, организаций, фирм, отелей, изданий и т. д.): Бруклин, Мэдисон-авеню, Спринг-стрит, Колумбус, Централ-парк, отель „Винслоу“, отель „Лейтем“, Чайна-таун, даун-таун Манхэттена, Порт Ауторити, Вилледж Войс, Нью-Йорк ревью оф бук, Нью-Йорк Таймс, Нью-Йорк Таймс Мэгэзин, Уоркер, Блимпи, Ликерс, Паблик лайбрери, Бьютифул мувинг, Артизан галлери и др.

4. Техника, связь, транспорт: Телефонный МЭСИДЖ, ТАЙП-РИКОРДЕР, ехали в САБВЕЕ, КОНДИШЕН, ВАН, на котором мы приехали, КАР.

5. Постройки:

- Он владелец 45 БИЛДИНГОВ В МАНХЭТТЕНЕ.
- Я удалился в ПЕНТХАУЗ.
- ЛОФТЫ чрезвычайно дороги.

6. Еда, напитки, марки сигарет:

- Бегают за ДЖИНДЖАРЕЛЛОЙ или ХАТ-ДОГАМИ.
- Я пил, когда он вошел, не то шестое, не то седьмое ДЖЕЙ энд БИ, я заказал и ему того же, может быть, это было ВАЙТ ЛЕЙБЛ, не знаю.
- Выпью кампари с ОРАНДЖУСОМ.
- Выкурить пару „ДЖОЙНТОВ“.
- Он сидел в тюрьме за торговлю „ДРАГС“ — наркотиками.

7. Одежда, обувь:

- КИТЧЕН Питера.
- ШУЗЫ Сюзен.

8. Финансы:

- У нее от ее двадцати долларов тоже не осталось ничего, на последние трусики мы собирали ДАЙМЫ и КУОТЕРЫ.
- Заплатить КОНТРИБЬЮШЕН в один доллар.
- Получает АНЭМПЛОЙМЕНТ, 47 долларов в неделю.

9. Понятия из социальной сферы:

- ВЭЛФЭР.
- СОШИАЛ-СЕКЮРИТИ.

10. Профессии, занятия:

- Работал БАСБОЕМ.
- У интеллигентного СЭЙЛСМЕНА с бородкой в магазине на Бродвее я купил наручники.

- Она потащила СЕЙЛСВУМЕН в другой отдел.
- (Увидел) ГАРДА, бывшего капитана Советской Армии господина Андрианова.
- ПМП-СУТЕНЕР.

11. Понятия из бытовой сферы и сферы развлечений:

- От них в конце БРЕКФЕСТА И ЛАНЧА получал свои пятнадцать процентов чаевых.
- До этого были какие-то лунатические встречи... какие-то невразумительные вечеринки, редкие ПАРТИ.
- Сюзанна, честная труженица, блудящая по вечерам и УИКЭНДАМ.

ОТДЕЛЬНЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ

- ХАЙ-СКУЛ.
- Николас часто поощрял меня возгласами вроде: „ГУД БОЙ! ГУД БОЙ!“
- Ю ЛАЙК ХИППИ. РАШЕН ХИППИ, — добавила она без улыбки.
- Подъезд фешенебельного МОДЭЛ-ЭЙДЖЕНСИ „Золи“.
- Дом для СИНИОР СИНТЕЗЕНЕ.
- Если это не был конгресс ПУЛЬПЫ И ПЕЙПЕРА, то это был еще какой-нибудь столь же славный конгресс.
- Басбой Патришио, указав на женщину, на которую я взглянул, насмешливо спросил меня: „ДУ Ю ЛАЙК ЛЕДИС?“
- „МЭБИ Ю ЛАЙК МЭН?“ — спросил заинтересованно Патришио.
- Я уже не мог смотреть на наших „КАСТУМЕРЗ“.
- Может быть, я зарезал бы „ВЕРИ АТРАКТИВ ЛЕДИ“ на третий день „ФАВОРАЙТ ТРИП“, как она выразилась.
- Может быть, он произносил „О МАЙ ГАТ!“
- Эти злосчастные „БОЛЛС“.
- „ОНЛИ ВИС МАЙ ЛАЙФ!“ — быстро и тихо сказал я по-английски.
- „ХОЛДАП!“ — сказал старший из них.
- Я хочу делать РОББЕРИ — грабеж в апартаменте.
- „АЙ ЭМ ЛОРД! — говорил он... — ИТС МАЙ ХАУС!“
- Была в моем БАЙСЕНТЕНИАЛ СЕЛБРЕЙШАН поведении большая доля русского свинства.
- Волею случая она действительно ИМПАСЭБЛ в этом мире, но в какой же степени я тогда ИМПАСЭБЛ ПЕРСОН, а?
- ГОУ ТУ БЭД! Приходи!
- КОМАН ДАУН, ЭД! — сказал он.

Интересно отметить неоднократные случаи смешения (миксации) русских и английских слов и выражений. В рамках одного тематического поля часть лексики быстро и естественно диффундировала в лексический тезаурус Э. Лимонова в английском варианте, а часть так и осталась в русском: *Здесь, как видите, мои друзья — носильщики, БАСБОИ, электрики, ГАРДЫ и посудомойки; Шнеерзон объяснял им, что у меня ЭМЕРДЖЕНСИ СИТУЭЙШЕН, что я в ужасном состоянии, что меня бросила жена.*

Грамматическая диффузия англоязычной лексики в русскоязычном тексте представлена у Э. Лимонова вариантами ее русификации. Во-первых, это производные от английских слов по типовым русским словообразовательным моделям: *пустые УИ-КЭНДНЫЕ дни, ВЭЛФЭРИСТ, ВЭЛФЭРЩИК, ВЭЛФЭРОВЕЦ, ВЭЛФЭР-ЦЕНТР, САБВЭЙ-НЫЙ жетон, ИВСЕНЛОРАННОСТЬ Арагона* (от Ив Сен Лоран, фр.), *потянулись НЬЮЙОРКТАЙМЦЫ, громоздкие американские КАУНТРИ-ТРЯПКИ.*

Во-вторых, это типично русская предикативная структура предложения, включающего английские слова и выражения (*КАУНТРИМЕН-НЫ всегда имели слабость к французенкам*), типично русское словоизменение (*читал мою рукопись три уикэнда; могла сесть в сабвее, Лофты очень дороги*), типовой является и предложно-падежная сочетаемость (*Лекцию записывали на ТАЙП-РИКОРДЕР, ср.: на магнитофон*). Частично грамматически освоенными остаются лишь отдельные слова (*Еду я как-то по Нью-Джерси ТОРНПАЙК; ее РУММЕЙТ спала где-то в глубине*).

В связи с вышесказанным нам представляется важным отметить следующее. Если соотнести процессы диффузии лингвокультурных реалий и соответствующей им лексики со знаменитой пирамидой Маслоу, становится видно, что первично усваиваемая Э. Лимоновым англоязычная лексика примерно в равной степени коррелирует и с нижней ступенью пирамиды (физиологические потребности: жажда, голод, половое влечение), и с ее более верхними ступенями, отражающими потребности социального плана и потребности психологические. Это потребность в коммуникации, потребность в пространственной ориентировке в условиях огромного города, потребность в работе, в транспорте, связи, в деньгах и т. д. Иное соотношение потребностей и первично усваиваемых понятий мы видим в произведении эмигрировавшей в Израиль Дины Рубиной.

Дина Рубина прибыла в Израиль в составе так называемой «алии 90-х». Первый ее израильский роман, «Во вратах твоих»

(1993), «посвящен событиям жизни израильского общества во время войны в Персидском заливе» [Русская литература в Израиле]. Почти не зная иврита (*В трубке еще что-то спрашивали, я торопливо перебила заученной фразой: Простите, я не говорю на иврите... — и повесила трубку*), Д. Рубина тем не менее сразу стала следовать основной тенденции израильской прозы 1990-х гг. — «стремлению к естественному вхождению в новую реальность» [Там же].

«Естественное вхождение в новую реальность» началось для Дины Рубиной, как и для всех иммигрантов, с освоения иврита, элементы которого она сознательно (и с удовольствием!) включает в родной для нее русский язык («наш язык!»):

...Как раз в эти дни фирма ПОШЛА СВИСТЕТЬ. Это чисто ивритское выражение, и я с особым удовольствием калькирую его на русский наш, ненасытный до нового язык, потому что это выражение вызывает у меня следующую ассоциацию... Так вот, КОНТОРА ПОШЛА СВИСТЕТЬ.

Попытаемся проиллюстрировать вариант диффузии израильской лингвокультуры в сознании Д. Рубиной, сложившемся под преимущественным влиянием лингвокультуры российской. Из израильской лингвокультуры Д. Рубина включает в русскоязычный текст прежде всего элементы, связанные с религией, а именно:

1. Цитаты из священных текстов, апелляции к библейским источникам, отдельные библеизмы.

- *Остановились ноги наши во вратах твоих, Иерусалим* (псалом).
- *Через всю „Книгу Нехемии“ проходит самаритянин Санбаллат, изо всех сил мешающий евреям восстанавливать Иерусалим.*
- *На двенадцатом году царствования Ахаза, царя Иудеи, Гошеа, сын Эли, стал царем над Израилем в Шомроне и правил девять лет... На третьем году царствования Гошеа, сына Эли, царя Израиля, воцарился Хизкия, сын Ахаза, царя Иудеи...*
- *Минут десять спустя Яша попросил у меня на проверку редактуру очередной брошюры Иегошуа Аписа на тему „Исхода из Египта“.*
- *Фигура Моисея, выводящего евреев из Египта.*
- *„Авраам Авину“ — отец наш Авраам* (пояснение дано Д. Рубиной в примечаниях).
- *— А что, рав Карел повторяет „Первую битву с Амалеком“? Мы ведь уже прошли это...*

— Видите ли, — шепотом ответил мне Гедалия, — много свежего народу на курс привалило, и рав Маркс счел целесообразным повторить лекцию... Это отрывок из „Второзакония“...

— „И вот, когда успокоит тебя Господь, Бог твой, от всех врагов твоих со всех сторон, — гремел голос рава Карела, — на земле, которую Господь Бог твой даст тебе в удел для владения ею, сотри память об Амалеке из-под небес, не забудь...“.

- „И пришел Амалек, и воевал с Израилем в Рефидим. И сказал Моисей Иегошуа: выбери нам мужей и пойдите сразись с Амалеком. Завтра я буду стоять на вершине холма с посохом Божьим в руке моей. И сделал Иегошуа как сказал ему Моисей... а Моисей, Арон и Хур взойшли на вершину холма. И было, как поднимет Моисей руку свою, одолевал Израиль, и как опустит руку свою, одолевал Амалек...“.
- Внизу по травянистому косогору бегали соседские ребяташки... — две девочки лет десяти, обе в костюмах царицы Эстер... За ними гнался мальчик лет восьми в костюме старика Мордохея... Он безостановочно трещал пластиковой трещоткой, какими вечером в синагоге дети будут трещать во время чтения „Свитка Эстер“ — при упоминании злодея Амана, потомка Амалека.
- А ведь надо еще успеть к чтению „Мегалит Эстер“.

2. Религиозные понятия, именованья священнослужителей: хасидизм, хасиды, хасидские цадики, синагога, ортодоксальный иудей, ортодоксальная иешива, раввинат, пасхальная Агада, Пурим, шабат.

Одновременно в русскоязычный текст Д. Рубиной «встраиваются» иные понятия и, соответственно, их номинации, а именно:

1. Именованья лиц, обращения, этикетные выражения: Рав Берштейн, рав Карел Маркс, рав Иегошуа Апис, рав Элиягу Пурис, реб Хаим; Ладно, МОТЭК, не бойся; БРИЮТ ВА ОШЕР — здоровья и счастья.

2. Онимы (топонимы, наименования учреждений и др.): Когда миновали район „МОШАВА ГЕРМАНИТ“ и автобус въехал на ЯФФО, ярко освещенную центральную улицу... стало веселей на душе; высокие холмы РАМОТА, аэропорт БЕН ГУРИОН, улица

БЕН ИЕГУДА, сектор НЕВЕ ЯАКОВ, улица РАХЕЛЬ ИМЕНУ (в переводе означает „наша мама“ — прим. Д. Рубиной), улица МЕА ШЕАРИМ, холм ГИВАТ ШАУЛЬ.

3. Одежда, бытовые предметы:

- **Малый ТАЛИТ** („Я объясню для тех, кто не знает, — это нечто вроде длинного полотенца с отверстием для головы посередине, с концов которого свисают длинные нити — ЦИЦИТ“: — прим. Д. Рубиной).
- Хасиды сурово отводили от меня глаза и яростно намыливали на себе ЛАПСЕРДАКИ и шляпы.
- Хлопнула дверь, и над барьерами поплыла черная КИПА Христианского.
- На остановке автобуса стоял старый араб в КУФИЕ — белоснежном платке, перетянутом вокруг головы толстым двойным шнуром.
- Рита заботливо приготовила Яше чай, как он любит — крепкий. Без сахара, в личную его, КОШЕРНУЮ ЧАШКУ с тремя голубыми цветочками.

4. Детали внешности: Колебались ПЕЙСЫ, которые светская публика называет „блошиными качелями“.

5. Деньги: Шекель.

6. Организации, учреждения, в том числе правительственные: кибуцы, Мосад, Сохнут, кнессет.

7. Обряды: Вашим родным не придется тратиться — государство Израиль обслужит вас по первому разряду: катафалк, КАДИШ, то-се — словом, не обидят, вы останетесь довольны.

8. Погодные явления: Начиналась весна, время ХАМСИНОВ.

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛОВА/ВЫРАЖЕНИЯ, данные в тексте с переводом/пояснением:

- Милуим — краткосрочная служба резервистов, может быть от нескольких дней до трех месяцев (пояснение Д. Рубиной).
- „Гам зэ елэх“, — невозмутимо заметила Наоми, забирая чек („и это сойдет“).
- Он употребил для этого иеритское слово „клум“, по-моему означавшее больше, чем ничто, больше, чем ноль, в какой-то степени это слово имело оттенок чудовищной космической пустоты.

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛОВА/ВЫРАЖЕНИЯ без перевода/пояснений: „Кмо кибуц гадоль!“; Хаг sameax!! — заорал сын мне вслед; „Неизбежная мутация в условиях галута“, — заметила как-то Рита; издательская хев-

ра; гортанное „рейш“, мягко всхлипывающее у сабр; *Шеарим; Минха*.

Таким образом, вхождение в чужую лингвокультуру неразрывно связано для Д. Рубиной с освоением израильских религиозных ценностей. Далее по частотности стоят собственно коммуникативные (именования лиц, обращения) и бытовые понятия, а также топонимы и иные виды онимов, знание которых позволяет достаточно быстро ориентироваться в чужом географическом и социальном пространстве. Минимальную диффузию иврита и русской речи демонстрируют явления природного мира, например погодных явлений, нет и подобных номинаций животных и растений. Если вновь соотнести сказанное с пирамидой потребностей А. Маслоу, то мы видим, что первоочередными для Д. Рубиной являются не физиологические потребности (голод, жажда, половое влечение), а потребность в безопасности, о чем свидетельствуют множественные текстовые параллели между библейскими образами (битва израильтян с Амалеком) и войной в Персидском заливе.

Грамматическое «встраивание» иврита в русский текст идет у Д. Рубиной, как и у Э. Лимонова, в достаточно простом варианте. Это русификация предикативной (*Хасиды сурово отводили от меня глаза; колебались пейсы; у них сейчас минха, поплыла черная кипа*) и предложно-падежной сочетаемости (*подол талитА, потянулся к малому талитУ, ходил в ортодоксальную иешивУ, комментатор ТАНАХа — Раши, десять шекелЕИ в час, компании, вроде нашей хеврыI, мутация в условиях галутаА, ходить в черной кипЕ, член кнесетА, брошюра о значении шабатаА, Яша ушел в милум, до ПуримА осталось...*). Обращения тоже организуются по образцу русскоязычного высказывания (*НЕТ, МОТЭК, это полиция, а не семейство Розенталь; РАВ ЭЛИЯГУ, мне так понравилась твои дочери*). Словоизменению по русскому образцу непоследовательно подлежат именованья лиц: некоторые из них не изменяются (*объяснила все о реб Хаиме*), некоторые же автор изменяет по закону привычной автору русской предложно-падежной системы (*Она подходила к раеУ Иегошуа Апису; занятия рава Карела Маркса*). Непоследовательно грамматически осваиваются и имена собственные (*заказчик из МЕА ШЕАРИМ, „Оптика“ на улице ЯФФО, но: один из домов РамотА; перевезем все в контору на Бен ИегудУ*).

Перейдем к последнему произведению — повести Эльчина Сафарли «Сладкая соль Босфора», написанной, несомненно, не без влияния знаменитого романа турецкого пи-

сателя Орхана Памука «Стамбул». В ней отражено становление личности молодого человека, пережившего душевную драму и пытающегося начать новую жизнь в чужой стране — Турции. Повесть написана на русском языке (Э. Сафарли по образованию журналист) и содержит для удобства русскоязычного читателя небольшой словарь, в котором даются переводы и толкования турецких слов и выражений, употребляемых автором. Материал этого словарика, а также турецкие слова, объяснение которых приводится непосредственно в тексте повести, вновь дают возможность выявить корпус тех бытовых и культурологических реалий, номинации которых в первую очередь усваиваются человеком при вхождении в чужую лингвокультурную среду.

1. Этикетные формулы, обращения:

- *Портрет непременно оценю. ИНШААЛЛАХ, уже в Анкаре.*
- *Сегодня ночью, ИНШААЛЛАХ, дочитаю „Игру в классики“.*
- *Ханым — уважительное обращение к женщине на Востоке.*
- *Абла — уважительное обращение к женщине.*
- *Селам — приветствую.*
- *Оглум — сынок.*
- *Джаным — душа моя.*
- *Аби — брат.*
- *Эфендим — господин.*
- *Аннин кузусу — мамин ягенок.*
- *Эфенди — уважительное обращение в Турции.*
- *Халял олсун — на здоровье.*
- *Деде — турецкое обращение к дедушкам.*
- *Sevgilim — любимая.*
- *Beni affet — прости меня.*
- *Canim — родная.*
- *Kuzum benim — ягенок мой.*
- *Hos geldin — Добро пожаловать!*
- *Кечмиш олсун — турки произносят это с целью успокоить горящего человека.*

2. История:

- *Сулейман Демирель — девятый президент Турции.*

3. Религия:

- *Сабах-намаз — утренний намаз.*
- *Ахшам-намазы — вечерний намаз.*
- *Рамазан — священный пост у мусульман. Он предусматривает воздержание от приема пищи в дневное время суток в месяц Рамазан как подчинение предписанию Аллаха.*

4. Бытовые реалии:

Еда, продукты питания

- *Шорпа — суп.*

- Марул — листья салата.
- Карны-бахар — цветная капуста.
- Ахта зогал — сушеный кизил без косточек.
- Альбухара — сушеная слива кислого сорта.
- Наршараб — кисло-сладкий соус из гранатов.
- Абгора — соус из зеленого неспелого винограда.
- Польаб — настойка из лепестков розы.
- Шекерпаре — турецкое кондитерское изделие.
- Каймак — сливки.
- Салджалы кефте — маленькие пирожки с рубленой телятиной, поджариваются на масле.
- Батлыджан эзмеси — холодный турецкий салат из баклажанов, приготовленных на углях.
- Донер, лахмаджун, пиде — турецкие мучные блюда.

Магазины, базары

- Альыш-вериш — торговля.
- Мигрос — крупная сеть маркетов Стамбула.
- Мисир Чаршысы — Египетский базар.
- Ulker — Кондитерско-молочная фабрика Турции.
- „Gamsiz Hayat“ („Жизнь без грусти“) — название кондитерской.

Бытовые учреждения

- Хамам — баня.
- Праздники, обряды
- Дюнюрлюк — сватание.
- Кына геджеси — ночь хны.
- Чочук байрамы — праздник детей.

5. Природные реалии:

Географические понятия

- Паландокен — горы на юге от Эрзерума, достигающие 3185-метровой высоты.
- Эмир-гелю — озеро недалеко от Анкары, в районе Гельбаши.
- Чамлыджу — одна из высоких точек Стамбула, 263 м. над уровнем моря.

Погодные явления

- Пойраз — сильный северо-восточный ветер.
- Лодоз — теплый южный ветер.
- Мельтем — сухой летний ветер.

Растения

- Тут — плод шелковицы.

Животные

- Аскер-балы-кы — меч-рыба.

6. Культурологические реалии:

Архитектура, градостроение

- Айя-София — древняя мечеть (музей) у берега Босфора.

- Кыз Кюлеси — „Девичья башня“. Построена около 2500 лет на отмели Босфора у азиатского побережья Стамбула.
- Истикляль Джаддеси — площадь независимости в центре Стамбула.
- Мардин — древний город Турции на скальном уступе, с которого открывается вид на Месопотамскую равнину.

Живопись

- Танер Чейлан — известный гей-художник Турции.

Шоу-бизнес

- Сезен Аксу — знаменитая турецкая певица.
- Сердар Ортадж — поп-звезда Турции.
- „Перед тобой суперзвезда — люби меня, перед тобой суперзвезда — почувствуй меня“ (отрывок из припева песни Сибель Тюзун).
- Ханде Йенер — поп-звезда Турции.
- Nedem — „Почему“ (название турецкой песни).
- Vensiz — „Без меня“ (название турецкой песни).
- Korkarim — „Боюсь“ (название турецкой песни).
- Aman Doktor — „Пощади, доктор“ (название диска известной турецкой певицы Джандан Эретчин).
- Барыш Манчо — турецкий певец 1970—1980 гг.

Телевидение, кино

- Дизи — турецкий жанр телесериалов.
- „Galleria Prestige“ — кинозал в Стамбуле.
- Dans edecek miyiz — „Давайте потанцуем“.
- Bir komisabilse — „Трудности перевода“.

Литература

- Решад Нури Гюнтекин — турецкий писатель.
- „Bilhır kosk ile elmas gemi“ — книга турецких сказок „Хрустальный замок и алмазный корабль“.
- Орхан Памук — знаменитый современный турецкий писатель.

7. Социальная сфера, движения, организации: Lambdaistanbul — организация турецких геев-лесбиянок.

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ УСТОЙЧИВЫЕ

- Уок — нет.
- Арабаи дурдур — останови машину.
- Allaha bu hos gitmez — будет не угодно Аллаху.

- *Istanbulun gunesi* — солнышко Стамбула.
- *Чок нурлудур* — очень лучезарное.
- *Айдынлаг* — ясность.
- *Seni seviyorum* — люблю тебя.
- *Her bir çocuşumuz* — *Turkiyemizin gelecegidir!* — Нет плохих детей, есть плохие родители.

Таким образом, материал повести Э. Сафарли свидетельствует о том, что при вхождении в чужую лингвокультуру множественная диффузия последней связана преимущественно с усвоением 1) понятий (и соответствующей им лексики) из сферы коммуникации (этикетные формулы, обращения); 2) понятий, связанных с жизненной потребностью в еде; 3) понятий, связанных со сферой развлечений. В меньшей степени при первичной аккультурации усваиваются понятия, связанные со сферами «География», «Природа», «История», «Архитектура», «Живопись» и «Литература», а также понятия из бытовой и социальной сфер.

В целом множественность турецкой лексики, «встроенной» в русскоязычный текст, свидетельствует об интенсивной диффузии турецкого языка и культуры в сознании автора, пишущего на русском языке.

В связи со сказанным вновь заметим следующее. Текст Э. Сафарли показывает, что проникновение фактов чужого языка и культуры в сознание отдельной личности, как и у Д. Рубиной, далеко не полностью коррелирует с пирамидой потребностей А. Маслоу. Первичное усвоение чужого языка и культуры у Э. Сафарли соответствует преимущественно первой, третьей и шестой ступеням пирамиды. Это 1) физиологические потребности (усвоение понятий, связанных с приемом пищи); 3) потребность в принадлежности к общности (этикетные формулы, обращения); 6) эстетические потребности (усвоение понятий из сферы шоу-бизнеса, развлечений). В то же время эстетические потребности при освоении турецкой лингвокультуры оказываются для автора гораздо более значимыми, чем потребность в безопасности, потребность в уважении и почитании и даже чем познавательные потребности.

Освоение турецкой лексики происходит у Э. Сафарли, как и у предыдущих авторов, типичнейшими для русского текстообразования способами — грамматико-морфологическим и грамматико-синтаксическим. Турецкое слово, как и английская лексика, а также иврит, подчиняется законам русского словоизменения, «встраивается» в русскую грамматико-синтаксическую систему. Приведем лишь некоторые примеры, свидетельст-

вующие об этих типах русификации турецкой лексики.

Словоизменение: *Пойраз слушает меня. Я слушаю его. С ним я другой. Совсем не такой, как с лодозОМ — теплым южным ветром. У лодозА свои преимущества — сравнивать его бессмысленно с пойразОМ.*

Предикативные конструкции:

- *Когда в Стамбул ПРИХОДИТ МЕЛЬТЕМ* — сухой летний ветер, я покидаю город души.
- *ПОЙРАЗ БОЕВОЙ* — во времена существования Османской империи полководцы на него молились.

Предложно-падежная сочетаемость:

- *Ем* (что? — вин. пад.) *БАТЛЫДЖАН ЭЗМЕСИ* — холодный турецкий салат из баклажанов, приготовленных на углях.
- *Готовлю* (что? — вин. пад.) *САЛДЖАЛЫ КЕФТЕ*.
- *Там каждый день меня встречает призыв* (к чему? — дат. пад.) — к *САБАХ-НАМАЗУ*, доносящийся со стороны царственной Айя-Софии.
- *Еще до слуха доносится дребезжание* (чего? — род. пад.) *пустых БАРДАКОВ* („стаканов“), подпрыгивающих на железных подносах сутливых официантов чайханы.
- *В тот момент она раскатывала тесто* (для чего? — род. пад.) для *ДЮШБАРЫ*.

Обращения:

- *Поверь мне, ОГЛУМ* (сынок), — говорит седовласая турчанка, поднимая руки к небу.
- *Гюльбен, ДЖАНЫМ* („душа моя“), отчасти мне удалось вернуться благодаря тебе.
- *Скучал, АБИ* („брат“).
- *ЭФЕНДИМ* („господин“), у вас очень красивая супруга.
- *Сапит* („родная“), мама с тобой не только в этот день.

К грамматически не освоенным или частично освоенным заимствованиям относятся прежде всего имена собственные, которые, будучи «встроенными» в систему русского словосочетания и предложения, часто остаются в оригинальной форме:

- *Мы находились на скалистом острове в середине Босфора. В ресторанчике на втором этаже КЫЗ КЮЛЕСИ* („Девичьей башни“).
- *Завтракали в кафешках на ИСТИКЛЯЛЬ ДЖАДДЕСИ* (Площади Независимости в центре Стамбула).
- *Оттуда отправляемся на МИСИР ЧАРШЫСЫ* (Египетский базар).

Неосвоенными остаются и некоторые слова и выражения: *У тебя красивое лицо, ЧОК НУРЛУДУР* („очень лучезарное“).

Таким образом, грамматическую сторону механизма первичной диффузии турецкой лексики в русском тексте можно вкратце свести у Э. Сафарли а) к русифицированию падежных окончаний; б) русифицированию структуры словосочетаний; в) русифицированию структуры простого предложения; г) русифицированию выражений этикетного характера, в частности обращений. Неосвоенными чаще всего остаются имена собственные: их грамматическая диффузия в русскоязычном тексте затруднена по ряду внеязыковых и внутриязыковых причин.

О трудностях вхождения в чужую культуру и чужой язык говорят сами авторы указанных текстов. По этому поводу Э. Лимонов пишет: «Все мы русские. Привычки, все-разъедающие привычки моего народа въелись в них и, может быть, разрушили». Д. Рубина замечает: «...О, этот проклятый, естественный для ребенка и такой мучительный для сорокалетнего человека процесс узнавания букв другого языка и складывания их в слова».

Как показал материал трех текстов, когнитивные процессы при первичном вхождении в чужую лингвокультуру во многом носят индивидуальный характер. Они зависят от целого ряда личностных факторов: возраста, биографии, опыта человека, поставленных и решаемых им задач и т. д. Когнитивные процессы этого рода зависят и от целого ряда внешних факторов: положения страны иммиграции на международной арене, политических событий, происходящих в тот или иной момент, экономики страны, степени ее религиозности и др. Не претендуя на создание исчерпывающего списка, в заключение отметим следующие общие для трех авторов черты.

1. Заимствования чужих понятий и соответствующей им лексики осуществляются человеком на основе свободного выбора, без какого-либо (экономического, политического, военного и др.) давления извне.

2. Высокая степень пластичности русского языка и русского текста позволяет без усилий «встраивать» понятия иной лингвокультуры в человеческое сознание, сформировавшееся под влиянием российской лингвокультуры.

3. А. Я. Гуревич выделяет две группы категорий, образующих целостную картину мира. Это категории космические (время, число, судьба, пространство, форма восприятия действительности) и социальные (индивид, социум, труд, собственность, богатство, свобода, правда и справедливость) [Гуре-

вич 1984]. Анализ указанных выше текстов показал, что, отбирая идущие от чужого внешнего мира впечатления и преобразуя их в свой внутренний опыт, человек отдает предпочтение второй группе — социальным категориям. Из первой группы во внутренний опыт человека быстрее всего входят понятия пространственные, дающие возможность ориентироваться в чужой географической и социальной среде.

4. Диффузия чужих лингвокультурных понятий и соответствующей им лексики далеко не последовательно коррелирует с пирамидой потребностей А. Маслоу. Если в личный тезаурус Э. Сафарли моментально «встраивается» турецкая лексика, связанная с первой ступенью пирамиды — физиологическими потребностями (едой), то у Э. Лимонова англоязычной лексике этого рода отводится незначительное место, а у Д. Рубиной названия блюд и напитков на иврите не используются вообще. Однако в произведениях всех трех авторов большое место занимает иноязычная лексика, связанная с коммуникацией (обращения, именованная лиц, этикетные формулы, устойчивые выражения, направленные на установление и поддержание контакта). Вступает в действие первоочередной когнитивный механизм, связанный с потребностями социальными (принадлежность к общности, быть принятым, любить и быть любимым, компетентность, достижение успеха, одобрение, признание).

5. Данные тексты свидетельствуют о частичной языковой ассимиляции при вхождении в чужую лингвокультурную среду. Лексическая ассимиляция идет быстрее, чем грамматическая, о чем свидетельствуют многочисленные повторы иноязычных слов и некоторых выражений, органично и естественно включаемых в текст. Со своей стороны, грамматическая ассимиляция иноязычной лексики весьма и весьма затруднена: всем трем авторам свойственна русификация форм словоизменения последней, русифицированная структура словосочетаний, включающих иноязычные слова, словообразование по продуктивным русским моделям и т. д. Иными словами, при достаточной степени пластичности сознания при усвоении иноязычной лексики можно говорить о ригидности, непластичности когнитивных процессов, связанных с грамматическим освоением иноязычных слов. Таким образом, есть известная декорреляция между очень высокой степенью пластичности русского языка и текста и лишь частичной пластичностью когнитивных механизмов порождения последнего.

Взятый нами материал показал, что когнитивные процессы, происходящие в начале

вхождения индивида в чужую лингвокультуру, — это процессы интегративного типа. Следующей ступенью является полная ассимиляция. Однако в ряде случаев, по утверждению исследователей, возможны сепарация и маргинализация, т. е. процессы поляризационного типа. Все они нуждаются в детальном исследовании в самое ближайшее время. Мир меняется — хотим мы этого или нет! — и задача ученых — отслеживать, анализировать, обобщать и прогнозировать происходящие в нем перемены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбарова Ю. А.* Межкультурные коммуникации: история. Теория. Методология. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007.
2. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. — Благовещенск : Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
3. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М. : Высш. шк., 1984.
4. *Ефименко Т. Н.* Вхождение иностранной лексики в деловой английский // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. Воронеж : ВГУ, 2008. С. 45—50.
5. *Лимонов Э.* Иностранец в смутное время ; Это я — Эдичка. — Омск, 1992.
6. *Русская литература в Израиле* // Электронная еврейская энцикл. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13624>.
7. *Садохин А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. — М. : Высш. шк., 2005.
8. *Стадников М. Г.* Межкультурная коммуникация. — СПб. : СПбГУ, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

**ПОВЕРХНОСТИ ПРОТЕСТА:
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПИСЬМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Показывается, как городское публичное пространство и его поверхности располагают субъекта к протестному письму. Городское публичное пространство может рассматриваться субъектом протеста как сумма поверхностей, на которые может накладываться протестный текст. Протестное письмо рассматривается в контексте массового политического протеста в России, актуализировавшегося в конце 2011 г. и повлекшего за собой развитие уличных арт-активистских практик, ставших частью политического дискурса.

Ключевые слова: акция; дискурс; политический перформанс; поверхность письма; протест; политический текст; публичное пространство.

Сведения об авторе: Скиперских Александр Владимирович, доктор политических наук.

Место работы: независимый исследователь.

Контактная информация: 399770, г. Елец, ул. Свердлова, д. 13.

e-mail: pisatel@mail.ru.

**SURFACE OF PROTEST:
POLITICAL LETTER
IN MODERN RUSSIA**

Abstract. The article shows how urban public space and its surface stimulate the subject to a protest letter. Urban public space can be considered as a subject of the protest sum of the surfaces, which can be superimposed on the text of the protest. The protest letter writers considered in the context of mass political protests in Russia, have been updated at the end of 2011, and entailed the development of street art activist practices that have become part of the political discourse.

Key words: action; discourse; political performance; the surface of the letters; protest; political text; a public space.

About the author: Skiperskikh Alexander Vladimirovich, Doctor of Political Science.

Place of employment: Independent Researcher.

Наряду с традиционными исследовательскими фокусами, рассматривающими политическое участие исключительно как попытки инкорпорации в политический процесс в каких-либо институционализованных формах, может существовать и другой взгляд. Регистрация политических ситуаций и акторов исключительно в рамках самой системы и вписанности в нее оставляет вне исследовательского интереса множество социальных групп и сообществ, не связанных с самой политической системой строгими соответствиями и обязательствами, но вместе с тем периодически артикулирующих требования правящим элитам на разных уровнях политики с помощью особого языка.

Выразительность протестного письма, а также объем покрытых им поверхностей значительно увеличивается в периоды социальных трансформаций. Туристы, посетившие Париж после мая 1968 г., рассматривали революционные надписи в Сорбонне, словно это были музейные экспонаты. Декабрьские события Евромайдана 2013 г. в Киеве уже оставляют после себя огромное «наследие» протестного письма. Надпись черным маркером «Революционный трибунал» под вывеской Киевской городской администрации на Крещатике является, наверное, вполне адекватным отражением протестной орфографической ярости неизвестного автора.

Не является исключением и российская практика. Специфический ярлык несистемности, присвоенный социальным группам с артикулированными политическими интересами, пытавшимся проводить политику на улицах, стал элементом политического дискурса современной России после зимних митингов конца 2011 — начала 2012 г.

Автор данной статьи рискует потеряться в объективном многообразии несистемных групп, составивших протестную массу, в случае если его исследовательский фокус будет обращен на всё социальное тело протеста. В связи с этим ограничимся только частью его. Политический протест актуализировал политическое творчество несистемных групп, связанное с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории. В данной статье мы будем говорить именно об арт-активизме, практики которого получили развитие после московских «болотных» событий во многих крупных российских городах и в провинции. Временной континуум интересующего нас явления как раз и отсчитывается от первых уличных протестов декабря 2011 г. Что касается пространственного континуума, то им выступает городское публичное пространство, которое, несмотря на существующие расхождения в его концептуализации, всё-таки не может не пониматься как собрание людей в каком-то пространстве или месте.

Пожалуй, ни один город в современной России не избежал участи наложения на свои поверхности протестного письма. Письма, оставляемые социальными группами, испытывающими необходимость демонстрации собственных претензий на политический дискурс, всё чаще предназначаются аудитории. Мы попытаемся классифицировать данные поверхности.

На наш взгляд, следует различать три типа поверхности в городском публичном пространстве. Это сам город с его материальным капиталом, выступающий как поверхность письма (здания, крыши зданий, учреждения, вывески, дороги, улицы, уличные знаки, деревья, столбы, памятники, стены, остановки, рольставни, городской транспорт, железнодорожные вагоны и т. д.), человек как поверхность протестного письма (акты человека, одежда, причёска, ношение символов, перформансы и т. д.) и, наконец, протестная поверхность — коммуникации (блогосфера, социальные сети, журналистика, искусство, театр и т. д.).

Каждая из поверхностей, выделенная нами внутри того или иного типа, может располагать субъекта протеста к письму. Действительно, наблюдения показывают, что практически все поверхности в городском публичном пространстве могут быть использованы для протестных текстовых сообщений. При этом таковыми поверхностями могут представлять как места, где наблюдается повышенная публичная концентрация, так и заброшенные места, которые оказываются не востребованы как публичные пространства в условиях информационного времени. В любом случае, поверхность, располагающая субъекта протеста к письму, подвергается наложению протестного сообщения.

Необходимость заполнения пустого пространства — поверхности вполне четко просматривается в контексте диалектических схем, представляющих картину неустанной игры оппозиций, их взаимодополнения. На пустую поверхность всегда будет проситься определенное письмо, его субъект будет томим стремлением соединения собственной воли с данной поверхностью. Искусство граффити, фанатские надписи, хулиганские тексты и самое обычное признание в любви как раз и будут представлять собой акт субъекта в отношении пустого пространства, его протест против своеобразной пустоты и бессмысленности. Наоборот, уже наложенному протестному тексту может оппонировать стремление преодолеть его, стереть либо наложить на него новое письмо. Так школьная доска освобождается дежурными

от различных надписей, не имеющих отношения к новой реальности.

Вообще пустое место выступает в роли своеобразной «вогнутости», которая, если следовать логике Ж.-П. Сартра, должна быть обязательно заполнена «выпуклостью». Поверхность характеризуется определенной неисчерпаемостью, долгим движением вглубь, в то время как само письмо обладает для продвижения вглубь необходимыми характеристиками вертикальности — вхождения сверху.

О необходимости заполнения пустого места/пространства довольно убедительно высказался Ж. Делёз: «...пустое место — ни для человека, ни для Бога; сингулярности — ни общие, ни индивидуальные; ни личные ни универсальные. Все это пробегается циркуляциями, эхом и событиями, которые производят больше смысла, больше свободы и больше сил, чем когда-либо мечтал человек или когда-либо было постижимо для Бога. Задача сегодняшнего дня в том, чтобы заставить пустое место циркулировать, а до индивидуальных и безличных сингулярности заставить говорить, — короче, чтобы производить смысл» [Делёз, Фуко 1998: 109].

Кажется, что субъект протеста, волею обстоятельств уклонившийся от фронтальных столкновений с репрессивной политической машиной и сделавший выбор в пользу протестного письма, как раз и пытается заставить «говорить» пустое место, концептуализируя его и производя для места смысл.

Арт-активизм и предполагает поиск пустых мест/поверхностей, на которые предстоит выполнить наложение протестного письма. Если в крупных российских городах подобные практики могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся ввиду высокой концентрации политического в самом пространстве и вытекающей из этого довольно высокой конкуренции, то появление арт-активистских объективаций в российской провинции нельзя не рассматривать как усиление протестной активности «снизу», волею обстоятельств не сумевшей конвертировать собственную анонимность в публичный капитал.

Выявление поверхностей для протестного письма становится своеобразным итогом перемещений субъекта в городском публичном пространстве. Как однажды заметил австрийский исследователь Г. Рауниг, «ситуация и *derive* позволяют обследовать городской ландшафт для самых различных целей, от студенческой попойки до отыскивания подходящих мест для баррикад» [Рауниг 2012: 165].

Развивая мысль австрийского автора, отметим, что место отмечается письмом как неким свидетельством присутствия. Пространственные характеристики места наложения протестного письма как раз должны работать на создание места-концепта, продуцировать необходимые политические смыслы, которые требуют донесения до аудитории. Место-концепт само по себе объясняет политическую реальность, изображаемую в политической постановке. В частности, гипермаркет «Ашан», выбранный арт-группой «Война» для проведения акции «Памяти декабристов», изначально является местом-концептом, притягивающим новые смыслы и знаки [Эпштейн 2011: 119—125].

То же самое можно сказать и про перформансы елецкой арт-группы «23:59», производящей места-концепты, по-новому заставляющие говорить публичное пространство города. Протестный текст наносится на поверхность заброшенного вокзала, парка отдыха, горы, возвышающейся над Ельцом. Протестный текст начинает включать в себя те пространства, которые не связывались с протестом, но которым предстоит стать таковыми ввиду протестной политической маркировки.

Итак, мы акцентировали внимание на трех возможных типах протестной поверхности (город и его материальный капитал, человек и коммуникации). Каждый из выделенных нами типов выступает объектом — поверхностью, на которую накладывается протестное письмо. Письмо накладывается субъектом протеста, испытывающим необходимость протестного выражения. Таким образом, следует рассмотреть три варианта возможных субъект-объектных коммуникаций, связанных с нанесением протестного текста на поверхность:

- 1) субъект протеста — город и его материальный капитал;
- 2) субъект протеста — человек и его тело;
- 3) субъект протеста — протестная коммуникация.

СУБЪЕКТ ПРОТЕСТА — ГОРОД И ЕГО МАТЕРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. Что касается коммуникации «субъект — город», то она представляет собой столько возможностей для протестного письма, сколько есть поверхностей в самом городе. Наблюдение за протестным письмом показывает, что объектами письма могут выступать какие угодно поверхности, а политические практики арт-активизма с каждым годом становятся всё более изобретательными и изощренными.

Городское пространство оказывается наиболее уязвимым с точки зрения его расположенности к протестному письму, объе-

мы которого увеличиваются в зависимости от содержания политики. Так, известные события в Бирюлёво в октябре 2013 г. просто были обязаны вызвать всплеск практик протестного письма, что мы в итоге и увидели.

Ключевая причина креативной сублимации, на наш взгляд, скрывается прежде всего в анонимном характере протестного выражения, особенно актуальном в провинции. Безусловно, в мегаполисах гораздо выше вероятность сохранения анонимности собственного авторства в протестном тексте. То же самое можно сказать и об открытых формах противостояния власти — митингах, пикетах и т. д. Получается, что «в центре — митингующий подобен улитке, спрятавшейся в панцирную роговицу таких же несогласных. В провинции невозможно спрятаться в панцирь. Средств на такую теплую, предохраняющую одежду попросту нет. Поэтому, несогласный гражданин в российской провинции рискует, подставляя свое тело колючему ветру безжалостной критики и всевозможных уличений в проплаченности и ангажированности» [Скиперских 2012: 60].

Как мы уже отмечали, практически любая поверхность может быть «схвачена» письмом. В этом смысле показательно рассуждение одного из героев бунинского рассказа «Надписи»: «Говорят, что человек есть говорящее животное. Нет, вернее, человек есть животное пишущее. И количеству и разнообразию человеческих надписей — если уж говорить только о надписях — положительно нет числа. Одни вырезаны, выбиты, другие начертаны, нарисованы. Одни собственной рукой, другие рукой наследников, внуков, правнуков. Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия» [Бунин 1966: 172].

Герой Бунина здесь, говорит не только о способе нанесения письма, но и о непосредственных поверхностях протеста, потому как любая надпись сама по себе является контроверзой.

Неизбежность поглощения любой поверхности политическим изначально располагает любое письмо в контексте политического. Данное свойство поверхности не может не привлекать политических акторов, заинтересованных в объективации своих текстов. Если предположить, что политический процесс является неким нанесением письма, то попытка исключенных политических акторов демонстрации в нем собственных текстов не может рассматриваться иначе, чем некая форма политического участия.

Подобное инструментальное отношение к поверхности является частью протестной

философии. Другое дело, что актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю сталкиваться с самыми неожиданными поверхностями, на которые наносится протестное письмо. Например, в известном катехизисе ненасильственного сопротивления Д. Шарп, говоря о методах ненасильственного сопротивления, указывает такие любопытные формы протестного письма, как «надписях в воздухе (самолетами) и на земле (вспашкой почвы, посадкой растений, камнями)» [Шарп 2005: 101].

Политическая, экономическая и культурная ситуация в современной России, несомненно, располагает к протестному письму, провоцируя автора на неустанный поиск смыслов и их «схватывание» протестным письмом. Обусловленность протестного письма целым рядом факторов влияет на выбор средства письма.

Как правило, средства письма экологичны, поэтому спокойно укладываются на поверхность. Разве не выглядит экологично нанесенное бунинскими книгами письмо на отбитом постаменте памятника И. Бунину в г. Ельце? Именно так невнимание городской администрации к памятнику классика отметили акционисты арт-группы «23:59».

Если с помощью протестного письма создается ощущение естественности определенной политической ситуации (например, анонимный автор подрисовывает ружье или мешок с деньгами в руку пешехода на дорожном знаке пешеходного перехода), то и само выбранное средство для письма должно быть экологичным. Нанесенный на асфальт трафарет не должен мешать движению. Маркированная протестным письмом городская поверхность не должна разрушаться, даже наоборот, она должна как бы продолжаться письмом, надстраиваться им (как в случае с памятником).

Экологичность средств, с помощью которых наносится протестное письмо, заметна и на примере наномитингов в провинциальных городах современной России — «митингов без людей». Авторами протестных надписей являются либо игрушки и куклы (Барнаул, Томск, Апатиты), либо пластилиновые человечки (Данков и Елец в Липецкой области). Экологический характер подобных форм политического участия проявляется и в отсутствии проблемы «утилизации» средств протестного письма. Так, пластилиновых человечков в Ельце с удовольствием разбирали дети. Быстрая «утилизация» может быть связана еще и с проблемой экономичности бытия человека в российской провинции, что сказывается на его способности спокойно

принимать в дар отслужившие вещи, при этом без стремления приобретать их.

В качестве средств протестного письма зачастую используются наклейки, стикеры, баллончики с краской, с помощью которых изготавливается политическое граффити. На масштабность подобного явления и большие творческие способности субъектов протестного письма могут красноречиво указывать стены тоннелей и железнодорожных откосов. Сотни тысяч россиян ежедневно сталкиваются с протестными посланиями во время передвижений в метро и на поездах.

В некоторых городах России недовольство состоянием дорог вызывает к жизни активистские практики, во время которых ямы на поврежденном дорожном полотне обводятся и закрашиваются цветными мелками. Не так давно стала популярной технология наложения письма через заготовленные трафареты, причем данная практика является уже довольно распространенной как в столице, так и в провинции.

Привлекательность подобных технологий как способа выражения протестных настроений служит причиной институционализации протестного письма, появления структур, деятельность которых направлена на регистрацию и фиксацию поверхностей протеста, а также разработку и концептуализацию новых протестных месседжей.

СУБЪЕКТ ПРОТЕСТА — ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕЛО.

Еще одной формой поверхности протеста, равно как и средством письма, может быть тело самого субъекта протеста, которое изначально должно рассматриваться в протестном контексте. Эксперименты с телом всегда привлекают внимание и вызывают резонанс. Не потому ли для практик использования тела в качестве средства письма всегда характерна особая зрелищность?

Необходимо отметить, что изначально власть сильнее тела, потому как оказывает на него давление и принуждает его, дисциплинируя и подавляя. М. Фуко заметил как-то: «...тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [Фуко 1999: 39].

Протестный синдром в полном смысле затрагивает и тело индивида, пытающегося выскользнуть из сферы притязаний власти, и даже объявить о собственном несогласии.

В феврале 2012 г. арт-группа «23:59» на снежном склоне парка 40-летия Октября в Ельце выложила телами 12 человек слово «НАТЕ». После выполнения надписи на месте лежащих тел появились сотни зажженных

свечей, повторявших надпись, но уже огнем. Подобная акция представляет собой своеобразный ответ власти не в рамках существующих институтов, через созданные для этого механизмы (обращения, депутатские запросы, общественную палату и т. д.), а, наоборот, является моментальной, электрической рефлексией над конкретной проблемой. В данном перформансе прослеживается и литературная параллель: наряду с английским словом «НАТЕ» (ненависть) в нем можно усмотреть отсылку к известному тексту «Нате» В. Маяковского. Таким образом, изначально закладывается неоднозначность прочтения протестного сообщения.

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма продемонстрировал художник Петр Павленский, который 3 мая 2013 г. разделся догола и завернулся в колючую проволоку напротив здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга, а также в своей известной акции 10 ноября на Красной площади в Москве. Если говорить о каких-то исключительно жестких попытках эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности, можно вспомнить и перформансы О. Кулика, изображавшего собаку.

Протестное письмо может наноситься и на одежду, при этом сам факт использования конкретного цвета или элемента уже будет рассматриваться в протестном контексте. Важным значением наделяется и внешний вид. Вспомним, как герой С. Бодрова в самом начале фильма «Брат» в поисках клуба обращается к парням с ирокезами на головах.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всеобщим капиталом единственное, что осталось у человека и принадлежит ему — это его тело. В свете этого логично, что протестное письмо накладывается именно на него. Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируется в его теле и жизненном стиле. Соответственно сам человек со своим собственным телом превращается в некий политический концепт.

СУБЪЕКТ ПРОТЕСТА — ПРОТЕСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. Протестной поверхностью может быть и сама протестная коммуникация. Формы искусства и сами продукты, создаваемые субъектом протеста в их рамках, определенно могут располагать к нанесению протестного письма.

Искусство в каком-то смысле покрывает субъекта, на некоторое время оказывая ему защиту, хотя всё равно сквозь его формы проступает сам субъект, его характер и во-

ля. Тем не менее, как отмечает П. Андерсен, попытка говорить на языке искусства лежит в основе «любой протестной политики» [Андерсен 2011: 41].

Творчество субъекта пишется языком протеста и объективируется в многообразии поверхностей — в Интернете, литературе, живописи, кино, театре, архитектурных формах. Разве тенденция к организации экопоселений вдали от цивилизации не является протестным вызовом со стороны субъекта?

В политической истории СССР, равно как новейшей истории России, достаточно примеров, когда испытывающий необходимость выражения субъект пытался находить собственную поверхность протестного письма и вместе с ней — свой неповторимый стиль. Чтения в Политехническом музее, «Бульдозерная выставка», многочисленные квартирники, перформансы А. Монастырского и группы «Коллективные действия», изобретавших свой язык, а вместе с ним и даже «Словарь терминов московской концептуальной школы» — все эти примеры только подтверждают применимость определения данных форм коммуницирования с аудиторией в качестве протестных поверхностей.

Безусловно, подобное протестное творчество и освоение новых протестных поверхностей не может быть самостоятельным ввиду постоянного давления авторитетных гиперссылок. В частности, протестное творчество елецкой арт-группы «23:59» очень сильно зависит от гиперссылок на тексты А. Камю, Л. Толстого, М. Горького, И. Бродского, В. Маяковского.

В любом случае подчинение протестным письмом самой коммуникации является довольно опасным симптомом для власти, попытавшейся после зимних митингов конца 2011 — начала 2012 г. систематизировать протест, обусловить его значительными правовыми спецификациями. Власть привыкла к мысли о полной просматриваемости всех коммуникаций, поэтому «любое альтернативное и анонимное действие и творчество, способное актуализировать вопрос о существовании где-то у нее под боком независимого и самостоятельного субъекта, склонно значительным образом досаждают ей» [Скиперских 2013: 145].

Таким образом, значительное увеличение несистемной компоненты в российском политическом процессе, произошедшее после «болотных» событий, оказывается прямо пропорциональным увеличению объемов поверхностей, охваченных политическим протестным письмом. В пользу нашего вывода свидетельствуют и определенные за-

коны развития политических процессов. В частности, появление ограничений на присутствие в политическом процессе для некоторых акторов прямо или косвенно способствует радикализации и маргинализации их политического творчества.

Проанализированные нами практики арт-активизма, объективирующегося через протестное письмо, могут увеличивать свои объемы в случае попыток их подчинения и подавления со стороны репрессивных политических институтов и самого государства. Наоборот, в случае, если со стороны репрессивных институтов нет какой-либо реакции на протестное письмо, то его субъекты оказываются в ситуации неопределенности, когда нет ощущения правильного выбора форм и средств, раздражающих власть. Безусловно, подобная тактика со стороны власти может в какой-то степени сыграть на снижение объемов протестного письма. Как будут разворачиваться дальнейшие события в России и как будут над ними рефлексировать субъекты протестного письма — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсен П.* Истоки постмодерна (пер. с англ. А. Аполлонова). — М. : Территория будущего, 2011.
2. *Бунин И. А.* Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. — М. : Художественная литература, 1966.
3. *Делёз Ж., Фуко М.* Логика смысла. *Theatrum philosophicum* / пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Паритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
4. *Рауниг Г.* Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012.
5. *Скитерских А. В.* Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). — Липецк : Гравис, 2013.
6. *Скитерских А. В.* Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 2—3. С. 58—70.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. — М. : Ad Marginem, 1999.
8. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. — Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005.
9. *Эшштейн А. Д.* Арт-активизм в отсутствие публичной политики. Группа «Война»: от зарождения к российской известности // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 105—129.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Е. В. Шустрова Е. V. Shustrova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПОСТУПОК ЭДВАРДА СНОУДЕНА
И ЕГО МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ ГРАФИКЕ**

**EDWARD SNOWDEN & HIS DECISION
IN METAPHORS OF AMERICAN
POLITICAL CARTOON**

Аннотация. Описаны основные образы, которыми Э. Сноуден наделялся в американской карикатуре. Приведены основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании карикатурных образов.

Abstract. The paper investigates basic images that were applied to Edward Snowden in American caricature. We also give examples of transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyze images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons.

Ключевые слова: концептуальные модели; метафорический образ; политический дискурс; политическая карикатура; Эдвард Сноуден.

Key words: conceptual models; metaphoric image; political discourse; political cartoon; Edward Snowden.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.

Не будет преувеличением сказать, что одним из самых ярких и скандальных политических событий лета 2013 г. стал побег бывшего агента спецслужб США Эдварда Сноудена, его долгое пребывание в транзитной зоне московского аэропорта «Шереметьево» и разрешение остаться в России в течение ближайшего года. В рамках направления, разрабатываемого школой «Политическая лингвистика» проф. А. П. Чудинова, мы провели небольшое исследование и попытались установить, к каким последствиям это привело на уровне политического креолизованного текста, в частности политической карикатуры. Основу материала исследования составили порядка 100 карикатур, появившихся в США в период июня — октября 2013 г. Стоит отметить, что эта тема достаточно болезненно воспринимается американским обществом. Многие карикатуры, критикующие позицию США, было или невозможно скачать, или они фигурировали на копиях страничек практически сразу закрытых сайтов, или при попытке их закачивания начиналась атака вирусов. Тем не менее удалось собрать довольно представительный материал.

Одна из самых частотных метафорических моделей — это модель «Человек — это насекомое». В данном случае получился ряд фреймов: «Сноуден — это муха», «Сноуден — это комар, москит», «Власти США — это лягушка», «Власти США — человек,

страдающий от укусов», «Власти США / президент США — это человек с сачком, некто, охотящийся на насекомых». Безусловно, частотность этой модели продиктована омонимичными значениями существительного *fly* и глагола *to fly*. У существительного фиксируются следующие значения: а) двукрылое или летающее насекомое; муха; б) насекомое-вредитель (как о вредителях злаков, так и о вредителях скота); в) насекомое-наживка; муляж насекомого, используемый как наживка, нахлыстовая мушка; г) шпион, соглядатай; полицейский, полисмен. Второй блок значений связан с полетом насекомого и воздушных средств, в том числе и самолета. У глагола в качестве основного выступает значение «летать (о насекомом, птице)». Оно распространяется и на воздушные суда: летать (на самолете), выполнять полет, пилотировать. Вся совокупность этих значений легко переносится на ситуацию с Э. Сноуденом, который перемещался из страны в страну на самолетах, был остановлен в транзитной зоне аэропорта, *попортил* немало крови администрации США, нанес вред спецслужбам США, в прошлом сам работал агентом спецслужб. Одновременно Э. Сноуден воспринимался не только как человек, искренне шокированный ситуацией в своей стране, но и как человек, спровоцировавший очередную волну напряженности в отношениях между США и Рос-

сией, что вполне могло входить в планы американской стороны. Эти первые, основные значения дали дальнейшее метафорическое развитие и спровоцировали появление моделей «Власти США — это лягушка», «Власти США — человек, страдающий от укусов», «Власти США / президент США — это человек с сачком, некто, охотящийся на насекомых». При этом ни лягушка, ни Дядя Сэм не в силах справиться с мухой и комаром. Искусанному Дяде Сэму остается только сказать, что «звенящий» в ночи комар, конечно, очень раздражает, но остается надеяться, что он не укусит (рис. 1). В случае с измотанной лягушкой (рис. 2) на ум сразу приходит слово *swamp* — а) болото, топь; б) трясина (при этом словарь в качестве основного сочетания предлагает *financial swamp* — финансовая трясина). Как глагол, образованный путем конверсии от существительного, *to swamp* может содержать метафорическое значение «заглушать, подавлять», что очень хорошо накладывается на ситуацию в США.

Образ агрессивного Дяди Сэма с сачком, охотящегося за самолетами (рис. 3), был спровоцирован обыском самолета президента Боливии властями Австрии. Стоит вспомнить, что до этого войти в свое воз-

душное пространство тому же самолету запретили власти Португалии, Испании, Франции и Италии. Карикатура также намекает на воздушное перемещение самого Э. Сноудена сначала с территории США в Гонконг, а потом в Россию, где он был вынужден остаться из-за аннулированного паспорта. Вспомним и о вторичном, уже упомянутом значении слова *fly* — «шпион». Именно борьбой с вражескими агентами и террористами власти США объясняют необходимость тотальной слежки. Эта же ситуация обыграна и в образе Б. Обамы, пытающегося накинуть сачок на непослушного мальчишку Э. Сноудена, который прячется и строит рожи из-за спин царя Владимира Путина и властей Китая (рис. 4). Это сразу вводит еще две вполне традиционные модели: монархическую (Россия — это монархия, президент — это царь) и преуменьшения, когда взрослый человек изображается как неразумный ребенок. Внизу карикатуры подпись: *With „friends“ like these... — С такими «друзьями»...* Это часть пословицы, которая появилась в американском английском как калька с идиша. Целиком она звучит так: *With friends like these who needs enemies? — С такими друзьями разве нужны враги?*

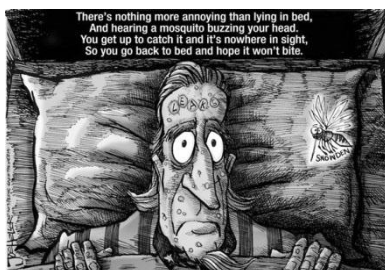

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

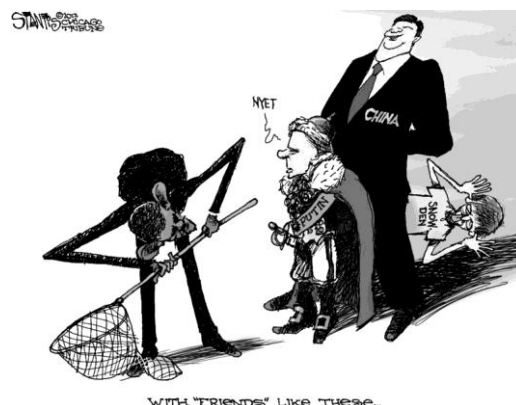

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Следующая частотная модель — «Человек — это животное», в нашем случае кот и мышь. Мышь — это, конечно, Э. Сноуден, который либо вырывается из когтей орла, либо прыгает из ловушки в ловушку, либо наблюдает со стороны за действиями кота, либо играет в компьютерную игру «Кот против мыши Сноудена» (рис. 5, 6).

В ряде случаев Э. Сноуден остается на карикатурах в человеческом образе, но на него расставлена мышеловка, что позволяет соотносить человека с грызуном. При этом человек умудряется остаться человеком и оставить в захлопнувшейся ловушке только следы своего пребывания (см., например, рис. 7). Такие образы продиктованы рядом семантических переносов. Конечно, есть соотношение *слабый — сильный, жертва — хищник*. Власти США не задержали Э. Сноудена на Гаити, видимо, потому что нуждались в дополнительных доказательствах его вины и были в полной уверенности, что смогут поймать его в любой момент на территории других стран. Это действительно напоминало игру кота с мышью. Только, судя по карикатуре, кот несколько набрал в весе и утратил прежнюю ловкость. Следующий момент. Любая мышь или крыса — это грызун, а грызун — это вредитель. В данном случае тоже всё довольно прозрачно. И наконец, В. В. Путин, критикуя власти США, сказал, что они заперли Э. Сноудена в России, поймали его в ловушку. По-английски это звучало так: *...trapped Snowden in Russia*. Слово *trap* как существительное переводится «капкан, силоч, ловушка; западня, засада», а как конверсивный глагол — «ставить ловушки, капканы; ловить в ловушку, капкан (в прямом и переносном значении)». Это слово и спровоцировало обилие подобных описанным карикатур (они появились позднее, чем карикатуры с насекомым).

На рис. 8 Э. Сноуден вновь соотносен с вредителем-грызуном: последствия его действий изображены как прогрызенная дырка в сыре, а в роли сыра выступает ухо Б. Обамы. Этот образ может пересекаться и с представлением Б. Обамы в виде замоч-

ной скважины. Кроме того, для данной карикатуры характерно уничижительное использование расовых особенностей, поскольку президент-афроамериканец напоминает Микки Мауса [См. подр.: Шустрова 2012, 2013].

Уже после того, как Э. Сноудену было официально разрешено остаться в России, появились карикатуры с изображением В. В. Путина, играющего в своеобразные «кошки-мышки» с администрацией Б. Обамы. Это сближает зооморфную модель с моделью «Политика — это игра», о которой мы скажем чуть ниже. Судя по рисунку (рис. 9), разъяренному коту вряд ли удастся дотянуться до мыши-Сноудена.

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Образ собаки, «сливающей» на Белый дом (рис. 10), продиктован рядом прямых и переносных значений глагола *to leak*. Интересно, что яркий метафорический образ поросенка, введенный В. В. Путиным, не стал популярным в карикатурах и появился всего один раз, когда «поросенок» был уже «обрит» (рис. 11).

Интересно, что модель «Человек — это птица» использовалась крайне скупой и даже не напрямую по отношению к Э. Сноудену. Преимущественно в роли птиц фигурировали официальные лица США. Образ американского лысого орла (*bald eagle*) или белоголового орлана (*white-headed eagle*) вполне понятен и заимствован из национальной символики США. Второй пернатый образ — это индюк. С одной стороны, это тоже своего рода национальная эмблема

США, с другой — *turkey* может переводиться как «неудача, провал», «неудачная инвестиция» и «тупица, ничтожество; медлительный человек, тюфяк». На одной из таких карикатур (рис. 12), иллюстрирующих недавние события, связанные с целым рядом лиц, включая Э. Сноудена, индюк, глядя на нечто, напоминающее белоголового орлана, радостно восклицает: *I know... You're an American bald whistle blower!* Дословно перевести это достаточно сложно — теряется много переносных смыслов. Во-первых, здесь использованы контрарные значения лексемы *bald*. Она может переводиться так: а) лысый; б) открытый, явный, прямой; в) неприкрытый (о недостатках); г) неприкрашенный, неукрашенный. Во-вторых, *bald* графически напоминает *bold*. Последнее прилагательное имеет следующие переводы: а) отважный, смелый, храбрый; б) сильный, энергичный; в) самоуверенный; г) бесстыдный, наглый. Теперь о слове *whistle(-)blower*, на основе которого построено графическое изображение. *Whistle blower* — это информатор в прямом смысле, а также человек, который сообщает собственному руководству, властям или СМИ о недостатках либо злоупотреблениях в деятельности своей организации. Есть и более позитивное значение — «активный гражданин, который предаёт гласности наблюдаемые или предполагаемые факты нарушения закона; инициатор расследований, источник информации; разоблачитель, свидетель». Менее приятно звучит «правдолюб, человек, который открыто критикует деятельность своей организации». Шумиха и противоречивые настроения в американском обществе во многом продиктованы этим двойственным отношением к «свистящим в свисток», которое фиксируется и на уровне словарей. С одной стороны, такие действия можно рассматривать как нарушение корпоративной этики, что и было сделано в отношении Э. Сноудена в консалтинговой фирме «Booz Allen Hamilton», ставшей его последним местом работы в США. С другой стороны, в 1989 г. в США был принят так называемый «The Whistleblower Protection Act of 1989» — закон «О защите федеральных служащих, информирующих о недостатках в работе своих ведомств», в соответствии с которым действия Э. Сноудена не только легальны, а просто необходимы, продиктованы всё тем же чувством корпоративной этики и желанием защитить национальные интересы. Вернемся к рисунку. Собранные воедино смысловые нюансы дают следующие значения: «американский честный активист», «американский храбрый борец за правду», «амери-

канский самоуверенный правдолюб», «американский наглый информатор», «американский предатель, вышедший из тени». Если принять во внимание национальную символику, то карикатура подразумевает следующую характеристику властей США: «смелые американские власти», «самоуверенные, наглые американские власти» и «американская политика, полная непристойных фактов». Кроме того, рот у «свистка», судя по всему, зажат, и о свисте приходится только мечтать.

Следующая модель, «Человек — это природное явление», обусловлена двумя основными причинами. Во-первых, побег Э. Сноудена, видимо, был неожиданным для властей США и грянул как гром среди ясного неба (английский аналог этого выражения — *out of a clear blue sky*). В связи с этим Э. Сноуден может представлять как грозное облако, набежавшее на небо американской политики и пролившееся на администрацию Б. Обамы (рис. 13). Здесь интересен синонимический ряд. В числе многих других к происходящему на карикатуре применимы следующие единицы: *wet, to wet, to drench, a shower, to shower*. Прилагательное *wet*, помимо основного значения «мокрый, влажный», может переводиться как «а) мокрый, влажный от слез; плаксивый, слезливый; б) вспотевший, влажный от пота, покрытый испариной; в) дурацкий, глупый, несуразный». Кроме того, есть два выражения, подходящих к данной ситуации: *talk wet* — «говорить глупости» и *a wet blanket*, обозначающее личность, которая отбивает весь энтузиазм, как мокрое одеяло сбивает огонь (выражение *to throw a wet blanket* — «отбить энтузиазм» — очень популярно в американском английском). Судя по этим значениям, Б. Обама еще долго будет покрываться испариной от ужаса, рыдать и пытаться дать смешные оправдания, весь его энтузиазм сразу испарится. *To drench* в прямом значении — «промокать насквозь», в переносном — «вливать лекарство (животным)», как существительное в метонимическом значении — «большая доза лекарства (для животных)», т. е. лошадиная доза отрезвляющего для США. *A shower* тоже располагает большим рядом значений. Среди них: а) намокание, промокание; б) проливной дождь; в) ливень, ливневый дождь; г) обильные атмосферные осадки (снег, дождь, град); д) душ; е) поток (слез); ж) множество, «град» (пуль, вопросов); з) сокращение от *shower party* — вечеринка, прием с вручением подарков. Как глагол *to shower* можно перевести так: а) идти (о проливном дожде, ливне); б) литься

поток, сыпаться (о слезах, искрах, пыли и т. п.); в) сыпать, щедро наделять (чем-л.); г) забрасывать; осыпать (чем-либо, например, тухлыми яйцами); д) орошать, поливать; е) усыпать, усеивать (блестками, цветами и т. п.); ж) принять душ. Получается, что администрация США после «слива» информации примет отрезвляющий душ, получит множество непредвиденных «подарков» от других государств, будет вынуждена отбиваться от града неприятных вопросов и горько рыдать.

Рис. 13

Во-вторых, к использованию такой модели располагает сама фамилия *Snowden*. Если допустить, что фамилия образована способом простого соположения корней (что очень типично для английского словосложения), и разложить ее на морфемы, то выделятся две составляющие — *snow* и *den*. Оба слова могут использоваться и как существительное, и как глагол. Посмотрим на их значения. *Snow*: 1) *сущ.* а) снег, снега, снежный покров; б) снегопад; 2) *гл.* а) идти (о снеге); б) сыпаться (как снег); в) запорашивать, покрывать снегом. В переносном значении *snow* — это кокаин, а также, через расширение, — любой наркотик, дурман, как конверсивный глагол — «нюхать кокаин» или «оказывать дурманящее действие». Интересно и сленговое выражение *snow job*, т. е. «заговаривание зубов с одновременным запудриванием мозгов» (что-то типа «работы по заметанию»). В профессиональном компьютерном подъязыке и радиоэлектронике есть значение «телевизионная помеха типа „снег“». Здесь *snow* также выступает синонимом словосочетания *video noise* — «виде шум, видеопомехи, случайные точки интерференционных помех на экране монитора, шум в полосе частот видеосигнала».

Теперь *den*. Первое значение существительного *den* — «берлога, логово, нора»; основное переносное значение — «убежище, укрытие, приют». Как глагол слово может переводиться так: а) жить в берлоге, зимовать в берлоге; б) уходить в берлогу, скрываться в берлоге; в) находиться в приюте. Есть еще две аббревиатуры: 1) DEN (*Directory-Enabled Network*) — «сеть, поддержи-

вающая службу каталога; спецификация DEN — спецификация, разработанная группой DMTF по инициативе „Cisco“ и „Microsoft“. Добавляет к спецификации CIM информацию о пользовательских настройках, приложениях и сетевых сервисах» и 2) DEN (document enabled networking) — «сетевой режим, поддерживающий работу с документами».

Если собрать всё воедино, у нас получится такой набор: *Snowden* — это человек, сумевший одурманить и обмануть мир, начиная с властей США, на которых он не иначе как наслал порчу. Порчу он наслал и на электронные системы, внося в них жуткую неразбериху, нарушив сигнал и доступы к информации. После этого он нашел «приют в снегах» в берлоге медведей. Если вспомнить о первой ассоциации, которая возникает у большинства американцев при упоминании России, легко провести аналогию. Ну а когда снег начинает таять, к нему легко применим уже упомянутый глагол *to leak* — «а) пропускать жидкость, иметь течь; б) просачиваться, течь (о жидкости); в) выдавать, раскрывать, сообщать (секретные сведения)». Если продолжить языковую игру, то фамилия *Snowden* может быть созвучна еще двум единицам: *to snow down* и *a snowman*. Первая из них — фразовый глагол, у которого послелог просто усиливает значение первого элемента, показывая, насколько сильно всё покрыто снегом, запорошено. Эта единица может означать и снежную бурю. Именно это обыграно на карикатуре, предсказывающей политический метеопрогноз для Вашингтона (рис. 14).

Карикатуры со снеговиком (*snowman*) построены и на обыгрывании первого элемента фамилии Э. Сноудена, и на соотношении со снегами России, и на метафорической связи с таянием, дающим поток информации. Если посмотреть на рис. 15, то там использован следующий ряд. Существительное *heat* может означать не только жару, нагревание, но и гнев, пыл,

раздражение, ярость, приступ гнева, ярости, а также допрос с пристрастием. Прилагательное *frosty* переводится как «морозный» и «ледяной, холодный, враждебный». Имя *Frosty the Snowman*, с одной стороны, хорошо известно по детской новогодней песенке про снеговика, который сначала бегал по заснеженным горкам вместе с толпой ребятни, а потом растаял, но просил детишек не плакать и обещал вернуться (*Then he said "Good-bye, don't you cry. I'll be back to you some day"*). С другой стороны, *Frosty the Snowman* на сленге означает «торговец кокаином», что в контексте этой карикатуры несколько напоминает наше «Почем опиум для народа?». На рисунке изображен *Frosty the Snowden*, вызвавший гнев властей США и весьма большой части американского общества, враждебно настроенный по отношению к своей собственной стране, сливший информацию после допросов КГБ, заставивший побегать за собой спецслужбы, вызвавший потоки слез и оказавшийся обманщиком, продающим секреты, не стоящие выеденного яйца. На рис. 16 обыгрывается несколько вторичных значений. Начнем с лексемы *cold*. Как прилагательное в основном значении она переводится «холодный», что делает ее синонимом *frosty*. Переносные значения таковы: а) холодный, не приветливый; б) равнодушный; в) беспристрастный, объективный, незаинтересованный; г) без сознания; мертвый; д) выдохшийся, слабый, потерявший силу. Устойчивое выражение *be out in the cold* означает «оказаться лишним, быть обойденным; остаться в дураках, остаться с носом». Есть еще компьютерная аббревиатура COLD (computer output to laser disk) — технология записи данных с выхода компьютера на оптические диски, — которая тоже участвует в смыслопроизводстве. Вспоминается и фразеологизм *to give / show smb. the cold shoulder* — оказать кому-либо холодный прием, принять кого-либо холодно, не приветливо.

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Вторая ключевая лексема, *snow*, нам уже знакома. Внизу карикатуры приведен вопрос: *Snowden or snowed 'em?* Получается, что при объективном рассмотрении Э. Сноуден просто обманщик, который сам остался в дураках, пытаясь провести мировую общественность. Все его «разоблачения» очень быстро потеряют силу, растают под солнцем по имени *Scrutiny* (тщательное расследование), а сам он, конечно, захочет вернуться домой и попросить прощения.

Пока было неясно, получит ли Э. Сноуден разрешение на временное пребывание в России, доминировали эти модели. После решения российских властей стала резко набирать частотность модель «Человек — это артефакт» с фреймами «Человек — это игрушка», «Человек — это предмет игры», которые параллельно соотносятся с фреймами «Политика — это игра», «Политика — это спорт», «Политик — это игрок», «Политик — это спортсмен». Самый простой вариант — соотношение положения Э. Сноудена

Рис. 18

с прятками в нашей матрешке. Таких карикатур много, и они вполне прозрачны (см., например, рис. 17, 18).

Интереснее карикатуры, на которых мировая политика становится игрой, а политики — игроками. Это может быть детская игра или детские взаимоотношения. На одной из таких карикатур (рис. 19) В. В. Путин предстает как хулиганистый подросток, отобравший плюшевого мишку у малыша Б. Обамы. Карикатурный президент США заливается слезами (о соответствующих переносных значениях мы уже упоминали выше), капризничает и пытается угрожать. Но вот пообещать в отместку ему нечего, и сила явно на стороне В. В. Путина. Примечателен карикатурный рост двух президентов, не соотносимый с реальностью. Влияние оппозиции «UP — vs. DOWN» налицо. Б. Обама на карикатуре значительно младше, а значит, неразумнее и беспомощнее. И положение у него незавидное — своего мишку он вряд ли получит. Другая карикатура (рис. 20) тоже дает совершенно неправдоподобное представление о росте двух лидеров. Здесь крошка Б. Обама заключен внутрь стеклянного шара и становится игрушкой в руках российского президента. Все знают, что в такие стеклянные сувенирные шары часто запечатывают искусственный снег. В нашем случае снова обыгрывается фамилия бывшего агента, а шар становится весьма холодным и тесным приютом для американского президента. На «снеге» написано «*asylum*», что переводится как «приют; убежище»; «политическое убежище» (эти значения больше соотносятся с Э. Сноуденом) и как «(психиатрическая) больница», что больше подходит Б. Обаме.

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Довольно много карикатур с изображениями азартных игр, где российский президент явно выигрывает у неудачливого Б. Обамы, который наивно полагает, что В. В. Путин блефует (см., например, рис. 21). Игра может быть и нечестной, с точки зрения американского карикатуриста. На одном из таких рисунков (рис. 22) графический компонент объясняется английским выражением *to have an ace up one's sleeve* — иметь «козырь про запас», скрытое преимущество, буквально — «прятать туза в рукаве». Одна из возможных расшифровок аббревиатуры ACE — access-control equipment, т. е. аппаратура управления доступом, которая сейчас работает на Россию. Другой рисунок (рис. 23) представляет собой один из многочисленных примеров изображения В. В. Путина как наперсточника, успешно дурачащего Б. Обаму.

«Спортивные» карикатуры основаны на шахматной игре или игре в шашки и баскетбол. В первом случае вновь используется переносное техническое значение лексемы *chequers* — а) шашки (игра); б) шахматная доска. В американском английском *chequers* обычно пишется как *checkers*. В единственном числе этот лексико-семантический ва-

риант может превращаться в *checker* — а) проверочное устройство, проверочный блок; средство или устройство контроля; б) программа контроля, контролирующая программа. Судя по всему, контроль теперь осуществляет В. В. Путин, а вот Б. Обаме придется принять новые условия игры (рис. 24). Рис. 25 продолжает спортивную тему. В роли главного игрока выступает Дядя Сэм, который никак не может завладеть мячом в виде Э. Сноудена. Инициатива явно не на американской стороне.

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

SNOWDEN PLAYING HOPSCOTCH...

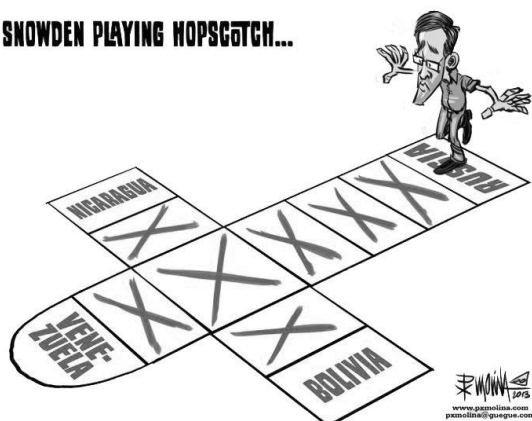

Рис. 28

Рис. 29

Из единичных образов, иллюстрирующих модель «Человек — это артефакт», можно привести карикатуру с подписью «Bullets flying» — «И пули свистят» (рис. 26). Пуля в виде Э. Сноудена «свистит» мимо самолета с представителями прессы, прчем о том, что это пуля, можно догадаться только по подписи: сам Э. Сноуден здесь больше

похож на ангела, пролетающего по своим делам (кстати, снова обыгрывается существительное *a fly* и глагол *to fly*).

Образ ребенка довольно часто применялся и по отношению к властям США, и по отношению к самому Э. Сноудену. На рис. 27 разочарование Белого дома по поводу решения правительства РФ описано в виде словарной статьи из детского словаря или словаря для начинающих. Слово *disappointment* разбито на слоги, потом приводится контекст — с этой целью цитируется выступление официального представителя Белого дома о глубоком разочаровании и недовольстве властей США в связи со сложившейся ситуацией. И наконец, как часто делается в словарях такого типа, рядом помещен рисунок со стандартной, с точки зрения карикатуриста, ситуацией разочарования. Это упавшее мороженое у зазевавшегося или неловкого ребенка. Еще одна ситуация, теперь детской игры в «классики», перенесена на Э. Сноудена (рис. 28). Слово *hopscotch* обладает еще и переносными значениями «прыгать с одного места на другое», «беспорядочно и быстро передвигаться», что вполне соответствует действиям Э. Сноудена.

Э. Сноуден в образе ребенка, своим нарядом несколько напоминающим Пинокио (это спровоцировано фотографиями Э. Сноудена в подростковом возрасте), весьма успешно проводит власти США (рис. 29). Напомним, что Пинокио в западной литературной традиции — один из ярких примеров трикстера.

Модель пути появлялась крайне редко. Один из таких примеров представлен на рис. 30, где Э. Сноуден плывет в утлой лодке в полном одиночестве. В руках у него зонтик (ср. переносные значения слова *umbrella* — прикрытие, укрытие; ширма; защита). Человек, лишившийся гражданства,

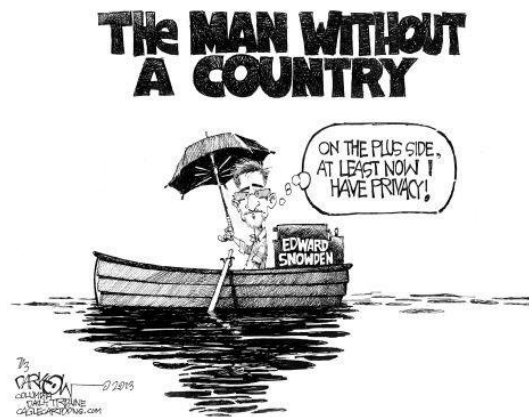

Рис. 30

утешает себя тем, что теперь, наконец, он обрел неприкосновенность сферы частной жизни. Еще одна карикатура сближает модели «Жизнь — это путь» и «Человек — это артефакт», изображая Э. Сноудена как забытый, невостребованный багаж на ленте трансформатора (рис. 31). Эта карикатура появилась уже после сообщения о разрешении на временное пребывание в нашей стране и может рассматриваться как свидетельство никчемности самого Э. Сноудена и его секретной информации.

Рис. 31

Конечно, были и остаются две метонимические модели «Э. Сноуден — герой» и «Э. Сноуден — предатель». Продиктованы они, как мы уже упоминали, разной квалификацией совершенных им поступков на юридическом и бытовом уровне. Сочетание несочетаемого и такое полярное отношение хорошо показано на карикатуре, использующей два (теперь уже, возможно, три) прецедентных имени в американской истории (рис. 32). Первое — это Бенедикт Арнольд (1741—1801), генерал, герой Войны за независимость, ставший позднее предателем и изменником: «В 1775 как капитан местных ополченцев принял участие в захвате у англичан форта Тикондерога (Fort Ticonderoga) в походе на г. Квебек-Сити; через год в октябре 1776 г. нанес

Рис. 32

поражение англичанам в битве при озере Шамплейн (Champlain, Lake). В июне 1778 г. был назначен военным комендантом г. Филадельфии. Вел расточительный образ жизни, наделал долгов и, обиженный на Конгресс, задержавший присвоение ему генеральского чина, вступил в тайную переписку с англичанами. В 1780 г. предложил англичанам секреты форта Уэст-Пойнт за 20 тыс. фунтов стерлингов. Бежал, получил звание генерала колониальных войск у англичан, уехал в Англию; умер, презираемый всеми. Имя Бенедикта Арнольда стало нарицательным именем изменника и предателя» [Американа 1996: 53]. Второе имя — это имя Натана Хейла (1755—1776), тоже прославившегося во время Войны за независимость: «Бывший школьный учитель, в самом начале войны ушел воевать добровольцем и вскоре получил звание капитана. Отличился в мае 1776 г. при обороне г. Нью-Йорка, а в сентябре, находясь в разведке на Лонг-Айленде (Long Island) в тылу англичан, был схвачен и повешен. Казнь состоялась на Манхэттене, в бывшем Артиллерийском парке (на том месте, где сейчас пересекаются Третья авеню и 66-я улица). Согласно легенде, перед смертью бросил в лицо врагам: „Я сожалею лишь о том, что могу отдать за родину только одну жизнь“ („I only regret that I have but one life to lose for my country“). Н. Хейл перефразировал строки из романтической поэмы Дж. Аддисона „Катон“. В 1893 г. на Бродвее рядом со зданием Сити-холла был открыт памятник герою (автор Фр. Макмоннис), на постаменте которого выбиты эти слова. Н. Хейл ставится в пример молодежи как герой и образец для подражания» [Американа 1996: 396]. Над карикатурным портретом первого надпись *traitor* — «предатель», над изображением второго слово *patriot* — «патриот». Третий персонаж — это Э. Сноуден. Для него придуман неологизм, полученный очень популярным в современном английском способом контаминации двух предыдущих лексем, *traitriot* — что-то вроде «предтриот».

Героическая модель появлялась реже, чем модель предателя, что вполне соответствует общим настроениям в США. В основном она появлялась не столько в карикатуре, сколько в уличной графике. Обычно параллельно обыгрывалась предвыборная символика и лозунги Б. Обамы. На рис. 33 слово «HERO» под портретом Э. Сноудена графически напоминает слово «HOPE», бывшее ключевым в риторике Б. Обамы. Буква «O» тоже совпадает с эмблемой Б. Обамы. Фотография Э. Сноудена могла быть окрашена в цвета, с которыми ассоциируется

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

Рис. 36

Б. Обама (рис. 34). На подсознательном уровне это должно было вызвать в памяти два заветных слова — «HOPE» и «CHANGE», — сопровождавшие изображения Б. Обамы, выдержанные в той же цветовой гамме. Были трансформации лозунга Б. Обамы «Yes, we can!» — «Да, мы можем!». Одна из таких трансформаций звучала как «Yes, we scan!» — «Да, мы вас пристально изучаем! Да, мы ведем слежку!» (рис. 35). Сам Б. Обама мог быть изображен как паяц, клоун (рис. 36), что, впрочем, не редкость для карикатурных

изображений действующего президента США, особенно в период его первого президентского срока.

Другие образчики «героической» графики либо использовали уже знакомое нам выражение *a whistle blower* (рис. 37), либо тоже строились на предвыборных символах Б. Обамы. Президентская символика из многообещающей превращалась в злоеущую. Так, круг, совпадающий с первой буквой фамилии президента США, и солнце внутри него становились злобным глазом, пристально следящим за всеми, включая Дядю Сэма (рис. 38). Или сам Б. Обама на своих предвыборных плакатах представал с округленными, увеличенными глазами, пристально наблюдающими за прохожими (см., например, рис. 39).

Мог использоваться и образ Конституции США. В частности, она изображалась как музейный экспонат, расположенный по соседству с моделью Агентства национальной безопасности (National Security Agency), в задачи которого входят радиоперехват, электронная разведка, защита правительственной информации и слежка. Как выясняется, у Конституции и Агентства теперь похожие прозвища — «Агентство, которого нет» и «Конституция, которой нет» (рис. 40). Теперь на мгновение вернемся к зооморфной модели. В роли динозавра, которые, как

Рис. 37

известно, вымерли, предстает право на частную жизнь, мимо которого проносится метеорит — National Security Agency (рис. 41). Если вспомнить, что метеорит — это космическое тело, которое входит в атмосферу Земли, т. е. нечто чужеродное, проникающее быстро, возможно, нежи-

данно, и способное вызывать разрушения и жертвы, то деятельность спецслужб предстанет как нечто опасное, но, видимо, неизбежное. Динозавры же наивно замечают, что «если нечего скрывать, то и бояться нечего», не понимая, что следующий метеорит может угодить прямо в них.

Рис. 38

Рис. 39

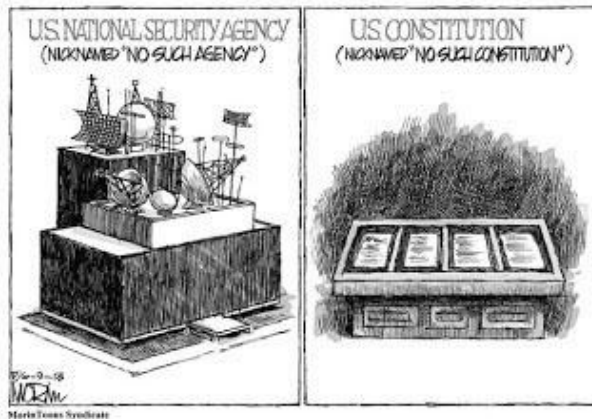

Рис. 40

Рис. 41

Рис. 42

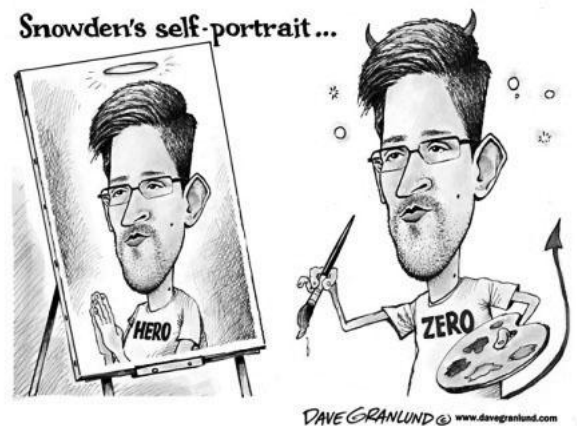

Рис. 43

Чтобы продемонстрировать образ предателя, приведем две карикатуры. На одной из них Э. Сноуден предстает в роли уличного торговца, по дешевке продающего американские ценности (рис. 42). На другой (рис. 43) появляются inferнальный и божественный персонажи. Никчемный чертик Э. Сноуден, полное ничтожество (*zero*), рисует автопортрет, превращая себя в ангела и героя (*hero*). Здесь сделана отсылка к «разоблачающим» сведениям о неудачной учебе и карьере Э. Сноудена, появившимся в США после его побега. В частности, в СМИ выражались сомнения, что «недоучка» и несостоявшийся солдат мог иметь доступ к ценной информации. Сам Э. Сноуден не скрывал, что сломал обе ноги во время тренировок на военной базе, и это помешало ему отправиться в Ирак или Афганистан, но себя называл *a computer wizard* — «компьютерным волшебником», которому доверялись весьма сложные задания.

Подводя итог, вновь обратимся к двум полярным моделям — «Э. Сноуден (и человек, подобный ему) — это герой» и «Э. Сноуден (и человек, подобный ему) — это предатель», — к которым в конечном счете сводятся все остальные. Конечно, с учетом национальной идеи США доминирование образа предателя можно было легко спрогнозировать. Интересно другое: то, что всё-таки подобные действия могут получить поддержку в американском обществе, то, что бесцеремонные действия американских властей всё чаще подвергаются критике у себя дома, и то, что российский президент воспринимается как человек, пусть и хулиганистый, но более зрелый, чем американский президент, как политик-победитель, что очень показательно, если сопоставить такой употребляемый в графических изображениях образ с образом, доминировавшим в графике периода грузино-абхазского конфликта 2008 г.

ИСТОЧНИКИ

1. *Allvoices*. URL: <http://www.allvoices.com>.
2. *Bangor Daily News*. URL: <http://www.bangordailynews.com>.
3. *Cab drollery*. URL: <http://www.cabdrollery.blogspot.com>.
4. *Carpetbaggery*. URL: <http://www.carpetbaggery.com>.
5. *Chappate Cartoons*. URL: <http://www.globecartoon.wordpress.com>.
6. *Chinadaily US Edition*. URL: <http://www.usa.chinadaily.com.cn>.
7. *Contra Costa Times*. URL: <http://www.contracostatimes.com>.
8. *CSL Cartoonstock*. URL: <http://www.cartoonstock.com>.

9. *Daily Kos*. URL: <http://www.dailykos.com>.
10. *Dayton Daily News*. URL: <http://www.mydaytondailynews.com>.
11. *Desertpeace*. URL: <http://www.desertpeace.wordpress.com>.
12. *Detroit Free Press*. URL: <http://www.freep.com>.
13. *Disc.yourwebapps.com*. URL: <http://www.disc.yourwebapps.com>.
14. *Facebook*. URL: <http://www.facebook.com>.
15. *Jokes of The Conservative Papers*. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>.
16. *Kal*. URL: <http://www.kaltoons.com>.
17. *La Invasora 1600 A. M.* URL: <http://www.wwr1600.com>.
18. *Lighthouse Viewer*. URL: <http://www.lhvnews.com>.
19. *Los Angeles Times*. URL: <http://www.latimes.com>.
20. *Lunatic Outpost*. URL: <http://www.lunaticoutpost.com>.
21. *Media.cagle.com*. URL: <http://www.media.cagle.com>.
22. *Mirror*. URL: <http://www.mirror.co.uk>.
23. *New York Post*. URL: <http://www.nypost.com>.
24. *Newsblogs Chicagotribune Com*. URL: <http://www.newsblogs.chicagotribune.com>.
25. *Obama Cartoons*. URL: <http://www.obamacartoon.blogspot.com>.
26. *PA Pundits — International*. URL: <http://www.papundits.wordpress.com>.
27. *Political Graffiti*. URL: <http://www.politicalgraffiti.worldpress.com>.
28. *Political Irony*. URL: <http://www.politicalirony.com>.
29. *Post-Gazette Blogs*. URL: <http://www.blogs.post-gazette.com>.
30. *Presseurop: the best of European press*. URL: <http://www.presseurop.eu>.
31. *Reddit*. URL: <http://www.reddit.com>.
32. *Rt*. URL: <http://www.rt.com>.
33. *Shutterstock*. URL: <http://www.shutterstock.com>.
34. *Sky Dancing*. URL: <http://www.skydancingblog.com>.
35. *Snark Amendment*. URL: <http://www.snarkamendment.blogspot.com.br>.
36. *Star Tribune*. URL: <http://www.startribune.com>.
37. *StatesmanJournal.com*. URL: <http://www.statesmanjournal.com>.
38. *The Atlantic*. URL: <http://www.theatlantic.com>.
39. *The Burning Platform*. URL: <http://www.theburningplatform.com>.
40. *The Cagle Post : cartoons & commentary*. URL: <http://www.cagle.com>.
41. *The Charles Town Crier*. URL: <http://www.thecharlestowncrier.com>.
42. *The Contributor*. URL: <http://www.thecontributor.com>.
43. *The Global Atlas*. URL: <http://www.globalatlas.blogspot.com>.
44. *The Guardian*. URL: <http://www.guardian.co.uk>.
45. *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com>.
46. *The Onion*. URL: <http://www.theonion.com>.
47. *The Week*. URL: <http://www.theweek.com>.
48. *Toonpool.com*. URL: <http://www.toonpool.com>.

49. *ToonsUp.com*. URL: <http://www.toonsup.com>.
50. *Townhall.com*. URL: <http://www.media.townhall.com>.
51. *Truthdig*. URL: <http://www.truthdig.com>.
52. *Tunnel Wall*. URL: <http://www.tunnelwall.blogspot.com>.
53. *TucsonSentinel.com*. URL: <http://www.tucsonsentinel.com>.
54. *Voices from Russia*. URL: <http://www.02varvara.wordpress.com>.
55. *Worldmeets.US*. URL: <http://www.worldmeets.us>.
56. *Yourdemocracy.net.au*. URL: <http://www.yourdemocracy.net.au>.

57. *@JManSays*. URL: <http://www.jmansays.tumblr.com>.

ЛИТЕРАТУРА

58. *Американа* : англо-русский лингвострановедческий словарь. — Смоленск : Полиграмма, 1996.
59. *Шустрова Е. В.* Стереотипные образы афроамериканцев в американской графике // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 176—199.
60. *Шустрова Е. В.* Проявление основных архетипических образов в американской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 1 (43). С. 39—58.
61. *ABBYY Lingvo* : электр. программа.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.12-551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

В. М. Амиров V. M. Amirov
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ АКТОВ ТЕРРОРИЗМА РОССИЙСКИМИ ПЕЧАТНЫМИ СМИ

Аннотация. Исследуются некоторые аспекты освещения газетами террористических актов в России. Выявляются и описываются некоторые тенденции в изменениях редакционной позиции в отношении освещения терактов. Проводится сопоставительный анализ материалов качественных СМИ «Известия» и «Независимая газета», таблоидов «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» различных периодов.

Ключевые слова: террористический акт; СМИ; газеты; журналистика; позиция.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: vestnik-va@mail.ru.

NEW TENDENCIES IN THE COVERAGE OF TERRORISM ACTS IN RUSSIAN PRINT MEDIA

Abstract. Some aspects of coverage of the acts of terrorism in Russian printed press are investigated. New tendencies in the changes of the editorial position come to light. For comparison the materials of quality mass media of “Izvestia” and “Nezavisimaya Gazeta”, tabloids “Komsomolskaya Pravda” and “Argumenty i fakty” of various periods are used.

Key words: terrorism; mass media; newspapers; journalism; position.

About the author: Amirov Valery Mikhailovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Periodicals.

Place of employment: Ural Federal University n. a. the first president of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Сегодня вряд ли нужно доказывать кому-то важность четкой позиции средств массовой информации по такой общественно значимой проблеме, как борьба с терроризмом. Выступая на пресс-конференции в РИА «Новости», официальный представитель Национального антитеррористического комитета особо отметил, что «СМИ не просто информируют нас о происходящем, но и формулируют базовые определения, подсказывают выводы, задавая рамки толкования того или иного события» [Синцов 2013].

Разумеется, совершенно не случайно в этом смысле, что сами террористы непрерывно стремятся создавать информационные продукты, главная цель которых — «дестабилизация социально-политической или социально психологической обстановки в регионе и во всей стране» [Худовекова 2011: 52]. Случается, вольными или невольными распространителями таких продуктов становятся и СМИ, которые «нередко прибегают к публикациям с ярким описанием наиболее кровавых подробностей, чтобы напугать аудиторию и тем самым заставить людей быть более осторожными» [Доможиров 2012: 33]. Ряд исследователей и публицистов вообще устанавливают прямую связь между СМИ и терроризмом, полагая, что газеты и теле-

видение, немедленно и широко рассказывающие о терактах, помогают террористам реализовать свой замысел по запугиванию населения: «Современный терроризм и СМИ связаны между собой. Не будь такой власти вторых, не было бы в таких масштабах и первого» [Варламов 2011]. От позиции СМИ, от той или иной интерпретации события в публикации зависит то, становятся ли СМИ пособниками террористов, или, напротив, помогают обществу справиться с этим страшным злом: «Мы не можем жить без газет и телевидения, но эти средства могут быть пособниками террористов в создании неадекватного страха, а могут быть „анти-террористами“» [Кара-Мурза 2001: 2].

Иными словами, СМИ, рассказывая о теракте и мерах по борьбе с терроризмом, обязаны быть крайне осторожными и ответственными в выборе формулировок и логике подачи материалов.

Общая реакция российской прессы на террористические акты является довольно предсказуемой, однако с каждой новой трагедией СМИ предлагают в качестве повестки дня общественной дискуссии новые вопросы и демонстрируют новые оценочные нюансы, которые требуют осмысления. Кроме того, при анализе массивов публикаций, неизмен-

но следующих за очередным взрывом, можно увидеть определенные негативные тенденции, обозначающиеся в газетах, журналах и интернет-СМИ при освещении события. Эти тенденции особенно наглядно проявляются в нескольких аспектах: анализ причин, поиск врагов и виновных, прогноз дальнейшего развития событий.

Последние события в Волгограде, где за короткий промежуток времени произошли три террористических акта, продемонстрировали очередные подвижки в аналитическом осмыслении данной темы российскими журналистами. Попытаемся в результате сопоставления публикаций разных периодов с материалами октября и декабря 2013 г. выделить эти, представляющиеся оригинальными тенденции. Сделаем это на основе сравнительного анализа материалов газет, традиционно относимых к качественным, — «Известия» и «Независимая газета» — и массовых, таблоидов — «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты»: статьи А. Самариной «Национальная гангрена», А. Серенко «Самоподрыв отвлекающего характера» и «Черные вдовы добрались до Волгограда», Д. Евстифеева «В Дагестане разыскивают девять русских ваххабитов», А. Савичевой «63 процента россиян не чувствуют себя в безопасности после терактов в Волгограде», А. Морылевой «После терактов в Волгограде корреспонденты КП пытались без паспортов попасть в гостиницу», А. Гарбузняк «Пиар на крови. Зачем террористам из Ирака понадобился Волгоград», И. Караулова «России целенаправленно мстят», О. Звоновой «Беслан: хроника теракта», Е. Слободян «Заложники „Норд-Оста“», Ю. Сенаторова «„Норд-Ост“ захватил банкир», А. Селиванова и А. Родкиной «Врачи спасают раненых во время теракта в Каспийске десантников», А. Рябушева «Черное эхо Каспийска», И. Булатовой «Вся страна — один Волгоград?».

Первая из этих тенденций — отказ печатных СМИ от моратория на откровенный анализ имеющихся в России национально-этнических противоречий. Если до волгоградских терактов газеты и журналы толерантно предпочитали препарировать происходящее в плоскости противостояния «террористическое подполье — государство», а самих террористов старались безотносительно к этносу и конфессиональной принадлежности называть «смертниками», «боевиками», «экстремистами», в крайнем случае «исламскими радикалами» (отделяя от ислама как от религии), то теперь активно пишут о религиозно-этнической подоплеке преступлений. Рассмотрим, например, наименование террористов, осуществивших

теракт в Беслане, Каспийске и московском театре на Дубровке: *в школе находились 17 террористов; боевики отказались от еды и одежды; террористы в масках, одетые в темные одежды и бронезилеты; дело рук международных террористов; ворвалась вооруженная группа бандитов; личности всех 42 террористов, участвовавших в захвате театрального центра на Дубровке; взрыв мог быть организован по заданию полевого командира.*

Корреспонденты, работавшие в Волгограде, уже не обременены заданием писать в концепции «Террор не имеет национальности». Отныне террористические акты тесно увязываются в журналистском дискурсе с проблематикой межнациональных отношений: *обострение межрелигиозной и межнациональной ситуации; все погибшие являются русскими и православными; молельную комнату оборудовал на первом этаже жилого дома уроженец Узбекистана; шахидка, уроженка Дагестана; ищите русско-го, на кавказца не оформлю; дагестанская бандгруппа; Внешность у меня откровенно славянская, максимум скандинавская и это только играло мне на руку — на террориста я никак не смахивал.* Таким образом, СМИ «типизируют» террористов и акцентируют внимание читателей на том, что носители идеологии терроризма — это, как правило, кавказцы, мусульмане, а жертвы обычно русские, православные.

Нельзя не обратить внимание также на весьма симптоматичный нюанс, ранее в публикациях встречавшийся крайне редко, — пресса отмечает рост среди террористов количества представителей славянских народов: *бандформирования стали активнее использовать террористов славянской внешности; русских ваххабитов; ваххабиты вербуют в русских городах невротиков, легко внушаемых или психически неустойчивых людей; хотя „красноярский ваххабит“ Соколов — организатор взрыва в волгоградском автобусе в октябре прошлого года, внешне был самым, что ни есть, русским человеком; Так появились „русские ваххабиты“, и их роль в подполье, кажется, постоянно растет.* Говоря об этнических русских, принимающих участие в организации террористических актов, авторы материалов, возможно, исходят из побуждений справедливости, желая показать, что терроризм не имеет национальности. Однако на деле эффект получается прямо противоположный, ибо террор все равно ассоциируется в таком случае с исламом, который приняли ставшие смертниками граждане. То есть концепция «Террор не имеет нацио-

нальности» постепенно сменяется другой концепцией — «Терроризм не имеет национальности, но имеет религию».

Вторая очевидная тенденция — признание неэффективности действий силовых структур и государства в целом в борьбе с организаторами терактов, констатация беззащитности населения перед террористами. При освещении терактов более раннего времени такой констатации не было, состоявшееся представлялось как ошибка правоохранительных органов, присутствовал определенный оптимизм относительно того, что с террором удастся в скором времени покончить: *обещал Джариад и другим оставшимся в живых найти организаторов и исполнителей теракта; теракт в Каспийске стал возможен из-за халатности сотрудников правоохранительных органов; в рядах сотрудников правоохранительных органов имеются предатели.*

В ситуации с волгоградскими терактами журналисты высказывают свою точку зрения гораздо более категорично и однозначно: *взрыв в волгоградском автобусе показал, что надежной системы общественной безопасности в регионе не существует; не смогли предотвратить трагедию; 63 % опрошенных говорят о неспособности властей гарантировать их безопасность; МВД демонстрирует чудесную, абсолютную толерантность; Сегодняшний террор — прежде всего абсолютно уголовная система вымогательства, торговли наркотиками, нарушения экстремистских законов, нарушения паспортного режима и т. д. и т. п.*

Журналисты, как мы можем видеть, приходят к выводу о том, что «силовые» органы в их современном виде по определению не способны справиться с терроризмом. Это в принципе отличается от оценок прежних лет, когда газеты выказывали доверие правоохранительным органам в борьбе с терроризмом.

Третья тенденция — радикализация предложений, обсуждаемых в СМИ в качестве методов борьбы с терроризмом. Если, например, теракт в Каспийске «заставил общество вернуться к отложенному два месяца назад вопросу о восстановлении смертной казни в России», «отзвуком теракта могут стать кадровые перестановки в российских силовых ведомствах», а «жесткие кадровые решения не заставят себя ждать», то после терактов в Волгограде СМИ говорят уже о том, что «проблемы терроризма и нелегальной рабочей силы можно решить только хирургическим путем», требуют «отгородить этот регион от России колючей проволокой».

Эта радикализация журналистской позиции отражает растущий радикализм в самом обществе, которое всё больше сомневается в возможности победить терроризм хотя бы в обозримом будущем полицейскими методами и видит спасение только в решительных, граничащих с репрессиями мерах на общегосударственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А. Современный терроризм и СМИ связаны между собой // Известия. 2011. 18 февр.
2. Доможиров В. И. Эффективность методов теории устрашения в современных средствах массовой информации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 4 (107).
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо-пресс, 2001.
4. Синцов Н. В. Роль СМИ в противодействии идеологии терроризма. Выступление на пресс-конференции в РИА «Новости». Москва, 23 мая 2013 г.
5. Художева М. А. Технологии манипулирования в практике террористических интернет-ресурсов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.1, Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

Т. Г. Антонова Т. G. Antonova
Томск, Россия Tomsk, Russia**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
УЧАСТНИКОВ СОЦИАЛЬНОГО
КОНФЛИКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ**

Аннотация. Рассматривается метафорическая репрезентация участников социального конфликта в Греции на материале новостных и аналитических текстов газет и информационных служб. Выявляются структурные концептуальные метафоры, анализируется их влияние на характер интерпретации участников конфликта и формирование определенных образов в медиадискурсе.

Ключевые слова: концептуальная метафора; социальный конфликт; участники конфликта; сфера-мишень; сфера-источник; метафорическая модель.

Сведения об авторе: Антонова Татьяна Григорьевна, старший преподаватель кафедры английской филологии, факультет иностранных языков; соискатель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, филологический факультет.

Место работы: Томский государственный университет.

Контактная информация: 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36.
e-mail: tatgran@sibmail.com.

**SOCIAL CONFLICT PARTICIPANTS
METAPHORICAL INTERPRETATION
IN MEDIA DISCOURSE**

Abstract. The article deals with the problem of metaphorical representation of social conflict participants based on media texts, telling about the conflict in Greece. The ways of social conflict participants metaphorical interpretation and shaping of their images within the scope of structural conceptual metaphorical models are described.

Key words: conceptual metaphor; social conflict; conflict participants; source domain; target domain; metaphorical model.

About the author: Antonova Tatiana Grigorievna, Senior Lecturer of the Department of English Philology, Foreign Languages Faculty; Postgraduate of the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology.

Place of employment: Tomsk State University.

Когнитивная (концептуальная) метафора рассматривается как «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Чудинов 2001]. Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных областей — сферы-источника и сферы-мишени. Элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень на основе знаний, полученных в результате взаимодействия человека с окружающим миром [Чудинов 2007].

Объектом исследования в данной статье является интерпретирующий потенциал метафоры. В качестве предмета анализа выступает метафорическая репрезентация участников социального конфликта в медиадискурсе.

Наша цель заключается в выявлении того, как выбор концептуальной метафоры при языковой репрезентации участников социального конфликта влияет на характер их интерпретации в медиадискурсе, на формирование их образов в текстах СМИ.

Исследование строится на теоретической базе лингвокогнитивного подхода к изучению метафоры, который активно развивается томскими метафорологами [Резанова 2010].

Конфликт — сложное социальное явление, важным элементом структуры которого являются его участники. В данной статье рассматриваются образы субъектов конфликта (собственно противоборствующих сторон) и посредников (нейтральных лиц, задействованных в разрешении конфликта). Одни и те же участники конфликта могут выступать в различных статусах на разных этапах конфликта [Юридическая конфликтология; Социология как наука].

Источником материала для исследования послужили новостные и аналитические тексты газет и информационных служб, информирующие о конфликте в Греции с 2010 по 2013 г. Проанализированы 94 статьи из 8 СМИ («Литературная газета», веб-сайты медиаисточников: «ВВС Русская служба», «Вести. Экономика», телеканал «Euronews Греция», ИА «Оружие России», «Греция от Greek.ru, ЕС Сегодня», «NEWSru.com», «DeutscheWelle»). Методом сплошной выборки были выделены метафорические словоупотребления, репрезентирующие участников конфликта. Из 444 метафор, репрезентирующих конфликт в Греции в анализируемых медиатекстах, 202 номинации представляют его участников.

Конфликт в Греции характеризуется сложной структурой: его предметом являет-

ся неэффективная экономическая политика греческого правительства и давление со стороны ведущих стран ЕС, определяющих направление экономического реформирования; объектом — дефицит материальных ресурсов и способ их распределения. Конфликт назревает и развивается в условиях социальной напряженности на фоне экономического кризиса.

В сферу метафорического моделирования вовлекаются образы участников данного конфликта — населения Греции, правящей элиты Греции и правительств ведущих стран ЕС (прежде всего Германии), вступающих в сложные взаимоотношения между собой.

В соответствии с теорией концептуальной метафоры нами были выявлены метафорические модели представления участников конфликта, определены сферы-источники для заданной сферы-мишени — социального конфликта. Анализ элементов концептуального поля сфер-источников позволил нам охарактеризовать метафорические проекции в сферу-мишень и особенности ее концептуализации. Необходимо отметить, что при анализе неметафорических лексических единиц в рамках концептуального поля сферы-источника их значения рассматривались как целостные гештальты сложной структурной организации. Данные толковых словарей не всегда являются надежным источником сведений о специфике отношений между значениями слова, более того, в соответствии с положениями когнитивной лингвистики, в основе метафоры лежат не значения слов как таковые, а сформировавшиеся в сознании человека концепты, отражающие не научную, а наивную картину мира [Чудинов 2001], по причине чего в качестве одного из использованных нами методов, наряду с приемом контекстного анализа, был прием интроспекции.

Концептуальная метафора репрезентируется широким спектром метафорических номинаций в пределах ситуации, сценария, фрейма, задаваемого исходным значением метафорического имени [Резанова 2006: 67]. Совокупность концептуальных метафор в системе их лексических текстовых репрезентаций формирует каркас образного фрагмента языковой картины мира этноса. Трансформируясь в условиях определенного дискурса, они выполняют роль ключевых дискурсивных моделей, сокращая или расширяя возможности концептуальных метафор и структурируя смыслы дискурса [Резанова 2011:192].

При репрезентации конфликта в Греции в анализируемых нами медиатекстах в качестве ключевых дискурсивных метафор выступают структурные метафоры «КОНФЛИКТ-

НАЯ СИТУАЦИЯ — ЭТО БОЛЕЗНЬ» (22,5 % выделенных нами структурных метафор), «СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ — ЭТО ВОЙНА» (16 %) и «РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА — ЭТО ПУТЬ» (15,1 %) [Антонова 2013: 7].

В рамках наиболее продуктивной ключевой дискурсивной метафоры «КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ — ЭТО БОЛЕЗНЬ» объектами метафорического моделирования становятся субъекты конфликта — *правящая элита Греции, Германия с ведущими странами ЕС и народ Греции*. Основанием метафорического ассоциирования при их репрезентации становятся слоты «пациенты и врачи», «средства лечения и поддержания здоровья» фрейма сферы-источника «Болезнь». Германия в качестве страны-посредника и правящая элита Греции как субъект конфликта репрезентируются в образах врачей через посредство метафорических номинаций действий данных участников конфликта. Германия представлена как доктор, назначающий лечение (*рецепт для всех разработан; был прописан режим жесткой экономии*), которое далеко не всегда эффективно (*на пользу не пошла; это все мертвому припарки; резко возражает против временных „пластырей“*). Правящая же элита Греции выступает в качестве доктора, осуществляющего лечебный процесс (*обсудили пути оздоровления греческой экономики; избежать резкого ухудшения*). СМИ репрезентируют Германию также в образе донора, т. е. некоего лица, от которого напрямую зависит выздоровление или даже спасение жизни Греции (*Германия является крупнейшим донором*). Народ же Греции представлен пациентом, вынужденным проходить болезненное лечение (*очередной сеанс „шоковой терапии“; как принесли уж точно боль?*).

Такая репрезентация участников конфликта подчеркивает значимую роль Германии и правительства Греции в его развитии, акцентирует внимание читателей на особой роли Германии в этих процессах, греческому же народу отводится роль лица, благополучие («здоровье») которого зависит от действия других лиц.

В рамках ключевой дискурсивной метафоры «СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ — ЭТО ВОЙНА» метафорически интерпретируются греческий народ, власти Греции и Германия. Все три участника конфликта выступают в качестве его субъектов, в отличие от предыдущей модели, в рамках которой Германия была представлена как сторона-посредник.

Интерпретируя социальный конфликт в Греции как военные действия между его участниками, данная метафорическая модель репрезентирует самих участников по-

средством актуализации слотов «участники войны», «начало/развязывание войны», «военные действия», «пострадавшие на войне». Власти Греции представлены как сторона, развязавшая войну, в которую вынужден вступить греческий народ (*Народ готовится ответить войной на войну, которую объявили рабочему классу*). Политика греческого правительства, направленная на сокращение расходов, интерпретируется как объявление войны народу своей страны. Греческий же народ репрезентируется через слот «пострадавшие на войне» (*понесут потери; отсюда нас вынесут только вперед ногами*).

В других контекстах, где в качестве активного врага выступает экономический кризис [Антонова 2013: 9], власти Греции представлены в образе освободителя/защитника греческого народа: *пытаются спасти свою страну; ...давайте защитим их!* Таким образом, политика государства в конфликте метафорически интерпретируется неоднозначно. С одной стороны, она представлена как ориентированная на поиск способов избавления от последствий экономического кризиса, на стабилизацию экономики в попытке защитить население Греции, а с другой — на ущемление интересов греческого народа.

Германия в метафорическом поле ключевой дискурсивной метафоры «Социальный конфликт — это война» представлена оккупантом, т. е. захватчиком, через посредство образных метафор с ярко выраженной негативной коннотацией. Действия Германии в ситуации кризиса интерпретируются СМИ как политика насильственного объединения стран Евросоюза под непосредственным началом Германии: *Мечта провести аншлюс всей Европы их вряд ли покидает*. Подобное поведение Германии объясняет реакцию греческого народа, который стремится отстоять свое право на независимость: *Нацисты, убирайтесь вон; Нет четвертому рейху!*

В авторской метафоре *Троянский конь Европейского Союза* сравнение с событиями Троянской войны актуализирует явное наличие в политике Германии скрытых корыстных мотивов. Метафорическая же номинация *последствия вторжения этого милого животного* (Германия в образе Троянского коня) актуализирует аспект насильственности действий Германии по отношению к Греции.

Таким образом, позиция Германии в рамках данной модели интерпретируется как захватническая, агрессивная. Сравнение с нацистской Германией, безусловно, выражает яркую негативную оценку действий Германии в конфликте. Нам представляется

неслучайным выбор для концептуального переноса в сфере-источнике таких элементов, как «Троянская война» и «захватнические действия нацистской Германии», так как они непосредственно связаны с историей Греции, с болезненными для Греции событиями, что усиливает негативную коннотацию используемых метафорических номинаций при репрезентации образа Германии.

Помимо ключевых дискурсивных метафор, в репрезентации участников конфликта оказываются задействованными и другие базовые модели, такие как «Конфликт — это стихия» (10,4 %), «Конфликт — это сценическое представление» (6,8 %) и «Конфликт — это игра» (6,3 %).

Особенностью модели «Конфликт — это стихия» является то, что концептуальное поле сферы-источника «стихия» характеризуется сложной структурной организацией, так как концепт «стихия» объединяет в себе две основные смысловые реализации: «стихия» как основной элемент природы (вода, земля, воздух, огонь) и «стихия» как явление природы, отличающееся разрушительной силой. В рамках же концептуального поля сферы-источника «стихия» эти смысловые реализации сосуществуют как целостный гештальт.

При метафорической интерпретации участников конфликта в рамках данной модели актуализируются следующие слоты фрейма сферы-источника: «природная катастрофа», «вода», «воздух», «огонь». Объектами метафорического моделирования становятся народ и правительство Греции в качестве субъектов конфликта и сильные страны ЕС в качестве посредников.

В рамках модели «Конфликт — это стихия» народ Греции представлен в образе разбушевавшейся стихии, которую чрезвычайно сложно контролировать: *стихийные акции протеста; может стать разрушительной силой*. Слоты «вода», «ветер», «огонь», задействованные для метафорической репрезентации простых греков, высвечивают интенсивность, внезапность возникновения, неконтролируемость их действий (*выплескивая свою политическую активность на улицы; демонстрация вылилась в драку с полицией; вызвав бурную реакцию профсоюзов; в Греции вновь могут вспыхнуть уличные протесты*). Таким образом, греческий народ представлен опасной силой, действия которой невозможно предугадать и укротить. Актуализируется и признак деструктивности действий греков. Такая интерпретация греческого народа кардинально отличается от его образов, задаваемых лексическими репрезентациями других моделей.

Сильные страны ЕС в рамках данной модели представлены как «спасатель», а их действия репрезентируются как спасательные мероприятия: *расширение „спасательных“ функций фонда; ЕС конструируют новый „спасательный круг“ для страны; тушить пожар своими деньгами.*

Главы Германии и Франции в образе стихии ветра также представлены как крайне влиятельные силы, от которых напрямую зависит ход развития ситуации в Греции: *„Ах так, — сказали ветер Меркель и ветер Саркози“* (ветер часто является причиной изменения погодных условий).

В рамках модели «Конфликт — это сценическое представление» власти Греции и сильные страны ЕС — это лица, задействованные в постановке представления, в то время как греческому народу отводится роль зрителя.

Узуальная метафора «за кулисами» репрезентирует действия властей Греции как скрытые от греческого народа. Действия ведущих стран Евросоюза также подвергаются метафорической интерпретации через образы трюков, уловок: *пытаются проделать тот же трюк; Не существует волшебных решений, которые можно вытащить из шляпы госпожи Меркель или господина Саркози.*

В рамках модели «Конфликт — это игра» власти Греции и Германии представлены азартными игроками: *решила сделать ставку; Эту карту Греция разыгрывает* (власти Греции); *кредиторы рискуют и выигрывают; Меркель играет в покер жизнями людей* (правительство Германии). Метафорические номинации в рамках данной модели высвечивают в действиях властей элемент риска и необдуманности. Сравнение действий Германии с игрой в покер представляет ситуацию как крайне опасную для греков и выражает негативное отношение автора к этой ситуации.

В ходе анализа нами были выявлены также структурные метафоры, задействованные только в репрезентации участников конфликта в Греции и их отношений между собой.

В рамках модели «Конфликт — это преступление» объектами метафорического моделирования становятся власти Греции и Германии. В качестве основания метафорического ассоциирования в данном случае выступают слоты «вид преступления», «лицо, совершающее преступление» и «лицо, карающее за преступление», что служит основанием крайне негативной интерпретации действий властей Греции и Германии.

Германия в рамках данной модели в разных текстах репрезентируется то в образе преступника (грабителя), то карающего

судьи, ср.: с криками *„Грабители!“* вышли на улицы Афин более 60 тысяч манифестантов; Греки потребовали от Меркель перестать грабить их страну и От их вердикта будет зависеть, получит ли Греция новый пакет помощи; *вынести нам смертный приговор.*

В качестве преступников представлены и власти Греции, выступающие в данном качестве и по отношению к народу Греции (*воры, верните деньги народу; „Воры! Стыдитесь!“; это государственное убийство*), и по отношению к ЕС (*в качестве шантажиста выступает Греция*).

Зависимость Греции от ведущих стран ЕС настолько сильна, что положение, занимаемое Грецией в Евросоюзе, ассоциируется с полным отсутствием свободы, что вызывает у греков желание освободиться: *„Меркель — вон, Греция не твоя колония!“; „Это не Европейский союз, это — рабство!“; Греция, освободившаяся от ЕС; духом антиколониального восстания.* Данные метафорические номинации входят в модель «ГЕРМАНИЯ — ЭТО ПОРАБОТИТЕЛЬ».

Отношения между участниками конфликта представлены метафорами «ГЕРМАНИЯ и ГРЕЦИЯ — члены одной семьи» и «ВЗАИМОотношения между людьми — это охота».

Рассматривая Германию и Грецию как членов одной семьи (*в составе единой европейской семьи*), авторы медиатекстов акцентируют внимание читателя на тесной, «семейной» связи между странами, в результате чего помощь Германии можно рассматривать как вполне естественную в сложившихся условиях, так как члены одной семьи помогают друг другу в сложных ситуациях. В то же время через реализацию слота «иерархия в родственных отношениях» фрейма сферы-источника «Семья» представлено зависимое положение Греции: *отношения тевтонцев с греками ... представляли собой подобие „неравного брака“; Германия „помогает во имя взаимных интересов, а не как богатый дядюшка“; на ресурсы „богатого папочки“.* Данные метафоры высвечивают несколько безответственную позицию Греции, предпочитающую ждать помощи от «богатого родственника», а не полагаться на свои силы.

В рамках метафоры «ВЗАИМОотношения между людьми — это охота» отношения между простыми греками и властями Греции и Германии интерпретируются как отношения между хищником и его добычей: *они пьют вашу кровь; отдали нас на растерзание иностранным кредиторам; Власти будут и дальше душить нас; беспощадных мерах бюджетной экономии.* В этих метафориче-

ских номинациях действия властей приобретают крайне негативную окраску. Репрезентация сильных стран ЕС в образе охотника акцентирует смыслы отсутствия у греческого народ шансов на спасение.

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что участники социального конфликта в Греции представлены в медиадискурсе в различных образах.

Греческий народ выступает в таких образах, как «больной пациент», «ведущий освободительную войну», «разбушевавшаяся стихия», «зритель» и «добыча». Только в двух образах («разбушевавшаяся стихия» и «ведущий освободительную войну») он представлен как активный участник конфликта, причем в первом случае действия греков репрезентируются как обладающие разрушительной силой. Во всех остальных случаях народ Греции выступает как сторона, переживающая на себе все невзгоды и трудности сложившейся ситуации, не имеющая особой возможности ее изменить.

Власти Греции репрезентируются в медиадискурсе в образах «доктора», «стороны, развязавшей войну», «преступника», «защитника», «участвующего в постановке представления», «азартного игрока», «хищника». Столь неоднозначная метафорическая интерпретация правительства Греции может объясняться тем, что, во-первых, оно было представлено разными лицами, которые сменяли друг друга в процессе развития конфликта и имели различные представления о способах его урегулирования. Во-вторых, в социальных конфликтах такого типа большой груз ответственности всегда ложится на правительство страны, и их действия, вызывающие одобрение одних, всегда провоцируют недовольство других.

Наибольшее количество образов задействуется для репрезентации сильных стран ЕС во главе с Германией: «доктор», «донор», «оккупант», «спасатель», «лицо, участвующее в представлении», «азартный игрок», «преступник», «судья», «богатый родственник», «наставник», «поработитель», «хищник», «охотник». При всем разнообразии образов можно выделить и инвариантную часть в отражении данного участника конфликта в Греции в медиадискурсе. Неизменной является репрезентация позиции сильных стран ЕС во главе с Германией как доминирующей по отношению к Греции, что может указывать на объективную зависимость Греции от сильных стран ЕС в разрешении внутреннего конфликта. Коннотативная составляющая метафорической репрезентации данного участника конфликта

в большинстве случаев отрицательная, за исключением образа «спасателя», в рамках которого действия Германии рассматриваются в положительном свете. Отмечены также случаи эмоционально нейтральной интерпретации действий сильных стран ЕС (образы донора и богатого родственника).

Следует отметить и разнообразие сферисточников, задействованных в процессе концептуального переноса («Болезнь», «Война», «Стихия», «Сценическое представление», «Игра», «Преступление», «Семья», «Охота»), большая часть из которых относится к концептуальным областям, регулярно используемым для метафорической интерпретации самых разных сторон нашей действительности. Использование разнообразных метафорических моделей позволяет авторам медиатекстов высвечивать самые разные характеристики участников конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры // Язык и культура. Приложение : науч. периодический журн. Томск, 2013. № 2. С. 5—18.
2. Резанова З. И. Метафорическое миромоделирование: базовые концептуальные модели и ключевые модели текста и дискурса // Картина мира: язык, литература, культура : сб. науч. ст. — Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. Вып. 2. С. 67—76.
3. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2010. № 1 (9). С. 26—43.
4. Резанова З. И. Языковая и дискурсивная картина мира — аспекты соотношений // Сибирский филол. журн. 2011. № 3. С. 184—194.
5. Социология как наука : учеб. пособие // Гумер : библиот. Разд. «Социология». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Soc_Nauk/index.php (дата обращения: 03.01.2014).
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) // Philology.ru : русский филол. портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 06.01.2014).
7. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филол. вестн. 2007. № 1, т. 4 // КиберЛенинка : науч. электр. библиот. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metaphore> (дата обращения: 04.01.2014).
8. Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева // Гумер : библиот. Разд. «Право и юриспруденция». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Ur_Konfl/index.php (дата обращения: 02.01.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. З. И. Резанова

Е. В. Баскаева E. V. Baskaeva
Беслан, Россия Beslan, Russia

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ДЖОХАРА ДУДАЕВА**

Аннотация. Анализируются некоторые особенности политического дискурса Джохара Дудаева, существенно повлиявшие на общественно-политическую ситуацию в Чеченской Республике в конце XX в.

Ключевые слова: Джохар Дудаев; Чеченская Республика; дискурс; национальная политика; межнациональные отношения; война.

Сведения об авторе: Баскаева Елизавета Валерьевна, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин; младший научный сотрудник, научно-исследовательский центр этносоциальных и этнокультурных проблем.

Место работы: Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ).

Контактная информация: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46, УК-2, к. 225.
e-mail: liz-b@yandex.ru.

**SOME CHARACTERISTICS
OF THE POLITICAL DISCOURSE
OF DZHOKHAR DUDAYEV**

Abstract. Some characteristics of the political discourse of Dzhokhar Dudayev which had great impact on the socio-political situation in Chechen Republic at the end of XX century are analyzed in the article.

Key words: Dzhokhar Dudayev; Chechen Republic; discourse; national policy; interethnic relations; war.

About the author: Baskaeva Elizaveta Valerievna, Post-Graduate Student of the Department of Socio-humanities; Research Centre of Ethno-social and Ethno-cultural Problems.

Place of employment: North-Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz).

*Слово — полководец человечей силы.
В. В. Маяковский [Маяковский 1926]*

Развитие российского общества в условиях модернизации требует решения задач по регулированию межнациональных отношений. Опыт показал, что в многонациональном государстве при решении вопросов социально-политического устройства неизбежно выявляется этнический аспект. Особенно ярко политическая активность, в основе которой лежит этнический фактор, проявляется на Северном Кавказе, так как, **во-первых**, Северный Кавказ имеет особое геополитическое, стратегическое значение для федерального центра, **во-вторых**, полиэтничность данного региона уникальна, **в-третьих**, Северный Кавказ является «мостом» между христианской и исламской культурами. На Северном Кавказе межэтнические конфликты приобрели наиболее острую форму. Выбор высказываний Джохара Мусаевича Дудаева в качестве объекта исследования объясняется необходимостью научного осмысления и анализа истоков, причин его влияния на единение и политическую активность народа Чеченской Республики в конце XX в.

В конце XX столетия на территории Чеченской Республики прошли две войны. «Масштабные социально-политические явления, представляющие собой жесточайший акт разрешения территориальных, нацио-

нальных, религиозных и других противоречий между народами (в том числе в одной федерации) вооруженными средствами» [Дзидзоев 2010: 254] многие авторы научных статей, СМИ, политические лидеры толковали как «чеченскую кампанию», «чеченский кризис», «чеченский узел», «чеченский конфликт», «контртеррористическую операцию в Чеченской Республике» (официальное название Второй российско-чеченской войны 1999—2002 гг.).

Генерал Джохар Дудаев интерпретировал Первую российско-чеченскую войну как «дурацкую бойню, народоубийство и с той и другой стороны» [Джохар Дудаев о Руссизме], подразумевая под «бойней» массовое убийство людей и подчеркивая, что данный кровопролитный бой является неравным и намеренным. Лексема «бойня» является зооморфизмом, использование которых было типично для Д. Дудаева. Простота композиции и стилизация лексической единицы помогли главному адресату, простому народу, ярче увидеть и понять то ужасное положение, в которое его поставили национальные лидеры.

Кровопролитную войну, названную Д. Дудаевым «дурацкой бойней, народоубийством», президент Российской Федерации Б. Ельцин завуалировал эвфемизмом «восстановление

конституционного порядка» [Чернега 2005] в Чеченской Республике — Ичкерии. Лексическая единица «восстановление конституционного порядка» имеет положительную, даже благородную коннотацию, помимо силовых методов воздействия подразумевает и иные способы решения государственных проблем. А лексема «война» вызывает категорически отрицательные эмоции и неодобрение. Б. Ельцин «замаскировал» негативные стороны явлений действительности и последствия ошибочных политических мер, осуществив имплицитное воздействие на массового реципиента. Данная лексическая единица понимается нами как средство реализации речевой стратегии уклонения от истины. Истиной же является то, что на территории Чеченской Республики прошли две масштабные войны. Войны не перестают быть войнами, как бы их названия ни имплицировали.

9 ноября 1991 г. в городе Грозный Джохар Дудаев, первый президент Чеченской Республики, принял присягу. Во время церемонии генерал-президент использовал в своей речи экспрессивное утверждение в виде риторического вопроса: «...при решении своей собственной судьбы не ущемляются ли интересы других национальностей, проживающих на их исконной, богом дарованной земле?» [Тернистый путь к свободе 1992]. Некоторая театральность данного приема повысила стилистический статус высказывания, подняв его над обыденной речью. Открытый риторический вопрос генерала провоцирует у реципиента ответную реакцию в виде принятия сформированного адресантом мнения. Дудаев требует справедливой национальной политики от федерального центра, хотя сам же развернул политику беспрецедентного прессинга всех других народов, проживающих в Чеченской Республике. Возможно, одной из причин такого поведения стало то, что конфронтационно-оппозиционный лидер Джохар Дудаев в грудном возрасте был перевезен вместе с семьей в ходе массовой депортации чеченцев и ингушей в 1944 г. Давние обиды, связанные с трагическими страницами вайнахского народа, еще тревожат раненое сознание нации и ее лидера.

К внутренне присущим правам народа, т. е. особым коллективным правам, относятся право на самоопределение и самоидентификацию (имя, язык). Самоназвание чеченцев — «нохчи». «Вместе с ингушами, чеченцами-аккинцами, орстхоевцами, карабулаками ... чеченцы имели и имеют собирательное этническое название „вайнахи“» [Дзиздоев, Леченко 2008: 131]. При идентифика-

ции своего народа Д. Дудаев использовал гиперболическую метафору, назвав чеченцев «самой беспомощной жертвой» [Д. Дудаев о Русско-Кавказской Войне]. Он заведомо преувеличил образ, повысил экспрессивность высказывания и придал ему эмфатичность. Д. Дудаев сопоставляет российско-чеченские отношения с миром животных, в котором Чечня является жертвой, а Россия, с его точки зрения, играет роль хищника: «...вот какие мы сильные, мощные, что мы можем, какие коварные, злые, хищные» [Там же].

В интервью Джохара Дудаева украинским журналистам употреблено зооморфное сравнение чеченского народа с «подопытными кроликами», которое фактически выступает в роли контекстуального синонима к лексическому образованию «самая беспомощная жертва». Д. Дудаев приписал народу некоторые признаки, имеющие оценочный смысл, так как перенос на человека или народ признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Отрицательную коннотацию данное негативно окрашенное словосочетание получает в основном за счет существительного «кролик», символизирующего нерешительность и трусость, вызывающего чувство жалости.

Раскрывая образ России, «империи зла» [Там же], Д. Дудаев употребил следующую оценочную зооморфную метафору: «Поэтому нам просто предлагают — в лесу выловленного дикого медведя посадили в клетку и говорят: „Иди, заходи с ним в клетку и дружи, подай ему лапу, с этим зверем и живи дружно“. Вот что такое Россия» [Д. Дудаев: стоит ли воевать...]. Генерал Дудаев экспрессивно охарактеризовал, образно показал взаимоотношения между Россией и Чеченской Республикой, чтобы их легче было осмыслить. Таким образом, данная метафора совмещает в себе разъяснительную и эмоциональную функции. Иерархически медведь принадлежит к «главным зверям», стоит примерно на уровне царя зверей. В интервью журналистам из эстонской киногруппы Д. Дудаев вновь целенаправленно выбрал роль жертвы, надеясь на защиту и поддержку.

Для публичных эмоциональных выступлений генерала Дудаева характерна и политическая демагогия, основанная на спекуляции реальными проблемами. Эмоциональные аспекты политики отодвинули на второе место поиск решений настоящих конкретных проблем. Политическая демагогия проявлялась в рассуждениях о хорошей экономической базе в материально неблагополучные военные времена, когда уровень безработицы был высок, а все жизненно важные показатели оставались на низком уровне: «Мы

намерены перейти на собственные деньги, ведь у нас богатая земля, по запасам полезных ископаемых, плодородию почвы, климату мы едва ли не самые богатые в мире. Только экспорт республика осуществляет в 140 стран» [Кто есть кто...]. Играя на ранних чувствах своего народа, в кризисное время генерал вселяет надежду на построение светлого будущего. Если не решать реальные проблемы, а лишь рассуждать о них, светлое будущее становится слишком далеким. Однако чеченский народ готов был идти за своим национальным лидером, ведь известно, что надежда и вера спасают людей в тяжелые минуты. Немецкий философ Артур Шопенгауэр подчеркивает, что «убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит» [Шопенгауэр]. Чрезвычайная важность этнической идентичности для многих людей объясняется сакральным восприятием собственного этноса, судьба и роль которого более велика и многозначительна по сравнению с судьбой его отдельных представителей. Помня об этом, Джохар Дудаев успешно добивался высокой мобилизации людей на реализацию своих планов, целей и амбиций.

Политический дискурс президента Дудаева характеризуется проявлением национализма, так как он не раз подчеркивал первичность Кавказа в мире и первичность и богоизбранность чеченского народа на Кавказе: «Мы не европейцы, мы не азиаты. Мы — кавказцы. Наша история, язык, культура, духовность и люди уникальны» [Пашков]. Лидер чеченского народа подчеркивал, что «будущее мировой цивилизации принадлежит истоку мировой цивилизации — Кавказу» [Кто есть кто...]. Джохар Дудаев делал акцент на уникальности и первичности всего Северного Кавказа.

Генерал понимал, насколько сильна Россия, и не забывал про поддержку братских кавказских народов. В скрытых целях президент самопровозглашенной Чеченской Республики использовал распространённый инструмент политической борьбы — агитацию. С целью политической активизации населения всего Северного Кавказа и устрашения своего врага в виде России Дудаев, стремясь к политической независимости, заявил: «В случае агрессивных действий России против чеченского народа встанет на дыбы весь Кавказ. И Россия надолго потеряет спокойную жизнь. Видя, что над чеченским народом совершается откровенное насилие, поднимется и весь мусульманский мир» [Там же].

Богоизбранность Северного Кавказа Дудаев объяснял пребыванием там богоизбранного чеченского народа. Политика Дудаева демонстрирует борьбу Чечни за гегемонию на Кавказе. Стремление чеченцев доминировать на Северном Кавказе ярко характеризует следующее высказывание генерала Дудаева: «Мы не забываем о том, что на нас лежит ответственность за судьбу братских нам народов Кавказа. Объединение народов Кавказа в единое сообщество равноправных единственно верный и перспективный путь в будущее. Мы, и я лично, придаем особое значение вопросу единения Кавказа. Мы обязаны стать инициаторами такого единения, ибо находимся в центре интересов народов нашего горного края как географически, экономически, так и этнически» [Там же]. Занимаясь политической риторикой, генерал-президент пытался ввести в заблуждение не только свой народ, но и соседние кавказские народы, призывая к объединению, хотя все народы Северного Кавказа уже десятки лет объединены в едином государственном образовании. Данный пафосный призыв является или следствием некомпетентности Дудаева, либо, скорее всего, сознательного стремления накалить опасную общественно-политическую обстановку в регионе.

Краткие выводы. Личностное влияние Джохара Дудаева сыграло существенную роль в общественно-политических процессах в Чеченской Республике в конце XX в. Использование эмоционального, красочного, пламенного, сепаратистского, легко понятного простому народу политического дискурса в целях манипулирования помогло генералу Дудаеву оставаться национальным героем. Однако этого было недостаточно, чтобы создать независимое государство, реализовать идею суверенитета Чечни.

Джохар Дудаев был авторитетным и сильным лидером, сражавшимся за идею национальной независимости, однако ему не хватало мудрости и дальновидности. Дискурс генерала прекрасно выполнял организаторскую, интегративную, коммуникативную функции, но не вполне смог реализовать аналитическую. Давние обиды народа помешали преобразовать разрушительную силу в созидательную.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джохар Дудаев* о Руссизме (интервью Джохара Дудаева украинским журналистам) // YouTube : сайт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=LZ6SBnd5QW0> (дата обращения: 28.04.2013).
2. *Д. Дудаев* о Русско-Кавказской Войне // YouTube : сайт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Lx9mdsQ1-Xs> (дата обращения: 28.04.2013).

3. *Д. Дудаев*: Стоит ли воевать (интервью эстонской киногруппе) // YouTube : сайт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Rewp3BbUW3c> (дата обращения: 28.04.2013).

4. *Дзидзоев В. Д.* Осетия в эпоху больших потрясений и перемен (исторический и политико-правовой анализ постсоветской истории) : моногр. — Владикавказ : Изд-во ФГОУ ВПО «Горский гос. аграрный ун-т», 2010.

5. *Дзидзоев В. Д., Левченко Н. Н.* Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. — Владикавказ : Ир, 2008.

6. *Кто есть кто* в отраслях российской экономики. По страницам обзоров журнала Коммерсант-Власть. Военные России. Ч. 2. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/ros_war/2.htm (дата обращения: 28.04.2013).

7. *Маяковский В. В.* Сергею Есенину. 1926. URL: http://az.lib.ru/m/majakowski_j_w_w/text_0900.shtml (дата обращения: 01.05.2013).

8. *Паиков Р.* Концепция национально-государственной политики ЧРИ // Правовое наследие Кавказа (Архивы Кавказа) // Кавказский интернет-портал Пашкова Романа. URL: <http://kavkaznasledie.ru/archives/151> (дата обращения: 02.05.2013).

9. *Тернистый путь* к свободе. — Грозный, 1992. URL: <http://constitutions.ru/archives/3798> (дата обращения: 28.04.2013).

10. *Шопенгауэр А.* Цитаты и афоризмы. URL: <http://cityinfo.info/man/artur-shopenhauer?page=5> (дата обращения: 22.10.2013).

11. *Чернега Ю.* Восстановление неконституционного порядка // Коммерсантъ Власть. 2005. № 45 (648). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/626103/print> (дата обращения: 27.04.2013).

Статью рекомендует д-р полит. наук Л. Х. Дзахова

М. А. Галепя М. А. Galepa
Новочеркасск, Россия Novocherkassk, Russia

**ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА:
ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫЙ ДИСКУРС
В КОМПОЗИЦИОННОЙ
СХЕМЕ КОНТЕКСТА**

**PARLIAMENTARY JOURNALISM:
THE IDEOLOGIZED DISCOURSE
IN THE COMPOSITE SCHEME
OF THE CONTEXT**

Аннотация. Раскрываются принципы структурирования идеологизированного дискурса в парламентской журналистике с учетом вида речевой деятельности «говорящего лица».

Abstract. The aim of this article is to reveal the principles of structuring the ideologized discourse in parliamentary journalism taking into account speech activity of "speaking person's".

Ключевые слова: парламентаризм; идеологизированный дискурс; публицистическая риторика; языковая личность журналиста; монолог; диалог.

Key words: parliamentarism; ideologized discourse; concept; publicistic rhetoric; linguistic identity of the journalist.

Сведения об авторе: Галепя Марина Анатольевна, соискатель кафедры средств массовых коммуникаций Южного федерального университета.

About the author: Galepa Marina Anatolievna, Post-graduate Student of Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Место работы: ИП, Ростов-на-Дону.

Place of employment: Sole trader, Rostov-on-Don.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150.

e-mail: galepa1@rambler.ru.

В декабре 2013 г. исполнилось 20 лет становлению современного российского парламентаризма. Газетно-журнальная пресса публикует итоговые материалы, посвященные этому историческому факту, отмечая наиболее значимые события в законодательной деятельности парламента. Поднимается много вопросов, касающихся проблемных тем в этой области. В данной статье предметом исследования является речевая организация парламентских текстов в газетно-журнальной периодике. Парламентская жизнь стала предметом научного исследования сравнительно недавно, тем более в области ее представления в идеологизированном дискурсе. В рамках статьи мы попытались показать, как средства массовой информации формируют общественное сознание в сфере политических и гражданских интересов, обсуждаемых парламентом, а также то, как журналисты добиваются заданного ими восприятия публикуемого материала.

Деятельность журналиста в этой сфере подчиняется единой установке — представить идейно-тематическую основу публикаций в системе идеологизированного дискурса, в котором фокусируются субъективные высказывания носителя языка, отражающего идеологию партий, движений, общественных организаций, влияющих на работу высшего представительного органа государственной власти.

Задача нашего анализа заключается в изучении путей, подводящих в диалоге с оппонентами не к разъединению, а к общности взглядов и позиций. Нас интересуют случаи, когда языковые стратегии при столкновении мнений направлены на то, чтобы,

во-первых, вести споры во имя согласия, добиваться политического консенсуса; во-вторых, отрицать неприемлемые позиции; в-третьих, обосновывать мнение доказательным способом. Журналист или любой производитель речи в текстах газетно-журнальной периодики всегда выступает в двух ипостасях: как лицо общественное, социальное и как частный человек, со своей творческой индивидуальной манерой речи и высказываний. Как следствие, он является выразителем политических и социальных идей, но вместе с тем передает и свое личное отношение к последним, а также точку зрения определенной группы людей со схожим мировоззрением.

Парламентская журналистика, с одной стороны, отражает фактическую информацию, с другой — творческую индивидуальность автора текста в выражении личностных отношений к изображаемой действительности. Объективный и субъективный взгляд на последнюю служат основой для коммуникативного воздействия на массовое поведение читателя.

Профессионализм специалиста в области парламентской тематики включает умение концентрировать внимание читательской аудитории на акцентируемых вопросах политической и общественной жизни страны, добиваться адекватной реакции в соответствии с авторской целеустановкой от массового читателя, использовать приемы речевого мастерства для интеллектуального, эмоционального и волевого воздействия на адресата.

В профессиональной литературе, посвященной журналистике, теоретическое осмысление идеологической жизни общест-

ва коснулось принципов формирования «общественного мнения» через «мировоззренческие ценности аудитории», влияющие на социальное поведение конкретного круга лиц. Пресса активно воздействует на общественное мнение, приводя факты, «отличающиеся значимостью и актуальностью проблем, в различных аспектах политической или экономической жизни страны на современном этапе ее существования» [Ворошилов 2010: 243]. В. В. Ворошилов считает журналистику «институтом демократии и трибуной внепарламентского участия людей в управлении общественными делами», а парламентскую журналистику — активной силой эффективного воздействия на массы [Там же: 243].

Определяя функции ряда «моделей коммуникативных технологий», Д. П. Гавра называет в их числе «определенные изменения в сознании и поведении получателей информации», подчеркивая при этом функцию «управления аудиторией», которая учитывает «субъективно-объективную природу» реакции потребителей информации и их «коммуникативную взаимосвязь» с ее источниками [Гавра 2011: 283]. Не имея в виду лишь журналистские тексты, автор говорит и о когнитивно-прагматической организации текстов парламентской тематики.

В свою очередь, В. Моисеев пишет о принципах журналистики как профессиональной деятельности, которая всегда вызывает «едва ли не самые острые полемики и противоречивые суждения» [Моисеев 2002: 48]. Это относится и к выделяемой автором «инновационной функции», которая проявляется в инициировании политических изменений путем широкой и настойчивой постановки определенных общественных проблем «и привлечения к ним внимания властей и граждан» [Там же: 55]. Актуальные вопросы текущего момента освещаются журналистикой на каждом новом этапе развития общества. Так, по вопросам законодательной деятельности перманентно выступают профессиональные журналисты, политологи, социологи, правоведаы и другие авторы, специализирующиеся в этой области.

В. З. Демьянков в работе «Интерпретация политического дискурса в СМИ» раскрывает принцип «политически нагруженной» речи автора, являющийся «знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык». Такая речь направлена на «гибкое внедрение в чужое сознание» утверждаемых автором «новых взглядов» и модификаций, ведущих к «необходимости политически правильных действий или оценок» [Володина 2008: 375, 386].

Определяя возможности медиакультуры языка на современном этапе истории, М. Н. Володина («Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание») характеризует «информационную картину мира» как «особый вид социальных информационных связей» и создает «модель системы» этих связей, включающую основные ее компоненты: источники информации, речевые сигналы сообщения и декодирующее включение их принимающей стороной [Володина 2008: 10—12].

Остановимся на понятии «идеологизированный дискурс». Парламентский дискурс представляет собой гибридное образование, сочетающее признаки публицистического и политического форматов дискурса. Публицистический дискурс — это способ привлечь читателя к «со-размышлению» [Кройчик 2009]: вступить в дискуссию с оппонентами и организовать ведущую мысль с учетом и собственной, и общественно-политической ориентации автора текста.

Парламентская публицистика, в свою очередь, отражает систему идей, мировоззренческих установок, точек зрения на политические, общественные, правовые вопросы времени, а также позиции определенных партий и движений. Именно эти позиции чаще всего становятся в парламентской журналистике определяющими, в связи с чем можно утверждать, что идеологизированный дискурс — это особым образом организованный феномен, в центре которого находится тематически и интонационно детерминированное речевое поведение создателей дискурсивного высказывания. Парламентская журналистика демонстрирует различные подходы к актам представительной ветви власти, выбору альтернативных или согласованных позиций, генерированию нового сознания читателя на базе утверждения определенных идейных установок. Вместе это формирует идеологизированный дискурс и специальную структуру парламентских текстов. Он нуждается как в эффективном речевом обеспечении, так и в конкретной направленности тематики. Такой язык, как правило, является государственным официальным языком. При этом парламентская журналистика включает в себя элементы литературно-художественного стиля, причем полистилизм достигается определенным набором языковых средств, согласующих представление фактической информации с экспрессивно-оценочной ее окрашенностью, а также с авторской позицией.

Идеологизированный дискурс с необходимостью включает две обязательные позиции создателя текста. С одной стороны, это

«рамка, в которой речетворческие процессы не только связаны с представлением и обобщением информации, но и с умением дать ее в такой форме, которая передала бы эти знания в сочетании идей, положенных в основу информации, целесообразных языковых средств и публицистической ориентации» [Ширина 2007: 54]. С другой стороны, важно подчеркнуть точку зрения автора доминантной коммуникативной установкой, в которой и сосредоточен взгляд на факты, события, суждения, содержащиеся в тексте. В парламентской журналистике это область моделирования языковой картины мира согласно той идеологии, которой придерживается автор текста и стоящие за ним политики, т. е. репрезентация авторской позиции.

Существует несколько форм авторского повествования: монотекст и политекст. В публицистике они активно используются и играют значительную роль в характере коммуникативных взаимосвязей прессы с аудиторией.

Монотекст — высказывание одного лица (журналиста или любого, выступающего в этой роли). Политекст — структура с участием двух лиц (диалог) или нескольких (полилог).

Рассмотрим эти формы на примере текстов парламентской тематики. В монотексте с привлечением точных, конкретизированных данных (цифры, имена) создается картина, отражающая авторскую точку зрения. Объективизация фактов, событий и явлений дополняется логической аргументацией, а также эмоционально-экспрессивным обоснованием, субъективной модальностью и тональностью.

В качестве примеров приведены высказывания Леонида Радзиновского, политолога и обозревателя «Российской газеты». Он объективно, точно, с приведением конкретных данных дает сведения о прошедших выборах в парламент.

Кстати, цифры голосования очень важный социологический материал. Все зафиксировали, что „ЕР“ — евразийская Россия“. В мусульманских регионах она получила значимо больше, чем в „среднерусских“. Причем, Северо-кавказское голосование можно объяснить материальными причинами (регионы дотационные, а „кто девушку ужинает, тот ее и танцует...“). Вообще, разброс по региону огромный: от 99,48%! За „ЕР“ в Чечне, до 28,66% в „Свердловске-центральном“ (Российская газета. 2011. 13 дек.).

Конечно, сейчас много остряют по поводу сильной „рокировочки, перестановочки мест слагаемых“... но ясно, что никакого политического значения это брызжание иметь не может, на итоги выборов никак не влияет. Например, на оппозиционный митинг в Москве в воскресенье пришли

аж 300 человек!.. Вечная неопределенность, „полуторность власти“ утомила и элиту, и электорат в целом. Предвешенное состояние кончилось — встали на землю (Российская газета. 2011. 27 сент.).

В приведенных фрагментах, с одной стороны, демонстрируется конкретная, фактически точная политическая обстановка (два этапа одного события): подготовка и проведение парламентских выборов. С другой, ощущается критический накал избирательной гонки, что проявляется в иронической тональности, допускающей в статье на серьезную тему высказывания в рамках разговорного стиля (*кто девушку ужинает, тот ее и танцует*). Акцентируются субъективно-модальные характеристики, используются приемы экспрессии.

Структура политекста нацелена на полемику и обмен мнениями нескольких субъектов речи. Форма эта также оценочна: оценка репрезентируется в соответствии с авторской точкой зрения и установками парламентских групп и партий. Одна и та же тема может трактоваться по-разному не только в рамках идиостиля, но и с учетом политической платформы издания. Поэтому политексты всегда (или почти всегда) носят дискуссионный характер.

В диалоге столкновение мыслей передается репликами двух лиц.

Приведем фрагмент беседы корреспондента «МК на Дону» с Михаилом Емельяновым, первым заместителем руководителя фракции «Справедливая Россия» в Госдуме.

— *Каковы, на ваш взгляд, особенности выборов в Госдуму с точки зрения партийного лидера и политика вообще?*

— *Главное отличие, что власть теряет доверие.*

— *Почему это происходит?*

— *Ответы на эти вызовы были даны, но перед страной встают новые задачи.*

— *Почему растет социальное неравенство людей... почему на эти вопросы „Единая Россия“ не может и не хочет дать ответ?*

— *Это вполне логично, когда все богатые люди в „Единой России“ (Московский комсомолец на Дону. 2011. 7—14 сент.).*

Диалог создает настрой «на размышление» чередованием вопросов и ответов, ироническими намеками на то, что социальное неравенство будет и дальше усугубляться, потому что, по мнению господина Емельянова, «все богатые люди в „Единой России“».

Полилог — расширенная форма разговора, в котором принимают участие не два, а несколько лиц. В нем более, чем в диалоге,

допустимы элементы речевой спонтанности, отсутствия линейного следования одной теме.

В полилоге аккумулируется критический акцент автора при утверждении или отвержении той или иной мысли, возникающей в процессе полемики. Формы полилога могут быть разные: или представленные в одном контексте, или собранные автором в определенную тематическую рубрику реплики разных лиц. В идеале такая схема отражает комбинацию многоаспектных подходов к теме, а автор выделяет утверждаемую им мысль в соответствии со своими позициями и интересами.

В современной издательской практике СМИ существуют естественные, традиционные, «живые» формы полилога, состоящие из реплик участвующих в разговоре субъектов, и искусственные, собранные из высказываний ряда известных лиц, организованных журналистом в особую структуру. Известны также полилоги, созданные в соответствии с определенной жанровой спецификой конкретного издания. Так, в «Аргументах и фактах» (АиФ) подобная форма присутствует на второй странице в разделе «Политика». Эта форма полилога включает в себя три части: **общее заглавие**, ориентированное на тематику рубрики, несколько **цитируемых высказываний** политиков или членов Думы, объединенных по названной теме, и **комментарии ведущего**. Тема выбирается актуальная (текущие события), пафос — критический, часто проявляющийся в подаче информации в ироническом или пародийном ключе. К подобным публикациям относится текст под названием «*Лесной кодекс — лесной пожар*» (АиФ. 2012. 13—19 июля). Ведущей темой лета 2012 г. были лесные пожары, уничтожающие в большом количестве леса. Эти события подтолкнули депутатов к созданию новой редакции упомянутого в заглавии материала документа. Отклики были и одобрительные, и критические. Иронию вызвали отклонения в обсуждениях от подлинной цели, потому что было необходимо предохранить леса, перейти от «кабинетной» полемики о роли партий в этом вопросе к делу. Это и стало объектом авторской критики.

Г. Зюганов, лидер КПРФ: *Неслучайно уже к сегодняшней дате сгорело лесов в три раза больше, чем в засушливом году. Потому что нужные поправки в Лесной кодекс так и не внесли.*

Комментарий: *Лесной пожар — явление неграмотное. Он лесной кодекс, ни с поправками, ни без поправок даже не читал. Для пожара этот документ — лишь горячий материал* (АиФ, 2012, 13-19 июля).

В. Пехтин, депутат Госдумы: *Когда партий развелось очень много, это было необходимо.*

Комментарий: *У нас в политике — как в лесу: расплодились волки, — надо половину отстрелять. А потом вдруг кто-то решит, что в лесу стало много медведей...*

В авторских оценках заключен скрытый обличительный смысл: «Лесной кодекс» ни с поправками, ни без поправок ситуации не изменит, нужны другие способы охраны лесов.

Внутренняя организация диалога или полилога с участием третьего лица формирует концептуальную основу идеологизированного дискурса публикации.

С нашей точки зрения, научных исследований парламентской журналистики с учетом речевой деятельности «говорящего лица», создающего текст с изостилевой спецификой, в настоящее время недостаточно. Основные речемыслительные процессы и коммуникативные стратегии авторов, транслирующих информацию о законодательной, общественной, политической жизни страны, нуждаются в эффективном речевом обеспечении. В свете этого перспективной является рассмотрение риторических средств языка, с помощью которых журналист обеспечивает успешное воздействие своих высказываний на конкурирующую или сомневающую сторону, а также индивидуальных речевых приемов. Результатом таких исследований могут стать совмещение оценок при характеристике одного факта или события, а также расширение репертуара способов организации согласия между оппонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилов В. В. Журналистика : учеб. 7-е изд. — М., 2010.
2. Гавра Л. П. Основы теории коммуникации : учеб. пособие для бакалавров и специалистов. — СПб., 2011.
3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд. — Минск, 2005.
4. Моисеев В. Журналистика и журналисты (о самой интересной профессии). — Киев, 2002.
5. Кройчик Л. Е. Ценностные ресурсы публицистического произведения // Современные проблемы журналистской науки : ежегод. сб. науч. ст. — Воронеж, 2009.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.
7. Ширина Е. В. Языковой портрет русских публицистов 60-х годов XIX века (творчество А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева). — Ростов н/Д, 2007.
8. Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. — М., 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006.21

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01; 10.02.20

Дарвиш Рихаб эль-Хусейни
Ибрагим Ваиль Фахим
Каир, Египет

Darweesh Rehab Elhossieny
Ibrahim Wael Fahim
Cairo, Egypt

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ПОЛИТИКА»
В РОССИЙСКОЙ И ЕГИПЕТСКОЙ ПРЕССЕ**

Аннотация. Проводится сопоставительный анализ precedentных имен со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе с целью определения общих и специфических черт, присущих фоновым знаниям адресатов прессы России и Египта.

Ключевые слова: СМИ; язык прессы; precedentные феномены; precedentное имя; сфера-источник.

Сведения об авторе: Дарвиш Рихаб эль-Хусейни, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянских языков факультета иностранных языков (Аль-Альсун).

Место работы: Айн-Шамский университет в Каире (Египет).

Контактная информация: 11281, Египет, Каир, e-mail: dr.relhossieny@gmail.com.

Сведения об авторе: Ибрагим Ваиль Фахим, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянских языков факультета иностранных языков (Аль-Альсун).

Место работы: Айн-Шамский университет в Каире (Египет).

Контактная информация: 11281, Египет, Каир, р. Аль-Амирэя (Мадинет Элхана), ул. Гамаэ Элхавари, д. 66.

e-mail: wfi1980@yahoo.com.

**PRECEDENT NAMES
WITH SPHERE-SOURCE «POLITICS»
IN RUSSIAN AND EGYPTIAN PRESS**

Abstract. The article is devoted to the comparative study of precedent names with sphere-source «Politics» in Russian and Egyptian press, to determine general trends and specific features of Russian and Egyptian press addressees.

Key words: mass media; press language; precedent phenomena; precedent name; sphere-source.

About the author: Darweesh Rehab Elhossieny, Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Slavic languages, Faculty of Foreign Languages (Al-Alsun).

Place of employment: Ain-Shams University in Cairo (Egypt).

Contact information: 11281, Egypt, Cairo, p. Madinet Nasr, ul. Yusuf Abas, d. 34.

About the author: Ibrahim Wael Fahim, Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Slavic Languages, Faculty of Foreign Languages (Al-Alsun).

Place of employment: Ain-Shams University in Cairo (Egypt).

В условиях всемирной глобализации средства массовой информации (СМИ) оказывают огромное воздействие на современного человека и являются мощным средством внушения, управления сознанием. Одно из самых важных СМИ — пресса, язык которой значительно влияет на литературный язык и культуру в целом. Для установления культурологического фонда языка можно использовать язык современной прессы, которая ориентируется на массового читателя. Существенным вкладом прессы в современную культуру является создание нового, точнее обновленного языка.

В последние годы наблюдается повышенный интерес к использованию precedentных имен в российской и египетской прессе, что обусловлено количественным преобладанием precedentных имен над всеми остальными видами precedentных феноменов: согласно подсчетам В. В. Джанаевой, имена составляют 48,2 % от всех precedentных феноменов, употребляемых в российской прессе [Джанаева 2008: 11].

Это количественное преобладание объясняется тем, «что имена, названия гораздо проще ассоциируются в сознании с определенным эталоном, образом поведения, становятся символами и приобретают оценочность» [Курбакова 2006: 126]. Кроме того, precedentные имена характеризуются менее сложной структурой по сравнению с precedentными ситуациями и precedentными высказываниями и большим удобством в применении. Precedentные имена являются экономичным способом усложнения текста, создания «вертикального текста» в тексте, позволяющим автору вызвать у читателя требуемые представления и ассоциации и тем самым расширить рамки текста. Этим объясняется, почему в прессе из precedentных феноменов чаще всего используются precedentные имена.

Precedentное имя — это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Тёркин), или с precedentной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода слож-

ный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Захаренко и др. 2004: 17].

Материалом исследования послужили тексты из центральных российских — «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Труд», «Известия», «Советский спорт», «РБК Daily» — и египетских газет: الأهرام («Аль-Ахрам» — «Пирамиды»), الشروق («Алшорук» — «Восход»), الدستور («Алдостур» — «Конституция»), المصرى اليوم («Алмасри алиом» — «Египтянин сегодня»), اليوم السابع («Алиом алсабэ» — «Седьмой день»), الفجر («Аль-Фагр» — «Рассвет») за 2003—2012 гг.

Классификация прецедентных имен на основе сфер-источников культурного знания является одним из перспективных направлений в исследовании изучаемых единиц в современной прессе. Она определяет круг фоновых знаний, который необходим читателю для правильного и полного понимания соответствующих текстов. Вместе с тем данная классификация предоставляет важную информацию о превалирующих ценностях и наиболее актуальных проблемах определенного национально-лингвокультурного сообщества на конкретном этапе исторического развития, что дает ключ к пониманию образа мыслей национально-лингвокультурного сообщества и, следовательно, позволяет сделать выводы о наиболее эффективных механизмах воздействия на сознание его представителей. Сфера-источник как основание для классификации прецедентных имен предоставляет «интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата» [Нахимова 2007: 88]. Широкая распространенность данного подхода к систематизации корпуса прецедентных имен объясняется его высокой результативностью.

Для нас принципиально важно сопоставительное исследование используемых в российской и египетской прессе прецедентных имен со сферой-источником «Политика» с целью определения общих закономерностей и специфических черт, присущих фоновым знаниям адресатов прессы России и Египта. Проведенный нами анализ показывает, что сфера-источник «Политика» занимает первое место в египетской прессе по количеству восходящих к ней прецедентных имен. Относящиеся к ней единицы составляет 26,63 % от общего числа обнаруженных в египетской прессе прецедентных имен. По-

литика не менее актуальна в жизни русских людей, поэтому в российской прессе рассматриваемая сфера-источник по количеству восходящих к ней прецедентных имен занимает второе место (после литературы), включая 18,12 % от общего числа обнаруженных в российской прессе прецедентных имен.

Высокая частотность прецедентных имен со сферой-источником «Политика» в египетской прессе является естественным результатом актуальности темы политики в последние десять лет в связи с увеличением призывов к изменению политической жизни и выступлениями молодежи за изменение условий жизни, которые окончились свержением режима Хосни Мубарака 11 февраля 2011 г.

В сферу-источник «Политика» входят имена политических деятелей, сыгравших важную роль в жизни и развитии российского и египетского государства и мировой цивилизации. Эти прецедентные имена нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают и характеризуют деятельность, политические и личностные качества наших современников. Ср.:

Если бы 15 лет назад результаты референдума были выполнены, то президентом остался бы Горбачев, а к власти в России пришел бы не Ельцин, а российский Дэн Сяопин (Труд. 17.03.2006).

Кроме того, г-н Месич напомнил миру о „геноцидном характере“ сербской автономии и, сообщив, что ее руководство планирует перекроить балканские границы, обозначил г-на Додика как „нового Милошевича“ (РБК Daily. 10.10.2008).

Знать, слишком он живой, слишком русский мужик — Михалев Сергей Михалыч, чтобы его команда могла подолгу работать рассудочно-холодно, без эмоциональной приправы, в духе „железной леди“ Маргарет Тэтчер (Советский спорт. 5.03.2009).

Образ исламского борца столь гадок, что даже при очень большом насилии над собой сделать из него необходимого Че Гевару не получается (Известия. 10.08.2006).

Зимбабвийская Жанна д'Арк, как любит себя называть Джойс, — рьяная проводница земельной реформы, затеянной ее боссом в 2000-м (Известия. 19.11.2006).

Бывший профессор литературы Ругова, этот „балканский Ганди“, с неизменными очками в тончайшей оправе и шелковым шарфом — интеллеktуал, также добивавшийся суверенитета Косово, но ненасильственным путем (Известия. 24.12.2007).

”ربما كان عرفات في حصاره في رام الله وصموده وصبره مثل جان دارك ولكنه لم يستطع ان يصبح ليجول“ (الأهرام. 2004.11.23)

Возможно, Арафат во время осады в Рамалле был таким же стойким и терпеливым, как **Жанна д'Арк**, но он не смог превратиться в **де Голля** (Аль-Ахрам. 23.11.2004).

"وإذا كان الناس قد أطلقوا على البرادعي « سعد زغلول الجديد» فإن «سعد القديم» لم يقف عند حد التفاوض على الطاولات الباردة أو من داخل الصالات المغلقة " (المصري اليوم. 2010/2/23)

Если люди называли эль-Барадеи „новым **Саадом Заглулом**“, то „старый Саад“ не ограничился переговорами на холодных столах или в закрытых залах (Алмасри алиом. 23.02.2010). Саад Заглул — египетский политик, лидер революции 1919 г. против английской оккупации.

"سأطعن بعدم دستورية هذا القانون في أسرع وقت لأن المرأة في مصر الآن أصبحت « شجرة الدر» وأصبحت هي الحاكم الحقيقي " (المصري اليوم. 2009.6.16)

В ближайшее время я буду оспаривать конституционность этого закона, так как в настоящее время женщина в Египте стала „**Шаджар ад-Дурр**“ и настоящим правителем (Алмасри алиом. 16.06.2009). **Шаджар ад-Дурр** правила Египтом всего 80 дней, но верхушка мамлюков не захотела подчиняться женщине. Она была вынуждена уступить трон мужу, хотя фактически именно она держала бразды правления в своих руках.

"وهنا اقتحمت السيدة صفاء الذكر ساحة القسم كأنها **مارجريت تاتشر** في عنفوانها قائلّة: - مال الحكومة ومال الناس الأشراف " (الشروق. 2010.01.20)

Г-жа Сафаа Эльдакар штурмовала полицейский участок, как **Маргарет Тэтчер**, в самом разгаре, говоря: «Зачем полиции честные люди?» (Алшорук. 20.01.2010).

"أنه أكثر انتقادا لسياسات إسرائيل وطالما انتقد تجسس الحكومة البريطانية على الأقلية المسلمة، ولذلك يحلو للبعض وصفه بأنه « **أوباما بريطانيا**» " (المصري اليوم 2010.05.13.

Он много раз критиковал политику Израиля и часто критиковал шпионаж британского правительства за мусульманским меньшинством, поэтому некоторые любят его называть „**Обамо** Великобритании“ (Алмасри алиом. 13.05.2010).

"ميشيل اوباما أو **جاكلين كينيدي السمر** " كما يحلو للأمريكان ووسائل الإعلام تسميتها ستكون هي الأخرى سابقة في تاريخ الولايات المتحدة " (المصري اليوم. 2008.19.11.

Мишель Обама, или „черная **Жаклин Кеннеди**“, как американцы и СМИ любят ее называть, тоже станет прецедентом в истории США (Алмасри алиом. 19.11.2008).

Прецедентные имена русских царей и президентов значимы для русского национального сознания. Наш материал подтверждает замечание Е. А. Нахимовой о том, что современные авторы употребляют прецедентные имена русских правителей преимущественно в негативном смысле.

В положительном плане упоминается только Петр I, эпизодически в положительном плане используются также образы реформатора Александра II и Екатерины Великой, но и в их деятельности отмечается множество изъянов. Это связано с традиционной чертой русских — неуважением к утратившим власть политическим лидерам и подобострастием к людям, стоящим у власти [Нахимова 2009: 18—19].

*Глава Российского государства должен быть, как **Иван Грозный**, **Петр Первый**, но не как **Брежнев**, **Горбачев**, **Ельцин*** (Труд. 29.11.2007).

*Но все эти **ельцины** и прочие, которые были с ним, функционировали как марионетки Запада* (Труд. 25.05.2007).

*Либеральная оппозиция не видит, не хочет видеть, что Путин на самом деле не ведет страну к авторитаризму, не строит „здание новой тюрьмы народов“, как утверждают лидеры нашего либерального сообщества, а, напротив, сдерживает, как может, всенародный запрос на нового **Сталина**, запрос на новую „расправу“* (Комсомольская правда. 29.11.2004).

Египетские правители, наоборот, упоминаются в египетской прессе с большим уважением, что связано традициями египтян, которые в древности считали своих правителей-фараонов богами. В положительном смысле употребляются следующие имена: جمال عبدالناصر، احمدس، ببيرس، قطز، مينا، ، توت عنخ امون، خوفو، رمسيس الثاني، كليوباترا، نفر تيتي، الحاكم بامر الله،

которые используются в негативном плане. Обратимся к примерам: "ونعم يوجد لدينا **قطز** المنقذ والذي يعمل بكل جهد وقوة للنجاح وإعادة الأمور إلى وضعها الطبيعي داخل مملكة الاتحاد من جديد " (المصري اليوم. 2010.20.07.)

Да, у нас есть **Кутуз**-спаситель, который усердно и сильно работает, чтобы добиться успеха и снова привести дела в нормальное состояние в королевстве футбольной ассоциации (Алмасри алиом. 20.07.2010). **Кутуз** — мамлюкский султан Египта (1259—1260). Под его командованием египетская армия одержала победу над монголами в битве при Айн-Джалуте.

"مصورو الصحف يتظاهرون ضد منعهم من تغطية جلسات البرلمان.. ويشبهون سرور بـ **قراقوش**" " (عنوان. المصري اليوم. 2007.4.02.)

Фотографы газет проводят демонстрации против запрета на освещение заседаний парламента ... и уподобляют Сурура „**Каракошу**“ (Алмасри алиом. 4.02.2007). **Сурур** — председатель парламента того времени. **Каракош** — египетский султан, который известен несправедливостью и безумными решениями.

"بلدنا مش عايزة مينيا وأحمس بس دي عايزة نبقى كنا مينيا وأحمس" (المصرى اليوم. 2007.24.12.)

Нашей стране не нужны только **Менес** и **Яхмос**, но ей нужно, чтобы мы все были, <как> **Менес** и **Яхмос** (Алмасри алиом. 24.12.2007). **Менес** (*Мина*) — первый правитель Древнего Египта, основоположник I династии. Его прозвище — Менес — объединитель двух царств. **Яхмос** — фараон Древнего Египта, основатель XVIII династии. Он одержал победу над гигсосами.

"رما اعتبرت يا نصرالله أن حشد التأييد والإعجاب العربى بك حولك إلى عبدالناصر جديد يقوم بتحريك الجيش المصرى ليخرج معه الشعب وإشعال أول شرارة للثورة على الحكم" (المصرى اليوم. 2009.29.04.)

«Может быть, Насралла, ты считаешь, что арабская поддержка и восхищение тобой превратили тебя в нового **Абдель Насера**, который может двигать египетскую армию, чтобы к ней присоединился народ и высеклась первая искра революции против правящего режима» (Алмасри алиом. 29.04.2009). **Гамаль Абдель Насер** (1918—1970) — второй президент Египта (1956—1970), полковник, деятель панарабского движения.

Основной функцией прецедентных имен является оценочная. Оценка не только одна из функций исследуемых единиц, но и одна из трех составляющих инварианта восприятия прецедентных имен, включающих в себя *дифференциальные признаки, атрибуты, оценку*. Согласно нашим наблюдениям, преобладает употребление прецедентных имен для выражения отрицательной оценки, что, на наш взгляд, связано с двумя факторами: внутриязыковым и внеязыковым. Первый заключается в способности большинства слов с положительной оценкой приобретать негативный смысл в составе стилистической фигуры иронии, в то время как обратное контекстуальное изменение оценки не характерно. Второй же фактор связан с психологией человека, который склонен в первую очередь замечать отрицательные характеристики окружающих, считая, что другие люди могут представлять опасность. Отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, которые рассматриваются как естественные, нормальные, а потому вызывают меньший эмоциональный отклик [Ретунская 1987: 37—41]. Кроме того, журналистов отличает критический взгляд на реалии современной жизни.

Проведенный нами анализ показывает: и в российской, и в египетской прессе наибольший процент прецедентных имен со сферой-источником «Политика» принадлежит национальной культуре (53,85 % и 53,49 % соответственно), что подтверждает

принцип национального детерминизма при отборе прецедентных феноменов. Второе место по частотности в сопоставляемых дискурсах (30,77 % и 31,40 % соответственно) занимают прецедентные имена европейского происхождения (*Геббельс, Диана, Маргарет Тэтчер, Муссолини, Наполеон, Нерон, Франко, Черчилль, Шарль де Голль, Эйхман; جوليز، مارجریت تاتشر، نابليون، الاسكندر الأكبر، ريتشارد قلب الاسد*). Востребованность европейских прецедентных имен со сферой-источником «Политика» можно связать с тем, что по объективным историческим и географическим причинам судьбы России и Египта связаны с историей Европы.

Частую апелляцию русских и египетских журналистов к прецедентным именам западного происхождения также можно объяснить тем, что в сознании россиян и египтян Запад воплощает «психологический фактор, ментальный феномен, предстающий в трех аспектах: Запад как мода, Запад как престиж и Запад как пропаганда» [Леонтович 2007: 83]. В последнее время США и некоторые европейские страны стали для русских и египтян символом богатства и успеха. Высокая частотность прецедентных имен западного происхождения также свидетельствует о том, что и русские, и египетские читатели неплохо знакомы с европейской культурой, в частности с культурой США, Великобритании, Франции, Италии, Германии.

В последние два года (2011—2012) как в египетской, так и во всей арабской прессе очень часто используются прецедентные имена египетского молодого человека *Халед Саид* (Халед Саид), который был жертвой насилия полиции, и тунисского молодого человека *Мохаммед Буазизи* (Мохаммед Буазизи), который совершил самоубийство после того, как его оскорбила полицейская. Их смерть послужила началом массовых народных волнений в Египте и Тунисе, перешедших в революции в обеих странах. Ср.:

"كلنا مازلنا خالد سعيد" (عنوان. الشروق. 2011.29.10.)

Мы все ещё **Халед Саид** (заголовок. Алшорук. 29.10.2011).

"بو عزیزی" ایرانی بحرق نفسه فی میدان الثورة" (عنوان. المصرى اليوم. 2011.24.08.)

Иранский „**Буазизи**“ поджег себя на площади Революции (заголовок. Алмасри алиом. 24.08.2011).

После революции 25 января 2011 г. в Египте сильно изменилось употребление имени бывшего президента Мубарака в египетской прессе. До революции это имя использовалось как символ мудрости и героизма в Октябрьской войне 1973 г., как обозначение родоначальника мира, стабильности, развития. После революции данное имя

превратилось в символ диктатуры, коррупции, в обозначение убийцы. Приведем примеры употреблений прецедентного имени до и после революции.

"أكد الدكتور سيد مشعل وزير الدولة للانتاج الحربي ان مصر استطاعت ان تجتاز العبيد من المحن والصعاب بفضل حكمه الرئيس مبارك" (الاهرام. 2008.28.01)

Государственный министр военного производства подчеркнул, что Египет смог преодолеть многие испытания и трудности благодаря мудрости президента **Мубарака** (Аль-Ахрам. 28.01.2008).

"توجه اتباع الصوفية بالتحية إلى الرئيس مبارك قائد الضربة الجوية التي فتحت طريق العبور والنصر والسلام لقواتنا المسلحة في حرب العاشر من رمضان" (الاهرام. 2010.26.08)

Последователи суфизма направили приветствие президенту **Мубараку**, командиру воздушного удара, который открыл нашим вооруженным силам в войне десятого рамадана путь к переходу, победе и миру (Аль-Ахрам. 26.08.2010).

"تقول «فورن بوليسي» إن أنصار مرسى ومستشاريه دائما ما يصرون على أن رئيسهم « ليس مبارك بلحية»" (الشروق. 2012.3.12)

Сторонники и советники Мурси всегда настаивают на том, что их президент „не **Мубарак** с бородой“, сообщает „Foreign Policy“ (Алшорук. 3.12.2012).

"الديكتاتورية الحالية أكثر قسوة حتى من ديكتاتورية مبارك، الذي كانت قراراته تخرج بالتعاون مع البرلمان، والأحزاب السياسية والقضاء. أما هنا فنحن نتحدث عن رجل واحد يتحكم في كل شيء" (الدستور. 2012.18.08)

Существующая диктатура даже строже, чем диктатура **Мубарака**, решения которого принимались в сотрудничестве с парламентом. А теперь мы говорим об одном мужчине, контролирующем всё (Алдостур. 18.08.2012).

Согласно нашим данным, 32,97 % обнаруженных в российской прессе прецедентных имен со сферой-источником «Политика» используются и в египетской прессе. Данные прецедентные имена являются универсально-прецедентными, известными среднестатистическому представителю современного общества. В российской и египетской прессе встречаются следующие прецедентные имена: *Бен Ладен* (بن لادن), *Ганди* (غاندي), *Гейббельс* (جوليز), *Мао Цзэдун* (ماوتسى تونج), *Маргарет Тэтчер* (مارجريت تاتشر), *Муссолини* (موسوليني), *Наполеон* (نابليون), *Нерон* (نيرون), *Че Гевара* (جيفارا), *Чингисхан* (جنكيزخان) и др.

В египетской прессе обнаружено пять русских прецедентных имен со сферой-источником «Политика»: *Иван Грозный* (ابغان), *Ленин* (لينين), *Распутин* (راسپوتين), *Пётр Великий* (بطرس الأكبر), *Сталин* (ستالين). Это не удивительно: Россия занимает на мировой

арене влиятельную отчетливую позицию по всем вопросам, кроме того, Россию и Египет связывают давние крепкие отношения, в особенности в 50—60-х гг. прошлого века, во время войн Египта с Израилем и в период холодной войны. Однако в российской прессе обнаружено только два египетских прецедентных имени: *Клеопатра*, *Нефертити*.

Интересны два примера из нашего материала, в которых русский и египетский журналисты используют в трансформированном виде прецедентное имя *Ричард Львиное Сердце*, заменяя элемент *Ричард* именем президента своей страны:

Путин *Львиное Сердце* (заголовок. Известия. 3.08.2007).

"حسنى قلب الأسد" (المصرى اليوم. 2008.12.02)

Хусни *Львиное Сердце* (заголовок. Алмасри алиом. 12.02.2008).

Итак, сопоставительное исследование прецедентных имен со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе показало актуальность темы «политика» для российского и египетского народа, преобладание прецедентных имен с отрицательной оценкой, принцип национального детерминизма при отборе прецедентных имен, большее уважение к египетским правителям, существование немалого количества прецедентных имен западного происхождения в сопоставляемых дискурсах и изменение инварианта восприятия некоторых прецедентных имен в египетской прессе после революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанаева В. В. Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2008.
2. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1. — М., 2004.
3. Курбакова Ю. В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
4. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. — М., 2007.
5. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург, 2007.
6. Нахимова Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных СМИ // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 2. С. 12—19.
7. Ретунская М. С. Условия формирования оценочных номинаций в процессе коммуникации // Вестн. Харьков. ун-та. 1987. С. 37—41.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006.21

ГСНТИ 16.21.25

Код ВАК 10.02.19

А. И. Зверев A. I. Zverev
Москва, Россия Moscow, Russia

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЛЕКСЕМ «СКОМОРОХ» И «ШУТ»
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Анализируется употребление лексем «шут» и «скоморох» в современном российском политическом дискурсе. Установлен набор контекстуальных особенностей употребления указанных лексем.

Ключевые слова: скоморох; шут; синонимы; театральность политического дискурса.

Сведения об авторе: Зверев Антон Игоревич, аспирант.

Место работы: Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва).

Контактная информация: 119019, Москва, Волхонка, 18/2.
e-mail: zverevanton@mail.ru.

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF METAPHORICAL USE
OF THE LEXEMES “SKOMOROKH”
AND “JESTER” IN MODERN
RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The article studies the use of the lexemes “jester” and “skomorokh” in modern Russian political discourse. The article specifies the contextual features of these terms.

Key words: skomorokh; a court jester; convertible terms; theatricality of the political discourse.

About the author: Zverev Anton Igorevitch, Post-graduate Student.

Place of employment: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Основная задача данной статьи заключается в попытке определить семантические различия между лексемами «скоморох» и «шут» и особенности употребления указанных лексем в современном российском политическом дискурсе. Кроме того, мы постараемся определить границы функционирования и особенности метафорического употребления указанных лексем. Наше исследование основано на гипотезе о том, что «шут» и «скоморох» зачастую употребляются в схожих контекстах, причем эти лексемы не являются абсолютными синонимами, а сохраняют ряд исторически сложившихся и культурно обусловленных признаков, помогающих различать объекты, обозначаемые скоморохом или шутом. Более того, эти «схожие контексты употребления» мы постараемся подобрать к некоторым другим лексемам, которые часто в политическом дискурсе используются наряду со «скоморохом» и «шутом» в значении, близком к значениям указанных слов.

Материалом исследования служат политические статьи и обзоры двух крупных интернет-изданий — «Gazeta.ru» и «Lenta.ru» за 2004—2013 гг. Также мы обращались к изданиям «Vedomosti.ru», «Izvestia.ru», «Snob.ru» и Национальному корпусу русского языка.

Необходимость изучения выбранной нами темы следует из нескольких предпосылок. Первая заключается в том, что исследование метафор политического дискурса в ключе театральности логично начинать

с главного «действующего лица», т. е. таких лексем, которые являются результатом метафорической проекции из сферы-источника «Театр», к которому принадлежат слова «шут» и «скоморох» в своих прямых значениях, на личность конкретного политического деятеля. Так, Н. Г. Шехтман в работе «Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе» проводит сопоставительный анализ театральных метафор через призму фрейм-слотовой структуры представления знаний и выделяет фрейм «„People who work in the theatre“ — „Работники театра“ в американском и российском политическом дискурсе». Мы видим необходимость в уточнении формулировки фрейма, поскольку, в соответствии с традицией русского языка, актеров, комедиантов, лицедеев, костюмеров, декораторов и прочих правильнее называть «служащими» театра.

Если критически рассмотреть примеры, которые Н. Г. Шехтман включает в выделенный ею фрейм, то можно заметить определенную парадоксальность, поскольку некоторые из приведенных в работе примеров крайне условно относятся к театру. Речь идет прежде всего о словах «маэстро» [Шехтман 2005: 127] и «жонглировать» [Там же: 127], которые в нашем сознании конвенционально соотносятся с областями «Музыка» и «Цирк». Подобные примеры позволяют утверждать, что границы области-источника метафорического проецирования, с одной стороны, условны, а с другой стороны, дос-

таточно подвижны, т. е. способны расширяться за счет включения всё новых и новых понятий. В силу синкретизма и изоморфизма основных видов изобразительных искусств исследователи метафор охотно раздвигают рамки понятия «театр», добавляя такие смежные области, как цирк, кино, музыку и др. Эта же парадоксальность просматривается в нашем исследовании, поскольку «шут» и «скоморох» не являются типичными фигурами театра, но при этом в метафорическом употреблении соответствующие лексемы достаточно явно создают ощущение театральности в любом из рассмотренных политических текстов.

Как пишет Е. И. Шейгал, «театральность политического дискурса связана с тем, что одна из сторон коммуникации — „клиент“, народ — выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает события как некое разыгрываемое для него действо» [Шейгал 2004: 63]. Театральность — это один из важнейших и системообразующих факторов политического дискурса. О политике говорят «языком» театра не только в силу внешней схожести семиотических моделей коммуникации политиков и артистов, но и в силу общечеловеческой традиции говорить о жизни как о театре (ср. расхожие фразы «Вся жизнь игра», «Live is a Cabaret», «Live is a Carnival», «Show must go on», «It's Showtime» и пр.). Фактор «адресата-наблюдателя», отмеченный Е. И. Шейгал, тоже сказывается, но требует некоторых уточнений, поскольку разделение «государства» и «народа» соответственно на «адресата» и «адресанта» порой крайне условно. Это демонстрирует прежде всего Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса „Российская общественная инициатива“». Из правил, сопровождающих этот указ, можно сделать заключение, что гражданин РФ может внести любую инициативу по вопросам «развития страны», «совершенствования государственного и муниципального управления». Наличие подобной возможности мы и считаем примером смены отношений «адресата» и «адресанта» политической коммуникации. Более того, следует отметить, что говорить о людях как о «наблюдателях политических действий» всё труднее и труднее, примерами чему служат и протестные митинги российской оппозиции («Русский марш», «Марш миллионов», «Народные гуляния», марш около памятника Абаю Кунанбаеву, получивший в Интернете хэштег

#ОкупайАбай), и акции гражданского неповиновения, и народные волнения на Украине, получившие название «Евромайдана». Участники этих акций, равно как и люди, выдвигающие какие-либо общественные инициативы, становятся «источником» политического действия (адресантом), а «правительство» в широком смысле и президент как руководитель правительственного аппарата — «целью» этого действия (адресатом).

Другая грань театрализации политического дискурса заключается в том, что «политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о „зрительской аудитории“ и намеренно или непроизвольно лицедействуют, „работают на публику“, стараются произвести впечатление и „сорвать аплодисменты“» [Там же: 63]. Смена «источника» политического действия не отменяет возможность говорить о политике языком театра, а лишь усложняет эту схему путем добавления еще одного актанта — народа, лидер или представитель которого также может «лицедействовать», «работать на публику», «срывать аплодисменты».

Независимо от распределения ролей адресата и адресанта политической коммуникации в оппозиции «народ — власть» мы вынуждены признать, что метафоры, использующие театр в качестве источника метафорического проецирования, употребляются в политическом языке, как правило, с уничижительной оценкой, при этом они содержат импликацию «несерьезности», «нереалистичности», «искусственности» происходящего. Исключение составляют устойчивые сочетания вроде «арена политической борьбы», «политическая сцена», «театр военных действий» и др. Так, например, в рубрике «Письмо редактора» журнала «Компания» от 12 августа 2013 г. содержится масса театральных метафор, уничижительно описывающих политические реалии современной России: *Но гремят они на всех подмостках страны, как бездарно поставленная пьеска; И всё это с таким пафосом и драматизмом...; Роли расписаны, слова выучены; В Москве состоится всё-таки выборы, а не очередной балаган с волеизъявлением публики; К чему тогда комедия?; Скорее, это просто еще одно действие замыленной оперетки, разыгранной на этот раз не в вертепе, а в столице.*

Ирония и высмеивание политических противников или событий являются популярной областью приложения метафор вообще и театральных метафор в частности. Подобная функция метафоры прослеживается со времен Аристотеля, который отме-

чал, что «если желаешь представить что-нибудь в прекрасном свете, следует заимствовать метафору от предмета, лучшего в этом самом роде вещей; если же <хочешь> выставить что-нибудь в дурном свете, то <следует заимствовать ее> от худших вещей...» [Аристотель 2013: 271].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что приведение «политики» и «театра» к одному знаменателю «ненастоящности» несколько противоречиво, поскольку театр — это институционализированный потомок обрядовых действий, сопровождающих культовые ритуалы. Не вызывает сомнения тот факт, что, например, обрядовый охотничий танец был достаточно реален для людей до возникновения государственности. А современная политика — это (с вербальной стороны) наследник ораторского мастерства античности, где «в VII в. до н. э. с уходом в прошлое эпохи царей и усилением демократических тенденций ... всё большее значение приобретает звучащее слово, ... обращенное к коллективу с призывом к действию» [Корнилова 2010: 12]. Ритуальные действия и красноречие — это естественные элементы быта человека, которые с течением времени эволюционируют и дают автономные понятия «театра» и «политики». При этом со временем утрачивается фактор ежедневной вовлеченности каждого члена человеческой общины или античного полиса. Один из исторически ранних случаев максимального сближения театра и политики зафиксировал Гай Светоний Транквилл в работе «Жизнь двенадцати цезарей», приводя такой эпизод биографии Нерона: «Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках» [Светоний 2007: 251].

Употребление театральные метафор является довольно распространенным явлением в политическом дискурсе любой страны. Существует гипотеза, что в исторические периоды, насыщенные политическими событиями, количество театральные метафор значительно увеличивается. Научное подтверждение данного предположения вполне возможно, но выходит за рамки темы нашего исследования.

Начать сопоставительное исследование, касающееся употребления слов «скоморох» и «шут», мы хотели бы с ряда примеров метафорического употребления лексемы «скоморох», с тем чтобы постараться выделить функциональную канву этой метафоры.

(1) *Человеческая психика проста и незамысловата, а Жириновский — пророк ее. Забавно было наблюдать в минувшие выходные, как миллионы людей вышли на улицы ради буквального подтверждения полупьяных откровений великого **скомороха** современной России [Лиманов].*

(2) *Вообще-то они, „военные“, настоящие **скоморохи**, их акции — чистый балаган, проявление площадной народной культуры. Так, может быть, надо их номинировать и на „Золотую маску“? [Кабанова 2011].*

(3) *Их обязательно нужно наказывать, хотя с тюремными сроками явно перебарщивают. Я не согласен с Андреем Куряевым, который назвал их выходку **скоморошеством**. **Скоморохи** могут выступать на улице, а в церкви — это уже осквернение [Тимофеев 2012].*

(4) *В начале кампании много было нареканий, что, дескать, брат слишком скован, недостаточно эмоционален и т. д. А мне кажется, такая реакция была вызвана нашей многолетней привычкой видеть по телевидению распущенных хамов и **скоморохов**, величающих себя публичными политиками [Соколова 2012].*

(5) *В мегафон ей вторил второй секретарь обкома Николай Алянич: „Ельцин — это **скоморох**, низкокультурный человек“ [НКРЯ].*

(6) *С момента, как начался ажиотаж вокруг песни „Наш дурдом голосует за Путина“, мне уже не раз приходилось подчеркивать, что мы не политики и не оппозиционеры, а **скоморохи**. И нам, конечно, не пристало вставать ни под чьи знамена [Крижевский 2011].*

На основании приведенных примеров попробуем сделать общие выводы об особенностях метафорического употребления лексемы «скоморох». Во-первых, скоморохом или скоморошеством называют человека или группу лиц, поведение которых нарушает социальные нормы путем привнесения забав и увеселений в сложившийся порядок. Исследователи скоморошества часто говорят об «антиповедении» скоморохов. Когда скоморошество на Руси было официально запрещено, их забавы приравнивались к преступлению. С. Г. Максимов приводит выдержку из «Поучения» Митрополита Кирилла, содержащую прямой запрет на «русалии скоморохов и прочие диавольские игры» [Максимов 2011: 83]. «Царская грамота в Белгород об исправлении нравов и уничтожении суеверий» 1648 г. от царя и Великого князя всея Руси Алексея Михайловича также отмечает, что «пьянство и всякое мя-

тежное действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми» является серьезным врагом для любого православно-го крестьянина. Парадоксальным образом запрет царя Алексея Михайловича на скоморошество противоречит созданию «комедийной хоромины», а после — и «комедийной палаты» при его же правлении. Сопоставление скоморошества и преступления содержится в примере 3, в котором панк-молебен участниц группы «Pussy Riot» был приравнен к скоморошеству.

Во-вторых, скоморошество — это одна из маркирующих особенностей поведения конкретных политиков, выходящего за рамки социальных норм (примеры 1 и 5). Особенность такого употребления заключается в том, что «скоморошество» — это не просто оценка конкретных действий, примеров «антиповедения», а прозвище-оценка всей карьеры политического деятеля. В этом случае не имеет значение, что послужило стимулом к появлению подобной метафоры, поскольку за человеком уже закрепились репутация «несерьезного». Историческим примером может выступить прозвище «Свирепый скоморох», которым обозначил Ивана Грозного Л. Бердников в книге «Шуты и остроусловы: герои былых времен» [См. подр.: Бердников 2009: 15—36]. Большое количество «забав» Ивана Грозного, включающих насилие и убийства, было направлено на увеселение конкретного человека, его самого, поэтому сравнение со скоморохом не носит какого-то прецедентного характера, а описывает большую часть поступков царя.

Отсутствие привычной одиозности в поведении политика, которое должно было бы способствовать фокусировке людей на его словах и поступках, напротив, вызвало появление негативных характеристик этого политического лица, как в примере 4. В этом же примере отмечается, что «скоморошество» как тип поведения в современном российском сознании может быть отнесено к любой политической фигуре.

Также «скоморошеством» удобно обозначать различные культурные проявления (акции, перформансы и пр.), художественная ценность которых достаточно сомнительна и вызывает лишь смех (примеры 2 и 6). В примере 2 перформансы арт-группы «Война» сравниваются со скоморошеством, поскольку акции этого объединения носят политически-протестный характер, для чего часто используются достаточно провокационные методы, вроде инсценировки казни, получившей название «Памяти декабристов».

Отметим тот факт, что скоморошество всё же скорее ассоциируется с нарушением

правил, которое вызывает смех у людей (исключая пример 3). В большинстве приведенных примеров лексеме «скоморох» можно гипотетически заменить лексемой «шут», при этом не произойдет «сокращения» метафорического следствия, снижения стилистической окраски или разрушения смысла фразеологического оборота.

Обратим внимание на контекстуальную особенность употребления слова «скоморох» в примерах 3 и 6: скоморошеством называется исполнение песен (в обоих примерах) и танец (в примере 3). В словаре В. И. Даля понятие «скоморох» дефинируется через синонимический ряд «музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, волынщик, гуслиар, промышляющий пляской с песнями...» [Даль 1909: 103]. Исполнение музыки на различных инструментах, пляски, шутки — вот основные рамки функционирования скомороха.

В политическом дискурсе скоморох лишен ряда традиционных обязанностей, например сопровождения ритуалов жизненного цикла. Кроме того, исторически скоморохи вели бродячий образ жизни, что объединяло их с бродячими комедиантами и музыкантами Европы, но в современном политическом языке нам не удалось найти примеров, иллюстрирующих частую смену места действия скомороха. «Антиповедение», или «поведение наоборот» скомороха утратило и внешнюю атрибутику (ношение маски и вывернутой наизнанку одежды), но сохранило элемент нарушения традиционного соотношения ситуации и действия. Одно из направлений скоморошества — кукольный театр, который представлял собой поднятую вверх простыню, нижний край которой обвязывался вокруг пояса скомороха, — является достаточно распространенной театральной метафорой в политическом дискурсе, но связь кукольного театра со скоморошеством в политическом языке уже неочевидна. Не связывается со скоморошеством и Петрушка, который из главного героя кукольных представлений скоморохов стал фигурой, олицетворяющей глупость и простодушие.

Рассмотрим теперь примеры употребления лексемы «шут», которую метафорически также используют для обозначения человека, вызывающего смех своим поведением или словами.

Во-первых, «шутлом» часто называют политика, слова или поведение которого выходят за рамки норм, вызывают смех у людей, наблюдающих за поведением «шута» или являющихся адресатом шутовских действий. Об этом свидетельствуют следующие примеры из современной политической публицистики:

(7) Владимир Жириновский назвал Дагестан, Чечню и Ингушетию главными проблемами России. В ответ глава Чечни Рамзан Кадыров назвал его **шутом**, а чеченский парламент потребовал отправить Жириновского в отставку (что невозможно без решения суда) [Генпрокуратура проверит слова Жириновского...].

(8) У меня нет проблем с самовыражением. Если б я хотел назвать его Гитлером, я бы назвал. Правда, я считаю, что он на Гитлера абсолютно не тянет. Он **шут гороховый** (об Алексее Навальном) [«Это капризные нарциссы, а не оппозиция»].

(9) И если для американцев аль-Сахаф вполне вписывался в роль **шута**, то жителям арабских стран он виделся несгибаемым патриотом [Сергеев 2003].

Во-вторых, следует отметить дополнительную функцию «шута» как носителя и выразителя какой-либо информации, которую не осмеливаются произнести серьезные политики. Эта характеристика шута сближает его с «сумасшедшим» из тернарной структуры «дурак — умный — сумасшедший» в понимании Ю. М. Лотмана, который отмечал, что безумное поведение (сумасшествие) «отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для „нормального“ человека» [Лотман 1992: 65]. Эту особенность шута отмечают и исследователи русской культуры и фольклора: «Веселый, дерзкий, ярко и вызывающе одетый шут забавлял своего господина смешными выходками, баснями, прибаутками, пользуясь свободой, которой были лишены другие приближенные, и часто под видом шутки говорил властелину горькую правду» [Гаврилов 2009: 113].

(10) На самом деле Сильвио Берлускони, с простодушием режущего правду-матку **шута при дворе жестокого тирана**, всего лишь обнажил тот ценностный фон, на котором по-прежнему творится мировая политика [Новопрудский (2)].

В-третьих, мы можем отметить социальное местоположение «шута» возле правителя или правительств. Шут уже не просто развлекает всех подряд, а смешит политического лидера или определенный круг людей, как шуты во «Всешутейшем, всепьянейшем и сумасброднейшем соборе» при Петре I или в «Кувыр-коллегии» при Анне Иоанновне — антиповедение шута направлено на конкретного адресата. Антиповедение шута исторически имело характерный внешний атрибут: головной убор шута — это колпак, верхушку которого образуют три кону-

сообразные детали, украшенные колокольчиками или бубенцами на концах. Эта шляпа символизирует ослиные уши и хвост, а также является вывернутой короной, «антикороной». В современном политическом дискурсе примеров употребления выражения «шотовской колпак» нами не выявлено.

(11) Именно абсолютная власть, так как весь штат чиновников обслуживает прихоти верхушки, армия силовиков охраняет их сон, **придворные шуты** развлекают их „аншлагами“ [Пташкин 2010].

(12) Отдельные политические персонажи и вовсе предлагали организовать убийство неудачливого ВИПа, только чтобы он не оказался в застенках у супостата. Причем делали это публично, как и свойственно **шутам**, передразнивающим своих осторожных властителей [Сладкий суд отечества].

В словаре В. И. Даля «шут» толкуется не через синонимический ряд, как слово «скоморох», а с помощью дефиниции: «...человек, промышляющий шутовством, шутками, островами, дурачеством...» [Даль 1909: 746].

Если рассмотреть случаи употребления слова «шут» в перечисленных примерах, то можно констатировать, что в примере 7 «шута» с легкостью можно заменить на «скомороха», при этом эффект от метафорического сравнения не снижается. Пример 8 содержит устойчивое словосочетание «шут гороховый», которое, равно как и «шут полосатый», «шут площадной», «шут балаганный», «шут выворотной» и «шут Балакирев», не может быть заменено на «скомороха» без потери дополнительного фразеологического смысла. Отметим, что этимология фразеологизма «шут гороховый» непосредственно связана с атрибутом, который носил при себе средневековый шут. Этот атрибут шотовского наряда представлял собой короткий жезл, украшенный с одного конца надутым бычьим пузырем, в который для шумового эффекта насыпали сушеный горох. С помощью такой «погремушкой» шуты собирали публику, а также часто в ходе выступления стучали по голове других актеров или зрителей. Шотовской наряд, сшитый, как правило, из тканей двух разных цветов, был зафиксирован во фразеологизме «шут полосатый».

Примеры 10 и 11 содержат указание на локализацию деятельности шута (рядом с правителем), что является одним из критериев различия «шута» и «скомороха», поскольку скоморох — это бродячий артист. Место действия шута ограничено «двором», что отражено во фразеологии: «придворный шут» в русском языке, «der Hofnarr» — в немецком (*der Hof* — нем. «двор»), «a court jester» — в английском (*a court* — англ. «двор»).

В современном политическом языке образ шута значительно размыт, что очевидно при сравнении примеров 1 и 7, в которых замена «скомороха» на «шута» не влечет за собой изменения смысла метафорического сравнения. Более того, «шут» и «скоморох» часто употребляются одновременно или вместе с рядом лексем, схожих по функции дискредитации политика.

(13) *„Шуты и скоморохи пошли в губернаторы, — сказал он. — Скоро докажемся до того, что парламентский час будет вести Регина Дубовицкая“* [Руднева, Солянская 2004].

(14) *Ну так, в конце концов, безо всяких выборов можно было бы провозгласить нынешнего российского президента царем Владимиром I, а политтехнологи с провластными журналистами и руководителями телеканалов просто переквалифицировались бы в придворных шутов и скоморохов* [Новопрудский (1)].

(15) *Она продолжала настаивать, что Pussy Riot — это шуты и скоморохи, юродивые, а не преступники. Строчка из песни „черные рясы — золотые погоны“ — она не о богохульстве, а о сращивании церкви и правоохранительных органов* [На седьмой день бог отдыхал].

(16) *По мнению депутата-регионала Сергея Кивалова, носящего, кстати, прозвище, ... Луценко — не кто иной, как „шут, скоморох, кабацкий дебошир, трусливый пес, алкоголик и Иуда“* [Сонный пасечник и трусливый пес].

Попытаемся решить поставленную в начале задачу — установить особенности употребления лексем «шут» и «скоморох» в современном российском политическом дискурсе. Проанализировав приведенные выше примеры употребления указанных лексем, мы утверждаем, что *шут* и *скоморох* могут употребляться синонимически (примеры 1 и 7). Кроме того, мы постарались установить границы функционирования лексем «шут» и «скоморох», т. е. выделить типовые ситуации, которые метафорически называются «шутством» и «скоморошеством», а их участники сравниваются с шутами и скоморохами. Сопоставление этих типовых ситуаций и подтвердило нашу основную гипотезу о том, что «шут» и «скоморох», синонимически сближающиеся в современном политическом дискурсе, сохраняют набор уникальных для каждого понятия черт даже в такой прикладной сфере функционирования языка, как политический язык. Так, основная событийная канва функционирования скомороха, сохранившаяся в политическом дискурсе, — песни, пляски, веселые

проделки, остроты (примеры 1, 2, 3 и 6). Деятельность шута ограничена шутками, кривлянием, передразниванием (примеры 8, 9, 10). За метафорическим «скоморохом» обычно нет никакой реальной политической силы, он один, а метафорический «шут» сохраняет свой титул «царя дураков». Так, в примерах 7, 8 и 9 осуществляется метафорическая дискредитация крупных политических фигур — В. В. Жириновского, А. Навального и министра информации Ирака Мухаммеда Саида Аль-Сахафа, — которые являются лидерами определенных политически значимых социальных групп.

В русской культуре противопоставление скомороха и шута несущественно, поскольку это не два разных персонажа, а разные грани одного, более общего, архетипического, — трикстера. Наиболее общее определение «трикстера» приводится в Википедии: «Трикстер (англ. *trickster* — обманщик, ловкач) в мифологии, фольклоре и религии — божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения» [Трикстер]. Крупный исследователь феномена трикстера Д. А. Гаврилов в работе «Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре» отмечает ряд важнейших черт этого архетипа: он нарушитель спокойствия и сеятель раздоров; провокатор и инициатор; посредник; господин магических искусств, добытчик знаний и благ; воплощение дикой первобытной природы; оборотень, трюкач, игрок; мудрец и юнец. Эти характеристики не стоит понимать буквально, поскольку, например, характеристика «оборотень» маркирует такую особенность поведения трикстера, как переодевание: одежда наизнанку у скомороха, шутовское платье и колпак у шута. Разные комбинации характеристик трикстера и образуют дихотомию «скоморох — шут», рассматриваемую в нашем исследовании. На разделение скомороха и шута в русской культуре непосредственно повлиял ряд политических факторов, таких как запрет духовенства на скоморошество, поощрение шутовства при Петре I, заимствование и создание первого русского театра при царе Алексее Михайловиче и др. Это исторически сложившееся противопоставление перешло и в политическую сферу, сохранив некоторые базовые черты, помогающие отличить скомороха от шута.

Различные комбинации характеристик трикстера позволяют построить синонимический ряд к скомороху и шуту, например: *юродивый, блаженный, дурак* и др. Все перечисленные и гипотетически достраивае-

мые синонимы будут обладать набором общих черт трикстера (provokator, нарушитель спокойствия и сеятель раздоров, воплощение природы), самой важной из которых следует признать «посредничество»: шут и скоморох — это посредники между естественным (нормальным) миром и неестественным (безумным). Как живые участники культуры смеха скоморох и шут способствуют созданию нового, более справедливого порядка. Как отметил Д. С. Лихачёв, «в этом великое созидательное начало „смехового мира“» [Лихачёв, Панченко 1976: 4]. С другой стороны, как элементы театра шут и скоморох — зримые воплощения безумного мира, на что обратил внимание М. Ю. Лотман: «...антитеза театрального и нетеатрального поведения выступает как одно из истолкований противопоставления безумного нормальному» [Лотман 1992: 72]. В качестве источника метафорической проекции в политическую сферу у шута и скомороха акцентируются «несерьезность», «нереалистичность» и «театральность», что позволяет уменьшить доверие со стороны адресата политической коммуникации к какому-либо политику. Наиболее полно и точно важность трикстера (а следовательно, шута и скомороха) охарактеризовал Д. А. Гаврилов: «Повидимому, архетип Трикстера находит полное функциональное выражение ... в текстах, относящихся к смене социальных эпох или смене базовых мировоззренческих парадигм. В большинстве случаев трикстер, несмотря на его разрушающую роль, рассматривается как положительный герой. Усилия трикстера до момента смены социально-культурной системы направлены в положительную сторону» [Гаврилов 2009: 242].

Несмотря на то что феномен «скоморошества» возник в языческой Руси, видоизменился в период Средневековья и стал называться «шутством», а затем снова трансформировался в «придворный театр», развитие соответствующего понятия не остановилось. Трикстер и сегодня появляется в телевизионных шоу, пропагандистских листовках и комиксах. Настоящая статья — это попытка исследовать два небольших, но достаточно ярких варианта репрезентации образа трикстера в политическом дискурсе. Дальнейшее исследование этого феномена также необходимо, поскольку образ трикстера продолжает занимать важное место в человеческой коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. *Генпрокуратура* проверит слова Жириновского о колючей проволоке вокруг Кавказа // Lenta.ru. 2013. 29 окт. URL: <http://lenta.ru/news/2013/10/29/ldpr/> (дата обращения: 15.12.2013).
2. *Кабанова О.* Как сфабриковать информационный повод из трех букв // Ведомости. 2011. 5 марта. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/6781981/kak_sfabrikovat_informacionnyj_povod_iz_treh_bukv#sel=14:1,14:26 (дата обращения: 15.12.2013).
3. *Крижевский А.* «Мы шуты и скоморохи» // Газета.ru. 2011. 24 окт. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2011/10/24/a_3811070.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
4. *Лиманов А.* Опа-опа, Америка-Европа! // Газета.ru. <http://www.gazeta.ru/column/limanov/158333.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
5. *На седьмой день бог отдыхал* // Lenta.ru. 2012. 8 авг. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/08/07/pussy-numberseven/> (дата обращения: 15.12.2013).
6. *Национальный корпус русского языка = НКРЯ.* URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2013).
7. *Новопрудский С. (1)* Люди за скобками // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/novoprudsky/1600503.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
8. *Новопрудский С. (2)* Цвет нации // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/novoprudsky/2882421.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
9. *Пташкин О.* Закон о беспределе // Газета.ru. 2010. 18 июня. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2010/06/18_a_3387349.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
10. *Руднева Е., Солянская К.* «Рогозин, ты чей? Устинов, вы где?» // Газета.ru. 2004. 6 июля. URL: http://www.gazeta.ru/2004/07/06/oa_126149.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
11. *Сергеев В.* Неуловимый Саид снова неуловим // Газета.ru. 2003. 27 июня. URL: <http://www.gazeta.ru/2003/06/27/amerikancyot.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
12. *Сладкий суд отечества* // Газета.ru. 2008. 19 февр. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2008/02/19_e_2642378.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
13. *Соколова К.* Ирина Прохорова: «Наше общество намного лучше, чем оно о себе думает» // Сноб. 2012. 4 апр. URL: <http://www.snob.ru/magazine/entry/47677> (дата обращения: 15.12.2013).
14. *Сонный пасечник и трусливый пес* // Lenta.ru. 2009. 11 дек. URL: <http://lenta.ru/articles/2009/12/11/aloha/> (дата обращения: 15.12.2013).
15. *Тимофеев Я.* «Тенденция превращения церкви в инквизицию менястораживает». Владимир Маргынот — о «Детях Выдры», безобразниках из Pussy Riot и безальтернативных выборах // Известия. 2012. 19 марта. URL: <http://izvestia.ru/news/518868> (дата обращения: 15.12.2013).
16. *Трикстер* // Википедия : свободная энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%F0%E8%EA%F1%F2%E5%F0>.
17. «*Это* капризные нарциссы, а не оппозиция». Интервью с телеведущим Дмитрием Киселевым // Lenta.ru. 2013. 25 сент. URL: <http://lenta.ru/>

articles/2013/09/25/kiselev/ (дата обращения: 15.12.2013).

ЛИТЕРАТУРА

18. *Аристотель*. Поэтика. Риторика. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2013.

19. *Бердников Л. И.* Шуты и острословы: герои былых времен. — М. : Луч, 2009.

20. *Гаврилов Д. А.* Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. — М. : Ганга : Слава!, 2009.

21. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и значительно доп. / [под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ]. — СПб. : Изд. поставщика Двора его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1903.

22. *Корнилова Е. Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира :

учеб. пособие. 3-е изд., доп. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.

23. *Лихачёв Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. — Л. : Наука, 1976.

24. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. — М. : Гнозис : Прогресс, 1992.

25. *Максимов С. Г.* Волхвы, скomorохи и офе-ни. — М. : Вече, 2011.

26. *Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей. — М. : Эксмо, 2007.

27. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дис-курса. — М. : Гнозис, 2004.

28. *Шехтман Н. Г.* Сопоставительное исследова-ние театральной и спортивной метафоры в россий-ском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. П. Крысин

УДК 811.112.2'27
ББК Ш143.24-551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Р. Д. Керимов **R. D. Kerimov**
Л. И. Федянина **L. I. Fedyanina**
Кемерово, Россия Кемерово, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ
ФРЕЙМА «ЭКОНОМИКА»
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ ФРГ**

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-семантическому описанию экономической метафоры в современной немецкоязычной социально-политической коммуникации. Фреймирование исходной понятийной сферы «Экономика» способствует как установлению структурно-семантических и функциональных связей метафорических единиц, так и их всестороннему анализу с использованием лингвокогнитивных методик.

Ключевые слова: метафорика; фрейм; социально-политическая коммуникация; языковая картина мира; когнитивная лингвистика; немецкий язык.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

Сведения об авторе: Федянина Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: fedianina@inbox.ru.

**METAPHORICAL ACTUALIZATION
OF THE FRAME "ECONOMY"
IN THE GERMAN
SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION**

Abstract. The paper describes the cognitive semantic metaphor in the present-day socio-political German communication. Framing the source domain "Economy" helps to establish the structural semantic and functional relations between metaphors as well as to carry out a comprehensive cognitive linguistic analysis of metaphors.

Key words: metaphor system; frame; socio-political communication; linguistic worldview; cognitive linguistics; the German language.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhavanshovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Kemerovo State University.

About the author: Fedyanina Lyubov Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the German Philology, Associate Professor.

Place of employment: Kemerovo State University.

В современном языкознании метафорическое пространство политического дискурса является объектом интенсивного изучения ученых, работающих в рамках различных школ, направлений и методик. Новый импульс этим исследованиям придал когнитивный подход, который, по мнению А. П. Чудинова, не отказался «от всего лучшего, что было в традиционных (идущих еще от Аристотеля) учениях о метафоре», а предложил «использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене» [Чудинов 2013: 4]. Именно работа А. П. Чудинова [Чудинов 2001a] считается отправной точкой, началом активного когнитологического осмысления сущности метафоры в российской политической лингвистике.

В германском языкознании своеобразный «когнитивный переворот» совершила работа лингвиста Вольфа-Андреаса Либерта [Liebert 1992], в которой автор описал когни-

тивные механизмы метафоризации именно на материале обиходного современного немецкого языка. Метафора как ментальный механизм не только языкового сознания отдельной личности, но целостных жанровых систем, несомненно, демонстрирует как национально-этнические черты, так и некоторые фундаментальные свойства мировосприятия человеческого разума.

Некоторые общие языковые и дискурсивные особенности немецкой концептуальной метафорики были описаны в ряде работ, таких как исследование на примере единиц из понятийной сферы-источника «Артефакты» [Керимов 2008]. Дальнейшие исследования целостной системы политической метафорики в немецкоязычной картине мира (см., в частности следующую работу: [Керимов 2013б], — выполненную на материале исходных понятийных сфер «Природа» и «Универсум») позволили сделать ряд существенных уточнений и дополнений, в том числе касательно того, что рамки политиче-

ского дискурса узки и недостаточны для комплексного анализа политического языка. Поскольку языковой основой для дискурсивных метафорических конструкций, как правило, служат узуальные и традиционные образы, то в этом случае следует говорить о целостной социально-политической коммуникации, которую составляют, наравне с политическим дискурсом, т. е. «живой» политической речью (публицистическим нарративом), социально маркированные узуальные значения (узуально-языковая основа политического дискурса, на уровне словаря потенциально готовая к дискурсивной экспликации) и традиционные политические образы, появление которых обусловлено влиянием всей лингвальной культуры данного общества и языка в целом, а не отдельных ее сегментов [Керимов 2013б].

Подобная система отношений в некоторой степени напоминает трихотомию Фердинанда де Соссюра «язык — речь — речевая деятельность»: первому (языку) соответствует узуальный пласт социально маркированной лексики, второму (речи) — собственно политический дискурс (в современном его восприятии как политической речи в процессе социальной риторики), а последнему (речевой деятельности) — социально-политическая коммуникация, которая является связующим звеном между первыми двумя элементами, посредством которой они взаимообуславливают друг друга. В связи с этим следует признать, что в современной российской политической лингвистике большинство исследований проводится именно на материале политического дискурса, ввиду чего в поле зрения ученых попадают только речевые метафоры, но не сама языковая база метафорических образов, что приводит, в некоторой степени, к рассмотрению особенностей идиостилей политиков или печатных СМИ, чьи тексты анализируются, но никак не целостной системы политического языка в рамках соответствующей политической культуры.

Помимо выявления собственно языковых особенностей, лингвокогнитивный подход позволяет варьировать методику анализа соответствующих контекстуальных конструкций и одновременно сравнивать устройство и функциональность одно- и разноразрядных ментальных единиц. Так, издревле исторически и культурно близкими являются политические и экономические отношения, поскольку определенный политический строй всегда связан с конкретной экономической формацией. Концептуализация данных когнитивных единиц в сфере общественных отношений уже затрагивалась

в некоторых обзорных работах [Напр.: Керимов, Федянина 2009, 2010а, 2010б, 2012а, 2012б], однако проблема взаимопроникновения этих понятийных систем еще не становилась предметом лингвистического изучения в российской науке, что связано в том числе и с недостаточной разработкой экономического сегмента лингвальной культуры, имеющей следствием единичность научных публикаций по данной проблематике [См., напр.: Бородулина 2009; Колотнина 2001; Матвейченков 2011; Томашевская 2006; Федянина 2008]. Экономическая проблематика, несомненно, является важной частью тематики политического дискурса, особенно в периоды финансово-экономических спадов и кризисов, что подтвердилось во время мирового финансового кризиса 2008 г., метафорическое описание которого в политическом нарративе разных языков было проанализировано отечественными лингвистами (см., напр., следующее научно-квалификационное исследование: [Салатова 2013]).

Экспликацию экономических образов в сфере общественно-политических отношений на материале немецкого языка, в частности функционирование метафор (наравне с ментальной и научной метафорикой), в лингвоконцептуальном аспекте исследовал известный языковед Олаф Йекель [Jäkel 1997].

Относительно российского политдискурса, в котором экономическая метафорика стала активно развиваться с начала 90-х гг. XX в. в связи с распадом СССР и переходом России на «новые экономические рельсы», А. П. Чудинов отмечает, что «одним из следствий восцарения денег в общественной жизни страны стала активизация в политической речи финансовой метафоры: жизнь и деятельность политических структур и даже отдельных граждан всё чаще концептуализируется с позиций финансовой прибыли или убытков, продажи или покупки, экономии или расточительства, накопления капитала или банкротства», в связи с чем «в современном российском политическом дискурсе активно функционирует метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ — это ДЕНЬГИ (товары), которыми нужно умело распоряжаться. В качестве такого рода ресурсов могут метафорически представляться политический авторитет, имидж, власть, доверие, должности, партии, депутатские объединения, свобода слова и другие способные приносить доход нематериальные ценности» [Чудинов 2001б].

В современном европейском постиндустриальном обществе экономика занимает одно из центральных мест в государственной политике. Не является исключением

и Федеративная Республика Германия, где самое большое внимание уделяется развитию промышленности, производства и экономики в целом. ФРГ входит в шестерку самых экономически мощных стран мира и в тройку самых крупных в мире экспортеров. Цель современной немецкой политики, помимо прочего, состоит в сохранении подобного положения и в его улучшении.

В связи с этим немецкое общество является чрезмерно «экономиколлизированным», т. е. большинство граждан ФРГ так или иначе связано с данной сферой, многие немцы предпочитают делать карьеру в бизнесе (как правило, в ущерб другим сторонам жизни, например, семейной жизни). Также немцы в подавляющем своем большинстве владеют «бытовой» экономической терминологией, что, как представляется, помимо прочего, способствует активному использованию в повседневной немецкоязычной социально-политической коммуникации экономических терминов и понятий. При этом «хозяйственное» мышление развито у немцев на «генном» уровне, а такие черты характера и качества, как экономность, бережливость, расчетливость, дотошность в финансовых делах и прочие, стали всемирно известными отличительными особенностями немецкого менталитета.

В политическом дискурсе номинации различных экономических явлений, понятий, действий, процессов нередко описывают разные реалии социальной действительности Германии, ЕС и остального мира, включая также и саму сферу экономики. Использование в политических тестах экономической метафоры, несомненно, связано как с большой распространенностью лексики из сферы экономики в активном словаре современного немецкого языка, так и с тем, что экономическая сфера хорошо известна среднему классу немецкого общества, в связи с чем не возникает проблем с дешифровкой метафорических смыслов. Помимо этого, некоторые яркие метафорические образы получают особенно удачными ввиду актуализации ситуаций из области экономики.

Фрейм-источник «Экономика» структурируют три аспекта, каждый из которых охватывает один важный сегмент или одно направление работы германской экономики: сферу производства («Экономическая деятельность»), рынки сбыта и сферу услуг («Рынок и его составляющие»), финансовые активы и ценные бумаги («Финансы и ценные бумаги»).

В аспекте «**Экономическая деятельность**» представлены общеэкономические понятия о различных процессах и явлениях

в этой сфере, номинации работающих в данной области людей (экономисты, финансисты, бизнесмены, предприниматели, менеджеры, маркетологи) и обозначения разнообразных объектов производственной (технологической) деятельности (заводы, предприятия, акционерные общества, холдинги; см. также про их метафорическую экспликацию в немецкоязычной политической культуре в рамках техноморфной понятийной сферы-источника в следующей работе: [Керимов 2013а]).

В политической коммуникации эксплицируются наименования самых разных экономических явлений, процессов („konsumieren“, „exportieren“, „importieren“, „investieren“, „privatisieren“ и пр.), обозначающие в метафорическом контексте реалии как современной экономики, так и иных социальных сфер и политики в целом.

Так, глагол „konsumieren“ («потреблять», в том числе в роли экономического термина) применительно к социально-экономическим условиям может описывать абстрактное и/или «метонимизированное» понятие, например: „die Zukunft konsumieren“ (букв.: «потреблять будущее», т. е. расходовать материальные блага в настоящее время таким образом, что их не останется на будущее (их не будет в будущем)), ср.: *Wir brauchen Zukunftsinvestitionen statt Zinszahlungen. Wir dürfen heute nicht die Zukunft konsumieren, die wir unseren Kindern und Enkeln eröffnen wollen* [Schröder 2002: 6].

Причастие второе „vermachtet“ апеллирует к экономическому выражению „ein vermachteter Markt“ («рынок засилия»), которое в самостоятельном употреблении объективирует негативные характеристики государственных институтов, при этом его часто сопровождает геологическая метафора (также в форме причастия второго) „verkrustet“:

- *Wir werden deshalb Änderungen im Interesse der Patienten durchsetzen, auch und gerade weil **das deutsche Gesundheitssystem verkrustet** und in einer Weise **vermachtet** ist wie kaum ein anderes gesellschaftliches System* [Schröder 2003a: 37];

- *Meine Damen und Herren, die Vorschläge der Hartz-Kommission und die Beschlüsse der Bundesregierung, die dort erarbeiteten Ergebnisse unverwässert umzusetzen, demonstrieren aber auch etwas, das weit über die dringlichen Reformen auf den Arbeitsmärkten hinausweist. Denn hier ist gezeigt worden, dass auch in **vermachten**, in teilweise **verkrusteten** Strukturen die nötigen Veränderungen möglich und machbar sind — wenn alle Beteiligten ihre Kräfte **in die Waagschale werfen*** [Schröder 2002: 9].

Такие общепринятые торгово-экономические термины, как „exportieren“ («экспортировать, продавать, вывозить») и „importieren“ («импортировать, покупать, ввозить») выражают понятия из сферы государственной идеологии и рынка труда. Так, «экспорт» чаще всего указывает на видоизменение системы государственного устройства других стран по примеру Запада и используется в словосочетаниях типа «экспорт демократии / экспортировать демократию», «экспорт системы» („der Systemexport“) и т. п.:

- *Heute kann und muss Europa Frieden und Stabilität, Gerechtigkeit und wirtschaftliche Kraft sowie Entwicklungschancen **exportieren*** [Schröder 2003a: 10];

- *Der politische Wandel der letzten zehn Jahre hat die Entwicklungszusammenarbeit von der Bürde des Ost-West-Konflikts entlastet. Nicht mehr **der Systemexport** der 60-er und 70-er Jahre, sondern soziale Wirksamkeit und ... die Kultur der Solidarität sollten das Kriterium heutiger Entwicklungszusammenarbeit sein* [Rau 2000: 227].

«Импорт», в свою очередь, манифестирует ситуацию нехватки в немецкой экономике собственной высококвалифицированной рабочей силы, которую из-за этого приходится приглашать из-за рубежа (то есть «ввозить»), ср.: *Treibt es Sie um, wenn unsere jungen Menschen nicht optimal ausgebildet werden und wir stattdessen Eliten **importieren?*** [Rau 2002a: 375].

Понятие «инвестиция» („die Investition“, „investieren“) означает принятие таких решений, которые требуют приложения усилий в данный момент, чтобы в будущем получить эффект положительного развития в данной сфере: *Ich freue mich daher ganz besonders darüber, dass heute ein Fonds ins Leben gerufen worden ist, der den Schüler- und Lehreraustausch zwischen Großbritannien und Deutschland fördern soll. **Diese Investition** in die gemeinsame deutsch-britische Zukunft verspricht **eine hohe Rendite*** [Rau 2001b: 97—98].

Глагол „privatisierten“ («приватизировать») в негативном свете указывает на ситуацию узурпации власти или одностороннего применения силы:

- *Die größte Herausforderung unserer Zeit erwächst aus **der** so genannten **privatisierten Gewalt** des internationalen Terrorismus* [Schröder 2003b];

- *Ich bin froh darüber, dass es **kein Säbelrasseln** gegeben hat. Wiederum mit ein paar Ausnahmen. Insgesamt, nicht nur in Europa, auch in den Vereinigten Staaten, gibt es eine differenzierte Diskussion über die Frage, wie man mit einer Situation umgeht, in der Gewalt **privatisiert** wird, in der es also nicht um Kämp-*

fe zwischen Nationen oder Gebietskörperschaften geht [Rau 2002a: 437].

Глагол „prosperieren“ («преуспевать, процветать, благоденствовать») как экономический термин передает положительную оценку развития экономики: *Studien haben uns gezeigt, dass Entwicklungsländer mit offenen Volkswirtschaften durchschnittlich viermal schneller als Länder **wachsen**, die sich in Beschränkungen ergehen. Wir alle wissen im Übrigen, welch fundamentale Bedeutung innerer Friede und Rechtssicherheit, aber auch eine Stärkung der privaten Wirtschaft und eine Öffnung der Märkte für **prosperierende Volkswirtschaften** haben* [Schröder 2003e].

Бухгалтерский термин „der Saldo“ («сальдо», «остаток денег (на балансе, счете)») объективирует точку зрения президента Й. Рау, который считал, что в межпартийных отношениях взаимные упреки и обвинения приводят только к негативным последствиям и мешают конструктивной работе: *Ich habe in Reden von der deutschen Schuld als Ursache der Vertreibung ebenso gesprochen wie vom Unrecht der Vertreibung. Es bleibt ein Unrecht. Was ich nicht will, ist das gegenseitige Aufrechnen. Denn Aufrechnen bringt nie **einen Saldo** — jedenfalls **keinen positiven Saldo*** [Rau 2001b: 483].

Другой термин бухгалтерии, „der Aktivposten“ («статья актива», «активная статья баланса»), метафорически обозначает наиболее передовые и успешные в экономическом и социально-политическом отношении субъекты деятельности, например немецкие федеральные земли: *Übrigens hat die Bundesrepublik Deutschland auch allen Grund, sich selber zu Baden-Württemberg zu beglückwünschen. Das Land ist sehr schnell **einer der wichtigsten und verlässlichsten Aktivposten** der deutschen Wirtschaft, unserer Demokratie und des deutschen Föderalismus geworden* [Rau 2002b: 263].

Такое понятие из сферы управления (в бизнесе, торговле, сфере услуг), как «менеджмент» („das Management“), также проецируется на сферу политического руководства, например, в ситуации острого кризиса („das Krisenmanagement“) или войны („das militärische Krisenmanagement“):

- *Aber die EU muß die Fähigkeit auch für **ein eigenes militärisches Krisen-Management** entwickeln* [Fischer 1999: 18];

- ***Vom Krisenmanagement** zu einer europäischen Verteidigungspolitik sind freilich **viele Schritte** nötig* [Fischer 1998: 12].

Наконец, такое важное торгово-экономическое понятие, как «цена», также может переноситься в политическую сферу в рамках сочетания „politischer Preis“ («политическая цена»), выражающего ситуацию неко-

торых уступок кому-либо с целью получения определенного эффекта, продвижения своего решения и т. п. (ср. в русском языке: «(политическая) цена вопроса»).

Арсенал номинаций субъектов экономической деятельности также представлен в политических речах наглядными и яркими окказиональными образами.

Метафора „der Pleitier“ («банкрот») создает образ неудачливого политика, который, с точки зрения его политических оппонентов, принимает неверные решения или имеет все шансы провалиться на выборах. Такая номинация имеет целью создать оппоненту в преддверии некоторых событий (выборов, дебатов и т. п.) отрицательный имидж в глазах избирателей, как демонстрирует следующий контекст, появившийся в канун выборов в бундестаг в 1998 г.: *Deswegen darf man zu Recht, wie ich meine, Herrn Theo Waigel den größten Pleitier der Nation nennen* [Diller 1998: 10].

Субстантивная метафора „politischer Bankrott“ («политическое банкротство») уже стала традиционной для политической коммуникации.

При целостной концептуализации политики через сферу экономики могут быть метафорически переосмыслены ключевые понятия одной области с использованием соответствующих терминов из другой области. Так, если воспринимать Германию как «Акционерное общество» („Deutschland AG“), то Федеральный президент соответственно будет «председателем правления» („der Vorstandsvorsitzende“). Подобный контекст акцентирует внимание на том, что немецкому государству стоит сконцентрировать все силы в первую очередь на дальнейшем усовершенствовании экономики и промышленности, следует направить на это также все силы общества, против чего категорически выступал Федеральный президент Германии Йоханнес Рау: *Ich bin der Bundespräsident und nicht Vorstandsvorsitzender der Deutschland AG* [Rau 2000: 319] (букв.: «Я — Федеральный президент, а не председатель правления АО „Германия“»).

При обсуждении экономического потенциала Европейского союза ему приписываются необходимые для достижения успеха в данной сфере деловые качества („die Leistungsfähigkeit“, „der Erfindergeist“, „der Arbeitsfleiß“): *Aber Europa zeichnet weit mehr als wirtschaftliche Stärke, Leistungsfähigkeit, Erfindergeist und Arbeitsfleiß* [Schröder 2002: 20].

Как уже отмечалось выше, ввиду особой роли экономики во всех сферах современного немецкого общества, система экономического управления («менеджмент») проеци-

руется на немецкую политику. Эта тематика проявляется также в обозначениях профессии «менеджер» („der Manager“) и в описании круга его профессиональных задач в особых, специальных и иных условиях (например, в ситуации войны; „die Krisenmanagementaufgaben“).

Неологизм „der politische Manager“ («политический менеджер») манифестирует предполагаемую ориентацию политиков нового поколения на решение задач по развитию в первую очередь рыночных отношений: *Die großen Europäer wurden ersetzt von einer Generation der politischen Manager* [Rau 2001b: 502—503].

«Кризисный менеджмент» призван служить быстрому принятию решений: *Für die EU eröffnen sich durch die neuen Möglichkeiten zur Durchführung militärischer und ziviler Krisenmanagementaufgaben neue Perspektiven, um an der Friedenssicherung innerhalb und außerhalb Europas mitzuwirken* [Scharping 2003].

Управленческую тематику развивает также номинация „das Marketing“ («маркетинг»), т. е. «одна из систем управления ... предприятием, предполагающая всесторонний и комплексный учет процессов, которые происходят на рынке, для принятия хозяйственных решений с целью получения максимальной прибыли» [БСЭ]. При предикации данным понятием в сфере политики возникает негативный образ такого типа международного сотрудничества, которое ориентировано на максимальное извлечение прибыли, что представлено в следующем отрывке: *Auswärtige Kulturpolitik ist sehr viel mehr als nur ein „Marketing“ für die eigene Kultur, für die Sprache, für das künstlerische Schaffen — so sehr man das mit Stolz betreiben kann* [Rau 2002b: 243].

Укоренение в жизни немецкого общества экономической составляющей президент Й. Рау воспринимал негативно, говоря о том, что человек — это нечто большее, чем покупатель, клиент, рабочая сила или производственный фактор („der Produktionsfaktor“). Й. Рау придумал даже новое обозначение биолого-исторического вида человека на латинском языке (по аналогии с Homo sapiens) с акцентированием экономического аспекта жизнедеятельности людей — „der Homo öconomicus“ (букв. «человек экономический»; во втором компоненте используется немецкая манера орфографии). Свое негативное отношение к выпячиванию этого аспекта общественной и, всё чаще (в Германии), личной жизни человека Й. Рау высказывал путем указания на недопустимость подобного отношения:

- *Der Mensch ist mehr als ein „Homo öconomicus“. Er ist viel mehr als ein „Produktionsfaktor“* [Rau 2002a: 306];

- *Ich stehe, wie Sie wissen, dem Begriff „Wissengesellschaft“ skeptisch gegenüber, weil er deutlich zu kurz greift. Im Zentrum unserer Verfassungs- und Gesellschaftsordnung steht nicht der „homo oeconomicus“, sondern der mündige, der zu eigenem Urteil fähige Bürger* [Rau 2002b: 34].

Такое понятие, как «партнер» („der Partner“), встречается и в сфере личных, и в сфере экономических («деловой партнер») отношений. При генерализации фигуры партнера до уровня государства возникает эффект олицетворения, ср.: *Ich halte es jedenfalls für nötig, dass wir als Deutsche Frankreich und Polen als die Partner erster Güte ansehen* [Rau 2001a: 391].

Номинации заводов и финансово-организационных структур при переходе в сферу политики в строго негативной форме указывают на коммерциализацию общества и политики, на лоббирование партийных «корпоративных» интересов вместо отстаивания интересов граждан и деятельности во благо всего немецкого общества.

Выше уже отмечалось, что негативные тенденции коммерциализации сознания в немецком обществе отражаются в образе Германии как некоего «акционерного общества» („die Deutschland-AG“), в котором приоритетом (для бизнесменов и фирм) является экономическая выгода. Приведем подобные примеры:

- *In diesem Zusammenhang ist manchmal zu hören, der Staat müsse doch nur wie ein Unternehmen geführt werden, sozusagen als „Deutschland AG“* [Rau 2001a: 215];

- *Sowohl im nationalen als auch im internationalen Maßstab ist immer wieder darauf hingewiesen worden, dass es Verkrustungen darin gäbe, was man „rheinischen Kapitalismus“ oder auch „die Deutschland-AG“ genannt hat* [Schröder 2003c].

Номинация „der Politikbetrieb“ (букв. «политическое предприятие») в социально-политической коммуникации рисует образ политики как ремесла, каждодневной работы во благо своей страны, а также взаимодействия разнообразных органов, ветвей, систем власти, которые все вместе производят продукцию, как разные цеха на заводе, где каждый выполняет свою часть работы, а достижение общей цели может быть осуществлено только совместным трудом: *Die immer kürzeren Formate in den Medien fördern den Trend zur Personalisierung politischer Vorgänge. Das bedeutet für den Politikbetrieb und für das Funktionieren seiner Institutionen viel* [Rau 2001b: 419].

Важную социальную роль в обществе играют СМИ, что подчеркивается в выступлениях восьмого президента современной Германии Й. Пау: *Sie selber haben einmal gesagt, die Zeitung sei mehr als ein kaufmännisches Unternehmen und mehr als ein Politikum, ein Kulturinstitut* [Rau 2002b: 452].

Наконец, обозначение „die Parteien-Holding“ («партийный холдинг») актуализирует современное состояние партийной системы Германии, которая, по мнению многих политиков, включая Й. Пау, переживает кризис, поскольку немецкие партии не отличаются друг от друга ничем, кроме названий и состоящих в них политиков. Главного — идеологического разнообразия, разных идей, предлагаемых решений, лозунгов — у партий уже давным-давно нет, вследствие чего они превратились в группы, отстаивающие только свои интересы, т. е. в некие «партийные холдинги»: *Wenn sich die Parteien nur noch durch die Köpfe an ihrer Spitze, durch die Gestaltung ihres Internetauftritts und die Farben ihrer Wahlplakate unterscheiden, dann waren wir auf dem Weg zu einer Art Parteien-Holding, deren Teile nach außen unterschiedlich auftreten, aber ein gemeinsames Unternehmensinteresse haben* [Rau 2002b: 638].

Второй аспект экономической сферы, «Рынок и его составляющие», представляет собой объединение понятий из сферы услуг и торговли, наименований рынка и его составляющих, а также торговых и товарных знаков и лейблов (брендов).

Наименования рынка в целом и видов рынков создают в социальной сфере негативные образы политики как некоего сегмента экономики. Рынок при этом понимается (и вербализируется) как условный сегмент экономики («рынок сбыта», «рынок услуг» и пр.) и как конкретное место, где продаются товары (в этом значении он синонимичен слову «базар»).

Современная мировая глобализация, проявляющаяся во всех областях человеческой жизни, превращает в поле конкурентной борьбы (а значит — в «рынок») ранее далекие от сферы экономических отношений области, системы, например образование, культуру и искусство, религию, астрологию и иные отрасли эзотерики.

Так, в современных условиях глобализации экономики в мире важное место отводится поиску оптимальной и высококвалифицированной рабочей силы, а потому и система образования также постепенно втягивается в конкурентную борьбу в качестве «образовательного рынка, рынка образовательных услуг» („der Bildungsmarkt“), ср.:

- *Die zunehmende Nachfrage nach hochqualifizierten, nach international erfahrenen Ar-*

beitskräften beschleunigen die Entwicklung **eines**, wenn man so sagen kann, **globalen Bildungsmarktes** [Rau 2001a: 69];

- *Es kann uns nicht gleichgültig sein, dass Deutschland gegenwärtig **auf dem internationalen Bildungsmarkt** nur eine bescheidene Rolle spielt* [Rau 2001a: 69].

Процессы установления экономических связей внутри ЕС воспринимаются как превращение Европейского союза в банальную «рыночную площадь» („der bloße Markt“, „der Marktplatz“), поскольку в Евросоюзе больше внимания уделяется именно экономической составляющей, меньше — развитию культуры, поддержанию и укреплению духовной общности народов, населяющих страны-члены ЕС. В связи с этим Евросоюз, по мнению некоторых немецких политиков, в перспективе деградирует до уровня простого торгового сообщества: *Der französische Staatspräsident Jacques Chirac hat am 28. Mai letzten Jahres dazu im Deutschen Bundestag gesprochen, und er hat gesagt: „Heute bedarf es einer weiter reichenden Perspektive, andernfalls wird Europa zu einem **bloßen Markt verkommen** und in der Globalisierung aufgeweicht. Denn Europa ist viel mehr **als ein Markt**. Es steht für ein Gesellschaftsmodell, das geschichtlich gewachsen ist“* [Rau 2002b: 297].

В то же время развитие отношений ЕС с Восточной Европой оценивается положительно, а укрепление экономических связей представляется как превращение Восточной Европы в «рыночную площадь» („der Marktplatz“): *Schon jetzt bestehen gute Kontakte zu den osteuropäischen Nachbarländern, die sich mit deren EU-Beitritt noch intensivieren dürften. Die Randlage wird **zur Brücke**, der Osten zur Mitte **des Marktplatzes** Europa: Die positiven Auswirkungen auf die grenznahen Räume werden nicht lange auf sich warten lassen* [Clement 2002: 8].

Положительный смысл понятию «рынок» придается в окказиональном контексте, в котором речь идет о «конкурентной борьбе» идей, проектов в немецком парламенте („der Wettbewerb der Entwürfe“), направленных на улучшение жизни в Германии: *Die wichtigsten Nachrichten erhält der Bürger nicht vom Parteitag und aus dem Parlament, sondern vom Exklusiv-Interview davor und danach. Damit wird die Funktion des Parlaments als **Markt, auf dem der Wettbewerb der Entwürfe stattfindet, geschwächt*** [Rau 2001b: 418].

Метафора „der Wucherparagraf“ („der Wucher“ («ростовщичество») + „der Paragraph“ («параграф»)) объективирует негативную оценку законопроектов, в которых затрагиваются, среди прочего, различные финансовые и налоговые аспекты: *In diesem Zusam-*

menhang geht es auch — hier wurde schon darauf eingegangen — um die Präzisierung **des Wucherparagrafen** [Schröter 1998: 13].

Сфера эзотерических услуг получила наименование „der Psychomarkt“ и „der Esoterikmarkt“, как демонстрируют следующие фрагменты публичных выступлений:

- *Genau betrachtet hat sich die Enquete-Kommission mit zwei Phänomenen unserer gesellschaftlichen Entwicklung befaßt: zu einen mit der immer **bunter** werdenden religiösen und weltanschaulichen Vielfalt in unserem säkularisierten Gemeinwesen, zum anderen aber auch **mit dem Boom auf dem Psycho- und Esoterikmarkt*** [Kohn 1998: 12];

- *Weiter: Eine unabhängige und staatsferne Stiftung soll durch Information und Beratung zur Aufklärung **auf dem Psycho- und Esoterikmarkt** beitragen. Ein Gesetz über Verträge auf dem Gebiet der gewerblichen Lebensbewältigungshilfe soll im Sinne des Verbraucherschutzes für Transparenz **auf diesem Markt** sorgen* [Kohn 1998: 13].

К сфере услуг относятся номинации процессов торговли, предоставления и осуществления различных видов услуг, а также соответствующих им объектов.

Сфера услуг в целом („die Dienstleistung“), примененная к другим областям профессиональной деятельности (например, СМИ), создает их отрицательный образ: утверждается, что они начинают обслуживать интересы бизнеса, теряя свое изначальное «высокое» предназначение и самоидентификацию и/или превращаясь в товар. Приведем примеры:

- *Ich finde es überzogen, wenn eine bekannte Journalistin sagt, der Journalismus **sei zu einer „nachfrageorientierten Dienstleistung zur Mobilmachung großer Kaufkraftgruppen“ degeneriert*** [Rau 2002b: 451];

- *Wer Nachrichten nur **als Ware** ansieht, **die verkauft werden muss**, kann aus Entwicklungspolitik kaum **Kapital schlagen**. Wer über Fragen der Entwicklungspolitik so schreibt, dass auch **Laien** etwas verstehen, der braucht **langen Atem, sorgfältige Recherche und Talent zum Erzählen*** [Rau 2001a: 136].

Яркий и интересный образ возникает в следующем контексте при описании негативных сторон политики, а именно ситуации, когда декларативные заявления не подкрепляются делами (т. е. слова расходятся с конкретным делом). Как сказал президент ФРГ Й. Рау, это снижает статус политики до уровня «магазина, где проходит осенняя распродажа» („der Sommerschlussverkauf“), и политика начинает служить лоббированию посторонних интересов, предлагается в качестве товара: *Aber es geht immer um das*

Miteinander, das Nebeneinander von Thema und Person, von Inhalt und Verpackung. Wenn sich das voneinander trennt, dann können sie die Politik gleich zum Sommerschlussverkauf verkommen lassen [Rau 2002b: 578].

Торговая метафора „das Angebot“ («предложение») указывает на появление некоторых преимуществ или свободы выбора при определенных условиях, как, например, провозглашения в конституции ФРГ свободы и верховенства права (что, помимо прочего, в контексте подчеркивается антиномией с участием криминально-правовой метафоры „die Fessel“):

- *Gustav Heinemann hat immer noch recht, dass das Grundgesetz ein großes Angebot und keine Fessel ist* [Rau 2000: 41];

- *Gustav Heinemann hat einmal vom Grundgesetz als einem großen Angebot gesprochen. Damit meinte er nicht, dass der Staat und seine Ordnung ein Supermarkt sei, aus dem sich jeder nach seinen Bedürfnissen bedienen solle. Im Gegenteil: Das Angebot, das uns das Grundgesetz macht, ist eine Aufforderung, das Gemeinwesen aktiv mitzugestalten. ...Das große Angebot, das uns das Grundgesetz macht, ist ein Aufruf zu aktiver Teilhabe* [Rau 2000: 315—316].

В сфере страховых услуг интересный метафорический образ реализуется при предикации государству роли некоего «страхователя / страховой компании» („die Assekuranz“), когда речь идет о том, что государство гарантирует и защищает общественные и личные свободы граждан ФРГ, а также способствует проявлениям и реализации различных гражданских инициатив: *Der „Staat als Assekuranz aller sittlichen Sphären“ — das ist ein sehr hoher Anspruch, vielleicht ein zu hoher und vielleicht auch einer, der dem Missbrauch Tür und Tor geöffnet hat* [Rau 2002a: 312].

«Товарный знак» („das Etikett“) — важная составляющая любого бизнеса. В сфере политики это словосочетание употребляется в негативном смысле и означает некоторое формальное прикрытие чего-либо, красивую вывеску, за которой в реальности ничего нет. Так, в дебатах 1991 г. по поводу выбора столицы единой Германии часть депутатов предлагала придать Берлину формальный статус главного города страны, в ответ на что сторонники полноценного переноса столицы в Берлин (с переездом всех органов власти) говорили, что Берлин не должен быть «простой этикеткой» („ein (bloßes) Etikett“):

- *Denn jeder muß wissen: Was kurzfristig billig ist, wird mittelfristig und langfristig teuer, wenn man es ernst meint, daß Berlin nicht nur*

ein Etikett ist, sondern eine Hauptstadt sein soll [Mischnick 1999];

- *Viele Tausende in unserem Land werden der Auffassung sein, daß dieses Parlament in seiner Glaubwürdigkeit schwerwiegend gelitten hat, wenn es Berlin mit einem Etikett abfindet* [Eylmann 1999];

- *Hauptstadt Berlin — das darf nicht ein bloßes Etikett sein, hinter dem sich nichts Substantielles verbirgt* [Thierse 1999].

Такие понятия, как „das Gütesiegel“ и „das Gütezeichen“ («знак качества», «фирменная печать») имеют значение „auf einer Ware angebrachtes Zeichen, durch das die Überprüfung der Güte bestätigt wird“ [DGWDS]. В социальной и иных сферах в переносном смысле они выражают ситуацию одобрения чего-либо, представления какого-либо объекта, явления в позитивном свете, ср.:

- *Ebenso wichtig wie die zwischenstaatlichen Beziehungen, vielleicht sogar noch wichtiger, ist aber der Dialog zwischen den Menschen unserer beiden Länder. Ein besonderes Gütesiegel der Beziehungen ist hier das Netzwerk der Kontakte, die sich über Jahre entwickelt und gefestigt haben* [Herzog 1997: 33];

- *Die Bundeswehr hat — auch wenn das von Ihnen nicht beabsichtigt war — ein Gütesiegel bekommen* [Rühe 1998: 12].

К аспекту «**Финансы и ценные бумаги**» относятся номинации финансово-денежных отношений (финансы, деньги, капиталы) и иных материальных ценностей, а также акций и ценных бумаг, в том числе ситуаций финансово-денежных расчетов, оплаты (чего-либо).

Как гласит известное изречение, деньги — кровь экономики (подробнее о «деньгах» как сфере-мишени метафорической экспансии в современном немецком языке см. в работах: [Федянина 2008, 2009, 2011 и др.]). Номинации денег и финансовых средств, капитала часто описывают как политические аспекты экономики, так и окказиональное восприятие отдельных социальных процессов. Также номинации денег и манипуляций с ними представляют черты характера человека, которые он проявляет в обращении с деньгами (например, экономность, расточительство, жадность и пр.).

Идиоматичное выражение с компонентом „die Mark“ («марка» — денежная единица ФРГ (и ГДР) до введения евро) „jede Mark [jeden Pfennig] (zweimal / dreimal) umdrehen“ имеет значение „sehr sparsam sein“ [CUGDR] («быть очень экономным, беречь каждую копейку»), которое восходит к буквальному манипулятивному действию с деньгами (вертеть их в руках, (не) решаясь их (по)тратить):

• *Für viele der etwa 300 Schäfer im Land, die schon heute jede Mark umdrehen müssen, bedeutet dies das Aus, befürchten Experten* [BZ 2000];

• *Darüber hinaus bin ich ein sehr praktisch denkender Mensch, der dazu erzogen wurde, die Mark zweimal umzudrehen, bevor sie ausgegeben wird* [Rauen 1999].

Те же значения представлены в инвариантных выражениях с компонентом «пфенниг» (немецкая разменная монета до введения евроцентов): „jeden Pfennig (dreimal) umdrehen“ («беречь каждую копейку, быть экономным»).

Также номинация „die Mark“ присутствует в следующих идиомах:

• „keine müde Mark“ — „kein Geld, nicht einmal ein kleiner Betrag“ [CUGDR]: *Die Firmen bekommen keine müde Mark. Sie müssen die Jugendlichen des Ausbildungsrings aber wie jeden Lehrling in der betrieblichen Ausbildung auch ausbilden. Die Firmen investieren also Zeit und ihr gesamtes Firmenmanagement, um auszubilden. Sie zeigen hier tatsächlich, um diesen Slogan zu benutzen: soziale Verantwortung* [ND 1999]; *Per Kopie wissen nun auch Kanzler und Vizekanzler sowie die zuständige Bundestagsabgeordneten, woran sie sind: Die „Stiftungsinitiative“ zahlt keine müde Mark, solange nicht all ihre Forderungen erfüllt sind. Das ist nackte Erpressung* [ND 2001];

• „eine [die] schnelle Mark verdienen“ — „(auf bequeme Weise) schnell Geld verdienen“ [CUGDR].

Образ «пфеннига» представлен также в идиомах „auf den Pfennig sehen“ / „mit dem Pfennig rechnen“ — „sehr sparsam sein“ [CUGDR].

Понятие „die kleine Münze“ («разменная монета») в очень негативном свете отражает такую ситуацию межпартийных отношений в Германии, когда политики не могут договориться друг с другом и растрачивают свои силы на мелкие проблемы и межпартийное противостояние: *Es stimmt etwas nicht, wenn Unaufgeregtheit zum Vorwurf gemacht werden kann. Empörung darf weder selbstgefällig sein, noch zur kleinen Münze im politischen Alltagsgeschäft werden* [Rau 2001b: 135].

Номинация «монета» присутствует также в следующих устойчивых сочетаниях:

• „etwas für bare Münze nehmen“ — „etwas ernsthaft glauben“ [CUGDR];

• „j-m etwas in [mit] gleicher Münze heimzahlen“ — „j-m etwas auf die gleiche (üble) Weise vergelten; etwas mit [in] gleicher Münze heimzahlen [zahlen, bezahlen]“ [CUGDR];

• „etwas in kleiner Münze ausgeben“ — „etwas vergeuden“ [CUGDR].

Процесс чеканки монеты, обозначаемый глаголом „münzen“, в переносном значении фигурирует в выражении „auf j-n / etwas gemünzt sein“ — „sich auf j-n, etwas beziehen; sich gegen j-n, etwas richten“ [CUGDR].

Наименование двух денежных единиц используется в сочетании „auf Heller und Pfennig“ („ganz genau; ohne dass von einer Summe etwas übrig bleibt“ [CUGDR]): *Auf Heller und Pfennig wurde vor dem Stadtbezirksgericht Mitte aufgelistet, worum Manfred die sechs Frauen bestohlen und betrogen hatte* [BZ 1988].

Номинации иностранных денежных единиц, и в частности российского рубля („der Rubel“), получили в немецком языке узуальные значения. Так, в разговорном немецком языке лексема „der Rubel“ означает просто «деньги, материальные средства» (в русском языке в том же смысле используется номинация монгольской денежной единицы — «тугрика»). Также «рубль» манифестируется в устойчивом выражении „der Rubel rollt“ — „es wird viel Geld eingenommen und ausgegeben“ [CUGDR]: *Wenn der Rubel rollt ... — Wie Währungsbetrug durch Umrukeln funktionierte* [Spiegel 1994]; *Der unermüdliche Kampf macht sich endlich bezahlt: Zwei Jahre nach seinem richtungweisenden Erfolg vor dem Europäischen Gerichtshof am 15. Dezember 1995 rollt auch für Jean-Marc Bosman der Rubel* [Tagesspiegel 1997].

Укоренение образа рубля в немецком языке произошло, возможно, во времена ГДР, когда существовала тесная социально-политическая и экономическая связь Восточной Германии и СССР.

Слово „die Währung“ («валюта») может получать разнообразные смыслы в зависимости от контекста. В одном случае оно выражает положительное отношение к той политической риторике, за которой стоят конкретные дела, но иначе воспринимается в другом контексте, в котором встречаются также иные финансовые метафоры (например, „der Tresor“ — «банковский сейф»; данное слово с неприглядной стороны представляет государственную систему бывшей ГДР):

• *Wort ist Währung, je wahrer, desto härter* [Lafontaine 1998: 5];

• *Die Archive der DDR waren der Tresor, in dem sie die Währung ihrer autoritären, ja diktatorischen Machtausübung verschlossen hielt* [Rau 2002b: 417].

Частотной является метафора „das Kapital“ («капитал»), которая выражает положительную оценку важных социально-административных объектов, ср.: *Im zusammenwachsenden Europa ist das ein nicht*

zu *unterschätzendes Kapital* — wir nennen es Regionen oder auch Euregios und was dergleichen mehr ist [Herzog 1997: 8].

Большой эффект дает предикация данного понятия абстрактным явлением, что осуществляется или с помощью контекста, или путем прямой дистрибуции с прилагательным („das geistige Kapital“ — «духовный капитал»), например:

- *Das „Kapital“, das dabei eingesetzt wird, sind die Umwelt und die Kultur der besuchten Länder* [Rau 2002b: 514];

- *Kurzum: In Baden-Württemberg wird seit jeher fleißig geschafft und auch das geistige Kapital vermehrt, mit Augenmaß regiert und voller Verantwortungsbewusstsein zum Wohl des gesamten Gemeinwesens beigetragen* [Rau 2002b: 263].

Также в политических речах часто манифестируются ситуации накопления капитала („ein Kapital schlagen“), в том числе политического, отсылающие к приобретению выгоды, а применительно к социальной сфере выражение «сколотить капитал» означает укрепление позиций в немецком обществе какой-либо идеологии, неких идей (как правило, экстремистских). Выражение „ein Kapital (aus etwas) schlagen“ уже закрепилось в толковом словаре немецкого языка в значении „aus etwas Vorteil, Gewinn ziehen“ [DGWDS], ср.:

- *aus etwas (Dat.) Kapital schlagen* («нажить капитал (на чем-либо)»);

- *aus allem Kapital schlagen* («из всего извлекать выгоду»);

- *Ich glaube, wenn wir ohne schuldhaftes Zögern verhandeln, kann der Nationalismus daraus kein Kapital schlagen* [Rau 2001b: 506].

В бизнесе важным является наличие так называемого «стартового капитала» („das Startkapital“). У предпринимателей «стартовым капиталом» должны быть прежде всего «идеи» (о том, как можно развивать свое дело): *Dennoch plädiere ich dafür, dass die Institutionen Konzepte erarbeiten, die gerade den jungen Unternehmern, die nur ihre pfiffige Idee als Startkapital haben, sachgerechte Unterstützung bieten* [Rau 2002b: 461].

Слово „der Geldbeutel“ («кошелек; бумажник») в переносном употреблении метонимически представляет определенные финансовые ресурсы, о которых идет речь в контексте, как это, например, манифестируется в следующих фрагментах:

- *Wir würden das nicht nur an unserem Geldbeutel spüren* [Rau 2001b: 304];

- *Der Geldbeutel der Eltern darf nicht über die Lebenschancen in unserer Gesellschaft bestimmen* [Schröder 1999: 20];

- *Genauso wenig, wie der Zugang zu erstklassigen Bildungsangeboten vom Geldbeutel der Eltern abhängen darf, dürfen Bildungschancen vom Wohnort bestimmt werden* [Schröder 2002: 10].

Аналогичный смысл передают лексемы „das Portmonee“ и „die Tasche“ («портмоне», «кошелек»), реализующиеся соответственно в следующих идиомах:

- „tief ins Portmonee greifen“ — „viel Geld ausgeben, einen hohen Preis bezahlen“ [CUGDR]: *Die Bauexpertin der Grünen im Bundestag, Franziska Eichstädt-Bohlig, sagte: „Das Wichtigste ist, dass sich der Bund auf die Finanzierung der Museumsinsel konzentriert“. Erst wenn diese Sanierung beendet sei, könne Berlin damit rechnen, dass der Bund für den Schlossplatz „ins Portmonee greift. Das wäre 2010“, so die Abgeordnete* [BZ 2002];

- „[für etwas tief] in die Tasche greifen [müssen]“ — „(ugs.) für etwas viel zahlen [müssen]“ [DGWDS]: *Zum Jahresbeginn müssen Biertrinker demnächst ... tiefer in die Tasche greifen* [Nordschweiz 29.03.1985: 36];

- *tief(er) in die Tasche greifen müssen* («быть вынужденным раскошелиться» (букв. «глубже залезть в карман»)).

Понятие «бюджет» также проецируется на сферу культуры и искусства для обозначения неких духовных ценностей немецкого общества или особых заслуг какого-либо деятеля культуры, писателя, музыканта („der geistige Haushalt“): *Genau so bedeutsam ist sein Anteil am geistigen Haushalt unserer Nation: Wie schon zu den Zeiten Hartmann von Aues und Johannes Reuchlins ist Baden-Württemberg auch heute ein fruchtbarer Boden für Dichtkunst und Gelehrsamkeit. Es ist ein „Orchesterparadies“ genannt worden, und es hat Ballettensembles, Opernhäuser und Sammlungen bildender Kunst hervorgebracht, von denen etliche wahrlich Weltruf genießen* [Rau 2002b: 263].

Указание каким-либо способом (например, во внутренней форме слова) на конкретную сумму денег имеет, как правило, свою предысторию, т. е. восходит к некоторым реальным или предполагаемым событиям.

Так, номинация (с негативными коннотациями) „der Achtgroschenjunge“ («шпик, полицейский агент») возникла в то время, когда в качестве оплаты за свою работу данные лица получали соответствующую сумму (букв. «юноша, <работающий> за восемь грошей»): „der Achtgroschenjunge“ — (ugs. abwertend) „a) Spitzel; b) Strichjunge“ [DGWDS].

К религии восходит образ тридцати сребреников как символ измены и предательства (именно за такую сумму Иуда Искариот сообщил информацию о место-

нахождении Иисуса Христа). В немецком языке этот библейский сюжет запечатлен в композитах „das Judasgeld“ (букв. «деньги Иуды») и „der Judasroschen“ и „der Judaslohn“ (букв. «вознаграждение Иуды») со значением «плата (награда) за предательство, тридцать сребреников» [CUGDR].

У названий материальных благ, ценностей частично развиваются те же значения и оценочные характеристики, что у денежных наименований, при образной номинации нематериальных (духовных, личных и пр.) сторон жизни общества, а также реалий внутренней и внешней политики государства.

Самая важная роль в современной германской международной политике отводится развитию отношений с США: это является «бесценным богатством» („das kostbare Gut“), по мнению ведущих немецких политиков, в том числе Федерального канцлера Германии (на момент произнесения процитированной речи в 1997 г.) Гельмута Коля: *Die deutsch-amerikanische Freundschaft ist ein kostbares Gut, das wir pflegen und an kommende Generationen weitergeben wollen* [Kohl 1997: 18].

Существенная роль в международной политике отводится персональным взаимоотношениям („der eigentliche Schatz“) между политиками: *So ist ein dichtes Netz von persönlichen Beziehungen entstanden, das, da bin ich sicher, der eigentliche Schatz des deutsch-israelischen Verhältnisses ist und auch für die Zukunft sein wird* [Kohl 1997: 21].

Также высоко ценятся в политике личные качества партийных деятелей:

- *Glaubwürdigkeit ist eines der höchsten Güter des Parlaments. Darüber sollten wir uns alle im klaren sein* [Eylmann 1999];
- *Es stimmt: Die Freiheit der Wissenschaft ist ein hohes und schützenswertes Gut* [Rau 2001b: 326].

Для каждого гражданина Германии личным «богатством» („der Schatz“) является образование и возможность продолжать его в течение всей жизни: *Weiterbildung ist nicht bloß die Ertüchtigung derer, die sonst nicht mehr mitkommen. Weiterbildung schafft auch die Möglichkeit, von der Erfahrung der Älteren zu profitieren. Wer auf der Höhe der Zeit sein will, der muss sich diesen Schatz erhalten, und er muss lernen, damit umzugehen* [Rau 2002b: 38].

Компонент „der Wert“ («стоимость, ценность, значение») представлен в идиоме „ein Muster ohne Wert“ («ненужный человек (не имеющий работы, средств к существованию, не имеющий возможности себя реализовать)»).

К рассматриваемому фрагменту экономической субсферы относится также идио-

ма, переносный смысл которой зиждется на метонимических отношениях «действие — результат (данного) действия»: „sein Sparschwein schlachten“ — „auf die Ersparnisse zurückgreifen“ [CUGDR] (букв. «разбить свою свинью-копилку (копилку в виде фигурки свиньи)» в значении «взяться за (начать тратить) свои сбережения»).

Наименование „die Aktie“ («акция») в окказиональном словоупотреблении указывает на часть, долю какого-либо общего дела (в контексте — развития ЕС), которую каждый гражданин ФРГ должен выполнить для общего блага (в рамках Евросоюза): *Verantwortung übernimmt auf Dauer nur, wer sich auch beteiligen kann. Der Bürger braucht Anteile, so etwas wie „Aktien“ an Europa, und sie lassen sich, um im Bild zu bleiben, unterhalb der Ebene des Nationalstaats viel leichter erwerben* [Herzog 1999: 7].

В толковом словаре немецкого языка отмечено также выражение „seine Aktien steigen / fallen“ (букв. «его акции повышаются/падают»), которое в переносном смысле имеет значение „j-s Aussichten auf Erfolg werden besser / schlimmer“ [DGWDS].

В устойчивом выражении „etwas ist die halbe Miete“ переосмысливается ситуация оплаты, получающая значение „etwas führt fast zum Erfolg, das Erreichen eines Ziels ist sehr nahe“ [CUGDR]. Данная идиома активно употребляется в языке СМИ, например: *Gute Organisation ist die halbe Miete. Auch hier zeigt sich: Gute Arbeitsorganisation auf dem Bau ist eben die halbe Miete* [BZ 2000]; *In der CDU Sachsen-Anhalt, der Stoiber am Dienstag mit einem ganztägigen „Informationsbesuch“ im Landeswahlkampf helfen will, glaubt man zudem an den Stoiber-Effekt an sich ... „Stoiber ist gut für die Stimmung“, heißt es in Magdeburg, „und gute Stimmung ist schon die halbe Miete“* [BZ 2002].

В следующем случае это выражение получает концептуальное развитие путем окказионального достраивания метафорического образа способом когнитивно-семантической антиномии по типу «часть — целое» („die halbe Miete“ — „die ganze“): *Und mehr als jeder andere weiß Bodo Hombach, dass gutes Marketing, unabhängig von der Qualität des Produkts, die halbe Miete ist — und das richtige Parteibuch allemal die ganze. Den Beweis dafür hat Hombach nun ein weiteres Mal erbracht: Ohne das richtige Parteibuch wäre es ihm gewiss nicht gelungen, einem Medienkonzern zu helfen, Unabhängigkeit und Überparteilichkeit auch in Zukunft zu sichern* [BZ 2002].

Подводя итог представленному обзору, отметим, что самую значительную часть немецкоязычной экономической метафорики

составляют креативные образы, в то время как узуальные и традиционные переносные значения не столь многочисленны, из чего следует однозначный вывод: концептуальное метафорическое сближение понятийных областей экономики и политики происходит на наших глазах. Вторжение экономической метафоры в область социально-политических отношений, к сожалению, может быть расценено в некоторой степени как когнитивный маркер общественно-культурного кризиса европейской (в данном случае немецкой) цивилизации, в которой уже завершился этап традиционного общества и начался период «коммерциализованного» мышления, что немедленно отражается в том числе в языковом сознании граждан ФРГ и в ключевых образах современной германской политической культуры.

Касательно собственно лингвальных перспектив указанных общественно-политических процессов следует предполагать, что дальнейшая дискурсивная активация данного сегмента политической метафоры будет способствовать плавной узуализации наиболее актуальных и востребованных номинаций социальных реалий, даже несмотря на то что в определенных окказиональных контекстах подобные образы эксплицируются в негативных конструкциях (т. е. с выражением отрицания какого-либо существующего процесса, явления). В повседневной политической коммуникации метафорическая система находится в процессе постоянного развития и трансформации, подчиняясь в том числе и когнитивно-языковому механизму «переконцептуализации», который охватывает, как представляется, не только лексемный состав социально маркированной языковой подсистемы и соответствующие семантические течения и передвижения, но и весь строй ключевых метафорических символов данной политической культуры, вследствие чего негативно окрашенные образы через какое-то время вполне могут стать в определенных контекстах аффирмативными, после чего их лексикализация станет уже только вопросом публицистической моды и языкового вкуса.

Таким образом, на примере рассматриваемого фрейма «Экономика» можно наблюдать не только типические когнитивно-языковые процессы и отношения, в полной мере характерные для современной немецкой политической метафоры, но и проследить латентную связь между протекающими общественно-историческими процессами и языковыми способами их экспликации в узуальных и креативных метафорических образах.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ

1. *Clement W.* Perspektiven im Osten: Investitionen, Innovationen, Infrastruktur. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002.

2. *Diller K.* Defizit jenseits der Verfassungsgrenze // Das Parlament. 1998. № 38. 11. Sept. S. 10.

3. *Eylmann H.* Rede in der Berlin-Debatte. Web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_062.html.

4. *Fischer J.* Die EU im Aufbruch: Der Vertrag von Amsterdam // IN-Press: Sonderthema. 1998. ST 2.

5. *Fischer J.* Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. 1999. ST 18. S. 10—20.

6. *Herzog R.* Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. 1997. № 3.

7. *Herzog R.* Demokratische Legitimation in Europa, in den Nationalstaaten und Regionen: Letzte Europa-Rede als Bundespräsident (am 28. April 1999 an der Universität Freiburg) // IN-Press: Sonderthema. 1999. ST 18. S. 1—9.

8. *Kohl H.* Bundeskanzler der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. 1997. № 1.

9. *Kohn R.* Toleranz und Respekt sind unverzichtbar // Das Parlament. 1998. № 34—35. 14./21. Aug. S. 12—13.

10. *Lafontaine O.* Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. № 38. 11. Sept. S. 4—6.

11. *Mischnick W.* Rede in der Berlin-Debatte. Web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_026.html.

12. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1.

13. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1.

14. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2.

15. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1.

16. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2.

17. *Rauen P. H.* Rede in der Berlin-Debatte. Web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_047.html.

18. *Scharping R.* Rede auf der 38. Konferenz für Sicherheitspolitik (München, den 3. Febr. 2002) // Bulletin 1996—2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. № 2002-06-3.

19. *Schröder G.* Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. Nov. 1998). — Bonn : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999.

20. *Schröder G.* Gerechtigkeit im Zeitalter der Globalisierung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler

vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 29. Okt. 2002). — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002.

21. *Schröder G.* Mut zum Frieden und Mut zur Veränderung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 14. März 2003). — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2003a.

22. *Schröder G.* Rede beim World Economic Forum (New York, den 1. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003b. № 2002-06-1.

23. *Schröder G.* Rede auf dem Standort-Kongress der Deutschen Industrie- und Handelskammer (Berlin, den 4. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003c. № 2002-06-2.

24. *Schröder G.* Rede beim Besuch der Steinkohlezeche DSK-Anthrazit (Ibbenbüren, den 8. Feb. 2002) // Bulletin 1996—2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003d. № 2002-08-1.

25. *Schröder G.* Rede bei der Teilnahme am Wirtschaftsforum der Außenhandelskammer Mexiko (Mexiko City, den 11. Feb. 2002) // Bulletin 1996—2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003e. № 2002-09-1.

26. *Schröder G.* Appell an die Verantwortlichen // Das Parlament. 1998. № 34—35. 14./21. Aug. S. 13.

27. *Thierse W.* Rede in der Berlin-Debatte. Web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_002.html.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

28. *BZ* (Zeitung), Berlin (Deutschland) = BZ.

29. *Nordschweiz* (Zeitung). Basel (Schweiz) = Nordschweiz.

30. *Spiegel, der* (das deutsche Nachrichtenmagazin). Hamburg (Deutschland) = Spiegel.

31. *Tagesspiegel, der* (Zeitung). Berlin (Deutschland) = Tagesspiegel.

СЛОВАРИ

32. *Большая советская энциклопедия* = БСЭ : в 30 т. 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978.

33. *Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung* = CUGDR / Chefred. A. Sendlinger. — München : Compact Verl., 2007.

34. *Duden*, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. = DGWDS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

35. *Бородулина Н. Ю.* Метафорическая репрезентация экономических понятий в семиотическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Курск, 2009.

36. *Керимов Р. Д.* Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учеб. пособие / Ке-

меровский гос. ун-т. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

37. *Керимов Р. Д.* Когнитивная структура техноморфной метафорики в немецком институциональном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013а. № 2 (20). С. 94—99.

38. *Керимов Р. Д.* Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации : моногр. / Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово : Офсет, 2013б.

39. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Социальная проекция в политической коммуникации (на примере немецких концептов 'Geld' и 'Politik') // Вестн. КемГУ. 2009. № 4 (40). С. 84—90.

40. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Биоморфизм в немецких концептосферах 'Geld' и 'Politik' // Культура как текст : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. М. Борисенкова. — М. : Изд-во ИЯ РАН ; Смоленск : Изд-во СГУ, 2010а. Вып. 10. С. 78—86.

41. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Концептуализация «денег» и «политики» социоморфными метафорами в немецком языке // Диалог культур — культура диалога : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 6—10 сент. 2010 г.) / под ред. Л. Н. Ваулиной. — Кострома ; Дармштадт ; Минск ; Могилёв ; Познань ; Ваназдор : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2010б. С. 198—202.

42. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Лингвокогнитивная структура немецких социальных концептов «деньги» и «политика» // Вестн. КемГУ. 2012а. № 1 (49). С. 174—185.

43. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Сравнительное исследование социальных концептов (на примере немецких концептосфер «политика» и «деньги») // Вестн. КемГУ. 2012б. № 4 (52). Т. 3. С. 250—254.

44. *Колотнина Е. В.* Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2001.

45. *Матвейченков И. М.* Коннотация концепта как контейнер для национальных стереотипов // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2011. № 4. С. 48—51.

46. *Салатова Л. М.* Метафорическое моделирование экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013.

47. *Томашевская К. В.* Концептосфера экономики в разножанровых текстах // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2 (17/18). URL: <http://m-economy.ru/art.php?nArtId=999>.

48. *Федянина Л. И.* Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: учеб. пособие / Кемер. гос. ун-т. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

49. *Федянина Л. И.* Когнитивные модели представленности концепта "GELD" в немецкой лингвокультуре // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях : сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. — Севастополь : Рибэст, 2009. С. 560—565.

50. *Федянина Л. И.* Деньги как объект лингвистического исследования // Когнитивная лингвистика:

новые парадигмы и решения : сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. — М. : Изд-во ИЯ РАН, 2011. С. 550—555. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 15).

51. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2001а.

52. Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Изв. Урал. гос. пед. ун-та. Сер.: Лингвистика. — Екатеринбург, 2001б. Вып. 7. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-01a.htm>.

53. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2013.

54. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. — Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1997.

55. Liebert W.-A. Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache: Kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiven Lexikographie. — Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Ю. Рябова

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006.21

ГСНТИ 16.31.02

Код ВАК 10.02.01

К. Е. Князев К. Е. Knyazev
Иваново, Россия Ivanovo, Russia

**СОВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
ВО ВНУТРИГОРОДСКОМ
ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

(на примере урбонимов г. Иваново)

**SOVIET IDEOLOGEMS IN THE URBAN
LINGUISTIC SPACE**

(on the example of urbonyms of Ivanovo)

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы и проблемы современной лингвистики, связанные с возникновением идеологема и их существованием в языковом пространстве. На материале идеологизированных урбонимов Иванова изучается процесс идеологизации языкового пространства, в котором идеологизированные урбонимы играют ключевую роль. Делается вывод о принадлежности идеологизированных урбонимов к идеологемам.

Ключевые слова: идеологема; урбоним; идеологизация; языковое пространство.

Сведения об авторе: Князев Кирилл Евгеньевич, аспирант, Отдел подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Место работы: Ивановский государственный университет.

Контактная информация: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37.
e-mail: SlackenXZT@yandex.ru.

Abstract. Topical problems and questions of the modern linguistics are discussed, which are connected with the origin of ideologems and their existence in the linguistic space. The process of ideologization of the linguistic space, in which urbonyms play the key role, is studied on the example of urbonyms of Ivanovo. It is proved that urbonyms involved in the process of ideologization belong to ideologems.

Key words: ideologem; urbonym; ideologization; linguistic space.

About the author: Knyazev Kirill Evgenievich, Post-graduate Student, Department of Training Teaching Staff of the Higher Category.

Place of employment: Ivanovo State University.

В последние десятилетия после распада СССР в российской культуре развивается конфликт между советским и русским. Появление данного конфликта вполне объяснимо, так как смена общественно-политического строя необратимо приводит к отрицанию предыдущего. В перипетии конфликта непосредственно вовлечен и язык. По словам исследователей этой проблемы, «современная лингвокультурная ситуация характеризуется отрицанием всего советского» [Кранышева, Фархутдинова 2008]. По сути, современное российское общество, отрекаясь от своей истории и культуры недавнего времени, не может при этом отказаться от языка, в котором советская эпоха оставила широчайший пласт понятий, отражающих ее культуру и ментальность (не только советскую, но и русскую). Большинство из этих понятий стали идеологемами.

У термина «идеологема» на данный момент нет единого определения, так как он употребляется не только в лингвистике, но и во многих других гуманитарных науках, таких как философия, политология, социология и др. Современным языкознанием выработано несколько определений данного термина. Так, Г. Ч. Гусейнов понимает под идеологемой любую языковую единицу (от звука до суммы текстов), которая является «маркером» идеологии для носителей языка [Гусейнов 2003: 32]. С. А. Журавлев говорит об

идеологеме как о «конкретной цельной единице лингво-семиотической природы» [Журавлев 2004]. Согласно Н. А. Купиной, идеологема представляет собой «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» и «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183]. Е. Г. Малышева рассматривает идеологему как «многоуровневый концепт, в структуре которого актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35]. Определение, принадлежащее Б. М. Пионтеку, совмещает в себе не только лингвистическое, но и политологическое понимание термина. Для него идеологема — это «ключевые лексические и коммуникативные единицы общественно-политического дискурса и средства идеологического и политического влияния на социокультурную деятельность общественности и сплочения социума вокруг категории общественного блага» [Пионтек 2012]. Для Т. Б. Радбиля идеологемой является «...любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей,

при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль 1998: 22]. А. П. Чудинов определяет идеологему как «слово, имеющее в своем значении идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92]. Среди перечисленных выше определений, во многом сходных и перекликающихся между собой, особо выделим определение Н. А. Купиной, поскольку в нем понятие идеологемы описывается комплексно — отмечаются признаки как языковой единицы, так и единицы когнитивной. Именно такого понимания идеологемы мы и будем придерживаться в данной работе.

Важной особенностью идеологем является их способность к появлению практически в любом дискурсе. Именно поэтому их сложно типологически классифицировать, о чем говорят, например, исследования Н. И. Клушиной и Е. Г. Малышевой. Отмеченное свойство идеологем позволяет анализировать их на разнотипном языковом материале. В данной работе рассматриваются советские идеологемы-урбонимы города Иванова. Под урбонимом понимается один из видов топонимов — собственные внутригородские названия. Цель предпринятого исследования — выяснить степень идеологизации урбонимии города и самого названия города, а также определить, могут ли они быть охарактеризованы как идеологемы.

История города Иваново-Вознесенска / Иванова советского периода показывает, как облик города наделялся идеологическим содержанием. За этот период город имел несколько идеологически значимых названий, представлявших собой перифразы — «Красный Манчестер», «Третья пролетарская столица» и «Родина Первого Совета». Это, по словам философа М. Ю. Тимофеева, сделало его «самым советским городом» [Тимофеев 2005: 93]. Бесспорный факт, что каждая из перифраз на разных временных отрезках становилась своеобразной визитной карточкой города, его «брендом», выделяющим город из ряда других. Несомненно и то, что данные вторичные номинации являются идеологемами, так как, будучи перифразами, содержат в своем составе идеологически маркированные лексические единицы («красный», «пролетарская», «Первый Совет»). Данный идеологический след оказался настолько глубоким, что и сегодня, почти четверть века спустя после распада СССР, город известен под названием «Родина Первого Совета» наряду с другими названиями, лишенными идеологического де-

нотата, такими как «Город невест» и «Текстильная столица России». Это обуславливается тем, что город своим символическим содержанием «подпитывает» данное название, так как большинство урбонимов Иванова напоминают о советской эпохе.

Некоторые из ивановских урбонимов советского времени являются типовыми, т. е. лишенными черт оригинальности и самобытности (они с легкостью обнаруживаются практически в любом населенном пункте страны), но есть и самобытные, связанные только с историей города. Типовые урбонимы советского периода знакомы многим носителям языка. Например, почти в каждом городе России есть улица или проспект Ленина, улицы Советская и Октябрьская, Карла Маркса и Розы Люксембург, Дзержинского и Красной армии, Первомайская и Пролетарская и т. д. Город Иваново в данном случае исключением не является, скорее наоборот: число урбонимов данного типа в нем выше. Например, используются такие менее распространенные названия, как улица Парижской Коммуны, улица 9-го Января, улица Дж. Стефенсона и др. Подобные типовые урбонимы можно считать идеологемами, так как они, отсылая своим значением к революционным событиям или деятелям, сохраняют идеологизированный денотат. Данные урбонимы добавляют в образ города «советскости», но строится данный идеологически значимый образ не только на них. Немалую его часть составляют самобытные урбонимы. Появление данных урбонимов является следствием событий 1905 г., когда на берегах реки Талки проходили заседания Совета рабочих. 3 июня 1905 г. митинг рабочих разогнали отряды солдат и казаков, среди митингующих были жертвы. В октябре того же года погиб и руководитель Совета Ф. А. Афанасьев. Эти события легли в основу преобразования ивановского социокультурного пространства в сплошное идеологическое поле. Данное преобразование подробно описано в работе М. Ю. Тимофеева «История формирования семиосферы города Иванова (1917—1991)» [Тимофеев 2005]. Мы лишь рассмотрим наиболее значимые для нас факты на примере урбонимов.

Множество ивановских улиц названо именами участников Первого Совета и знаменитых ивановских революционеров — А. С. Бубнова, П. П. Постышева, М. В. Фрунзе (отметим, что имя М. В. Фрунзе носят 2 улицы — улица М. В. Фрунзе в м. Минеево и ул. Арсения (подпольный псевдоним М. В. Фрунзе)), И. Н. Уткина (Станко), Р. М. Семенчикова (Громобоя), А. А. Андрианова, М. П. Сарментовой, В. Е. Морозова (Ермака), Е. А. Ду-

наева, И. Я. Мякишева, В. Г. и Г. Г. Куконковых, В. П. Кузнецова, Н. А. Жиделева, В. С. и Е. С. Шубиных, А. Е. Жарова, М. И. Колесанова, председателя Первого Совета А. Е. Ноздрин и др. Немаловажный факт, что само событие — создание первого общегородского Совета рабочих депутатов — и деятельность многих его участников нашли свое отражение в искусстве, в частности в литературе. Пятая часть поэмы Е. А. Евтушенко «Ивановские ситцы» (1976) полностью посвящена событиям 1905 г. В ней упомянуты основные участники Первого Совета, такие как Ф. А. Афанасьев, А. С. Бубнов, П. П. Постышев и др.:

Фёдор Афанасьев,
по кличке „Отец“,
шапку бросил наземь,
будто не жилец...

...И может, Паша Постышев
впервые крикнул это,
сам вздрогнувший,
но поздно уж:
„Вся власть Советам!“...

...Авенир Ноздрин был гравер,
а еще стихи творил.
Он листок в руке расправил,
и листок заговорил.
[Евтушенко 1984]

В данных строках мы наблюдаем героизацию событий и лиц, принимавших в них участие. Однако у Е. А. Евтушенко (бывавшего в Иваново), пожалуй, самого известного поэта-шестидесятника, есть стихотворение «Москва-Иваново» (1978), в котором о былой героизации или восхвалении города речи не идет, скорее наоборот, Иваново представляется обычной провинцией, в которую жители из Москвы везут дефицитные товары:

Вместе с храпами и хрипами
проплывали сквозь леса
порошок стиральный импортный
и, конечно, колбаса...

Прижимала к сердцу бабушка
сверток ценный, где была
с растворимым кофе баночка.
Чутко бабушка спала.
[Евтушенко 1984]

В данном случае нам интересно не сколько сопоставление этих двух произведений, сколько художественное упоминание истории города и Первого Совета. Можно сказать, что в поэме события описываются не только с героическим, но и с идеологическим пафосом. Данный пафос способство-

вал осмыслению событий 1905 г. как неотделимых от социалистической революции и идеологии, ибо данные события предвосхищали и то, и другое. Городу в данном случае также нашлось свое место — он и стал «Родиной Первого Совета». Заметим, что лексемы «родина» и «первый» в данном случае явно указывают на историческое значение города как «первоисточника» новой административной формы управления, присущей только советской власти и идеологии. Не стоит оставлять в стороне и тот факт, что благодаря поэме Е. А. Евтушенко сам факт появления Первого Совета именно в городе Иваново-Вознесенске стал достаточно известным. Таким образом название «Родина Первого Совета» перестало быть внутригородским и распространилось в среде носителей языка, ранее не знавших истории города. Однако перифраза *Родина Первого Совета* популяризировалась и иными средствами. В начале 1970-х гг. Иваново был включен в туристические маршруты Золотого кольца России именно под названием «Родина Первого Совета» (данную особенность отмечает М. Ю. Тимофеев) [Тимофеев 2005: 89]. Выбор данного названия был обусловлен тем фактом, что события 1905 г. являлись самыми значимыми в истории города. Безусловно, данный факт был немаловажным для восприятия образа города в глубоко идеологическом виде «Родины Первого Совета».

Образ города — *Родины Первого Совета* формировался постепенно, но последовательно. Процесс переименования уже существующих улиц и наименования новых именами участников Первого Совета не был единовременным. Он продолжался более полувека — с конца 1920-х до конца 1970-х гг. За этот промежуток времени топонимическое пространство города заполнялось и другими урбонимами, появление которых было связано с именами героев Гражданской войны, Великой Отечественной войны, «каноничных» писателей и поэтов. Это, например, улица Демьяна Бедного, Н. Г. Чернышевского, В. И. Чапаева, Н. А. Щорса, В. В. Маяковского, Н. П. Майорова, Танкиста Г. П. Александрова, Летчика С. И. Лазарева и др. Комплекс данных урбонимов сформировал обширное идеологически значимое поле, непосредственно влиявшее на сознание и культуру населения города, который, по словам В. В. Маяковского, «строился наново» [Маяковский 1958] и должен был стать эталоном советского города. Таким образом, в советский период в городе непрерывно происходила идеологизация топонимического облика. Отчасти благодаря этому Иваново

стал восприниматься как город, являющийся символом идеологии, как «Родина Первого Совета». Цель данной масштабной идеологизации, а подчас и героизации, и мифологизации образа и истории города — популяризация советской идеологии, ее ценностей и мировоззренческих установок. Благодаря этому жители могли ощущать гордость за свой родной город. Идеологическое содержание, заключенное в образе города, было настолько богато и широко выражено, что позволяет считать идеологемами не только урбонимы города, но и символическое название «Родина Первого Совета», а также и само название «Иваново», которое, по сути, вбирает в себя и «Родину Первого Совета», и весь комплекс идеологизированных урбонимов.

В заключение хотелось бы отметить немаловажный факт: после распада СССР, по словам М. Ю. Тимофеева, город «окончательно потерял свой специфический символический статус» [Тимофеев 2005: 93]. Однако, потеряв свое символическое идеологическое содержание, Иваново сохранил «внешнюю форму» (многие названия улиц и проспектов остались неизменными), что позволяет ему оставаться своеобразным памятником советской эпохи и сохранять за собой бренд «Родины Первого Совета», который уже лишен внутренней идеологической подпитки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтушенко Е. А.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. Стихотворения и поэмы, 1973 — 1983. — М.: Художественная литература, 1984.

2. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 9. — М., 1958.

3. Иваново : путеводитель. — Иваново, 1972.

4. *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М., 2003.

5. *Журавлев С. А.* Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Йошкар-Ола, 2004.

6. *Кранышева Л. А., Фархутдинова Ф. Ф.* Лингвокультурные концепты *будущее — прошлое* в картине мира советского человека 1950-х годов // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней : сб. науч. ст. — Иваново: Изд-во «Иван. гос. ун-т», 2008. Вып. 5.

7. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2009.

8. *Купина Н. А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. — М., 2000. С. 182—189.

9. *Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 32—41.

10. *Пионтек Б. М.* Общеязыковые факторы генезиса идеологемы как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012.

11. *Радбиль Т. Б.* Мифология языка Андрея Платонова : моногр. — Н. Новгород, 1998.

12. *Тимофеев М. Ю.* История формирования семиосферы города Иванова (1917—1991) // Вестн. Иванов. ун-та. 2005. № 3. С. 78—94.

13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М., 2007.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Ф. Ф. Фархутдинова

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-551.5

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.01

В. А. Копцева V. A. Koptseva
Павлодар, Казахстан Pavlodar, Kazakhstan

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕМОРАНДУМ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Аннотация. Анализируется речевой жанр меморандума, характерный для политической коммуникации. Рассмотрены жанрообразующие признаки: коммуникативная цель, образ автора/адресата, образ прошлого/будущего, тип диктумного содержания. Источником языкового материала является меморандум Г. А. Зюганова «О задачах борьбы против империализма и необходимости международного осуждения его преступлений».

Ключевые слова: политическая коммуникация; речевой жанр; жанрообразующие признаки; меморандум.

Сведения об авторе: Копцева Валентина Александровна, аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета; старший преподаватель кафедры журналистики и русской филологии Инновационного евразийского университета.

Место работы: Инновационный евразийский университет (Казахстан, г. Павлодар).

Контактная информация: 140003, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. М. Горького 104/2, к. 419. e-mail: 83_valentina@mail.ru.

POLITICAL MEMORANDUM AS A SPEECH GENRE

Abstract. The article observes the speech genre of memorandum which is typical for the political communication. The genre characteristics consider communicative purpose, the image of the author / the addressee, image of the past / future, content of the event. The source of the language material is a memorandum of G. A. Zyuganov "About the tasks of the struggle against the imperialism and the necessity of the international condemnation of his crimes".

Key words: political communication; speech genre; genre characteristics; memorandum.

About the author: Koptseva Valentina Alexandrovna, Post-graduate Student of the Department of Modern Russian Language of Novosibirsk State Pedagogical University; Senior Lecturer of the Department of Journalism and Russian Philology, Innovative University of Eurasia (Kazakhstan).

Place of employment: Innovative University of Eurasia (Kazakhstan).

140003, Republic of Kazakhstan, g. Pavlodar, ul. M. Gorkogo 104/2, k. 419.

Феномен политического лидерства является объектом многих современных исследований. Он может рассматриваться и с точки зрения лингвистики, поскольку «в политической коммуникации язык становится инструментом влияния и манипулирования, важнейшим средством категоризации, а тем самым и понимания политических феноменов» [Стексова 2012: 58]. Внимание лингвистов в данной области привлекает в первую очередь эффективность употребления тех или иных речевых жанров в дискурсе языковой личности. В некоторых дискурсах существуют определенные жанры, доступные не для всех: «Как известно, в некоторых видах дискурса существуют определенные жанры, доступные только для „профессионалов“, субъектом которых не может быть „клиент“: проповедь — для священника, лекция — для преподавателя, приговор — для судьи и т. д.» [Стексова 2012: 59]. Самым нераспространенным и непопулярным в политической среде является такой речевой жанр, как меморандум. Выбор этого жанра в качестве объекта исследования объясняется стремлением описать модель малоизученного речевого жанра и показать его специфику в дискурсе Геннадия Зюганова. Для анализа мы выбрали его меморандум «О задачах борьбы против империализма и

необходимости международного осуждения его преступлений».

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «меморандум» трактуется как «вручаемый представителю другой страны дипломатический документ с изложением взглядов правительства на какой-нибудь вопрос» [Ожегов, Шведова: 350]. К этому значению близко определение из энциклопедического электронного словаря: меморандум (лат. *memorandum* — букв. «то, о чем следует помнить») — это «дипломатический документ, излагающий фактическую, документальную или юридическую сторону какого-либо вопроса. Обычно прилагается к ноте либо вручается лично представителю др. страны» [Энциклопедический словарь].

Под меморандумом понимается также «письмо с напоминанием о чем-либо (в торговле); докладная записка, служебная справка; перечисление в страховых полисах (особенно морских) опасностей, страхование от которых не производится» [Там же].

Задачам нашей статьи больше отвечает первое определение меморандума, данное в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

Необходимо четко различать меморандум в юридическом, политическом и дипломатическом дискурсах. Юридический меморандум имеет все признаки структурирован-

ного документа: общие положения, предмет, обязательства, намерения и условия области сотрудничества сторон, адреса и подписи. Он разбит на пункты, главы или статьи, в чем проявляется сходство меморандума с международным договором. Как правило, авторы и адресаты — крупные министерства, организации республиканского и федерального значения — заключают меморандум о сотрудничестве, взаимопонимании или взаимодействии, например: *Меморандум о взаимопонимании между Комитетом государственного энергетического надзора и контроля Министерства индустрии и новых технологий Республики Казахстан и Министерством энергетики Республики Беларусь по сотрудничеству в области электроэнергетики.*

Меморандум в дипломатической сфере предполагает официальную переписку между представителями правительств разных стран и является официальным документом межгосударственного общения.

Меморандум Г. А. Зюганова «О задачах борьбы против империализма и необходимости международного осуждения его преступлений» опубликован в Москве тиражом 50 000 экземпляров. В экспозиции документа находится обращение к читателю — значит, этот текст является не дипломатическим, а политическим.

Указанный документ принадлежит к сфере публичной официальной политической коммуникации. В данном случае учитывается статусно-ситуативный критерий, обуславливающий характер отношений между партнерами (адресатом и адресантом) как представителями политических международных институтов [Ворожцова 2010: 108]. Вслед за М. Эгермы мы понимаем институт как «социально узаконенное специальное знание вместе с людьми, уполномоченными проводить его в жизнь» [Агар 1985: 147—168]. В политическом дискурсе в роли адресанта выступает представитель политического института, политических кругов государства или партийных организаций.

Модель речевого жанра, предложенная Т. В. Шмелёвой, включает семь компонентов: коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, фактор прошлого и будущего, диктум и формальную организацию речевого жанра [Шмелева 1990: 24—29].

Используя модель описания речевого жанра Т. В. Шмелевой [Шмелева 1990: 25], мы выделяем несколько коммуникативных целей меморандума, первая из которых — информативная — заявлена во вступлении к основному тексту: *Читатель может познакомиться с документом, раскрывающим правду истории.*

Несмотря на то что меморандум относится к монологическим жанрам [Бахтин 2000: 251], он построен в форме ответного хода, отклика на политический документ ассамблеи Совета Европы: *Вопиющим примером явилась резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) на январской сессии этого года. <...> Однако это не освобождает нас от обязанности **дать решительный отпор провокаторам.***

Меморандум Г. А. Зюганова создан для опровержения идей резолюции ПАСЕ и для осуждения западного империализма посредством репрезентации «черно-белого» мира оценок, организованных вокруг полюсов «хорошо» и «плохо» [Шмелева 1990: 25]: *Эта задача требует всесторонней международной оценки и осуждения преступлений империализма и глобализма.*

Таким образом, второй ведущей интенцией меморандума является обличение империализма как стадии социально-экономического развития, противостоящей социализму и коммунизму. В отличие от первой, это интенция убеждающего типа.

В меморандуме также задана цель изменить «самочувствие» адресанта и адресата, а именно автора, представителей коммунистического движения, с одной стороны, и империалистов, с другой, «соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [Шмелева 1997: 92]. Например: *Однако это не освобождает нас от обязанности дать решительный отпор провокаторам. Составители доклада шведского парламентария Линдблада самонадеянно и без должной научной квалификации коснулись важнейшего вопроса теории и практики — о роли насилия в истории.*

Фатическая установка речевого жанра актуализируется во введении к основному тексту и соотносится с приглашением мировой общественности к обсуждению поставленных вопросов: *Предлагаемый вниманию мировой общественности меморандум открыт для обсуждения, доработки и внесения уточнений и дополнений.*

Следующая задача автора — оценить сложившуюся в мире обстановку: *Политическая и моральная оценка прошлых и нынешних дел империалистов необходима именно сейчас, когда страны, придерживающиеся этой идеологии и ее установок, пытаются изобразить свою деятельность как некий эталон для подражания всем человечеством.*

Известно, что оценка выражает ценностное отношение субъекта к объекту. Субъектом ценностного отношения всегда является

человек или совокупность людей, «объединенных по половому, возрастному, социальному, профессиональному, конфессиональному, национальному, **политическому** (выделено нами — В. К.), территориальному признаку» [Темиргазина 1999: 26]. Отношение говорящего к адресату в данном случае негативно, что подтверждается выбором лексики: *давно уже запятнан империализм; массовые убийства и казни; с ног до головы забрызганный кровью и грязью; отпор провокаторам*. В целом тип оценки и эмотивность текста обусловлены основной интенцией обличения империалистической политической системы, что репрезентировано в самом названии меморандума — «О задачах **борьбы против империализма** и необходимости международного **осуждения его преступлений**».

Императивность текста меморандума Г. А. Зюганова детерминирована целью «вызвать осуществление событий», призвать к совместным действиям [Шмелева 1997: 91]. Как следствие, по критерию соотношения образа автора с ролью исполнителя данный текст принадлежит к «неисполнительской» группе речевых жанров, предполагающих исполнение действий адресатом коммуникации, а не автором текста [Шмелева 1997: 94]: *Либо человечество скажет решительное „Нет!“ фашистской реставрации, либо оно обречено на новые многолетние страдания. <...> Мы считаем, что международная общественность должна выразить свое отношение и осудить такие человеконенавистнические „теории“, как мальтузианство, социал-дарвинизм, нищезанство, расизм, мондиализм и т. п.*

Все сказанное позволяет утверждать, что данный меморандум как речевой жанр в дискурсе Г. А. Зюганова имеет полиинтенциональный характер.

Образ автора эксплицирован уже в начальной части меморандума и отождествляется с КПРФ (*Поэтому **Компартия Российской Федерации** считает своим общественным и интернациональным долгом выступить с инициативой выработки стратегии и тактики активной борьбы человечества с глобалистской угрозой*). Рассуждение ведется от 1 лица множественного лица (***мы** не претендуем; **мы** полагаем; **мы** считаем*).

Тем самым автор обобщает свою точку зрения и представляет ее как характерную для всех коммунистов: *Как оценивают коммунисты этот прискорбный, но бесспорный факт?*

Адресатом выступает, как указано во вступлении, «*читатель*», далее по тексту —

«*человечество*», «*мировая общественность*». Под адресатом понимаются и «*государства Запада*» и «*провокаторы*». В последнем случае автор и адресат противопоставляются. Данный текст является реакцией на резолюцию ПАСЕ, поэтому адресаты (в данном случае авторы резолюции) являются одновременно и политическими оппонентами. В итоге формируется текстовая оппозиция «мы — они», «свои — чужие», «коммунисты — капиталисты», «представители коммунизма — представители империализма».

Интересно отметить появление в тексте меморандума приема градации: адресат выступает вначале как обобщенное лицо (*читатель, человечество, мировая общественность*), а затем конкретизируется в негативно-оценочном ключе: *государства Запада — провокаторы*. Прием градации актуализирует такие характеристики адресата, как массовость и равностатусность, определяющие, по классификации Е. И. Шейгал, линию «институт — институт» [Шейгал 2000: 86].

Проявление отношения говорящего (в данном случае — пишущего) к другому (слушающему/читающему) выражается в скрытом диалоге. Учитывая осведомленность адресата о ситуации, автор задает вопросы и, предвосхищая реакцию, тут же на них отвечает. Сравним:

Как оценивают коммунисты этот прискорбный, но бесспорный факт?

Марксизм никогда не преувеличивал роль насилия в истории.

Этот прием позволяет реализовать «условие приемлемости оценки адресатом: от него ожидается согласие с ней или несогласие» [Шмелева 1990: 27]: *Да, социализм, как и все предшествующие ему общественные формации, возникает из жертв и насилия. Конечно, никакие резолюции не в силах вычеркнуть коммунистическое движение из истории, умалить его вклад в развитие мировой цивилизации.*

Причиной появления данного меморандума является тот факт, что в 2006 г. появилась резолюция ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов». Со своей стороны меморандум Г. Зюганова как реакция на этот международный политический документ имеет определенную историческую событийную основу. Ср. названия документов: «О **необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов**» (ПАСЕ) — «О задачах **борьбы против империализма и необходимости международного осуждения его преступлений**» (Г. А. Зюганов).

Сказанное позволяет утверждать, что по критерию наличия коммуникативного прошлого данный меморандум относится к маргинальной, вторичной группе речевых жанров (РЖ), имеющей реактивный характер.

Как было отмечено Т. В. Шмелевой, «образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Шмелева 1997: 94]. В данном случае, как отмечает Г. А. Зюганов, документ ведет к порождению других текстов, он не содержит в себе все конечные интенции и финальные пути решения, его можно лишь изменять в содержательном плане: *Предлагаемый вниманию мировой общественности меморандум открыт для обсуждения, доработки и внесения уточнений и дополнений*. В итоге предполагается дальнейшая коммуникация и обсуждение.

Тип диктумного (событийного) содержания в оценочных жанрах предполагает наличие событий прошлого и настоящего [Шмелева 1990: 95]. В меморандуме это представлено эксплицитно, через перечисление исторических событий, например: *Начиная с середины XIX века, США, руководствуясь так называемой доктриной Монро, ведут бесчисленные вооруженные интервенции против стран Латинской Америки*.

Композиционно текст четко структурирован и содержит вступление и четыре главы.

В первой части характеризуется общая мировая политическая обстановка, ставится задача борьбы с империализмом и глобализмом.

Вторая часть меморандума посвящена анализу вопросов, связанных с насилием в истории, описанию отношения коммунистов и их оппонентов к мировой исторической практике и содержит рекомендацию читателям критически оценить прошлое.

Третья часть раскрывает преступления империализма против трудящихся, рабочего класса, крестьянства, демократической интеллигенции; против свободы и независимости народов; против мира и жизни на Земле; против культуры. По сути, вторая и третья части представляют оценочную характеристику речевого жанра в силу специфики анализируемых фактов.

Четвертая часть — кульминационная и самая экспрессивная — содержит альтернативные, по мнению автора, предложения для улучшения политической обстановки в мире: *Только социализм может дать реальную, а не реакционно-утопическую альтернативу глобализму и „новому мировому порядку“*.

Это неконкретизированная декларация без плана реализации какой-либо программы. Автор прямо указывает на ее чисто

апеллятивный характер: *Предлагаемая платформа <...> не предпринимает конкретных форм общественного устройства, которые изберет человечество в будущем. Но реализация этих лозунгов крайне необходима*.

Финал приобретает императивно-лозунговый характер: *За освобождение труда от эксплуатации и социальную справедливость. Против долговой кабалы. Надо смотреть в будущее, а не сводить счеты с прошлым! Надо смело и уверенно идти вперед!* Форма речевого призыва, присущая стилистике советского партийного дискурса, обладает оценочностью и категоричностью. Такая форма нацелена на программирование мышления адресата в нужном автору направлении, а также побуждает его к совершению определенных действий.

В структурном отношении меморандум является сложным речевым жанром, включающим более простые: ответ, осуждение и лозунг.

В ответе как речевой реакции реализуется намерение автора выразить свое мнение по поводу документа ПАСЕ. Жанр ответа зависит от конкретной коммуникативной ситуации, детерминирован предыдущими речевыми действиями адресата: *Однако это не освобождает нас от обязанности дать решительный отпор провокаторам. Ведь резолюция ПАСЕ — не просто проявление исторического беспамьятства и черной неблагодарности Советскому Союзу, спасшему Европу от фашистского порабощения*.

Наиболее яркой типологической характеристикой речевого жанра осуждения является негативная оценка империалистической действительности, достигаемая за счет употребления большого количества эмотивно-оценочной лексики: *Велика вина капитализма за жестокости колониальных времен*. Осуждение предполагает возможное продолжение коммуникации со стороны адресата и провоцирует его реакцию: *Предлагаемый вниманию мировой общественности меморандум открыт для обсуждения, доработки и внесения уточнений и дополнений. Мы полагаем, что для этой работы необходимо создание авторитетной международной комиссии*.

Для лозунга характерен призыв к совместной борьбе с политическими партиями капиталистических стран: *За роспуск агрессивных военно-политических блоков. За ликвидацию тотального полицейского контроля над личностью*.

В тематическом отношении меморандум Г. А. Зюганова контрастен. В первых трех

частях автор выражает негативное отношение к империализму, используя слова с резко отрицательной оценкой (*фашизм, разрушение, кровавая расправа, насилие, убийство, казни, гибель*) и лексемы с суффиксами субъективной оценки (*судилище*). Для последней части, отражающей политику социализма, характерны слова с позитивной окраской (*освобождение, справедливость, свобода, прогресс, мир*).

Опираясь на факты, Г. А. Зюганов детализирует их статистическими данными. Например: *Показатели детской смертности из-за голода, по данным ООН, достигли ранее невиданного уровня: 17 тыс. смертей каждый день.*

В некоторых случаях автор ссылается на авторитетный источник — международные организации: *Приговором империализму звучат данные Доклада ООН 2005 года о развитии человека. Или: по данным ООН, по расчетам экспертов ООН, по данным ООН и ОБСЕ. В остальных же случаях ссылки на источники не приводятся, если они касаются общеизвестных фактов. Ср.: На принудительных работах, от голода, военных лишений, массовых казней погибло 20 млн. гражданского населения СССР, в основном русских, украинцев, белорусов, евреев и цыган<...>.*

Остановимся немного на языке и стиле меморандума.

Лексические особенности связаны с использованием терминов из сферы официально-деловых отношений (*резолуция, доклад, сессия*). Однако особенностью меморандума Г. А. Зюганова является употребление публицистических элементов и оценочной книжной лексики. В политическом документе такая лексика эксплицирует отношение автора к обсуждаемому факту международной жизни: *эксплуатируется подневольный труд, политика западных режимов, практикует разрушение основ жизни и геноцид коренного населения*. В тексте пересекаются религиозная лексика (*фарисейство, духовные отцы, не каялись и не будут каяться, очаг православия*) и лексика советской эпохи (*марксизм, эксплуататорские и реакционные классы, научный коммунизм, интервенты, Интернационал*).

Морфологическую специфику меморандума Г. А. Зюганова определяют частое использование местоимений 3 лица ед. и мн. ч. и соответствующих форм глагола, а также употребление прилагательных, существительных и наречий со значением отрицательной оценки (*обывательские критерии, безжалостная война, кровавая расправа, самонадеянно, голод, судилище*).

Синтаксические средства подчинены экспрессивности текста. Так, широко распространены парцеллированные конструкции: *Поэтому мы рекомендуем государствам Запада критически взглянуть на свое прошлое и дать ему честную оценку. Закончить с практикой двойных стандартов.*

Нарастанию экспрессии способствуют риторические вопросы анафорического типа, например: *Идет ли оно к дальнейшему подчинению труда капиталу или освобождению труда от капитала, к превращению труда в естественную жизненную потребность? Идет ли оно к установлению над миром олигархической власти узкого круга лиц или к демократическому взаимодействию и сотрудничеству суверенных стран и народов?*

Меморандум в дискурсе политиков встречается довольно редко. Поэтому сложно выявить устоявшиеся инвариантные особенности жанра. Попробуем всё же на нашем материале кратко обобщить специфику этого жанра.

Политический меморандум принадлежит к публицистическому стилю речи. Об этом свидетельствуют стремление к воздействию на читателя, экспрессивность, оценочность, лозунговость, информативность, метафоричность (*сытая Европа, колыбель европейской цивилизации, мировая казарма*), использование изобразительно-выразительных средств языка, речевых стереотипов, клише (*нависла угроза установления глобальной диктатуры, это не освобождает нас от обязанности, считает своим общественным и интернациональным долгом*). Сказанное определяет обличительный пафос речевого жанра и его ведущую интенцию: он предназначен для оценки ситуации преимущественно декларативного, а не аргументативного типа.

В соответствии с коммуникативными целями речевого жанра меморандума является полиинтенциональным и синтезированным: он вбирает в себя черты оценочных и императивных жанров. Автор желает вызвать читательское осуждение, и поэтому ведущей категорией меморандума является оценка.

С опорой на классификацию М. М. Бахтина [Бахтин 2000: 251] мы отнесем меморандум ко вторичному сложному жанру, поскольку он вбирает в себя простые жанровые формы: ответ, осуждение, лозунг. Включение в состав меморандума других жанров свидетельствует о его комплексном характере и «открытой» структуре.

Меморандум в дискурсе Г. Зюганова и меморандум как дипломатический документ объединяет международный адресат — по-

тенциальный читатель из стран Запада (члены ПАСЕ). Однако меморандум политика предполагает не только международного адресата, но и внутреннего, российского. По отношению к разным адресатам реализуются различные коммуникативные задачи.

В целом политический меморандум можно определить как жанр, предназначенный для обобщения актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей, а также для трансляции адресату мнения партии (КПРФ), для призывов и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевого жанра // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. — СПб., 2000.
2. Ворожцова Н. В. Предвыборный дискурс и его жанры // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2010. № 2. С. 106—113.
3. Гаврилова М. Н. Политическая коммуникация XX века. — СПб. : Изд-во Невск. ин-та языка и культуры, 2008.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1997.

5. Стеклова Т. И. «Послание президента» как жанр политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41).

6. Темиргазина З. К. Оценочные высказывания в русском языке. — Павлодар : НПФ «ЭКО», 1999.

7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000.

8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. С. 88—98.

9. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика : науч. журн. актуальных проблем преподавания русского языка. — Berlin. 1990. № 2. С. 20—32.

10. Энциклопедический словарь. URL: <http://academic.ru/dic.nsf/lower/16091> (дата обращения: 20.10.2013).

11. Agar M. Institutional Discourse. — Amsterdam : Mouton Publishers, 1985. P. 147—168.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. И. Стеклова

УДК 811.111'272
ББК Ш143.21-006.21

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.04

Т. Н. Павлова Т. N. Pavlova
Одесса, Украина Odessa, Ukraine

РОЛЬ СПИЧРАЙТЕРА В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

SPEECHWRITER'S ROLE IN FORMATION OF A POLITICAL LEADER LINGUISTIC PERSONALITY

Аннотация. Рассматривается степень воздействия спичрайтеров на формирование языковой личности политического лидера на примере сотрудничества премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер со своими спичрайтерами. Показано, что в процессе написания политической речи Маргарет Тэтчер играла ключевую роль. При анализе языковой личности политического лидера допустимо не принимать во внимание личность спичрайтера, так как автором текста считается тот, кто несет ответственность за его содержание.

Abstract. The article addresses the degree of speechwriters' influence on formation of a political leader linguistic personality based on cooperation of British prime minister Margaret Thatcher with her speechwriters. It is demonstrated that Margaret Thatcher played a key role in writing her political speeches. The analysis of a political leader linguistic personality can ignore the personality of a speechwriter as the authorship is attributed to the one who bears responsibility for the text content.

Ключевые слова: спичрайтер; политический лидер; авторство; политическая речь.

Key words: speechwriter; political leader; authorship; political speech.

Сведения об авторе: Павлова Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, аспирант.

About the author: Pavlova Tatyana Nikolayevna, Senior Lecturer of the Translation Department, Post-graduate Student.

Место работы: Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина).

Place of employment: Odessa I. I. Mechnikov National University (Ukraine).

Контактная информация: 65058, Украина, Одесса, Французский бульв., 24/26, к. 166а.
e-mail: tatyana_sun@ukr.net.

Вопрос о степени влияния спичрайтеров на формирование языковой личности политического лидера всегда относился к разряду дискуссионных. Во всем мире наблюдается довольно неоднозначное отношение общественности к такой профессии, как «спичрайтер». В России спичрайтеры не являются публичными людьми, они всегда находятся в тени большой политики. В США политический спичрайтер — это всем известная личность, которая влияет не только на формирование речевого стиля президента, но и на идеологию государства. В честь первого профессионального спичрайтера, Джадсона Уелливера, составлявшего тексты выступлений тридцатому президенту Америки Кельвину Кулиджиу в 1923—1929 гг., был назван профессиональный клуб бывших и действующих президентских речеписцев — Общество Джадсона Уелливера. В Германии отношение к речеписцам всегда было довольно предвзятым: работа наемного спичрайтера считается продажной. В Великобритании недопустимо спрашивать у политика или бизнесмена об авторе его текста; имена спичрайтеров разглашать не принято.

Имена авторов тронных речей, докладов, политических программ, как правило, остаются неизвестными. Отсутствие саморепрезентации компенсируется причастностью профессиональных спичрайтеров к фор-

мированию государственной политики и идеологии.

Возникает вопрос, следует ли при изучении языковой личности оратора-политика в рамках политического дискурса принимать во внимание возможность использования услуг спичрайтеров и влияние личности составителя текстов выступлений на языковую личность политика.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью описания процесса взаимодействия политического лидера и его спичрайтеров.

Предметом исследования являются особенности совместной работы 71-го премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер и ее спичрайтеров.

Истоки спичрайтинга берут свое начало в древнем искусстве риторики, которое зародилось в Древней Греции. Аристотель определил риторику как «искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки» [Аристотель 2000: 7].

В отечественной практике определение понятия «спичрайтинг» с позиции теории связей с общественностью впервые ввел А. Д. Кривоносов в работе «Основы спичрайтинга».

Он определяет спичрайтинг как «специфическую PR-технологию, представленную в виде подготовки и написания PR-текста, предназначенного для устного исполнения, а также консалтинг какого-либо лица по организации публичного выступления и его исполнению. В узком смысле — написание текста устного публичного выступления для руководителя (должностного лица) базисного субъекта PR» [Кривоносов 2003: 12—13]. Спичрайтер должен иметь представление о личностных качествах, характере, общественном положении, манерах речи и поведении на публике того политического лидера, для которого он пишет текст. Одной из гарантий успеха является осведомленность о характере аудитории, на которую выступление должно произвести желаемое впечатление. Профессиональный спичрайтер должен совмещать способности политолога, актера, психолога и литератора.

Согласно одной из существующих трактовок, дискурс рассматривается как «система коммуникации, имеющая реальное и потенциальное (виртуальное) измерение» [Шейгал 2000: 11]. В реальном измерении это процесс речевой деятельности и возникающие в результате этой деятельности тексты, в потенциальном измерении это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, необходимые для обслуживания данной коммуникативной сферы, тезаурус прецедентных текстов, типичные модели речевого поведения и набор речевых жанров политического дискурса. Именно в потенциальном измерении происходит процесс, который называется спичрайтингом: работа над написанием текстов, которые готовятся для публичного чтения или произнесения перед аудиторией.

Несмотря на то что официальный автор политического текста не всегда совпадает с его подлинным создателем, принято считать, что в современном политическом дискурсе «тот, на кого ложится ответственность за текст, считается его автором» [Чудинов 2012: 54]: «Над текстом выступления президента может работать целая команда экспертов. Однако озвучивая или подписывая текст, политический лидер берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение президента, а не его спичрайтеров, и возможная критика содержащихся в документе положений будет адресована президенту, а не его помощникам» [Там же].

Один из ведущих британских спичрайтеров Симон Ланкастер отмечает, что в настоящее время услуги профессиональных спичрайтеров являются востребованными

не из-за тщеславия или лени современных политиков, а в силу жестких требований современного политического рынка, которые не оставляют политику времени на то, чтобы и руководить страной, и самостоятельно готовить тексты выступлений [Lancaster].

Проведенный анализ теоретических и публицистических источников по проблемам создания текста политической речи показал, что Маргарет Тэтчер несомненно играла ключевую роль в работе над текстами своих речей. Масштаб личности этого политического лидера представляется особенно значимым при учете особенностей общественно-политической жизни страны, которой она управляла. Именно Маргарет Тэтчер, а не ее партия, в 1983 г. выиграла свои вторые, самые важные для политической карьеры выборы. Этот факт имеет особое значение в свете того, что «партийное движение в Британии выражено гораздо сильнее, чем, например, в США, так что англичане голосуют, прежде всего, за партию, а не за ее лидера, чья харизма не так важна, как представляемая им программа» [Смирнова 2006: 32].

Джон О'Салливан, спичрайтер и специальный советник Маргарет Тэтчер, полагал, что госпожа Тэтчер сумела восстановить репутацию Великобритании на мировой арене и возродить национальную экономику. Маргарет Тэтчер считается одной из самых выдающихся личностей XX в. в Великобритании и вторым по значению премьер-министром после Уинстона Черчилля. При жизни ее называли крупнейшим политиком XX в. Она стала первой и пока единственной женщиной, возглавившей британское правительство.

Премьерство Тэтчер (с 1979 по 1990 г.) является самым продолжительным в XX в. Через 10 лет после прихода Тэтчер к власти страна заняла четвертую позицию в мировой экономике. Существование самого термина «тэтчеризм» свидетельствует о долгосрочном политическом наследии М. Тэтчер. Джон О'Салливан был не просто спичрайтером М. Тэтчер, но и другом, единомышленником. После того как «железная леди» покинула офис премьер-министра, он стал одним из двух писателей, работавших с ней над автобиографическими книгами «Годы на Даунинг-стрит» (1993) и «Путь к власти» (1995). Джон О'Салливан утверждал, что никто не писал речей для госпожи Тэтчер; речи составлялись только *вместе* с ней. Она открыто обсуждала со своими спичрайтерами целый ряд вопросов государственной политики, чтобы выработать широкую программу политических преобразований [O'Sullivan].

Маргарет Тэтчер в своей автобиографии так описывала процесс подготовки к первому

выступлению в качестве лидера консервативной партии в 1975 г.: *I told my speech-writers that I was not going to make just an economic speech... But when I discussed the kind of draft I wanted with Chris Patten and others from the research Department, I felt they were just not getting the message I wanted to dispatch. So I sat down at home over the weekend and wrote out sixty pages of my large handwriting. I found no difficulty: it flowed and flowed. But was it a speech?* [Thatcher 1995: 306]. Маргарет Тэтчер полагала, что яркая, эффективная речь должна вдохновлять партийных единомышленников и развеивать сомнения скептиков, что политическое выступление больше тяготеет к поэзии, чем к прозе. И дело вовсе не в витиеватых оборотах речи, а в идеях и чувствах, которые кроются за словами. Материал, вполне подходящий для убедительной статьи, может быть абсолютно непригоден при написании речи. Необходимо тщательно выверять текст речи, чтобы исключить из него опасные двусмысленности. Маргарет Тэтчер считала, что лидер партии в своей речи должен освещать достаточно широкий круг проблем, в противном случае обязательно последует критика, упрекающая в том, что были обойдены стороной некоторые злободневные вопросы. Все части выступления должны быть тематически связаны между собой, иначе в итоге получается не речь, а, как говорила Маргарет Тэтчер, «рождественская ёлка» — *a "Christmas tree", on which pledges and achievements are hung and where each new topic is classically announced by the mind-numbing phrase "I now turn to ..."* [Thatcher 1995: 305].

Маргарет Тэтчер в автобиографии не раз упоминала о сотрудничестве с командой спичрайтеров (*Chris Patten (Крис Паттен), Woodrow Wyatt (Вудро Уайтм), Angus Maude (Ангус Мод), Adam Ridley (Адам Ридли), Richard Ryder (Ричард Райдер) и другие*) при написании своих речей: *The experienced journalist's eye (Woodrow Wyatt — прим. авт.) saw all that I had not. So the two of us began to cut and shape and reorganize... I also found that Chris Patten and others had written new material. We married the two and a first draft was accordingly produced* [Там же: 306]. Маргарет Тэтчер не переставала работать над технологией написания политических речей и усовершенствованием своих ораторских навыков: *In between receptions and visits to the debates I would go in to see how the speech-writers were proceeding. Adam Ridley helped with the economics. Angus Maude, who like Woodrow had the journalist's knack of making material bright and interesting simply by*

reordering it, also came in from time to time. Richard Ryder was the keeper of the text. Gordon Reece's expertise was in coaching me on how to deliver it, seeing for example that I did not cut short applause after a clap line by moving on too quickly — a perennial temptation for a speaker who is inexperienced or lacks confidence [Там же: 306].

Один из самых известных спичрайтеров Маргарет Тэтчер, Рональд Миллар, заявлял, что при написании речей для госпожи Тэтчер предпочтение отдавалось командной работе. В процессе работы голос Маргарет Тэтчер должен был звучать у него в голове. Главное, чтобы слова произносились так легко, как если бы их автором являлся сам оратор. Рональд Миллар отмечал, что Маргарет Тэтчер обладала неиссякаемым запасом всевозможных цитат, фраз, заготовок и идей, которые она приберегала для подходящего случая [Uk Speechwriters' Guild]. Крис Паттен, Вудро Уайтм, Ангус Мод и другие были хорошими речеписцами, но все они в то же время были опытными политиками со своими собственными принципами и идеями. Главная ценность Рональда Миллара заключалась в том, что он был не искусным политиком, а профессиональным драматургом, способным писать не своим, а ее голосом, создавать строчки, которые бы точно отображали ее характер. Именно благодаря Миллару появился столь узнаваемый тэтчеровский стиль с короткими предложениями-стаккато, произносимыми в характерном ударном ритме. На протяжении пятнадцати лет ни одна крупная речь Маргарет не считалась законченной без окончательной доработки Миллара, которую сама Маргарет Тэтчер называла процессом «рональдирования» (*to be Ronnie-fied*) [Campbell 2000: 349]. Миллар вспоминал, что уже в должности премьер-министра Тэтчер, проверяя черновик речи, каждый раз вычеркивала слово «возможно» ("perhaps"). Она говорила: «I'm a conviction politician. I'm not in the perhaps business» [Campbell 2000: 350].

Спичрайтеры Маргарет Тэтчер рассказывали, как они часами писали и переписывали речи госпожи Тэтчер, которая в двенадцать ночи могла прийти после последней деловой встречи и начать всё с чистого листа, разложив все черновики на большом столе, а иногда прямо на полу, снова и снова группируя материал. Она могла забраковать эффективную концовку речи, над которой так долго трудились Миллар с Паттеном, аргументируя это тем, что это не ее слова. Тревор Ривз, один из спичрайтеров Маргарет Тэтчер, назвал свое участие в работе над составлением ее речей «копирайтин-

гом»: *She would send round her scribbled notes and I would essentially decipher them and craft it into legible proper speech. I didn't change the meaning or anything but I was good at collating information — copywriting I suppose* [Kay].

Первое выступление Маргарет Тэтчер в качестве лидера Консервативной партии имело оглушительный успех. Тэтчер эффектно сымпровизировала в начале выступления: она приняла в подарок от одной из активисток перьевую метелку — символ партийных перемен — и прошла ею по кафедре, вызвав смех и аплодисменты присутствующих [Margaret Thatcher Foundation].

Свою знаменитую речь, *The lady's not for turning* (<http://www.margaretthatcher.org/document/104431>), М. Тэтчер произнесла в качестве премьер-министра на конференции Консервативной партии 10 октября 1980 г. Эту фразу предложил Рональд Миллар, перефразируя название пьесы Кристофера Фрая «*The Lady's not for Burning*» («Она не должна быть сожжена»). Сам Миллар считал, что в первую очередь внимание аудитории привлечет фраза *You turn if you want to*, но в действительности самым известным фрагментом, определившим название всей речи, стала именно фраза *Lady's not for Turning*, для которой можно предложить следующий вариант перевода: «Леди не должна сворачивать». Такими словами Тэтчер ответила тем, кто открыто заговорил о необходимости сворачивать экономический курс страны: «Тем, кто затаив дыхание ждет это излюбленное прессой выражение — поворот на 180 градусов, — я скажу лишь одну вещь. Вы поворачивайте, если хотите. Леди не должна сворачивать».

В электронном виде существует фрагмент черновика вышеупомянутой речи, исправленный М. Тэтчер [Margaret Thatcher Foundation].

Премьер-министр вносила в черновики своих речей правки, затрагивавшие не только лексический, но также грамматический и стилистический уровни, могла изменить даже оттенок, тональность высказывания. Приведем примеры изменений такого рода. Смена порядка слов: *What then stands in our way?* — вместо исходного варианта: *What stands in our way then?* Замена модального глагола *might*, который обычно выражает большую степень сомнения в определенном событии или совершении определенного действия, модальным глаголом *could*: *I suppose it might* вместо *I suppose it could*. Речь идет о перспективе наступления еще одной «Зимы тревоги» (*Winter of Discontent*), как называют в Великобритании холодную зиму 1978/79 гг., когда проходили массовые за-

бастовки профсоюзов. В черновом варианте вычеркнута фраза *It will not be our fault*: М. Тэтчер — политик, который отвечает за свои действия.

По признанию многих журналистов, Тэтчер была мастером импровизации, политиком, способным выдержать любую словесную баталию, отстаивать свою точку зрения, не используя при этом какие-либо подготовленные спичрайтерами материалы. Показателен пример, когда Тэтчер сумела мастерски разрядить ситуацию после того, как ее выступление *The lady's not for turning* прервал ворвавшийся в зал лейборист с возгласами: «Тори вон! Нам нужна работа!» (*Tories out! We want Job!*). Маргарет Тэтчер сумела повернуть ситуацию в свою пользу, спокойно заявив: «Не обращайтесь внимания. На улице так сыро; я предполагала, что они придут к нам. Мы не можем осуждать их, ведь хорошо там, где тори» (*Never mind it is wet outside I've expected them to come here. We can't blame them it always better where the Tories are* [Margaret Thatcher's response to heckler]). Зал взорвался аплодисментами.

Несмотря на то что над составлением речей Маргарет Тэтчер работала целая команда экспертов, при определении содержания и структуры выступления решающее слово всегда было за премьер-министром. Озвучивая текст выступления, Тэтчер брала на себя ответственность за каждое свое слово. Многочисленные комментарии спичрайтеров Маргарет Тэтчер свидетельствуют о том, что она была самым активным участником процесса написания своих речей. Степень зависимости политика от своих спичрайтеров следует анализировать в каждом конкретном случае, принимая во внимание масштаб личности самого политического лидера, его авторитет и уровень ораторского мастерства.

ИСТОЧНИКИ

1. *Margaret Thatcher Foundation*. Speech to Conservative Party Conference. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/104431>.
2. *Margaret Thatcher Foundation*. Release of MT's private files for 1980 — (2) «NOT for Turning». URL: <http://www.margaretthatcher.org/archive/1980cac2.asp>.
3. *Margaret Thatcher's response to heckler*. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=B7ICpVmZHj0>.

ЛИТЕРАТУРА

4. *Аристотель*. Риторика. Поэтика. — М.: Лабиринт, 2000. С. 7—15.
5. *Кривоносов А. Д.* Основы спичрайтинга : учеб. пособие для студентов отделений связей с общественностью. — СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2003.
6. *Смирнова И. С.* Национальный и международный имидж британской политической элиты и ее

лидеров: особенности функционирования и влияние на современный политический процесс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — СПб., 2006.

7. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53—59.

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000.

9. Campbell J. Margaret Thatcher. The Grocer's Daughter. — London : Jonathan Cape, 2000. P. 312—363.

10. Kay R. Private tears of Iron Lady's speech writer. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-230971>

9/Margaret-Thatcher-Private-tears-Iron-Ladys-speech-writer-longer-remembers-words.html.

11. Lancaster S. Gordon Brown's speech. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/nov/05/gordon-brown-congress-speechwriting> (дата обращения: 15.10.2013).

12. O'Sullivan J. Thatcher's victories. URL: <http://nypost.com/2013/04/09/thatchers-victories/> (дата обращения: 20.10.2013).

13. Thatcher M. The path to power. — HarperCollins-Publishers, 1995. P. 296—316.

14. *Uk Speechwriters' Guild* // Blog. Mrs Thatcher's Speechwriter (дата обращения: 20.10.2013).

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
И РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ
КОНФРОНТАЦИОННЫХ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РИТОРИК
(на материале третьего этапа дебатов
президентской предвыборной кампании
США 2012 г.)**

Аннотация. Изучаются языковые средства, применявшиеся в диалогической электоральной речи во время третьего этапа президентских дебатов в США в 2012 г. Делается вывод о том, что речь Барака Обамы, построенная в соответствии с рядом эффективных коммуникативных стратегий и тактик, была более продуманной с композиционно-риторической точки зрения, чем речь оппонента, и обладала высокой персуазивностью, что позволило политике одержать победу в дебатах.

Ключевые слова: электоральный дискурс; коммуникативная стратегия; речевая тактика.

Сведения об авторе: Семкин Максим Александрович, кандидат филологических наук, ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.

Контактная информация: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46, к. 38.
e-mail: maxsiomkin@mail.ru.

**CONFRONTATIONAL
ELECTORAL RHETORIC:
COMMUNICATIVE STRATEGIES
AND SPEECH TACTICS
(on the Material
of the Third US Presidential Debate 2012)**

Abstract. The article analyzes the linguistic means used in the dialogical electoral discourse during the third US presidential debate of 2012. It is concluded that Barack Obama's speech, made according to certain communicative strategies and tactics, was more considered from compositional-rhetorical point of view than that of the opponent and was highly persuasive. It contributed to Barack Obama's victory in the debates.

Key words: electoral discourse; communicative strategy; speech tactics.

About the author: Semkin Maxim Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication.

Place of employment: Ryazan State University.

Разновидностью политической коммуникации, в которой ярко проявляется столкновение интересов противоборствующих сторон, являются электоральные дебаты. Специфика данного вида дискурса обусловлена такими признаками, как институциональность, ритуальность (проявляющаяся в сценарности, устоявшейся ролевой структуре и т. д.), особая риторическая организация [Гайкова 2003: 4], целевая направленность, диалогичность (дикуссияльность), конфликтность [Андреев 2004: 17], театральность. Нацеленность политических дебатов не на переубеждение соперника, а на победу над ним в глазах воспринимающей дебатов массовой аудитории определяет высокую степень персуазивности данной разновидности коммуникации (персуазивность (от фр. *persuasif* — «убедительный», англ. *persuade* — «убеждать») — степень оказания воздействия на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения).

Успешный исход словесного поединка зависит от эффективной электоральной риторики, использования широкого инструментария прагмасемантических средств воздействия, а также средств, придающих аргумен-

там эмоциональный оттенок и помогающих убедить избирателей в своей правоте. Выстраивание тех или иных способов воздействия на аудиторию определяется выбираемой коммуникативной стратегией.

В широком смысле термин «стратегия» подразумевает набор неких «практик <...>, применяемых для достижения социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Wodak 2006: 718] (здесь и далее перевод наш. — М. С.). Под коммуникативной стратегией нами понимается алгоритм действий коммуниканта, реализующий определенную целевую установку и осуществляемый посредством набора тактик. Коммуникативная стратегия охватывает сферу построения процесса коммуникации и включает в себя планирование речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения. Комплекс речевых действий, нацеленных на достижение коммуникативной цели, осуществляется при помощи речевых тактик.

Исследователи политического дискурса выделяют широкий спектр коммуникативных стратегий: стратегии кооперации, борьбы за власть, апелляции к ценностным категориям

[Петрухина 2009: 5], стратегии презентации (языковое представления участников коммуникации), семантические стратегии (идеологическое воздействие), аргументативные стратегии (ментальные действия), стратегии речевых действий участников коммуникации [Зигманн 2003: 17—18] и др. Упомянуты тактики информирования, комментирования, аргументирования, акцентирования внимания, самопрезентации, оценивания, оспаривания, критики, солидаризации, обвинения, дискредитации, призыва [Фирстова 2008: 22] и др.

Одними из распространенных коммуникативных стратегий, применяемых в политическом дискурсе, являются стратегии на понижение и повышение, а также на дистанцирование и сближение. Под стратегиями на сближение и на дистанцирование мы будем понимать стремление автора солидаризоваться не только с аудиторией, но и с некой другой стороной, так как, занимая позитивную позицию по отношению к тому или иному вопросу, участники политической коммуникации наделяют описываемый объект положительными характеристиками и стремятся солидаризоваться (сблизиться) с ним, а критикуя его, — отдалиться от него.

Рассмотрим коммуникативные стратегии и речевые тактики, применяемые Барак Обама в третьем туре предвыборных дебатов.

Как известно, президентская кампания в США является многокомпонентным процессом, включающим в себя множество ритуальных (повторяемых, сценарных) электро-альных событий — собрания в партиях, предвыборные митинги и т. д. Наивысшей по напряжению точкой борьбы кандидатов в президенты являются теледебаты.

Выступая в роли представителя власти, Барак Обама реализует коммуникативную **стратегию на повышение** в отношении государства, имплицитно тезис о том, что в годы его президентства были достигнуты серьезные успехи.

Одной из основных используемых тактик является речевая **тактика самопрезентации**, посредством которой политик постулирует стабильность и позитивную динамику развития политики и экономики, показывая, насколько сильна Америка: **<America>** (здесь и далее комментарии и вставки наши. — М. С.) **is stronger now than when I came into office**. <...> *We ended the war in Iraq, we were able to refocus our attention on not only the terrorist threat but also beginning a transition process in Afghanistan.* <...> *Working with Israel, we have created **the strongest** military and intelligence cooperation between our two countries **in history**. In fact, this week we'll be carrying out **the largest** military exercise with*

Israel in history [Transcript and ... 2012]. / **Сейчас <Америка> сильнее, чем когда я заступал на этот пост. Мы завершили войну в Ираке, сосредоточили наше внимание не только на противодействии терроризму, но и на поддержке переходного режима в Афганистане.** <...> *Работая совместно с Израилем, мы создали **самый прочный в истории** союз вооруженных сил, а также разведок наших стран. По сути дела, на этой неделе мы будем осуществлять совместно с Израилем **крупнейшие** военные учения **в истории**.* Президент США сравнивает ситуацию четырехлетней давности с нынешним положением дел, используя отрицательно маркированные лексемы *war* (война), *terrorist* (террорист), *threat* (угроза), суперлативы *the strongest* (сильнейший), *the largest* (крупнейший), риторическое повторение (*in history*).

Облигаторной составляющей американского президентского дискурса является опора на топосы — постулаты, определяющие взгляд на ту или иную проблематику. Для дискурса американских президентов характерна опора на топосы единства, обновления, величия нации, упорной работы и др. [Шейгал 2002: 206—211]. В настоящем примере Барак Обама выстраивает речь, опираясь на топос величия нации.

Тактика солидаризации, реализуемая посредством использования личных и притяжательных местоимений и риторического повтора, демонстрирует стремление политика отождествить себя с избирателями, вербализовать свою сопричастность к происходящему: ***I and Americans took leadership in organizing an international coalition*** <...> ***We've neglected*** <...> ***developing our own economy, our own energy sectors, our own education system*** [Transcript and ... 2012]. / *Я и американский народ позволили Америке занять лидирующее положение в международной коалиции* <...>. ***Мы пренебрегали*** <...> ***развитием нашей экономики, нашей энергетики, нашего образования.*** Местоимение «мы» имеет потенциально широкий референциальный диапазон (администрация, правительство, социальные группы и т. д.) и способствует принятию целевой аудиторией выгодной для говорящего интерпретации действительности. Барак Обама находит поддержку у избирателей, позиционируя себя человеком, обладающим схожими с аудиторией ценностями и интересами и закладывая в сознание целевой аудитории представление о том, что население участвует в политических процессах в равной степени с профессиональными политиками. Лексемы, указывающие на общность — ***our coal-***

tions partners; true friend <Israel> (верный друг <Израиль>), greatest ally <Israel> (важнейший союзник <Израиль>) — позволяют Баракку Обаме солидаризироваться с избирателями, одобряющими проводимую им политику.

Положительная самопрезентация чередуется с отрицательно-оценочными блоками: *Moammar Gadhafi had more American blood on his hands than any individual other than Osama bin Laden* [Ibid.]. / У Муамара Каддафи на руках было больше американской крови, чем у любого другого, не считая бен Ладена. В то же время действия Америки эвфемизируются и ликвидация ливийского лидера получает нейтральную номинацию *job (работа)*, скрывающую денотат: *And so we were going to make sure that we finished the job.* / Итак, мы хотим убедиться, что выполнили свою работу. Обозначая денотат максимально обобщенно, политик фокусирует внимание аудитории на агенте (субъекте): *we (мы), our (свою)*. Эвфемизация и дисфемизация как разновидности средств референциального воздействия на аудиторию играют важную роль в реализации коммуникативных стратегий американского президента. Дихотомия «они» — «мы» вербализуется посредством диффамации ливийского режима наряду с положительной самопрезентацией. При этом лексика с положительными коннотациями направлена на описание категории «свои», а лексика отрицательной эмотивности атрибутируется категории «чужие».

Инвективность, являющаяся неотъемлемой чертой предвыборной полемики, предполагает построение дискурса в соответствии со стратегиями на понижение / дистанцирование при демонстрации негативных качеств («демонизации») образа «врага»: *<We managed to> liberate a country <Libya> that had been under the yoke of dictatorship for 40 years, got rid of a despot who had killed Americans* [Ibid.]. / <Нам удалось> освободить страну <Ливию>, которая находилась под игом диктатора на протяжении 40 лет, избавить ее от деспота, убивавшего американцев. Лексика, маркированная отрицательной оценочностью, с точки зрения семантики, коннотаций и ассоциаций представлена такими единицами, как *yoke, despot* и характеризуется высокой степенью экспрессивности.

Риторическая фигура поправки совместно с тактикой отведения критики реализует стремление комментатора снять с себя ответственность и расставить необходимые акценты при представлении информации целевой аудитории: *The sequester is not*

something that I proposed. It's something that Congress has proposed. <...> The budget that we're talking about is not reducing our military spending. It's maintaining it [Ibid.]. / Секвестирование предложил не я, а Конгресс <...> Бюджет, о котором мы говорим, предполагает не сокращение, а увеличение финансирования армии.

Для аргументации своей политической позиции Барак Обама обосновывает несостоятельность взглядов оппонента посредством стратегии на понижение. Одной из имманентных речевых тактик политических дебатов, входящих в стратегию на понижение, является тактика уличения оппонента во лжи: *Nothing Governor Romney just said is true <...> This has been probably the biggest whopper that's been told during the course of this campaign, and every fact-checker and every reporter who's looked at it, Governor, has said this is not true* [Ibid.]. / Всё то, что сказал губернатор Ромни, — ложь <...> Это самая бессовестная ложь, которая была озвучена во время предвыборной кампании и любой из тех, кто проверял факты, любой журналист скажет, что это неправда; Governor Romney, that's not what you said. <...> Let's check the record / Губернатор Ромни, это не то, что вы сказали. <...> Давайте посмотрим стенограмму. Для реализации данной тактики и негативной квалификации речевых действий оппонента Барак Обама использует субстантивное словосочетание *the biggest whooper* (самая бессовестная ложь), имеющее в составе негативный оценочный компонент *whopper*, который усиливается превосходной степенью прилагательного. Прием концентрированного повторения обвинения позволяет внести негативное знание в модель восприятия адресата: *nothing <...> is true (всё <...> ложь), the biggest whopper (самая бессовестная ложь), this is not true (это неправда), that's not what you said (это не то, что вы сказали)*.

Тактика критики оказывается эффективной средством воздействия на оппонента, позволяющим подвергнуть обструкции предложенный им план развития страны: *Governor Romney's plan doesn't <reduce the deficit>* [Ibid.]. / План губернатора Ромни не <снизит дефицит бюджета>. / Governor Romney's budget and his proposals would not allow us to make <the> investments [Ibid.]. / Бюджет, планируемый губернатором Ромни, и все его предложения не позволяют нам сделать инвестиции.

Наиболее частотной риторической фигурой, используемой Баракком Обамой, является повтор, нередко усиленный приемом

градации и сопровождаемый синтаксически-ми конструкциями параллельной структуры: **Cutting our education budget — that's not a smart choice. That will not help us compete with China. Cutting our investments in research <...> — that's not a smart choice. That will not help us compete with China** [Transcript and ... 2012]. / **Сокращение нашего бюджета образования — неумное решение. Это не поможет нам конкурировать с Китаем. Сокращение наших инвестиций в науку <...> — неумное решение. Это не поможет нам конкурировать с Китаем.** Параллельные конструкции ритмически выделяют наиболее значимые для автора фрагменты текста. Сбалансированный ритм усиливает внушающее воздействие на реципиента и позволяет информации лучше закрепиться в его сознании.

Используя аргумент к жалости, Барак Обама вызывает к состраданию аудитории и реализует тем самым **тактику самопрезентации** для укрепления своего авторитета: **You know, after we killed bin Laden, I was at Ground Zero for a memorial and talked to a — a — a young woman who was 4 years old when 9/11 happened** [Ibid.]. / **Когда мы уничтожили бен Ладена, я был на месте двух Башен-близнецов и говорил с девушкой, которой было 4 года, когда были совершены террористические атаки 11 сентября.** Политик апеллирует к памяtnому событию общенационального значения.

Учет фактора целевой аудитории обуславливает использование аргументативного приема апелляции к публике, проявляющегося как в прямых обращениях президента: **You know, there have been times... [Ibid.] (Знаете, были времена...),** так и в косвенных воззваниях к различным социальным группам: **And those teachers can make a difference [Ibid.] (Все те учителя могут изменить ситуацию); We got to do some nation building here at home <...> especially caring for our veterans [Ibid.] (Мы должны заняться заботой о населении в собственной стране, <...> особенно о наших ветеранах).** Риторический прием апелляции к публике позволяет политику заручиться поддержкой разных слоев общества при проведении определенной государственной политики.

Квантитативные аргументы используются Бараком Обамой для придания убедительности своим утверждениям о неэффективности политической программы Митта Ромни: **Governor Romney's called for \$5 trillion of tax cuts <...> The math doesn't work but he continues to claim that he's going to do it. He then wants to spend another \$2 trillion on military spending [Ibid.]. / Губернатор Ромни**

предложил урезать налоги на 5 триллионов долларов <...> Цифры не сходятся, но он хочет потратить еще 2 триллиона на армию. Продуктивность использования нумеральных аргументов обусловлена тем, что при манипулировании числовыми данными аудитории труднее распознать обман, так как числовые (статистические) данные доступны только экспертам, которые на профессиональном уровне занимаются той или иной политической проблематикой. Ресурс доверия потребителей информации к квантитативным аргументам выше, чем к словесным доводам. Статистические данные и цифровые показатели в конфронтационных дебатах приводятся для того, чтобы у аудитории складывалось впечатление правдоподобия [Семкин 2011: 170].

Ассоциативная когезия, реализующаяся через механизмы проспекции и ретроспекции, позволяет проследить развитие ситуации от настоящего момента до будущего: **That's the kind of leadership we've shown. That's the kind of leadership we'll continue to show** [Transcript and ... 2012]. / **Это то лидерство, которого мы придерживаемся. Это то лидерство, которого мы будем придерживаться.**

Тактика упрека, реализуемая посредством модального глагола “should” с перфектным инфинитивом, направлена на воплощение стратегии на понижение по отношению к Митту Ромни: **You should have answered the first question [Ibid.]. / Вам следовало бы ответить на первый вопрос.** При этом оказывается прямое давление на оппонента и навязывается собственная точка зрения на иные события.

Прецедентные феномены, включающие прецедентные исторические реалии (“Arab spring” — «арабская весна», “9/11” — «11 сентября», “Cold War” — «холодная война», “the Great Depression” — «Великая депрессия»), прецедентные антропонимы (“Osama bin Laden” — «Усама бен Ладен»), топонимы (“Tahrir Square” — «площадь Тахрир»), используются в номинативно-персуазивной функции для компактного выражения мыслей и проведения параллелей между событиями, описанными в прецедентном тексте, и актуальной коммуникативной ситуацией. Прецедентная культурная реалья “the Great Depression” («Великая депрессия») негативно характеризует намерения Митта Ромни и их вероятные отрицательные последствия для страны. Барак Обама сравнивает приход к власти оппонента с возвратом ко временам Великой депрессии: **You know, over the last four years, we've made real progress digging our way out**

of policies that gave us two prolonged wars, record deficits and the worst economic crisis since the Great Depression. <...> **And Governor Romney wants to take us back to those policies: a foreign policy that's wrong and reckless; economic policies that won't create jobs, won't reduce our deficit** [Ibid.]. / **Знаете, за последние четыре года мы добились реальных успехов по преодолению последствий ведения политики длительных войн, дефицита бюджета и тяжелейшего экономического кризиса со времен Великой депрессии. <...> А губернатор Ромни хочет вернуть нас к неадекватной и безрассудной политике и экономике, которая не предполагает создание новых рабочих мест и не сократит дефицит бюджета.** Подобные аллюзии в дискурсе Барака Обамы выполняют функцию «перлокутивной символизации» [Хорольский 2012: 74]. Прецедентные феномены вызывают у аудитории ряд ассоциаций, что удачно используется оратором. Действия оппонента получают негативную оценку, в то время как собственный образ наделяется положительными характеристиками, при этом становится ярче контраст между выступающими политиками.

Проанализировав риторику Барака Обамы в третьем туре президентских дебатов, мы сделали вывод о том, что его речь является более продуманной с композиционно-риторической точки зрения и более удачной с точки зрения риторико-прагматического эффекта, чем речь оппонента. Конфронтационно-обличительная риторика строится на контаминации риторических средств, отличающихся высоким уровнем разнообразия, обширном инструментарии аргументативных приемов, использовании лексики с эмоционально-экспрессивной окраской, имеющей отрицательную маркированность, денотативно свободных слов, имеющих абстрактные референты.

Коммуникативная стратегия на повышение реализуется в дискурсе Барака Обамы речевыми тактиками самопрезентации, солидаризации, отвода критики. Политик формирует представление о стабильности и позитивной динамике развития политики и экономики, активно декларируя свою общность с аудиторией. Коммуникативная стратегия на понижение реализуются речевыми тактиками уличения конкурента во лжи, критики, упрека, угрозы политическим режимам и на-

целена на ослабление истинности высказывания и диффамацию противника. В реализации стратегии на понижение применительно к оппоненту важную роль играют количественные аргументы и прецедентные феномены, используемые в номинативно-персуазивной функции.

Применение вышеупомянутых коммуникативных стратегий и речевых тактик оказалось весьма эффективным и позволило Бараку Обаме одержать победу в словесном поединке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А. Политические телевизионные дебаты: их роль в избирательных кампаниях, социальные-психологические и жанровые особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
2. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003.
3. Зигманн Ж. В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
4. Петрухина О. П. Аргументативные стратегии британского политика: на примере языковой личности премьер-министра Т. Блэра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2009.
5. Семкин М. А. Манипулятивный потенциал количественных аргументов в дискурсе политического комментария // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 167—171.
6. Фирстова Л. А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных информационных программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2008.
7. Хорольский В. В. Особенности политического дискурса и вспомогательные коммуникативные единицы в публичных выступлениях политиков (на примере речей Б. Обамы) // Журналистика и культура русской речи. — М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. № 4. С. 62—81.
8. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2002. № 3. С. 205—214.
9. *Transcript and Audio*: Third Presidential Debate. 2012. 22 Oct. URL: <http://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate> (дата обращения: 28.10.2012).
10. Wodak R. Politics and Language: Overview // Encyclopedia of Language and Linguistics. — Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 707—719.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. Е. Воронова

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.12-551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

А. А. Столяров
Москва, Россия

A. A. Stolyarov
Moscow, Russia

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИАР-СТРАТЕГИИ
В ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРАКТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ**

**WESTERN PR-STRATEGIES IN PR-PRACTICE
OF RUSSIAN OPPOSITION**

Аннотация. Стремительное развитие Интернета, приведшее к значительному усилению роли в коммуникативном процессе социальных сетей и блогосферы, а вместе с тем и к изменению принципов работы онлайн-маркетинга, породило на Западе ряд новых пиар-практик. Развитие гражданского общества, активизация волонтерских движений в политической плоскости и самоорганизация через Интернет новых протестных групп в период мировой экономической стагнации последних лет позволили пиар-технологам привлекать к участию в избирательных кампаниях значительное число рядовых граждан. В результате избирательные кампании начали строиться на новых принципах: политические кандидаты сочетают «онлайн-активность» с активностью в «офлайне» на фоне игнорирования работы с традиционными каналами коммуникации — радио и телевидением.

Abstract. The evolution of Internet-sphere, which made the role of social media in communicative process stronger and changed the principles of online-marketing has promoted the new PR-practices in the West. The evolution of civil society and volunteer movements in political sphere and self-organisation of new protest-groups in Internet is the factor which has helped to mobilize a lot of voters during election campaign. As a result a new election campaign is based nowadays on new principles: political candidates use online-technologies and offline-technologies alongside and they began to ignore the instruments of PR-communication via traditional mass media — radio and TV.

Ключевые слова: пиар-стратегии; блогосфера; оппозиция; волонтеры; имидж; фандрайзинг.

Key words: PR-strategy; opposition; volunteer; image; fundraising.

Сведения об авторе: Столяров Александр Андреевич, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики.

About the author: Stolyarov Alexander Andreevich, Post-graduate Student of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

Контактная информация: 125009, г. Москва, Моховая, 9.
e-mail: ambiguos@mail.ru.

Конец десятих годов XXI в. ознаменовался значительным ростом протестного потенциала в странах Ближнего Востока, Европы, США. Мировой финансовый кризис, захлестнувший в 2008 г. еврозону, привел к усилению антиглобалистских настроений в странах ЕС: крупные антиправительственные акции прошли в наиболее пострадавших от кризиса странах — Греции, Италии и Испании. В США протестные настроения породили новые движения, выступающие против устоев капитализма и сложившейся олигархии. Экономическая стагнация ряда арабских стран, политические противоречия и усиление роли фундаментализма [Мальшева 2013] вызвали цепь протестов на Ближнем Востоке, которые получили название «арабской весны». В конце 2011 — 2012 г. Россия также не осталась в стороне от мировых политических трендов: крупнейшие со времен распада Советского Союза протестные акции прошли в Москве и ряде других крупных городов после выборов российского парламента.

Одним из факторов, оказавших значительное влияние на форму протестов последних лет, по мнению ряда политологов, стало расширение пространства интернет-коммуникаций. Используя площадки развивающихся небывалыми темпами социальных сетей и микроблогов, протестующие смогли собираться и координировать свои акции (так происходило на Ближнем Востоке и в России). В США новое протестное движение «Occupy Wall street» было организовано с помощью электронных ресурсов канадской общественной организацией «Adbusters Media Foundation» (призывы к организации акции шли с официального сайта НКО) и интернет-движения «Анонимусов», которое через сеть активно агитировало людей «наводнить нижний Манхэттен» (целью акции был «захват» улицы Уолл-стрит (Wall street) в Нью-Йорке, на которой располагались штаб-квартиры крупных финансовых корпораций).

Этот тренд был тщательно изучен западными пиар-технологами, которые стали

строить пиар-кампании по новому образцу. Основная предвыборная агитация проводилась в пространстве Интернета, при этом значительное внимание уделялось также работе в «офлайне», где создавались и координировались волонтерские движения и организовывались различные «event'ы». На этом фоне пиар-технологи отказывались от использования традиционных электронных медиаканалов — телевидения и радио.

Одним из первых примеров «новых кампаний» стала избирательная кампания Барака Обамы в преддверии президентских выборов 2012 г. Имидж кандидата формировался прежде всего в Сети. Вместе с тем в «офлайне» была создана целая сеть волонтеров — сторонников Обамы, работа которых координировалась в штабах, открытых во всех штатах страны. Итогом кампании стала победа Обамы на выборах президента с результатом в 51 % голосов.

Успех Обамы попытались повторить российские пиар-технологи, работающие на известного оппозиционера Алексея Навального, в преддверии выборов мэра Москвы. Особое внимание было уделено именно работе в Интернете, доступ к которому имело большинство сторонников политика. Была проведена работа по созданию волонтерской сети в столице: в центре города был открыт «штаб волонтеров», в котором координировалась кампания оппозиционера. В результате Навальный на выборах мэра набрал 27 % голосов и составил достаточно сильную конкуренцию лидеру избирательной гонки Сергею Собянину.

ПОСТРОЕНИЕ ИМИДЖА

Процесс построения имиджа кандидата в любой кампании играет ключевую роль, так как, во-первых, влияет на выбор пиар-стратегий, которые используют технологи, а во-вторых, помогает выявить «слабые места» кандидатов (в их личной и политической биографии), по которым может быть нанесен удар в период предвыборной борьбы. Имидж политика — искусственно созданный, упрощенный его образ, ретранслируемый через средства массовой информации, — является довольно эффективным инструментом в борьбе за не определившийся с выбором электорат, который склонен, в отличие от «ядерного электората», действовать на основе эмоций, а не рационального анализа. Именно за этот электорат в период избирательной кампании и сражаются технологи.

Как пишет Т. Гринберг в книге «Политические технологии: пиар и реклама» [Гринберг 2006: 172—173], при построении имиджа параметры реального имиджа (имиджа,

в котором политик предстает ежедневно в кругу близких знакомых) сопоставляются с параметрами имиджа идеального (того, который позволит привлечь к кандидату максимальное число сторонников). Совпадающие параметры образуют ядро имиджа, которое в дальнейшем и ретранслируется в пространство СМИ.

О. Березкина в своей докторской диссертации «Политический имидж в современной политической культуре» отмечает, что эффективный имидж строится на основе «имиджевых констант» (постоянных, не варьируемых в зависимости от медиаситуации составных частей), которые позволяют обеспечить конгруэнтность имиджа [Березкина 1999]. Данные константы корректируются с учетом сложившихся в культуре или эпохе стандартов, что позволяет описать гипотетического кандидата, который максимально отвечает требованиям времени.

Е. Абашкина, Е. Егорова-Гантман, Ю. Косолапова в статье «Построение героя. Формирование имиджа политического лидера» при работе над имиджем советуют активно использовать приемы политической мифологизации [Абашкина, Егорова-Гантман, Косолапова]. Сценарий предвыборной кампании, по их мнению, необходимо «закручивать» как сюжет героического мифа. Имидж политика соответственно должен быть идентичен имиджу героя. Целью предвыборной кампании, считают исследователи, является создание ситуации «почитания героя», которой можно достичь лишь через противопоставление «героического прошлого» и «мелкого настоящего». Противопоставление порождает стремление к преобразению ситуации, в результате чего избиратель идет голосовать за кандидата, способного совершить данные перемены.

К началу предвыборной кампании 2012 г. в США имидж Обамы уже был сформирован в процессе его предыдущей политической работы. Между тем конкурентная борьба за кресло президента требовала корректировки некоторых черт политика.

В рамках кампании использовалась старая «имиджевая легенда» — основные биографические данные уже были описаны Обамой в книге «Дерзость надежды» в 2006 г., акценты на тех или иных фактах биографии для агитационной кампании уже были расставлены. Обаму в очередной раз пытались представить «типичным американцем», сумевшим достигнуть с нуля карьерных высот, стать живым воплощением «американской мечты». Таким образом, эксплуатировался сюжет сказки «Золушка», когда «политический лидер добивается успеха

самостоятельно, проходя через многие жизненные трудности» [Довыборец 2007: 245]. Одновременно американские пиар-технологи продолжали подчеркивать кенийское происхождение Обамы, демонстрируя, что он является выходцем из простой, небогатой семьи, в то время как основной его соперник Митт Ромни обладает миллионами долларов, которые использует для достижения победы на выборах.

Примерно такой же сюжет «имиджевой легенды» был использован в кампании Навального. В глазах московского электората Навальный представал «кандидатом из ниоткуда», внезапно ворвавшимся в политическое пространство страны. Это создавало большие возможности для порождения мифов: противники Навального называли его «агентом влияния Запада», «авантюристом», «вторым Ельциным», сторонники — «новым Лениным» и «человеком, который сделал себя сам». Именно последнюю характеристику взяли на вооружение его технологи, продвигая в СМИ информацию о том, что Навальный вышел из небогатой семьи московских предпринимателей и что, как и сотни тысяч других москвичей, он живет в обычной квартире на окраине города. Вместе с тем Навальный смог самостоятельно стать политиком в стране, в которой, как пытались донести его пиар-технологи, сложилась монополия власти — тем самым он начал воплощать свою «американскую мечту». На этом фоне Сергей Собянин представлялся «наместником власти», ставленником Кремля, чиновником-коррупционером, обладающим, как и противник Обамы Ромни, многомиллионным состоянием. Именно в рамках данной стратегии по снижению имиджа конкурента Навальным был обнаружен компромат на Собянина: были вскрыты «факты» того, что его дочери обладали сверхдорогой жилплощадью в Москве и управляли компаниями, незаконно выигрывающими тендеры на поставку элитной мебели в госструктуры.

Другими словами, в начале обеих кампаний реализовывался одинаковый сценарий, в рамках которого с помощью атаки на имидж конкурента создавалась оппозиция «герой-одиночка» / «злодей-миллионер», обладающий большими деньгами на фоне страдающих от экономического кризиса людей. Отдав голоса за героя, избиратели автоматически позволяли воплотить в жизнь его «американскую мечту» и одновременно, соотнеся себя с героем, верили, что воплотить мечту несложно и что это удастся повторить самому. Данный сценарий является общим местом многих избирательных кам-

паний, и вряд ли в кампании Навального его можно считать прямым заимствованием. Вместе с тем сходство стратегий обоих политиков этим не ограничивается.

Еще одним общим приемом, используемым во многих кампаниях, является активное участие в предвыборной борьбе жен кандидатов. Технологи Обамы не оставили данную стратегию без внимания: на многих фотографиях, распространенных во время кампании, Обама позирует вместе со своей женой Мишель, которая, участвуя в различных мероприятиях, верно разделяет с ним все тягости политической борьбы. Таким образом Обаму хотели показать порядочным человеком, который заботится о своей семье. В рамках кампании технологи пытались подвести избирателей к мысли, что государство является такой же «большой семьей» и политик будет заботиться о нем так же сильно и искренне.

В кампании Навального тоже была активно задействована его жена. Она навещает штаб Навального, позируя на фотографиях с волонтерами. В Интернете начинают размещаться семейные фотографии оппозиционера, которые должны показать политика заботливым отцом и мужем. В агитационных газетах, распространяемых при помощи волонтеров в районах столицы, публикуются истории о том, что у Навального есть несовершеннолетние дочери, у которых нынешняя власть «хочет отобрать отца», посадив его в тюрьму. Таким образом до избирателей пытаются донести, что каждый из них может совершить этический поступок: отдав свой голос за Навального, он выступит за то, чтобы оппозиционер остался со своей семьей, а не сядил в тюрьму.

Сходство стратегий по продвижению в информационное пространство имиджа жены политика тоже можно считать случайным: пиар-технологи обоих штабов использовали давно известные традиционные технологии. Между тем анализ реализации этих технологий позволяет отметить, что результатом стало образование на начальном этапе кампании схожей ситуации: молодой кандидат-демократ, которого поддерживает любящая жена, сражается со злом (кандидат-противник), которое, по архетипическому сценарию в сознании каждого избирателя, он должен победить.

Однако есть и прямые заимствования. Одной из основных имиджевых стратегий Обамы было создание в СМИ представления о нем как о «политике-новаторе», человеке, который обладает незаурядной харизмой и может изменить мир. В рамках данной стратегии Обама делал в СМИ заявления

о том, что на посту президента он добьется перемен в стране (характерен здесь и лозунг предвыборной кампании: «Change we can believe in» — «Перемены, в которые мы можем верить»). Другими словами, технологи пытались представить Обаму политическим гением, способным привести США в «золотой век». Как и положено гениям, Обама допускал на первый взгляд непреднамеренную небрежность в своей одежде, которая на самом деле была тщательно продумана имиджмейкерами. На официальных мероприятиях Обама был в рубашке с закатанными рукавами: таким образом технологи пытались продемонстрировать готовность президента к неформальному общению, т. е. представляли Обаму не роботом или машиной, а живым человеком.

Еще одним подтверждением открытости Обамы всему новому стало активное использование в его кампании новых интернет-технологий. Данный факт усилиями его штаба активно подчеркивался во время предвыборной борьбы. Команда Обамы демонстративно отказалась от использования телерекламы, сосредоточившись на работе с блогами и социальными сетями (аккаунты президента были созданы во всех сетях, информация на них постоянно обновлялась), в СМИ начали продвигать тезис о том, что «Обама является самым ориентирующимся в Интернете президентом в мире».

Аналогичный ход использовали российские пиар-технологи, работавшие с Навальным. Оппозиционные политологи в один голос хвалили «неординарные заявления» Навального, обещавшего сделать из Москвы «западный мегаполис» и решить проблему с пробками. Был запущен характерный предвыборный слоган «Измени Россию — начни с Москвы», который намекал на то, что Навальный обладает незаурядными способностями, которые позволят ему сделать жизнь в стране другой.

Навальный старался соотносить себя с «креативным классом», сформировавшимся в России после предыдущей думской избирательной кампании. Именно с этой целью была организована поддержка Навального интернет-предпринимателями — людьми, реализующими инновации. Сам же оппозиционер активно рассказывал о необходимости развития малого бизнеса и смене в случае победы старой команды Собянина.

Так же, как и Обама, Навальный начал носить рубашку с закатанными рукавами. Во время кампании оппозиционер старался свободно относиться к одежде, не стесняя себя дресс-кодом во время встреч с избирателями и на прочих пиар-мероприятиях

(обычно на них Навальный приходил в джинсах, часто в футболке).

В кампании Навального тоже была сделана ставка на интернет-технологии: была организована, как и у Обамы (об этом подробнее рассказано ниже), рассылка в социальной сети агитационных сообщений с призывом отдать голос за оппозиционера. Использовался ресурс интернет-блогов, в Сеть запускались предвыборные ролики, снятые в стиле вирусной рекламы.

Во время обеих кампаний пиар-технологи пытались ввести настоящую моду на кандидатов. В США в рамках данной стратегии под названием «Обамамания» выпускалась продукция с инициалами Обамы. В результате кандидат от «демократов» за пределами Америки получил большую известность, в его поддержку прошел ряд зарубежных акций. В России технологам Навального не удалось реализовать эту стратегию. О Навальном публиковались материалы в западных изданиях, политик предстал в них как лидер российского протеста. В России появляется продукция с его изображением — футболки, листовки. В акциях политика участвует много молодых людей, в СМИ неоднократно пишется о том, что Навальный является совершенно новым и независимым кандидатом. Вместе с тем единых методов работы в данном направлении у технологов Навального не было, сообщения в прессе были разрозненными. Логического завершения данные мероприятия не получили.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-ФАНДРАЙЗИНГА

Технология фандрайзинга — сбора средств для реализации проекта, хорошо известная по маркетинговым коммуникациям коммерческих компаний и различных НКО (к примеру, благотворительных фондов), с развитием пространства Интернета получила новое поле для применения. В США этот метод сразу же взяли на вооружение политические пиар-технологи, которые окрестили его «краудфандингом» (дословно — «финансирование толпой»).

Изначально в политических кампаниях США существовала традиция по сбору основных средств через частные пожертвования — пожертвования крупных спонсоров. Сбор денег среди простых избирателей, который осуществлялся до появления Интернета с помощью почтовых рассылок, носил вторичный, «фоновый» характер и был связан скорее не с необходимостью получения финансов, а с позиционированием: кандидата представляли таким образом как политика от народа.

Увеличение числа пользователей Интернета позволило эффективно привлекать средства через проведение пиар-кампаний в Сети, притом без значительных денежных трат. Революционное внедрение интернет-фандрайзинга, по мнению ряда исследователей медиа, произошло в 2004 г., когда во время праймериз кандидат от Демократической партии США на участие в президентской гонке Роберт Дин начал проводить «стратегию стодолларовой революции». Дин сделал ряд заявлений о том, что, если 2 миллиона американцев перечислят ему по 100 долларов, собранная сумма поможет выстроить эффективную пиар-кампанию для борьбы с основным конкурентом — Джорджем Бушем. Деньги собирались через электронную систему платежей: всего удалось получить 41 млн долларов — беспрецедентная на тот момент даже по американским меркам сумма. Большая часть денег была собрана за счет мелких спонсоров.

В 2008 г. эта технология была взята на вооружение кандидатом в президенты США Баракком Обамой. Отказавшись от государственного финансирования своей кампании, Обама попытался мобилизовать рядовых сторонников, разослав по электронной почте письма с просьбой о пожертвованиях. Внести деньги на избирательную кампанию Обамы можно было через его предвыборный сайт. Результат фандрайзинга превзошел все ожидания — Обама собрал за период всей кампании 605 млн долларов, при этом большую часть денег, как и в кампании Дина, отправили частные лица, а не олигархи-лоббисты. В. Гончаров и В. Елизаров в исследовании «Демократия мелких спонсоров: как новые технологии фандрайзинга меняют электоральную политику» отмечают, что стратегия «стодолларовой революции» в американской практике была продолжена. «На глазах изумленной публики родилась новая форма политического участия, позволявшая миллионам американцев оказать решающее воздействие не только на итоги, но и на ход избирательной кампании» [Гончаров, Елизаров 2008], — пишут они. В результате, по мнению ученых, в США произошел поворот к эпохе «демократии мелких спонсоров», когда политики становятся свободными от воздействия интересов определенных групп влияния и опираются на поддержку рядовых сторонников.

На выборах президента в 2012 г. Обама попробовал снова применить данную технологию, усовершенствовав ее за счет новых технических средств. Для сбора денег была разработана специальная программа «Quick Donate» («Быстрое пожертвование»), кото-

рая позволяла для повторного перевода денег на избирательную кампанию Обамы через СМС не вводить заново данные кредитной карты. Кроме того, был запущен сервис «Square», позволяющий переводить деньги с помощью «iPhone», «iPad» и «Android». Возможность внесения денег через официальный сайт Обамы, позиционирующий его кандидатом в президенты, в избирательной кампании 2012 г. была сохранена, при этом кнопка о «моментальном пожертвовании» была размещена на каждой странице портала.

Пиар-технологи Обамы не боялись использовать самые последние новшества интернет-фандрайзинга. Во время кампании они попытались применить стратегию «moneybomb» («денежная бомба»), апробированную во время президентской предвыборной кампании в 2007 г. пиар-технологами Рона Пола, а затем применявшейся на выборах в сенат США 2010 г. Новая стратегия представляет из себя ряд пиар-акций в пространстве Интернета (загрузка вирусной политической рекламы на интернет-серверы, проведение «онлайн-форумов» и публикация в Сети объявлений о сборе средств на предвыборную кампанию), которые проводятся в короткий промежуток времени, с тем чтобы не только повысить сбор пожертвований в данный период, но и привлечь внимание к персоне самого политика. В рамках кампании Обамы в конце июня 2012 г. в американском сегменте Сети было распространено сообщение «Money bomb for Obama» («Денежная бомба для Обамы»), содержащее призыв внести пожертвования на кампанию Обаме:

Lets give our president some money. His resources are running low, and the repubs are outraising democrats "severely". <...>

Send your money today to barackobama.com.

(«Давайте дадим нашему президенту денег. Его ресурсы иссякают, и „республиканцы“ „опасно“ обгоняют „демократов“. <...>

Отправь сегодня деньги через сайт barackobama.com»)

В официальном блоге Барака Обамы в этот же период появился пост «Money bomb!», в котором под фотографией Обамы с лозунгом «Верни президента» находилась просьба о пожертвованиях: *You know what I always say: I honestly, honestly, honestly hate bugging people for money, because I know so many of you are going through tough times, especially those of you with kids, mortgages, elderly relatives you're caring for or who are suffering from ill health. Some of you have shared your stories with me, you're amazing people, you just selflessly battle away and do everything you can for Obama/Biden 2012 by volunteering, etc.*

You're all inspirational. So, I'm only asking those who can afford to donate to do so before that June 30 deadline — agazillion thanks in advance, let's get this fella re-elected [Chips-ticks 2012]. / Вы помните, что я всегда говорил: „Я искренне ненавижу, ненавижу и еще раз ненавижу просить у людей деньги“. Я знаю, что многие из вас пережили тяжелые времена, особенно те, у кого есть дети, пожилые родители, особенно те, кто вынужден выплачивать ипотеку, или те, кто страдает от слабого здоровья. Некоторые из вас делились со мной своими проблемами — вы замечательные люди, ведь многие из вас бескорыстно делали все, что могли, для команды Обамы и Байдена, принимая участие в 2012 году в программах волонтеров. Вы замечательные! Итак, я прошу только тех, кто может внести пожертвования, сделать это до 30 июня. Заранее большое спасибо! Дайте возможность переизбраться этому парню.

Копирайтеры Обамы старались максимально персонализировать текст: автором письма-обращения, по замыслу технологов, был не непонятный рядовому читателю предвыборный штаб кандидата, а сам кандидат в президенты, который лично просит каждого о пожертвовании. Обама благодарит своих сторонников за проделанную работу в качестве волонтеров, затрагивает в своем обращении их проблемы, демонстрируя свою осведомленность и стараясь подвести их к мысли, что он такой же, как и они. В конце письма на своем сайте Обама неожиданно начинает говорить о себе в третьем лице («Дайте возможность переизбраться этому парню»). Этим, с одной стороны, он пытается косвенно подчеркнуть интимность того разговора, который ведет с читателем, с другой — демонстрирует, что является таким же человеком, как и миллион других американцев, не отделяет себя от них. Данная риторика позволила мобилизовать значительную часть электората, которая после столь тесного контакта с кандидатом не могла оставаться в стороне.

В 2013 г. технологии политического фандрайзинга были опробованы в России в период кампании по выборам мэра Москвы. Команда Навального полностью заимствует разработки технологов Обамы: кандидат в мэры от «РПР — Парнас» вначале делает официальное заявление о сборе средств (в данном случае первоначально текст размещен на платформе одного из самых читаемых интернет-ресурсов Навального — его блога в «Живом журнале»). Навальный лично просит россиян помочь ему собрать деньги и объясняет, зачем они ему нужны —

для того, чтобы вызвать «крохотный нервный тик у всех этих железняков, яровых, ротенбергов, собянинных и путинных».

Технологический сервер по сбору денег размещается на предвыборном сайте кандидата в мэры. На главной странице, как и на предвыборном сайте Обамы, находится клавиша «внести пожертвование». Кликая по ней, пользователь может ознакомиться с подробными инструкциями о механизме передачи денег. Всего обозначено два основных способа — «банковский перевод» и «перевод через Яндекс-деньги». Команда Навального не создает, как команда Обамы, специальных серверов для облегчения возможностей пожертвования. Между тем Навальным используются сходные «фандрайзинговые акции». В период кампании 2012 г. Обама посетил штаб-квартиру кампании «Facebook», где встретился с интернет-предпринимателями — потенциальными фандрайзерами. Схожую акцию проводит Навальный, организуя ужин с предпринимателями, в котором участвовало 35 интернет-бизнесменов, ранее публично поддержавших кандидата в мэры. Мероприятие проводится с целью повышения авторитета Навального в среде интернет-инвесторов, которые могут пожертвовать деньги на его кампанию и проекты.

Всего за период фандрайзинговой кампании Навальному удалось собрать 100 млн рублей, большинство из которых были внесены частными лицами и «мелкими спонсорами». В результате Навальный так же, как и Обама, смог начать позиционировать себя кандидатом от народа, кандидатом, свободным от интриг крупного бизнеса: «Народ финансирует избирательную кампанию. И у нас самая прозрачная и понятная система финансирования», — написал 2 августа в своем «Живом журнале» Навальный.

Вместе с тем в фандрайзинговой кампании Навального был совершен ряд ошибок. Для сбора пожертвований были использованы «Яндекс-кошельки». Предполагалось, что избирательный штаб имеет к ним только косвенное отношение: деньги переводили на них рядовые сторонники Навального, когда сумма доходила до 1 млн руб., ее снимал один из участников штаба, а затем перечислял в избирательный фонд. Это позволило обвинить команду Навального в использовании серых схем отмывания денег и в нарушении закона, в соответствии с которым в фонд избиратель может перечислять только собственные деньги, а не средства спонсоров. Кроме того, в отношении Навального было также направлено обвинение в том, что его кампания финансируется из-за рубежа,

так как средства на «интернет-кошелек» передавались в том числе с зарубежных IP-адресов. В результате противниками оппозиционера был разыгран российский стереотип «больших денег». «В России иное отношение к фандрайзингу и деньгам. <...> Деньги являются одним из самых слабых мест его имиджа — потому что они у него есть, а у честного человека в России, как известно, их быть не должно, или, как минимум, говорить об этом не вполне прилично. Отсюда возникают сомнения в прозрачности проведения фандрайзинга...», — пишут авторы доклада «Власть и контроль в мире социальных сетей», выпущенного Фондом Открытой Новой Демократии [Власть и контроль в мире социальных сетей... 2013].

Кроме того, в ходе фандрайзинговой кампании Навального не было налажено использование инструментария веб-маркетинга, кампания велась только через собственные интернет-площадки оппозиционера. Проведение фандрайзинговых акций во всем пространстве Интернета, как это делал Обама, позволило бы собрать значительно больше средств.

РАБОТА С ВОЛОНТЕРАМИ

Привлечение волонтеров к участию в избирательных кампаниях являлось давней традицией в пиар-практиках американских технологов. С одной стороны, волонтеры облегчали работу предвыборного штаба кандидата, который не справлялся с повседневной «текучкой», с другой — организация волонтерского движения в поддержку политика позволяла мобилизовать сторонников, продемонстрировать, что кандидат пользуется популярностью в среде простого народа.

Российский политический психолог Е. Егорова-Гантман в работе «Имидж лидера» отмечает, что отношения «лидер — последователи» являются доминирующим фактом, определяющим лидерство [Егорова-Гантман 1994]. Последователи выбирают лидеров: оценка потенциальных кандидатов зависит от того, насколько ориентация последователей коррелирует с поведением лидера. Другими словами, выстраивание отношений Обамы с волонтерами необходимо было для утверждения его в глазах общественности в качестве политического лидера.

Президентская кампания 2012 г. в США не стала исключением. Вместе с тем внимание технологов к волонтерам значительно усилилось, был разработан ряд новых методов работы с ними. Всего в кампании Обамы участвовало 1,5 млн волонтеров [Чалый], которые проводили агитацию — рассылали e-mail-письма, делали звонки и даже нано-

сили визиты избирателям с целью разъяснения программы Обамы. Информация о встречах вносилась в электронную базу данных, в которой волонтер оставлял свою оценку того, насколько каждый избиратель готов проголосовать за Обаму. Это позволяло определить, нужно ли проводить с избирателем повторную беседу.

Особое внимание работе с волонтерами было уделено в пространстве Интернета. На предвыборном сайте Обамы был открыт целый раздел, посвященный волонтерам — «Organizing for action» («Организовываемся для действий»). В нем, в частности, содержалась форма для электронной регистрации волонтеров — «Volunteer for Barack» («Волонтеры для Барака»), вверху которой было написано, что «успех кампании будет зависеть только от волонтеров» и содержался призыв создавать волонтерские команды в каждом штате. Потенциальных волонтеров просили дать информацию о штате, в котором они проживают, оставить e-mail и телефон. Кроме того, в разделе на сайте была открыта постоянная секция, в которой публиковались новости волонтерского движения Обамы.

В разделе, кроме описания волонтерских акций, было много информации от самих волонтеров, которые рассказывали о том, почему приняли решение помогать Обаме вновь стать президентом США, а также высказывались о поддержке отдельных его предложений. На сайте была создана возможность добавлять зарегистрированным пользователям информацию о своих акциях, которые организовывались во всех штатах — в разделе предлагалось самостоятельно выбрать формат акции. Среди предложенных обамовской командой можно было найти «акции в поддержку отдельных положений предвыборной программы Обамы», например акции, агитирующие за «иммиграционную реформу», «экономическую политику», направленную на поддержку среднего класса, за «Obamacare» («Забота Обамы»), т. е. за медицинскую реформу. Также можно было выбрать такие акции, как «Stand with women» («Будь с женщинами»), которые предполагали дискуссии на тему прав женщин.

Вместе с тем координацией работы волонтеров занимались и в «офлайновом» пространстве. В разных городах были открыты «волонтерские штабы». Для волонтеров был организован специальный тренинг «Camp Obama» («Лагерь Обамы»), на котором им объясняли методы ведения агитации. Личные встречи с волонтерами проводил сам Обама: к примеру, 6 ноября 2012 г. он посетил мобильный офис избирательного штаба в Чикаго, в котором сделал несколько

звонков избирателям [Обама посетил свой избирательный штаб в Чикаго 2012].

Работа с волонтерами позволила Обаме сформировать горизонтальную систему взаимоотношений со своими сторонниками, в которой каждый, приобщившись к общему делу, чувствовал себя равным среди равных. Сам Обама, таким образом, становился первым среди равных — в психологии избирателей США данный факт означал, что политик является олицетворением настоящего лидера ведущей демократической страны.

Технологи Навального при проведении избирательной кампании в Москве заимствовали данную стратегию работы с волонтерами. Всего к участию в кампании подключилось 20 тыс. волонтеров [Кичанова], каждый из которых проводил агитацию и участвовал в организации мероприятий.

Вслед за Обамой Навальный создает штаб волонтеров. В основе его работы заложены все тот же принцип горизонтальных связей. Вход в штаб был свободен, каждый желающий мог прийти и пообщаться с первыми лицами команды оппозиционера. Любой волонтер мог выступить с предложением, принять участие в запуске предвыборных проектов, — в частности, волонтерами был начат проект «Подземка», предполагающий агитацию в московском метрополитене в обход действующего закона (в российском законодательстве прописано, что агитация в метрополитене запрещена, но не указано, что нельзя агитировать в вагонах поездов и вестибюле станций). Сам Навальный часто появлялся в штабе, его предложения по кампании обсуждались коллективно, методом «мозгового штурма», любой волонтер мог задать политику интересующий его вопрос.

В рамках работы волонтеров создаются определенные команды: в Интернете размещается форма, заполнив которую, волонтер может стать заявителем «агитационного куба» (агитационной палатки, в которой раздаются листовки кандидата). Первый заявитель становится главой «куба», затем он собирает себе команду из 5-10 человек, которые в результате и проводят агитацию.

Активная работа с волонтерами идет в Интернете. Команда Навального дублирует наработки технологов Обамы — основной площадкой для координации волонтеров становится официальный сайт Навального — кандидата в мэра: на нем внизу, рядом с разделом «Пожертвования», создается раздел «Стать волонтером». Присоединиться к волонтерскому движению так же, как и в США, можно интерактивно, после заполнения на сайте анкеты волонтера. Вместе с тем, в отличие от сайта Обамы, у Навального

новости о волонтерах выкладываются в специальной трансляции на «Твиттере».

Работа с волонтерами в «офлайн»-пространстве строилась тоже на основе разработанных технологами Обамы приемов. Как и Обама, Навальный организует тренинги для волонтеров, посвященные агитационным тактикам. Среди волонтеров проводятся неформальные мероприятия — «штабные уикенды» и пикники. Уикенды устраивались в формате корпоративов: к примеру, во время уикенда 11 августа в штабе была создана импровизированная сцена, на которой выступали музыканты, был организован «шведский стол». В рамках мероприятия состоялась встреча с оператором и режиссером Павлом Костомаровым, перед собравшимися выступил и сам Навальный.

Между тем, несмотря на активное позиционирование либеральной атмосферы в штабе, построить работу на основе одних горизонтальных взаимоотношений Навальному не удалось. В конце августа разразился скандал: один из волонтеров, Павел Курдюмов, обвинил руководство штаба оппозиционера в отмывании денег [Курдюмов 2013]. Он рассказал, что в штабе на самом деле сложилась жесткая иерархическая структура, что «всем заправляет круг приближенных к Навальному лиц». Волонтер подчеркнул, что, будучи организатором проекта «Подземка», он был от него отстранен по желанию одного из руководителей штаба, так как якобы мешал осуществлению черных финансовых схем и перераспределению денег на проект.

Успешная работа Обамы с волонтерами позволила ему после выборов (в январе 2013 г.) на основе сформированной волонтерской сети создать общественное движение OFA (Organizing for action), направленное на помощь переизбранному президенту в выполнении его предвыборных обещаний. Подобная практика ранее применялась и в России — новое общественное движение ОНФ (ранее — «Общероссийский народный фронт»; теперь переименовано в «Народный фронт за Россию») было запущено как проект сторонников Путина, которые не входили в правящую партию «Единая Россия». Использование подобного опыта технологами Навального позволило бы сохранить созданное в период кампании волонтерское сообщество и создать крупную организацию, способную оказывать помощь в реализации проектов оппозиционера.

ВЫВОДЫ

Кампании Барака Обамы и Алексея Навального, несмотря на использование схожих технологий, проходили в разных политических условиях. Пиар-технологам Обамы при-

ходилось работать в самый разгар политического сезона — осенью (сами же выборы состоялись в начале ноября), когда политическая повестка была переполнена рядом важных новостей (о начале проведения реформ в США, борьбе с последствиями экономического кризиса, выводе войск из Афганистана, «арабской весне» на Ближнем Востоке). Обама, работая в качестве президента, мог реагировать на события не только путем их комментирования, но и проведением активной политики по изменению ситуации в стране. Это давало значительно больше возможностей для осуществления кампании, чем их было у основного конкурента — Митта Ромни.

Кампания Навального началась сразу после заявления действующего мэра Сергея Собянина о досрочной отставке (4 июня 2013 г.). Участие в избирательном процессе для оппозиционера было не просто возможностью получить очередную порцию внимания и добавить себе политического веса, но и лазейкой, с помощью которой можно было приговор по «делу Кировлеса» повернуть в политическое русло. Вместе с тем ресурсов, которыми обладали выдвинутые различными партиями кандидаты, Навальный не имел — единственным его преимуществом на стартовом этапе кампании перед остальными оппозиционерами был раскрученный на федеральном уровне имидж, а также сформированный вокруг него большой лояльный пул журналистов. Кампания проходила в условиях отсутствия значительных федеральных политических новостей: Госдума находилась на каникулах, правительство летом проводило штатные заседания без намека на обсуждение значительных проектов — соответственно возможности выхода в медийное пространство с громкими политическими комментариями были ограничены. Между тем интерес к московской предвыборной кампании повысился: проблемы города, действия кандидатов в рамках предвыборной борьбы и даже техническая работа штабов кандидатов в мэры оказались в центре внимания федеральных СМИ. Пиар-технологи смогли создать свои информационные поводы, а Навальный получил возможность широко «пиариться» во время работы с избирателями.

Вместе с тем успех кампании Навального, набравшего 27 % голосов, продемонстрировал, что опыт западных политтехнологов в России, по крайней мере в крупных городах, применим. Число пользователей Интернета в Москве составляет около 70 % населения [Фомин] и близко к показателю США (78 % в целом по стране). Грамотная пиар-кампания в Интернете, таким образом,

способна охватить значительную часть потенциальных избирателей. Вместе с тем работа с протестным электоратом в столице, который, по мнению ряда политологов, является зачатком «нового гражданского общества» в стране, в пространстве «офлайна» — на улице города — позволяет мобилизовать сторонников кандидата не только на то, чтобы прийти на участки, но и на участие в различных пиар-акциях. Именно за счет использования данных ресурсов Навальному удалось продемонстрировать на выборах неплохой результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю.* Построение героя. Формирование имиджа политического лидера. URL: <http://psyfactor.org/lib/politlider.htm>.
2. *Березкина О. П.* Политический имидж в современной политической культуре. — СПб., 1999. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskii-imidzh-v-sovremennoi-politicheskoi-kulture>.
3. *Власть и контроль* в мире социальных сетей: предвыборные кампании в Интернете : опыт Европы и США : докл. / Фонд открытой новой демократии. — М., 2013.
4. *Гончаров В., Елизаров В.* Демократия мелких спонсоров: как новые технологии фандрайзинга меняют электоральную политику // Российское электоральное обозрение. 2008. № 1. С. 37.
5. *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: ПР и реклама. — М. : Аспект Пресс, 2006.
6. *Довыборец Е. Н.* Формирование имиджей кандидатов в президенты США Дж. Маккейна и Б. Обамы // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. 2007. Вып. 7. С. 245.
7. *Егорова-Гантман Е. В.* Имидж лидера. — М. : Знание, 1994.
8. *Кичанова В.* Навальный. Итоги // Slon. URL: http://slon.ru/russia/navalnyi_itogi-987008.xhtml.
9. *Курдюмов П.* Волонтер: в штабе Навального зарплата в конвертах. 2013. 29 авг. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/EchoSPB/16530.php>.
10. *Малышева Д. Б.* Арабская весна глазами российских ученых // Россия в глобальной политике. 2013. 5 марта. URL: <http://www.globalaffairs.ru/book/Arabskaya-vesna-glazami-rossii-skikh-uchenykh-15879>.
11. *Обама* посетил свой избирательный штаб в Чикаго // Interfax. 2012. 6 нояб. URL: <http://interfax.ru/russia/news.asp?id=274604>.
12. *Фомин С.* Количество пользователей в России и другие показатели аудитории Интернета. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151.
13. *Чалый Е.* Обама стал президентом благодаря спецтехнологиям. URL: http://www.denga.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=1576.
14. *Chipsticks.* Money bomb! // The Obama diary. 2012. 28 Jun. URL: <http://theobamadiary.com/2012/06/28/money-bomb/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. И. Клушина

Р. А. Трифонов R. A. Tryfonov
Харьков, Украина Kharkiv, Ukraine

**ВЕРБАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
КАК ОБЪЕКТЫ МЕТАЯЗЫКОВОЙ
РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

**VERBAL ELEMENTS OF POLITICAL
DISCOURSE AS OBJECTS OF METALINGUAL
REFLECTION IN CONTEMPORARY
UKRAINIAN PUBLICISTICS**

Аннотация. Проанализированы типы и функции метаязыковых комментариев, направленных на язык политики и политическую речь, в текстах современных украинских публицистов. Показана роль таких комментариев в преодолении манипулятивности, неопределенности, фантомности политического дискурса, а также в создании оценки, иронии и в авторском дискурсивном позиционировании.

Abstract. The paper analyzes types and functions of metalingual comments on the language of politics and political speech in the texts of contemporary Ukrainian publicists. The role of such comments is shown in overcoming manipulativity, vagueness, phantomness of political discourse, and in creation of evaluation and irony as well as author's discourse positioning.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия; метатекст; язык публицистики; прагматика; коннотация.

Key words: metalingual reflection; metatext; publicistic language; pragmatics; connotation.

Сведения об авторе: Трифонов Роман Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка.

About the author: Tryfonov Roman Anatolievich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Ukrainian Language.

Место работы: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Украина).

Place of employment: V. N. Karazin Kharkiv State University (Ukraine).

Контактная информация: 61096, Украина, Харьков, пл. Свободы, 4.
e-mail: movoromano@yahoo.com.

Особый характер политического языка, специфические, часто манипулятивные черты политического дискурса являются теми факторами, которые обуславливают повышенное внимание носителей языка к вербальной стороне политической жизни. Такое внимание находит отражение в метаязыковых высказываниях, метаязыковой рефлексии. В контексте общей метаязыковой проблематики, активно разрабатываемой сегодня рядом исследователей (И. Вепрева, Н. Голев, В. Кашкин, Л. Ким, Д. Полиниченко, В. Черняк, М. Шумарина и др.), важным становится вопрос о месте и роли данного явления в политическом дискурсе.

Характерно, что в широкой картине метаязыковой рефлексии в постсоветскую эпоху [Вепрева 2005] именно изменения в политической и социальной жизни показаны как фактор, определяющий характер и функции рассматриваемого феномена. Политически ориентированные метаязыковые рефлексивы в материале монографии И. Вепревой составляют весьма значительную часть; в целом проанализированный материал дал исследовательнице основания утверждать: «Метаязыковая деятельность позволяет выявить социально-ценностные ориентации носителя языка, их мировоззренческую неоднородность» [Вепрева 2005: 98]. В рамках общего изучения политического дискурса

отдельную работу посвятила рефлексивам в политической коммуникации Е. Шейгал. В ее статье [Шейгал 2002] внимание акцентировано на специфической для данного типа дискурса функции метаязыковых высказываний — снижении или снятии информационной энтропии, что понимается как «коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине». Автор рассматривает гадательность (смысловую неопределенность) как содержательную категорию политического дискурса, обусловленную тем, что «адресант стремится в своих интересах манипулировать языковым сознанием адресата и совершает „зашифровывающие“ действия, а адресат вынужден проводить толковательную и прогностическую деятельность вследствие манипулятивных действий адресанта»; в ряду средств, служащих для «снятия тайны», и названы метаязыковые рефлексивы.

Иной аспект политической и околополитической коммуникации, также выходящий на метауровень и важный для понимания рассматриваемой проблемы, раскрыт в работе Э. Лассан [Лассан 2005]. Исследовательница обращает внимание на средства изображения речи власти в массмедиа («мы судим о политиках не только по тому, как они говорят <...>, мы судим о них по тому, как о них говорят те, кто по долгу профессии

передает нам то, что и как они говорят») и, в частности, демонстрирует роль метатекстовых глаголов, сопровождающих передачу речевых актов.

Н. Голев рассматривает метаязыковые суждения об элементах политического дискурса в контексте проблематики широкой отрасли знания — обыденной лингвополитологии. В программной статье, задающей аспекты исследований в данном направлении, автор проецирует на политику широкое понятие «обыденная металингвистика», отмечая: «Метаязыковые рефлексии весьма типичны в контексте обсуждения политических вопросов. Они нередко возникают в дискуссиях рядовых носителей языка при необходимости уточнения смысла политических терминов или тезисов. Характерны рефлексии участников различных политических форумов по поводу языка первоисточника, культуры речи оппонентов, суждения о языке вообще и своем индивидуальном языке в частности, оценка качества перевода, углубление в этимологию терминов» [Голев 2011]. Как видим, при детализации феномена он разветвляется на довольно различные явления, каждое из которых по-своему характеризует дискурс и картину мира языкового сообщества. Столь же разнообразны и функции метаязыковых высказываний в обыденно-политическом дискурсе, что показано в одной из новых статей Н. Голева: «Помимо информативно-аргументативной функции (состоит в уточнении смысла, комментировании и т. п. <...>), они выполняют функцию суггестивную (манипулятивную, в том числе через софистический дискурс, игровую, в том числе фатическую, художественную)» [Голев 2013: 31]. Структура приведенной цитаты и материал самой статьи показывают, что названные функции часто переплетаются, выступают в комплексе, т. е. метаязыковые политические высказывания имеют сложную природу и требуют внимательного изучения.

Считая приведенные мнения исследователей концептуально важными в теоретическом аспекте, рассмотрим, как функционируют метаязыковые высказывания о языке политики в современном украинском дискурсе. Объектом нашего рассмотрения являются тексты трех авторов, известных публицистов и писателей [Антипович 2012; Бойченко 2011; Пиркало 2007], и принадлежат данные произведения к дискурсу скорее околополитическому, но в общем массиве метаязыковых комментариев мы выделили те, которые направлены именно на язык политики.

Прежде всего следует отметить, что метаязыковые комментарии могут относиться

к лексике, в том числе собственно политической: *У так званому українському медіа-просторі час від часу з'являються роздуми так званих українських політологів на тему, чи має так званий український президент можливості зробити щось добре для України* [Бойченко 2011: 191]. Троекратный повтор метаязыкового маркера имеет ярко выраженную прагматическую направленность — служит созданию общего впечатления несерьезности политики в ее существующем виде и конструирует дискурсивный образ автора-скептика. Итак, один из приемов вербализации критической, иронической позиции на метаязыковом уровне — маркирование номинации как неистинной или по крайней мере сомнительной. Другой прием, имеющий схожую прагматическую направленность, — игровое «переназывание»: *Називаючи реальних власників товариства з обмеженою відповідальністю „Україна“ олігархами, ми тим самим програмуємо їхню поведінку. Олігархія, підказують словники, дбає виключно про власні інтереси <...>. То що нам язык би відсох, якби ми якогось Ахметова почали офіційно називати, наприклад, донецьким ханом або халіфом важкої промисловості? А він би на radoшах трохи і про нас задбав...* [Там же: 142]. Выбор альтернативных номинаций, конечно, имеет своей целью аттракцию неуместного, что иным способом выражает то же, что и рассмотренный выше прием употребления маркера *так званий*, — не прямое, но легко прочитываемое отчуждение.

Как видим, метаязыковые средства, характеризующие единицы политической лексики (*президент, олігарх*), служат для передачи авторского отношения к реалиям политической жизни, в частности к самим политикам и тем, кто на политику влияет. Так происходит в тех случаях, когда сопровождаемые комментарием лексемы имеют достаточно конкретную семантику. Вместе с тем околополитическая метаязыковая рефлексия разворачивается по-иному, когда она направлена на лексику высокой степени абстрактности, широко употребляемую в дискурсе политиков. Пристальное внимание рефлексирующего публициста фиксирует услов коннотативный компонент, свидетельствующий о серьезных процессах в картине мира всего социума. Ярким примером такого типа рефлексии является текст Тараса Антиповича о глубоком ценностном кризисе общества: *Звідси — і абсцес мови, що перестала бути точкою опори мислячого суб'єкта. Ми отруєні її болотними випарами, її трупними токсинами. Слово „патріот“ викликає сарказм, слово „духовність“ —*

*блювотний рефлекс. „Цивілізовані правила гри“, „європейські цінності“, „відповідальність“, „єдність“, „справедливість“ — лексичний мотлох, зжухтий сотнями програм і декларацій, які ніхто ніколи не збирався виконувати. Усе це ми вимовляємо, спльовуючи кризь зуби або додаючи „мля“. Цінності, мля. Не розумію, як у цій країні можна писати публіцистику. Як тут можна писати взагалі? Не уявляю, як я стулив до купи ці кілька абзаців [Антипович 2012]. Речь уже идет не о восприятии конкретных политиков или политических сил — автор затрагивает те изменения, которые приносит в общезыковую картину мира манипулятивность политического дискурса, тот факт, что в нем «происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [Шейгал 2004: 5—6], — и зайти такая модификация способна очень далеко. Доминантной чертой цитируемого фрагмента публицистической статьи, помимо рефлексивности, является высокая эмоциональность, воплощенная в лексико-фраземной средствах с физиологической семантикой: *трупні токсини, блювотний рефлекс, спльовувати кризь зуби*, — что усиливает ощущение угрозы, переводит ее с мыслительного на телесный уровень и тем создает крайне экспрессивный образ опасности не только для психологии, но и для физического существования организма.*

Естественно, что ощущаемое автором разрушение картины мира, в частности языковой, ее крах (слово из заголовка статьи, повторяемое и в тексте) приводит к необходимости осмысливать и собственную речь, даже если она направлена на преодоление распада и восстановление разрушенного: *...ми повинні давати одне одному більше приводів для віри... ну добре, якщо без пафосу — для елементарної взаємної довіри. Вичавити з себе троля. Не розтринькувати рештки свободи на різноманітні міжусобні „срачі“ [Антипович 2012]. Пафос в данном случае (как и в целом в значительном сегменте постсоветской языковой реальности) является дискурсивной характеристикой, которую говорящий маркирует отстраненно-скептически, дабы избежать коммуникативной неудачи, — и в то же время автор не отказывается от пафосного слова (ведь в письменном тексте его можно было бы просто не употреблять и соответственно не иметь необходимости в метаязыковом комментарии), так как не хочет снижать концептуальное содержание высказывания.*

Комментарий автора к собственной речи направлен на оптимизацию коммуникативного взаимодействия с читателем. Однако

в первую очередь метауровень высказывания представлен в публицистических текстах на политические темы комментариями к высказываниям политиков. Поскольку такие метатексты весьма распространены, покажем некоторые их типы и применяемые в них средства на примере публицистики одного автора — Александра Бойченко.

Метавысказывания о политической речи могут иметь общий характер, т. е. касаться совокупности речевых актов политиков как стереотипизированной ментальной модели. Для критически настроенного публициста в основе этой модели — коммуникативная неудовлетворительность оцениваемой речи: *Мені навіть цікаво: що взагалі розуміють європейці, коли слухають головних українських політиків у перекладі? Я цих політиків слухаю мовою оригіналу — і не розумію нічого [Бойченко 2011: 212].* Чаще, однако, метатекст направлен на конкретные языковые единицы либо речевые фрагменты.

Весьма критическому комментированию подвергаются штампы и клише политического дискурса. Рассмотрим восприятие двух из них, взятых из речи одной и той же личности — бывшего в то время президентом Украины Виктора Ющенко, — но отличающихся как по своей природе, так и по метаязыковой реакции публициста.

1. *Ціле щастя, що через складну зовнішньо — та внутрішньополітичну ситуацію гарант (президент — Р. Т.) з'явився ненадовго: обізвав у своєму млявоплинному стилі Чернівці „унікальною перлиною в короні України“, роздав нагороди і помахав далі... [Там же: 137].*

Объектом иронического комментария оказался перифраз, экспрессивность которого давно уже стерта вследствие стандартности употребления словесного образа. В то же время комментарий не слишком акцентирован, имеет попутный характер; попытка президента сделать комплимент городу коммуникативно вполне понятна, а стилистически воспринимается автором в контексте общей невыразительности речи политика.

2. *От уже чого не відбереш у нашого президента, то це вміння знаходити для кожного життєвого явища точну словесну формулу. <...> Ввечері вмикаю телевізор — президента показують. „Село, — каже президент, — сьогодні переживає великий ренесанс“. Вдаються ж іноді людям такі фрази, що хоч бери — і золотими літерами на граніті викладай [Там же: 102].*

Президент как говорящий субъект снова вызывает у публициста ироническое отношение, но градус этой иронии на порядок выше. Об этом свидетельствует не только

ироническая гиперболитичность ближайшего метатекста в постпозиции, но и то, что, в отличие от предыдущего случая, метатекстом по существу является вся статья объемом шесть книжных страниц. Если во фрагменте 1 речь шла о неудачной характеристике реального референта (город), то во фрагменте 2 реакцию автора обостряет то, что налицо возникновение «лексического фантома» (термин Б. Нормана, поддержанный Е. Шейгал [Шейгал 2004: 53]), знака без денотата, не укорененного в реальности; а это, в свою очередь, репрезентирует «фантомность как состояние политического сознания» [Там же]. Так как объем нашей статьи не позволяет в полной мере продемонстрировать весь диапазон операций, которые осуществляет публицист с фантомным вербальным знаком, обратим внимание на две наиболее характерные. Первая операция — это реактуализация закрепленного в языке реального, историко-культурного, не фантомного значения слова *Ренесанс*: *А це що за халула, розмальована і розписана місцевими майстрами мистецтв? Ага, сільмаг. Шкода, що зачинений. Вже років із десять. <...> Я ще біля того сільмагу подумала* (Часть текстов, в том числе цитируемая статья «Великий ренесанс», написана от имени «женского альтер эго» публициста А. Бойченко — Виты Бревис. — Р. Т.): *що воно мені нагадує? А це ж ренесансні фрески* [Бойченко 2011: 102—103].

Очевидным является создание комического контраста как прагматическая цель, но хотелось бы обратить внимание еще на один момент: обращение к конкретному референту слова (исторической эпохе) с ее конкретными атрибутами (фресками) служит демонстрации фантомности слова в его политическом переносном употреблении. Такого же эффекта автор достигает, выводя фантомную лексему за пределы политического дискурса, «забрасывая» ее в повседневную коммуникативную ситуацию: *Пішла я наступного дня з експериментальною метою до бару. „Вуйки, — жажу, — ви знаєте, що ви оце зараз переживаєте великий ренесанс?“ — „Ах... — відповідають вуйки, — пережили німців, пережили совєцку владу, Бог поможе — переживемо й ренесанс“* [Там же: 103].

В разговорно-бытовом функционировании слово не просто нейтрализуется сниженным контекстом, но и, что главное, легко меняет знак оценки — и это еще один способ обнажения фантомности.

Итак, прагматически эффективным ходом является введение «наивного» субъекта, с позиции которого оценивается полити-

ческий штамп. Такой прием использован еще раз в другой публицистической колонке того же автора с целью создания иронического метатекста: *„Уряд використовує ту ситуацію, коли Президент є головним суб'єктом міжнародної діяльності, — заявляє заступник Балого (в то время главы Администрации Президента — Р. Т.), — і, таким чином віддаючи тут ініціативу Президентові, не бере на себе певні ризики за оцінку тих або інших дій“. Ну геній, що ти йому заперечиш? З тим же успіхом можна було б заявити: „Маруся використовує ту ситуацію, коли Іван з нею не спить, і таким чином не бере на себе ризик народжувати від нього дітей“* [Там же: 130—131]. Метаязыковой прием является средством преодоления манипулятивной неопределенности политического языка, экспликации истинного смысла высказывания и демонстрации логической неправильности исходной цитаты. Позиция автора подкрепляется экспрессией и комизмом, вызываемыми контрастом сфер, к которым отсылают высказывания.

В целом неопределенность политического языка, безусловно, является фактором, способствующим нарастанию метаязыковых и метатекстуальных наслоений вокруг вербальных элементов дискурса. Показателен в этом отношении следующий фрагмент: *Багато європейських функціонерів, конфузючи правлячий режим, заявляли, що якщо пускати до ЄС Туреччину, то тоді хай і Україна, і Білорусь ідуть — яка вже різниця. (Ці заяви в Україні часто перекладаються так: „Єврокомісар такий-то вважає, що Україні потрібно запропонувати членство“)* [Пиркало 2007: 87]. Здесь мы имеем дело с двойным метатекстом: автор иронически воспринимает цитату, которая сама является метатекстуальной реакцией на слова европейского чиновника. Несмотря на отсутствие прямо выраженного авторского комментария, метаязыковой смысл имплицитно заложен в подтексте: явное семантическое расхождение передаваемых высказываний демонстрирует всё ту же манипулятивность языка политики.

Это и можно рассматривать как один из главных выводов проведенного исследования: в проанализированной современной украинской публицистике метаязыковые средства используются для разоблачения и преодоления языковых манипуляций в политическом дискурсе. Кроме того, метаязыковые комментарии акцентируют несоответствие фрагментов политической речи стилистическим и/или коммуникативным критериям и нормам. Важным также является момент дискурсивного позиционирования: для рас-

смотренных авторов, прежде всего для А. Бойченко, метаязык служит отчуждению от субъектов политики и конструированию дискурсивного образа автора-скептика. Рефлексия публицистов не ограничивается комментариями к речи политиков, но и выходит на уровень языка в целом, затрагивает изменения (прежде всего коннотативно-стилистические) в языковой системе, порожаемые политическим дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипович Т.* Потреба високого краху. URL: <http://life.pravda.com.ua/columns/2012/08/27/110925>.
2. *Бойченко О.* Аби книжка. — Чернівці : Книги — XXI, 2011.
3. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М. : Олма-Пресс, 2005.
4. *Голев Н. Д.* Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная поли-

тическая лингвистика. — Екатеринбург, 2011. С. 66—69. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/golev-11.htm>.

5. *Голев Н. Д.* Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 30—37.

6. *Лассан Э. Р.* Изображение речи власти как средство ее десакрализации // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 73—82. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-rechi-vlasti-kak-sredstvo-ee-desakralizatsii>.

7. *Пиркало С.* Кухня егоїста : есе. — Київ : Факт, 2007.

8. *Шейгал Е. И.* Рефлексы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2002. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57>.

9. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Д. Голев

Д. Л. Шалацкий D. L. Shalatskiy
Киев, Украина Kiev, Ukraine

**ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ТАКТИКИ
РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ УПРЕКА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**DIRECT AND INDIRECT TACTICS
OF THE REPROACH SPEECH STRATEGY
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматриваются способы коррекции поведения адресата при помощи речевой стратегии упрека. Выявляются причины возникновения упреков. Описываются тактики, при помощи которых реализуется речевая стратегия упрека в современном украинском политическом дискурсе.

Abstract. In this article are considered the ways of behavior modification of recipient in political discourse by means of speech strategy of reproach; identified the cause of reproach; considered the tactics of realization of speech strategy of reproach in modern Ukrainian political discourse.

Ключевые слова: речевая стратегия; упрек; политический дискурс; тактика намека; тактика уточнения; тактика замечания; тактика требования; тактика угрозы.

Key words: speech strategy; reproach; political discourse; hint tactics; refine tactics; observations tactics; requirements tactics; threat tactics.

Сведения об авторе: Шалацкий Дмитрий Леонидович, аспирант кафедры украинского языка, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (Киев, Украина).

About the author: Shalatskiy Dmitriy Leonidovich, Post-graduate Student of the Department of Ukrainian Language, National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, Ukraine).

Место работы: Крымский гуманитарный университет (г. Ялта).

Place of employment: Crimean University for the Humanities (Yalta).

Контактная информация: 98635, Украина, Автономная Республика Крым, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2.

e-mail: shalatskiy@mail.ru.

Данная работа посвящена речевой стратегии упрека в современном украинском политическом дискурсе как способу коррекции поведения адресата. В политическом дискурсе широко используются различные речевые стратегии, целью которых является регуляция поведения оппонента. Подобные стратегии являются инструментами политической власти, поскольку позволяют завладеть ей, сохранять или перераспределять ее. К вопросам стратегической составляющей политического дискурса обращались такие исследователи, как А. Баранов, Э. Будаев, О. Иссерс, В. Мулькеева, О. Паршина, А. Чудинов, Е. Шейгал.

Интенция регуляции поведения адресата часто реализуется в директивных речевых актах, к которым относится упрек. Директивы заставляют адресата выполнить определенное действие, желаемое для говорящего. Говорящий приходит к выводу, что реальное состояние вещей требует изменений в силу объективных для коммуникантов причин. В ситуации упрека говорящий желает, чтобы адресат совершил или перестал совершать определенные действия, которые, как показывает наш материал, могут быть разнообразнейшими по своей сути. Так, речевая стратегия упрека с регулятивной функцией может заключаться в выражении говорящим своего эмоционально-оценочного отношения к поведению адресата или к реальному со-

стоянию вещей. Поэтому во время коррекции поведения адресата в коммуникативном фокусе оказывается выражение негативных эмоций, вследствие чего побуждение к действию усиливается:

(1) „**Ви в селян забираєте землю, ви в селян корів вирізаєте. Їм нема за що жити через вас і ви розкажете тут про політику! Ви в село підіть подивіться як вони живуть. У вас, як і в межах Межигір'я (правительственная резиденция — Д. Ш.), всі добре живуть**“ [Стенограммы общественно-политического ток-шоу «Шустер Live» 2012] (здесь и далее в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация).

В регулятивной функции речевой стратегии упрека говорящий исходит из того, что адресат не будет сомневаться в справедливости негативной оценки. Исследователь Н. Каразия считает, что «адресат владеет достаточной коммуникативной компетенцией для распознавания в прагматическом акте упрека намерение говорящего повлиять на поведение партнера по коммуникации» [Каразия 2004: 137]. Стоит отметить, что данное правило участниками политической коммуникации часто не соблюдается, поскольку публичное признание собственной вины может нанести ущерб позитивному имиджу, лицу или партии.

В ситуации, когда нарушение социальных норм касается непосредственно интере-

сов или личности говорящего, он высказывает неодобрение, обиду и упрекает адресата в несоблюдении правил вежливости, морали, социальных норм или действующих законодательных актов с целью коррекции поведения адресата. Поскольку политический дискурс — это борьба, достаточно часто говорящий отступает от постулата искренности. Степень желания изменить поведение адресата зависит от ситуации общения, а поэтому стратегия упрека может быть реализована посредством тактик намека, уточнения, замечания, требования и угрозы.

Участники политического дискурса часто вынуждены употреблять в своих высказываниях завуалированные языковые средства, иначе их высказывания (обвинения, угрозы и др.) могут перечить нормам социального поведения. Поэтому во избежание нанесения ущерба своему позитивному лицу, имиджу или же для усиления своего влияния на адресата говорящий может использовать в своем высказывании не прямое выражение иллюкативной цели. В таких случаях речь идет о реализации речевой стратегии упрека посредством прямых и косвенных тактик. Под косвенной речевой тактикой в политическом дискурсе будем понимать, вслед за Н. Левшиной, «речевые приемы, заставляющие адресата самостоятельно вывести информацию, которая не представлена в высказывании эксплицитно» [Левшина 2005: 3]. При помощи косвенных тактик упрекающий осуществляет речевое воздействие на адресата с целью коррекции его поведения. В некоторых случаях упрек направлен на преднамеренное нанесение ущерба позитивному лицу оппонента или его дискредитацию.

Одним из распространенных инструментов дискредитации оппонента является тактика **намека**, которая наиболее эффективна в ситуации, когда упрекающий не хочет показаться окружающим агрессивным. Данная тактика предусматривает самостоятельное умозаключение адресата о причинах упрека. Адресат должен сам декодировать импликацию. Эксплицитный же комментарий говорящего превращает намек в речевое высказывание с отсутствием какого-либо скрытого смысла. Отметим, что важным условием эффективности тактики намека является адекватная интерпретация адресатом скрытого смысла сообщения.

Под скрытым смыслом мы будем понимать «любой смысл, который является вербально невыраженным в тексте сообщения, но воспринимается адресатом как понятный и интерпретируется им на основе языковой компетенции, представлений о мире и показателях сообщения, которые содержатся в

тексте» [Масленникова 1999: 12—13]. Иными словами, нас интересует скрытый смысл, появление которого обусловлено не языковой системой или общественной договоренностью, а исключительно волей говорящего, что, в свою очередь, зависит от конкретной коммуникативной задачи.

В работах А. Баранова намеки подразделяются на истинные (сложные) и регулярные (продуктивные) [Баранов 2009: 205—222]. Истинный намек предусматривает вариативность при интерпретации содержания, а поэтому может формировать и альтернативную сущность сообщения. При этом исследователь подчеркивает, что непонимание альтернативного уровня содержания не приводит к коммуникативной неудаче в понимании основной части сообщения [Там же: 215].

Для нас наибольший интерес представляют случаи использования участниками политической коммуникации регулярного намека, который является непрямым способом передачи информации, усложненным специальными языковыми формами, нестандартностью и многозначностью семантики. Такие намеки легко читаются и быстро реконструируются даже в условиях неполной информации. А. Баранов считает, что регулярный намек «формирует не альтернативный уровень содержания текста, а его имплицитную составляющую, непонимание которой может повлечь за собой коммуникативный провал» [Там же: 218].

Так, в следующем примере упрекающий указывает на расхождение данных в налоговой декларации и анкете кандидата на должность спикера Верховной рады, намекая на неискренность, и с иронической насмешкой призывает адресата все-таки определиться с количеством собственных детей:

(2) „У (пункті — Д. Ш.) *роботі в минулому та вашому сімейному стані написано: „Дві доньки“. Натомість, у декларації про майно, доходи, витрати і зобов'язання фінансового характеру, ви особисто — я сподіваюся, ви власною рукою писали, — написали, що у вас є три доньки. То хочеться все ж таки, аби ліквідували неточності, щоб у Президії Верховної Ради, якщо ваші соратники за вас проголосують, не було шахраїв. Дуже дякую* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

В другом примере тактика намека используется для дискредитирования оппонента. Говорящий задает провокативный вопрос, варианты ответа ограничены, поэтому адресат вынужден оправдываться или же вообще проигнорировать вопрос, признав тем самым его правомерность. Дискредитация адресата происходит при помощи объе-

динения тактик намека и замечания. Делая замечание по поводу темного прошлого, упрекающий задает вопрос, а откуда будут появляться средства в государственном бюджете, если даже чиновники продают собственный бизнес через офшорные схемы, избегая уплаты налогов:

(3) *І останнє, от Сергію Леонідовичу, питання до вас, я вам його в одному ефірі задавав, от дивіться, ви шукаєте десь гроші — це ж ключове питання. За рахунок чого це буде зроблено? От продав банк Черновецький за мільярд доларів, ні сплатив ні копійки податків, бо все проведено через офшорну схему. Ви продали свій банк, свою страхову компанію, все проведено через офшорну схему, не копійки не сплачено* [Стенограммы общественно-политического ток-шоу «Шустер Live» 2012].

Тактика намека не так часто реализуется в «чистом» виде. Например, во время парламентских дебатов представитель оппозиционных сил при помощи тактики намека в сочетании с тактикой сожаления оппонентов констатирует их формальное отношение к важной функции контроля парламента над исполнительной властью:

(4) *У що вироджується парламентський контроль в Україні, думаю, не мені вам розповідати. Адже, на жаль, частина присутніх у цій залі є його архітекторами* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

Упрек посредством намека «вплетен» в содержание высказывания, однако понимание намека необходимо для понимания содержания сообщения в целом.

Близкой к тактике намека будет тактика **уточнения**, направленная на дополнение, разъяснение, детализацию высказывания. Эта тактика используется для детализации, корректировки фактов. Например, она может реализовываться при помощи вопросительных предложений, в которых экспрессия выступает дополнительным средством усиления:

(5) *Шановний Головуючий, чи взагалі ви будете чути опозицію, чи ми тут будемо тільки для того, щоб пулі пуляти в нікуди?* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

Вышеприведенное предложение является уточняющим, но с точки зрения прагматики данное высказывание не вопрос. Интенция говорящего — высказать спикеру Верховной рады претензию в том, что тот игнорирует все предложения депутатской группы и не собирается к ним прислушиваться в ближайшем будущем, а эмоционально-экспрессивная форма высказывания служит для интенсификации интенции.

В целом, по нашим наблюдениям, в парламентских дебатах вопросы чаще всего задаются не ради получения ответов, а скорее с целью нанесения ущерба позитивному имиджу, лицу оппонента. Составляющей интенции является также привлечение внимания к своей персоне или акцентирование внимания общества на определенной проблеме:

(6) *Скажіть, будь ласка, це Партія регіонів сьогодні виступає проти президентського послання на 2012 рік? Чому сьогодні підготовча комісія і Верховна Рада відійшла від положень Послання Президента на 2012 рік?* [Стенограммы пленарных заседаний 2013].

Тактика уточнения может быть и эффективным способом защиты от обвинений оппонентов:

(7) *Ми можемо взяти, підняти стенограм пак, де ви чітко побачите, що пропонувалося вісім класів безкоштовної освіти як раз вами, представниками Народного руху. І ви там були депутатом Верховної Ради* [Стенограммы общественно-политического ток-шоу «Шустер Live» 2012].

По нашим наблюдениям, тактика уточнения используется упрекающим с целью влияния на сознание, на эмоции адресата, электората, а поэтому она может быть действенным способом дискредитации оппонента, напоминанием про темное прошлое, служить сведению старых счетов или нанесению ущерба имиджу, лицу адресата. Использование вопросительной формы предложения чаще всего является конвенциональным способом выражения упрека, позволяющим снизить позитивность имиджа политического оппонента.

В отличие от предыдущей тактики, **замечание** является вербальным способом выражения гибридной интенции упрека. Его суть — в экспликации негативного отношения к поведению адресата, а также побуждения к изменению его поведения.

Стратегия упрека, реализуемая при помощи тактики замечания, может использоваться как с целью развязывания конфликта, так и с целью кооперации, поиска компромисса. Мы полностью согласны с моделью тактики замечания, предложенной В. Мулькеевой, суть которой заключается в попытке говорящего позаботиться об эмоциональном и психологическом состоянии адресата [Мулькеева 2005: 75]. Например, упрекающий обращает внимание спикера на то, что нарушение регламента является превышением служебных полномочий, что может привести к нанесению ущерба лицу адресата:

(8) *Шановна Тимчасова президія! Ті, хто зараз виступає і просить слово з процедури, вони порушують Регламент, бо в Регламенті немає такої норми, як надання слова з процедури. Тому я прошу би головуючого дотримуватися Регламенту, і на будь-який викрик з того, що я хочу з процедури, не надавати такого слова, бо Регламент такого права головуючому і, відповідно, народним депутатам не надає* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

Распространенными случаями упрека посредством тактики замечания являются ситуации, в которых говорящий считает поведение адресата недопустимым, к примеру, для представителей Верховной рады:

(9) *Але колегам, особливо молодим, я хочу сказати: ви знаєте, демонстрація вашої крайньої агресивності, демонстрація цинізму, коли буцімто відстоюються інтереси Конституції і тут же зривається робота Верховної Ради, не додає авторитету Верховній Раді. Ви зрозумійте, ми тут — представники політичної еліти України, на нас люди дивляться, нам люди покладали якісь наші надії і сподівання* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

Упрекающий делает замечание более молодым коллегам за неподобающее для политической элиты государства поведение. Подобным замечанием говорящий хочет скорректировать поведение адресата в лучшую сторону, поэтому пытается подкрепить аргументами суть своей претензии. Говорящий акцентирует внимание на возрастной дифференциации адресата, руководствуясь принципом «молодой — неопытный». Неодобрение он выражает открыто, так как считает, что самостоятельно адресат не намерен менять свое поведение в лучшую сторону.

Для упрека с помощью тактики замечания степень близости взаимоотношений коммуникантов в политическом дискурсе существенной роли не играет. Упрек может выступать в качестве замечания как однопартийцам, так и политическим оппонентам, быть направленным адресату и с симметричным (10), и с асимметричным (11) коммуникативным статусом. Проиллюстрируем это примерами:

(10) *Тому Володимире Васильовичу, справа в тому, що для того, щоб готувати до Верховної Ради програму діяльності уряду, мабуть, треба все-таки на базі послання це робити. Ви позбавляєте зараз опозицію основної функції: пропонування альтернативного курсу...* [Стенограммы пленарных заседаний 2013].

В данном примере говорящий и адресат обладают симметричным коммуникативным

статусом — лидер фракции обращается к спикеру на равных, что позволяет сделать замечание в эксплицитной форме. В следующем примере, напротив, коммуникативный статус у говорящего ниже, чем у адресата — депутат упрекает спикера. Говорящий использует косвенную форму замечания:

(11) *Шкода, пане Голово, що ви не дали можливості договорити депутату Герашенку, то дозвольте, я продовжу думку нашого колеги* [Стенограммы общественно-политического ток-шоу «Шустер Live» 2012].

Как показывает материал, тактика замечания служит способом давления на оппонента с целью достижения собственных интересов. Однако тактика замечания является более мягкой формой репрезентации упрека, чем тактика требования.

Тактика **требования** в политической коммуникации является достаточно распространенным способом коррекции поведения адресата. Упрек с использованием тактики требования часто встречается в ситуациях, когда адресат нарушает определенные нормы или правила поведения, что приводит к негативным последствиям для говорящего. Сами требования могут быть продиктованы как личными пожеланиями упрекающего, так и целью защиты интересов партии, народа, государства.

Степень категоричности выражения требований в парламентских дебатах может варьироваться от угрозы возможных санкций до перечисления ущерба, который адресат рискует понести при отказе изменить собственное поведение. В зависимости от интонации и форм выражения вежливости, упрек может быть высказан в мягкой (12) или более категоричной (13) формах:

(12) *Помовчить будь-ласка, ви говорили, я вас не перебивав* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

(13) *Пане Рибак, <...> сьогодні Регламент брутально порушується. І поки це не припиниться, ніякої роботи не буде. Ви ж це маєте розуміти чи ні? Поки не припиниться це свинство, не буде ніякої роботи* [Стенограммы пленарных заседаний 2013].

Успешной реализации упрека способствует объяснение выдвинутых для коррекции поведения требований. Шансы на изменение поведения упрекаемого существенно увеличиваются, когда говорящий доказывает необходимость этого или убеждает в этом:

(14) *Ляшко, сідай, бо відключать (мікрофон. — Д. Ш.) зараз. На місці сідай і з місця. Все, уже два регламенти* [Стенограммы пленарных заседаний 2012].

Требования могут касаться изменения поведения одного адресата или целой группы людей (коллективного адресата). В ситуациях, когда адресат игнорирует требования упрекающего, данная тактика может быть усилена тактикой угрозы.

Для современного украинского политического дискурса достаточно типично столкновение интересов различных партий и политических кланов, что приводит к открытому противостоянию, к открытой борьбе за власть с использованием агрессии. Одной из агрессивных форм выражения упрека является тактика **угрозы**. О. Иссерс считает целью данной тактики получение необходимой информации путем прямого давления на партнера по коммуникации [Иссерс 2012: 121]. Заметим, что в политическом дискурсе при помощи тактики угрозы упрекающий получает возможность корректировать поведение адресата, заставляя его действовать согласно с выдвинутыми требованиями, например:

(15) *Шановний пане головуєчий! На вас особисто зараз лежить відповідальність за виконання Конституції і закону. Ви представляєте Партію регіонів, яка отримала вчора 210 мандатів. В результаті ви порушуєте знов закон і Конституцію. **Якщо ви зараз не зупините голосування вашими депутатами за інших депутатів, ми будемо змушені заблокувати парламент*** [Стенограммы общественно-политического ток-шоу «Шустер Live» 2012].

Апелляция к страху способствует корректировке поведения адресата путем провоцирования взволнованного и беспокойного состояния. Отметим, что тактика угрозы является эффективным способом модификации поведения лишь в случае легкой взволнованности адресата, иначе она может привести к коммуникативной неудаче:

(16) *Ви знаєте, не приймаючи участь у цьому питанні, ви, по суті, **тормозите** процес просування України в Європу, і, якщо є такий термін „перегрілися“, то сьогодні я хочу вам сказати: шановна Опозиція, ви „**перемерзли!**“ **Якщо ви не зміните своєї позиції, то вам український народ 28 жовтня влаштує пункти обігріву*** [Стенограммы пленарных заседаний 2013].

В приведенном примере упрекающий дозирует угрозу, сопровождая ее сообщением о действенной стратегии защиты от негативных последствий угрозы — *Якщо ви не зміните своєї позиції, то (Если вы не измените своей позиции, то...)*. Такой прием часто используется в политической коммуникации. Вслед за О. Иссерс мы считаем, что диктумом в подобных высказываниях является негативное действие в будущем, осуществ-

ление которого напрямую зависит от действенной адресата, поэтому «распространенной формой показателя угрозы являются конструкции с условными придаточными: „*Если ты... то я...*“» [Иссерс 2012: 131]. Говорящий пытается передать субъективное негативное отношение к пассивности оппонентов в решении проблемного вопроса, при этом путем репрезентации собственного эмоционального состояния пытается повлиять на чувства адресата, используя соответствующую лексику (*тормозите, перегрілися, перемерзли, пункти обігріву*).

Особенность использования тактики угрозы в политическом дискурсе заключается в озвучивании возможных негативных последствий для адресата (лишение свободы, нанесение ущерба имиджу и т. д.), которые могут повлечь за собой потерю доверия электората:

(17) *Шановні колеги народні депутати, <...> **якщо ми проголосуємо за включення цього законопроекту до порядку денного і підтримаємо зниження пенсії для військовослужбовців, то ті хто голосував за цей закон, хай тоді йдуть і розказують військовослужбовцям, чому вони в них забирають копійчані пенсії...*** [Стенограммы пленарных заседаний 2013].

В данном примере угроза служит непрямым способом демонстрации упрекающим своего морального превосходства над политическими оппонентам. Тактика угрозы может быть выражена в прямой или не прямой форме и содержать в себе угрозу, исходящую как от упрекающего, так и от третьего лица (социальной группы или закона). В основном выражаются угрозы лишения свободы, судебных разбирательств, дискредитации противника, нанесения ущерба имиджу оппонента, экономических санкций и режиссуры — физической расправы. В целом нам представляется абсолютно верной мысль Е. Шейгал о том, что «в угрозе сила политического противника проявляется через категоричное обещание причинить зло оппоненту и демонстрацию решимости выполнить обещанное» [Шейгал 1999: 217].

Таким образом, исследование украинского политического дискурса свидетельствует о широких возможностях реализации речевой стратегии упрека посредством тактик намека, уточнения, замечания, требования и угрозы, которые отличаются степенью эмоциональности выражения упрека и категоричности. Мы считаем, что частое использование упреков в парламентских дебатах или во время информационно-политических ток-шоу, а также богатый арсенал тактических схем можно объяснить строгой проце-

дурой, правилами поведения или сценарием, регламентирующим поведение участников политических дебатов. В большинстве случаев любые отступления от норм поведения получают негативную оценку. Считаем целесообразным дальнейшее изучение речевой стратегии упрека в сочетании с косвенными тактиками, а также описание особенностей стратегии упрека в структуре диалога политической коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. *Стенограммы* пленарных заседаний : официальный веб-портал / Верховная рада Украины. URL: <http://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr> (дата обращения: 17.01.2014).

2. *Стенограммы* общественно-политического ток-шоу «Шустер Live» : спецпроект новостного портала «Сегодня.ua». URL: <http://www.segodnya.ua/specprojects/transcripts.html> (дата обращения: 18.01.2014).

ЛИТЕРАТУРА

3. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие. 2-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2009. С. 205—222.

4. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Зарубежная политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2008.

5. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 6-е изд. — М. : URSS : ЛКИ, 2012.

6. *Каразия Н. А.* Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук. — Петропавловск-Камчатский, 2004.

7. *Левшина Н. Г.* Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: на материале выборов Главы Администрации Псковской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2005.

8. *Масленникова А. А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1999.

9. *Мулькеева В. О.* Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.

10. *Шейгал Е. И.* Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28 : Антропоцентрические исследования.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

Н. В. Шимкевич N. V. Shimkevich
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА
ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ЭРГОНИМИИ**

**DOMESTIC POLICY
OF A COUNTRY AS A FACTOR
OF CREATION OF ERGONOMICS**

Аннотация. При создании искусственных онома номинатор довольно часто имеет в виду конкретную целевую группу адресатов. Кроме того, номинатор вынужден считаться с внешними факторами, среди которых значительную роль играет государственная идеология. Активно насаждаемая идеология оставляет следы в эргонимах различных классов, и центр ее распространения по сути также является одним из адресатов информации, посылаемой номинатором.

Abstract. Creating an artificial onoma, the nominator does it often for specific target group of recipients. In addition, the nominator abides by external factors, among which is the state ideology playing a significant role. Actively brought ideology leaves its traces inside different class ergonyms, also ideology disseminating center is essentially one of recipients for information, that is sent by nominator.

Ключевые слова: эргонимия; брендинг; ономастика; идеология; адресность.

Key words: ergonomics; branding; onomastics; ideology; addressness.

Сведения об авторе: Шимкевич Николай Валерьевич, кандидат филологических наук, журналист.

About the author: Shimkevich Nikolai Valerievich, Candidate of Philology, Journalist.

Контактная информация: 620050, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 310.
e-mail: shimkevich@yandex.ru.

В настоящее время эргонимия представляет собой достаточно подробно изученный пласт искусственных онимов, хотя исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, что именно считать эргонимом и не следует ли заменить этот термин каким-нибудь другим. Автор придерживается широкого понимания термина «эргоним», соответствующего толкованию в словаре Н. В. Подольской: «Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 151]. Это определение представляется нам, с одной стороны, предельно четким, с другой — достаточно гибким, позволяющим рассмотреть на сходных основаниях не только коммерческие эргонимы (наиболее изученные к настоящему моменту), но и любые другие названия организаций и объединений.

Большинство исследователей изучают эргонимию в синхроническом ключе. При таком подходе в центре внимания оказываются названия, функционирующие в одно и то же время, обычно в одном и том же ареале. Для таких совокупностей эргонимов может быть предложен термин «эргонимическая ситуация» (совокупность эргонимов, бытующих в рамках одного временного периода, одного ареала и одной отрасли — подробнее см. здесь: [Шимкевич 2002: 10]). Ареалом обычно является город, однако ареал может быть и больше: к примеру, для названий фе-

деральных политических партий таким общим ареалом будет, безусловно, страна. Вместе с тем продуктивным представляется и диахронический подход, в том числе применительно к теме, которой посвящена данная статья. Диахроническое рассмотрение позволяет проследить формирование тенденций, их развитие, а также уточнить экстралингвистические причины их возникновения.

Следует заметить, что все три показателя (время, место и отрасль) эргонимической ситуации характеризуются определенным набором признаков, своим для каждой эргонимической ситуации, — именно поэтому мы можем говорить о региональных, отраслевых или временных отличиях, дифференцирующих эти ситуации.

О появлении принципиально новых онимов «в связи со сменой политики и идеологии, национального состава населения и социального состава правящих кругов» писала, например, А. В. Суперанская [Суперанская 1972: 349]. Эргонимия в диахроническом аспекте исследовалась в работах И. В. Крюковой [Крюкова 2004: 82—96; Крюкова 2007: 21—26]. Опыт диахронического описания также предпринимался нами [Шимкевич 2002: 66—86]. Диахронический подход дает возможность выделить характерные модели, свойственные эргонимии разных периодов (например, 1920-х, 1970-х, 2000-х гг.) Не в последнюю очередь появление и исчезновение этих моделей связано со сменой государственной идеологии.

Русская коммерческая эргонимия как система торговых марок начинает складываться на рубеже XIX — XX вв. Исследователи связывают это со вступлением России в эпоху империализма [Романова 2007: 132]. В данный период наблюдается бурный рост политической эргонимии (партии: РСДРП — 1898, ПСР — 1902, Конституционно-демократическая партия — 1905, Союз 17 октября — 1906 и др.), многие из которых появились в процессе функционирования Государственной думы Российской империи I созыва.

У политической и коммерческой эргонимии имеются общие черты и законы развития, в силу того что оба этих класса онимов являются названиями организаций, борющихся между собой за внимание адресата (покупателя, избирателя и др.). Поскольку номинаторы осознанно вкладывают в эргоним некое послание, Д. А. Яловец-Коновалова говорит о «текстовой природе» названий коммерческих предприятий [Яловец-Коновалова 1997: 11]. Текстовый потенциал коммерческого эргонима зачастую реализуется как рекламный. Подобный потенциал можно обнаружить и у политического эргонима.

К числу эргонимов можно отнести и названия различных государственных учреждений — это достаточно простые описательные формы. Из трех обозначенных сфер эргонимии государственно-канцелярская является самой древней, к этим эргонимам в наименьшей степени применимо понятие «конкуренции».

Выделим и охарактеризуем периоды развития русской эргонимии после 1917 г.

1. Футуристический период (1917 г. — 1920-е гг.). Характеризуется пропагандой «нового мира» и, как следствие, повышенным числом новообразований, чаще всего сокращений и аббревиатур (нарицательных существительных — *наркомат*, *ревком* — и имен собственных — *Коминтерн*, *ВЧК*). Характерно, что номинаторы придают значение акустическому облику слова: аббревиатура должна функционировать в том числе в устной речи, поэтому наряду с буквенным способом широко используются слоговой и смешанный (*Рабкрин* — *РКИ* < *Рабоче-крестьянская инспекция*; *Совнарком* — *СНК* < *Совет народных комиссаров* и др.).

Известно, что тяга к аббревиатурам также была присуща идеологам (номинаторам) Третьего рейха — еще одного режима, претендовавшего на создание новой идеологической парадигмы (для которой, как следствие, требовалось большое число неологизмов). В частности, В. Клемперер считал эту черту настолько важной, что даже обыграл

в названии своей книги: «*LTI. Notizbuch eines Philologen*» [Клемперер 1998] (*LTI* < лат. *Lingua Tertii Imperii*).

В рамках футуристической традиции существовала и коммерческая эргонимия периода НЭПа с широко представленной аббревиацией. В частности, в 1923 г. в Екатеринбурге фиксируются такие названия, как *УРАЛСИБГУМ*, *УРАЛОМЕС*, *ЦРК* и др. [Екатеринбург за двести лет 1923]. В целом коммерческая эргонимия обладает как гибкостью, так и определенной инертностью: характерной особенностью периода НЭПа является большое число названий предприятий, оставшихся с дореволюционного времени. Эти предприятия иногда получали послереволюционное название: *ф-ка Октябрь (бывш. Жорж-Борман)*; *Донгосфабрики бывш. Асмолова*; *Заводы бывш. „ВЭК“ в Харькове, бывш. «Динамо» в Москве*. Именно в таком виде эти названия представлены в рекламных материалах [см. там же]. Эргоним *Заводы бывш. „ВЭК“* указывает на то, что аббревиация не является прерогативой только послереволюционного времени, а вопрос об отношении числа аббревиатур к общей массе эргонимов до и после 1917 г. может стать темой отдельного исследования.

2. Раннеимперский период (1920-е — 1950-е гг.) Старые (футуристические) и новые тенденции некоторое время существовали параллельно. Коммерческая эргонимия исчезает вместе со свертыванием НЭПа, когда экономика начинает приобретать плановый характер. Политическая, в свою очередь, практически исчезает в связи с завершением периода многопартийности. В канцелярской эргонимии наблюдается показательный откат от революционных форм к дореволюционным (*народные комиссариаты* снова становятся *министерствами*). Аббревиатуры становятся менее звучными. Одним словом, именно этот период явился «ядром» классического советского канцелярита, в той или иной форме бытующего и сегодня.

Вместе с тем эргонимия данного периода не сводилась исключительно к номинативно-описательным формам. Так, эргонимия в рамках плановой экономики активно использовала форму присвоения предприятию имени какого-либо партийного и государственного деятеля (к примеру, *Уральский завод тяжелого машиностроения им. Серго Орджоникидзе* — 1935; *1-й государственный автомобильный завод имени И. В. Сталина* — 1933).

В начале раннеимперского периода формируется модель «*имени товарища ...*», впоследствии полностью исчезнувшая (*Кож-*

завод № 1 имени товарища Ленина — 1922; Харьковский электромеханический и турбогенераторный завод имени товарища Сталина И. В. — 1939; Фабрика Губишвейпрома имени товарища Володарского — 1922 и др.) «Лишний» экспрессивный элемент, не являющийся в полной мере атрибутивом, в конце концов оказался чужд системе эргонимов.

В качестве иллюстрации можно проследить эволюцию названий Конаковского фаянсового завода по зафиксированным клеймам [ЗИК фаянс Конаково]. Первое клеймо после национализации содержит надпись: *Государственная Тверская Фабрика* (1918—1919). В 1924—1927 гг. использовалось такое клеймо: *Тверская фабр. ФАРФОРТРЕСТ имени т. М. И. Калинина* (имя товарища Калинина присвоено в 1923 г.). Начиная с 1927 г. слово «т(оварищ)» из названия исчезает, в разных вариантах речь идет просто о *фабрике имени М. И. Калинина*. С 1952 г. *Завод имени Калинина* сокращается до *ЗиК*, и эта аббревиатура используется в качестве товарного знака и одновременно краткого эргонима.

Еще один яркий пример сокращения и уменьшения экспрессивных элементов — замена названия *Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА)* на *Советская армия* в 1946 г.

3. Позднеимперский период (1950-е — 1980-е гг.). Из заметных инноваций стоит отметить возвращение в планово-экономические эргонимы избыточных элементов, привносящих некоторую экспрессию и далеко не всегда связанных с родом деятельности предприятия. К примеру, если в магазине *Океан* (1976 г.) действительно продавали рыбу, то комбинат бытового обслуживания *Рубин* (1964 г.) — никакого отношения к драгоценным камням не имел [Свердловск 1983: 171—173]. В остальном отмечается следование традициям позднеимперского периода (хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя»: несмотря на безусловно разный характер внутренней политики страны в эти периоды, специфически «застойных» черт в эргонимии на обнаружить не удалось; эргонимия застоя представляется нам инерционной, следующей более ранним тенденциям).

4. Постимперский период (1986—1991 гг.) характеризуется изменениями, вызванными переходом к рынку и политикой гласности. Ономастика развивается не только в рамках заданных предыдущими периодами. Возникают эргонимы, детерминированные появлением новых общественно-политических движений, партий, фракций, религиозных сект и др. Отмечается «бурное возникновение общественно-политических организаций,

партий и движений» [Левичева, Нелюбин 1990: 150—156], ныне в большинстве своем забытых: *Социал-демократическая партия Российской Федерации*, *Социалистическая партия Советского Союза* (ныне — *ЛДПР*), *Союз Конституционных Демократов*, *Конституционно-Демократическая Партия (Партия Народной Свободы)*, *Демократический Союз* (в виде региональной общественной организации существует и сегодня) и др.

В конце 1980-х гг. снова появляется коммерческая эргонимия (Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» подписан в 1986 г., постановление Совмина СССР «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» — в 1987-м, Закон СССР «О кооперации в СССР» — в 1988 г.) Коммерческая эргонимия того времени во многом подвержена инерции периода плановой экономики. В частности, И. В. Крюкова сообщает, что эргонимы 1986—1990 гг. «однообразны и невыразительны» [Крюкова 2007: 22].

5. Либеральный период (1990-е гг.). В это время произошло формирование как политического, так и экономического рынка. В коммерческой сфере эргоним начинает осознаваться как элемент, помогающий позиционировать объект. Старые символы зачастую наполняются новым значением, отмечено частичное влияние иноязычной эргонимии (на уровне имиджевых элементов). Имеется множество работ о коммерческой эргонимии этого периода, так как этот класс онама был и остается многочисленным и наиболее подверженным изменениям.

Среди характерных черт политической эргонимии можно отметить появление целого класса внешних эргонимов, данных организации не изнутри, а со стороны, обычно конкурентами. Эти эргонимы имеют ярко выраженную пейоративную функцию, состоящую в намеренном ухудшении имиджа называемого объекта. Здесь можно вспомнить такие образцы агитаторского имятворчества, как «*Овраг*» (блок «*Отечество*» — «*Вся Россия*» после присоединения к нему *Аграрной партии* в 2000 г.) или *ЕдиОт* («*Единство*» и «*Отечество*», 2011 г.) Эти примеры, как правило, появлялись во время конкретных избирательных кампаний, использовались в СМИ и после завершения кампаний из обращения выходили.

Отметим, что руководства по коммерческому брендингу также предусматривают возможность создания негативно окрашенных внешних эргонимов и советуют создавать название предприятия таким образом, чтобы этого избежать [Москалев 1991: 173—177].

б. Квазиимперский период (2000 г. — настоящее время). Характеризуется раздробленностью идеологии и формальным цитированием старых систем. Существует небезосновательная точка зрения, согласно которой идеологией нынешней России можно считать культ прибыли и потребления, однако следы именно этой идеологии в эргонимии встречаются крайне редко — можно вспомнить разве что названия некоторых казино (после 2009 г. их деятельность на территории России запрещена, соответственно из официальных источников исчез и этот пласт эргонимии): сеть казино *Миллион*, казино *Золотая жила*, *Золотая кузница*, *Клондайк*, *Госпожа Удача* (Москва). Однако даже в этой отрасли семантика наживы не доминирующая.

Типично постмодернистскими чертами в эргонимии квазиимперского периода являются множественные стилизации под уже известные формы и клише более ранних эпох. Заметим, что это именно стилизация, игра, а не отражение экстралингвистических реалий, некогда породивших формы, послужившие образцом для подражания.

Один из таких приемов — стилизация под советские эргонимы, содержащие порядковые номера (сейчас их можно видеть, пожалуй, только в нумерации муниципальных школ, детских садов и т. п., в то время как во времена плановой экономики любой потребитель мог наблюдать, к примеру, пронумерованные магазины). Примером такой стилизации могут служить «1-й центр недвижимости», «Ресторан № 1», «Хинкальная № 1», «Кофейня № 7» (последний эргоним — название целой сети). Преобладание в нумерации цифры «1» бросается в глаза и безусловно способствует реализации семы «первый = лучший». Постмодернистской имитацией советской формы можно считать и названия типа «Главпродукт» (товарный знак и название московской компании).

Существуют реализации и более поздних форм, характерных для начала либерального периода (хотя в целом они являются продолжением дореволюционных традиций). Мы имеем в виду онимы, произведенные от фамилий хозяев компаний, настоящих, бывших либо мнимых. Постмодернизм проявился и в довольно частом появлении квазиотфамильных эргонимов, стилизованных под заведомо вымышленные фамилии, как правило, связанные с родом деятельности компании («*Сушкофф*», «*Грузовозофф*», «*Очкофф*», «*Тапкин и Шлепанцев*», «*Прическин*» и пр.). Если в действительно отфамильных онимах можно разглядеть некое честолюбие номинатора, стремление

подчеркнуть личную роль в бизнесе и, возможно, даже стремление отразить стабильность, консерватизм и традиционность (универсальный стереотип «традиция = качество»), то авторы приведенных выше квазиотфамильных эргонимов явно не стремятся ни к выделению именно своей роли, ни даже какой-либо «традиционности» названия. Подчеркнутую несерьезность, на наш взгляд, этим эргонимам придают заведомо нерусские окончания на *-офф* (здесь можно увидеть отсылки к брендам русской эмиграции — «*Smirnoff*» и др.) Классические отфамильные эргонимы продолжают встречаться и в 2013 г. («*Бельянский и партнеры*» и др.), но при беглом знакомстве с вывесками становится понятно, что они менее распространены, чем вышеуказанные квазиотфамильные.

Подобное стремление выделиться (без позиционирования объектов коммерческая эргонимия просто немыслима) с использованием заведомо не аутентичного, вторичного по своей философии и условного названия — явление мимикрии. В данном случае мы имеем дело с мимикрией незаметности. Использование мимикрии незаметности наводит на мысль о том, что есть еще один адресат, которому также направляется определенное послание (наличие двух и более информационных сообщений для разных получателей в одном знаке вполне возможно). Реакция разных получателей сообщения тоже может быть нетождественна.

В качестве примера можно упомянуть случай с челябинским кафе «*Путин*», имевший место в 2002 г. (самое начало квазиимперской эры, когда старая либеральная парадигма сменялась новой). Этот случай широко освещался в уральских СМИ, в том числе автором данной статьи, работавшим тогда репортером одной из екатеринбургских телекомпаний и специально для репортажа об этом случае выезжавшим в Челябинск. По данным мониторинга лент информационных агентств соответствующего месяца и года, а также личных наблюдений автора, история выглядела следующим образом.

Летнее кафе «*Путин*» просуществовало под таким названием около месяца. Вместе с эргонимом «*Путин*» использовались соответствующие прагмонимы: в меню кафе были шашлык «*Вертикаль власти*», молочный коктейль «*Вовино детство*» [Павлов, Захаревич, Чернолуцкий 2004], квас «*Президентский*» с медом и «*Кремлевский*» с хреном [«*Вертикаль власти*» — это шашлык 2002] и др. Когда Владимир Путин на одной из пресс-конференций продемонстрировал осведомленность об этом названии, кафе под давлением властей Челябинской облас-

ти было переименовано. После их вмешательства кафе стало называться «Пепси» (именно эту вывеску автор зафиксировал в Челябинске), а работники заведения, подтвердив подлинность сообщенных фактов, категорически отказались сделать это перед камерой. Хозяйка кафе на контакт просто не вышла — таким образом, вышеупомянутая «незаметность» была продемонстрирована в полной мере. В связи с вышесказанным важно подчеркнуть следующее: автор не помнит ни одного скандала с использованием фамилии Ельцина в качестве бренда, хотя возможности Ельцина середины 1990-х и Путина начала 2000-х как авторитарных лидеров были сравнимы и определялись одной и той же Конституцией 1993 г. Таким образом, речь идет исключительно о разнице личных вкусов и предпочтений двух президентов.

Ранее [Шимкевич 2002: 45—48] мы говорили о том, что автор коммерческого эргонима вынужден считаться со вкусами адресата (потенциального клиента). Упомянутая работа была выполнена на материале эргонимов либерального периода, поэтому роль вкусов авторитарного лидера (как еще одного адресата) была практически не актуальна и не репрезентирована в материале. Между тем при сравнительном анализе эргонимии разных периодов развития страны коммуникативные предпочтения лидеров государств становятся видны более отчетливо. В связи с этим, на наш взгляд, можно утверждать, что границы периодов российской эргонимии, указанные выше, довольно точно совпадают с периодами правления того или иного лидера.

Заметим в скобках, что симпатии Сталина к стилистике Российской империи, выразившиеся в возвращении погон и в военной форме, дизайне банкнот 1947 г. выпуска и возвращении слова «министерство» вместо «народного комиссариата» будут буквально бросаться в глаза. Системе званий и знаков различия РККА 1918—1943 гг. объективно ничто не мешало дожить до перестройки. Аналогичным образом никакого рационального смысла не прослеживается в медведевском переименовании милиции в полицию (2011 г.). Подобные примеры можно приводить достаточно долго, и все они свидетельствуют о личных предпочтениях руководителей государства, отразившихся в эргонимии и связанных с явлением мимикрии.

Если более подробно остановиться на тенденциях развития эргонимии квазиимперского периода, то идея ономастической мимикрии представляется автору достаточно плодотворной для описания целого ряда

явлений. Как и в биологии, мимикрия в ономастике может подразделяться на разные типы, ориентированные на разные группы адресатов. К примеру, указанные выше эргонимы с нумерацией, подобные советским, могут свидетельствовать о желании номинатора сделать объект значимее, чем он есть на самом деле (если есть «№ 1», значит, есть и единое множество, в котором порядок нумерации актуален). Этот тип эргонимии можно условно назвать «порядковым». Актуализируется сема «большой = стабильный, надежный». К подобной «мимикрии размера» можно также отнести эргонимы типа «Главпродукт», «Центральное ипотечное агентство» и др.

Встречаются примеры «мимикрии агрессивности», когда номинатор стремится представить предприятие более «хищным» и опасным, чем оно есть на самом деле. Такие эргонимы могут быть достаточно интересны и необычны — к примеру, в начале 2000-х было зафиксировано ООО «ФСБ» из Санкт-Петербурга, занимавшееся распространением сувенирной продукции, визуально весьма похожей на удостоверение настоящей ФСБ (продукция предлагалась через спам-рассылку по электронной почте). Также примеры «мимикрии агрессивности» можно обнаружить и в эргонимии охранных предприятий — различные названия с элементом «Альфа-» (прозрачная аналогия с *Управлением «А» ЦСН ФСБ*, более известным под неофициальным названием «Альфа»): «Альфа-Е», «Альфа-Антикриминал», «Альфа-Щит» и др. К этой же группе относится эргоним ЧОП «Рейдер».

Сам по себе прием «мимикрии агрессивности» не является ноу-хау последних лет. К примеру, в политической эргонимии конца 1980-х гг. можно обнаружить массу «фронтон»: «Байкальский народный фронт», «Уральский народный фронт», «Народный фронт за революционную перестройку» и др. [Левичева 1990: 87—89]. Назвать адресата этой эргонимии сейчас уже сложно: им могла быть как центральная власть, так и потенциальные избиратели и сочувствующие, а также спонсоры новых политических движений. Подавляющее большинство этих эргонимов исчезло из употребления вместе с самими организациями.

Возвращаясь к сегодняшней эргонимической ситуации, можно отметить еще одну специфическую черту квазиимперского периода, характерную для эргонимии официально-бюрократической. Как уже говорилось выше, общая модель советского канцелярита была заложена в имперский период, но сегодня постмодернистские методы рече-

и текстообразования проникли даже сюда. Мы имеем в виду такую специфически квазиимперскую черту, как избыточное употребление заглавных букв (ср.: «Государственная дума Российской империи» и «Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации»). В принципе это тоже один из видов мимикрии, которую можно назвать «мимикрией лояльности».

Можно добавить, что если в 1990-х — начале 2000-х избыточность употребления заглавных букв существовала неофициально либо полуофициально (к примеру, в годы существования Федеральной службы железнодорожных войск написание «Железнодорожные войска» с большой буквы было характерно для печатного органа ФСЖВ РФ, но не для остальной прессы и не для официальных документов), то сегодня написания с заглавной буквы весьма часто являются официальными юридическими обозначениями властных институтов различного уровня.

В настоящий момент, на взгляд автора, продолжается квазиимперский период существования российской эргонимии. При этом черты квазиимперского периода развились в степени, достаточной для их описания и изучения. Период правления Дмитрия Медведева радикальных новаций не привнес. Интерес представляет очередное проявление моды на неатрибутивные экспрессивные элементы (напр.: РПР—ПАРНАС < Республиканская Партия России — Партия Народной Свободы), но массового характера эти примеры не носят. Говорить о начале нового периода, на наш взгляд, пока не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Вертикаль власти» — это шашлык // FederalPost : периодическое информационное издание. 2002. 16 сент. URL: <http://fedpost.ru/lydi/206-vertikal-vlasti-yeto-shashlyk.html> (дата обращения: 26.10.2013).
2. *Екатеринбург за двести лет (1723—1923)*. Изд. юбилейной комиссии Екатеринбургского городского совета рабочих и красноармейских депутатов / под ред. В. М. Быкова. — Екатеринбург : Уралкнига, 1923.

3. *ЗИК фаянс Конаково* — Конаковский фаянсовый завод — фото клейм, каталог статуэток, марки и подписи скульпторов и художников // Инвестиции в антиквариат и коллекционирование : интернет-сайт. URL: http://www.antik-invest.ru/blog/?page_id=4343 (дата обращения: 13.08.2013).

4. *Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего Рейха*. Записная книжка филолога. — М. : Прогресс-Традиция, 1998.

5. *Крюкова И. В.* Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 120—131.

6. *Крюкова И. В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград : ВГПУ, 2004.

7. *Левичева В. Ф.* Анатомия неформального движения // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 150—156.

8. *Левичева В. Ф., Нелюбин А. А.* Новые общественно-политические организации, партии и движения // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 145—161 ; № 9. С. 87—89.

9. *Москалев А. Н., Говорков С. А.* «Что в имени...» О названиях организаций // Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 7. С. 173—177.

10. *Павлов П., Захаревич А., Чернолуцкий Б.* Маленький юбилей большого политика // ГТРК «Южный Урал». 2004. 14 авг. URL: <http://chelyabinsk.rfn.ru/rnews.html?id=9483> (дата обращения: 26.10.2013).

11. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988.

12. *Романова Т. П.* Из истории торговых марок в России // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 132—136.

13. *Свердловск* : справочник-путеводитель / сост. Н. И. Бердников, Р. И. Рабинович. — Свердловск : Ср.-Урал. книжное изд-во, 1983.

14. *Суперанская А. В.* Ономастические универсалии // Восточно-славянская ономастика. — М. : Наука, 1972. С. 346—356.

15. *Шимкевич Н. В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. / УрГУ — Екатеринбург, 2002.

16. *Яловец-Коновалова Д. А.* Названия коммерческих предприятий: ономастическая классификация и функционирование в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / ЧелГУ. — Челябинск, 1997.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'23
ББК Ш100.63

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

В. А. Буряковская
Волгоград, Россия

V. A. Buryakovskaya
Volgograd, Russia

ПРОТИВОСТОИТ ЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МАССОВОЙ?

IS AUTHENTIC FOLK CULTURE OPPOSED TO MASS CULTURE?

Аннотация. Рассматривается вопрос заимствования чужих культурных смыслов и ценностей. Проводится сопоставительный анализ типичных для русской и англосаксонской культур ценностей; рассматривается негативная роль массовой культуры в изменении сложившейся национальной картины мира русского народа.

Abstract. The article is devoted to the question of borrowing alien cultural codes and values. The comparative analysis of the typical Russian and Anglo-Saxon values is carried out; the negative role of mass culture in changing authentic Russian picture of the world is considered.

Ключевые слова: культурные смыслы; ценности; массовая культура; этническая культура; глобализация.

Key words: cultural codes; values; mass culture; ethnic culture / authentic folk culture; globalization.

Сведения об авторе: Буряковская Валерия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

About the author: Buryakovskaya Valeria Anatolyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Place of employment: Volgograd State Social and Pedagogical University.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр-т Ленина, д. 27, к. 4-23.
e-mail: vburyakovskaya@yandex.ru.

Многочисленные работы отечественных исследователей по лингвокультурологии, социолингвистике и психолингвистике постулируют неразрывную связь национального языка с культурой говорящего на нем народа, а также закреплённость в языке основных культурных доминант. Будем рассматривать массовую культуру с точки зрения этнопсихолингвистики, поскольку массовая культура носит глобальный характер, она наднациональна, а формы ее проявления могут быть потенциально конфликтны для этнической культуры.

В русской культуре и языке значимость имеют такие концепты, как Справедливость, Правда, Добро, Судьба, Воля, Тоска и Удаля. В ментальности народа эти концепты выражаются следующим образом: **Истина** принадлежит Богу, она отвлеченная и холодная (*познать истину*); **Добро** находится внутри нас, мы судим о добре, исходя из намерений (*делать добро*); **Долг** — внутренний голос, совесть; **Воля** не желает знать границ и не понимает чужих прав; **Душа** — средоточие внутренней жизни человека, самая важная часть человеческого существа (*на душе, в душе, русская душа, душа болит, добродушный, бездушный*); **Судьба** — рок, фатум, фортуна; доля, участь, удел, жребий (*решается судьба, судьбы не миновать, от судьбы не уйдешь*) [Булыгина, Шмелев 1997: 484—490].

Экспликация ценностей русской культуры возможна через анализ сочетаемости этнонима *русский*. Словосочетания *русская душа* и *русская душевность* содержат в своем значении целый ряд ассоциаций: «нечто высокое, нематериальное», «не зависящее от денег», «человек с русской душой в первую очередь заботится о ближнем». В этом примере *русское* на основе дихотомии «свои — чужие» противопоставляется *западному* с его материальными ценностями.

Англичане и американцы, традиционно ассоциирующиеся в массовом сознании с Западом, руководствуются иными ценностными ориентирами. Для англосаксонской культуры принципиально важными являются **Individualism** (physical and emotional self-dependence, a separate identity, freedom of choice, privacy); **Equality** (equality of opportunity, people are not equal in wealth, education, background, etc.); **Self-reliance** (fear of dependence); **Self-assertion** (assert oneself in order to protect one's own rights; God helps those who help themselves; If you don't look up for yourself, no one else will; You have to blow your own horn; active mastery rather than passive acceptance); **Concern for rights and privileges** (think of rights rather than duties); **Success, Achievement; Pragmatism; Anti-intellectualism** [Connor 1977: 56].

Восприятие ценностных доминант чужой культуры осложняется «различной прорабо-

танностью» предметных источников метафор и сравнений: «Смех неприятия чужой культуры возникает в тех случаях, если предметные источники метафор и сравнений „проработаны“ в двух культурах с диаметрально противоположных оценочных позиций, если при тщательной „проработке“ в одной из культур исключительно под знаком положительной оценочной модальности те же самые объекты в другой культуре остаются незамеченными или скорее оцениваются отрицательно. Тем более, что для прямо противоположной оценки одних и тех же объектов в разных культурах существует глубинное, онтологическое объяснение специфики эстетического восприятия» [Толстая 1995: 125].

Естественно предположить, что заимствование чужих культурных доминант может привести к вытеснению родных культурных смыслов и ценностных ориентаций в сознании говорящего коллектива. Свидетелями именно такого процесса мы сейчас и являемся: российское общество активно заимствует не только чужие модели поведения, но и, незаметно для себя самого, перенимает чужие ценности. По нашему мнению, это связано с несколькими объективными причинами, а именно с распадом СССР и крахом коммунистической идеологии, которая на протяжении десятков лет господствовала в массовом сознании; переходом к рыночной экономике и изменением государственного устройства. Кроме того, отказ от своих ценностей связан и с общей мифологизацией Запада как некоего «рая» на земле, ассоциирующегося с материальным благополучием и отсутствием проблем. Резкая официальная критика капиталистического общества, наряду с рассказами о многочисленных «сортах колбасы», только подогревала жгучий интерес советских людей, порождая желание приобщиться к «запретному» образу жизни. Создавался стереотипный образ Запада, в котором преобладали идеализированные представления, полностью расхоdivшиеся с официальной пропагандой. Стереотипы, как известно, обладают устойчивостью. В свете этого неудивительна относительная легкость проникновения и принятия чужих ценностей, а в некоторых случаях — и полный отказ от своих исконных.

Запад для многих является ориентиром, образцом правильного стиля жизни. Мы все время оглядываемся на Запад, сравнивая себя с «ними», причем сравнение часто оказывается не в свою пользу. Нам хочется походить на европейцев, и мы с легкостью отменяем свою культуру, абсолютно не осознавая ее уникальности. Мы копируем «их»

образ жизни или его элементы, не пытаюсь задуматься, подходит ли это нам. Это как раз тот случай, когда меняются полюса оценки культурологического признака «свое — чужое»: «свое» отмечается в пользу «чужого». Об этом свидетельствуют и стереотипы массового сознания, закрепленные в речевых штампах: *Во всем цивилизованном мире; На Западе; Что мы хотим, у нас все так... Как принято на Западе; У них-то...; Весь мир так живет.* Обратим внимание на кажущуюся размытость и смысловую неопределенность семантики данных речевых штампов: какие конкретно народы и страны мы имеем в виду, когда говорим «Запад», «весь мир» или «весь цивилизованный мир»? Наверняка мы не подразумеваем Бразилию (хотя она находится в западном полушарии) или африканские страны (тоже являются частью мира). Мы имеем в виду так называемые развитые страны — США, Великобританию, Францию, Германию. Эти распространенные высказывания говорят не только о наличии самоуничижения в сознании русскоговорящего коллектива, но и о желании иной идентичности.

Упомянутые выше речевые штампы представляют собой стереотипы, а как справедливо замечает А. Д. Васильев, «навязанный вербально выраженный стереотип представляет собой некий суррогат результата подлинного, непосредственного познания действительности, да и ее самой — тоже» [Васильев 2013: 11]. Рассуждая о мифологеме «Запад» на примере внедрения в сознание советско-российского социума двух антонимичных (и при этом комплементарных) импортных метафор *свободный мир* и *тюрьма народов*, исследователь убедительно демонстрирует «реальные последствия взаимной замены компонентов универсальной семиотической оппозиции ‘свое’/‘чужое’ (в других модификациях также ‘хорошее’/‘плохое’, ‘сакральное’/‘профанное’ и т. д.): ‘свое’ стало восприниматься как ‘плохое’ и, напротив, ‘чужое’ — как ‘хорошее’» [Там же: 14].

В связи с этим вспоминается «этнически нагруженная» пословица: *Что русскому — здорово, то немцу — смерть.* Не только народная мудрость применима для описания той ситуации, которая сложилась сегодня в русской лингвокультуре. Глобализация стирает этнические различия. По нашему мнению, правильнее было бы говорить не о глобализации, а о вестернизации многих стран, в том числе и России. Глобализация — удобный нейтральный термин, своего рода эвфемизм, обозначающий мирное навязывание определенных западных ценностей

и общественных практик. С учетом советского прошлого и нового курса на рыночную экономику, некоторые западные ценности достаточно хорошо приживаются, хотя в культурном плане противоречат исконно русским, т. е. этническим. Среди таких ценностей стоит назвать материализм, конкуренцию, ориентацию на достижение успеха и индивидуализм. У тех людей, которые стали больше идентифицировать себя с западным обществом, эти ценности не вызывают внутреннего конфликта. Такие люди руководствуются ими в своей жизни и вряд ли задумываются, насколько подобные идеалы встроены в русский контекст. Однако для определенной части общества обозначенные ценности являются чуждыми и противоречат приобретенным в советском обществе установкам, которое, как ни парадоксально это звучит, больше отвечало этническим ценностям русского народа (примечательно, например, распространение такой ценности, как коллективизм).

Вслед за Н. Г. Хорошкевич мы полагаем, что критический подход к массовой культуре предполагает критику выдвигаемых ей ценностей — материализма и гедонизма, их доминирования над моральными ценностями. Возможные негативные последствия господства массовой культуры для индивида заключаются в невозможности постоянно «соответствовать» нужному стилю жизни и увеличивающемся от этого дискомфорте [Хорошкевич 2011: 113]. Не умаляя роль семьи, которая по-прежнему является первичной группой социализации личности, нельзя не принимать во внимание силу воздействия, оказываемую на человека с помощью СМИ. Массовая культура, транслируемая с их помощью, является одним из источников формирования чуждых для нашей этнической культуры ценностей.

Наибольший негативный эффект популяризации массовой культуры в нашем обществе видится в возможном негативном влиянии на языковое сознание и формирование идей, не соответствующих этническим константам [Бубнова 2011: 68]. Так, И. А. Бубновой был проведен ассоциативный эксперимент, направленный на выявление силы воздействия популярных телешоу на образ мира современных россиян. Один из выводов, который делает автор, звучит так: полученные результаты не просто подтверждают выдвинутые гипотезы, но достаточно ярко демонстрируют, что в последние десятилетия массовая культура вполне успешно манипулирует сознанием людей, «конкурируя» с культурными ценностями этноса, приводя к деструкции личности и неуклонно изменяя тот образ мира народа, который складывался

веками [Там же: 70]. Необходимо отметить моральную деградацию современного российского общества, которая констатируется представителями самых различных наук.

Таким образом, столкновение русских этнических ценностей с теми, которые активно пропагандирует массовая культура, можно выразить следующим образом: **духовность vs. pragmatism; коллективизм vs. individualism; долг vs. success; судьба vs. self-reliance**. Следует также отметить, что в русской культуре **anti-intellectualism** никогда не являлся ценностью, в то время как в англосаксонской культуре это одна из максим. Массовая культура открыто эту идею не пропагандирует, но исподволь насаждает: усредненность, развлекательность, незамысловатость, идейная простота не подразумевают глубоких раздумий. Такая конфликтность может быть объяснима историческими и религиозными причинами — противоположностью православного смирения перед судьбой и протестантской этики, которая учит полагаться на себя.

Еще относительно недавно такие слова, как *карьерера, карьерист, амбициозный, агрессивный* имели в русском языке негативную коннотацию. Сейчас же ситуация изменилась — без должной амбициозности нельзя сделать карьеру, а агрессивное продвижение товаров только приветствуется. А. В. Юревич так рассуждает на эту тему: «Если говорить о России, то специфика нашего менталитета известна из работ наших ученых и философов, классических и современных. Можно упомянуть, в частности, коллективистские тенденции. Для американцев или других носителей западного мышления, основанного на индивидуализме, рыночные отношения — это одно, а для наших коллективистских традиций — совершенно другое <...>. В европейском и американском обществе богатство воспринимается позитивно, а у нас оно никогда не культивировалось, в том числе и благодаря особенностям православия. В результате богатство большинством российского населения воспринимается негативно само по себе — отсюда и наше отношение к богатым людям. Другая наша особенность — стремление к справедливости. Мы считаем, что мир должен быть устроен справедливо, что справедливо должны распределяться собственность, доходы. На этом фоне появление большого числа людей, которые заработали состояния явно несправедливыми способами, действует очень раздражающе» [Юревич 2012].

Преломление западных ценностей в российском обществе имеет катастрофические последствия: достижение успеха под-

крепляется «ненужностью морали», бандиты становятся «респектабельными бизнесменами», свобода и антиинтеллектуальность понимаются буквально (изобилие низкопробной литературной и кинопродукции, «желтой» прессы, отсутствие в бесплатном доступе развивающих ТВ-передач и т. п.).

В общем можно утверждать, что массовая культура сознательно формирует потребности индивида, в основе которых лежит материализм, нацеленность на удовольствие и престижность. Распространение массовой культуры и ряд других объективных процессов привели к сдвигам в сложившейся в советское время системе ценностей, в результате чего сегодня ценности не так гомогенны, как прежде. Сейчас, в условиях полиментальности, сосуществуют разные системы ценностей — и прозападная, и советская, и этнически ориентированная. Внутри современного российского общества каждая из этих систем по-своему конфликтна. Массовая культура, возникшая в западном обществе, тем не менее, имеет наибольший охват аудитории и мощную систему трансляции своих «продуктов», в том числе и нематериального характера, т. е. ценностей и культурных кодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнова И. А. Массовая культура и ее роль в формировании образа мира современной русской молодежи // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 64—71.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. — М. : Языки русской культуры, 1997. — С. 481—490.
3. Васильев А. Д. Заграничные истины: свободный мир vs. тюрьма народов // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 12—21.
4. Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. — М., 1995. — С. 124—127.
5. Хорошкевич Н. Г. Неоднозначность массовой культуры // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 111—117.
6. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Психологос : энцикл. практической психологии. 2012. 23 апр. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/nravstvennoe_sostoyanie_sovremennogo_rossiyskogo_obschestva (дата обращения: 12.10.2013).
7. Connor J. W. Tradition and Change in Three Generations of Japanese Americans. — Chicago, 1977. P. 45—65.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик

УДК 821.163.2.09
ББК ШЗЗ(4Бол)64-3

ГСНТИ 17.82.30

Код ВАК 10.01.03

М. Горчева M. Gorcheva

Кърджали, Болгария Kardzhali, Bulgaria

**У ОДЕССКОЙ ЛЕСТНИЦЫ:
РУССКИЙ КАНОН В ЦИТАТНОЙ
СТРАТЕГИИ ПОПУЛЯРНОЙ
БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Аннотация. Дается критическая оценка стратегии аллюзий на канон русской классики в творчестве таких популярных болгарских авторов последних лет, как Алек Попов, Радослав Парушев, Райна Маркова, Юлий Давидов. В фокусе их внимания — произведения Федора Михайловича Достоевского, а также новейшая литература, представленная Виктором Пелевиным. В динамическом контексте новой болгарской литературы эти имена являются знаком абсолютного авторитета и вытесняют традиции болгарской литературы, в то же время иницируя поиск новых моделей повествования и нового типа героя.

Ключевые слова: классический канон; русская литература; болгарская литература; популярное искусство; литературный проект; цитатность.

Сведения об авторе: Майя Горчева, преподаватель истории болгарской литературы.

Место работы: Пловдивский университет — филиал в г. Кърджали (Болгария).

Контактная информация: 6600, България, гр. Кърджали, бул. «Беломорски», № 26.
e-mail: mayagorcheva@abv.bg.

**AT ODESSA STAIRS:
RUSSIAN CANON
IN CITATION STRATEGY
IN POPULAR BULGARIAN LITERATURE**

Abstract. This is a critical review of the strategy of allusion on the Russian classical literature canon used in the works of such popular Bulgarian writers as Alek Popov, Radoslav Parushev, Raina Markova, Yuli Davidov. In the focus of their attention we find the works by F.M. Dostoyevsky, as well as the works of modern writers like V. Pelevin. These names are the absolute authority in the dynamic context of the new Bulgarian literature, they force out traditions of Bulgarian literature, and at the same time stimulate the search for the new models of story-telling and for the new type of hero.

Key words: classical canon; Russian literature; Bulgarian literature; popular art; literature project; citation.

About the author: Maya Maja Gorcheva, Teacher of the History of Bulgarian literature.

Place of employment: Plovdiv University — Kardzhali branch (Bulgaria).

Упоминания русской классической литературы частотны у некоторых выдающихся болгарских авторов последних лет — Алека Попова, Радослава Парушева, Райны Марковой и Юлия Давидова. В фокусе их внимания имя Фёдора Михайловича Достоевского; новейшая литература представлена именем Виктора Пелевина. Цитаты демонстрируют, что русский литературный канон остается неизменной ценностью в болгарском читательском и писательском сознании. За исключением отсылок к Ф. М. Достоевскому, в основном цитируют авторов XX, а не XIX в.^[1] То же самое обнаруживаем и в академических литературоведческих исследованиях^[2]. Болгарская русистика плывет в кильватере высоких образцов, точно соответствующих писательским предпочтениям, иначе говоря, «высокая литература» до сих пор пользуется и в обиходе, и в научном сообществе высоким авторитетом, беспрекословным и не поддающимся пересмотру, хотя современные русские писатели относятся к классическому канону гораздо более свободно.

Первая часть заголовка нашей статьи включает в себе итог романа «Бесподобные» («Безподобните») Райны Марковой и Юлия Давидова (2011) — конец странство-

ваний героини Уники, сводившихся к поездке на биоинженерную фирму в Финляндии и встрече со своим виртуальным собеседником по кличке «Слупер» на полпути, в Одессе. На Одесскую лестницу героиня смотрит сверху. Одесская лестница — культовое место из киноленты Сергея Эйзенштейна и кинообраз, который символизирует в равной мере вершину (классического) авангардного искусства, энергию революции и абсолютный (классовый и кассовый) успех популярного кино.

Попробуем изложить исходные посылки нашего исследования: русская классика служит знаком высоких (эстетических) образцов в современной болгарской литературе, знаком, в котором соединяются престиж эстетического с коммерческой популярностью, — это классика с печатью успеха.

Положения нашей работы, как и эмпирические данные, относятся к сфере актуальной литературы, поэтому литературно-теоретические заключения пересекаются с жанром критического обозрения и даже с непосредственными читательскими реакциями. Пока в поле современной литературы не проведены четкие границы, каждая попытка рефлексии не претендует на установление окон-

чательной истины. Не обязательно пытаться дать исчерпывающее изложение вопроса, сделать окончательные выводы. Наблюдения должны быть обоснованными, поскольку их объектом являются литературные тексты, получившие широкую известность и отзывы авторитетных критиков.

Предсказуемо, что выдающиеся болгарские романисты ссылаются на русских классических писателей, ведь произведения последних — неотъемлемая часть фонда литературы. По этой причине отсылки к авторитетным русским сочинителям встречаются и в текстах авторов, принадлежащих к другим культурам и пишущих на других языках. Подобное явление характерно и для русской литературы новейшего времени. Однако болгарские авторы, у которых есть ссылки на Достоевского или Хармса, часто не упоминают о собственных, болгарских классиках. Например, если Парушев упоминает образ патриархальности и бедности, это сделано с целью высмеять устаревшие представления. Из-за брезгливого отношения к собственному канону новейшая болгарская литература оказывается как бы вырванной из парадигмы национальной традиции и явно тяготеет к некоему вненациональному всеобщему центру (хотя желание порвать с традицией еще не означает приближение к наднациональному).

Дело не только в иронизировании над болгарской литературной традицией, тема цитирования литературных авторитетов гораздо сложнее. С одной точки зрения, новые сюжеты абсорбируют чисто символическую ценность классики. За счет присутствия в повествовании имен персонажей классических произведений дается имплицитная оценка современного сюжета. Это ничего не прибавляет ни к стереотипному представлению о «сильном авторе», привязанном к русским классикам, ни к интерпретации цитат. Вспомним рекламно-медийное определение русской литературы Владимира Сорокина как «бренда» [Кормилова 2004]. Однако есть второй аспект рассмотрения данной проблемы, который выявляется при сопоставлении новой болгарской литературы с новой русской. При этом можно задать следующими вопросами: каким образом в каждой из них приводятся цитаты из классики? Как инкорпорируется литературная память в рефлексию над настоящим?

ОПЫТ ТРЕХ РОМАНОВ

Роман «Бесподобные» Райны Марковой и Юлия Давидова (2011) подавляет — и удручает — своей цитатной сгущенностью. Обилие разноязычных авторов почти приво-

дит к «нечитаемости». Все имена в этом цитатном коллаже берутся из предполагаемого тезауруса мирового модернизма, кроме того, на отбор авторов повлияла драматичность их биографии. Это можно продемонстрировать на примере имен пациентов клиники Слупера (то ли чеховская палата № 6, то ли Паноптикон Иеремии Бентама): Камю, Фолкнер, Беккет; дежурят по столовой Осип Емельянович или Музиль и т. д. Развитие сюжета сопровождается появлением имен из сферы не только литературы, но и гуманитаристики, антиутопий, социальной инженерии и социальной критики, сжато в тисках между психиатрическими терминами и компьютерным сленгом. Роман говорит о страхе деидентификации в мире не поддающихся осмыслению биотехнологий (это повод для цитирования романа В. Д. Дудинцева «Белые одежды») и дигитализации, удушающей, как лента Мебиуса (конечно, лента тоже отмечена в повествовании).

Когда мы перечитываем цитаты, невозможно (да и ненужно) отдавать предпочтение русским, хотя имя соавтора прямо указывает на «восточную» направленность референций^[3]. Все цитаты — это поиск (литературной) альтернативы фантомным подобиям цифрового мира. В финале романа героиня пытается найти новое пространство. Подготавливаемая, но не состоявшаяся встреча у Одесской лестницы — это воплощение стремления уйти «offline» — «off» всяких общностей, рамок, футляров, ограничений, хотя перспектива стать программисткой и кодером где-то в Финляндии означает получение престижной социальной роли.

На этом цитатном фоне повествование Алека Попова выглядит гораздо более интригующим, но и оно характеризуется «высокой цитатной температурой» постмодерна. Оно насыщено не только образами художественной литературы, но и журнальными новостями, упоминаниями о политических событиях или лидерах, при этом в тексте представлен весь эстетический диапазон — от высоких образцов до массовой культуры, как в эссе с довольно броским заголовком «Бритни, Хомский и я»^[4]. Эксплицитное сопоставление американского, русского и болгарского писателей по образцу излюбленных национально-ролевых анекдотов содержится в эссе «Литература и стресс» («Литература и стресс»), в начале которого дается ссылка на роман-эссе Игоря Яркевича «Литература и секс»^[5]. Алека Попова можно назвать самым стойким приверженцем болгарской классики за прямые отсылки к претекстам Алеко Константинова (в романе «Миссия Лондон», 2001) или Светослава

Минкова (в романе «Черный ящик» — «Чернота кутия», 2007, — а также в «рассказах ужаса и абсурда»), несмотря на постоянную иронию по поводу клише о «национальной неповторимости», которая принимает такие кулинарные формы, как пристрастие к кислой капусте или острому перцу^[6]. Алек Попов травестирует сюжеты, переделывая и переписывая классические болгарские. При этом всегда рядом присутствуют и имена всемирно известных авторов, таких, как мастер хоррора Стивен Кинг.

Русские имена появляются в сюжетах, связанных со стереотипами настоящего или с «мифологией перехода» (в сборнике «Мифология перехода» — «Митология на прехода», 2006). Неудержимое пародирование, как и алогизм сюжетных поворотов, сближают фикциональность Попова с тем, что предлагают Пелевин или Сорокин. Они сходятся и в установке на фантастический абсурд, хотя многого недостает болгарским сюжетам, чтобы достичь жгучего сарказма Пелевина или такой же степени изуродованности изображаемого мира, как в произведениях Сорокина^[7]. Другая общая черта — это способность довести медиальный и дигитализованный мир до абсурда. Но у Алека Попова есть и характерное ощущение поколения: этот мир лишь «одна из возможных версий мира», т. е. история не закончена, напротив — многому предстоит случиться, и писатель принимается гадать, каким будет новый век (эссе «Intro»).

У Попова видим ту же цитатную преданность имени Достоевского. В рассказе «Ниневия» есть персонаж по имени «Фьодор Михалич», хранящий атомный код (кстати, активировать код его болгарский попутчик в поезде. Автор сопоставляет стереотипы о национальном характере). Название рассказа-анекдота «Крокодил» повторяет название произведения Ф. М. Достоевского. Новый автор, видимо, попадает в текст классика, не подозревая об этом и не намереваясь создавать интертекстуальный мостик. Однако получается так, что новый сюжет «соскользнул» в самую анекдотическую сексуальную банальность.

Моделирующий пародийные и хоррор-сюжеты Алек Попов (родился в 1966 г.) причисляется к самым успешным ныне авторам в Болгарии. Он один из «экспортных» писателей, его переводят за рубежом, он участвует в литературных фестивалях и семинарах; также он был аниматором групп для «творческого писания» подростков. В его биографии была также стажировка в лайфстайл-журнале «Эгоист» в качестве автора и редактора.

С журналом «Эгоист» связана и писательская карьера Радослава Парушева (родился в 1975 г.). Хотя по профессии Парушев адвокат, он входит в литературные круги и участвует в хеппенингах. Он один из членов группы «Быстрая литература»^[8], которая оказалась единственной, сформировавшей четкую «физиономию» среди новейшей болгарской прозы.

О верности русской классике у Парушева свидетельствует название его романа «Project Достоевский» (2009). Это говорит также и о сиюминутной, проектной (и абсолютно неклассической) гипотезе о том, что есть литература и писательство. Эта книга стала вторым проектом писателя после сборника рассказов «Project Gigamon» (2006). Напомним, что недавно Б. Акунин сообщил о конце *проекта* о Фандорине и объявил о начале разработки новой темы, используя ту же метафорику (или указывая на самую суть дела?)^[9].

Цитатные цепочки отыскать легко, так как Парушев любит связывать эпизод или описание с литературными подобиями. В повествовании от первого лица он часто дает оценку другим авторам, причем литература и поп-культура сосуществуют^[10]. С запальчивостью неопита в писательском деле фикциональный «я» говорит о своих кумирах, которыми являются как «плохой дяденька» в европейской литературе Умберто Эко, так и рок-легенда Мик Джаггер: обоих считают хулиганами, каждого на своем поприще («Преследване-презареждане» из сборника «Смерть — не для каждого» («Смъртта не е за всеки», 2012)). Повествователь, щеголяя цитатами, бравирует имплицитным сравнением, что роль «дурных детей» в болгарской литературе исполняет он сам и вся группа «Быстрая литература», ориентированная на молодых читателей. Она приобрела известность благодаря медиа «лайфстайла», хотя тексты «Быстрой литературы» высмеивают «лайфстайл». Проектность — тоже часть социального опыта и карьеры этого поколения.

ТЕКСТ ДОСТОЕВСКОГО В МЕДИЙНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ УСПЕХА

Принцип повествования Парушева — любование строением рассказа, разыгрывание вариантов развязки (у Пелевина, например, такого любопытства совсем нет — есть бесконечность новых и новых срывов в инфернальное). Для Парушева характерны как робость перед литературными авторитетами, так и большое желание примкнуть к ним. Фигура Достоевского — это икона, и именно в таком качестве русский писатель включается

ется в новые сюжеты. Так, роман «Project Достоевский» (2009) показывает встроенность литературной классики в абсолютно неклассическую и нелитературную корпоративную современность. В соответствии с общеизвестным сюжетом о перемещении в другие времена герой — специалист филиала международного банка — оказывается в комнате Достоевского, читает неизвестную рукопись (продолжение «Братьев Карамазовых») и в конце концов соединяется в нежной любви с дочерью Достоевского. Проект заканчивается по правилам «морфологии волшебной сказки», а начинается с репортажа о сбывшейся утопии некоего «Прекрасного нового мира», в котором, кстати, автострады носят «литературные» названия: Кортасар, Воннегут... Какой проект стоит за романом «Project Достоевский»? Проект романа и литературного успеха? Или проект сохранения цельности «я» наперекор технологическому и корпоративному благоденствию?

Это произведение перекликается с выдающимися романами и авторами русской литературы сегодняшнего дня, в первую очередь с детективом «Ф. М.» Б. Акунина, опубликованным в 2006 г. (на болгарском языке он стал известен в переводе Софии Бранц, выпущенном в 2007 г. издательством «Единорог»). При этом рукопись, написанную в стиле Достоевского и на его темы, приводит еще Владимир Сорокин в романе «Голубое сало», 1999 (болгарский перевод — «Лазурната мас», опубликован в журнале «Факел», 2000, кн. 1, 2, автор перевода — Иван Тотоманов). В романе «Ф. М.» детектив-аристократ пытается собрать все части утраченной рукописи, доставленной в конце концов для прочтения. Это параллельный криминальному сюжету микротекст, свидетельствующий о стилистическом мастерстве и гибкости пера Акунина. Из текста становится ясно, что рукопись имеет значение только для аукциона литературных автографов; сам писатель оставляет ее, чтобы написать другой, настоящий свой роман — «Преступление и наказание». Имитация рукописи не нравится ни фикциональному Ф. М. в романе Акунина, ни яппи Радослава Парушева. Оба имитатора недовольны своим письмом, но корпоративный адвокат недоволен и корпоративным проектом жизни.

Болгарский автор выбрал роман «Братья Карамазовы», чтобы «изобрести» пророческое продолжение, исходя из настоящего. Классика проникает в сюжетное время, предлагая в противовес современным абсолютно другие принципы миропонимания и человеческого бытия. И если отрывок ничем не напоминает стиль писателя, то ценность

его как знака классики является абсолютной, он становится центром антиутопическо-нонсенсной критики штампов успеха и жизни поколения «Блэкбэрри» с начала 2000 г. Яппи Парушева скорее является вариантом известного типа русской классики — «героя нашего времени» (эту модель можно восстановить также в романах «Бесподобные» Р. Марковой и Ю. Давидова или «Черный ящик» А. Попова). Выход для него — это уйти прочь от системы, что может осуществиться благодаря литературе.

В романе Парушева разыгрывается и ситуация ажиотажа в массмедиа после открытия рукописи. Рукопись, да и сама литература становятся «хитами», их обсуждают в новостях по телевидению, используют в рекламах. Тем самым опровергается, что литература ни к чему не годится в наше время: оказывается, она нужна копирайтерам, как рассказывает и В. Пелевин в «Generation П». Сюжет, смешивающий корпоративный блеск с иронией и романтическими ожиданиями счастья, какой мы видим в «Project Достоевский», складывается из повествовательного разворачивания конвенций, подобно тому, как разворачивает сюжеты В. Пелевин, доводя их до абсурда (и эзотерики).

«НОВАЯ БОЛГАРСКАЯ» И «НОВАЯ РУССКАЯ» ЛИТЕРАТУРЫ: ГОМОЛОГИЯ ИЛИ ОПЫТ ПРИБЛИЖЕНИЯ?

На примере разобранных трех романов, относящихся к новейшей болгарской литературе, видно, что у нас знают русскую классику и ссылаются как на нее, так и на одного из самых известных сегодня писателей — Виктора Пелевина (Парушев ставит его в один ряд с успешным (в том числе в болгарских переводах) чешским писателем Михалом Вивегом, а также с Умберто Эко и Мартином Эмисом).

В конце предыдущего раздела статьи мы указали на общность в строении фикциональных «подделок» подлинной рукописи Ф. М. Достоевского, что для болгарского романа дает возможность выдвинуть иное понимание «проекта» жизни и индивида. Далее мы рассмотрим в сопоставлении другие общие темы. Русские и болгарские писатели помещают литературную классику в рамки современных массмедиа. При этом болгарские авторы не скрывают связи с пелевинской пародией на окружающее.

И у русского, и у болгарского автора литературные цитаты соседствуют с именами из поп-культуры. Но сравнение выявляет также, что Пелевин использует имена, ассоциирующиеся с самыми актуальными и радикальными литературными и философскими

ми «проектами», такие как Мишель Уэльбек, Ги Дебор^[11] и др. Базовой для него является восточно-буддийская тематика, которая в болгарском понимании связывается прежде всего с именем Сэлинджера или с поэзией хайку (о значении дзен-буддизма еще для русского концептуализма 1960-х гг. см.: [Лейдерман, Липовецкий]).

Авторы принадлежат к разным поколениям (Парушев на 10—15 лет моложе Виктора Пелевина), хотя молодые и уважают культовых «стариков». Поколение «П» легко нырнуло в медиально-дигитальную эру «позиционирования». А поколение «Быстрых» надеется вырваться из нее. У них другие события — техно-парти, о которых рассказывают тексты писателей «Быстрой литературы». Старшие оказались безжалостными в своем сарказме и критике.

Интересно сравнить мифологическую тематику в современных русской и болгарской литературе на примере пьесы Пелевина «Шлем ужаса» (2006) и романа Георгия Господинова (родился в 1968 г.), одного из популярных болгарских авторов последних десятилетий^[12], «Физика тоски» («Физика на тъгата», 2011). Восстанавливая критский миф о Минотавре, Г. Господинов строит роман «Физика тоски» на лейтмотивных для всего своего творчества темах детства и социализма и повествует о меланхолическом итоге современности в виде безличности множественного субъекта. Писательская интерпретация мифа болгароцентрична, поскольку в преображениях Минотавра заключено чередование именно болгарских поколений вплоть до усталости от физической лабиринтообразности мира и растерянности, когда вдруг открылись широкие горизонты постиндустриальной беспечности. Мифический прообраз лабиринта отражается в бесконечном лабиринте маленьких историй, какие есть у каждого индивида, идущего из постиндустриализма.

Множественность пелевинского Минотавра («Шлем ужаса») объединяет Астерия с анимационным Астериксом; «Chicago Bulls» превращается в «Bull Gates», и этим выдает свое цифровое порождение. Пелевин рассказал миф, погрузив его в интернет-чат, и попробовал на основе загадочности древней истории сделать еще одну вариацию на кафкианскую тему безумия абсурда. Новое сообщество, порожденное новыми технологиями, как и новая изолированность, позволяют парадоксально сблизить жизненную ситуацию каждого с положением мифологического персонажа.

Обе вариации написаны в разных жанрах и разными стилями, и если попытаться

найти сходство, то оно проявляется в чувстве «нехватки» и экзистенциальной разрозненности. Общим является также подход авторов, подменяющих рассказ о случившемся рассказом о рассказах о случившихся историях (у болгарского автора) или комментарием абсурда (у Пелевина).

В качестве четвертого примера новой болгарской литературы остановимся на случаях фантастического и условного моделирования сюжета (например, роман Момчила Николова, также участника «Быстрых», — «Круглая рыба» / «Кръглата риба», 2008). К социально-медиальным антиутопиям примыкают и другие оригинальные и неожиданные сюжетные ходы так называемых фантастов. Вместо тоталитарных антиутопий нынешние авторы моделируют антиутопии медиальности и подобия. Обычно фантасты не попадают в поле зрения литературной критики, хотя фантастика — это очень динамичное литературное направление (фантастика хорошо описана в Сети, например, на сайте о болгарской фантастике: [БГ-Фантастика]), а экспериментирование пелевинского типа ясно дает понять, что условное отделение серьезной литературы от беспочвенной умозрительной экстраполяции в рамках «фантастики» теряет смысл. Авторитет русской литературы может послужить толчком к более пристальному изучению антиутопической линии начиная с 1980-х гг. в болгарской литературе. Это направление представляют романы Евгения Кузманова («Чайки далеко от берега» — «Чайки далеч от брега», 1986), Бориса Христова («Отец яйца» — «Бащата на яйцето», 1987; «Слепая собака» — «Сляпото куче», 1990) и других авторов, а также отзыв Миглены Николчиной «Человек-утопия» («Човекът-утопия», 1991)^[13].

Классическая литература и особенно литература, освященная именем Достоевского, способна служить защитой и контрударом против медийного окружения симулякров, а также панацеей — такая «библиофильская» утопия прослеживается в целом ряде произведений новых болгарских авторов. У русских авторов нет ни следа утешения аля Рэй Брэдбери в тайном сохранении книг, ведь литературная классика — это ящик, из которого можно достать изощренный слоган для рекламы, притом с привкусом русской аутентичности, как безжалостно во всеуслышание заявляет кризитор из «Generation П» Пелевина. Впрочем, такое (не)почтительное употребление всеу национальной классики — литературной и философской — демонстрирует и француз Мишель Уэльбек, комментарий произведений которого находим в «Македонской критике французской мысли» Пе-

левина (вспомним, как конструировал свои выступления, основанные на пародировании канонических идей и текстов, шоумен из романа «Возможность острова» Уэльбека). Можно сказать, что новые русские писатели абсолютно неуважительны к своему канону, хотя, как показывает Сорокин в романе «Голубое сало», остаются виртуозами в имитации стилевых приемов мастеров. И все-таки символом этого романа, как кажется, является эзотеричность литературы классиков.

Канон как список имен выглядит стабильнее в «маленькой» литературе (хотя герой Парушева не боится признать, что ему стало скучно читать роман «Анна Каренина», в рассказе «Дело в половине второго» — «Делото в един и половина»). Проведенное сопоставительное исследование показало «новую болгарскую» литературу как находящуюся в состоянии младенчества, воодушевленную возведением нового, когда можно четко указать полюса зла и добра, а литература воспринимается как альтернатива косности бытия. Досада, вызванная корпоративной фальшью, была сметена восторгом от способности воображения стереть реальность, молодежной легкостью и опьянением от быстроты фикционального времени (это ведь «быстрая литература»!).

Понимая, что рискованно сужать новую русскую литературу до произведений Сорокина и Пелевина, мы останавливаемся именно на этих авторах, исходя из опыта болгарских писателей. Указанные русские авторы представляют не литературу для наслаждения или спасения, а как бы литературу кризиса в его этимологическом смысле — как «разрешения». Это трансгрессивная экстремальность искусства (по Фрэнку Лентрича и Борису Гройсу), порождающаяся в иконоборчестве и свержении. Если Парушев иронически комментирует критические клише о своих рассказах и говорит о «псевдомодерном неодадаизме», то Пелевин ставит диагноз абсурда социально-медиаального. В этом *élan destructif* (разрушительном импульсе) авторы, русские, как и болгарские, признают, что сегодня ближе к адекватной рефлексии человека и общества оказывается антиутопия (и еще фантастический сумбур из классических цитат и анекдотиков современности). Ведь фантастическую логику постулирует сама дигитальная среда, в которой всё, включая и писательство, не было бы возможным без электронных рукописей и электронной технологии печати^[14].

Одесская лестница названа в романе «Бесподобные» лестницей Иакова. Сто двадцать лет тому назад совсем рядом, по Ришельевскому бульвару, гулял болгарский

классик Иван Вазов, когда был в эмиграции в Одессе (1886—1889). Тогда он начал писать канонический для многих поколений болгар роман «Под игото» («Под игом»). В заключение мы хотели бы обратить внимание на болгароцентричность выбранной для заголовка метафоры. Основной вопрос, ответ на который мы пытались отыскать в ходе сопоставительного исследования, состоял в следующем: как взгляд на русскую классику проясняет видение нашей собственной (болгарской) литературы и собственного национального канона, как совместить культ русского канона и канона литературы вообще с пониманием и интерпретацией своей собственной литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Если вспомнить десятилетия подконтрольного, цензурного литературного творчества, то Достоевский — самый важный автор для толкования замечательного эпического творчества Эмильяна Станева. В основном авторы этого периода отдают предпочтение искусству XIX в., ср. у Василя Попова ссылку в эпитафии к роману «Время героя» («Времето на героя», 1968) на Н. В. Гоголя; Борис Априлов и Златомир Златанов, следовавшие тенденции к обновлению повествования, хотя и относятся к разным поколениям (1970-х и 1980-х гг.), оба обращаются к произведениям А. П. Чехова.

[2]. Достаточно упомянуть интерес Людмила Димитрова к «Маленьким трагедиям» Пушкина [Димитров 1999] и вообще к русской драматургии XIX в. [Димитров 2006]. Кроме того, Николай Нейчев говорит о соборности применительно к творчеству Достоевского [Нейчев 2000—2001]. Новейших авторов разбирает Ирина Захариева в ряде русскоязычных исследований [Захариева 2007, 2008 и др.]. Современную русскую литературу изучают также Ренета Божанкова [Божанкова 2001], Магдалена Костова-Панайотова [Костова-Панайотова 2006, 2010 и др.], Цветан Ракьовски [Ракьовски 2006].

[3]. Райна Маркова, соавтор с болгарской стороны, получила признание за оригинальность первых рассказов и романов, в которых она показывает сегодняшние маргиналии и изображает современность через призму дигитальной и электронной оснащенности повседневности. Райна Маркова — ведущая рубрики о сетевой культуре в центральном болгарском культурологическом издании.

[4]. В этом эссе Алека Попова «я» разговаривает с Бритни, которая остановилась на ночь по пути на концерт в Одессе. Конечно, сопоставление между «здесь», где находится «я», и Одессой раздражает этого «я», так как в Одессе певица будет выступать, а в Софии — нет.

[5]. Анекдоты в эссе Попова восходят к тому же роману Игоря Яркевича «Литература и

секс», опубликованном на болгарском языке в журнале «Факел» (2003, кн. 1).

[6]. Подобные «национальные символы» присутствуют и в русских повествованиях: то речь идет о московской площади имени героев Плевны, а персонаж романа в этом случае ищет совсем не героическое, а «героиническое» (из начала романа «Ф. М.» Бориса Акунина), то болгарская гадалка Бинга обвораживает московскую элиту (в романе «Числа» Виктора Пелевина) или какое-то подставное лицо демонстрирует неприязнительность телевизионной марионетки при появлении в гастрономе Курского вокзала для покупки трехлитровой банки болгарских маринованных помидоров (в романе «Generation П» В. Пелевина). Все эти болгарские «бренды» (квашеная капуста, томаты и т. д.) Алек Попов охотно комментирует. В то же время он всерьез берется за исследование «репрезентации» болгарского, сопоставляя всемирно известного футболиста Стоичкова с Виктором Крумом из команды для игры в «квиддич» в романах Дж. К. Роулинг (эссе «Парола Виктор Крум. Болгарската следа в романите за Хари Потър»).

[7]. Ср. канибализм и умерщвление людей в рассказе «Услугата» или эссе «Kill on demand», которое является комментарием к прочитанному в английском журнале «Гардиан». Навязывается заключение: «фэксн (faction) гораздо бескомпромиссней и категоричней, чем фикшн (fiction)»; ср. еще фекальную метафорику в новелле Попова «Мистериозная цистерна» («Мистериозната цистерна»); смешивание дьяволизма и нонсенса социальной инженерии в новеллах из сборника «Мифологии перехода», например про бум желтых журналов в 1990-х гг. («Порносмърт») или новых банков («Банк всех святых» — «Банката на вси светии») или про связь с Западом в рассказе «Linking Parts» («Митология на прехода», 2006).

[8]. Эпитет в болгарском выражении «Бърза литература» включает все нюансы, которые содержатся в русском синонимическом ряду: «Быстро (движение): скоро, стремительно, живо, ходко, шибко»; связан также с «живой манерой» и синонимами «резвость, проворство, бойкость, прыть» [Евгеньева 1975; Горбачевич 2005]. Если учитывать нарциссизм участников этой группы, ее название можно было бы перевести как «Шустрая литература».

[9]. Б. Акунин, у которого много почитателей и у нас, в Болгарии, — прекрасный пример автора, который «мирит коммерцию с элитностью» (Елена Чудинова). Я. М. Бендерский спрашивает провокативно: «Б. Акунин — литературный проект или ловкая мистификация?».

[10]. Персонажи из софийских тусовок знают модернистскую литературу (один признается, что он неистовый «фанат» Борхеса). В рассказе «Сублимно» описание отождествляет людей

в автобусе с разными стилями: люди иногда выглядят торжественно — они углубленные и красиво трагичные, как персонажи Достоевского, иногда — засахаренные, как будто из сериала «Дерзость и красота»; иногда они похожи на участников то «Пинк Флойд», то «Ролинг Стоунс».

[11]. Комментарии по этому поводу находим в «Македонской критике французской мысли». Жора Сракандаев (герой романа «Числа») «обожает» Ги Дебора. Есть курьезное упоминание о Болгарии в этой теоретической конструкции: для Степки слово «дискурс» звучит вроде «дисконтного пениса из Болгарии». Следствие из этого удивительно: «Из-за этого смысл фразы делался грозно-многозначительным».

[12]. Критика рассматривает этого писателя как фигуру поколения перемены и радикального перевертывания эстетических принципов. На русском языке о нем подробнее можно прочитать здесь: [Георги Господинов и его «Естественный роман»...].

[13]. Продолжает разрабатывать сюжеты абсурда на примере абсурда посттоталитарного Евгений Кузманов (новеллы, опубликованные в 1998 г.). К жанру антиутопии обращается также Владимир Левчев в романе «2084» (2009). Данный автор — одна из знаковых фигур поколения позднего диссидентства и «перехода». Особое внимание заслуживают романы, новеллы и рассказы Янчо Чолакова. Он издавался и на русском языке: [Чолаков 2004, 2007, 2009, 2012] (см. подр.: [БГ-Фантастика]).

[14]. У А. Попова есть альтернатива в духе равновесия и гуманитарного идеализма: компьютер обрабатывает и сохраняет информацию, он служит для облегчения письма и редактирования, но литературное (медленное) чтение остается привязано к старомодному переворачиванию страниц книги (эссе «Изнесете книжното тяло» Алека Попова). Мегаполисы выглядят как бы «природным феноменом» (а не человеческим проектом), но это города из текстов и знаков, поэтому нужно руководствоваться их указателями, и следовательно, их нужно читать («Раждането на текста от джунглата»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *БГ-Фантастика* : сайт. URL: <http://bgf.zavinagi.org/index.php>.
2. *Божанкова Р.* Постмодернистичният руски текст. — София : Факел, 2001.
3. *Георги Господинов* и его «Естественный роман»: презентация в России // Международная ассоциация «Живая классика» : сайт. URL: <http://liveclassics.ru/projects/gospodinov/>.
4. *Горбачевич К. С.* Словарь синонимов русского языка. — М. : Эксмо, 2005.
5. *Димитров Л.* «Четвероевангелие» от Пушкин: Опыт за изучение на драматургичния цикъл «Малки трагедии» от А. С. Пушкин. — София : Факел, 1999.

6. *Димитров Л.* Да бъдеш шут в играта на съдбата: Руската драматургия от XIX век: Херменевтика на канона. — София : УИ, 2006.

7. *Евгеньева А. И.* (ред.) Словарь синонимов : справ. пособие / АН СССР ; сост. Л. П. Алекторова [и др.] ; ред. А. И. Евгеньева. — М. : Наука, 1975.

8. *Захариева И.* Аспекты формирования канона в русской литературе XX века. — София : Херон Прес, 2008.

9. *Захариева И.* Русские поэты XX века. Феноменальные эстетические структуры: Проблематика русской поэзии XX века. — София : Херон прес, 2007.

10. *Кормилова М.* «Русская литература — это [наш] брэнд, как водка или икра». Владимир Сорокин. Интервью // Новые Известия. 2004. 23 апр. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2004-04-23/6210-vladimir-sorokin.html>.

11. *Костова-Панайотова М.* В полето на авангарда: руската поезия 50-те-90-те години на XX век. — София : Сема РИШ, 2006.

12. *Костова-Панайотова М.* Руският поетичен авангард: теория и практика. — Благоевград : УИ, 2010.

13. *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература: 1950—1990-е годы. Т. 2. 1.1. Московский концептуализм. URL: <http://litmisto.org.ua/?p=3840> <http://litmisto.org.ua/?p=3840>.

14. *Нейчев Н. Ф. М.* Достоевски — тайнствената поетика. — Пловдив : Макрос, 2000—2001.

15. *Ракъовски Ц.* След края на класиката. «Двойник» и «Египетска марка». — Велико Търново : Фабер, 2006.

16. *Чолаков Я.* Как боги срещиха со... // Парадний подъезд : газ. — СПб., 2012. № 54.

17. *Чолаков Я.* Усталость сюзерена // Дружба народов. 2009. № 8.

18. *Чолаков Я.* Усталость сюзерена // Знание — сила. 2007. № 2 (5).

19. *Чолаков Я.* Усталость сюзерена // Реальность фантастики. — Киев, 2004. № 8.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-3

ГСНТИ 16.21.63

Код ВАК 10.02.01

А. А. Едалина A. A. Edalina

Новороссийск; Екатеринбург, Россия Novorossiysk, Ekaterinburg, Russia

**ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ
РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
К ПРОБЛЕМЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА**

**WORDS WITH THE MEANING OF
WASTEFULNESS IN THE RUSSIAN
LANGUAGE: TO THE PROBLEM OF
NATIONAL CHARACTER**

Аннотация. Представлены результаты мотивационного анализа диалектной лексики, описывающей представления носителя народной культуры о расточительности. Показано, что семантика лексических единиц, выражающих идею расточительности, производна. Выделены пять тематико-мотивационных групп, предоставляющих «донорский» материал для образования обозначений расточительного человека. По результатам анализа мотивировок представленных номинаций смоделирована прототипическая ситуация расточительности.

Abstract. The results of motivation research of dialect dictionary describing perceptions of a bearer of peoples culture about wastefulness are described in the article. It is shown, that semantics of lexical items expressing the idea of wastefulness is derivative. Five thematic-motivational groups providing “donor” material for formation of designation of a wasteful person are pointed out. According to the results of the research of motivations of presented naming units prototype situation of wastefulness has been simulated.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; мотивационный анализ; отношение к собственности; расточительность; этнолингвистика.

Key words: Russian dialect dictionary; motivation analysis; attitude to property; wastefulness; ethnolinguistics.

Сведения об авторе: Едалина Анна Александровна, соискатель кафедры русского языка и общего языкознания.

About the author: Edalina Anna Aleksandrovna, Competitor for a Degree, Department of the Russian Language and General Linguistics.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 306.
e-mail: alkana2000@inbox.ru.

Представления о расточительности воплощаются в языке народной культуры посредством лексем и фразеологизмов, анализу мотивировок и значений которых посвящена данная статья. Анализ мотивационных моделей, по которым строятся названия расточительных людей или их действий, показал, что лексика расточительности в большинстве своем является реципиентной, заимствованной из других лексических областей. Это обстоятельство определило ракурс рассмотрения материала: особый интерес для нас представляет установление закономерностей в выборе тех областей действительности, в которых отыскиваются мотивационные связи для интересующих нас смыслов. В ходе работы были выделены следующие тематико-мотивационные группы: «Деятельность/действия», «Движение», «Человек», «Еда, прием пищи», «Предметный мир».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ/ДЕЙСТВИЯ

Расточительность человека проявляется прежде всего через его действия. Все они характеризуются направленностью «от себя». Определяющим признаком соответствующей лексики является категориальный смысловой компонент «(раз)давать». Другой

важный признак — фактическая активность всех совершаемых расточительным человеком действий. Рассмотрим, какие аспекты деятельности маркируются языком при отрицательной оценке такого отношения человека к собственности, как расточительность, в трех группах действий: активных, «пассивных» и интерактивных.

1. АКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ. Лексика, обозначающая активные действия, содержит ключевую характеристику небережливого человека. Обратимся сначала к тем глаголам, которые послужили базой для основных наименований исследуемого типа человека: *расточать* и *транжирить*. Слово *расточать* образовано от древнерусского, старославянского *точити* ‘заставлять течь’ [Фасмер, 3: 446]. В буквальном прочтении расточитель — тот, кто заставляет «утекать» свое имущество. В диалекте это гнездо представлено, например, лексемами *порасточать* ‘постепенно всё истратить, промотать’ (Даль) [СРНГ, 30: 49], курской, тульской *расточиха* ‘мотовка, транжира’ [СРНГ, 34: 270].

Что касается слова *транжирить*, то оно происходит от французского *trancheur* ‘режущий’, *trancher* ‘резать, рубить’, возможно, через посредство нововерхненемецкого

transchieren [Фасмер, 4: 94] (другой вариант этимологии, от французского *étranger, étrangère* 'иностранный, чужой', предлагает В. В. Виноградов [Виноградов 1999: 687]). Проявления этой основы в языке также немногочисленны: урал. *растажирнивать* 'растранжировать, растрчивать (деньги, состояние)' [СРНГ, 34: 245], урал. *порастранжировать* 'израсходовать не по-хозяйски, растранжировать' [СРНГ, 30: 49], том. *нанжировать* 'тратить, транжировать' [СРНГ, 20: 47].

Обширную группу составляют наименования действий, в которых реализуется идея разъединения некоторого целого (например, имущества). Яркий пример — дериваты глаголов **рвать/рыть**, которые восходят к единому корню со значением 'дергать, рвать, полоть' [Фасмер, 3: 452, 531]: пск., твер. *прорва* 'мот, расточительный человек' [СРНГ, 32: 216], карел. *разрывать* 'тратить попусту, бросать на ветер (деньги)' [СРГК, 5: 434], карел., ленингр., мурман. *рыть деньги* 'тратить деньги попусту, сорить деньгами' [Там же: 596], волог. *рыться на ветер*, ленингр. *рыться деньгами* 'расточать, проматывать (деньги)' [Там же: 597]. К этой же модели примыкает прикам. *кλόчить деньги* 'нерасчетливо, неразумно тратить, мотать деньги' [СРНГ, 13: 307] (ср. урал. *кλόчить* 'рвать на клочья, превращать в клочки' [Там же]).

Для передачи идеи разъединения часто используются и глаголы с приставкой *раз-/рас-*:

- **разбрасывать**: твер. *разбрóсчивый* 'много расходующий денег, средств, неэкономный' [СРНГ, 33: 271];

- **развевать (по ветру)**: пенз. *развэй* 'неудачливый хозяин, расточитель, мот' [СРНГ, 33: 283], иссык-кульск. *вэять* 'бесхозяйственно растрчивать имущество' [Там же, 4: 230], перм. *развэять деньги по ветру* 'истратить все деньги' [СРГ, 2: 260], а также пск. *на ветер пускать / пустить* (что) 'тратить, расходовать, распродавать что-либо' [ФСРГ, 20];

- **растаскивать**: киргиз. *растаскуша* 'транжира, мот', тул., яросл. *растащуха* 'транжира, мот' [СРНГ, 34: 248, 249], орл. *растощэйка* 'транжира, мотовка' [Там же: 271];

- **раздавать что-либо**: арх. *раздаваха* 'небережливый человек, мот; плохой хозяин, хозяйка' [СРНГ, 33: 320].

Активны также глаголы, передающие действия со значением направленности «от себя». В их семантике релевантными оказываются признаки 'бестолковость' и 'неаккуратность':

- **кидать**: пск., твер. *прокидущий* 'мот' [СРНГ, 32: 155], арх. *покидять* 'истратить, израсходовать' [СРГК, 5: 41];

- **терять**: ряз., тамб. *истерять* 'истратить, растрратить (деньги)' [СРНГ, 12: 255],

новг. *растеряха* 'о бесхозяйственном, небережливом человеке' [СРНГ, 34: 256];

- **сорить**: смол. *рассóриха* 'транжира, мотовка', *рассóривать* 'растрчивать попусту, неразумно, проматывать' [СРНГ, 34: 219], влад., ворон., яросл. *иссóрить* 'истратить, растрратить (деньги)' [СРНГ, 12: 251];

Закономерным результатом таких действий является потеря имущества, что находит отражение в соответствующих производящих основах:

- **сводить на нет (свое имущество)**: пск., твер. *изнётить* 'уничтожить, извести, промотать' [СРНГ, 12: 157], вят. *изунётывать* 'истратить, израсходовать что-либо' [Там же: 173], пск. *разнётить* 'промотать, растрратить попусту (деньги, хозяйство)' [Там же: 34, 35], орл. *поднётиться* 'истратить все, потратиться' [СРНГ, 28: 100];

- **изводить, истреблять (имущество)**: арх. *перевóдчик, перевóдник* 'расточитель' [СРНГ, 26: 56], новосиб. *провáдить* 'тратить, расходовать что-либо неэкономно' [СРНГ, 32: 89], новг. *провесту́* 'растрратить': «Денегто было охапка, много было наработано, а детушки провели все» [СРГК, 5: 239].

Отдельный блок составляют лексемы, формирующие модель «занимающийся праздными делами → расточительный». Дialeктный материал следующим образом дифференцирует представления об этом наборе бесполезных занятий:

- **смотреть в окно**: карел. *просмотреть в окно* 'растрратить, растранжировать, упустить что-нибудь' [СРГК, 5: 296];

- **гулять**: перм. *загу́ла* 'гуляка, пьяница, мот', олон. *загулёха* 'любитель погулять, расточитель, мот' [СРНГ, 10: 35], арх. *разгу́ливать* 'истратить, израсходовать (деньги, добро и т. д.) попусту, не по-хозяйски' [СРНГ, 33: 317], карел. *разгу́ль* 'непрактичность, бесхозяйственность' [СРГК, 5: 408] (при этом мы учитываем всю комплексную, синкретичную семантику глагола *гулять*, в значениях которого обнаруживаются такие семы, как 'развлекаться, играть в игры, забавляться', 'быть в движении', 'танец', 'петь песни', 'играть на музыкальных инструментах' и др. — см. подробнее: [Голстая 1999: 168—170]);

- **играть в карты**: тамб. *проиграться* 'издержаться, прожиться' [СРНГ, 32: 144], сев.-двин., тамб. *прокозыряться* 'проиграться, промотаться' [Там же: 160], иркут. *понтировать* 'мотать, бесшабашно тратить деньги' [СРНГ, 29: 274], перм. *постáвить на кон* 'безрассудно растрратить деньги, имущество' [ФСРГ: 288].

Негативная оценка образа времяпрепровождения расточительного человека находит непосредственное выражение в исполь-

зовании вторичных значений глаголов **жечь**, **гореть**, **палить** или связанных с этими процессами (ср. разг. *прожигать жизнь*). При деривации эксплицируется основной семантический мотив, развиваемый лексикой поля «жечь» — уничтожение огнем (см. подробнее: [Верхотурова: 169]). Это такие лексемы, как пск., твер. *загáр* ‘пьяница, мот’ [СРНГ, 9: 354], терск. *жигnúть* ‘спустить, растратить (средства) в один момент’ [Там же: 165], сев.-двин. *прожогnúть* ‘проиграть, растратить, прогулять’ [СРНГ, 32: 137], пск. *жечь дэньги* ‘тратить деньги впустую’ [БСРП: 186], урал. *палíть* ‘нерасчетливо тратить деньги’ [СРНГ, 25: 171], дон. *пустíть на распыл* ‘нерасчетливо израсходовать что-либо’ [СРНГ, 34: 196], пск., твер. *полыхáть* ‘расходовать много, безрассудно (деньги)’ [СРНГ, 29: 180], новг. *пелелíть* ‘бессмысленно тратить, мотать, транжирить деньги’ [СРНГ, 25: 348], волог. *бросáть дэньги в жар* ‘тратить без пользы, транжирить деньги’ [БСРП: 185].

2. «ПАССИВНЫЕ» ДЕЙСТВИЯ. В группу вынесены слова, обозначающие действия, которые мы условно называем «пассивными», хотя фактически они таковыми не являются. Номинативная тактика в данном случае строится на *отрицании* таких неактивных действий, как **беречь**, **заботиться**, **наживать**: тамб. *небережíтельный* ‘небережливый’, влад., тамб., яросл. *небережь* ‘мот, транжира; нерасчетливый человек’ [СРНГ, 20: 316], арх., волог. *нерачítель* ‘о нерачительном, бесхозяйственном, беззаботном человеке’, пск., твер. *нерачливы́й* ‘нерадивый, нерачительный’ [СРНГ, 21: 141], том. *попрожítь* ‘прожить, растратить’ [СРНГ, 30: 7], арх. *прожívница*, тул. *проживúха* ‘расточительная небережливая женщина’ [СРНГ, 32: 134, 135], смол. *сживáть* ‘истратить, израсходовать на существование все свои средства, прожиться’ [СРНГ, 37: 259, 260].

3. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ. Эту группу составляют наименования действий, относящихся к социальному аспекту жизнедеятельности расточительного человека. Лексемы отрицают наличие у расточительного человека качеств, как четкость, точность и честность. Указываются следующие виды деятельности и специальности:

- **торговля:** костром. *маркитáнить* ‘тратить попусту деньги, транжирить’ [СРНГ, 17: 374], перм. *размаркитáнить* ‘растратить зря, неразумно’ [СПГ, 2: 265] — из ит. *mercantante* ‘торговец’ [Фасмер, 2: 574];

- **маклерство:** *размаклáчить* ‘распродать, промотать что-либо’ [СРНГ, 34: 11] — из нововерхненемецкого *takler* ‘маклер’ или голландского *takelaar* ‘спекулянт’ [Фасмер, 2: 561], ср. литературное значение: *ма́клер* —

«профессиональный посредник при заключении торговых и биржевых сделок» [МАС, 2: 217];

- **работа кассиром:** влад. *прокассíрить* ‘растратить деньги, будучи кассиром’ [СРНГ, 32: 153].

Сюда же можно отнести лексемы, отражающие склонность расточительного к **мошеничеству**: оренб. *проеры́ка* ‘человек, неразумно тратящий деньги, имущество, мот’, калуж. *проеры́гать*, оренб. *проеры́каться*, свердл. *проеры́щить* ‘истратить, промотать (средства, имущество)’ [СРНГ, 32: 132], новг. *прояры́житься* ‘промотаться’ [СРНГ, 33: 61], *яры́жник* ‘мот, бездельник’ [Дилакторский: 585], ср. ряз. *еры́га*, *еры́жник* ‘мошеник’ [Фасмер, 2: 27], *яры́га* ‘низший полицейский чин, пьяница, мошенник, бойкий человек’, которые предположительно образованы от *яры́й* ‘яростный, энергичный, сильный’ [Фасмер, 4: 562].

ЧЕЛОВЕК

Человек является субъектом ситуации расточительности и представлен в диалекте во всех своих ипостасях: эскизно набросан внешний «портрет», заявлены основные личностные качества, дана социальная характеристика и оценка расточительного человека.

Наружный облик расточительного человека складывается из нескольких элементов. Самым «прорисованным» является образ **рук**, основным качеством которых признается невозможность удержать что-либо: диалектное *дыра́ в горту́* ‘о расточительном, неэкономном человеке’, перм. *дыра́ в руках* ‘о неэкономном хозяине’ [БСРП: 218], ленингр. *пройти́ промеж рук* ‘истратиться без пользы (о деньгах, средствах)’ [СРГК, 5: 578] (ср. противоположную по значению идиому *держат в руках* ‘контролировать, иметь в своей власти’).

Размашистая ходьба также воспринимается как показатель небережливого отношения к собственности: перм. *широ́кий шаг* (у кого) ‘о привычке жить расточительно, неэкономно’ [БСРП: 744], пск. *на широ́кую (на большую) ногу* ‘богато, зажиточно, не считаясь с затратами (жить)’ [СПП: 56] (ср. также мурман. *ши́риться* ‘жить не по доходам’ [СРГК, 6: 874]).

В диалекте обращается внимание и на общее **физическое состояние** расточительного человека. Любовь к чрезмерным тратам в народном сознании приравнивается к болезни, расточение имущества — к рефлексорным реакциям организма на болезнь: самар. *прочихáть* ‘израсходовать, потратить, промотать’ [СРНГ, 33: 42], ново-

сиб. *прока́шлять* 'промотать, прогулять' [СРНГ, 32: 154].

Конкретизация **черт характера** расточительного человека осуществляется за счет единиц, принадлежащих полю «щедрость», находящемуся на максимально близком семантическом расстоянии от поля «расточительность». Это позволяет нам определить семантическую деривацию в данном случае как последовательную и трактовать следующие номинации: яросл. *рахма́льный* 'бесхозяйственный, расточительный' [СРНГ, 34: 341], моск., твер., яросл. *рахма́нный* 'бесхозяйственный, расточительный, беспечный', ряз. *рахма́нно* 'широко, щедро, расточительно' [Там же: 343] — как развившие дополнительные значения, а не восходящие непосредственно к семантике заимствованного греческого *Βράχμανοι* 'брахманы' [Фасмер, 3: 449]. Интересующее нас значение слов, безусловно, возникло на базе предыдущего — 'нежадный, нескупой, щедрый человек'. Здесь находят свое отражение народные представления о мере траты, которую должен соблюдать человек. Иначе такое положительное по своей сути качество, как щедрость, перерастет в расточительность, бездумное транжирство. Стоит заметить, что модель «**излишне щедрый** → **расточительный**», пожалуй, единственный случай, когда отправной точкой семантического развития стало обозначение положительного качества человека.

В остальных моделях отражен отрицательный полюс нравственных ценностей, который представлен такими наиболее общими качествами, как **злость** и **наглость**: *недобрый* 'нерадивый, бесхозяйственный' (казаки-некрасовцы) [СРНГ, 21: 15], ворон., курск. *беспардо́нный* 'бестолковый, неэкономный, несообразительный' [СРНГ, 2: 270].

Негативно оценивается и такое качество, как **риск**, который в условиях натурального земледелия признается неоправданным и приводящим к убытку и разорению. Это продиктовано, видимо, четко выверенной схемой распределения ресурсов (денежных, имущественных, пищевых) в течение года, которой вынуждены придерживаться жители деревни, чтобы дожить до нового урожая, иметь зерно на новый посев и т. д. Идея отражена в ряз. *рыско́вый* 'расточительный, неэкономный', *рыско́нуть* 'неразумно, без толку за короткое время истратить деньги', *рыскова́ть* 'быть расточительным, жить на широкую ногу', *рыскова́ть деньга́ми* 'сорить деньгами' [СРНГ, 35: 317].

Отрицательная оценка **умственных способностей** также отражена в номинациях расточительного человека: волог. *жить за*

ду́рочку 'бестолково, бездумно, нерационально вести хозяйство' [БСРП: 208].

Невысокий интеллектуальный уровень проявляется и в несерьезном, поверхностном восприятии жизни, что обретает свое выражение в модели «**легкомысленный** → **расточительный**»: волог., тамб. *легоста́й*, *легоста́йка* 'бесхозяйственный человек, ленивый, нерачительный хозяин, хозяйка', волог. *легоста́йство* 'расточительность' [СРНГ, 16: 315], арх., волог., нижегор. *вётреница* 'человек непостоянный, легкомысленный, расточительный' [СРНГ, 4: 200]. К этой же модели можно отнести лексемы, построенные на основе сочетания *один день*: карел. *одноде́нный* 'беспечный, не думающий о будущем' (*Если деньга́ расходуеть — одноде́нный ты житель*) [СРГК, 4: 155], волог., перм. *одновыде́нка* 'человек, имеющий склонность жить одним днем, расходовать все за один день, расточительный, небережливый человек' [СРНГ, 23: 38].

С точки зрения народной этики поведение расточительного человека оценивается как крайне непристойное. Небережливое отношение к собственности в сознании носителя диалекта указывает на низкий моральный уровень человека, его испорченность, что отражено в модели «**развратный / беспутный** → **расточительный**»: петерб. *разврати́* 'расточитель, мот' [СРНГ, 33: 296], ряз. *распу́тный* 'небережливый, расточительный' [СРНГ, 34: 192], дон. *разнузда́й* 'бесхозяйственный, неорганизованный человек' [БТДК: 447], арх. *ёрник* 'человек, нерасчетливо, неразумно тратящий, расходующий деньги, имущество; мот' [СРНГ, 9: 30], нижегор. *изъёрничать* 'развертаться, промотаться' [СРНГ, 12: 177], том. *проёрить* 'неразумно растратить, промотать' [СРНГ, 32: 132] (ср. *ёрник* 'беспутный человек, повеса, озорник' [МАС, 1: 466]).

Оценка социумом расточительного человека базируется и на общепринятом представлении о том, сколько можно расходовать денежных или иных средств на поддержание нормального уровня жизни. Отклонение в сторону больших трат, направленных на достижение особого комфорта и красоты, связывается в народном сознании с мотовством. Модель «**живущий излишне богато** → **расточительный**» представлена следующими лексемами: моск., ряз. *роско́чный* 'расточительный, неэкономный' [СРНГ, 35: 185], ленингр. *роско́шный* 'живущий на широкую ногу' [СРГК, 5: 562], волог. *шика́рить* 'жить на широкую ногу, не скупясь, шиковать' [СРНГ, 6: 867], вят., пск. *прошикова́ться* 'потратиться, разориться, непомерно шика́ть' [СРНГ, 33: 49].

Расточительный человек не соответствует также и нормам **речевого поведения**, где умеренность также ценится. Применимо к звуковой стороне речи признак 'делать что-то в большей степени, чем принято' формирует мотивационную модель **«громко говорящий, бранчливый → расточительный»**:

- влад., пенз. *разбазлать* 'истратить попусту, промотать' [СРНГ, 33: 255] (от корня *баз-* со значением 'кричать', ср. русское диалектное *базанить* 'говорить напыщенно', 'кричать, плакать с криком', 'громко петь', *базло* 'крикун' и др. [ЭССЯ, 1: 170]);

- перм. *хаять* 1. 'неодобрительно отзываться о ком-, чем-либо, осуждать, бранить', 2. 'неразумно тратить деньги' [СПГ, 2: 497] (от **xajati*, дающего в том числе и русское диалектное *хаять* 'ругать, бранить', 'хулить, осуждать, порицать' [ЭССЯ, 8: 11]).

ДВИЖЕНИЕ

Важнейшей характеристикой расточительного человека является двигательная активность, поэтому в ходе концептуализации идеи расточительности очень продуктивной оказывается номинативная разработка семантической сферы «движение». Обязательной составляющей семантики единиц поля «расточительность» в рамках данной тематико-мотивационной модели является признак быстроты и беспорядочности движения. Наиболее релевантной эта семантика оказывается для глагола *мотаться* и его дериватов: курск. *замотайла* 'мот, мотовка, кутила' [СРНГ, 10: 258], ворон., вят., курск. *замотыга* 'мот, кутила, гуляка' [Там же: 259], волог., новг., перм., яросл. *измотать* 'прожить, промотать (деньги и т. п.)' [СРНГ, 12: 150], урал. *моте мотать* 'тратить деньги попусту' [БСРП: 413], пенз. *мотолыга*, ряз. *моток* 'мот, расточитель' [СРНГ, 18: 300], арх., иркут. *мотущий* 'расточительный, попусту тратящий деньги' и мн. др.

Такая характеристика движения, как быстрый темп, является основным мотивировочным признаком для лексики, образованной по модели **«суетливый, поспешный → расточительный»**. Тамб. *лотóха* 'мот, гуляка' [СРНГ, 17: 157], очевидно, принадлежит гнезду глагола **lotiti(se)*, имеющего первоначально семантику быстрого движения [ЭССЯ, 16: 96] (ср. ворон., калуж., курск., орл. *лотошить* 'без толку суетиться, спешить, проявлять ненужную торопливость в словах и поступках' [СРНГ, 17: 158]). Лексема *мотóвка* — арх. 'вертлявая, непоседливая женщина'; волог. 'мотовка' [СРНГ, 19: 30] — создана на основе сравнения расточительного с мотов-

кой, чему способствовала, безусловно, и фонетическая близость этих слов.

В реализации идеи расточительности весьма активную роль играет семантика кругового движения, которое воспринимается как нефункциональное, пространственно ограниченное, не свойственное норме человеческого перемещения. Идеи **кручения, верчения** эксплицируются через ряд глаголов:

- **крутить**: смол. *крутня* 'плут, мот' [СРНГ, 15: 329], арх., пск., тюмен. *крутящий* 'ветренный, непостоянный; расточительный' [Там же: 334], том. *накручивать* 'растратить' [СРНГ, 19: 350];

- **вить**: волог. *завивала* 'любитель, любительница покутить' [СРНГ, 9: 313];

- **вертеть**: калин. *провертеть* 'промотать, растратить', пск., твер. *провертыхать* 'проиграть, промотать' [СРНГ, 32: 94];

- **кутить**: *прокута* 'кутила, мот, беспутный человек' [СРНГ, 32: 168], ленингр., пск., смол. *накутить* 'истратить на попойку, прокутить' [СРНГ, 19: 358], южн. *запрокуживать* 'растративать, проматывать' [СРНГ, 10: 358]. Признак активного кругового движения ярко проявляется в этимоне слова: глагол **kutiti* производится от корня **kut-*, который возводится к индоевропейскому **keut/*kout*, производного с суф. *-t* 'согнутое, крюк', что проявляется в значениях типа словенского *kutiti se* 'гнуться, нагибаться, прятаться', словацкого *kutit'* 'искать, копать, рыться, хлопотать, суетиться', русского диалектного *кутуть* 'кружиться, крутить (о вьюге, метели)' [ЭССЯ, 13: 139].

Следующая разновидность движения, по которой можно идентифицировать расточительного человека — **«маятниковое» движение**. В рамках мотивирующего признака 'двигаться вследствие незакрепленности, неустойчивости' активно выступает в качестве моделирующего значение 'качаться, колебаться'. Основы, выступающие в качестве производящих в рамках этой модели, таковы:

- **качаться**: ряз. *качала* 'мот, пьяница' [СРНГ, 13: 141], пск., твер. *качаловый* 'о пьянице, моте; о смелом, отчаянном человеке' [Там же: 142], твер. *раскачнóй* 'нерасчетливый', *раскачóга* 'неисправимый в своих недостатках человек, пьяница, мот' [СРНГ, 34: 113], тамб. *прокачать* 'промотать, прогулять' [СРНГ, 32: 154];

- **махать**: волог. *замáшистый* 'живущий не по средствам' [СРНГ, 10: 237], карел. *махáвка* 'женщина, которая легкомысленно тратит деньги, транжира' [СРГК, 3: 205], вят. *чеши-маши на все гроши* 'мотай, трать деньги' [СРНГ, 18: 46, 48], перм., свердл. *промахаться* 'промотаться, разориться'

[СРНГ, 32: 180], урал. *размахать* 'растратить, растратить (деньги, наследство и т. п.)' [СРНГ, 34: 15];

• **трясти:** яросл. *затрясать* 'потратить, израсходовать' [СРНГ, 11: 108], перм. *истрястись* 'истратить неразумно, нерасчетливо' [СПГ, 1: 367], смол. *карманы потрясти* 'израсходовать все до копейки', арх. *потрясуха* 'о бесхозяйственной, беспечной женщине' [СРНГ, 30: 312], арх., карел. *вытряхнуть* 'израсходовать, истратить' [СРНГ, 1: 305].

ЕДА, ПРИЕМ ПИЩИ

Еда в традиционной культуре осмысливается в контексте социума, и по пищевому поведению человека можно определить его личные качества (например, скупость, расточительность, лень, жадность и т. д.), а также размер благосостояния. Народный императив диктует количество съедаемой пищи, ее качество, желательность и нежелательность тех или иных продуктов питания. Отношение к еде проецируется на отношение к собственности, поэтому часто человек получает свою характеристику через указание на потребляемые им продукты питания. Как свидетельствует следующая номинация, пищевые излишества и кутежи не приветствуются, так как связываются с мотовством: *сáхар (медóвич)* 'о том, кто неразумно тратит, проматывает деньги, имущество; мот, расточитель' [СРНГ, 36: 153].

Одной из причин расточения собственности является **пристрастие к алкоголю**, что отражено в ряде номинаций: *забулдыга* 'пьяница, кутила, шалун, беззаботный, беспутный человек, нередко потерявший стыд и совесть' [Дилакторский: 139], моск. *запивать* 'пропивать что-нибудь, растративать что-нибудь на пьянство' [СРНГ, 10: 317], *выпáивать* 'издерживать, расходовать для питья' (*И деньги, и вино, все выпoил, боле потчевать нечем*) [СРНГ, 5: 323], курск. *попропить* 'пропить (все, многое)' [СРНГ, 30: 7], моск. *разбузы́нить, разбузы́рить* 'растратить, промотать (деньги, имущество)', калин. *разбузы́кать* 'растратить, промотать (деньги, имущество)' [СРНГ, 33: 274] (ср. ворон., дон., иссык-кульск., пенз., терск., челяб. *буза́* 'слабоалкогольный напиток, род пива' [СРНГ, 3: 253]).

Помимо питья, отрицательно маркируется **чрезмерное увлечение едой** и пиршествами, которые также приводят к разорению и характеризуют человека как расточительного и небережливого. Эта идея реализована в диалекте при помощи разных основ, прямо или опосредованно имеющих общий признак — употребление пищи: курск., орл. *порасхáрчить*

'съесть, выпить (все, многое); израсходовать, потратить все на еду, проесть' [СРНГ, 30: 50], тамб. *похáрчить* 'израсходовать что-либо' [Там же: 340], моск., самар. *расхáрчить* 'израсходовать, растратить, промотать' [СРНГ, 34: 291], том. *перееда́ть* 'задолжать, истратив, израсходовав больше положенного' [СРНГ, 26: 98], вят. *прое́стись* 'истратить, промотать (средства, имущество)' [СРНГ, 32: 132], моск. *растракту́рить* 'промотать, израсходовать попусту, растратить (деньги, состояние)' [СРНГ, 34: 271], пенз., сиб. *испóтчевать* 'истратить (какие-либо продукты питания), угощая, потчуя' [СРНГ, 12: 241], арх., свердл. *испирóвывать* 'пропивать (деньги, имущество)' [Там же: 227].

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР

Образы предметных реалий часто привлекаются для передачи идеи расточительности. Все они укладываются в два блока: то, что растратывается, и то, на что тратится мот. Первый блок составляют в основном композитные лексемы со вторым компонентом *-дом*: волог., костр. *растащидóмка* 'гуляка, моток, плохая хозяйка' [СРНГ, 34: 249], вят. *разоридóмка* 'расточительная, не умеющая вести хозяйство женщина' [Там же: 54], волог. *расточидóмка* 'моток, транжира' [Там же: 270], волог., яросл. *развේ́й-дом, развේ́йдóмник* 'нерадивый хозяин, расточитель, мот' [СРНГ, 33: 283], яросл. *пустодóмка* 'плохой, беспечный хозяин; тот, кто тащит из своего дома' [Там же: 146], дон. *пустодóм* 'бесхозяйственный человек' [БТДК: 438] и др.

Второй блок представляет собой наименования объектов, на которые главным образом тратит деньги расточительный человек. Основными являются еда и питье (о чем говорилось выше). Причиной расходов также может стать чрезмерная забота о внешней привлекательности, фигуре, заставляющая щеголять, франтить: иван. *зафигурять* 'начать транжирить деньги, начать модничать, пускать пыль в глаза' [СРНГ, 11: 139], волог. *форсúть* 'расходовать зря, не беречь, разбрасываться' [СРНГ, 6: 687]; страсть к покупке различных вещей или товаров: вят. *извещевáть* 'истратить, израсходоваться, издержаться; промотать' [СРНГ, 12: 106], урал. *растовáривать, ратовáрить* 'тратить, разбазаривать (деньги, имение и т. п.)' [СРНГ, 34: 259].

Почти все дериваты лексики расточительности проникнуты идеей **чрезмерности**. Складывается гиперболизированный образ человека, который тратит больше, чем можно; разговаривает громче, чем принято; шире шагает, быстрее и чаще совершает дви-

жения и т. д. При этом всегда присутствует имплицитно выраженная норма, в сравнении с которой поведение расточительного человека признается неудовлетворительным. В лексике исследуемого поля не столь ярко представлена социальная сторона, поскольку расточительный тратит свое, тем самым не создавая повода для вступления в коммуникацию (ср., например, актуальную идею захвата — для жадного, идею единоличного владения собственностью — для скупого, реализация которых возможна только при наличии второго субъекта ситуации).

Кроме того, мотивировки представленных номинаций позволяют воссоздать некую прототипическую ситуацию расточительности, где условно можно выделить субъекта, объект и предикат. Можно констатировать, что все позиции оказываются заполненными. Самую сильную из них занимает предикат. Субъект выступает во всех трех своих ипостасях: как биологическое существо; как личность, проявляющая свою сущность в основных чертах характера; как социальная единица, — что также подчеркивает его значимость. Довольно четко прорисован объект ситуации, причем эксплицитно выражено и то, **на что** тратится собственность (вещи, еда, товар), и то, **что** тратится (дом, деньги). В целом можно сказать, что расточительность, по данным языка, предстает яркой, бросающейся в глаза чертой характера, имеющей свои устойчивые «картинные» образы.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОВ (ПО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ)

арх.	архангельский
влад.	владимирский
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вят.	вятский
дон.	донской
иван.	ивановский
иркут.	иркутский
иссык.-кульск.	иссык-кульский
калин.	калининский
калуж.	калужский
карел.	карельский
киргиз.	киргизский
костром.	костромской
курс.	курский
ленингр.	ленинградский
моск.	московский
мурман.	мурманский
нижегор.	нижегородский

новг.	новгородский
новосиб.	новосибирский
олон.	олонецкий
орл.	орловский
оренб.	оренбургский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
петерб.	петербургский
прикам.	прикамский
пск.	псковский
ряз.	рязанский
самар.	самарский
свердл.	свердловский
сев.-двин.	северодвинский
сиб.	сибирский
смол.	смоленский
тамб.	тамбовский
твер.	тверской
терск.	терской
том.	томский
тул.	тульский
тюмен.	тюменский
урал.	уральский
челяб.	челябинский
южн.	южный
яросл.	ярославский

ЛИТЕРАТУРА

1. БСРП = Мокшанко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. — М., 2008.
2. БТДК = *Большой* толковый словарь донского казачества. — М., 2003.
3. *Верхотурова К. С.* Огонь в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.
4. *Виноградов В. В.* История слов. — М., 1999.
5. Дилакторский = Словарь областного вологодского наречия / по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. — СПб., 2006.
6. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. — М., 1981-1984.
7. СПГ = Словарь пермских говоров : в 2 т. — Пермь, 2000—2002.
8. СРГК = Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. — СПб., 1994—2005.
9. СРНГ = Словарь русских народных говоров. — Л. ; СПб., 1965—. Вып. 1— .
10. *Толстая С. М.* грать и гулять: семантический параллелизм // *Этимология.* 1997—1999. — М., 2000. С. 164—171.
11. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. — М., 1964—1978.
12. ФСПГ = *Прокошева К. Н.* *Фразеологический словарь пермских говоров.* — Пермь, 2002.
13. ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков.* — М., 1975—. Вып. 1— .

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Л. Березович

О. С. Камышева О. S. Kamysheva
Шадринск, Россия Shadrinsk, Russia

**СОЦИУМ И МУЗЫКАНТ:
ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ
В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА
XX ВЕКА**

**SOCIETY AND A MUSICIAN:
CONTACT SIDES IN THE RUSSIAN
AND AMERICAN METAPHORICAL
WORLD PICTURES
OF THE XXTH CENTURY**

Аннотация. Проводится когнитивное исследование метафор социума и музыканта в русской и американской поэзии XX в. В качестве методики анализа используется теория концептуальной метафоры и теория метафорического моделирования.

Abstract. The article is devoted to the cognitive research of metaphors of society and a musician in the Russian and American poetry of the XXth century. The methods of the analysis are the theory of conceptual metaphor and the theory of metaphorical model.

Ключевые слова: концептуальная метафора; теория метафорического моделирования; картина мира; поэтический текст; социум; музыкант.

Key words: conceptual metaphor; the theory of metaphorical model; picture world; poetic text; society; musician.

Сведения об авторе: Камышева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания.

About the author: Kamysheva Olga Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the English Language and Teaching Methods of the English Language.

Место работы: Шадринский государственный педагогический институт.

Place of employment: Shadrinsk State Pedagogical Institute.

Контактная информация: 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.
e-mail: olga.kamysheva.79@mail.ru.

Данная статья посвящена исследованию метафор, изображающих музыканта посредством сферы-источника «Социум», и метафор социума со сферой-источником «Музыкант». В качестве методики анализа используется теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теория метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.). Материалом исследования послужили произведения русской и американской поэзии XX в. Следует отметить, что анализируемые метафоры не отличаются высокой частотностью, поэтому корпус примеров из русской и американской поэзии составил соответственно 20 и 26 метафорических единиц.

кая рои поклонов, / Приподымая громкий культ, / Седой, почтенный жрец: Сафонов (А. Белый, «Первое свидание»).

В русской и американской поэзии XX в. образ музыканта часто передается посредством метафоры социального статуса.

Американский поэт Э. Лоуэлл рассказывает о профессиональном скрипаче Теодоре. Репетиции морально и физически изматывают музыканта. Он уподобляется монаху, который соблюдает строгий пост и непрерывно молится: *Herr Altgelt's only time in which to play / His part alone. Drawn like a monk who's spent / Himself in prayer and fasting, Theodore went / Into the kitchen, with a weary word / Of cheer to Lotta, careless if she heard* (А. Лоуэлл, «The Cremona Violin»).

В русской и американской метафорической картине мира музыкант может занимать особое положение в обществе. Он становится метафорическим монахом (а monk), шаманом (а shaman-man), колдуном или жрецом, тем самым отдаляясь от людей и приближаясь к Богу. Полагаем, что данные метафоры позволяют передать, с одной стороны, божественность дара музыканта, с другой — отчужденность этого человека.

Во многих случаях исполнитель наделяется наивысшим социальным статусом, что, вероятно, объясняется особой ролью музыканта в обществе. Он мастерски владеет не только своим талантом и инструментом, но также сердцами слушателей.

Так, в русской поэзии метафорическим жрецом становится дирижер оркестра. Ср.: *Взойдет на дирижерский пульт, / Пересе-*

В русской поэзии встречаются такие метафоры, как *короли, принцы, рабовладелец*. Например, К. Бальмонт характеризует А. Скрябину как короля, которому подвластно тонкое искусство ваяния из звуков: *Прорвались слева звуки-чародеи, / Запела воля вскриком слитых воль. / И светлый эльф, созвучностей король, / Ваял из звуков тонкие камен* (К. Бальмонт, «Эльф»).

Американские поэты используют следующие метафоры: *king, in hands of the Queens, duke, jet a crown*. Так, В. Линдси сравнивает исполнителей, профессионально иг-

рающих на банджо и тамбуринах, с королевами. Ср.: *The banjos rattled and the tambourines / Jing-jing-jingled in the hands of Queens ...* (V. Lindsay, "General William Booth Enters Into Heaven").

Следует отметить, что в реальной жизни определенные социальные события могут изменить место музыкантов в обществе. При этом такие изменения не влияют на метафорическую картину мира. Например, во время войны талантливые музыканты отправляются на смертный бой, становясь простыми солдатами. Б. Окуджава не смешивает их с толпой, используя высокие титулы: *Джазисты уходили в ополчение, / цивильного не скинув облаченья. / Тромбонов и чечеток короли / в солдаты необученные шли. / Кларнетов принцы, словно принцы крови, / магистры саксофонов шли / и, кроме, / шли барабанных палок колдуны / скрипучими подмостками войны* (Б. Окуджава, «Джазисты»).

Подобный пример встречается в американской поэзии. Л. Хьюз упоминает о низшем социальном положении гениального трубача Л. Армстронга, чьи предки были рабами. При этом поэт использует монархическую метафору, изображая волосы своего героя как драгоценную корону: *The Negro / With the trumpet at his lips / Has dark moons of weariness / Beneath his eyes / Where the smoldering memory / Of slave ships / Blazed to the crack of whips / About his thighs. / The Negro / With the trumpet at his lips / Has a head of vibrant hair / Tamed down, / Patent-leathered now / Until it gleams / Like jet — / Were jet a crown* (L. Hughes, "Trumpet Player").

Метафоры могут менять социальное положение музыканта, отсылая читателя к определенным историческим событиям. Так, Е. Евтушенко, описывая трубача-афроамериканца Л. Армстронга, обращается к истории возникновения рабства в США. Музыкант рассматривается как раб, который мстит за своих предков. Благодаря своему таланту и музыкальному инструменту он сам становится рабовладельцем. Ср.: *Еще до рождения он был / украден / у Африки милой. / И скрытую местью раба / за цепи невольничьи предков / всех в рабство, / как малолетков, / захватывала труба* (Е. Евтушенко, «Труба Армстронга»).

Американский поэт Дж. У. Джонсон также упоминает рабство. Песня, сочиненная рабом, уподобляется судну, которое доставляет его к свободе: *Heart of what slave poured out such melody / As "Steal away to Jesus?" On its strains / His spirit must have nightly floated free* (J. W. Johnson, "O Black and Unknown Bards").

Таким образом, в русской и американской картинах мира наблюдается параллельность метафорических моделей. Поэты указывают на особое положение музыканта в обществе. Изменения в социальном статусе музыканта не влияют на метафорическую картину мира, тогда как метафорическая картина мира может изменить общественное положение музыканта. В исследуемых примерах русской и американской поэзии XX в. различия касаются описываемых исторических событий. Русские поэты акцентируют внимание на войне, тогда как американские — на отмене рабства.

Рассмотрим, как в метафорах представлен социум через сферу-источник «Музыкант».

В русской поэзии XX в. сфера-источник «Музыкант» позволяет привлечь внимание к людям разных социальных слоев: сапожникам, машинисткам, пекарям, заключенным, поэтам. Так, в стихотворении В. Маяковского движения машинистки сравниваются с игрой на фортепиано и скрипке: *Машинисткам-де / лафа ведь — / пианисткой / да скрипачкой / музицируй / на алфавите* (В. Маяковский, «Товарищу машинистке»).

Е. Евтушенко повествует о судьбе пианиста в немецком концлагере. Произошедшие события меняют сущность метафоры, характеризующей заключенного музыканта: сфера-магнит становится сферой-источником. Заключенный рассматривается как музыкант, которому инструмент заменяет лопата, звуки музыки — занозы, зрителей — мусор, а букеты цветов — колючая проволока. Ср.: *Когда его били фашисты / в концлагере / и ухмылялись: / „Попался...“ — / он прятал одно — / свои руки костлявые, / только бы не по пальцам. / Потом его вызвал / к себе вертухай — / фашистик розовый, / чистый: / „Дадим инструмент... / для начальства сырай...“ — / а он процедил: / „Разучился...“ / И он выступал с лопатой в руках / в изысканном обществе мусора, / но в пальцах его — / в десяти тайниках / пряталась музыка, / музыка. / И ночью, / когда прорезался сквозь мелу / лунный крамольный краешек, / углем / он грубо чертил на полу / клавиши, / клавиши, / клавиши. / В ком-то урчала гнилая фасоль, / кто-то вышептывал имя зазнобы, / а от неструганных / „фа“ / и „соль“ / в пальцы / вонзались / занозы. / И он играл до рассвета, / как мог, — срывался, / мучился, / пробовал, / хотя получить он / только и мог — / букет из колючей проволоки* (Е. Евтушенко, «Баллада о пианисте»).

В американской метафорической картине мира также можно обнаружить метафоры

со сферой-источником «Музыкант», характеризующие людей рабочего класса. Кроме того, представлены люди творческих профессий: поэты и танцоры.

Работа людей разных профессий метафорически уподобляется исполнению песен: *I hear America singing, the varied carols I hear, / Those of mechanics, each one singing his as it should be blithe and strong, / The carpenter singing his as he measures his plank or beam, / The mason singing his as he makes ready for work, or leaves off work, / The boatman singing what belongs to him in his boat, the deckhand singing on the steamboat deck, / The shoemaker singing as he sits on his bench, the hatter singing as he stands, / The wood-cutter's song, the ploughboy's on his way in the morning, or at noon intermission or at sundown, / The delicious singing of the mother, or of the young wife at work, or of the girl sewing or washing, / Each singing what belongs to him or her and to none else* (W. Whitman, "I Hear America Singing").

Поэты, создающие свои произведения, подобны певцам и композиторам: *Ah, how poets sing and die! / Make one song and Heaven takes it...* (A. Spencer, "Dunbar").

В русской и американской метафорических картинах мира авторы стихотворений сами пытаются наладить порядок в обществе, представляя себя музыкантами: они, согласно метафорам, поют, сочиняют музыкальное произведение или играют на музыкальном инструменте.

Л. Мартынов пытается найти лиру и своей игрой восстановить в обществе справедливость. Ср.: *И иду я / По этому миру. / Я хочу отыскать эту лиру, / Или — как там зовется он ныне — / Инструмент для прикосновенья / Пальцев, трепетных от вдохновенья. / Города и пустыни, / Шум, подобный прибору морскому... / Песен хочется роду людскому. / Вот они эти струны, / Будто медны и будто чугуны, / Проводов телефонных не тоньше / И не толще, должно быть. / Умоляют: / — О, тронь же! / Но еще не успел я потрогать — / Слышу гул отдаленный, / Будто где-то дали туманной / За дрожащей мембраной / Выпрямляется раб обнаженный; / Исцеляется прокаженный; / Воскресает невинно казненный, / Что случилось, не может представить. / — Это я! — говорит. — Это я ведь!* (Л. Н. Мартынов, «Что-то новое в мире...»).

Ф. Э. В. Харпер намеревается сочинить песни, которые могли бы избавить людей от нужды и заглушить диссонанс боли, сожаления и несправедливости. Кроме того, такая музыка смогла бы смягчить людские сердца,

что неизбежно приведет к прекращению войны. Ср.: *Let me make the songs for the people, / Songs for the old and young; / Songs to stir like a battle-cry / Wherever they are sung. / Not for the clashing of sabres, / For carnage nor for strife; / But songs to thrill the hearts of men / With more abundant life. / Let me make the songs for the weary, / Amid life's fever and fret, / Till hearts shall relax their tension, / And careworn brows forget. / Let me sing for little children, / Before their footsteps stray, / Sweet anthems of love and duty, / To float o'er life's highway. / I would sing for the poor and aged, / When shadows dim their sight; / Of the bright and restful mansions, / Where there shall be no night. / Our world, so worn and weary, / Needs music, pure and strong, / To hush the jangle and discords / Of sorrow, pain, and wrong. / Music to soothe all its sorrow, / Till war and crime shall cease; / And the hearts of men grown tender / Girdle the world with peace* (F.E.W. Harper, "Songs for the People").

Следует отметить, что русские и американские поэты XX в. довольно часто обращаются к метафоре пения, используя ее для призыва общества к объединению.

Русские поэты призывают объединиться ради всеобщего мира не только страну и мир, но и вселенную. При этом исполняемые псалмы обращены к светлому будущему: *Солнцепоклонники у мира в храме — / покажем, как петь умеем мы. / Становитесь хорами — / будущему псалмы! / ... Этот гимн наш победный, / вся вселенная пой! / С Интернационалом / воспрянул род людской* (В. Маяковский, «Мистерия-Буфф»).

Американский поэт обращается с призывом к жителям Земли для того, чтобы объединиться ради свободы. При этом песня должна быть наполнена надеждой настоящего и учитывать уроки прошлого. Ср.: *Lift ev'ry voice and sing, / Till earth and heaven ring, / Ring with the harmonies of Liberty; / Let our rejoicing rise / High as the list'ning skies, / Let it resound loud as the rolling sea. / Sing a song full of the faith that the dark past has taught us, / Sing a song full of the hope that the present has brought us / Facing the rising sun of our new day begun, / Let us march on till victory is won* (J. W. Johnson, "Lift Every Voice and Sing").

В русской поэзии человеческое общество часто описывается посредством сферы-источника «Инструменталист». Обращаясь к подобным метафорам, поэты размышляют о настоящем и будущем социума.

В. Хлебников представляет новое поколение «трепещущим» у струн музыкального инструмента, как у позорного столба. Только умелая игра на этом инструменте сможет

разрешить военные конфликты и спасти человечество. Ср.: *Перед вами будетлянин со своей „балалайкой“. На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А будетлянин играет, и ему кажется, что вражду стран можно заменить **ворожьбой струн*** (В. Хлебников, «Наша основа»).

О. Мандельштам полагает, что идеальный социум был возможен только в древнем мире. Ср.: *Не своей чешуей шуршим, / Против шерсти мира поем. / **Пиру строим, словно спешим / Обрасти косматым руном*** (О. Мандельштам, «Я по лестнице приставной...»).

В. Маяковский считает, что человеческое общество — это примитивный музыкальный инструмент, звуки которого зависят от движений самого главного музыканта — Бога: *Все вы, люди, / лишь **бубенцы / на колпаке у бога*** (В. Маяковский, «Владимир Маяковский»).

Таким образом, в русской и американской поэзии XX в. сфера-источник «Музыкант» позволяет акцентировать внимание на людях различных социальных слоев. Русские и американские поэты пытаются сами выступить в роли музыканта и тем самым изменить общество к лучшему. Авторы поэтических произведений могут метафорически представляться запевалами, призывающими народ к объединению ради всеобщего блага: русские поэты — ради мира, американские — ради свободы. Только в русской поэзии был обнаружен метафорический образ инструменталиста, сопровождающий философские рассуждения поэтов о социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антология* английской и американской поэзии. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1947.

2. *Баранов А. Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1.

3. *Библиотека* американской поэзии. URL: <http://www.uspoetry.ru/poets> (дата обращения: 24.01.2014).

4. *Караулов Ю. Н.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.

5. *Кобозева И. В.* Лингвистическая семантика : учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.

6. *Кубрякова Е. С.* Семантика в когнитивной лингвистике // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 5—6.

7. «...*Нам музыка звучит*». — Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1985. (Музыка в зеркале поэзии : сб. стихов ; вып. 1).

8. «*В этих строчках — песня*». — Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1986. (Музыка в зеркале поэзии : сб. стихов ; вып. 2).

9. «*Что в музыке?*». — Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1987. (Музыка в зеркале поэзии : сб. стихов ; вып. 3).

10. *Стихи* о музыке и музыкантах. URL : http://musicplanet.ru/belov/html/08_Biblioteca/1_Virtual/0/1_musstihi.htm (дата обращения: 25.01.2014).

11. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. — Екатеринбург, 2003.

12. *African-American Poetry : an Anthology, 1773—1927.* — The United States of America : Dover Publ., 1997.

13. *Bartleby.com* — Great Books Online. URL: <http://www.bartleby.com> (дата обращения: 25.01.2014).

14. *Famous poets and poems.com.* URL: <http://famouspoetsandpoems.com> (дата обращения: 23.01.2014).

15. *Lakoff G.* *Metaphors We Live By.* — Chicago ; London : The Univ. of Chicago Pr., 1980.

16. *PoemHunter.com.* URL: <http://www.poemhunter.com> (дата обращения: 25.01.2014).

17. *Poetry Archive.* URL: <http://www.poetry-archive.com> (дата обращения: 26.01.2014).

18. *Poets.org.* URL: <http://www.poets.org/page.php/prmID/58> (дата обращения: 24.01.2014).

19. *Sandburg C.* *Chicago Poems.* — The United States of America : Dover Publ., 1994.

20. *Stihipro.* URL: http://stihipro.ru/stihi_pro_muzyku-1.html (дата обращения: 25.01.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

П. Пелех P. Pielech
Сосновец, Польша Sosnowiec, Poland

В. Д. Черняк V. D. Chernyak
Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ПОЛЬСКОМ ФИЛЬМЕ
И РОССИЙСКОМ РЕМЕЙКЕ**

**INTERPRETATION OF CONTEMPORARY
REALITY IN THE POLISH FILM AND
RUSSIAN REMAKE**

Аннотация. Рассматриваются языковые средства изображения современной политической ситуации в двух содержательно связанных фильмах — польском («День психа») и российском («День учителя»). Анализируется общность ситуаций и средств их вербализации. Показаны роль языка СМИ в формировании картины мира, речевая агрессия как вербальная составляющая обоих фильмов, некоторые средства языковой игры в сатирическом изображении действительности.

Abstract. The article studies language means of the image of contemporary political situation in the two content-related films — Polish (“Day of the Wacko”) and Russian (“Protest Day”). The analysis refers to common situations and means of their verbalization. The role of media language in creating language picture of the world, verbal aggressiveness as the verbal component of the films, some forms of word play in satirical view of the reality are shown.

Ключевые слова: интерпретация действительности; средства вербализации; языковая экспрессия; язык СМИ; языковая игра.

Key words: interpretation of reality; means of verbalization; linguistic expression; media language; word play.

Сведения об авторе: Пелех Паулина, аспирант Института восточнославянской филологии.

About the author: Pielech Paulina, Post-graduate Student of the Institute of East Slavonic Philology.

Место работы: Силезский университет (Катовице).

Place of employment: University of Silesia (Katowice).

Контактная информация: Polska, 41-300, Katowice, ul. Bankowa, 12.
e-mail: paulina.pielech@gmail.com.

Сведения об авторе: Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Контактная информация: 199004, г. Санкт-Петербург, В. О., 1-ая Линия, д. 52.
e-mail: vdcher@yandex.ru.

Способы вербализации действительности разными языками, отражение ментальности разных народов особенно отчетливо выявляются при сопоставлении одноименных (при переводе) или содержательно сходных текстов.

Предметом нашего рассмотрения являются формы интерпретации действительности и социально-политической ситуации в польском фильме «День психа» (режиссер М. Котерски, 2002 г.; для исследования вербальных средств в фильме использовались звуковой ряд и субтитры с переводом на русский язык) и его российском ремейке «День учителя» (режиссер С. Мокрицкий, 2012 г.). Режиссер популярной в Польше киноленты согласился предоставить сценарий своего фильма для переработки при условии, что С. Мокрицкий поместит его героя в российские реалии. В обоих фильмах показан один день из жизни учителя литературы, старающегося определить

свое место в сложном современном мире, утвердиться в нем.

Оба фильма иронически (а нередко и саркастически) демонстрируют проявление типичных национальных черт героя-интеллекта в новых для него условиях капиталистической системы. Для персонажей фильмов характерны комплексы и пороки их соотечественников. Психиатры могут увидеть у них отчетливые симптомы психического расстройства — невроза навязчивых собой, ощущают невозможность сделать что-либо, не знают, как жить дальше, и ждут, что счастье само придет к ним. «День психа» является одним из многих фильмов, интерпретирующихся средствами кино политическую действительность Польши. В этом контексте можно вспомнить, например, фильм «Рейс» М. Пивовского (1970 г.), который показывали в Великобритании во время учебных занятий по истории Восточной Европы

для объяснения польских реалий средствами политической сатиры [Jędrzejko, Głombik 1997: 99—124].

Автор оригинального сценария М. Котерски характеризует своего героя как симпатичного неудачника, который чаще является объектом действий в различных ситуациях, чем активным субъектом: он пассивен, почти как Обломов, и предъявляет большие претензии к жизни [Rzeczpospolita 1995.04.01—02]. На польских сайтах в любительских рецензиях мы находим главным образом положительные оценки фильма. Появляются формулировки такого рода: «...этот фильм не является смешным, он является правдивым до боли». У большинства поляков возникает ощущение, что это фильм о них.

При чтении материалов русских сайтов о польском фильме видно, что русские иначе воспринимают его, иногда — слишком непосредственно, иногда — с чувством отвращения. В позитивных комментариях авторы подчеркивают оригинальность замысла режиссера. На кинофорумах появляются замечания, подчеркивающие общность двух культур, сходство ситуаций и общность переживаний: «Фильм зарубежный, но очень близок нашей с вами действительности (ибо зарубежье недалеко), поэтому сопереживаешь герою еще сильнее».

Сильный эмоциональный отклик поляков на фильм М. Котерского объясняет их весьма скептическую оценку фильма С. Мокрицкого. Сложно представить себе другую реакцию на фильм, ведь для поляков Адашь — это в какой-то степени «герой нашего времени». Одним из главных упреков в адрес российского фильма было то, что зрители почувствовали в нем влияние цензуры, а это ослабило его выразительность, так взволновавшую польскую публику. У С. Мокрицкого всё выражено слишком мягко; рецензенты отмечают, что «эмоции держатся в узде». Действительно, внутренний мир героя закрыт, он не раскрывается ни вербально, ни другими средствами, в то время как герой «Дня психа» погружает зрителя в поток своей речи.

В России фильм «День учителя» не стал объектом активного обсуждения, но в то же время многие зрители хорошо оценивают работу С. Мокрицкого и главного оператора И. Малютина, благодаря которому в фильме присутствуют эпизоды, снятые в жанре анимации (фрагменты из криминального романа, который пишет герой). Сторонники российской версии заметили, что это талантливо показанная, трогательная и задевающая чувства история человека, пытающегося преодолеть начало заката собственной жизни.

Несомненная ценность фильма связана с художественным воплощением важных для страны событий и человека, запутавшегося в них. Сам режиссер во время кинофестиваля «Кинотавр» в 2012 г. в Сочи говорил, что невозможно просто перенести эпизоды польского фильма в постсоветскую реальность: у русских другие кумиры, другая ментальность, другие шутки. Изменилась и политическая ситуация: во время съемок российского фильма произошли события на Болотной и площади Сахарова. Создатели фильма не могли оставить своего героя в стороне и заставили его пройти сквозь Болотную.

Обратимся к языковым средствам отражения политических условий того времени, когда снимались фильмы.

В фильме «День психа» показана Польша до 2002 г. со всеми сложными проблемами того времени. Согласно данным Центра исследований общественного мнения, в 1988—2002 гг. картина польской жизни воспринимается в темных тонах. Около 50 % людей испытывали страх и неуверенность в завтрашнем дне, около 20 % — общее недовольство, отсутствие веры в какое-нибудь улучшение ситуации, около 15 % — апатию и смирение с судьбой. На негативное настроение в обществе влияли нестабильность на политической сцене, безработица (в том числе среди молодых людей), увеличение числа нищих, стагнация экономики, банкротство предприятий, отсутствие компетентной и правящей элиты.

Польский режиссер признался, что желание снять фильм вытекало из его личного опыта, из переживаний, связанных с серой действительностью и с критическим отношением к тому, как эта действительность преподносится средствами массовой информации. Приведем фрагмент из фильма, демонстрирующий восприятие обычным человеком того, что несут СМИ (чтобы не быть в одиночестве, Адашь ест в компании с телевизором): *Польша только наша! Только мы: Поляки! Есть только одна правда и я! Только мы правы! Одна есть правда... но она есть у нас! Безобразия! Безобразия! Bravo! Только моя правда верна... да и то святая правда. Позор! Bravo! Безобразия! Потому что даже если твоя, то моя правдивей, чем твоя. И именно моя правда есть правда наиправдивейшая! Bravo!*

Перед нами классический прием политической речи — манипуляция при помощи императивных конструкций. Дискуссии в Сейме создавали видимость диалога, в действительности же они являлись монологами, потому что оппонент не мог быстро

среагировать (*ad vocem*), он обязан был дожидаться своей очереди [Wydga 1994: 99]. Грубые слова создают паутину негативных реакций, в эту сеть через некоторое время ловится наблюдатель — рядовой гражданин.

Слова, которые звучат по телевизору, совсем не вписываются в общепринятые правила общения, политики не умеют слушать и перекрикивают друг друга. Суматоха в Сейме вызывает у Адася грустные размышления: *Сколько раз я обещал себе: „Я не буду трепать себе нервы из-за этого. Не буду интересоваться делами этой страны, на которые я совсем не имею влияния. Потому что уже ни во что не верю. Как я могу верить!? ... Вы можете и дальше говорить обещать, предрекать...“*. Многим явлениям в польской жизни Адась находит объяснение в повседневных ситуациях. От самых приземленных наблюдений в поезде он приходит к обобщениям: *С тех пор, как я себя помню, эти крышки унитазные всегда падали. Почему? Потому что в течение десятков лет одни безмозглые кретины под руководством других безмозглых кретинков размещают унитаз в поездах так близко к стене, что крышка, будучи поднята, наклонена в сторону унитаза и отпущенная, непременно упадет. Десятки лет... Иисус Христос наисвятейший! А если Польша и есть эта несчастная крышка?*

Негативные эмоции вербализуются экспрессивными средствами, когда Адась получает зарплату (обцененная лексика, присутствующая в этом фрагменте, нами опускается): *Нет, в это нельзя поверить! Нет, это невозможно! Восемь лет в гимназии, четыре — в лицее, потом пять долбил науку, диплом с отличием, 20 лет практики, и вот что мне платят! Как будто дали мне в морду! <...> О! Братья полонисты, сестры полонистки! 130 было нас в первый год! Мы думали, что Бога схватили за ноги! Что нас приняли в школу поэтов! Школа поэтов! <...> Через пять лет тысячи дорог! Юность в библиотеке! А потом горе! Горе и разочарование! А затем безнадежность и старость изгоя! <...> Почему власть любой масти не ставит меня ни в грош!? Что красная, что белая — я для нее мусор! <...> Под каждой властью я чувствую себя как дворяня! Почему я не голник со штакетной в руке!? Сразу начали бы считать меня со мной, если бы я засветил кирпичом!*

Этот монолог, в котором соединены субстандартная лексика и лексика, связанная с романтическим восприятием действительности вступающего в жизнь человека, показывает ситуацию крушения надежд и полно-

стью соответствует результатам исследования настроений поляков, проведенного национальным Центром исследования общественного мнения. Даже через десять лет существования новой системы граждане не почувствовали значительного улучшения своего положения. Политическая элита оказалась в новой обстановке, с которой не сумела справиться. Употребление героем вульгаризмов, с одной стороны, — вызов тому, что происходит в окружающей действительности, с другой — это привычная форма выражения эмоционального состояния. Высокая степень эмоционального напряжения в обществе проявляется в речевой агрессии, которая чрезвычайно экспрессивно предстает в «молитве», произносимой соседями на своих балконах в конце фильма: *Вот я творю свою молитву к Богу, Марии и Сыну: уничтожьте этого сукина сына! Моего сородича, соседа, этого врага, этого гада! Чтоб ему обокрали гараж, чтоб ему изменяла старуха, чтоб ему сожгли магазин, чтоб получил кирпичом в башку, чтобы трахнулась дочка с черным и в целом, чтоб было все плохо! Чтобы имел СПИД и рак — вот молитва поляка!* Язык фильма демонстрирует «огрубление» речевого стандарта, «карнавализацию» языка [Химик 2005: 48].

Российский режиссер выпустил свой ремейк через 10 лет после создания польского оригинала. Ситуация в России в 2011 г. оказывается иной, и С. Мокрицкий воплощает это в своем фильме. Режиссер показывает Россию во время выборов в Государственную думу, в период президентской предвыборной кампании, протестов на Болотной площади и площади Сахарова. Первоначально он предполагал так и назвать кинокартину — «День протеста» (так заглавие было переведено на английский: «Protest Day»). Общество устало от стагнации, модернизационной риторики, не сопровождающейся реальными действиями, оно ждет перемен; в то же время власть потеряла способность вести эффективный диалог со своими гражданами, недооценивая перемены, происходящие в обществе.

Герой фильма «День учителя» Афанасий, как и поляк Адась, часто смотрит телевизор. Он случайно натывается на документальную программу о популярной писательнице А. Марининой. Возможно, именно это навело его на мысль написать детективный роман (с этим отчасти связано построение фильма).

Афанасий надеется, что погружение в словесное творчество поможет ему увидеть хоть какой-нибудь просвет в тупике безыс-

ходности. Между тем, оказавшись на демонстрации на Болотной площади, он слышит, как лидеры партий через мегафон выкрикивают лозунги: *Перед законом все должны быть равны!; Да здравствует новая, свободная, демократическая Россия.* Персонажи фильма вновь оказываются во власти политических штампов, повторяемых на протяжении двух десятилетий.

Представляют интерес появляющиеся на экране лозунги, как вполне традиционные для протестного движения («*Нет фальсификациям*», «*Честные выборы, независимые СМИ!*»), так и обывоченные, использующие субстандарт («*Люди! Давайте быть добрее, думать головой, иначе всем нам копец*»). Создатели фильма пытаются показать, что протест затронул самых обычных людей. Так, женщина держит в руках плакат: «*Я не оппозиция, я гражданин своей страны*». В протестных микротекстах очень сильным оказывается игровое начало (ср. лозунг, написанный на воздушном шарике: «*Меня надули*», где обыгрываются прямое и переносное значения глагольной лексемы).

Специфическими, отражающими особенности современной социокультурной ситуации в России, игру с новыми прецедентными текстами, понятными лишь тем зрителям, которые погружены в политический контекст, являются появляющиеся на экране лозунги «*Бандерологи против подполковника!!!*», «*Мы за честные амфоры!*». Эта культурно значимая информация может теряться при переводе; при просмотре фильмов с субтитрами зритель также теряет 30—40 % информации [Tomaszkiewicz 2006: 113]. Как замечает Е. В. Михалькова, именно в креативных материалах, в протестной идеологии, можно наблюдать формирование новых значений на базе знакомых выражений [Михалькова 2012: 127], что удачно показано в фильме «*День учителя*» и требует определенной лингвистической и культурной компетенции от зрителя.

Фильм «*День психа*» и его русский ремейк следует рассматривать через призму иронии и метафоры. Знаменательным в этом отношении эпизодом картины «*День учителя*» является визит Афанасия к проктологу. В процессе обследования врач спрашивает: «*А вы за кого голосовали?*». Педагог отвечает: «*Против всех!*»

Актуальной для обоих фильмов является проблема мигрантов. В польском фильме соседи героев показывают свое презрительное отношение к вьетнамцам, продающим

носки на рынке, а в русском фильме — к китайцам.

Таким образом, герои фильмов «*День психа*» и «*День учителя*» — представители двух разных культур, воспринимающие мир через призму собственного языкового опыта. Принадлежа к одной общественной среде, они живут в мире своей национальной литературы (не случайно в фильмах звучат слова из стихотворений А. Мицкевича и С. Есенина), пытаются донести ее ценности до учеников, но за свою работу получают мизерную зарплату. Они зажаты в тиски лишенной высоких ценностей, подчиняющейся законам коммерции жизни и пытаются найти хоть какой-нибудь просвет в тупике безысходности.

При всем различии национальных культур оба фильма демонстрируют сходные социокультурные ситуации, сходную шкалу ценностей. Этим объясняется то, что зрители из России, смотря польский фильм, видят в нем себя и своих соотечественников, и наоборот — поляки, хотя и отмечают, что ремейк уступает оригиналу по уровню сатирического отображения социально-политической действительности, видят в российском фильме отражение общих политических процессов. В обоих фильмах показано огромное влияние на человека СМИ. Человек становится рабом словесных клише и банальных формул, которые в избытке поставляются газетами, телевизионными программами, рекламой, листовками, он всё сильнее опутывается Всемирной паутиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михалькова Е. В. Дискурсивные особенности текстов плакатов на митингах оппозиции в Москве, проведенных в связи с выборами в Государственную думу РФ 4 декабря 2011 г. и выборами президента РФ 4 марта 2012 г. // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40).
2. Химик В. В. Современный городской фольклор и речевое творчество // Русистика и современность : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф. — СПб., 2005. Т. 1.
3. Jędrzejko P., Głombik K. Z czego śmieją się Polacy? O granicach przekładu językowych mechanizmów satyry politycznej // Komizm a przekład. — Катовице, 1997.
4. Tomaszkiwicz T. Przekład audiowizualny. — Warszawa, 2006.
5. Wydra T. Leksykalne wykładniki impresywnej funkcji mowy w wystąpieniach sejmowych // Język a kultura. — Wrocław, 1994. URL: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/JK-11/JK11-wydra.pdf>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

П. А. Пронин P. A. Pronin
Саратов, Россия Saratov, Russia

**ПОЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ «СЕМЬЯ»
В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Анализируется использование фразеологизмов, включающих во внутреннюю форму члены семантического поля «Семья», в общественно-политических газетных текстах начала XXI в.; устанавливаются факторы, влияющие на частотность употребления фразеологизмов.

Ключевые слова: политический дискурс; фразеологизмы; семья; русский язык.

Сведения об авторе: Пронин Прокофий Андреевич, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, 11 корп., к. 207.
e-mail: prokofij@yandex.ru.

**THE FIELD OF PHRASEOLOGICAL UNITS
«FAMILY» IN THE MODERN POLITICAL
DISCOURSE**

Abstract. The author analyzes the usage of the phraseological units, that include in the inner area the members of the semantic field «Family», in socio-political newspaper texts in the beginning of the XXI century; sets the factors influencing the frequency of use of idioms.

Key words: political discourse; phraseological units; a family; the Russian language.

About the author: Pronin Prokofiy Andreevich, Post-graduate Student of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov Chernyshevsky State University.

Практически все исследователи называют идиоматику «самым культурноносным компонентом языка в действии» [Телия 2004: 19], ведь сама природа семантики фразеологических единиц (далее ФЕ) «тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке» [Маслова 2001: 66]. Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о том, насколько актуальной является та картина мира, что получает отражение в идиоматике. Ряд исследователей считает, что для ответа на этот вопрос необходимо «решить две задачи: (1) установить, насколько активно используется в современной речи та или иная часть фразеологического корпуса, единая по своей внутренней форме; (2) выявить степень осознанности данной формы современными носителями языка и ее влияние на употребление идиом в речи» [Наумов 2012: 67]. Весьма показательным в этом отношении является политический дискурс, который, по мнению большинства ученых (ср.: [Балашова 2013; Крысин 2004; Сиротина 2007; Шейгал 2004; Чудинов 2012]), объективно и достаточно полно отражает речевую практику носителей языка.

В настоящей работе анализируется функционирование членов фразеосемантического поля «Семья» в российских общественно-политических газетах начала XXI в.

В целом, по данным лексикографических источников [Алефиренко, Золотых 2008; Баранов, Добровольский 2007; Бирих 2005;

Молотков 1994; Телия 2009; Тихонов 2004, т. 1—2; Фелицына, Мокиенко 1990; Яранцев 2006], в русском языке фиксируется 193 ФЕ, включающих во внутреннюю форму члены семантического поля «Семья». Как показал анализ газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка за 2003—2013 гг. [НКРЯ], исследуемые ФЕ активно используются в современных российских СМИ (77 % единиц интересующего нас фразеосемантического поля). Однако регулярность употребления отдельных фразеологизмов далеко не одинакова и зависит от целого комплекса факторов.

Так, большую роль здесь играет степень осознанности внутренней формы ФЕ. Это вполне естественно, поскольку «носитель языка, употребляя идиому, не может абстрагироваться от порождающего ее образа» [Баранов, Добровольский 2008: 221]. В частности, невостребованными или малочастотными оказываются многие фразеологизмы, включающие во внутреннюю форму культурологическую информацию библейского и исторического характера, особенно если эти единицы содержат имена собственные и отсылки к историческим событиям, не связанным с Россией, например: *Хамов сын; Уриева жена; сын Эскулапа; наш брат Исаакий; жена Пентефрия.*

Аналогичные явления демонстрирует употребление многих ФЕ, формируемых на базе русских фольклорных, классических литературных прецедентных текстов, а также содержащих во внутренней форме отсылки к дореволюционному образу жизни,

быту, религиозным обрядам и народным приметам, например: *Титовы дети*; *унтер-офицерская вдова сама себя высекла*; *помянуть своих родителей за чужим кануном*; *Христова невеста*; *воробья сестричка*; *дачный муж*; *дачная жена*; *соломенный муж*; *соломенная жена*; *кто ни поп, тот батька*; *хоть матушку-репку пой*; *отец был Флор, а детки Миронычи*. Данное утверждение не распространяется, однако, на те ФЕ, во внутренней форме которых содержится указание на наиболее распространенные библейские образы, сюжеты и религиозные тексты, например: *Отче наш* (начало «молитвы Господней») — 119 употреблений; *блудный сын* — 118 употреблений; *Отец небесный* (начало молитвы: «Отец небесный, на тебя уповаю в час испытаний Господней...») — 40 употреблений; *Сын Человеческий* (одна из самых важных характеристик Мессии, содержащихся в синоптических Евангелиях) — 37 употреблений (ср.: *Есть ли какие-то рекомендации, которые вы должны знать как „Отче наш“?* [Демченко 2010]).

Безусловно, большое значение здесь имеет частотность использования библейских образов и сюжетов вне религиозного дискурса (ср. сюжет о блудном сыне в мировой литературе и живописи: *Чтобы не обидеть „блудного сына“*, в ПР планировали вернуть Куницына обратно в Симферополь на пост премьер-министра [Острякова 2010]). Более того, некоторые из библейских по происхождению идиом у современных носителей языка могут ассоциироваться не столько с религиозным сюжетом, сколько с современным прецедентным феноменом. Например, один из самых частотных в СМИ фразеологизмов *крестный отец* (453 употребления) широко известен по экранизации режиссером Фрэнсисом Фордом Coppолой гангстерского романа Марио Пьюзо «Крестный отец» (ср.: *Арест „крестного отца“ РУЭ Семена Могилевича укрепил эти надежды* [Кто стоит за угрозами «Газпрома» Украине]; *Фредерик Форсайт, писатель, автор книги „День Шакала“*; *„Одесса файл“: — Необходимо объявить бескомпромиссную войну „крестным отцам“ террористов* [Озеров 2011]).

Недостаточное знакомство с культурологическим содержанием внутренней формы фразеологизмов не препятствует их широкому использованию в современных массмедиа и в том случае, если принцип мотивации семантики данных ФЕ не требует специальной расшифровки, а их значения легко выводятся из общеязыковых значений слов, общего представления о ситуации, например: *дети подземелья* — 43 употребления

(рассказ В. Г. Короленко; «жить в подземелье плохо»); *на деревню дедушке* — 29 употреблений (рассказ А. П. Чехова; «без фамилии адресата и без указания конкретного населенного пункта, улицы и дома невозможно достичь желаемой точки в пространстве»); *сирота казанская* — 14 употреблений (из российской истории времен Ивана Грозного; «сирота не защищен и слаб»); *тень отца Гамлета* — 12 употреблений (трагедия В. Шекспира; «тень бесплотна»).

Приведем примеры: *Видимо, она намекает на то, что дело не столько в программе, сколько в муже ее автора — Евгении Киселеве, который, как тень отца Гамлета, все еще незримо присутствует в стенах энтэвэшных редакций* [Труд-7. 2005. 5 мая]; *И Центробанк нависает над ним, как тень отца Гамлета — до небес* [Седов 2003].

Достаточно активно в современных газетных массмедиа используются фразеологизмы, восходящие к прецедентным текстам советской эпохи, причем мотивация их семантики может опираться на общие знания носителей языка, а может пониматься только при знании сюжета прецедентного текста (ср.: *дети разных народов* — 21 употребление (цитата из «Гимна молодежи» 1957 г.); *дети лейтенанта Шмидта* — 44 употребления (цитата из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок»)). Например: *Но, похоже, по-настоящему не просчитывается то, что „дети разных народов“ могут стать серьезной внутренней проблемой для России* [Проценко 2005]; *Особенно если это биографии „детей лейтенанта Шмидта“, коих времена перемен всегда рожают в избытке (см. историю Сергея Мавроди и т. п.)* [Яковлева 2010].

Другим фактором, который влияет на степень частотности в использовании ФЕ в современном газетном политическом дискурсе, является функциональная маркированность отдельных лексем в составе внутренней формы фразеосочетаний и идиом. Как правило, не употребляются или редко встречаются в текстах ФЕ, в состав которых включены историзмы, архаизмы (лексические и семантические), а также малоупотребительная лексика, например: *лепта* (историзм) *вдовицы*; *сын персти* (архаизм); *сын природы* (архаическое значение). Обычно не фиксируются в СМИ устаревшие фразеологизмы (например, *Христова невеста*; *вниз по матушке по Волге*; *Евина дочка (внучка)*; *кто ни поп, тот батька*).

На востребованность тех или иных членов разбираемого фразеосемантического поля оказывает влияние и то, что многие совре-

менные носители русского языка плохо знакомы со сложной семейной терминологией не прямых / некровных родственников (*деверь, кум, сват* и др.). Так, почти не используются журналистами такие, например, фразеологизмы, как *ни кум ни сват; ни кум ни брат; невестке в отместку; кум королю*.

Исследователи отмечают, что в современном обществе семья мыслится главным образом как нуклеарная, т. е. состоящая из кровных родственников, проживающих на одной жилплощади [Ср.: Балясникова 2011: 8]. Возможно, это также сказывается на частотности членов рассматриваемого фразеосемантического поля в газетных текстах начала XXI в.: самыми употребительными оказываются обычно ФЕ, содержащие во внутренней форме наименования близких кровных родственников — *мать, отец, брат, сестра, сын, дочь*. Однако главным фактором, обуславливающим выбор конкретной фразеологической единицы, является все же не состав ее внутренней формы, а семантика ФЕ, тематика публикации и конкретные задачи, которые ставит перед собой автор, употребляя данный фразеологизм.

Так, при описании семейного положения героев публикации журналисты регулярно используют терминологические фразеосочетания в их прямом значении, выполняющие в таком случае дифференцирующую функцию (ср.: *двоюродный брат* — 301 употребление; *двоюродная сестра* — 170; *мать-одиночка* — 114; *отец семейства* — 75; *сводный брат* — 57, *приемный сын* — 45; *круглый (круглая) сирота* — 43), например: — *Брат у меня хотя и замкнутый, но человек хороший и никак не псих, — вздыхает Вячеслав Голтыяев, двоюродный брат Шаталова* [Шепель-Куропатов, Малокович 2007]; *Я росла в очень большой семье: я старшая среди 14 двоюродных братьев и сестер* [Галкина 2007]; — *Погибло сразу три сводных брата, — ужасаются жители поселка* [Басилая, Ходик, Бахтиярова 2008]; *К тому же не все дети, рожденные вне брака, воспитываются матерями-одиночками* [Кузнецова 2007]; *А сам отец семейства после отъезда супруги прожил в Дементьевке еще год* [Варданян 2011]; *Фердинанд Врангель родился 9 января 1797 года в Пскове в дворянской семье. Рано остался круглым сиротой* [9 января].

Другой востребованный семантический класс фразеологизмов — это экспрессивные десемантизированные коммуникативы междометного типа и номинации речевых жанров, обычно стилистически сниженные (ср.: *к чертовой матери!* — 247 употреблений; *сукин сын* — 211; *резать (рубить) правду-*

матку — 47; *мать честная!* — 42; *матерь божья!* — 27; *батюшки мои!* — 9). Основная функция таких ФЕ в тексте — выразить отношение к предмету речи, создать впечатление живой речи. Не случайно многие из этих единиц фиксируются в прямой речи персонажей публикаций, например: *„Если вы чувствуете, что в вашем издании есть цензурные ограничения, что вам указывают, что надо писать, а что нет — не наступайте себе на горло. Уходите оттуда к чертовой матери. Талант всегда найдет себе применение“*, — *призвал молодых журналистов популярный радиоведущий* [В. Познер 2008]; *Вот и мечется он, не зная, что ему делать: то ли послать всех к чертовой матери, то ли срочно просить прощения у тех, кого обидел* [Федина 2007]; *Думаю, ах ты, сукин сын, и ты там!* [Соломонов 2007]; *Она, словно в своей квартире, разбирается в политическом закулисье, может по полочкам разложить схему любого экономического обмана, дружит с олигархами и заставляет хвататься за валокордин чиновников — знай себе режет правду-матку в газетных статьях и радиоз эфирах* [Кривякина 2007]; *Батюшки мои, я никогда не думал, что из этого барахла можно сделать чудо-квартиру...* [Плешакова 2006].

Третий семантический блок частотных ФЕ — социально-личностная характеристика человека (терминологическая и экспрессивная дифференциация героя публикации по его идеологическим, социально-политическим связям, имущественному положению, нравственно-этическим установкам). С помощью книжных и разговорных фразеологизмов журналисты дают эмоционально-экспрессивную оценку личности, ее поведения и отношения к другим людям (ср.: *духовный отец* — 115 употреблений; *маменькин сыночек (сынок)* — 51; *духовная дочь* — 40; *впитать в себя (всосать) с молоком матери* — 37; *духовный сын* — 28; *братья по оружию* — 28; *в семье не без урода* — 27; *братья по классу* — 10), например: *Что господ нынче нет, как сын своего времени, я тоже имел твердое убеждение* [Макаров 2007]; *Вряд ли будет преувеличением назвать такого подонка духовным сыном политиков, выпускающих из бутылки нацистского джинна* [Кириллов 2007]; *Недаром „духовной дочерью Аввакума“ себя называла боярыня Морозова, запечатленная Суриковым, когда она с такими же истовыми раскаленными глазами вскинула над головой двуперстие* [Е. Евтушенко 2003]; *Не стоит сомневаться, что вскоре призы-вы занять место „лидера нации“ сменятся*

пожеланиями трудящихся к Путину стать „духовным отцом всех россиян“ или тому подобными причудами [Экспертиза «Нового Региона»: лидер нации]; „**Блудный сын**“ ФСБ раскрыл имена британских разведчиков, выходивших с ним на связь [Березовский сдал Россию]; „Ну что она с ним сюсюкает? Из него же получится **маменькин сынок!**“ [Сенина 2007]; Да и Путин очень жесткий указ принял, как все знают, в прокуратуре специальная группа будет создана, которая проследит за движением больших денег. Согласен, **в семье не без урода**. Но для некоторых, самых уродливых, конец будет печальным [Козин 2007].

Наконец, еще один семантический блок, регулярно используемый в СМИ, — фразеологизмы, характеризующие семью, этническую общность как эмоционально-нравственное единство. С помощью данной тематической группы ФЕ журналисты, с одной стороны, стремятся подчеркнуть значимость для современного общества патриотизма и традиционных семейных ценностей, а с другой — часто фиксируют отсутствие таковых у многих социальных групп (ср.: *отчий дом* — 145 употреблений; *деды и прадеды (отцы и дети)* — 51; *семейный очаг* — 107; *отчий край* — 10). Приведем примеры: *Это — отчий дом для всех православных христиан Украины* [Ющенко надеется на создание на Украине единой православной церкви]; *И понял: нет, не только высокая служба и занятость разлучили его с отчим краем* [Князев 2005]; *В подчеркнутом возвышении нехитрого, казалось бы, дела — надежда, что родившиеся, повзрослев, не покинут отчий край, сделают все для его процветания* [Рогов 2003]; *С кем жить и на кого опираться, решил не Багапш. Это решили наши деды и прадеды. Но то, что веками нарабатывалось, можно разрушить одним росчерком пера, чтобы восстановить доверие одного народа к другому, нужны столетия* [С. Багапш. 2007]; *Наши деды-прадеды под себя никогда не гребли* [Зюзяев 2007]; *Чтобы семейный очаг дарил тепло, душевный комфорт, самому следует подпитывать его* [Бастрич 2007].

Наконец, можно выделить еще одну особенность в использовании исследуемых фразеологизмов в современном газетном политическом дискурсе. Регулярно авторы публикаций употребляют книжные, идеологически и нравственно-этически наполненные идиомы в иронических контекстах. При этом ирония обычно направлена не на те духовные ценности, что отражены в концептуальном содержании фразеологизмов, а на героев публикаций, на описываемые соци-

ально-политические и этические ситуации, например: *Пресс-служба президента Грузии до последнего накаляла интригу, но в воскресенье вечером раскололась: блудный сын уже в Батуми, где встречает и. о. президента Молдавии Михая Гимпу* [Чинкова 2010]; *Поэтому все стоят в одной общей очереди: специалисты по сельскому хозяйству, возвращающиеся в отчий дом, а рядом — не знающие русского языка спецы по торговле узбекскими дынями и кавказским урюком* [Штешин 2007]; *Он, было устроившийся при Федотове в комфортной позиции духовного отца-командира игры, здесь вынужден был снова засучить рукава* [Цыбанев 2006]; *Ожидается, что, несмотря на суженный формат визита в нижнюю палату, время начала которого не было известно до последнего, венесуэльский лидер успеет рассказать „братьям по оружию“ о ближайших планах по борьбе с империализмом* [Ахромова 2007].

Безусловно, в конкретных статьях, в зависимости от их тематики и прагматических целей автора, используются разные ФЕ. Вместе с тем показательным является то, что в современных газетных СМИ наиболее востребованными оказываются те семантические блоки единиц, что составляют ядро фразеосемантического поля «Семья». Всё это свидетельствует об актуальности данной части фразеологической системы в картине мира современных носителей русского языка.

ИСТОЧНИКИ

1. 9 января // РИА «Новости». 2008. 9 янв.
2. А. Зюзяев. «Дерипаска готов отдать „РУСАЛ“ государству» // Комсомольская правда. 2007. 16 июля.
3. Ахромова М. Своих Чавесов мало // Труд-7. 2007. 28 июня.
4. Басилая В., Ходик Д., Бахтиярова А. В Татарстане четверо школьников погибли под снежной лавиной // Комсомольская правда. 2008. 29 янв.
5. Бастрич А. 1 ноября, четверг // Труд-7. 2007. 1 нояб.
6. Березовский сдал Россию // РБК Daily. 2007. 26 июня.
7. В. Познер: «На Первом канале нет никакой цензуры. Разве что чуть-чуть» // Новый регион 2. 2008. 11 февр.
8. Варданян А. Отец подозреваемого в организации теракта в Домодедово Магомед Ганижев: «Сын полгода назад ушел из дома, и с тех пор я о нем не слышал» // Комсомольская правда. 2011. 9 дек.
9. Галкина Г. Джессика Альба: «Джеймс Кэмерон сказал мне: „Ты — будущее нации“» // Известия. 2007. 24 дек.
10. Демченко В. Жизнь номер два // Известия. 2010. 22 апр.
11. Е. Евтушенко. «В начале было Слово» // Труд-7. 2003. 6 февр.

12. Кириллов В. Россия для скинхедов? // Комсомольская правда. 2007. 13 февр.
13. Князев В. Неслучившееся покаяние // Труд-7. 2005. 14 апр.
14. Козин В. Сколько заплатили за Олимпиаду в Сочи? // Комсомольская правда. 2007. 2 авг.
15. Кривякина Е. Писатель Юлия Латынина: «Преступление для чиновника — это часть его привилегий» // Комсомольская правда. 2007. 26 дек.
16. Кто стоит за угрозами «Газпрома» Украине // Новый регион 2. 2008. 8 февр.
17. Кузнецова Е. Без брака // Труд-7. 2007. 25 дек.
18. М. Сенина. «Бейте не лица, а посуду!» // Труд-7. 2007. 12 окт.
19. Макаров А. Наука угождать // Известия. 2007. 13 нояб.
20. Национальный корпус русского языка = НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
21. Озеров М. Британия на пороховой бочке // Комсомольская правда. 2011. 30 марта.
22. Острякова Е. Янукович едет в Крым: старые донецкие победили «Росукрэнерго» // Новый регион 2. 2010. 16 марта.
23. Пleshакова А. Наталья Гундарева: «Если мне не везет, я впрягаюсь и везу сама» // Комсомольская правда. 2006. 18 апр.
24. Проценко А. Дети разных народов // Труд-7. 2005. 13 дек.
25. Розов Л. Живой Кузбасс // Труд-7. 2003. 14 марта.
26. С. Багати. «Новому Региону»: «Моя жена, грузинка, еще больший сепаратист, чем я». // Новый регион 2. 2007. 31 июля.
27. Седов А. Министр финансов России в 1996 — 1997 годах, зам. гендиректора компании «Русский алюминий» Александр Лившиц: «Доллар и евро — это вечное танго вдвоем» // Комсомольская правда. 2003. 10 февр.
28. Соломонов А. Георгий Жженов: «Я сказал жене: „Не жди меня. Девяносто с лишним процентов, что я где-то погибну“» // Известия. 2007. 24 дек.
29. Стешин Д. Едем мы на Родину. А она нас — венником // Комсомольская правда. 2007. 23 февр.
30. Труд-7. 2005. 5 мая.
31. Федина А. В гламуре жить и умереть // Известия. 2007. 24 дек.
32. Цыбанев Ю. Недолго музыка играла... // Советский спорт. 2006. 22 мая.
33. Чинкова Е. Саакашвили снова потерялся... // Комсомольская правда. 2010. 15 авг.
34. Шепель-Куропатов В., Малокович И. Во время штурма милиционер-подрывник поджег себя // Комсомольская правда. 2007. 30 дек.
35. Экспертиза «Нового Региона»: лидер нации // Новый регион 2. 2007. 29 окт.
36. Ющенко надеется на создание на Украине единой православной церкви // РИА «Новости». 2009. 25 июля.
37. Яковлева Е. Жизнь навзлет // Известия. 2010. 11 нояб.

ЛИТЕРАТУРА

38. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М.: Эллис, 2008.
39. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11—23.
40. Балясникова Е. А. Гиперконцепт СЕМЬЯ/ДОМ — FAMILY/HOME в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2011.
41. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — М.: Мир энциклопедий «Аванта +», 2007.
42. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический слов. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
43. Бойко М. А. Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности СМИ // Политическая лингвистика. 2005. № 17. С. 163—178.
44. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
45. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.
46. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 5-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1994.
47. Наумов К. Д. Функционирование идиом на базе славянских языческих представлений в русском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 136—144.
48. Сиротинина О. Б. От кого зависит судьба русского языка? // Русская речь. 2007. Янв.-февр. С. 44—50.
49. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19—31.
50. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Аст-Пресс Книга, 2009.
51. Тихонов А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2004.
52. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. — М.: Русский язык, 1990.
53. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2012.
54. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.
55. Яранцев Р. И. Русская фразеология: слов.-справочник. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. В. Балашова

УДК 811.161.1'373.6 81'42
ББК Ш105.51+Ш141.12-3

ГСНТИ 16.21.63

Код ВАК 10.02.19

О. Д. Сурикова О. D. Surikova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**СЛОВА БЕЗБОЖНИК
И БЕЗЗАВЕТНЫЙ В ДИАХРОНИИ
РУССКОГО ДИСКУРСА**

**THE WORDS БЕЗБОЖНИК
AND БЕЗЗАВЕТНЫЙ IN THE DIACHRONY
OF THE RUSSIAN DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается динамика изменений в семантике, коннотациях и сочетаемости русских слов «безбожник» и «беззаветный» в книжной и народной традициях. Эти трансформации во многом обусловлены преобразованием общественных ценностей (в частности, отношения к религии), но связаны также и с собственно лингвистическими причинами. Устанавливается возможность аналогичного или, напротив, несхожего функционирования данных лексем в официальном и «народном» дискурсе; выясняется роль негативизирующего префикса «без-» в языковой «судьбе» этих слов.

Abstract. The article is devoted to the changes in semantics, connotations and collocation of Russian words «безбожник» and «беззаветный», functioning in literary and folk traditions. These changes are determined by the transformation of social values (by the attitude to religion in particular) and linguistic causes. The possibility of analogical or, on the contrary, dissimilar functioning of these words in official and folk discourse is proved in the article. The role of negative prefix «без-» in language being of these lexemes is clarified.

Ключевые слова: русистика; лексикология; историческая семантика; приставки; приставка «без-»; лингвистическая аксиология.

Key words: Russian studies; lexicology; historical semantics; prefixes; prefix «без-»; linguistic axiology.

Сведения об авторе: Сурикова Олеся Дмитриевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

About the author: Surikova Olesja Dmitrievna, Post-graduate Student, Department of the Russian Language and General Linguistics.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 306.
e-mail: surok62@mail.ru.

Об отражении динамики общественных ценностей в языке (как «экстенсивным» путем, состоящим в появлении новых слов, так и «интенсивным», заключающимся в изменении сочетаемости, коннотаций, частотности употребления уже имеющих в языке лексических единиц, возникновении новых смысловых линий, тем в их семантике [Березович 2011: 121]) в отечественной науке за последние десятилетия было сказано немало (краткую библиографию вопроса см. здесь: [Там же: 122]). Интересу к аксиологическому аспекту лексических (и семантических) инноваций способствует «чуткость» языка к трансформациям ценностного фонда его носителей; эти трансформации (преобразование старых ценностей, возникновение новых) во многом обусловлены существенными и быстрыми изменениями в социальной жизни, общественными катаклизмами, которые связаны со сменой идеологии и государственного строя и т. д. Повышенное внимание лингвистов к сдвигам в значении, коннотациях и сочетаемости слов вызвано «несостыковкой» картин мира и их лексической концептуализации у представителей разных поколений. Такая несостыковка особо чувствуется в настоящее время, поскольку

ку большинство исследователей языка XXI в. принадлежит к «другой» парадигме социального воспитания и поведения^[1]. Значительная часть работ, направленных на изучение динамики лексических изменений, выполнена на материале литературного языка, — ведь именно он является «родным идиомом» для лингвистов и для тех, чья языковая компетенция исследуется (а значит, демаркационная линия в словоупотреблении и словоизменении ясно видна), и именно в нем (особенно в его обиходно-разговорном и публицистическом стилях) отчетливо фиксируются изменения, происходящие за относительно короткие (от нескольких месяцев до нескольких десятилетий) временные отрезки.

Представляется, что результаты наблюдения за лексическим отображением динамики ценностей могут быть полнее, если, поставив задачей изучение развития того или иного слова на протяжении большего периода, привлечь к анализу данные не только современного русского литературного языка (толковые статьи из словарей, тексты публицистики и художественных произведений^[2]), но и диалектов, а также материал фольклора, сведения из истории языка. Использование

всех этих источников позволит проследить языковую жизнь лексемы (репрезентирующей определенную ценность) как в традиционной картине мира (это обеспечивает диалектный, общенародный и отчасти фольклорный материал), так и в книжной культуре (данные диахронии и литературного языка). Параллельное наблюдение над бытованием слова в народной и книжной традициях даст возможность установить их вероятные взаимовлияние и пересечение — или, напротив, относительную или полную автономность.

Заметить возможные трансформации в семантике и функционировании лексем не только в литературном языке, но и в диалектах реально, если выбрать для анализа слова из аксиологической сферы, которая, с одной стороны, достаточно устойчива, имеет долгую историю и входит в число базовых для человека, а с другой — подвержена изменениям, связанным с внешними, социальными или политическими, факторами. Этими свойствами обладает, например, лексика религиозной сферы, претерпевшая значительные метаморфозы (связанные с общечеловеческими переменами), в частности в XX в., и тесно взаимодействующая с нравственно-этической и социальной сферами. Известно, что определение религиозной «аутентичности» (конфессиональной и внутриконфессиональной принадлежности, верного и последовательного исполнения религиозных ритуалов, соответствия религиозным нормам и установкам) кого-либо дает основания для приписывания этому лицу того или иного социального статуса и наделяет его моральными оценками^[3]. Представляется, что изучение языковой жизни слов, относящихся к сфере религии, а значит, находящихся на этом аксиологическом «средокрестье» (пересечение собственно религиозных, а также нравственных, социальных представлений), способно дать весьма показательные результаты.

В данной статье предлагается анализ изменений в семантике, прагматике и синтактике двух русских слов — *безбожник* и *беззаветный*. Оба они имеют в своем составе приставку *без-*. Префиксация с этим формантом по определению аксиологична, ср. замечание А. Ф. Журавлева о ее ценностном характере: «Естественно полагать, что специальное лексическое выражение, концептуальное выделение с помощью особой единицы лексического состава получает отсутствие или недостаток не любого, но лишь весьма значимого объекта или качества...» [Журавлев 1999: 12]. Кроме того, лексемы с префиксом *без-* часто обладают оттенком пейоративности, поскольку могут служить для обозначения аномалии: *без че-*

го-го (ohne etwas). В сфере религиозной диалектной и общенародной лексики это подтверждается фактом преимущественного присоединения *без-* к основам, имеющим позитивное значение (с получением негативной семантики «на выходе»), ср. сиб. *безвѣрый* 'не верящий в Бога' [Афанасьева-Медведева 2: 436] от *вера*, перм. *бескрѣстница* 'женщина, которая не носит креста' [СРНГ, 2: 268] от *крест*, прикам. *бесмолитвенный* 'нечистый' [СРГЮП, 1: 48] от *молитва* и т. п. Единственное исключение, обнаруженное нами, — случаи сочетания префикса *без-* и основы *грех*, которая номинирует негативное явление, с положительным значением результирующего образования: например, пск. *безгрѣшный* 'несогрешивший, невинный' [ПОС, 1: 150]. При достаточно высокой активности образований вроде *безверный* или *безбожный* не существует дериватов с префиксом *без-* от основ типа *дьявол* или *черт* (т. е. обозначения сверхъестественных существ — противников Бога префиксации с данным формантом не подвергаются). Изучение динамики значения, коннотаций и сочетаемости образований с *без-*, имеющих свойства оценочности и пейоративности, способствует пониманию того, как «живет» в языке негация, как осмысливается отрицание, как оно сохраняется или, напротив, элиминируется под воздействием различных факторов (собственно языковых: естественные десемантизация, деэтимологизация — и внеязыковых: насильственное изменение (вплоть до полярного) оценочных коннотаций слов в рамках языковой политики государства).

Поскольку выбранные для анализа слова функционируют в разных языковых идиомах (лексема *безбожник* общенародная, а слово *беззаветный* принадлежит преимущественно литературному языку) и предположительно обладают разной степенью древности (*безбожник* в языке имеет долгую историю, *беззаветный* же впервые фиксируется в середине XIX в.), для их изучения привлекаются разные источники материала.

БЕЗБОЖНИК

По указанию Н. М. Шанского, слова *безбожие* и *безбожный* заимствованы из старославянского языка. Ст.-сл. «безбожьнь», «безбожьнии» отмечается уже в Изборнике Святослава 1073 г. и является словообразовательной калькой греч. *ἄθεος* 'безбожный', префиксального производного от *θεός* 'бог', а ст.-сл. «безбожие», в свою очередь, — калька греч. *ἄθεον* 'безбожный' [Шанский 2: 71].

В выборку из словарей русских говоров входят 5 лексем, образованных путем присоединения приставки *без-* к корню *бог-*,

и все они имеют прямые значения (с традиционными негативными коннотациями) 'неверие в Бога', 'неверующий в Бога': перм. *безбѣжетъ* 'становиться безбожником' [СРНГ, 2: 181], пск. *безбѣжий, безбѣжный* 'неверующий в бога' («Стали безбожия, нарот прагряшыл»; «Теперь фсе безбожнии, Христа не признают») [ПОС, 1: 148], пск. *безбѣжник* 'кто не верит в бога' («Тяперь ня верят богу, с религией перервѣт, безбожники пашли») [Там же]^[4], арх. *безбѣжной* 'неверующий в бога' [АОС, 1: 146].

Негативные коннотации и общая пейоративная семантика производных с префиксом *без-*^[5] приводят к расширению значения слова, ср. пск. *безбѣжник* 'о капризном ребенке' [ПОС, 1: 148], перм. *безбѣжетъ* 'использовать для достижения чего-либо бесчестные приемы' [СРНГ, 2: 181], пск. *безбѣжный* 'эпитет всех врагов Руси: нечестивый, творящий зло' [ПОС, 1: 148]. В книжной традиции (очевидно, оказавшей влияние на традицию народную) представлены частотные контекстуальные партнеры *безбожия* — *лживость* и *нечестивость*. Более того, в Библии, церковной и святоотеческой литературе *нечестивый* часто является субститутом *безбожника*^[6], а в словарях старославянского и древнерусского языка эти лексемы определяются друг через друга, ср.: ст.-сл. «безбожьнъ» 'sine Deo, impius, foedatus' [ССЯ, 1: 73], др.-рус. *безбожникъ* 'нечестивец' [СлРЯ XI—XVII, 1: 93], *безбожный* 'нечестивый, связанный с вероотступничеством' [Там же], *безбѣжный* 'беззаконный, нечестивый' [СлСРЯ, 1: 26], *безбѣжничать* 'не иметь страха Божия; поступать беззаконно, нечестиво' [Там же]; ср. также др.-рус. *нечестивый* (*нечѣстивый*) 'нечестивый, безбожный' [СлРЯ XI—XVII, 11: 350], *нечестивовати* (*нечѣстивовати*) 'быть нечестивым, грешить, совершать преступления' [Там же: 349].

Обратимся к примерам из текстов. Тенденция к контекстуальному соседству или синонимии слов *безбожник/безбожный* и *нечестивый* (в ряде случаев в значении существительного) *бесчестный* (*лживый*) чрезвычайно сильна, ср. хотя бы библейское: *Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия* (Иер. 23:14; здесь и далее выделения в контекстах наши. — О. С.); *В надмении своем нечестивый пренебрегает Бога* (Пс. 9:25); *Далек Господь от нечестивых* (Притч. 15:29), а также некоторые позднейшие тексты: *югда же оуже повѣдано бысть безбожною оно и нечѣстивою повѣданію* [ССЯ, 1: 73]; *Хотя в настоящее время, за*

орехи наши, попущением Божиим, по Его непостижимым судьбам, ты, по-видимому, и превозмог, и нападаешь на благочестивых, — ты, нечестивый и безбожный (прп. Максим Грек); *Лицемеры бо, святыню себе притворяюще, прямые суть безбожники* (Феофан Прокопович); *Языком я могу сказать: я верю, что „едино сущи троится. О преславного обращения!“ Но если я скажу это, я буду лжец и безбожник* (Л. Н. Толстой) и мн. др.

Нечестивость *безбожника* как его основная характеристика приводит к появлению антонимической пары *безбожный* — *благочестивый*, ср. др.-рус. *благочестивый* 'христианский; православный', *благочестие* 'набожность, благоговение // истинная, христианская вера; православие' [СлРЯ XI—XVII, 1: 229], ср. в языке XVIII в. *благочестіе* 'иногда берется за веру христианскую' [САР, 6: 728]. Тем самым понятие религиозности (сам факт ее и «правильное» выполнение обрядов и обычаев) приближается к представлениям о чести. С одной стороны, известные современному русскому языку значения слова *честь* ('достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы', 'хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя', 'целомудрие, непорочность', 'почет, уважение' [Шведова 2007: 1090]) наследуют широкий диапазон значений ст.-сл. и др.-рус. «чьсть», которые можно обобщить в виде 'подобающий, достойный, вызывающий уважение', — и такая семантика имеет социальный «уклон» (хотя синкретизм нравственного, религиозного и социального смыслов этого слова чрезвычайно силен, и невозможно не учитывать вклад каждого из них). С другой стороны, *честь* может пониматься преимущественно в нравственно-религиозном ключе (ср. ст.-сл. «чьсть» 'набожность, богобоязненность' [ССЯ, 4: 904], ст.-сл. «чьстью» 'набожно' [Там же: 905], «чьстьнъ» 'набожный, богобоязненный' [Там же: 906], рус. XVIII в. *честивый* 'набожный, почитаемый ради набожества' [САР, 6: 726]) и даже приобретать собственно религиозные смыслы: ст.-сл. «чьсть» 'почитание, культ, религия' [ССЯ, 4: 903], «чьстьнъ» 'святой, священный', 'духовный, священнический' [Там же: 906, 907], ср. также титулы священнослужителей, отмеченные в XVIII в., — *честный* или *честнѣйшій отецъ* 'название из учтивости придаемое протоиереям, священникам и диаконам' [САР, 6: 727] и *Всечестнѣйшій* или *Пречестнѣйшій отецъ* 'титло, придаемое архимандритам, игумнам, также и протоиереям' [Там же].

Нечестивость (а также *лживость* и *неправедность*) — основная характеристика

врагов в частотной ситуации, когда иноверие становится основой категории «чуждости», а оппозиция «свой — чужой» строится на признаке принадлежности к христианству вообще и православию в частности (ср. многочисленные обозначения типа *нехристь, неверок, язычник, иудей* и проч.; подробнее о мотивационной специфике ксенономинации см.: [Березович 2007: 404—467]), например: др.-рус. *безбожный* 'не знающий бога, языческий, не христианский' [СлРЯ XI—XVII, 1: 93], др.-рус. *безбожие* 'неверие в бога, отсутствие истинной (т. е. христианской) веры' [Там же], рус. *безбожие* 'отрицание бытия Бога; непризнание христианства или православия' [СлРЯ XVIII] и, наконец, др.-рус. *безбожьныи* 'эпитет всех врагов Руси: литвы, татар, половцев и т. д., иногда с прибавкою: *оканьныи, поганьи сыроядець*' [Срезневский, 1: 50]. Разнообразие врагов и их *безбожие* демонстрируют некоторые контексты: ст.-сл. *поплгънивь славьныа грады безбожьныхъ срацинь; безбожьство съ егуптсьскимъ зломъ* [ССЯ: 73], др.-рус. *Еллиньскимъ ... обдержими безбожиемъ; Тогда же гаяншася оканьнии безбожници <татары> отъ Торжку Серегьрьскимъ путемъ; Да и самого того короля <польского>, лютаго врага сопостата нашего, и его способниковъ, такихъ же безбожниковъ, яко же онъ* [СлРЯ XI—XVII, 1: 93]; *Сий же безбожный совет их <литовских панов> сие безбогонадежное умышление их, сию душу и гордую славу ума их король их слышав* [ПОС, 1: 148]; *Безбожие Магометово; А он изменник, гетман Мазепа, перешел к неприятелю с таким злым и безбожным умыслом, дабы Малороссийский народ предать под иго Шведам и Поляком* [СлРЯ XVIII, 1: 162].

Именно эта «иноверческая» линия развития семантики *безбожного* закрепляется в народной традиции — *безбожными* зовутся захватчики, правители чужих земель (ср. у казаков-некрасовцев: безверная вера 'мусульмане, некрещеные // нехристь' [СГКН: 31]), ср. тексты былин: «*Что ты батюшка быстрый Днепр, / Не по-старому течешь ты, не по-прежнему?*» / — «*Надо мной стоит сила неверная / Того **Мамая безбожного***» («Сухман»); *А во том-то городе во Корсуне / Ни царя-то не было, ни царевича / <...> Тут жила-была **Маринка дочь Колдаёвна**, / Она <...>, еретица была, **безбожница*** («Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна»); *А и пришло, видно, в полон отдать / Славный город наш Киев-от / А и безбожному царю уж как **Калину**; Ужь слух доходяше русским князем, яко **безбожнии татарове** многи страны поплениша: ясы,*

обези, касоги и безбожных половец множество избиша. Сюда же должны быть отнесены сказка «Про **Маяя безбожного**» и фрагмент текста архангельского заговора, в котором упоминается, по всей видимости, ветхозаветный Урий (вероятней всего, имеется в виду певец Урий (Езд. 10:24), «взявший жену иноплеменную» и «тем увеличивший вину Израиля»). Если принять эту версию, обоснованными становятся эпитет *безбожный* и наказание для певца — *заграждение уст*: *Горе сатаны и демономъ и бьсомъ и горе еретикомъ, которыи бьсовзкие полки призываютъ, и имъ Господь заградить уста, аки у Вала-сама волхва, и аки **Урия безбожнаго*** («Слова от порчи») [Ефименко 1878: 151].

Расширение значения в сторону общей негативной характеристики — общая тенденция для префиксальных конструкций с элементом *без-*, и она также проявляется в семантическом развитии слова *безбожник*. В частности, расширением пейоративности данной лексемы обусловлено ее употребление в качестве иронической характеристики попа в сказках о смерти собаки/козла: *Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, **безбожник**, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды.* Вообще народная традиция, по всей видимости, слабо осваивает лексику, образованную по модели «*без- + бог-*». Об этом свидетельствуют невысокая частотность такой лексики в фольклорных текстах^[7], узкая сочетаемость и небольшая глубина семантической деривации (линия «иноверчества», вероятно, заимствована из книжной культуры).

Изменения в прагматике и синтактике дериватов с префиксом *без-* от корня *бог-*, произошедшие в литературной традиции под влиянием экстралингвистических факторов в XIX и XX вв., весьма существенны.

Как показывает анализ художественных текстов и мемуаристики, во второй половине XIX в. *безбожие* утрачивает исключительно негативную семантику, что обусловлено почти вековым на тот момент влиянием вольтерьянства и распространением в России идей немецких философов-атеистов. *Безбожие* еще не оценивается положительно, но уже оправдывается, ср. контексты типа *Я стал об Василии Кельсиеве вспоминать и говорю: хоть и **безбожник** он был, и детей своих не крестил, и пьяница, а уж что за **умнейший человек-то...*** (1883, К. Н. Леонтьев), *Шопенгауэр — **закоренелый безбожник**; но мне кажется, что его **открытое, нередко доходящее до кощунства безбожие, для искреннего верующего серд-***

ца должно быть симпатичнее, нежели то деликатное упразднение всего существенного веры — иногда под видом ее философского обоснования... (1888, Л. М. Лопатин), *Это был многоглаголивый генерал и камергер Алексей Михайлович Пушкин, остряк, вольтериянец, циник и безбожник* (1850—1860, Ф. Ф. Вигель), *Окружили меня образованные безбожники и ученые люди, гласные гор. думы и царицынские купцы* (1910, проповедь иером. Илиодора). Уже из приведенных отрывков заметно, что контекстными партнерами *безбожника* чаще всего становятся слова, содержащие характеристики мыслительной деятельности и интеллектуального уровня человека (*ученый, образованный, умный* и под.), а атеизм понимается как прерогатива («простительная шалость») интеллектуальной элиты. Однако же, естественно, процесс переосмысления безбожия не был всеобъемлющим, а традиционное христианское к нему отношение сохраняется и доминирует (ср. хотя бы следующее свидетельство из «Русского голоса» за 1908 г.: *Гласный Андион, лидер союза русского народа протестуя против чествования, с криком: „Левка Толстой — еретик, безбожник“, покинул зал*).

После революции 1917 г. государственная атеистическая идеология «спускает сверху» однозначно позитивное отношение к безбожию, а лексика, образованная по модели «без- + бог-», не только утрачивает негативные коннотации, но даже и развивает новое (нейтральное) значение. Это касается в первую очередь слова *безбожник*, приобретшего статус идеологемы: оно употреблялось в значении ‘активист в области атеистической пропаганды’ [Скляревская 2001; Скляревская СПЦК: 28]. Ср. дефиниции префиксальных дериватов с *без-* от корня *бог-*, представленные в толковом словаре Д. Н. Ушакова: *литер. безбожие* ‘отрицание бога // борьба с религией, антирелигиозная идеология или деятельность (нов.)’, *безбожник* ‘человек неверующий в бога, атеист // член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.)’, ‘употреблялось как укор. бран. слово в знач. дурной, озорной человек (устар.)’, *безбожный* ‘прил. к *безбожие* и к *безбожник*; антирелигиозный (нов.)’, ‘бессовестный, возмутительный (разг. устар.)’, *безбожнический* ‘прил. к *безбожник*’, *безбожничать* ‘совершать безбожные поступки (разг. устар.)’, *безбожница* ‘женск. к *безбожник*’ [Ушаков]. Обращают на себя внимание не только пометы «устар.» при дефинициях, отражающих традиционную семантику *безбожия*, но и частеречное разнообразие лексем, свиде-

тельствующее о большой значимости нового концепта.

Принципиальная важность идеологемы *безбожник* подтверждается также активностью слова в ономастике: в 1922 г. возникла газета «*Безбожник*» (существовавшая до 1941 г.), журналы «*Юный безбожник*», «*Безбожник у станка*» и даже «*Безбожный крокодил*»^[8]; в 1925 г. был создан «Союз воинствующих безбожников» (о деятельности этой организации см., например: [Проскура 2002]). Существовали колхозы с именем «*Безбожник*» (например, в Лиозненском р-не Витебской обл., в Малопургинском р-не Удмуртской АССР, в Кудеверском р-не Псковской обл.). Широко распространен был ойконим *Безбожник* (так названы поселки в Гордеевском р-не Брянской обл., в Татарском р-не Новосибирской обл., в Новоусманском р-не Воронежской обл., в Сосковском р-не Орловской обл., в Мурашинском р-не Кировской обл., в Алатырском р-не Чувашской АССР, в Чечерском р-не Гомельской обл. Белорусской ССР). Появился ряд антропонимов: русские фамилии типа *Безбогов, Безбожнов, Безбожный* (ср. также фамилии *Безверков, Безверный* и проч.). Эти и подобные фамилии могли возникнуть и ранее, а в основе мотивации в таком случае лежали представления о нравственных качествах человека или его принадлежности к секте или иной конфессии. Однако активность «атеистической» лексики в начале XX в. столь высока, что позволяет предположительно относить появление по крайней мере части данных антропонимов именно к этому периоду. Интересно, что *безбожный* может составлять пару «религиозным» онимам (по принципу противопоставления), особенно в топонимии: так, широко известен *Безбожный* (бывший *Протопоповский*) переулочек в Москве (он прославлен в том числе Б. Ш. Окуджавой: «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант. / В Безбожном переулочке хиреет мой талант»). «Свои» *Безбожные* улицы и переулки есть, например, в Рязани, Новосибирске и Перово (ныне район Москвы).

Об исчезновении негативных коннотаций у лексики, образованной по модели «без- + бог-», свидетельствуют и многочисленные контексты из художественной литературы и публицистики. Приведем некоторые из них: *Эти по-настоящему великие люди — чаще всего безбожники и материалисты — все почти доживали до глубокой старости и спокойно, без лишних ахов, криков и причитаний, отходили, как говорилось раньше, „в царство теней и неизвестности“* (М. М. Зощенко); *В станице сейчас нет ни одного неграмотного, все безбожники, введено*

всеобщее обучение <Газетная вырезка> (М. М. Пришвин); *С полной откровенностью могу сказать, что философ не научил меня равнодушно относиться к собственной гибели и жизнь для меня по-прежнему мила во всех ее проявлениях, но старый безбожник разрушил мою детскую веру в небожителей, и я пустился в житейское плавание с душою, освобожденной от жалких предрассудков и ложных суеверий* (А. П. Ладинский). Безбожие в значении 'антирелигиозная деятельность' приобретает невозможную прежде сочетаемость, ср., например: *К этому сословию, презираемому и осмеянному всеми агитами и стеназами, директор, старый профессиональный безбожник, таил какую-то особую слабость* (Ю. О. Домбровский); *Товарищ Кабанов, активный безбожник, сообщал в ПК...* (Ю. П. Анненков). Безбожие как неверие в бога, атеизм — единственно возможная и «правильная» позиция, поэтому автономизация безбожник нейтральна и частотна, ср.: *Пожалуй, другой мальчик — не такой безбожник, как я, — стал бы идолопоклонником и навсегда уверовал бы в жабу, коня и зайца* (В. Каверин); *Я не боюсь покинуть этот мир, хоть я — совершенный безбожник* (В. Шаламов). Ср., с другой стороны, пафос традиционного понимания **безбожия** у А. Солженицына: *Если ты усумнишься хоть в одном догмате веры, хоть в одном слове Писания, — всё разрушено!! ты — безбожник!*

Что касается отражения вышеописанных сдвигов в коннотациях и сочетаемости лексемы **безбожный** в народной традиции, то в ней, по всей видимости, не фиксируются изменения устоявшейся семантики, прагматики и синтактики данного слова. Вышедшие в 1929 и 1930 гг. сборники «Частушки: Безбожный перезвон», «Безбожные частушки» и «Безбожный песенник» к народному творчеству отношения не имеют, они включают в себя авторские тексты (И. и С. Кузнецовых, А. Д'Актиля). Собственно народные антирелигиозные частушки, безусловно, существуют, что объясняется наибольшей «оказиональностью» этого жанра среди других народных, его открытостью, возможностью сочинения и исполнения частушек «на случай»; частушки — своеобразная «новостная лента», фиксирующая изменения в жизни общества. Ср. хотя бы *Мой-то дроля комсомолец, / Я сама-то РыКыПы. / По советам обвенчаемся, / Не надо нам попы* [ЧЗСВ. № 346: 42]; *Оборвался бог с небес / Со всего размаху, / Он задел за облака — / Разорвал рубаху* [ЧЗСВ. № 6728: 306] и под. Однако и в таких текстах нам не удалось об-

наружить ни одного случая употребления слов **безбожник** или **безбожный** (и даже предложно-падежной конструкции **без бога**). Можно предположить, что такая лакуна (при активности идеологемы в официальном дискурсе) связана с невключенностью лексемы **безбожник** в традиционный частушечный словник (в дореволюционных частушках слова, образованные по модели «без- + бог-», также не встречаются). Кроме того, традиционный положительный герой частушки — или собственно автор и ее исполнитель («я»), или «миленочек», и автономизация (или характеристика «дролечки») словом **безбожник**, традиционно отягощенным сильнейшими негативными коннотациями (возможная в рамках политического дискурса), слабо представима. Одно дело новое положительное самоназвание **комсомолочка**, с легкостью вошедшее в язык частушки («Не пойду сегодня в церковь, / Я не богомолочка, / Записуся в комсомол, / Буду комсомолочка» [ЧЗСВ. № 1707: 99]), и совсем иное — древний **безбожник** — враг и иноверец.

В конце XX — начале XXI в., вместе с возвращением религии и религиозно-церковной лексики (о чем см., например: [Скляревская 2001]), семантический вектор слов **безбожник**, **безбожие** и **безбожный**, функционирующих в литературном языке, меняет направление в сторону «прежнего» значения, которое имеет негативные коннотации. Ср. отсутствие стилистических временных помет в дефинициях, представленных в словарях Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой и С. А. Кузнецова: литер. **безбожник** 'человек неверующий, отрицающий существование Бога' [Шведова 2007: 35], **безбожник** 'тот, кто отрицает существование Бога, не верит в Бога', 'перен. бессовестный, бесчестный человек' [Ефремова 2000], **безбожие** 'отрицание существования Бога' [Шведова 2007: 35], 'отрицание существования Бога, отказ от религиозных верований' [Ефремова 2000; Кузнецов 1998: 65], **безбожный** 'не признающий существования Бога', 'недопустимый, бессовестный (разг.)' [Шведова 2007: 35], 'отрицающий существование Бога (о человеке) // противоречащий религиозно-нравственным нормам; греховный', 'не знающий меры; бессовестный (разг.)', 'очень сильный; возмутительный (разг.)' [Кузнецов 1998: 65] (о ликвидации идеологического маркера в толкованиях лексемы **безбожник** в словарях постсоветской эпохи см.: [Михайлова 2004: 99]). Кроме того, очевиден «светский» поворот семантики слова **безбожный** (преимущественно), связанный с упоминавшимся выше расширением пейоративной семантики образований с приставкой **без-**. Иллюстратив-

ные зоны толкования *безбожного* (в расширенном негативном значении) в словарях современного русского языка включают ряд одних и тех же словосочетаний. Типовые контекстные партнеры «светского» *безбожного* (и наречия *безбожно*) — лексемы *враль* (*врать*), *плут*, *пьяница* (*пить*), *путать*. Попытки же «возродить» атеистический пафос советской идеологемы *безбожник* (в число коих входят, например, создание в 2001 г. журнала «Новый безбожник» или перформанс художника Авдея Тер-Оганьяна «Юный безбожник», устроенный в 1998 г.) пока расцениваются как постмодернистская игра.

Интересно сопоставить семантические, сочетаемостные и прагматические особенности слова *безбожник* и его синонима *атеист* (а также пары *безбожие* — *атеизм*). Как упоминалось выше, *безбожник* — словообразовательная калька греческого *ἄθεος*, известная с начала XI в. Лексемы *атеист* и *атеизм*, по данным словаря Н. М. Шанского, заимствованы в XVIII в. из французского языка (фр. *athéisme* образовано с помощью суффикса *-isme* от *athée* 'безбожный > безбожник', представляющего собой переоформление греч. *ἄθεος*), слово *атеизм* впервые фиксируется в словаре Яновского 1803 г., а *атеист* — в словаре Нордстета 1780 г. [Шанский, 1: 170].

Атеист и *атеизм* могут толковаться через лексемы *безбожник* и *безбожие*: литер. *атеизм* 'неверие, безверие, безбожие; неверование в бытие Бога' [Даль, 1: 28], 'система взглядов и убеждений, отрицающая существование Бога, отвергающая религиозные верования и обряды; безбожие' [Кузнецов 1998: 50], *атеист* 'безбожник, отрицающий существование бога' [Ушаков]. Однако достаточно позднее появление *атеиста* при давно существующем в языке *безбожнике* обусловило различия в их функционировании и широте семантического спектра: слово *атеист* имеет исключительно книжный характер и, в отличие от лексемы *безбожник*, лишено семантической деривации. Кроме того, для *атеиста* характерны терминологическая окраска и отсутствие пейоративности, присущей *безбожнику* в том числе за счет смыслового и коннотативного вклада негативизирующей приставки. Поэтому автономинация (и номинация) *атеист* частотна и нейтральна начиная с XIX в. и по сей день (негативный оттенок достигается присоединением к слову *атеист* нелестных и ругательных эпитетов и общим смыслом контекста (средствами негативизации любых нейтральных слов), ср.: *Семинарист проклятый, атеист дешевый* (1850—1881, Ф. М. Достоевский)), ср. некоторые примеры:

Вера сказала, что она не верит в бога, и Алексей Митрофанович протянул ей руку и объявил, что он тоже атеист (1880—1910, Т. Л. Сухотина-Толстая); *Я убежденный атеист и поэтому с удовлетворением отмечал, что журнал „Наука и жизнь“ остался одним из немногих изданий, в которых „клерикализация“ не проявлялась в такой мере, как во многих других* (2007, А. Баскин); *Я вообще атеист, если хочешь знать* (2000, А. Рыбин); *Я атеист, и мои взгляды на религию отражены, в частности, в статьях, помещенных в книге* (2008, В. Л. Гинзбург).

Атеизм умозрительен, это система идеологических установок (литер. *атеизм* 'система взглядов и убеждений, отрицающая существование Бога и отвергающая всякую религию' [Ефремова 2000], 'совокупность положений, отвергающих веру в Бога, в сверхъестественные силы и вообще всякую религию' [Шведова 2007: 23]), потому *атеист* предстает, по всей видимости, более пассивным, чем *безбожник* (враг, греховодник, активный борец с религией), ср. цитату из статьи «Религия революции» Н. Устрялова: «Атеист отрицает по Дарвину, и спокоен равнодушным безразличием», а также фрагмент из романа «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского: Я его еле помню. Атеист он был ярый. Впрочем, может быть, и не атеист, а богоборец — такие тоже тогда бывали. Атеизм менее агрессивен, чем безбожие, потому атеист может уважать религиозные принципы, ср. хотя бы следующий пример: *Во избежание недоразумений скажу, что я — атеист, но неплохо знаю все основные религии и их священные писания и отношусь к ним с глубоким уважением* (2002, В. А. Яковсон).

Умозрительность мышления атеиста обеспечивает слову *атеист* постоянных контекстных партнеров — абстрактные существительные-термины, обозначающие те или иные идеологические принципы, взгляды и убеждения, ср. некоторые контексты из художественной литературы и публицистики: *Попросту сказать, он был атеист, то есть фармазон и отчасти волтерианец* (1830, А. А. Бестужев-Марлинский); *Немец, дающий уроки музыки, латыни, всех литератур и всех искусств из насущного пива, атеист, космополит, презирующий все нации* (1864, А. И. Герцен); *По убеждениям своим он материалист, атеист и нигилист* (1869, Ф. М. Достоевский); *Современный обитатель города рационалист, атеист и радикал* (1922, А. М. Деборин); *Пантеист, атеист, рационалист-деист, сознательный лжец, играющий роль рус-*

ского Ренана или Штрауса, величайший мыслитель нашего времени, жалкий диалектик и так далее и так далее и, наконец, даже проповедник морали эгоизма (1928—1935, М. Горький) и мн. под. Что касается устойчивых характеристик *атеиста* и *атеизма*, то чаще всего текстовыми партнерами этих слов становятся прилагательные *научный, убежденный, воинствующий, ярый*.

Несмотря на расхождения в семантике и сочетаемости лексем *безбожник* и *атеист*, возможно их контекстуальное сближение и отождествление стоящих за ними близких понятий: *Мой папа — атеист, безбожник, не верящий ни в ад, ни в рай, он даже сны никогда не видит* (1999, Р. Полищук); *И это вовсе не потому, что я такой уж закоренелый атеист, „воинствующий безбожник“* (1991, Б. Сарнов). Представляется, что это связано не только с понятийной близостью атеизма и безбожия, но и с традицией употребления соответствующих языковых единиц в послереволюционный (начиная с 20—30-х гг. XX в.) период: так, например, устойчивые словосочетания *воинствующий атеист* и *воинствующий безбожник* взаимозаменяемы и обозначают одну реалию. Параллель можно провести и в отношении функционирования рассматриваемых слов в ономастике: наряду с упоминавшимися выше периодическими изданиями «Безбожник», «Юный безбожник» и проч. существовал (с 1925 по 1936 гг.) журнал «Атеист». Однако лексема *атеист* менее активно, чем *безбожник*, участвует в пропагандистском дискурсе и, по всей видимости, не приобретает статуса идеологемы, несмотря на то что нейтральное, не отягощенное негативными коннотациями и относительно «молодое» слово, казалось бы, больше подходит для наделения его новым содержанием. Остается предположить, что *безбожник* оказался предпочтительнее для власти в силу его общенародности и общедоступности, а груз пейоративности этого слова (так и не избытый) показался легче бременю «научности» *атеиста*.

БЕЗЗАВЕТНЫЙ

Лексема *беззаветный* рассматривается в одном ряду со словом *безбожник*, поскольку ее производящая основа (*завет*) имеет в том числе и религиозное значение — ‘договор между Богом и людьми’ (слово *завет* восходит к ст.-сл. *вътъ*, которое родственно лит. *vaitenù* ‘сужу, обсуждаю, полагаю’, др.-прус. *waitiāmai* ‘мы говорим’, *waitiāt* ‘говорить’, авест. *vaēd-* ‘установить судебным следствием’, *vaēda* ‘судебное заключение’ [Фасмер 1: 305], др.-в.-нем. *gi-waht* ‘упоми-

вание, слава’, латин. *vosō* ‘зову, вызываю, взываю’, др.-инд. *vakya* ‘слово’, ‘речь’, ‘дипут’, ‘заявление’ [Черных, 1: 312]; индоевропейский корень восстанавливается в виде **uek^u* ‘говорить, держать речь’ [Там же])^[9]. Однако анализ динамики значения и сочетаемости *беззаветного* требует иного подхода, чем в случае с *безбожником*, поскольку данная лексема функционирует, по всей видимости, преимущественно в книжной традиции: в словарях русских говоров и в фольклорных текстах практически отсутствует лексика, образованная по модели «без- + завет-». В связи с этим источниками сведений о бытовании *беззаветного* становятся исторические словари и толковые словари современного русского литературного языка, а также художественные и публицистические тексты (по данным НКРЯ).

Толковые словари современного русского языка представляют значение слова *беззаветный* следующим образом: литер. *беззаветный* ‘самоотверженный и героический (высок.)’ [Шведова 2007: 36], ‘чуждый всякого расчета; самоотверженный (высок.)’ [Ефремова 2000; Кузнецов 1998: 66], ‘преисполненный безусловного, полного доверия, преданности; откровенный (высок., устар.)’ [Ефремова 2000]. При анализе дефиниций обращают на себя внимание два факта: стилистические пометы «высокое» (отражающие преимущественно книжный характер слова) и наличие атрибутивных сочетаний, образованных по модели *беззаветный*: определение при существительном + *N* (существительное). В иллюстративных зонах толкований представлены идиоматичные выражения, позволяющие определить, какие слова являются типовыми контекстными партнерами *беззаветного*: *беззаветное служение* [Кузнецов 1998: 66; Шведова 2007: 36], *беззаветный труженик (труд)*, *беззаветная преданность*, *беззаветно любить* [Кузнецов 1998: 66]. Анализ данных НКРЯ дает возможность включить в этот список лексемы *любовь, дружба, вера, храбрость* и *борьба* (речь идет о наиболее частотных контекстных партнерах; в целом же прилагательное *беззаветный* имеет относительно свободную и широкую сочетаемость).

Слово *беззаветный* наделяется исключительно позитивными коннотациями и используется преимущественно в качестве положительной характеристики человека, его чувств и действий по отношению к социуму (патриотизм, самоотверженность, героизм). Однако социальный компонент семантики (определяющий сочетаемость и определяемый ею) не всегда был доминирующим, что подтверждает исследование текстового материала.

По всей видимости, слово *беззаветный* получает широкое распространение в книжном языке в середине XIX в. Об этом свидетельствуют данные исторических словарей и НКРЯ. Лексема *завет* полисемантична (др.-рус. «завѣтъ» 'договор, взаимное непреложное обещание', 'непреложное повеление, предписание, заповедь', 'завещание', 'обет; дар, приносимый по обету' [СлРЯ XI—XVII, 5: 146—147]), некоторые ее значения синонимичны слову *закон*, которое активно образует префиксальные дериваты с формантом без-^[10] (ср. др.-рус. «завѣтъ» 'закон, заповедь' [СДРЯ, 3: 290]), и эти факторы среди прочих обеспечивают ее продуктивность в качестве производящей основы. Тем не менее в изученных нами словарях старославянского, древнерусского и русского языков [СДРЯ; СлРЯ XI—XVII; ССЯ; Срезневский; СЦСРЯ; СОРЯ XVI—XVII] и в «Словаре Академии Российской» (язык XVIII в.) ее производное *беззаветный* не зафиксировано^[11]. Это слово появляется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (середина XIX в.) без указания места распространения: *беззаветный* 'на что нет завета, завещания или запрета' [Даль, 1: 63]. Из дефиниции понятно, что значение лексемы *беззаветный* напрямую выводится из значения слова *завет*; ср. также ст.-рус. *завѣтный* 'содержащий непреложное повеление, строгое предписание' [СлРЯ XI—XVII, 5: 147].

Однако анализ контекстов, относящихся уже ко второй половине XIX в., демонстрирует сдвиги в семантике данной лексемы. Так, слово *беззаветный* с середины XIX до начала XX в. применяется в качестве характеристики чувств и поступков, направленных на другого человека (т. е. приобретает «интимное» значение), ср. некоторые примеры: *Мать страстно любила дочь свою, и, кажется, эта беззаветная привязанность вызвала охлаждение к мужу* (1842, П. А. Висковатый); *Вот не думал, не знал, что налетит страсть роковая, — вот она, любовь безумная, беззаветная* (1896, З. Н. Гиппиус); *Острая, мучительная жалость и беззаветная любовь наполнили мое сердце при виде так незаслуженно обиженной мною подруги* (1903, Л. А. Чарская). (В этот же период, по всей вероятности, за лексемами *любовь* и *преданность* закрепляется статус наиболее частотных контекстных партнеров *беззаветного*.) Значение *беззаветного*, выводимое из этих контекстов, соответствует поданному в словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] как «устаревшее»: 'преисполненный безусловного, полного доверия, преданности; откровенный'. Но такая дефиниция, по всей видимо-

сти, не охватывает других семантических оттенков слова *беззаветный*, о которых можно судить по контекстам второй половины XIX в. Так, возможно следующее употребление данной лексемы: *Он сразу почувствовал, что ему в высшей степени приятно и легко в присутствии этого благодушного толстяка, и с удовольствием подумал: как это хорошо, что у такой прелестной девушки такой, по-видимому, беззаветный добряк отец* (1889, А. И. Эртель). Ср. другие случаи, в которых реализуется иной оттенок значения *беззаветного* (относящийся к сфере эмоций, в отличие от первого случая, где отражены представления о личностных качествах человека): *Зато как же шла улыбка к этому лицу, как же шел к ней смех, веселый, молодой, беззаветный!* (1866, Ф. М. Достоевский); *Далеко, под сводом платанов, несетя беззаветный хохот этой привилегированной группы* (1880—1881, М. Е. Салтыков-Щедрин), ср. также раритетное для XX в. употребление у Дона-Аминадо: *Русская ностальгия неизбежно вривалась в веселый, не совсем, впрочем, беззаветный смех* (1954). Представляется, что в случае *беззаветный добряк отец* контекстный смысл можно сформулировать в виде 'самоотверженно проявляющий положительные душевные качества'. В сочетании *беззаветный смех* значение *беззаветного* — 'без ограничений, ничем не сдерживаемый', 'естественный, выражающий подлинные эмоции'. Эти новые для XIX в. значения (и определенное Т. Ф. Ефремовой, и сформулированные нами) получают определенный семантический импульс от «прямого» (поданного в словаре В. И. Даля) смысла *беззаветного*: 'на что нет запрета' → 'без ограничений, ничем не сдерживаемый' → а) 'откровенный' (Ефремова) // 'естественный, выражающий подлинные эмоции' → б) 'самозабвенный самоотверженно проявляющий положительные душевные качества'.

Социальное значение слова *беззаветный* (т. е. приложимость данного определения к чувствам и поступкам, которые направлены на государство, общее дело, связаны с героизмом, самоотверженностью во имя гражданского долга, патриотизмом) существует в XIX в. параллельно и равноправно значению «интимному» (когда *беззаветный* характеризует чувства, направленные на другого человека, — любовь, страсть и проч.). Можно предположить, что сама возможность появления социальной семантики связана с социокультурным и философским фоном эпохи. Развитие русской философской мысли в 40-х гг. XIX в., споры западников и славянофилов, деятельность

кружков Станкевича, Герцена и Огарева приводят к особой акцентированности идеи патриотизма, к рефлексии над отношениями личности и государства, общего дела, поэтому употребление слова *беззаветный*, обозначающего чувство крайней степени интенсивности, по отношению не к человеку, а к стране, обществу, делу вполне закономерно. Появившееся в XIX в. «социальное» значение *беззаветного* закрепляется и существует неизменно до начала XXI в., ср. некоторые контексты: *Преданность делу бескорыстная и беззаветная, честность самая строгая* (1863, М. Е. Салтыков-Щедрин); *Неодолимая сила советского патриотизма, живущая в нашем народе, беззаветная преданность трудящихся страны победившего социализма бессмертному делу Ленина — Сталина...* (1950, «Советское искусство»); *Невольно вспоминается другой великий русский ученый, академик А. Д. Сахаров, его беззаветная борьба за справедливость* (2003, Б. Кушнер). Более того, социальный компонент семантики лексемы *беззаветный* в XX в. становится доминирующим, а употребление этого слова в «интимном» значении если не утрачивается (ср. возможность появления выражений типа *беззаветно любить детей*), то минимизируется. Вероятно, это стоит связывать с активностью «социального» *беззаветного* в публицистике, что приводит к обретению им статуса идеологемы, а выражения типа *беззаветный труд* или *беззаветная борьба* становятся клише, присущими высокому стилю речи.

Стоит отметить, что пик популярности слова *беззаветный*, по данным НКРЯ, при-

ходится на середину 1950-х гг. (возможно, такая востребованность характеристики *беззаветный* в это время связана с базовой для эпохи идеей созидательного и самоотверженного строительства), а в последнее десятилетие активность употребления данной лексемы резко снижается (см. рис. 1, на котором показано распределение частот на миллион словоформ по годам). При анализе показателей следует учитывать, что исследовалась частотность формы ед. ч. мужского рода прилагательного *беззаветный*, т. е. в выборку вошли выражения, где *беззаветный* характеризует существительное мужского рода; можно предположить, что наиболее частотны атрибутивные сочетания-клише типа *беззаветный труд*. Рисунок 2 демонстрирует частотность слова *беззаветное* (средний род), причем результаты оказываются сходными (вероятно, наиболее частотны клише вроде *беззаветное служение*). На рисунке 3 отображены итоги анализа формы единственного числа женского рода *беззаветная*, давшего иные результаты: слово активно не только в середине XX в., но и на протяжении всей второй половины XIX в., т. е. с момента появления, а особенно частотно в 1890—1920-х гг. — во время расцвета новой сентиментальной прозы (в которой возможно употребление сочетаний типа *беззаветная любовь*). Однако все три грамматические формы прилагательного *беззаветный* теряют широкую употребительность в начале XXI в., и это, вероятно, обусловливается современной попыткой отказа от советской идеологемы.

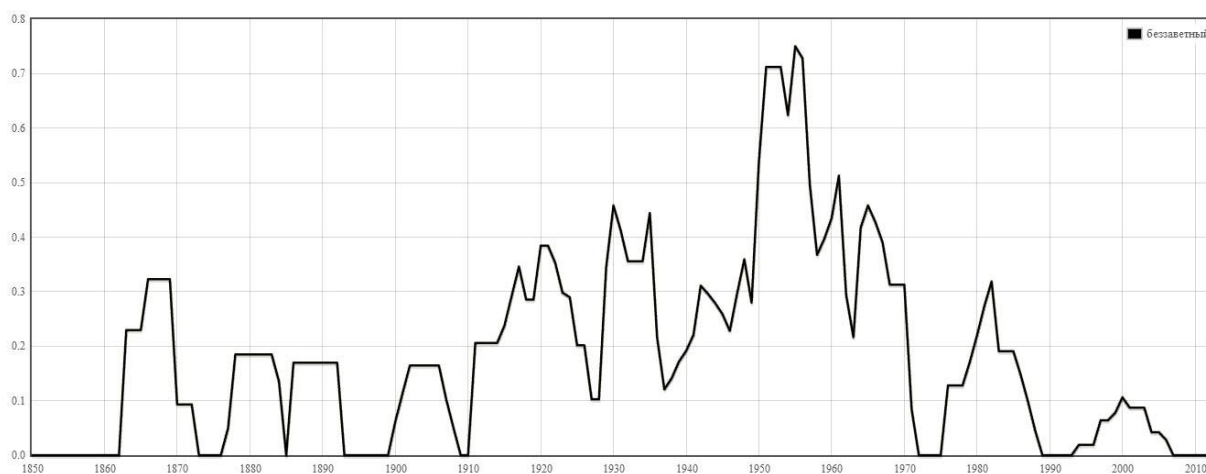

Рис. 1. Частотность формы «беззаветный»

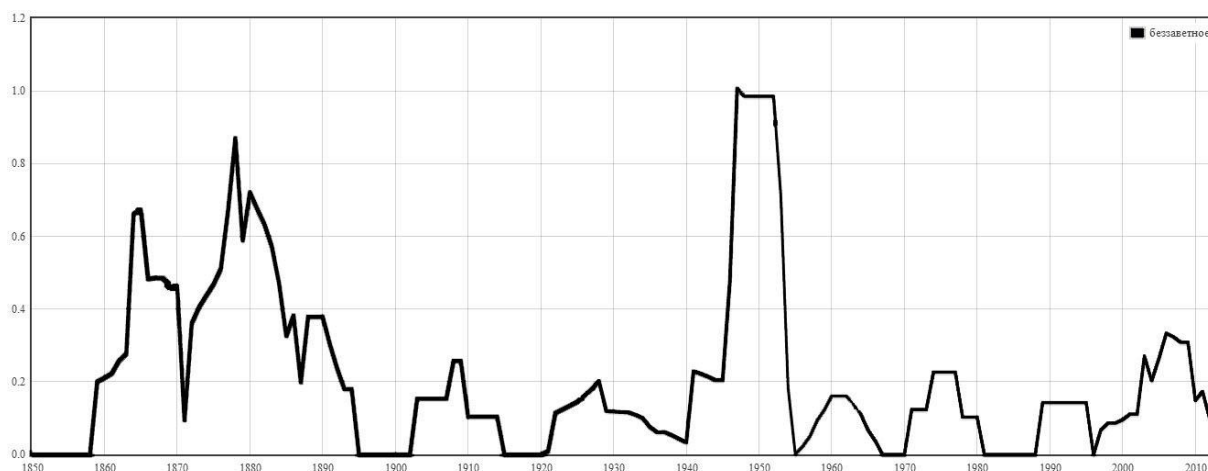

Рис. 2. Частотность формы «беззаветное»

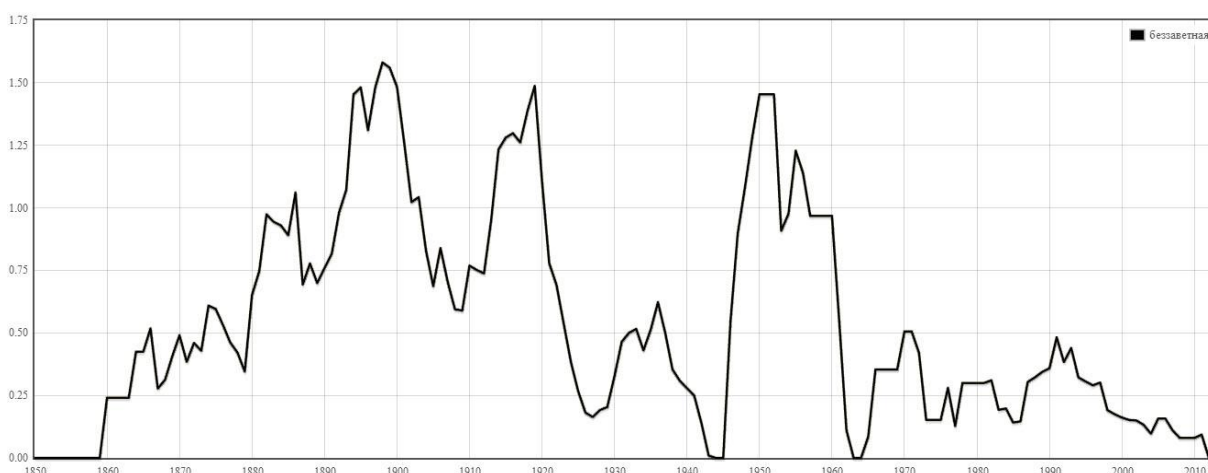

Рис. 3. Частотность формы «беззаветная»

Что касается степени идиоматичности лексемы *беззаветный*, функционирующей в литературном языке, то очевидно, что внутренняя форма этого слова затемнена, о чем свидетельствует хотя бы разрыв между значениями префиксальной конструкции с *без-* и бесприставочной лексемы: *беззаветный* 'самоотверженный и героический (высок.)' [Шведова 2007: 36] и *заветный* 'сокровенный, душевный', 'свято хранимый, оберегаемый, дорогой по воспоминаниям', 'скрываемый от других, тайный' [Там же]. Очевидны разные направления семантического развития образования с *без-* и производящей основы, однако можно предположить, что дополнительным фактором идиоматизации и стирания внутренней формы слова является собственно процесс префиксации с формантом *без-*.

Если обратиться к бытованию слов, образованных по модели «*без-* + *завет-*» в диалектах, то можно отметить, что нам удалось обнаружить единственный случай в архангельских говорах — *беззаветной* 'хороший, приятный (?)': «Анютины глазки

вот уш беззаветны-то, хорошы» [АОС, 1: 149]. Происхождение этого гапакса неясно: неорганичность слова для народной традиции и его «неприжитость» подтверждаются семантической размытостью и неточностью формулировки дефиниции. Носитель диалекта, по всей вероятности, ощущает общую положительную окраску слова *беззаветный*, но не чувствует тонкостей значения и сочетаемости.

Итак, предпринятое исследование семантических, коннотативных и сочетаемостных метаморфоз лексем *безбожник* и *беззаветный*, объединенных принадлежностью к семантическому полю «Религия» (для слова *беззаветный* эта принадлежность — историческая) и наличием в их составе приставки *без-*, позволяет сделать некоторые выводы относительно отражения в разных языковых идиомах динамики отношения общества к определенному пласту ценностей и о корректирующей этот процесс роли нега-

тивирующего префикса. Кроме того, при анализе бытования в языке отдельных префиксальных лексем с формантом *без-* в некотором смысле проясняется «судьба» пейоративности: возможно ли изменение семантического и коннотативного «знака» лексемы с минуса на плюс и наоборот. Изучение функционирования слова *безбожник* демонстрирует устойчивость негативных коннотаций и пейоративной семантики: эта лексема не становится «положительной» или хотя бы нейтральной даже при активных попытках «спустить сверху» новый ее смысл и новое наполнение. Особенно стабильной в этом отношении оказывается народная традиция, сохраняющая как первичное значение *безбожия* ('неверие в бога') и расширенный его пейоративный смысл (греховодничество, нарушение нравственных или социальных норм), так и заимствованную (по всей видимости) из книжной культуры линию иноверчества (ср. приведенные выше примеры ксенономинации). Литературная традиция испытывает сильное идеологическое давление, направленное на изменение коннотаций слова *безбожник*, однако и в советское время «классическое» негативное отношение к нему сохраняется, а в последние десятилетия вновь становится доминирующим. По всей видимости, такая «сопротивляемость» слова *безбожник* радикальным изменениям связана с его яркой и отчетливо осознаваемой внутренней формой, в первую очередь с семантическим вкладом негативизирующей приставки *без-* (ср. нейтральное значение синонимичной и поздно заимствованной, а также «непрозрачной» для наивного языкового сознания лексемы *атеист*).

Однако префикс *без-* способен не придавать слову, в состав которого он входит, оттенок пейоративности, что видно из анализа семантики лексемы *беззаветный*, имеющей исключительно положительное значение. Возможно, это связано с высокой степенью идиоматичности данной языковой единицы. Затемненностью внутренней формы обуславливается и активное функционирование *беззаветного* в политическом дискурсе, и возможность его контекстного партнерства с «неожиданными» словами (ср., например, сочетания типа *беззаветный хохот*), и десемантизация архангельского гапакса *беззавётной* 'хороший, приятный (?)'. Существенную роль в этих процессах играет тот факт, что лексема *завет* в производящем «обетном» значении вышла из активного употребления (так, в толковых словарях современного русского литературного языка отмечены смыслы 'наказ, наставление, за-

вещание, данные последователям или потомкам' [Кузнецов 1998: 313; Шведова 2007: 242], 'то, что вошло в традицию, установилось с давнего времени' [Кузнецов 1998: 313; Ефремова 2000] — и только в словаре Т. Ф. Ефремовой встречается значение 'обет, обещание' с пометой «устар.» [Ефремова 2000]).

Обе рассматриваемые лексемы в советское время приобретают статус идеологем, но в период пересмотра отношения к советскому наследию ведут себя по-разному. Слово *безбожник* в силу своей древности, яркой пейоративности, полисемантической и широкой сочетаемости лишено советского «привкуса» и, кажется, полностью утрачивает значение 'активист в области атеистической пропаганды.' Частотность данной лексемы в последние два десятилетия не уменьшается: *безбожник* активно употребляется в традиционном религиозном и расширенном «светском» смысле. В свою очередь, частотность употребления слова *беззаветный*, имеющего не такую богатую историю и входящего в состав идеологизированных клише типа *беззаветный труд* (а значит, «тянущего» за собой ставшие негативными коннотации), в последние годы заметно снижается.

Можно выделить ряд оппозиций, в которые вступают лексемы *безбожник* и *беззаветный* (факторы, лежащие в их основе, влияют на возможности и интенсивность семантической, коннотативной и сочетаемостной динамики слов, на степень их открытости к отражению ценностных (внеязыковых) инноваций):

- *хронологическая*: относительная древность *безбожника* — относительная «молодость» *беззаветного*;
- *сфера функционирования*: представленность в книжной и народной традиции (*безбожник*) — преимущественное функционирование в литературном языке (*беззаветный*);
- *эмоционально-оценочная окраска*: пейоративность *безбожника* — нейтральность *беззаветного*;
- *прозрачность внутренней формы, отвечающая за сохранение религиозной семантики и привнесение приставкой «без-» негативного смысла*: ясная внутренняя форма *безбожника* — высокая степень идиоматичности *беззаветного*.

Таким образом, при изучении лексического аспекта аксиологических изменений продуктивным оказывается сопоставление слов, относящихся к одной тематической сфере, но различающихся в функционировании; рассмотрение их с диахронной позиции, с точки зрения бытования в разных

сферах существования языка и проч. Учет и сравнение обстоятельств языковой «жизни» лексем позволяет прояснить некоторые механизмы лингвистического отражения трансформаций ценностного фонда общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Ср. следующие рассуждения: «В настоящее время социальное расслоение российского населения гораздо глубже и серьезнее, чем это было во времена советской власти. И в этой связи неизбежно возникает вопрос о единстве национальной культуры. Мало того, что языки разных социальных групп не совпадают — не совпадают и их культуры. <...> культуры различных социальных групп до революции, после революции, в сталинскую и в брежневскую эпоху, в постсоветский период — это разные культуры. В последние десятилетия резко поменялись и социальный состав населения, и ценностные стереотипы. <...> Нет оснований считать, что у людей разных поколений, например у 60-летнего и 20-летнего носителей испанского языка, больше общих взглядов и поведенческих стереотипов, чем у двух 60-летних носителей испанского и болгарского языков» [Павлова 2013: 174, 175].

[2]. При анализе публицистических и художественных текстов используются иллюстративные контексты из словарей и данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в зону атрибуции входят только указания на авторов и дату создания текста. Для исследования фольклорных текстов привлекаются данные Фундаментальной электронной библиотеки [ФЭБ]; в таком случае примеры не атрибутируются, а указывается только жанр текста.

[3]. Ср. хотя бы литер. *нехристь*, диал. яросл., курск. *не́христ* ‘не христианин, иноверец’, ‘о бессовестном, несправедливом человеке’ [ССРЛЯ 7: 1263—1264; СРНГ 21: 204]. О возможности возникновения пейоративных вторичных значений у лексем из религиозной сферы и, в частности, у слов, называющих священнослужителей, в русском и других славянских языках см., например: [Синица 2013].

[4]. Стоит учитывать характер языкового материала в Псковском областном словаре, который является практически словарем полного типа: в него входят как факты современного псковского наречия, так и лексемы, извлеченные из исторических источников (летописей и проч.).

[5]. Особенно это касается образований с *без-*, которые являются характеристиками человека: как известно, в данной сфере преобладают именно лексические единицы с негативной семантикой. Семантика приставки *без-* четко ощущается говорящим, один факт наличия в слове этой приставки (даже если значение корня неясно для носителя языка) может дать ощутимую экспрессию.

[6]. Ср. также многочисленные сравнения безбожников с дурным, нечистым и опасным в Библии; безбожники сравниваются: с медведями и львами (Притч. 28:15; Иов. 4:10), с тернием (2 Цар. 23:6), со змеями (Пс. 73:13), с попорченной медью и железом (Иер. 6:28), с гнилой рыбой (Мф. 13:48), с саранчой (Суд. 6:5; Ис. 33:4; Наум. 3:17), со псами (Мф. 7:6; Пс. 21:17), с гусеницами (Ис. 33:4), с порождением ехидниным (Мф. 3:7, 23, 33), с дымом (Пс. 36:20), со свиньями (Мф. 7:6), с тающим воском (Пс. 67:3), с прахом и грязью (Пс. 17:43), с соломой и сеном (Пс. 1:4; Ис. 5:24), с высохшей травой и сеном (4 Цар. 19:26), с бесплодными деревьями (Мф. 7:17), с плевелами (Мф. 13:38) [Безбожные].

[7]. Так, в «Конкордансе русской народной песни» [КНРП] не зафиксировано ни одного употребления префиксальных дериватов с формантом *без-* от корня *бог-*, а «Словарь языка русского фольклора» [СЯРФ] указывает только на 13 употреблений лексемы *безбожный* — по всей вероятности, в значении ‘относящийся к иноверцу’; в качестве примера приводится следующий фрагмент из былины: *А ѿ как тут безбожный Калин царь призывал он посланника да любезного* [СЯРФ: 141]. Для сравнения: слово *Бог*, по подсчетам авторов того же словаря, встречается в былинах 132 раза [СЯРФ: 142].

[8]. В 1925 г. появился также ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник». О широкой распространенности и известности подобных изданий свидетельствует использование их названий и образов в антирелигиозных агитплакатах 1920-х годов (примеры см. здесь: [Советский антирелигиозный плакат 20-х годов]); по всей видимости, именно язык агитпропа «ввел» *безбожника* в широкий социально-политический дискурс). Показательны упоминания таких журналов в художественной литературе той эпохи (примечателен модус контекстов: негативное отношение к деятельности «Безбожника»). Ср., например, отрывок из «Автобиографических заметок» И. А. Бунина: «Стою в тесной толпе в трамвайном вагоне, кругом улыбающиеся рожи, „народ-богоносец“ Достоевского любуется на картинку в журнальчике „Безбожник“: там изображено, как глупые бабы „причащаются“, — едят кишки Христа, — изображен Бог Саваоф в пенсне, хмуро читающий что-то Демьяна Бедного...» Ср. также фрагмент из романа О. Форш «Одеты камнем»: «Вот товарищ министра, да какого... продает газеты. Среди них — ныне модный „Безбожник“. Ежели у покупателя вид неопасный, вроде прежнего, продавец не удержится, скажет: „Это вам стыдно, гражданин, покупать“».

[9]. О религиозной (христианской и языческой) семантике континуантов праслав. **vět-* и в частности лексемы *завет* и ее дериватов в русских народных говорах см.: [Петкевич 2007: 64—92].

[10]. Ср. литер. *беззаконие* 'нарушение, отсутствие законности', 'беззаконный поступок' [Шведова 2007: 36], арх., пск., смол. *беззаконник* 'внебрачный ребенок' [АОС, 1: 148; ПОС, 1: 153; СГРС, 1: 87; ССГ, 1: 147], сиб. *беззаконница* 'женщина, живущая с мужчиной без венца' [СРГС, 1: 58] и мн. др.

[11]. Ср. тот факт, что основа *завет* является производящей для слов, имеющих разную частеречную принадлежность и суффиксальное оформление: др.-рус., ст.-рус. *завѣтный, завѣтъный* [СлРЯ XI—XVII, 5: 147; Срезневский, 2: 905], др.-рус. *завѣтникъ* [СДРЯ, 3: 291]; в словаре В. И. Даля: *завѣтять, завѣтовать, завѣтованье, завѣтанье, завѣтность* и проч. [Даль, 1: 581], а также *завещание, завещать* и под. Таким образом, непродуктивной эту основу назвать нельзя.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ И ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВ

др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-прусс.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
латин.	латинский
лит.	литовский
литер.	литературный язык
праслав.	праславянский
ст.-сл.	старославянский
ст.-рус.	старорусский

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОВ (ПО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ)

арх.	архангельский
перм.	пермский
прикам.	прикамский
пск.	псковский
сиб.	сибирский
смол.	смоленский

ИСТОЧНИКИ

1. *АОС* = Архангельский областной словарь. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.
2. *Афанасьева-Медведева* = Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. — СПб.: Наука, 2007—. Т. 1—.
3. *Даль* = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. воспр. изд. 1881 г. — М.: Рус. яз., 1989—1991.
4. *Ефименко 1878* = Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. — М., 1878. Ч. 2 // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Московском университете. Т. 30. Кн. 5, вып. 2 : Народная словесность.
5. *Ефремова 2000* = Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2000. URL: <http://www.efremova.info>.
6. *КНРП* = Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словесная ткань фольклора: конкорданс русской народной песни: песни Курской губернии. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2007.

7. *Кузнецов 1998* = Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. — СПб.: Норинт, 1998.

8. *НКРЯ* = Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2—30.10.2013).

9. *ПОС* = Псковский областной словарь с историческими данными. — Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967—. Вып. 1—.

10. *САР* = Словарь Академии Российской 1789—1794 : в 6 т. — М.: Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой, 2001—2006.

11. *СТКН* = Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. — Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2005.

12. *СГРС* = Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.

13. *СДРЯ* = Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). — М.: Рус. яз., 1988—. Т. 1—.

14. *Скляревская СПЦК* = Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. — СПб.: Наука, 2000.

15. *СлРЯ XI—XVII* = Словарь русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 1975—. Вып. 1—.

16. *СлРЯ XVIII* = Словарь русского языка XVIII века. — Л.; СПб.: Наука, 1984—. Вып. 1—.

17. *СОРЯ XVI—XVII* = Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII. — СПб.: Наука, 2004—. Вып. 1—.

18. *СРГС* = Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. — Новосибирск: Наука, 1999—2006.

19. *СРГЮП* = Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. — Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010—. Вып. 1—.

20. *Срезневский* = Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. — СПб., 1893—1912.

21. *СРНГ* = Словарь русских народных говоров. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—. Вып. 1—.

22. *ССГ* = Словарь смоленских говоров : в 11 вып. — Смоленск: СГПИ (СГПУ), 1974—2005.

23. *ССРЛЯ* = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М.; Л.: Наука, 1948—1965.

24. *ССЯ* = Словарь старославянского языка : в 4 т. Репр. изд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

25. *СЦСРЯ* = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. — СПб., 1847.

26. *СЯРФ* = Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора. Лексика былины : в 2 ч. — Курск, 2005—2006 : Курск. гос. ун-т.

27. *Ушаков* = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940. Т. 1—4. URL: <http://ushakovdictionary.ru>.

28. *Фасмер* = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М.: Прогресс, 1964—1973.

29. *ФЭБ* = Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 2—30.10.2013).

30. *Черных* = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1999.

31. *ЧЗСВ* = Частушки в записях советского времени / отв. ред. В. Н. Путилов ; изд. подготовили З. И. Власова, А. А. Горелов. — М. ; Л., 1965.

32. *Шанский* = Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. — М. : Изд-во МГУ, 1963— Т. 1—.

33. *Шведова 2007* = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

34. *Безбожные* // Библейские словари и энциклопедии : сайт. URL: <http://logosenc.org/biblemirror/bezbozhnye.html>.

35. *Березович Е. Л.* Динамика русской аксиологической картины мира в лексическом отражении (от «советских» ценностей к «постперестроечным») // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury / pod red. J. Bartmińskiego.* — Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2011. № 23. S. 121—136.

36. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. — М. : Индрик, 2007.

37. *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры.* — М. : Индрик, 1999. С. 7—32.

38. *Михайлова Ю. Н.* Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004.

39. *Павлова А. В.* Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка // *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»* : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013. С. 160—240.

40. *Петкевич А. В.* Жертвоприношение в русской символической картине мира : дис. ... магистра филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

41. *Проскурина А. В.* «Союз безбожников» на Псковщине: организация и деятельность в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. // *Псков : науч.-практ., ист.-краеведческий журн. / Псковский пед. ин-т.* 2002. № 16. URL: <http://journal.pskov.ru> (дата обращения: 29.10.2013).

42. *Синица Н. А.* Образ служителя культа в славянских языковых традициях : дис. ... магистра филол. наук. — Екатеринбург, 2013.

43. *Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // *Исследования по славянским языкам.* — Сеул, 2001. № 6. С. 177—202. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 30.05.2013).

44. *Советский* антирелигиозный плакат 20-х годов // *ФотоТелеграф* : сайт. URL: <http://fototelegraf.ru/?p=178464>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Л. Березович

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'272+81'42

ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 19.00.05; 16.21.29

Код ВАК 15.41.21; 10.02.21

К. В. Злоказов **K. V. Zlokazov**

Екатеринбург, Россия

Ekaterinburg, Russia

ВОСПРИЯТИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА СУБЪЕКТАМИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДЕСТРУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ²

Аннотация. *Описываются результаты эксперимента по предъявлению экстремистского видеофрагмента. Изучаются особенности динамики образов «враг» и «друг» у субъектов с различным уровнем деструктивной установки под влиянием просмотра видеофрагмента. Рассматривается степень согласованности (связи) экстремистских утверждений в группах испытуемых с высоким и низким уровнем деструктивной установки.*

Ключевые слова: *экстремистский текст; восприятие видеофрагмента; личность; деструктивная установка.*

Сведения об авторе: *Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.*

Место работы: *Уральский юридический институт (Екатеринбург).*

Контактная информация: *620057, г. Екатеринбург, ул. Копылова, 66, к. 325.
e-mail: zkkrivit@yandex.ru.*

PERCEPTION OF EXTREMIST TEXT BY SUBJECTS WITH DIFFERENT LEVELS OF DESTRUCTIVE ATTITUDE

Abstract. *The results of the experiment on presentation extremist movie are described. We study the dynamics of the images of “enemy” and “friend” in the subjects with different levels of destructive motivation influenced by the movie. We consider the degree of coherence (communication) of extremist statements in groups of subjects with high and low levels of destructive motivation.*

Key words: *extremist text; perception of a movie, a person; destructive installation.*

About the author: *Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy Psychology.*

Place of employment: *the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg).*

В психолингвистике обоснованным является представление о том, что прагматический потенциал текста определяется индивидуально-психологическими свойствами субъекта, опытом его жизни, психическим состоянием и другими особенностями. Действительно, анализ содержания текста дает возможность лишь приблизительно описать коммуникативный эффект, связанный со структурой самого текста, его организацией и сопутствующими характеристиками. Появление новых жанров не только позитивный процесс, свидетельствующий о развитии языка, но и негативный, в случае если автор ориентируется на формирование асоциальных идей, стремится к формированию вражды, розни по отношению к представителям других социальных групп, отличающихся по

национальному, религиозному, культурному и прочим признакам. Жанр экстремистского текста, несущего публичный коммуникативный характер, является предметом психолингвистического анализа. Л. Н. Голиков приписывает экстремистскому тексту две коммуникативные цели: принуждение к выполнению определенных действий и формирование внутреннего убеждения воспринимающего [Голиков 2012]. Семантический уровень экстремистского текста характеризуется контрастностью, облегчающей восприятие и сводящейся к обозначению участников оппозиции и уточнению образов «Враг — друг». Вариативность же образов врага в экстремистском тексте, как показывают исследования М. Б. Ворошиловой, достаточно широка, и иногда требует от вос-

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

© Злоказов К. В., 2014

принимаящего дополнительного внимания к деталям текста [Ворошилова 2012]. Подобную роль выполняет тег файла (название), текстовые пояснения, часто сопровождающие текст и сужающие спектр возможных интерпретаций. Ранее нами рассматривались аспекты восприятия экстремистского креолизованного текста, в том числе в зависимости от их содержания, способа организации видео- и аудиоряда. В данной статье предмет будет расширен и уточнен: нас интересует содержание образов «Враг» и «Друг» в связи с восприятием экстремистского текста и имплицитными социально-психологическими установками экстремистско-деструктивной направленности.

Для изучения социально-психологических установок нами использовались анкета экстремистско-деструктивных установок [Суслонов, Злоказов 2013], специально разработанные анкеты оценки образов врага и друга — «Враг» и «Друг», содержащие открытые вопросы о сущности образа, его структуре и признаках. Образцом экстремистского текста выступал видеофрагмент «Русское сопротивление — время пришло».

Заранее, за несколько дней до проведения эксперимента, группа испытуемых ответила на вопросы анкеты экстремистско-деструктивных установок с целью исключить интерференцию составляющих видеофрагмента и ответов испытуемых. Перед проведением эксперимента группа была разделена на две части. Непосредственно в ходе эксперимента группе испытуемых предлагалось оценить образ врага и образ друга, представив пять его характеристик, далее просмотреть видеофрагмент и после просмотра еще раз ответить на вопросы анкеты «Враг» и «Друг». После завершения данной работы в обеих подгруппах была поставлена задача воспроизвести призывы из текста, а также произвести субъективную оценку полезности информации, обоснованности действий главных героев, актуальности в повседневной жизни идей, мыслей, действий, демонстрируемых в видеофрагменте. Выбор видеофрагмента осуществлялся нами с учетом таких эмпирических параметров, как точность репрезентации смысла, позитивная социализированная оценка, высокий уровень ассимиляции опыта, описанных нами ранее [Злоказов 2011].

Выбранный видеофрагмент представляет собой пятиминутный сюжет, имеющий логически последовательную конструкцию. Первая треть видеофрагмента объединяет новостные сообщения о преступлениях, совершенных гражданами Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана в отношении

женщин и детей в Москве, и завершается текстовыми обращениями к зрителю: «и ЭТО происходит» / «на ТВОЕЙ земле» / «в ТВОЕМ городе» / «в ТВОЕЙ стране». Далее происходит изменение фона с бордово-красного на бело-желто-черный, сопровождаемое демонстрацией фраз: «трусливо промолчишь?» / «оставишь дело милиции?» / «понадеешься на продажную власть?». На фоне различных полос белого, желтого и черного цветов появляются фразы: «есть ТЕ, кто даст отпор» / «кто отомстит». Возникают кадры, на которых изображены спортзал и выполняющие физические упражнения со штангой обнаженные по пояс коротко стриженные и бритоголовые молодые люди.

В завершающей части видеофрагмента, длящейся две с половиной минуты, приводятся новостные сюжеты о нападениях на граждан Киргизии, Таджикистана, судебных процессах в связи со взрывами на Черкизовском рынке в Москве. На этом участке видеофрагмента зрителю демонстрируются следующие фразы: «пока ты молчишь, мы выражаем ВОЛЮ народа» / «Мы молодость русской нации» / «Мы боремся за будущее РУССКОГО народа».

Планируя исследование, мы предполагали, что интерпретация видеофрагмента будет сопровождаться изменением характеристик образов, уже сформированных у субъекта, причем степень изменения будет определяться семантической близостью элементов видео и стимульного материала. Руководствуясь существующими представлениями о ксенофобическом характере видео, испытуемым предлагалось сформулировать характеристики образов «враг» и «друг» и детализовать их — обозначить не менее пяти вариантов объектов, являющихся врагом и другом, указать не менее пяти признаков образа врага и друга.

Были опрошены студенты 2 и 3 курсов Уральского федерального университета им Б. Н. Ельцина (всего 79 человек). Выборка равномерно распределена по половому признаку (51 % юношей, 49 % девушек). Возраст опрошенных имеет следующие характеристики: $x = 20$ при $\sigma = 1,29$.

Полученные в ходе исследования эмпирические результаты были подвергнуты математико-статистической обработке с применением программы «Statistica for Windows 6.0».

Опишем динамику составляющих образов «Враг» и «Друг» в связи с просмотром видеофрагмента экстремистской направленности. Отметим, что до просмотра испытуемые обозначали составляющие образы наиболее обобщенно, в основном рассматривая социально желательную тематику.

Образ врага включает в себя следующие характеристики (сгруппированы по сферам в таблице 1).

После просмотра видеофрагмента составляющие образа врага практически полностью (4 утверждения из 5) изменились у 27 % опрошенных, образа друга — у 18 %. Так, враждебность определялась по фактору криминальности (преступность, убийства, терроризм) в 61 % ответов, социальных девиаций (наркотики, алкоголь, хулиганство) — в 34 %, характеристик, сходных с описанными до просмотра — в 5 %. Образ друга после просмотра видеофрагмента был структурирован следующим образом: 41 % — социально-психологические характеристики (толерантность, сострадание, коммуникабельность); 33 % — качества личности (обдуманность, рациональность); 26 % — характеристики, сходные по содержанию с описанными до просмотра. Таким образом, влияние видеофрагмента прослеживается в изменении образа врага и друга и проявляется в замене составляющих, в увеличении частоты применения криминальных и девиантных обозначений.

Таблица 1

Образ врага, %

Параметр	Значение
Негативные качества личности (лень, упрямство, трусость, неуверенность)	32
Коммуникативные характеристики (вспыльчивость, агрессивность, нетерпеливость)	24
Интеллектуальные характеристики (глупость, тупость, скудоумие)	17
Соматические и психические состояния (болезнь, усталость, слабость)	16
Социальные девиации (преступность, алкоголь, наркотики, деградация общества)	7
Политические и экономические причины (бедность, налоги, коррупция)	4

Таблица 2

Образ друга, %

Параметр	Значение
Качества личности (трудолюбие, доброта, любовь, заботливость)	29
Социально-психологические характеристики (терпение, сострадание, общительность)	21
Интеллектуальные характеристики (компетентность, интеллект, рассудительность)	20
Общественные структуры и их представители (семья, институт, сотрудники МВД)	19
Политические и экономические факторы (деньги, достаток, стабильный доход)	11

Устойчивость образа изучалась ретестированием группы испытуемых в количестве 27 человек. Им через неделю после проведения эксперимента другим исследователем было предложено определить характеристики образа врага и друга по той же инструкции, что и ранее. Содержание полученных образов статистически значимо не отличалось от полученного до просмотра видеофрагмента, однако удельный вес категории «социальные девиации» увеличился с 7 % до 16 %, что говорит о расширении ее репрезентации у опрошенных, об актуализации и структурировании негативных объектов. В дальнейшем изучение устойчивости структуры и содержания образов экстремистского текста будет уточнено путем введения дополнительных уровней измерения (когнитивного, аффективно-оценочного, поведенческого), изучения когнитивно-мнемонической сферы опрашиваемых.

Была проведена оценка уровня экстремистско-деструктивных установок у тех участников исследования, образ врага у которых после просмотра включал в себя характеристики, приписываемые в видеофрагменте преступникам таджикской, узбекской и киргизской национальности («хачи», «черное быдло», «звери»). Для этой группы характерны повышенные значения по показателям «деструктивность» при нахождении результатов по шкалам «национализм» и «ксенофобия» в верхнем (повышенном) диапа-

зоне нормы.

Сопоставление средних значений установок «национализм» и «ксенофобия» с использованием U-критерия Манна — Уитни в группах с высоким и низким значением деструктивности не показало наличие статистически значимых различий по этим шкалам. Полученный результат может быть объяснен в том числе и слабостью экспериментального плана — недостаточным количеством участников: в группу с высоким уровнем деструктивности входило 13 человек, с низким — 11.

Для дополнительной проверки предположения о возможном влиянии уровня деструктивности личности на восприятие экстремистского текста нами было проведено измерение степени согласия испытуемых с экстремистскими призывами. Для этого были отобраны 12 тезисов, наиболее часто встречающиеся в видеофрагментах экстремистской направленности, являвшихся предметом судебной психолого-лингвистической экспертизы (62 видеофрагмента, 2006—2013 гг.). Смысл утверждений оценивался 25 экспертами, в числе которых были сотрудники центров противодействия экстремизму У(ГУ) МВД России различных федеральных округов. Согласованность мнений экспертов о направленности утверждений составила 0,90 (применялся критерий α Кронбаха), что достаточно для подтверждения непротиворечивости содержания и соответствия текстов экстремистскому дискурсу. По результатам обобщения показателей частоты выбора утверждений и их понятности в исследовании были включены только шесть:

- «Я против того, чтобы мои дети или внуки вступили в брак с человеком другой национальности, религии или культуры»;
- «Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры»;
- «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами»;
- «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре»;
- «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства»;
- «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

В ходе анкетирования испытуемым предлагалось выразить свое согласие с утверждениями. Для оценки использовалась пятибалльная шкала, где пять баллов означало исключительное согласие, а один балл —

несогласие.

Выборку испытуемых для этой части исследования составили учащиеся 10—12 классов учреждений среднего образования, профессиональных училищ и техникумов городов Екатеринбурга, Ревды, Каменска-Уральского — всего 980 человек. Возраст, вид образования, социальный статус опрошенных выбран на основании криминологической характеристики лиц, обвиняемых и осужденных по статье 282 УК РФ, а также состоящих в группировках экстремистской направленности [Меркурьев, Агапов 2013]. Математико-статистический анализ подтвердил репрезентативность, гомогенность выборки по полу и нормальность распределения ответов испытуемых по шкалам методик, используемых в исследовании.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было рассчитано влияние уровня деструктивной установки опрошенных на согласие с экстремистскими высказываниями ($F = 2,98$ при $p < 0,001$). Характер влияния проиллюстрирован рисунком 1.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что испытуемые с высоким уровнем согласия с экстремистскими утверждениями характеризуются высоким уровнем деструктивных установок, и наоборот: отрицание большинства предъявленных экстремистских высказываний наблюдается у лиц с низким уровнем деструктивности.

Представление данных по выборке в виде трехмерной гистограммы дает более точное представление об эффекте (см. рис. 2). Высокие значения деструктивности (7—9 баллов из 9 возможных) характерны для испытуемых, проявляющих согласие с большинством из экстремистских высказываний.

Деструктивность в рамках этого исследования рассматривалась как форма поведения, ориентированная на причинение ущерба окружающим.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что испытуемые с высоким уровнем согласия с экстремистскими утверждениями характеризуются высоким уровнем деструктивных установок, и наоборот: отрицание большинства предъявленных экстремистских высказываний наблюдается у лиц с низким уровнем деструктивности.

Представление данных по выборке в виде трехмерной гистограммы дает более точное представление об эффекте (см. рис. 2). Высокие значения деструктивности (7—9 баллов из 9 возможных) характерны для испытуемых, проявляющих согласие с большинством из экстремистских высказываний.

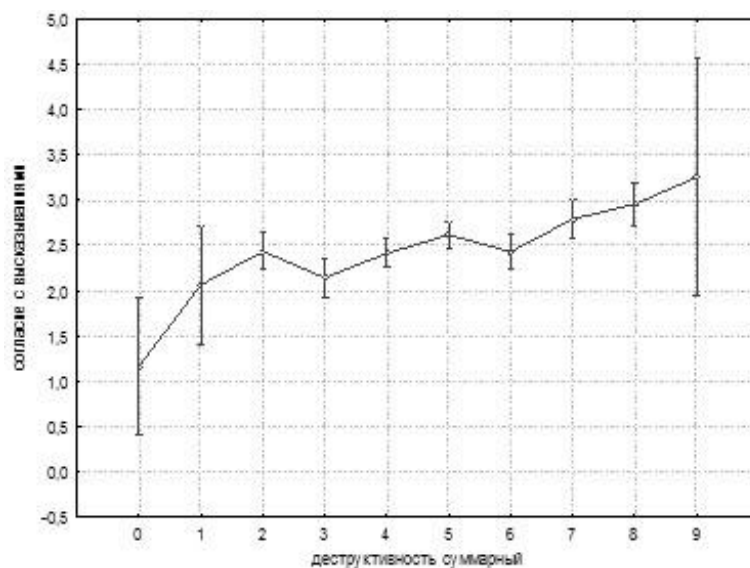

Рис. 1. Влияние уровня деструктивных установок респондентов на степень согласия с экстремистскими высказываниями

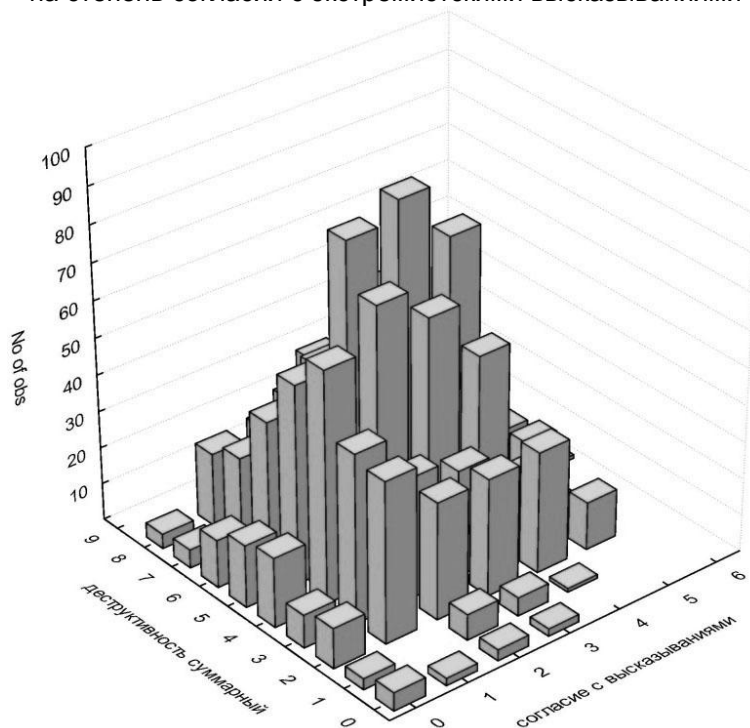

Рис. 2. Оценка уровня деструктивной установки в связи с согласием с экстремистскими высказываниями

Деструктивность в рамках этого исследования рассматривалась как форма поведения, ориентированная на причинение ущерба окружающим.

Деструктивная установка характеризует стремление субъекта к уничтожению, разрушению объектов социального мира. К таким объектам относится система социальных отношений, норм и правил, деятельность общественных институтов. Деструктивная установка в нашем понимании не

просто иррациональная форма агрессии, а скорее способ самовыражения, обозначения субъекта, в наиболее общем виде — способ построения его идентичности. Разрушение приводит к структурированию индивидуальности, пересмотру отношений между субъектом и обществом. Деструктивная установка преимущественно асоциальна, а ее цель, как правило, не связана с содержанием деструктивной активности. Традиционно считается, что уровень установки ока-

зывает влияние на характер действий субъекта, способ их регуляции, эффективность [Аверин 1999]. Описывая влияние деструктивной установки на степень согласия с экстремистскими высказываниями, охарактеризуем связи внутри блока экстремистских утверждений. Степень связи будет свидетельствовать о согласованности, целостности экстремистских убеждений субъектов и тем самым косвенно свидетельствовать об уровне сформированности установок — вплоть до готовности субъекта к совершению конкретных действий. Также связь утверждений можно интерпретировать как симптомокомплекс экстремистской установки, раскрывающий ее содержание.

Для изучения нами был проведен расчет ранговой корреляции между показателями

согласия испытуемых с утверждениями (путем расчета R Спирмена; результаты по группам представлены в таблице 3).

Из таблицы следует, что в группе со значением показателя деструктивности 8—9 (обозначенного в таблице как «высокий») статистически значимо коррелируют 4 утверждения, в группе со значением показателя деструктивности 1—3 (низкий уровень) значимых корреляций не установлено.

Испытуемые с высоким уровнем деструктивности стремятся к максимальному удалению от представителей другой национальности религии, культуры — они отрицают возможность установления семейных и профессиональных отношений ($R = 0,82$), предположительно из-за неспособности этих лиц соответствовать привычному укладу жизни ($R = 0,81$).

Таблица 3

Связь утверждений экстремистского характера в группах с высоким ($n = 216$) и низким ($n = 192$) уровнем деструктивной установки

Утверждения	Утверждения							
	Я против того, чтобы мои дети или внуки вступили в брак с человеком другой национальности, религии или культуры		Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры		Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами		Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре	
	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий
Я не смогу нормально работать с руководителем другой национальности, разделяющим взгляды другой религии или культуры	0,13	0,82						
Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами	0,21	0,60	0,00	0,72				
Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре	0,23	0,81	0,07	0,85	0,21	0,68		
Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства	0,27	0,58	0,17	0,75	0,15	0,44	0,03	0,66

Примечание: значимые корреляционные связи выделены, значения округлены до двух знаков после запятой.

Представление о том, что иностранные мигранты являются причиной преступности, значимо связано с утверждением о невозможности их адаптации к условиям социальной среды ($R = 0,68$) и указанием на них как на причину кризисной ситуации в российском обществе ($R = 0,44$).

Отметим, что в группе испытуемых с низким уровнем деструктивности значимых корреляционных связей между утверждениями не выявлено, что, вероятно, свидетельствует об их разобщенности и диффузии, отсутствии симптомокомплекса ксенофобических установок, характерного для представителей описанной ранее группы.

Подведем итоги. Понимание текста — процесс, тесно связанный с психологическими особенностями субъекта, его актуальными переживаниями, степенью удовлетворения потребностей либо фрустрацией, психоэмоциональным состоянием. Изучение особенностей понимания экстремистского текста — важное в научном и прикладном смысле направление комплексных психолингвистических исследований, поскольку прагматика экстремистского текста асоциальна, а с правовой точки зрения является предметом уголовного преследования. Актуальность исследования экстремистского текста в наших работах обусловлена сосредоточенностью на изучении прежде всего перлокутивного потенциала в модификации смысловых структур реципиентов.

Исследование прагматики экстремистского текста в данной статье сконцентрировано на оценке образно-смысловой картины интерпретируемого текста. В работе рассматривались результаты экспериментального исследования содержания образов «Враг» и «Друг», модифицированных восприятием экстремистского текста и социально-психологическими установками экстремистско-деструктивной направленности.

Нашла эмпирическое подтверждение динамика образов «Враг» и «Друг» под влиянием видеофрагмента экстремистского содержания; установлено, что устойчивость структуры и содержания образов во времени связана со способами подкрепления и механизмами запоминания информации. Определено, что уровень деструктивной установки в изученной выборке влияет на степень согласия с экстремистским текстом ($F = 2,98$ при $p < 0,001$). Высокий уровень деструктивной установки приводит к объединению (корреляции) экстремистских высказываний, росту ксенофобии по отношению к представителям других национальностей, религии, культуры. Можно предположить, что высокая деструктивность обусловлена внутренней

готовностью респондентов противодействовать чуждому для них опыту идентичности, разрушать его не только пассивно (отчуждением), но и силовыми методами. В психологических исследованиях отечественных и зарубежных ученых устанавливаются особенности субъектов деструктивной направленности. Отмечаются такие черты личности и характера, как агрессивность, жестокость, хладнокровие, мстительность, дерзость, садизм, расчетливость, замкнутость, повышенная импульсивность поведения, исключительный цинизм, эгоизм и максимализм, страх, озлобленность, неуравновешенность, снижение оптимизма в отношении к жизни как высшей ценности человека [Мусаева 2010].

Деструктивная установка влияет на мировоззрение личности, способствует отчуждению от общественно значимых ценностей, интересов и идеалов традиционной культуры, формирует сужающее сознание экстремиста, чрезмерно акцентирующееся на определенных ценностях и смыслах. Сознание деструктивной личности ригидно, прямолинейно, ограничено набором четких конструкций, структурированных вектором деструктивной направленности. Обобщая сказанное, предполагаем, что конструкция экстремистского текста в его неразрывной связи с личностью будет восприниматься эффективнее, если структура текста будет соответствовать особенностям сознания и восприятия деструктивной личности. Данная гипотеза формулируется нами на основе положения о связи структуры созданного личностью текста и черт акцентуированной личности [Белянин 2006]. Дальнейшим направлением исследования будет анализ когнитивной, аффективно-оценочной и поведенческой составляющей смысловой картины экстремистского текста в зависимости от уровня деструктивной установки. Предполагается, что интерпретация экстремистского текста в результате построения смысловой структуры текста может быть описана в виде нескольких типов эмоционально-смысловых доминант и, в дальнейшей исследовательской перспективе, связана с лексико-семантическими предикторами деструктивной установки читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин В. А.* Психология личности : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999.
2. *Белянин В. П.* Психолингвистическая идентификация типологических черт личности в художественных текстах : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 «Общ. психология, психология личности, история психологии» / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2006.

3. *Ворошилова М. Б.* Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : вторая интернет-конф. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/voroshilova_m_b_c_hernaja_chuma_nominacii_vraga_v_ekstremistskom_tekste/5-1-0-119 (дата обращения: 21.08.2013).

4. *Голиков Л. М.* Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. 2012. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 02.03.2013).

5. *Злоказов К. В.* Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 210—216.

6. *Меркурьев В. В., Аганов П. В.* Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 1. С. 26—35.

7. *Мусаелян М. Ф.* О личности экстремиста // Военно-юрид. журн. 2010. №2. С. 22—23.

8. *Сулонов П. Е., Злоказов К. В.* Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде // Российский науч. журн. 2013. № 5 (36). С. 219—224.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

С. П. Хижняк
Саратов, Россия

S. P. Khizhnyak
Saratov, Russia

**РОЛЬ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ
В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

**THE ROLE OF POLITICS AND IDEOLOGY IN
THE HISTORY OF RUSSIAN LEGAL
TERMINOLOGY FORMATION**

Аннотация. Анализируется влияние политики и идеологии на состав, семантику и концептуальные характеристики терминосистем права и правоведения. Исследование выполнено на материале памятников русского права, современных законодательных актов, лексикографической и монографической литературы по юриспруденции. Выявлены особенности изменения состава терминов в разные исторические периоды под воздействием политики и идеологии, характер семантики терминов, особенности современных правовых идеологических концептов.

Abstract. The article deals with the influence of politics and ideology on terms, their meanings and conceptual characteristics of terminological systems of law and jurisprudence. The research is based on records of laws, modern legislation, dictionaries and the studies in the sphere of jurisprudence. Characteristic features of alteration of the corpus of terms in various historical periods under the influence of politics and ideology, meanings of terms, specific features of modern legal ideological concepts are considered.

Ключевые слова: терминология права; терминология правоведения; значение терминов; идеологический компонент содержания терминов; политический фактор; идеологический фактор; терминологические концепты.

Key words: terminology of law; terminology of jurisprudence; meanings of terms; ideological component of terminological semantics; political factor; ideological factor; terminological concepts.

Сведения об авторе: Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка, теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Khizhnyak Sergei Petrovich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the English Language, Theoretical and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

Place of employment: Saratov State Law Academy.

Контактная информация: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
e-mail: khizhnyak@sgap.ru.

Юридическая терминология относится к терминологии общественно-политической. Вхождение ее в состав общественно-политической терминологии имеет экстралингвистическое обоснование: **общественно-политическая терминология** — это система подсистем терминов общественной надстройки, включающая в себя и юридическую терминологию. Политика и право — взаимозависимые регулятивные системы общества. Их различие обусловлено сферами управления (политической и административно-правовой), относительной стабильностью норм права и значительной изменчивостью политических решений; политика распространяет свое влияние на право, но оно не всегда присутствует в сфере политики.

ведение — терминология науки о праве. Различия между терминосистемами права и правоведения заметны и в истории их происхождения. Терминосистема русского права зародилась в X в. и была зафиксирована в древних законодательных актах. Терминосистема правоведения начала формироваться позже, в связи с началом теоретического осмысления этого общественного явления в России в XVIII в.

Юридическая терминология, в свою очередь, состоит из двух подсистем: **терминосистемы права** (закона) и **терминосистемы правоведения**. Такое деление обусловлено двумя сферами функционирования кодифицированной юридической терминологии: официально-деловой и научной. Терминология права — терминология правоприменительной практики, терминология право-

Зарождение права неразрывно связано с образованием государства как универсального явления человеческой цивилизации. Оно возникает в период распада первобытных родовых отношений в связи с необходимостью урегулирования личных, межличностных, групповых и общественных отношений. При возникновении государства формируются классы и разновидность общественных отношений — классовые отношения, которые также регулируются государством.

Политический аспект формирования юридической терминологии заключается прежде всего в характере состава терминов, часто обусловленного внутривнутриполитическими и

внешнеполитическими факторами, отражающими конкретную общественно-политическую обстановку, в которой существует и развивается государство. Закон имеет волевой характер, а потому законодатель отбирает явления действительности, в том числе и политически значимые, и превращает их в явления действительности правовой (правовой картины мира).

Зарождение российского государства и права относят к 882 г., а древнерусское государство характеризуют как раннефеодальную монархию. Дальнейшая периодизация истории развития государства и права России определяется различными факторами; основными считают изменения в социально-экономическом укладе общества и развитие государственности. В соответствии с указанными критериями периодизации в истории права и государства России выделяют несколько этапов. Существуют разные классификации этого процесса. Например, В. Н. Синюков считает целесообразным выделять пять периодов: 1) становление правовой системы, которая соответствует древнерусскому земскому устройству государства (X—XIII вв.); 2) правовая система Московского государства (XIV—XVII вв.); 3) правовая система времен Российской империи (XVIII — начало XX в.); 4) правовая система Советского государства (20—80-е гг. XX в.); 5) постсоветская правовая система (конец XX в.) [Синюков 1994: 82—83]. Каждый этап развития права характеризуется особыми политико-идеологическими факторами, повлиявшими на эволюцию юридической терминологии.

Одной из характерных особенностей юридических терминов (права и правоправедения) является оценочность, которая может быть обусловлена морально-этическим, идеологическим, классификационным факторами, необходимостью правоприменения осуществлять правовую инициативу. А. Ф. Черданцев отмечает, что в правоведении объектом оценок может быть всё, что изучается данной наукой. Отмечается также оценочность с точки зрения партийности юридической науки в период господства единой государственной идеологии [Черданцев 1993: 109].

Классово-оценочные термины заметны уже в начальный период формирования русской юридической терминологии, закрепленной в Русской Правде — первом своде древнерусского феодального права. Это термины, обозначающие представителей социальных сословий: *великие бояре, меньшие бояре, люди молодые, люди свободные, люди черные, закуп, наймит, смерд, жены великих бояр, жены городских людей,*

жены простой чади. В этих примерах оценочность обусловлена социально и идеологически и подкрепляется градацией системы штрафов за сходные преступления, совершенные против представителей разных классов.

Категория преступления является наиболее политически обусловленной в терминологии права. В ходе развития российского государства состав терминов этого микрополя всегда испытывал значительное влияние политического и идеологического факторов, поскольку «перипетии классовой борьбы неизбежно находят свое отражение в языке» [Черных 1956: 20]. Если в начальный период развития русской терминологии права существовали термины, обозначающие преступления, которые нельзя причислить к классово ориентированным (*блуд, головничество, душегубство, зубоядение, поклеп, разграбление, прелюбодеяние, свада*), то в XIV—XVII вв., в период обострения противоречий между имущими и неимущими классами, развития крепостничества, классово ориентированные термины разнообразны по своей семантике: *поджог, непригожее слово, побег, слушание, измена, мятеж, непристойные речи, стачка, умышление на государево здоровье, смута* и др.

XVIII — начало XIX в. в России — период решения сложных внешнеполитических и экономических проблем. Перед государством стояли задачи возвращения берегов Балтийского и Черного морей, борьбы против действий, подрывавших его экономическую и политическую основы. В связи с этим в микрополе терминов со значением преступного деяния в XVIII в. появились такие термины, как *вред государственному интересу, презрение указов, преступление против закона, утаение злодея, преступление в оскорблении Величия* и др. В XIX в. эта группа терминов пополняется вследствие обострения классовой борьбы, обусловленной развитием капиталистических отношений (*восстание против властей, нападение на чинов полиции, неповиновение фабричных людей владельцу, участие в противозаконном сообществе*).

Особенно значительные изменения в составе терминов, обозначающих преступления, произошли после Октябрьской революции 1917 г. в связи со сменой идеологии и проводившейся внутренней политикой, направленной на подавление сопротивления приверженцев старого строя. В это время появились термины *контрреволюционный саботаж, присвоение функций государственной власти, рассылка гонимых с контрреволюционной целью* и др.

Воздействие политических и идеологических факторов на состав терминов рассматриваемой семантики заметно и в современный период развития российского права. Приведем лишь недавно появившиеся термины, означающие преступления: *оскорбление религиозных чувств верующих; создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан*. Первый термин появился в связи со скандальными эпизодами, которые произошли в православных церквях в 2011 г., а второй — в связи с пересмотром статуса НКО, выполняющих функции иностранного агента. Состав таких терминов отражает систему политических и идеологических подходов к оценке общественных процессов.

Как указывалось выше, русская юридическая терминология развивалась как терминология права в течение восьми веков; предпосылки к систематическому познанию законов появились только в XVIII в. С самого начала терминология правоведения развивалась под воздействием идей просвещенного абсолютизма в России, деятельности комиссии о сочинении проекта нового Уложения, политических процессов, происшедших в российском обществе. Так, специально для новой уложенной комиссии Екатериной II был написан «Наказ». Значительная часть его текста — заимствования модных политических идей «века Просвещения», разработанных Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро и др. Однако по своей концепции «Наказ» считается самостоятельным произведением, в котором выражена новая идеология «просвещенного абсолютизма» в России [Исаев 1994: 141]. Екатерина II переосмыслила ряд положений Ш. Монтескье, идеи которого, заложенные в трактате «О духе законов», стали основой «Наказа». Так, классификацию Ш. Монтескье, различавшего три формы государственного устройства (*республику — демократическую и аристократическую, конституционную монархию и деспотию*), Екатерина дополняет четвертой формой, отличной от конституционной монархии и деспотии — *монархией самодержавной*. Учение о разделении властей было подменено в «Наказе» распределением функций между учреждениями, подвластными самодержцу, и т. п. [См.: Папаригопуло, Покровский 1959: 10—13]. В «Наказе» были обоснованы политические принципы абсолютистского государства: власть монарха, бюрократическая система, сословное деление общества. В документе встречается ряд терминов зарождающейся юридической науки: *граждане, государственная власть, республика, монархия, деспотия, порядок*

вещей, средний род людей, нижний род людей.

Формирование оценочных дефиниций правоведения в зависимости от официальной идеологии также можно отметить в тексте «Наказа». Так, определяя принцип *самодержавия*, Екатерина II писала: «Ибо никакая другая, как только соединенная в его (самодержца. — С. Х.) особе власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства» [Цит. по: Грацианский 1978]. Сходное определение находим и у известного ученого-правоведа второй половины XVIII в. С. Е. Десницкого: «Самодержец и есть один всего правящего сената надзиратель и судья, от которого приказаний зависит и в его единственном повелении сенат будет завсегда» [Юридические произведения ... 1959: 101].

Иногда юридический термин имеет неодинаковые оценочные компоненты в разные временные периоды вследствие концептуального переосмысления понятий. При смене идеологии значение термина может подвергаться сужению за счет одних семантических множителей и расширению за счет других. Подобные семантические процессы можно проследить на следующем примере. Термин *преступление* появился к XVIII в. В это время в терминосистеме права существовали термины, объединенные родовыми номинативными единицами *воровство, лихое дело* и др. Эта подсистема терминов сначала включала в себя единицы со значениями: а) преступлений, совершаемых против личности (*убиство, пошибание*); б) имущественных преступлений (*татьба, разграбление*); в) церковных преступлений (*церковная татьба, еретичество*). В XIV—XVII вв. возникают термины для обозначения преступных деяний против государства и господствующих классов (*умышление государем быть, измена, стачка, слушание*). Следовательно, понятие преступного деяния уже включало в себя такой семантический признак, как «посягательство на существующий порядок».

В советском праве рассматриваемая подсистема пополнилась новым термином — *халатность*, который стал обозначать «преступление, заключающееся в невыполнении или ненадлежащем выполнении должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред гос. или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан» [ЮЭС 1984]. В общелитературном языке слово *халатность* некогда обозначало «бездеятельность, лень, косность» [ССРЛЯ],

поэтому в значении термина *преступление* появилась потенциальная сема 'бездеятельность'. Ее потенциальный характер предопределялся альтернативой, заключавшейся в формулировке дефиниции (см. ниже).

Вместе с тем в период, последовавший за Октябрьской революцией, юридическая терминология утратила термины церковного права, некогда входившие и в подсистему терминов, обозначавших преступные деяния (*раскол, ересь*), в значении термина *преступление* также была утрачена сема 'грех', которая как раз и содержалась в наименованиях церковных преступлений. Ср. определения термина *преступление* в словарях, фиксирующих лексику русского языка различных исторических периодов: «нарушение, преступление, грех, грехопадение» [СЦЯ]; «общественно-опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на личность, конституционный строй РФ, а также на иные охраняемые законом объекты» [ЮЭС 1997]. В этом случае изменение значения термина *преступление* было обусловлено включением в лексико-семантическую группу терминов, появление которых было связано с настоятельной потребностью права квалифицировать новые явления в жизни общества, представляющие угрозу физическим лицам, а также обществу и государственному устройству в целом. Изменение значения термина было связано и с лингвистическим фактором — обновлением парадигматических отношений в терминосистеме за счет новых терминов.

Спецификой юридической терминологии можно считать то, что изменение значений терминов часто обусловлено идеологической переоценкой общественных явлений, подлежащих правовому регулированию. Характер таких изменений зависит от процесса преемственности в идеологической сфере, поскольку идеология «формулирует свои положения в основном в понятиях и категориях, созданных ранее, но вкладывает в них новое содержание, включает их в новые системы воззрений» [Крючкова 1982: 33]. Так, после Октябрьской революции изменились значения старых терминов, которые были восприняты советским правом. Ср., например, дефиниции некоторых терминов в словаре XIX в. (а) и в словаре, составленном в 50-х гг. XX в. (б): *государство* — а) «страна, обладаемая государем; царство, государственная власть» [СЦРЯ]; б) «политическая организация общества, особо важная часть надстройки классового общества» [ЮС]. Ср. также и значения этого термина в современном словаре периода «развитого социализма» и в постперестроечном словаре:

«основной институт политической системы классового общества; осуществляет управление обществом, а в классово антагонистич. обществах используется для подавления классовых противников экономически господствующего класса» [ЮЭС 1984]; «определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения» [ЮЭС 1997]. В последнем определении семантический компонент 'классовость' исчез. Однако в доктринальном толковании термин *государство* достаточно долго сохранял эту сему: «организация политической власти, содействующая преимущественному осуществлению конкретных интересов (классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и т. п.) в пределах определенной территории» [Малько 1996: 31].

Идеологический компонент значения присутствовал в различные периоды развития терминологии права и в семантике других терминов. Ср.:

- *закон* — а) «постановление, предписание верховной власти», «правило, начало» [СЦРЯ]; б) «нормативный акт высшего органа государственной власти, выражающий волю господствующего класса, изданный в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [ЮС];

- *право* — а) «власть, преимущество, свобода действовать в известных пределах, данная правителем, или законом» [СЦРЯ]; б) «совокупность правил поведения (норм), выражающих волю господствующего класса, установленных или санкционированных государственной властью, соблюдение и применение которых обеспечивается государственным принуждением в целях закрепления и развития общественных отношений, выгодных и удобных классу, осуществляющему государственное руководство» [ЮС].

Ср. также характер изменения оценки терминов *несменяемость судей* и *разделение властей*, произошедшего после распада социалистической системы:

- *несменяемость судей* — «в бурж. праве один из принципов *судоустройства*, согласно к-рому судьи назначаются и не могут быть смещены или отозваны. Судья может быть уволен по достижении определенного, установленного законом, возраста либо в силу решения специального уполномоченного органа. Принцип Н. с. олицетворяет недемократичность бурж. суда, учитывая сугубо классовый подход при отборе на судей-

ские должности» [ЮЭС 1984]; «один из основных конституционных принципов судостройства (судебной системы) в большинстве демократических стран мира» [ЮЭС 1997];

- *разделение властей* — «бурж. политико-правовая доктрина, согласно к-рой гос. власть понимается не как единое целое, а как совокупность различных властных функций (законодательной, исполнительной, судебной), осуществляемых независимыми друг от друга гос. органами» [ЮЭС 1984]; «один из основных принципов конституционализма, согласно которому единая гос. власть подразделяется на самостоятельные и независимые друг от друга законодательную, исполнительную и судебную (наряду с которыми иногда выделяют также учредительную, избирательную и контролирующую) власти» [ЮЭС 1997].

В конце XX в. языковеды стали говорить о процессах деидеологизации русской лексики, а правоведы — о деидеологизации права. На ошибочное восприятие процесса деидеологизации права указывает известный конституционалист С. А. Авакьян. Он отмечает, что нормы ст. 13 Конституции РФ «порой толкуются так, что Конституция исключает всякую идеологическую составляющую нашего государственно-политического развития. На самом деле подоплека указанных конституционных положений несколько иная — со всей очевидностью они появились в свое время, чтобы исключить прежнюю идеологию как основу конституционного строя. Та идеология предполагала только однополярные ценности, а они как раз и не подходили новому обществу. Их отвергли, но при этом нормы Конституции сформулировали так, что вроде новой идеологии у общества, государства не существует ... путь, который ... предпочла сегодняшняя Россия, состоит в том, что идеологическим фундаментом конституционного строя, всего образа жизни объявляются общечеловеческие ценности... Это тоже своего рода государственная идеология» [Авакьян 2009]. Н. М. Казанцев также отмечает роль Конституции РФ в установлении современной идеологии. «В ней государственная идеология уже установлена — это сама Конституция, поэтому она и запрещает устанавливать еще что-то <какую-либо идеологию в качестве государственной (ст. 13 Конституции РФ. — С. Х.)>. Это само по себе неплохо, потому что провозглашать идеологией закон и право — нормально. Другое дело, как показывает Хантингтон, фактически каждая из трех идеологий — социализм, либерализм и консерватизм — является деформацией определенного правового

принципа, и каждая из них уже права» [Казанцев 2010: 50].

Идеология оперирует идеологемами. В праве такие идеологемы составляют часть концептуального содержания права и правовой науки, которая также должна следовать положениям конституционного права как его основополагающей отрасли. Концепт имеет как понятийную, так и непонятийную основу. Непонятийная основа представлена так называемыми непонятийными компонентами значения — всей совокупностью фоновых знаний о предмете или явлении. Концептуальное содержание юридического термина (хотя, вероятно, неполное) заключено, например, в статьях юридических энциклопедических словарей, в которых представлены разнообразные сведения о предмете или явлении, а также в монографической литературе, в которой обсуждаются основные направления исторического процесса изменения социально-правового явления, а также его современные признаки. Понятийная основа концептуального идеологического содержания современного российского правоведения может быть рассмотрена на основе идеологем конституционного права, которые закрепляются в семантике терминов, значение которых равно понятию. Особенно важны в этом плане понятия, выражаемые терминами, используемыми в главе 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя» (*права, свободы, суверенитет, федерализм, собственность, разделение властей, местное самоуправление* и др.).

Понятие разделения властей в самой Конституции никак не определяется; в ней только констатируется, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст. 10). Содержание понятия и суть теории разделения властей с исторической точки зрения подробно проанализированы А. Н. Медушевским, который отметил, что, в отличие от предшествующих периодов развития этого понятия, в котором присутствовали и последовательно сменялись такие содержательные компоненты, как 'обеспечение свободы индивида', 'эволюция в направлении к правовому государству', 'возможность более рациональной административной организации', 'гарантия от возрождения тоталитарной угрозы', современное понимание разделения властей «вводит в сознание общества идею о социальном контроле над распределением и удержанием властных полномочий различными политическими силами» [Медушевский 1994].

Изменение значений терминов, таким образом, также испытывает на себе воздействие разнообразных факторов, ведущими из которых часто являются политические, а также оценочность, в том числе и обусловленная идеологическим фактором.

СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948—1965.

2. СЦЯ = *Словарь церковнославянского и русского языка* : в 4 т. — СПб., 1847.

3. ЮС = *Юридический словарь* : в 2 т. — М. : Госюриздат, 1956.

4. ЮЭС 1984 = *Юридический энциклопедический словарь*. — М. : Сов. энциклопедия, 1984.

5. ЮЭС 1997 = *Юридический энциклопедический словарь*. — М. : Инфра-М, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

6. Авакьян С. А. Ни одна страна не может жить без идеологии // *Российская Федерация сегодня*. 2009. № 6. URL: <http://www.russia-today> (дата обращения: 02.11.2013).

7. Грацианский П. С. Десницкий. — М. : Юрид. лит., 1978.

8. Исаев И. А. История государства и права России : полный курс лекций. 2-е изд. — М. : Юрист, 1994.

9. Казанцев Н. М. Идеология права государству или идеология государства праву? // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 42—50.

10. Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической терминологии. — М. : Наука, 1989.

11. Малько А. В. Экзамен по теории государства и права: 100 ответов на 100 возможных вопросов : учеб.-метод. пособие. — М. : Фирма Гардарика, 1996.

12. Медушевский А. Н. Идея разделения властей: история и современность // *Социологический журнал*. 1994. № 1. URL: http://krotov.info/lib_sec/13_m/med/ushevsky_01.htm (дата обращения: 02.11.2013).

13. Папаригонуло С. В., Покровский С. А. Предисловие // *Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей*. Вторая половина XVIII в. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. С. 3—96.

14. Симонов В. Н. Российская правовая система. — Саратов : Полиграфист, 1994.

15. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. — Екатеринбург, 1993.

16. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: древнерусский период. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956.

17. *Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей*. Вторая половина XVIII века / под ред. С. А. Покровского. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111.1:81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33; 16.01.09

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Н. Г. Юзефович N. G. Yuzefovich
Хабаровск, Россия Khabarovsk, Russia

ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫЙ СУБСТРАТ НОМИНАЦИЙ СЧАСТЬЕ И ТОСКА В РОССИИ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА В СТАТЬЕ ШЕЙЛЫ ФИЦПАТРИК

SHEILA FITZPATRICK ON THE IDEOLOGICAL SUBSTRATUM OF SUCH NAMES OF EMOTIONS AS HAPPINESS AND TOSKA IN PRE-WAR RUSSIA

Аннотация. Анализируется исторический очерк Ш. Фицпатрик, известного слависта, исследователя микроистории, в котором доказывается, что обозначения эмотивных состояний в предвоенной России неизбежно идеологизировались. Идеологизированный субстрат объективируется в контексте дискурсивной практики «маленького человека» (воспоминания, мемуары и пр.).

Abstract. The paper analyzes a historic essay of a well-known scholar Sh. Fitzpatrick, an expert on Stalinist times. Her approach is mainly microhistoric: analyzing a "little person" diaries, memoire, informal discourse the scholar comes to the conclusion that even emotions were under control of Soviet ideology. Thus the names of such emotional states as "happiness", and 'toska' acquired ideological substratum, fore-grounded in the context of informal discourse.

Ключевые слова: идеологизированность; идеологизированный субстрат; эмотивное состояние «счастье»; эмотивное состояние «тоска»; микроистория.

Key words: ideological association; substratum; emotive state 'happiness'; emotive state 'grief' ("toska"); microhistory.

Сведения об авторе: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Среди западных славистов одним из наиболее признанных специалистов по истории России сталинского периода считается Шейла Фицпатрик, которая представляет второе поколение так называемых «историков-ревизионистов» и, по сути, является их лидером.

По убеждению ученого, историю общества можно и нужно изучать «снизу», как историю жизни простого человека (*a "little person"*), а не как «макроисторию», т. е. политический дискурс государственного аппарата. В центре внимания исследовательницы находятся социальные и культурные аспекты советской истории сталинского периода, влияющие на образ жизни и быт простых людей, отражающиеся в их мировоззрении, идентичности.

Такой подход не означает отрицание значимости громаднейшего влияния Советского государства, его идеологии на Россию 1930-х гг., однако исследование «истории общества без политики» как «истории социума» (*social history*) поддержки многих славистов практически не получило. Историографические работы по «микроистории»,

раскрывающие повседневную жизнь «маленького человека», показывают со всей очевидностью влияние идеологии государства в лице «большого человека» на каждого жителя.

«Микроисторический подход» к историографии Ш. Фицпатрик обосновывает в своих фундаментальных исследованиях. Так, во «Введении» к историографии *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* [Fitzpatrick 2000], известной в русском переводе как «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» отмечается: «Существует множество теорий насчет того, как надо писать историю повседневности. Некоторые подразумевают под „повседневностью“ главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения. Другие в первую очередь рассматривают жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Исследователи повседневности в условиях тоталитарных режимов часто сосре-

доточиваются на активном или пассивном сопротивлении режиму, и целый ряд работ о жизни крестьян ставит во главу угла „повседневное сопротивление“, имея в виду те житейские способы, с помощью которых люди, находящиеся в зависимом положении, оказывают неповиновение хозяевам» [Фицпатрик 2008: 7].

Историографические работы Ш. Фицпатрик иллюстрируют значимость антропоцентрической парадигмы для научных исследований: история отражается в языке, языковые явления следует рассматривать «от человека», в социально-историческом контексте, где посредством языка объективируется «национальное сознание». Такое понимание языка связывают в первую очередь с концепцией классика лингвистической науки В. фон Гумбольдта: язык есть «национальное сознание», актуализируемое в «языковых значениях» [Гумбольдт 1984: 314].

В анализируемом очерке «*Happiness and toska: an essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia*» [Fitzpatrick 2004] ученый обращается к воспоминаниям, выступлениям на церемониях награждения, мемуарам простых людей. Она предпринимает попытку доказать, что даже такие личностные эмотивные состояния, как «тоска» и «счастье», переживаются «маленьким человеком» в контексте идеологии Советского государства сталинского периода.

После смерти В. И. Ленина проводилась политика возвеличивания И. В. Сталина, что отражалось в политических лозунгах и клише. Так, прилагательное «советский» в разнообразных словосочетаниях, популярных в официальной риторике, постепенно было вытеснено прилагательным «сталинский». Соответственно постепенно варьировалась и семантика единицы «советский»: понятие «общегосударственный» отошло на задний план, и основным стала реализация значения «сталинский».

Советская власть ставила своей задачей формирование «нового советского человека», человека с коммунистическим мировоззрением. Этим объясняется тот, на первый взгляд странный с позиции современности, факт, что даже многие репрессированные люди считали себя жертвами чьих-то ошибок, о которых Сталину ничего не известно. Они верили в коммунистическую идею и в то, что личное счастье возможно только при социализме, при строительстве коммунизма.

В результате такого идеологического воздействия личные эмоции, чувства, переживания постепенно исчезали, менялась личность «маленького человека», который

стал воспринимать «государственное» как «личное»; при этом «личное» оказывалось возможным только в контексте соответствия идеологии государства.

Постепенно идеологизировались эмотивные состояния, переживания личности, что способствовало формированию идеологизированного субстрата, под которым понимается своего рода «концентрат, сгусток идеологии», актуализируемый в социально-историческом контексте и потенциально свойственный любому семиотическому знаку (гимн, марш, атрибутика и пр.).

Анализ объективации идеологизированного субстрата номинаций эмотивных состояний советского человека сталинского периода — периода возвеличивания И. В. Сталина — дает ключ и к пониманию тех наших современников, которые не желают ни признавать пороков общества того периода, ни обвинять в этом прежних руководителей, власть.

Именно сталинская риторика пронизывала понимание состояния высшего блаженства — *счастья* — в неофициальном общении простых людей предвоенной России. Даже в личных записях, в дневниках, «маленький человек» понимал, что счастье невозможно без социализма: «*Happiness (schast'e) was the name of the emotional state that, according to received Stalinist discourse, socialism was bringing or would bring to each Soviet citizen*». / Счастье — это такое эмоциональное состояние, доступное каждому советскому гражданину при социализме.

Эфемерность такого счастья понимает Ш. Фицпатрик: «*At some future time, it was implied, this emotional state would be universal and permanent*». / «Когда-нибудь, в будущем такое состояние станет всеобщим и постоянно осознаваемым».

У русскоязычного читателя, часть жизни которого связана с советским периодом, процитированная фраза наверняка вызовет в памяти идеологически созвучный популярный лозунг поствоенного периода: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» (завершающая фраза Третьей программы КПСС, 1961 г.).

Ученый подчеркивает в статье, что в сталинский период советским гражданам было сложно в полной мере осознать идеологизированное эмотивное состояние *счастье*: «...happiness as officially construed was hard for Stalinist citizens to express convincingly, for the same reasons as it has always been hard for living, sinful human beings to understand the kind of happiness that Heaven will offer the saved». / «Понять в полной мере, что представляет собой созданное офици-

альным дискурсом понятие „счастье“, было нелегко, равно как осознать нам, простым грешникам, что такое „состояние счастья“, которое ждет всех спасенных на небесах».

В англоязычном контексте содержится аллюзия на песню Армии спасения (Salvation Army) о замечательной жизни в чудесном мире, на небесах: *We will live by and by in that glorious land in the sky.*

Естественно, что осознание идеологически обусловленной замены трактовки понятия «личное счастье» на «счастье в службе государству» возможно только с позиции современности. В предвоенной России понятие «счастье» не связывалось с личным благополучием — это было асоциально и аполитично. Постепенно номинация усиливала свой идеологический потенциал, закрепляя «культурную память» данного периода. «Слово вмещает в себя, накапливает и хранит знания об окружающем нас мире, оно коллективная память носителей языка, „памятник культуры“, зеркало прошлого и настоящего нации, ключ к пониманию уклада, образа жизни соответствующего народа» [Верецагин 1982: 93].

Основой объективации идеологизованного субстрата в слове «счастье» представляется провозглашение принципа коллективизма как антагонистичного индивидуализму — пороку буржуазного общества.

Объективным подтверждением формирования идеологизованного субстрата являются дефиниции в советских лексикографических изданиях, которые нередко носили прескриптивный характер, фиксируя не наивную языковую картину мира, а идеологизованную, основанную на принципах марксизма-ленинизма.

Так, в «Большой советской энциклопедии» в дефиниции слова «счастье» подчеркивалась значимость «борьбы за переустройство общества, за осуществление идеалов коммунизма», что противопоставлялось личному счастью как проявлению эгоизма: «...стремление человека исключительно к личному счастью в отрыве от общественных целей вырождается в эгоизм, который попирает интересы других и морально калечит человеческую личность. Сознательное служение людям, революционная борьба за переустройство общества, за осуществление идеалов коммунизма, за лучшее будущее для всего человечества наполняют жизнь человека тем высшим смыслом и дают то глубокое удовлетворение, которые приносят ему ощущение счастья» [Большая советская энциклопедия 2006].

В постперестроечный период лексикографы получили право отражать в словар-

ных определениях не идеологизированный субстрат, навязываемый «сверху», а наивную языковую картину мира, и ряд идеологизированных ранее дефиниций был изменен.

Например, в «Большом современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой в толковании понятия «счастье» выделено эмотивное состояние личности, его личные чувства, которые не преломляются через призму государственной идеологии: «...состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости. 2. Успех, удача. О состоянии, когда очень хорошо» [Ефремова 2006].

В России сталинского периода такое определение могло быть возможным только при уточнении, что *такое состояние достигается исключительно при социализме.*

Официальная риторика данного периода актуализировала значимость «служению делу коммунизма», манипулируя сознанием простого человека, и в результате «маленький человек» воспринимал состояние радости как личное только в ситуации трудового энтузиазма и т. д. Это не означает, однако, что результатом идеологизации всего общества была «зашоренность» всех граждан страны; сомневающихся и несогласных отпугивали в ГУЛаги.

Идеологизованность номинации «счастье» в русском языке сталинского периода маркируется в анализируемой статье в первую очередь непосредственно на уровне вербального знака.

Описывая эмотивные состояния «маленького человека» в сталинский период, ученый неоднократно использует транслитерацию *schast'e* параллельно со словом *happiness*, выделяя тем самым вариативность семантики номинации «счастье» при ее переводе на английский язык. Англоязычный читатель, не знакомый с реалиями советского периода, воспринимает слово *happiness* как обозначение ощущения удовольствия, радости, удовлетворения:

«Happiness, the state of being happy.

Happy, a feeling or showing pleasure and contentment» [Longman Culture 1998: 600].

Данное толкование, как было отмечено выше, созвучно языковой картине современного русскоязычного мира.

Противоречивость русского человека выражена, как показано в статье Ш. Фицпатрик, в определенном соединении двух, на первый взгляд, антагонистичных эмоций. Ученый отмечает, что анализ эмотивного состояния «счастье» неожиданно показал почти постоянное соединение типичных выражений счастья с эмотивным состоянием

«тоски». Это наблюдение подтверждает выводы лингвистов о субъективности языкового значения, определяемого опытом «взаимодействия в социуме» [Колмогорова 2012].

Сочетание эмотивного состояния «счастье» и эмоции «горе/печаль/тоска» с точки зрения представителя англоязычного мира представляется невозможным, что говорит о разнице мировосприятия контактирующих в данном случае лингвокультур.

Объективация эмоции «тоска» эквивалентным вербальным знаком английского языка не представляется возможной, что понятно уже из заглавия очерка, где используется транслитерация *toska*, которая неоднократно повторяется и в тексте.

Ученый подчеркивает, что риторика официального дискурса не соединяла такие разные понятия, акцент делался на пропаганде счастья, если можно так сказать, — при этом в неофициальном общении «маленький человек» выражал эмотивное состояние счастья, используя в этом же контексте и его антоним — «горе» (*gore, pechal'*): «For Agrippina Korevanova, happiness and sadness were mingled on the great day when her lifetime of hard work was recognized»... / «Счастье и печаль смешались в ощущениях Агриппины Коревановой в тот великий день ее жизни, когда ее упорная работа получила признание»...

Истоки сочетания таких, с точки зрения Ш. Фицпатрик, неоднородных понятий находятся в глубинных пластах русской культуры, что подтверждается паремиями, например: *горя бояться — счастья не видать*.

Как одно из проявлений выражения горя ученый рассматривает состояния, не обусловленные какими-либо событиями, такие как «меланхолия и сильное томление, которое по-русски называется тоска, что близко по смыслу немецкому понятию *Weltschmerz*» («the non-event-related melancholy and yearning that in Russian are called *toska*, close to the German *Weltschmerz*»).

Противоречивость осознания «маленьким человеком» состояния «тоска», как и состояния «счастье», в отдельных социально-исторических контекстах говорит о том, что личные эмоции и переживания полностью не исчезли, не идеологизировались. В статье приведено интересное с этой точки зрения письмо девушки, которую родители заставляют петь в церкви, но она и ее друзья изо всех сил стараются быть настоящими комсомольцами и пионерами, однако церковь так затягивает, особенно пение, — «такая тоска». И девушка обращается к Сталину с просьбой закрыть церкви: «Dear comrade Stalin, be a good father, satisfy our re-

quest, close the church <...> I will say just one thing, going to church, even under compulsion, really sucks you in <*zatiagivaet*>, the singing especially has an effect, so sad and enfeebling». / «Дорогой товарищ Сталин, отец наш справедливый, пожалуйста, выполни нашу просьбу, закрой церковь ... спаси молодежь от этой заразы».

В статье приведено немало примеров осознания счастья в предвоенной России в виде ожидания его в будущем, как предвкусения, но не реальности.

Так, анализируя воспоминания тех, чья молодость пришлось на 1930-е гг., Ш. Фицпатрик отмечает, что для них состояние «счастье» представляло собой реальность в смысле ожидания чудесного счастливого будущего: *...the memoirists describe the experience of present happiness based on a sense that something wonderful was waiting in the future*.

Такое восприятие счастья утверждалось в сознании людей и в последующие периоды: *вся жизнь впереди, надейся и жди*, как поется в популярной советской песне.

Достоверность исследования Ш. Фицпатрик подтверждается ее обращением к разнообразным эмпирическим источникам; ряд положений и выводов иллюстрируется примерами из русской литературы.

В отечественной лингвистической науке известность получили труды Анны Вежбицкой, в которых она сопоставляет культуры посредством лексики, анализируя ключевые слова, в том числе и *грусть* [Вежбицкая 2001: 23—30]. Однако задачу выделения идеологического субстрата данной номинации она не ставит, это возможно только при соединении историографического материала и лингвистики.

Суммируя вышесказанное, отметим, что исследования зарубежных славистов, в частности Ш. Фицпатрик, позволяют нам увидеть и понять «маленького человека» из относительно недавнего прошлого нашей родины. Восприятие внешнего наблюдателя, ученого, взгляд «со стороны» помогает также осознать отдельные точки соприкосновения и расхождения между нашими культурами, что непременно будет способствовать взаимопониманию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. 1970—1977. Версия Lingvo x3. — М., 2006.
2. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова. — М., 1982.

4. Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1984.

5. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. Версия Lingvo x3. — М., 2006.

6. Колмогорова А. В. Языковое значение как синергетическая система // Научное мнение. 2012. № 9. С. 61—67.

7. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. — М. :

Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

8. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. — N. Y. : OUP, 2000.

9. Fitzpatrick Sh. Happiness and *toska*: an essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia // Austral. Journ. of Politics and History. 2004 (Sep). URL: <http://findarticles.com/p/articles>.

10. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Longman, 1998.

УДК 811.111.1:81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

Ш. Фицпатрик S. Fitzpatrick
Чикаго, США Chicago, USA

Пер. с англ. Н. Г. Юзефович

**HAPPINESS AND TOSKA: AN ESSAY IN THE
HISTORY OF EMOTIONS IN PRE-WAR
SOVIET RUSSIA**

**СЧАСТЬЕ И ТОСКА¹:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
О ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ
В ПРЕДВОЕННОЙ РОССИИ
(фрагменты)**

Аннотация. Исторический очерк Ш. Фицпатрик, в котором доказывается, что обозначения эмотивных состояний в предвоенной России неизбежно идеологизировались.

Ключевые слова: идеологизированность; идеологизированный субстрат; эмотивное состояние «счастье»; эмотивное состояние «тоска»; микроистория.

Abstract. The paper analyzes a historic essay of a well-known scholar Sh. Fitzpatrick. Analyzing a "little person" diaries etc comes to the conclusion that even emotions were under control of Soviet ideology.

Key words: ideological association; substratum; emotive state 'happiness'; emotive state 'grief' ("toska"); microhistory.

Сведения об авторе: Фицпатрик Шейла, доктор философии, профессор, почетный профессор имени Бернадотт Е. Шмитт.

Место работы: Чикагский университет, США.

About the author: Fitzpatrick Sheila, D. Phil., Professor, Bernadotte E. Schmitt Distinguished Service Professor Emerita.

Place of employment: The University of Chicago, USA.

Сведения о переводчице: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

About the translator: Yuzefovich Natalia Grigorievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology and Cross-Cultural Communication.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Я не могу точно описать, что именно чувствовали люди в сталинской России. Историк анализирует доступную ему информацию об эмоциях, своего рода эмоциональный репертуар общества, эмотивные состояния, характерные для определенного исторического контекста. Проявление эмоций подчиняется неким правилам, принятым в данном обществе. При этом я не имею в виду выражение эмоций в официальной обстановке, публично, например, патристический энтузиазм. Мое предположение заключается в том, что способы выражения таких личностных эмоциональных переживаний, как горе и стыд, определяются социальными конвенциями даже в тех случаях, когда это происходит не на публике, например в дневниках. Это не значит, что такого рода эмоции не являются подлинными. У эмоций есть свой язык, и этому языку учатся.

Мы смотрим на выражение лица друга, его жесты, движения тела, слушаем, как и что он говорит, видим, как он себя держит,

и таким образом понимаем его эмоциональное состояние. У историка, изучающего эмоции, два пути — прочитать то, что написано в дневниках, письмах и мемуарах и проанализировать языковые особенности, учитывая, как определенные внешние условия влияют на выражение эмоций. Другой путь более сложен, так как требует определенных условий — это наблюдение над тем, как люди проявляют свои эмоциональные состояния в определенной ситуации, при соблюдении ритуалов. Например, коллективный плач как выражение сострадания в ситуации, когда увозили из деревни раскулаченных крестьян, или, напротив, отсутствие плача как эмоционального проявления сострадания в аналогичном контексте. Это выражение горя и нужды в «ритуальных причитаниях», которые представляли собой одну из форм прошения.

Основная задача настоящего очерка заключается в описании эмотивного состояния, точнее двух состояний: «счастье» (hap-

¹ В переводе сохранены случаи транслитерированного написания русских номинаций (приведены в ссылках), что маркирует национально-специфические коннотации и идеологизированность данных лексических единиц, которые практически невозможно передать каким-либо соответствием в английском языке.

piness)¹ и «печаль» (sadness); при этом особое внимание уделяется такому проявлению печали, как «тоска» (*toska*). Это не умаляет значимости других важных эмоций — гнева, страха, стыда, зависти, сострадания, гордости и любви, которые также составляют часть замысла всего предпринимаемого исследования.

Эмотивные состояния, выбранные для анализа, включают широкий спектр проявлений, они представлены в разнообразных формах выражения в официальном и частном общении; при этом они любопытнейшим образом пересекаются.

Исследование сталинского дискурса начинают, как правило, с описания объективации такого эмотивного состояния, как «счастье» (*schast'e*), поскольку, как общеизвестно, в официальном дискурсе эта эмоция занимала особое положение. В официальном дискурсе не встречается его антоним — «горе» (*gore, pechal'*), который, однако, довольно частотен при выражении эмоций в неофициальном дискурсе. Первоначально я даже и не думала рассматривать эмоцию «тоска» (*toska*), однако оказалось, что она тесно связана с наиболее типичными выражениями счастья и сопутствует ему практически везде.

Под эмоциональным состоянием «счастье» (*schast'e*), в соответствии с риторикой сталинского дискурса, понималось такое эмоциональное состояние каждого советского гражданина, которое обеспечивается социализмом, или то, которое будет создано при социализме. При этом имплицировалось, что в некотором скором будущем такое состояние станет универсальным и постоянным. Очевидно, что такое утверждение весьма преувеличено, поскольку — как утверждают психологи (например, Фрейд) и подтверждают самонаблюдения — ощущение позитивного счастья кратковременно; это одно из таких эмоциональных состояний, которое представляет собой самоосознаваемое ощущение («Как я сегодня счастлив!») и которое является предвестником коллапса состояния счастья.

В сталинский период людям сложно было понять в полной мере, что представляет собой понятие «счастье», создаваемое официальным дискурсом, равно как и нам, простым грешникам, непросто осознать, что за «счастье» обещано на небесах всем спасенным.

Трактористка Паша Ангелина (или ее автор-«призрак») попыталась искренне описать собственное ощущение счастья на все-

союзной конференции стахановцев в Кремле в середине 1930-х гг. Во-первых, это состояние казалось нереальным: «Меня будто бы переносили в новый сказочный мир». Однако такое впечатление поспешно исправлено: «Нет, не *словно бы*. Передо мной открылся новый мир счастья и разума».

Совмещение сказочного² образа нового мира и образа мира «разума» кажется довольно странным, но тот фрагмент описания, где Ангелина говорит не столько о переживании счастья в настоящем, сколько о предвосхищении его в будущем, понятен, поскольку речь идет о ее будущих достижениях.

Пусковым механизмом такого переживания является присутствие Сталина; и Ангелина, как представляется, стремится рассказать нам, что лично для нее переживаемое эмоциональное состояние представляет собой нечто более рациональное, чем восторг.

Сначала она утверждает эту мысль, повторяя несколько странную фразу «счастье и разум»: «Именно великий Сталин привел меня в мир счастья и разума».

После рассказа о собственных ощущениях она стала описывать, ярко и образно, как подействовал ее рассказ о собственном эмоциональном состоянии на старую крестьянку неподалеку, естественная искренность выражения эмоций которой (ничего общего с самовнушаемой рациональностью Ангелины) показывает потрясение от услышанного: «Она сбросила головной платок, седые волосы заблестели, глаза засверкали от радостного возбуждения, и она тихонько прошептала сама себе: „О, боже мой, наш Сталин. <...> Ах, люди, дорогие, вот какой он, наш самый дорогой и любимый! Посмотри на наше солнышко, на наше счастье!“»

Крестьянка, соседка Ангелины, находилась в таком возбужденном эмоциональном состоянии, что, казалось, вот-вот заплачет от счастья.

Домохозяйка/активистка Галина Штанг также образно описывает в дневнике свое эмоциональное состояние на выборах Советов в 1937 г. (первые выборы, которые проводились после принятия новой, «сталинской» Конституции): «Я почувствовала какое-то возбуждение в душе, не знаю почему, даже комок в горле был. Возможно, из-за того, что прошлой ночью я спала всего два часа, но скорее всего, потому что мы были самые первые избиратели на самых первых в мире таких выборах».

Счастье и печаль смешались в ощущениях Агриппины Коревановой в тот великий

¹ Happiness (*schast'e*).

² "Fairytale" (*skazochnyi*).

день ее жизни, когда ее упорная работа получила признание: «Когда мне вручили благодарственную грамоту, мои руки задрожали. Я смотрела на грамоту, но все буквы прыгали, и я не смогла прочитать ни слова. Сердце мое было одновременно наполнено как счастьем, так и печалью. Я была счастлива, потому что моя дорогая Советская Власть не забыла мой многолетний тяжелый труд и отметила мой труд, несмотря на то, что я уже больше не работала. Но я также и опечалилась, потому что родилась слишком поздно, зря потратила слишком много энергии, сделала далеко не все, а теперь, когда социалистическое строительство идет полным ходом, уже не могу работать, я превратилась в инвалида, больную женщину. Если бы только мне родиться на двадцать лет раньше! Как много я смогла бы сделать!»

Из мемуаров Коревановой становится понятно, что счастливым человеком она вообще не была: даже при советской власти разочарования и неприятности преследовали ее.

Состояние личного счастья также чуждо и герою романа Андрея Платонова «Счастливая Москва», геометру и городскому архитектору Божко, как следует из описания: «Сегодня Божко, геометр и городской землеустроитель, закончил тщательный план новой жилой улицы, рассчитав места зеленых насаждений, детских площадок и районного стадиона. Он предвкушал близкое будущее и работал с сердцебиением счастья, к себе же самому, как рожденному при капитализме, был равнодушен».

Состояние счастья Божко можно представить как состояние ожидания, предвкушения счастья, однако это скорее интеллектуальное состояние, чем эмотивное.

В воспоминаниях людей, чья молодость пришла на 1930-е гг., состояние счастья также часто описывается как ожидание, предвкушение, но оно иное: мемуаристы описывают личные ощущения состояния счастья в настоящем, но основаны они на ожидании чего-то знаменательного, чудесного, что ждет их в будущем.

Особенно ярко это чувство выражает Владимир Кабо, родившийся в 1925 г. в семье московских интеллигентов: «Никогда не забыть чувства радости от жаркого летнего дня, проведенного в саду рядом с нашим деревянным домом на Красной Горке: солнце, запах хвойной смолы и аромат цветов в знойный, безветренный день; тишина прерывается только жужжанием пчел. Я был еще маленький <родился в 1925>, но воспоминания об этом дне блаженства и полноты жизни останутся со мной навсегда. И позд-

нее, подростком я переживал похожее состояние: теплый майский вечер, московские улицы, полные радостного предвосхищения счастья, которое так близко, кажется, только руку протянуть. С этим чувством предвосхищения близкого счастья я жил, пока мне не исполнилось тринадцать лет».

Большинство именно так вспоминавших свое детство (из тех, кто писал мемуары в период 1970—1990-х гг.), были из семей интеллигенции, семей, которые казались счастливыми. Такое ностальгическое описание идиллического прошлого сопоставимо с эмигрантскими мемуарами, например, набоковским *Speak Memory*, несмотря на отличия во временном пространстве. Часто идиллическое прошлое резко обрывалось 1937 или 1938 г. — арестом одного из родителей, что означало конец детства и наивности, но иногда продолжалось до участия в военных действиях.

Очевидно, что травма чисток и/или войны является частью ностальгии, но однозначно только частью. В основном свою молодость в 1930-х гг. вспоминают дети интеллигенции, которых воспитали пылкими советскими патриотами. При этом, например, престарелые женщины, которых в 1990-х гг. интервьюировали Е. Энгель и Посадская, об этом не вспоминают; большинство этих женщин происходили из семей низших социальных слоев, нередко заклеянных по социальным причинам как выходцы из семей кулаков, священников.

О своей жизни люди нередко рассказывали на официальных торжественных мероприятиях, например на церемонии награждения стахановцев или на собрании по выдвижению кандидата на выборы.

Проводились также мероприятия другого рода — заседания по организации чисток; собрания, целью которых была «самокритика» (*samokritika*), где повествование о собственной жизни служило своего рода средством утверждения советской идентичности. Типичный советский образ жизни означал личный успех, достижение которого стало возможным благодаря революции и советской власти.

«Когда мне было четыре года, умер мой отец, так я стала сиротой. Я работала в поле, жила среди чужих людей, была нищей, и не было в моей прежней жизни ни одного счастливого дня. А сейчас я примерная колхозница² и очень уважаемый в моем районе человек».

¹ *Samokritika*, when telling the life was one way of asserting a Soviet identity.

² An exemplary *kolkhoznitsa*.

«Я была батрачка¹, и мне приходилось много трудиться, но никто меня не уважал за мой труд, ни начальство, ни соседи. Только в колхозе добилась я уважения своим трудом».

Подобные проявления счастья и гордости часто сопровождалось выражением благодарности Сталину и партии. Вот, например, история стахановки, доярки из Башкирии:

«Позвольте мне рассказать о том, кем я была и как я нашла хорошую жизнь. Когда мне было полтора года, умер моей отец, и осталась практически сиротой. Мой брат заботился обо мне, но когда мне исполнилось одиннадцать лет, он умер (в 1922 г.), и я начала работать и батрачила до шестнадцати лет. Против моей воли согласно старому обычаю, который тогда еще имел силу, меня выдали замуж. Прожив с мужем полтора года, я развелась и вступила в колхоз. <Сегодня она доярка, удостоенная наград.> Прежде мы даже и мечтать не могли о такой, как сейчас, жизни. Здесь и сейчас я выступаю перед нашими руководителями в Кремле. Наши родители и предстать ничего подобного не могли. Большое спасибо товарищу Сталину и всей Коммунистической партии за нашу замечательную и счастливую жизнь».

Алексей Стаханов, именем которого названо движение передовиков — «стахановское» — положил начало традиции выражения благодарности в 1935 г., провозгласив: «Именно ему, великому Сталину, обязаны мы всем за счастливую жизнь нашей страны».

В середине 1930-х гг. в прессе часто упоминалось эмоциональное состояние «веселье»² — состояние, родственное счастью, но и явно отличное от него. Такие тенденции связаны с комментарием Сталина в 1935 г. (точнее, его распоряжением) о том, что «жить стало веселее»³, которое без конца повторялось как мантра, указывающая на то, что действительно тяжелые времена первого пятилетнего плана уже в прошлом, а теперь товаров будет в избытке и напряженность спадет.

Веселью способствовали открывающиеся парки культуры и отдыха, в которых проводили карнавалы; однако для измученных заботами советских граждан трудно было организовать «правильное» веселье.

Предписывающие тексты пересекались с текстами другой тональности: в них возни-

кали, например, гастрономическое вождение еды и напитков в парке Горького, описанное «Комсомольской правдой», и жестокость, присущая юмористическим лозунгам карнавала 1935 г. («Смейтесь над теми, кто отстал»).

Горем окрашена история жизни девочки из раскулаченной крестьянской семьи. <Рассказывает о том, что маму исключили из колхоза>: «Мама вернулась домой в слезах: „Как же мы будем теперь жить?“ <...>

Ярким солнечным утром нам пришлось покинуть нашу родную деревню. Никто нас не провожал. Никому мы не были нужны. Взглянув последний раз на наш милый дом, плача и понуриив плечи, пустились мы в путь. Нам отчаянно хотелось вернуться домой.

Трехлетняя сестренка не могла долго идти, и пришлось ее оставить: „Мы рассказали ей, каким путем идти обратно и как найти бабушку. Мой брат Еремей взял ее за руку и немного проводил. Когда он вернулся, вытирая слезы, все мы упали на дорогу и разрыдались“».

Горе могло быть выражено и в письмах к власти, если только автор не обвинял их в своих страданиях. Для таких писем, в сущности, характерен лейтмотив «все мои испытания», особенно при обращении с просьбой, мольбой, сопровождаемой описанием горестного положения автора письма. Такие послания, как правило, писали женщины, но были и исключения: так, после смерти своей жены коммунист, отправленный в глухое место в провинции, написал о своем горе Сталину (попросив в конце письма дать работу в крупном городе):

«Мне так ее не хватает, товарищ Сталин. В глуши, в глубине провинции, вдали от железной дороги я стал очень впечатлительным и нервным. Все это не было бы так ужасно, если бы моя жена была со мной»...

Кроме множества выражений горя в различных контекстах, при описании разного рода событий встречается и выражение эмоциональных состояний, не связанных с какими-либо событиями — меланхолии и сильного томления, которое по-русски называется *тоска*⁴, что близко по смыслу немецкому понятию *Weltschmerz*, хотя, возможно, менее возвышенно. Эмоциональное состояние «тоска» имеет давние корни в России, по крайней мере с девятнадцатого века: тема «лишнего человека» характерна для литературы того периода.

Воплощенная в «лишнем человеке» тоска была эмотивным состоянием интеллигенции (получив образование на Западе, они не

¹ *Batrachka*.

² *Gaiety (vesel'e)*.

³ «*Merrier*» (*veselee*).

⁴ *Yearning (toska)*.

могли служить своему государству, предпочитая иллюзорную службу Народу).

Особенно интересно описывает эмоциональное состояние «тоски» (*toska*) ленинградская комсомолка в письме Сталину; она не указывает свое имя, чтобы не попасть в беду из-за того, что поет в церковном хоре: «Дорогой товарищ Сталин, отец наш справедливый, пожалуйста, выполни нашу просьбу, закрой церковь на набережной Тучкова, на Петроградской стороне. Сделай это в память о Кирове, спаси молодежь от этой заразы».

Автор письма и ее друзья были членами комсомольской или пионерской организации, а родители заставляли их ходить в церковь: «Непременно нужно закрыть церковь. Только одно скажу, и все станет понятно: если ходить в церковь, даже по принуждению, тебя очень затягивает¹, особенно пение, грустное и расслабляющее».

Состояние «счастья» в Советском Союзе было сложнее осознать, чем состояние тоски, так как достижение счастья было проблематичным². Эмотивное состояние «счастье» воспринималось как своего рода гражданский долг, а отсутствие такого состояния могло означать неблагодарность или даже предательство своего благодетеля-государства.

Поскольку было очень трудно достигнуть счастья в настоящем, трудно и осознать такое состояние как постоянное. Официальный дискурс, в котором счастье сочеталось с будущим, способствовал в некоторой степени решению проблемы, но при этом актуализировалась и двойственность: состояние счастья означало также и переживание печали; счастье достигалось в переживании томления, тоске.

Можно было, соответственно, надеяться на личное счастье в будущем, когда-нибудь, что многие люди и делали, как понятно по бурным дискуссиям 1950-х гг. о личной жизни, личности³, личных взаимоотношениях и пр. Так закладывались основы новой проблемы поиска счастья (*Glucksproblem*): достижение постоянного «счастья» в личной жизни представлялось менее осуществимым на практике и более концептуально сложным, чем достижение постоянного коллективного счастья.

Проблема осознания счастья в неразрывной связи с безграничным духовным томлением была успешно решена в пост-сталинский период: эта проблема была представлена как задача разграничения, с одной стороны, личной и общественной сфер, с другой — потребления.

¹ Sucks you in (*zatiagivaet*).

² Фицпатрик называет это по-немецки — «*Glucksproblem*».

³ *Lichnost'*.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Дополнительная специальность: 24.00.00 — Культурология

22.00.00 — Социологические науки

12.00.00 — Юридические науки

23.00.00 — Политология

07.00.00 — Исторические науки и археология

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научно-го цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом не более 300-350 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5-10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»

Кафедра риторики и межкультурной коммуникации
Редакция журнала «Политическая лингвистика»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

С 26 по 28 августа 2014 года Уральский государственный педагогический университет проводит уже традиционную осеннюю международную научную конференцию с элементами научной школы «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления».

Приглашаем принять в ней участие филологов и политологов, социологов и культурологов, историков и психологов, всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

В рамках данной конференции будут обсуждены вопросы следующих тематических блоков:

1. Современные школы политической лингвистики.
2. Политическая метафорология.
3. Межкультурная коммуникация: способы адаптации.
4. Образ России: способы репрезентации.
5. Информационно-психологические войны.
6. Стратегии и тактики воздействия.
7. Экстремистский текст и деструктивная личность.

Материалы конференции будут изданы в виде сборника научных трудов, обладающего ISBN (Международный стандартный книжный номер), УДК, ББК. Материалы конференции будут представлены в Электронной научной библиотеке (РИНЦ), а также размещены в свободном доступе в электронном виде на сайте *politlinguist.ru*.

Сборник трудов будет опубликован до начала конференции.

Лучшие материалы также будут опубликованы в журнале «Политическая лингвистика», входящем в перечень ВАК.

Конференцию планируется провести на базе отдыха в живописных окрестностях Екатеринбурга. Участники конференции без дополнительной оплаты обеспечиваются проживанием в двух-, трехместных номерах. За дополнительную плату возможно проживание в более комфортабельных номерах.

Для участия в конференции необходимо до 20 июля 2014 года прислать по электронному адресу (shinkari@mail.ru) в одном файле (название файла должно состоять из фамилии и инициалов по образцу: ВорошиловаМБ.doc):

- заявку (приложение № 1);
- тезисы выступления (приложение № 2).

Оргкомитет по результатам экспертизы материалов оставляет за собой право решения вопроса о публикации доклада в сборнике материалов конференции.

Приложение 1.

Форма заявки на участие в конференции (оформляется на русском и английском языке)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
2. Ученая степень, ученое звание.
3. Место работы и должность.
4. Почтовый рабочий адрес и электронный адрес, контактный телефон.

Для заочных участников: почтовый адрес для рассылки материалов конференции.

5. Тема выступления.
6. Форма участия: личное участие или стендовый доклад в заочной форме.

Приложение 2. Требования к оформлению тезисов

1. Объем — 4-10 печатных страниц, 12 кегль, полуторный интервал (по 40 строк на странице), поля — 2 см сверху, снизу, справа, слева.
2. Обязательно на русском и английском языках: название статьи, аннотация и ключевые слова.
3. Электронный вариант в формате *Word* или *RTF*.
4. Нежелательны сложные для воспроизведения таблицы, схемы, рисунки и т. п.
5. Оформление списка литературы и сносок (если они требуются) по правилам, принятым в журнале «Политическая лингвистика» (см. сайт *politlinguist.ru*).

Адреса и телефоны для справок:
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 221
тел. 8-922-6128661
e-mail: shinkari@mail.ru
Ворошилова Мария Борисовна

тел. 8-343-3361592
e-mail: ap_chudinov@mail.ru
Чудинов Анатолий Прокопьевич

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2014. ВЫПУСК 1 (47)

Адрес редакции:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.
Подписано в печать 17.03.2014. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 30,0. Усл. печ. л. — 33,8. Тираж 500 экз. Заказ 4335.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru